

Э. ВИНТЕР

ПАПСТВО
и ЦАРИЗМ

EDUARD WINTER

RUßLAND UND DAS PAPSTTUM

Akademie-Verlag-Berlin

1 9 6 1

Э. ВИНТЕР

ПАПСТВО и ЦАРИЗМ

Перевод с немецкого

Р. А. КРЕСТЬЯНИНОВА
и С. М. РАСКИНОЙ

Предисловие и редакция

В. Т. ПАШУТО
и М. М. ШЕЙМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
МОСКВА 1964

Редакция литературы по историческим наукам

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Э. Винтера «Папство и царизм» — примечательное явление в современной историографии. В пояснение — несколько слов об истории изучения русской политики папства.

В истории внешней политики России ее отношения с папством по праву занимают одно из важных мест. На протяжении веков при помощи разнообразных дипломатических и военных средств римская курия пыталась достичь заветной цели — втянуть Россию в орбиту своего политического и идеологического влияния, сделать ее леном «апостольского» престола и кормящейся от него касты — князей церкви.

Многие столетия истинная политика курии оставалась скрытой от глаз общественности России и других стран, где широко популяризировались труды, угодные курии; негодные же попадали в «индекс» запрещенных книг.

Русская дворянско-буржуазная наука в исследовании истории папства была подчинена политическим целям: защите одного из столпов царизма — православия. Папство изучалось в неразрывной связи с такими коренными проблемами внешней политики России, как черноморская и панславянская. Разработка истории страны прямо смыкалась с практическими задачами текущей политики царского правительства. Если «гроб господень» и «права единоверных» служили ширмой царизму в XIX—XX веках, кто же мог усомниться в «святости» внешнеполитических целей далеких предков Николая I или Николая II? Поэтому из трудов таких знатоков церковно-политической истории, как А. К. Муравьев, Д. А. Толстой, Н. И. Каптерев и др., вста-

вал облик «бескорыстного» самодержавия, защищающего «православие» и «народность» от лживых «папеев».

В этих трудах не затрагивались общественные, классовые основы церковно-политической истории католичества и православия, что вполне устраивало идеологов католической историографии: без больших усилий они могли наживать политический капитал на полемике с инакомыслящими, без ущерба для совместной борьбы царизма и папства — против прогрессивных движений в Европе.

Признанным главой католической историографии был выходец из немцев, писавший по-французски, русский иезуит П. Пирлинг. Своими трудами он старался отстоять интересы папства в России, где под властью царей находились населенные католиками земли Польши и Прибалтики, а также населенные униатами территории Украины и Белоруссии. Папство представлено П. Пирлингом в качестве бескорыстного поборника трех идей: во-первых, единства веры, то есть унии; во-вторых, антимусульманства и, наконец, «примирения» между Польшей и Россией. Не трудно понять, что две последние идеи находили горячую поддержку царизма, наступавшего на турецкую Порту и державшего в ярме Польшу. П. Пирлинг и курия рассчитывали, что терпимое отношение царизма к первой идее и должно быть своего рода платой за две другие.

Подтекст трудов П. Пирлинга и его коллег был, следовательно, таков: единство веры и союз с папством — вот ключ к решению важнейших вопросов внешней политики царизма. Так, нередко потребности текущей политики определяют суть творений «отцов» почти святых!

Только марксистская наука обнажила истинную сущность папства, его политики вообще и русской политики в частности. Постепенно сложилось и ныне успешно развивается целое направление марксистской историографии, которое характеризуется творческим сотрудничеством ученых стран социалистического лагеря, передовых ученых всех стран.

Большую работу в этой области ведут польские историки. В работах К. Пиварского, Анд. Новицкого, Т. Мантейфеля, Я. Юркевича и др., в обширном коллек-

тивном труде по истории папства¹, в специальном периодическом издании по истории католической церкви² с научных позиций критически исследуется история и политика папского престола.

В советской литературе ввиду актуальности вопроса создан ряд исследований, главным образом по новой и новейшей истории папства³. В то же время советскими историками написаны и ценные исследования по ранней истории папства⁴, в частности по истории взаимоотношений папства и России⁵.

Марксистская историография по проблемам политики и истории папства включает и исследования прогрессивных историков буржуазных стран, не связанных никакими конфессиональными рамками, запретами и предрассудками. Под натиском науки рушатся старые схемы и теории, за которые так держится католицизм. Лучшие умы, даже из среды теологов, постигая правоту марксизма, отвергают нередко мертвую схоластику религии. Искатели научной истины, такие, как, например, А. Тонди⁶, порывают с церковью и становятся в ряды просветителей.

В новой историографии видное место по праву принадлежит трудам немецкого историка академика Эдуарда Винтера. Свыше сорока лет занимается он изучени-

---

¹ «Szkice z dziejow papiestwa». Редакция проф. К. Пиварского, участвуют Т. Мантейфель, К. Пиварский, Я. Тажбир, А. Новицкий, И. Дуткевич, И. Кoberдова, К. Гжибовский, Я. Юркевич, Варшава, 1958.

² «Studia z dziejow Kosciola katolickiego». Первый выпуск появился в 1960 году в Варшаве.

³ Е. А. Адамов, Дипломатия Ватикана в начальную эпоху империализма, 1887—1900, М., 1931; Е. А. Коровин, Католицизм, как фактор современной мировой политики, М., 1931; И. Р. Григулевич, Ватикан, религия, финансы, политика, М., 1957; М. М. Шейнман, Ватикан и католицизм в конце XIX—начале XX в., М., 1958; его же, Ватикан между двумя мировыми войнами, М., 1948; его же, Ватикан во второй мировой войне, М., 1951 и др.

⁴ См. С. Н. Лозинский, История папства, М., 1961; Д. Е. Михневич, Очерки истории католической реакции (иезуиты), М., 1955; М. А. Заборов, Папство и крестовые походы, М., 1960; Л. Кизя и М. Коваленко, Вековая борьба украинского народа против Ватикана, Киев, 1959 (на укр. яз.) и др.

⁵ Б. Я. Рамм, Папство и Русь в X—XV вв., М.—Л., 1959.

⁶ А. Тонди, Иезуиты, Издательство иностранной литературы, М., 1955.

ем истории папства. Сложным и трудным был его творческий путь. В прошлом видный представитель католической (униатской) историографии¹, Э. Винтер нашел дорогу к марксизму и создал труды высокой научной ценности.

Отвергая свои давние несовершенные исследовательские опыты, Э. Винтер убежденно заявил: «Все запутанные исторические проблемы, казавшиеся неразрешимыми с идеалистических позиций, стали вполне разрешимы, если к ним подойти с точки зрения исторического материализма. Непонятное стало понятным»². И показательно, что буржуазная пресса, особенно католическая, прежде славословившая Э. Винтера, теперь, после его разрыва с идеализмом, обрушивает на ученого злобные проклятия.

Надо ли удивляться тому, что труд Э. Винтера нашел широкий отклик в международной историографии — свыше полусотни рецензий на четырнадцати языках мира. Только обзор этих рецензий мог бы составить интересную страницу истории науки, отражающую острую классовую борьбу, которая бушует в сфере идеологии.

Научная пресса социалистических стран посвятила книге Э. Винтера немало подробных рецензий, в которых по достоинству оценивается этот первый в нашей историографии синтетический труд, опрокинувший лицемерные и ложные схемы П. Пирлинга, А. Амманна и других столпов католического мифотворчества, отмечается просветительское, историко-философское, атеистическое значение исследований этого видного немецкого ученого³.

---

¹ Подробнее о трудах Э. Винтера см.: сборник «Deutsch-slavische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten», Berlin, 1956, S. 1—16.

² E. Winter, Rußland und das Papsttum, Bd. I, Berlin, 1960, S. 10.

³ См. «Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas», Bd. 5, Berlin, 1961, S. 437—449 (В. Кюттлер); «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», H. 3, Berlin, 1961, S. 669—676 (А. М. Сахаров); «Filosoficky Časopis», 5, Praha, 1962, str. 760—765 (Л. Свобода); «Вопросы истории», № 7, 1962, стр. 162—174 (В. А. Голобуцкий); «Наука и религия», в № 12, 1960, стр. 90 (М. М. Шейнман); «История СССР», № 1, 1961, стр. 216—221 (В. Т. Пашуто).

Зато какой недоброжелательностью проникнуты отзывы буржуазных критиков. Нужно знать, что среди поборников «холодной войны» находится немало церковных организаций, в том числе католических и евангелических. Свою «неотложную задачу» они видят в заблаговременной подготовке церкви «ко дню икс», когда «господь», наконец, дарует им «открытую дверь на Восток». Впрочем, среди этих критиков нет полного единства мнений. Если отцы-иезуиты (О. Одложилик, Г. Вольтер и др.) в духе своей догмы избегают неблагоприятной для них полемики, заменяя ее шельмованием автора как «главного теолога» ГДР¹, то другие (М. Шефтель, Н. Андреев и иже с ними) упирают на партийную пристрастность Э. Винтера, на предвзятость его положения о религиозной и политической враждебности папства русскому народу, предвзятость, заставляющую-де автора читать между строк². Между прочим, одна из сильных сторон книги Э. Винтера как раз и состоит в том, что он, отлично зная закулисную сторону католической дипломатии, умеет расшифровывать ее приправленный лампадным маслом истинный смысл. Вместе с этими критиками сетуют и евангелисты: автор якобы в угоду историческому материализму «все светлое перенес на Россию»³.

Но книга говорит сама за себя, и все эти рецензенты с неохотой признают, что она найдет путь к читателю. Даже в западногерманской прессе появились отзывы, авторы которых, открещиваясь от «поверхностного антикоммунизма», подчеркивают, что книга Э. Винтера наносит удар по традиционной европоцентристской историографии, склонной умалять роль России на этом континенте⁴.

---

¹ «Journal of Central European Affairs», Colorado, USA, t. 21, 1961, p. 87—88 (О. Одложилик); см. *ibid.*, t. 22, 1962, p. 101—103 (О. Галецкий); «Scholastik», Freiburg i. Br., H. 3, 1962, S. 438—440 (Г. Вольтер); «Gregorianum», t. 42, Roma, 1961, p. 353—354 (Б. Шнейдер).

² «Slavic Review», t. 21, 1, 1962, p. 160—161 (М. Шефтель); «The Slavonic and East European Review», t. 41, London, 1962, № 96, p. 266—269 (Н. Андреев).

³ «Evangelische Unterweisung», H. 10/11, Dortmund, 1962, S. 153—155 (Г. Г. Блотх).

⁴ «Zeitschrift für Ostforschung», H. 2, Marburg, Lahn, 1962, S. 346—351 (Э. Лемберг).

Поддержка социальной и национальной борьбы народов за свободу против папства и его союзников, в защиту которой выступает Э. Винтер,— вот рубеж, решительно разделяющий рецензентов его книги.

Чем вызван весь этот шум вокруг его книги? Разумеется, не только тем, что Э. Винтер разочаровался в догматах веры...

Он вызван книгой, ниспровергающей веками созданную концепцию истории политики папства в Европе. Эта книга — очерк истории политики курии за несколько столетий, очерк истории ее идеологической и политической агрессии.

Автор дает возможность читателю проследить извилистый путь папской политики, начиная с эпохи Возрождения и вплоть до очистительной бури Октября. Он раскрывает перед нами творчески синтезированный материал обширной литературы и источников, включая вновь добытые сведения из хранилищ Германии, Австрии, СССР. А источников сохранилось великое множество. Активная политика папской дипломатии породила огромное число драгоценных для русской истории документов — грамот, донесений послов и т. п.

Исподволь, но неуклонно, сохраняя выдержку при неудачах и провалах, Ватикан плел свою паутину.

Под личиной насаждения «истинной веры» среди русских, «защиты» от них католиков, совместного наступления христиан на «безбожников» мусульман, под лозунгами кровавых крестовых походов и просвещенного Возрождения, утонченного униатства и мрачной контрреформации курия всегда оставалась вселенской корпорацией феодалов, ростовщиков, буржуазных дельцов, воинствующим врагом народов России. Курия последовательно использовала против России агрессивную политику феодалов Польши и Швеции, Турции и Австрии; она привлекала к антирусской деятельности самых квалифицированных агентов своей дипломатии и разведки, вроде А. Поссевино. В этом свете курия предстает как серьезное внешнеполитическое препятствие воссоединению земель Великороссии, Белоруссии и Украины в одном государстве. Ее разрушительная работа отмечена Флорентийской (1439) и Брестской (1596) униями. Последняя — результат «целительного поражения» России в Ливонской войне, плод конфлик-

та славянских народов, пожатый курией. В планах папства Брестская уния — шаг к униатству всей России, в дальнейшем — объект политических спекуляций и торга с царизмом за совокупность прав и привилегий курии в Российской империи.

За долгие столетия осуществления своей восточной политики курия, добиваясь главной цели — подчинения России, не раз меняла и предавала своих союзников. Автор бесспорно устанавливает, что папство, внешне цепляясь за старую идею крестовых походов, направленных против Турции, одновременно искало путей сговора с турецким правительством, то есть применяло тактику, ранее испробованную в отношении монгольских ханов — властителей Сарая, Тавриза, Каракорума, Пекина (Ханбалыка).

Курия носилась с планами противопоставить Россию если не Польше, то Турции, если не Турции, то Габсбургам, не Габсбургам — так реформации. Цитируемая автором работа Г. Пфедферманна о папско-турецких соглашениях лишь убеждает в осмотрительности московского правительства, которое само использовало папство для получения доступа на итальянские рынки.

Господство иезуитов в Кремле во время кратковременного правления Лжедмитрия — апогей успехов курии. В перипетиях иноземной интервенции в России начала XVII века пусть ненадолго, но зато полностью вырисовывается иезуитская политика курии в отношении самозванцев, политика сознательного обмана, перехода от тайной агрессии к явной.

В книге хорошо показаны исторические условия, сложившиеся после краха интервенции, понудившие курию искать другие формы проникновения в Россию, привлекая для этого вместо ярых врагов славянства новых людей, католиков-славянофилов типа Ю. Крижанича. Этот выдающийся деятель — сам, если угодно, свидетельство идейного кризиса папства периода контрреформации. Впрочем, для окончательного суждения было бы важно выяснить, какова была его деятельность по возвращении из России в распоряжение ватиканской конгрегации «Пропаганда веры».

Со времени петровских преобразований у курии возродилась надежда на успех в России. Приток ино-

странцев в Петербург, увеличение числа униатских, католических и протестантских подданных Российской империи, расширение дипломатических связей — все это сулило курии новые возможности проникновения ее клевретов если не в царские покои, то в салоны и гостиные русской знати.

Курия старалась не напрасно... Близилась буржуазная эра. Крестьянские войны породили просветительское свободомыслие в России. 1789 год потряс курию и вселил ужас в сердца монархов России. Единство классовых целей двух реакционных сил — царизма и папства — делалось с каждым днем очевидней. Налаживанию контрреволюционного союза были подчинены теперь старые разногласия. Впрочем, силы были не равны. Царизм чувствовал себя еще прочно и сумел отодвинуть самонадеянное папство на второй план в своей внешней политике; как фактор внутривластический российские монархи оценивали папство в той мере, в какой оно сумело доказать свою пригодность для борьбы с национально-освободительным, революционным движением в западных «окраинах» империи.

Пытаясь достигнуть своих новых целей, курия, не моргнув глазом, благословила разделы Польши и, едва там блеснули зарницы революции, предала страну, другом которой прикидывалась многие века. Курия издавна славилась между собой правительства Польши и России, длительное время без промаха используя успехи и неудачи польских феодалов. П. Пирлинг в свое время много писал о том, что Польша мешала-де налаживанию связей между Римом и Москвой. Э. Винтер полностью опроверг его утверждения.

С накипью французской реакционной эмиграции, с лишенными родины и чести иезуитами связала курия свою конечную ставку на подчинение русских царей. Пий VI и фанатичный Павел I — последний взлет, последний успех папского авантюризма. Но история не терпит авантур; ее закономерное развитие неуклонно подтачивало силу папства, предопределило его упадок. Э. Винтеру удалось, отыскивая в своем изложении истории новые краски, показать, как цари долго водили за нос пап, заинтересованных в их помощи.

Развитие революционного движения поставило наконец отношения между царями и папами на деловую

почву сотрудничества против него. Так появился закон 13 ноября 1801 года о новом статусе католической церкви в России, основные положения которого фактически действовали до свержения царизма в 1917 году. Указанное сотрудничество оказалось достаточной базой для Священного союза против революционного движения в России и в других странах Европы. Изгнание иезуитов из России выглядело сущей мелочью в предвидении контрреволюционного конкордата царизма и папства.

Будущим исследователям предстоит установить, в какой мере настойчивая до одержимости восточная политика курии была связана и с ее экономическими интересами, с пополнением ее камеральных доходов.

Как показывает Э. Винтер, со второй половины XIX века папство в своих отношениях с Россией стремится заручиться поддержкой царизма, играя на его страхе перед революцией и социалистическим рабочим движением. Римская курия не менее царизма была враждебна революционному движению народов. Курия хорошо знала по себе, что в конечном счете революционное движение в Италии покончило со средневековым папским государством и светской властью папы. На общей платформе вражды к социализму и революционному движению трудящихся сложилось сотрудничество российского царизма и папства. В годы, когда еще не сформировались две противостоявшие друг другу коалиции держав, Лев XIII выступал с идеей союза трех императоров (России, Германии и Австро-Венгрии) с папством для противодействия революции в Европе.

В то же время, как уже говорилось выше, папство преследовало и свои специфические цели: насаждение католицизма в России (давняя мечта папского престола) и решение в свою пользу «римского вопроса», возникшего во второй половине XIX века в связи с объединением Италии и ликвидацией светской власти папы.

Для решения этих задач папство вело сложную игру, то ориентируясь на франко-русский союз, то — начиная с XX века — на кайзеровскую Германию.

В своих донесениях из Рима в годы первой мировой войны поверенный в делах России при Ватикане Н. Бок отмечал наличие сильных прогерманских влия-

ний в курии и указывал, что «русская опасность» составляет главную заботу ряда руководящих деятелей Ватикана.

Правда, тот же Н. Бок в своих воспоминаниях, вышедших в 1962 году в издании католического Фордамского университета в Нью-Йорке, пишет, что, проведя всю войну в Риме, он убедился, что папа и Ватикан «не могли быть односторонними», а «должны были быть над конфликтом»¹. Однако воспоминания писал не дипломат Н. Бок, а Н. Бок — католический священник и член иезуитского ордена. В католичество он перешел, находясь в эмиграции, после революции 1917 года в России. Теперь он, служа новому хозяину, занялся обелением политики папства, противореча тому, что писал в своих донесениях в Петербург в 1916—1917 годах.

С победой Февральской революции и для Ватикана создалась новая обстановка. С одной стороны, здесь надеялись, что с падением царизма будут подорваны позиции православной церкви, а это откроет широкое поле деятельности для Ватикана в осуществлении его давних целей насаждения католицизма в России. «Как-никак, — писал Н. Бок 17 июля 1917 года министру иностранных дел Временного правительства Терещенко, — но на Россию Ватикан никогда не перестанет смотреть как на тучную ниву, которая может дать ему когда-нибудь обильную жатву»². Вот почему, как писал ранее тот же Бок, сообщение о революции в России вызвало в Ватикане «чувство эгоистической радости за интересы католической церкви»; здесь считали, что падение царизма означает «открытие новой эры свободы католичества в России»³.

Но одновременно с радостью в Ватикане (как и в правящих кругах стран Европы и Америки) испытывали и тревогу по поводу того, что революция может не остановиться на свержении монархии, что она развернется вширь и вглубь. Н. Бок в донесении от 31 марта 1917 года сообщал, что «второе чувство», которое он отметил в Ватикане, это «чувство опасе-

---

¹ Иеромонах Н. Бок, Россия и Ватикан накануне революции, Нью-Йорк, 1962, стр. 64.

² Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 122, л. 60.

³ Там же, д. 122, л. 24.

ния за крайность нашего движения», что в Ватикане сравнивают русскую революцию с французской и опасаются, «как бы наша революция не уподобилась бы впоследствии французской — и не увлекла бы за собою и другие страны»¹.

В Ватикане старались не упустить время и для сбора жатвы с «тучной нивы» в интересах католицизма.

Интенсивную деятельность после Февральской революции 1917 года развернул в России митрополит Шептицкий, имевший полномочия папского престола. Лучшей характеристикой отношения Ватикана к русской революции является то, что после Октября 1917 года Ватикан оказался в одном лагере с белогвардейцами и интервентами.

История отношения Ватикана к Октябрьской революции еще не написана. Она ждет своего исследователя. Э. Винтер доводит свой труд только до Октября 1917 года, уделив во второй его части особенно большое внимание ватиканской политике по отношению к России с конца XIX века до 1917 года, то есть в период империализма.

В советской литературе дипломатии Ватикана в период империализма, и особенно его отношениям с Россией, посвящены исследование и публикации Е. А. Адамова «Дипломатия Ватикана в начальную эпоху империализма». Е. Адамов впервые опубликовал архивные материалы — донесения царских дипломатов при Ватикане с 1887 года до конца XIX века. Материалы, опубликованные Е. Адамовым и другими советскими историками, Э. Винтер пополнил документами из немецких и австрийских архивов. Антирусская политика папского престола вплоть до 1917 года раскрыта им убедительно.

Критикуя курию, Э. Винтер показал, что нет оснований для идеализации как царизма, так и его союзника — православной церкви. Православная церковная организация была не менее реакционна; она освящала феодально-колониальный и контрреволюционный разбой царизма, его борьбу с социалистическим рабочим движением.

---

¹ Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 122, л. 25.

Труд Э. Винтера — крупное исследование по истории международных отношений. В Германии он вышел в двух томах. В связи с тем что вопросы общей истории СССР, которым в этом двухтомнике уделено много места, уже известны советскому читателю, автор подготовил для русского издания настоящий сокращенный вариант своего труда. Его с интересом прочтут не только те, кто ведет борьбу с зарубежными фальсификаторами истории, но и все, кого интересует прошлое нашей Родины. Издание этой книги — результат крепнущих творческих связей между учеными СССР и ГДР, между нашими народами, зримое свидетельство нового торжества светлых идей коммунизма.

*В. Пашуто.
М. Шейнман.*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Обширный двухтомный труд «Россия и папство» представляет собой исследование, посвященное важной теме всемирно-исторического значения. Книга эта — труд целой жизни. В последующих сочинениях автор ставит своей целью сделать выводы этого исследования достоянием более широких кругов. Это особенно важно потому, что тема необычайно актуальна в научном и политическом отношении.

Тщательное изучение вопроса показало, что в основе взаимоотношений России и папства, безусловно, лежит стремление пап вовлечь царей в орбиту своего влияния. Они то и дело предпринимали попытки при помощи русского самодержавия подчинить папству православную церковь, а народы России включить в сферу своего господства. За этими устремлениями пап стояли то одни, то другие группировки западных держав, которые через папство пытались укрепить свои позиции в Восточной Европе. Папы одобряли их усилия, а иногда — по крайней мере объективно — действовали в их интересах. В образовании группировок держав роль папства всегда ясно прослеживается, хотя трудно иногда определить, кто с кем вел борьбу.

Грандиозности папского замысла включить Россию в сферу своего влияния вполне соответствовало и упорство, с которым папы стремились осуществить свои попытки. Каждый из пап смотрел на эту задачу по-своему: одни считали ее весьма настоятельной, другие — менее важной. Изучение всех стадий этой изменчивой политики, для которой характерна тем не менее одна, постоянная линия развития, и является предметом сокращенного издания книги «Папство и царизм». Новое

заглавие книги и указывает на то, что издание превратилось в конце концов в самостоятельное сочинение. Тому, кто захочет заняться изучением этой темы основательнее, не миновать ознакомления с названным двухтомным трудом. Тот же, кто желает лишь получить ориентировку в главных вопросах сумеет найти в предлагаемой книге необходимые разъяснения. Научную ценность книги не умаляет то, что она начинается лишь с XV века, зато актуальность ее от этого значительно возрастает. Периоду до XV века посвящена книга на русском языке Б. Я. Рамма «Папство и Русь», которая служит как бы введением в проблематику вопроса. Нам, таким образом, предстоит дать очерк истории отношений папства и русского самодержавия до свержения Николая II в феврале 1917 года. Весь труд должен быть завершен книгой «Победа социализма и Ватикан».

ВВЕДЕНИЕ

Существовало немало попыток осветить хотя бы частично эту важную проблему всемирной истории. Начиная с прошлого века исследователи, принадлежащие к различным направлениям, стремились изложить свои взгляды на важнейшие вопросы, касающиеся взаимоотношений России и папства. В эпоху Реставрации*, в первой половине XIX века проблема эта считалась особенно актуальной, поскольку царизм и папство выступали совместно против всех освободительных политических движений в Европе. Однако, как ни стремилась царская Россия в те или иные периоды действовать заодно с папством — главной идеологической силой европейской реакции, — полного единства между ними не было. Претензии папы на роль признанного духовного руководителя не только Запада, но всей Европы не могли не наталкиваться на противодействие восточнославянских народов. Жозеф де Местр, представитель крайне реакционного папского направления, с 1803 по 1817 год подвизавшийся в Петербурге в качестве посла Сардинии, настойчиво рекомендовал царизму папство как наилучшее идеологическое оружие, могущее удержать в повиновении народы России. Иезуиты, чувствовавшие себя в то время в царской России как дома, также предлагали свое содействие. Однако в конце концов в России и тогда одержало верх мнение, что русская православная церковь вполне отвечает задачам утверждения в стране идеологии само-

---

* Термин «реставрация» автор толкует очень широко и пользуется им применительно ко всем реакционным течениям начиная с XVI века — *Прим. ред.*

держания. Тем не менее громадное значение папства для торжества европейской реакции не отрицал никто. Поэтому понятно, что в обстановке борьбы мнений, которую мы подробно исследуем в соответствующей главе книги, всемирно-историческая проблема «Папство и царизм» оказалась в центре внимания историков.

Вскоре вслед за Ж. де Местром¹ стремлению папства к руководящей роли в духовной области уделили пристальное внимание и Фридрих Шлегель² и И. Ф. Г. Шлоссер³ из католического лагеря. После того как А. Стурдза затронул эту тему с позиций православия⁴, Франц фон Баадер⁵ предпринял попытку примирить все эти взгляды. Остроумный журналист Ж. Ф. Фаллмерайер⁶ занялся изучением этого вопроса и особенно периодом до мартовской революции 1848 года в Германии; ряд работ посвятил этой теме и А. Тейнер. В своей книге о положении католической церкви в Польше и России⁷. А. Тейнер утверждает, что «Россия в самом прямом смысле слова является вассалом святого престола». Он ссылается при этом на какой-то эпизод из истории сношений папства с Россией при Григории VII. Этот факт затем использовал А. Ф. Гфрёрер в своей обширной биографии Григория VII. Для него русское государство — «колония Германии», которой недостает только подчинения римской церкви⁸. Теория Гфрёрера — опасная, дезориентирующая читателя смесь

---

¹ J. de Maistre, *Du Pape*, vol. I—II, Lyon — Paris, 1819.

² Предисловие к книге: H. J. Schmitt, *Harmonie der morgenländischen mit der abendländischen Kirche*, Wien, 1824; его же, *Kritische Geschichte der neugriechischen und der russischen Kirche*, Mainz, 1840.

³ J. F. H. Schlosser, *Die morgenländische orthodoxe Kirche Rußlands und das europäische Abendland*, Heidelberg, 1845.

⁴ A. Sturdza, *Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe*, Weimar, 1816.

⁵ Fr. v. Baader, *Der morgenländische und abendländische Katholizismus mehr in seinen inneren wesentlichen als in seinen äußeren Verhältnissen dargestellt*, Stuttgart, 1841.

⁶ J. Ph. Fallmerayer, *Gesammelte Werke*, Bd. II, Leipzig, 1861, S. 43—111.

⁷ A. Theiner, *Die neuesten Zustände der katholischen Kirche beider Ritus in Polen und Rußland seit Katharina II bis auf unsere Tage*, Augsburg, 1841, S. 24.

⁸ A. Fr. Gfrörer, *Papst Gregorius VII und sein Zeitalter*, Bd. II, Schaffhausen, 1859, S. 527.

клерикализма и националистического зазнайства, подобного тому, какое вновь грозит нам сегодня¹.

Высказывания П. Чаадаева также свидетельствуют о том, что в споре западников и славянофилов в России в 30—50-х годах XIX века вопрос о присоединении к Риму играл не последнюю роль. В Париже обосновалась целая колония русских эмигрантов — католиков. Некоторые из этих эмигрантов, особенно принадлежавшие к знати, вступили даже в орден иезуитов. Иван Гагарин, например, пожертвовал все свое состояние на создание в Париже специальной «Славянской библиотеки» и на публикацию многочисленных сочинений, пропагандирующих унию русской православной и католической церковей. Для А. Герцена характер этого направления оставался загадкой, и, чтобы ознакомиться с его истоками, он посетил в Лондоне В. Печерина, вступившего в орден редemptористов. Революционер-демократ Герцен вообще не понимал, как можно ради избавления от одного вида тирании, от царизма, становиться под власть еще более жестокой тирании — папства².

Обер-прокурор святейшего синода русской православной церкви Д. Толстой³ в своей двухтомной работе серьезнейшим образом предостерегал против Рима всех, кто принимал участие в полемике, касающейся идеологического обоснования самодержавия в России. Но его работа носила апологетический характер и страдала всеми недостатками подобного рода сочинений. К тому же она целиком была пропитана духом реакционного царизма.

В связи с польским восстанием 1863 года вопрос о церковной унии опять оказался в центре внимания. А. Тейнер, преследуя определенную цель — опровергнуть книгу Толстого, опубликовал целую серию доку-

---

¹ См., например, произнесенные в 1955 году речи на тысячелетнем юбилее битвы при Лехе у Аугсбурга, а также политический еженедельник «Рейнский курьер».

² А. И. Герцен, *Былое и думы*, Собрание сочинений в тридцати томах, т. XI, М., 1957, стр. 391 и сл.

³ D. A. Tolstoj, *Le Catholicisme romain en Russie*, vol. I—II, Paris, 1863—1864 (Д. А. Толстой, *Римский католицизм в России*, т. I—II, СПб., 1876).

ментов, на которые нам еще придется ссылаться ниже. Споры вокруг этих публикаций, а также относительно разделения церквей и церковной унии не затихали ни на минуту. Интерес к ним еще возрос в связи с провозглашением зловещего тезиса о непогрешимости папы. А. Пихлер выступил против крайних папистских рассуждений Тейнера и Гфрёрера, доказывая, что разделение церквей было вызвано прежде всего неукротимым властолюбием папства¹.

В 1872 году ученик Ф. фон Баадера Гоффман переиздал антипапистские сочинения этого автора, написанные в конце 30-х — начале 40-х годов XIX века.

С другой стороны, историк церкви, а позднее кардинал И. Хергенротер в своей трехтомной биографии патриарха Фотия² постарался возложить вину за раскол на восточную церковь, осветив события целиком в духе апологии папства.

Для характеристики прагматического метода исследования истории, которого придерживаются иезуиты, очень типично письмо этого преданного ордену ученика иезуитов. Еще за десять лет до появления биографии Фотия Хергенротер писал своему духовному отцу, иезуиту П. Юберу: «Это произведение (имеется в виду задуманная биография Фотия) должно отчетливо показывать, к чему ведет непослушание апостольскому престолу...»³

Книга Д. Толстого о католицизме в России заставила Павла Пирлинга, русского выходца из немцев, писавшего по-французски, более основательно заняться этой темой⁴. Пирлинг, в ранней юности вступивший в орден иезуитов, поставил целью своей жизни исследование истории взаимоотношений России с папством.

---

¹ A. Pichler, *Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen Orient und Okcident*, Bd. I—II, München, 1864—1865.

² J. Hergenroether, *Photius, Patriarch von Konstantinopel*, Bd. I—III, Regensburg, 1867—1869.

³ См. письмо Хергенротера от 5.IV.1858 г., напечатанное в книге: W. Drammer, *Der Werdegang von Hergenroethers «Photius»*. In: *OChP*, Bd. VIII (1941), S. 76—77.

⁴ См. некролог редакции в журнале «*Civiltà cattolica*», 1922, стр. 313—315, а также посвященную П. Пирлингу статью Е. Шмурло, там же, стр. 316—327.

В течение 1872—1876 годов он благодаря своим выдающимся лингвистическим способностям и знанию России занимал должность ассистента секретаря генеральной конгрегации ордена.

В 1876 году Пирлинг приехал в Париж, где намеревался сотрудничать и в издании серии («Творения святых Кирилла и Мефодия»), начатой в 1855 году русскими членами ордена иезуитов. В основанной князем Гагариным «Славянской библиотеке» Пирлинг нашел всю относящуюся к этой теме литературу и источники, необходимые для осуществления его грандиозного замысла. Собственный журнал «*Revue des études religieuses*», так же как и издававшаяся им серия документов¹, дали ему блестящую возможность публиковать свои сочинения. После так называемой «славянской» энциклики Льва XIII «*Grande munus*» от 30 сентября 1880 года и в результате огромных усилий, приложенных этим папой для возобновления союза с Россией, работы, публикуемые этим кружком русских иезуитов, приобрели почти официальный характер.

В 1901 году в связи с осложнениями, возникшими в отношениях между церковью и государством, Пирлинг вынужден был уехать из Парижа в Брюссель. Но этот отъезд, так же как и смерть Льва XIII в 1903 году, не прервал его деятельности, хотя расцвет его творчества как писателя к этому времени уже миновал. Только при Бенедикте XV, и особенно после Октябрьской революции, Пирлинг вновь стал советником курии по делам России. Его деятельность в известной мере отражала чаяния русской белоэмиграции. В 1922 году этот, родившийся в 1840 году в Петербурге, исследователь отношений России с Ватиканом умер. Продолжателю его дела, иезуиту А. Буду², не хватало блестящего таланта, каким, несомненно, обладал Пирлинг; он унаследовал лишь откровенно апологетическое отношение своего учителя к папству.

Петербургская Академия наук целью своей исследовательской деятельности также считала выяснение

---

¹ Bibliothèque Slave Elzévierienne, Paris, 1879 et suiv.

² A. Boudou, *Le Saint-Siège et la Russie*, vol. I—II, Paris, 1922—1925.

истории отношений России и папства, особенно в связи с усилиями Льва XIII добиться сближения Ватикана с царской Россией. Изучение документов, относящихся к этому вопросу, было поручено русскому историку Е. Ф. Шмурло¹, родившемуся в 1854 году. Вскоре тот поставил своей главной задачей изучение документов итальянских и других западноевропейских архивов по русской истории, и прежде всего истории отношений папства и России. Незадолго до этого открытый для изучения, Ватиканский архив представлял собой сокровищницу документов по истории интересующей нас проблемы. Поскольку Ватикан стремился к установлению дружественных отношений с царской Россией, архив был предоставлен в полное распоряжение Шмурло. Немалое содействие ему оказал русский поверенный в делах при папском престоле Извольский. Став в 1891 году профессором в Дерпте, Шмурло ежегодно проводил более или менее длительное время в Риме и других городах Италии. Начиная с 1892 года он публикует отчеты о своих исследованиях². В 1903 году Шмурло в качестве постоянного представителя Российской Академии наук на долгое время обосновался в Риме. Там его и застигло известие об Октябрьской революции. Постоянное общение с историками католического направления, и прежде всего растущие дружеские связи с иезуитом Пирлингом, все больше склоняли его к прокатолической точке зрения на изучаемую проблему, хотя он до конца жизни и оставался верен православию. Осуществить широко задуманное исследование этой проблемы на основе собранных им источников он не смог, вероятно, вследствие внутреннего разлада, вызванного невозможностью примирить православную и католическую точки зрения на эту проблему, а также и вследствие своих твердо установившихся реакционных убеждений. Более всего помешало ему написать капитальный труд, для которого он тридцать лет соби-

---

¹ В. Саханев, Е. Шмурло. «Записки русского исторического общества», т. III, Прага, 1937, стр. 27—29. Библиография трудов Шмурло там же, стр. 137—161.

² См. «Россия и Италия», Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией, т. I—IV, СПб.—Л., 1907—1927

рал материал, его отрицательное отношение к Великой Октябрьской социалистической революции. Насколько сблизился он с окружением папской курии, лучше всего показывает написанный им в 1922 году некролог на смерть иезуита Пирлинга, с которым его, разумеется, связывала сердечная дружба¹. Их близость, конечно, возросла благодаря одинаково отрицательному отношению к Советскому Союзу. Пирлинг дожил еще до основания папского Института Востока (*Pontificium institutum orientalium studiorum*) и коллегии «Руссикум» (*Collegium russicum*), в организации которых он принимал немалое участие.

После Великой Октябрьской социалистической революции Рим стал папским центром изучения стран Восточной Европы. Была основана целая школа, объединяющая множество очень способных сотрудников. В этой школе должны были не только готовить для России миссионеров, но и вырабатывать научные обоснования их деятельности, так как казалось, что час вторжения в Россию пробил. Прежде всего была предпринята попытка обработать в духе католической пропаганды русских эмигрантов. Рим стал одним из центров, а может даже главным центром антисоветской пропаганды.

Папский Институт Востока занимается, кроме Восточной и Юго-Восточной Европы, также и Ближним Востоком, однако в центре его интересов, как свидетельствует библиотека этого института, оказалась Россия. Насчитывающая 80 000 томов библиотека института позволяет заняться изучением не только роли православной церкви у восточнославянских народов, но и, что особенно важно, отношениями между папами и русским самодержавием. Этой проблеме посвящен журнал с довольно широким кругом вопросов «*Orientalia christiana periodica*», а также серия «*Orientalia christiana analecta*», насчитывающая уже 153 тома. Не удивительно поэтому, что иезуит А. М. Амманн так быстро, один за другим, издал свои обширные труды по истории отношений папства и восточнославянских народов. Он опирался при этом на материалы богатейшей библиотеки при папском Институте Востока и пользовался

---

¹ См. «*Civiltà cattolica*», 1922, p. 316—327.

помощью многочисленных его сотрудников¹. Серия трудов «*Orientalia christiana analecta*» и журнал «*Orientalia christiana periodica*» являются лучшим свидетельством того, с каким рвением этот папский Институт Востока занимается изучением многовековой истории русско-римских отношений. Огромный аппарат используется, чтобы оказать влияние на восточнославянские народы и на православную церковь во имя осуществления вековых замыслов папства о мировом могуществе.

Насколько велик среди католиков всего мира интерес к истории отношений пап и царей, можно судить по книге монахини Мэри Джаст², вышедшей в 1954 году в Соединенных Штатах Америки и посвященной царской России и папству. Для тех, кто подходит к изучаемой нами проблеме с позиции Малой Европы, характерны парадоксальные суждения французского католика Ж. де Рейнолда³.

Но до сути проблемы ни один из этих католических трудов не добирается, несмотря на все старания их авторов. Во всех подобных сочинениях связи папства и царизма изучаются очень узко, только с точки зрения западноевропейских держав, папский же Рим рассматривают как главу католической церкви и единственный источник спасения. Прагматический и апологетический метод с его идеалистическо-клерикальной концепцией, характерный для исторических трудов католического направления вообще и историков из лагеря иезуитов в особенности, препятствует проникновению в сущность исторических процессов. Не удивительно, что историки этого направления совершенно игнорируют нежелание широких масс восточнославянских народов оказаться под игом феодально-клерикальной клики. Не-

---

¹ A. M. A m m a n n, Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbalticum bis zum Tode Alexander Newskis, OChA, Bd. 105, Rom, 1938; его же, Storia della chiesa russa e dei paesi limitrofi, Torino, 1948; немецкое издание: Abriß der ostslawischen Kirchengeschichte, Wien, 1950; его же, Untersuchungen zur Geschichte der kirchlichen Kultur und des religiösen Lebens bei den Ostslawen, H. 1; Die ostslawische Kirche im Verband der byzantinischen Großkirche 988—1459, Würzburg, 1955.

² M. J u s t, Rome and Russia, Westminster Maryland, 1954.

³ G. d e R e y n o l d, Le monde russe. La formation de l'Europe, Paris, 1950.

прекращающиеся усилия пап перетянуть на свою сторону господствующие классы царской России под флагом реставрации не уменьшили антипатии народа к этим замыслам. Крах столь длительной и ревностной миссионерской деятельности остался в конце концов для историков католического направления непонятным и необъяснимым.

Работы историков евангелического направления не могут, конечно, конкурировать с трудами мощного объединения исследователей в Риме, существующего главным образом на средства иезуитов. Об этом свидетельствуют работы Г. Коха, «Кириос» (1937—1943), недавно начатые исследования Р. Штупериха по истории восточноевропейской церкви и ее историографии, вышедшие под названием «Церковь на Востоке»¹, и ряд значительных трудов Е. Бенца² в интересующей нас области. То же самое можно сказать относительно заметок Б. Шпулера в «Международном церковном журнале» (Берн), в которых со старокатолических исходных позиций деятельно обсуждается проблема унии церквей.

В более ранних трудах автора этой книги, относящихся к исследуемой теме, необходимо также отметить ряд недостатков. Со времени его совместных занятий с украинскими униатами в Инсбруке автор этих строк очень усердно с 1916 года занимался вопросом об объединении церквей. Об этом свидетельствуют его работы начиная с 1926 года³. Но униатские идеи и украинская националистическая точка зрения долго не позволяли ему правильно понять историческую действительность. Почему миллионам верующих в течение многих столетий подряд приходилось добиваться объединения церквей, когда еще и в библии сказано, «чтобы все едины были» (*ut omnes unum sint*)? Однако все запутанные исторические проблемы, казавшиеся неразрешимыми с идеалистических позиций, стали вполне разрешимы,

---

¹ R. Stupperich, Kirche im Osten, Bd. I—II, Münster i. W., 1958—1959.

² E. Benz, Die abendländische Sendung der östlich-orthodoxen Kirche, Wiesbaden, 1950; его же, Die Ostkirche im Lichte der protestantischen Geschichtsschreibung von der Reformation bis zur Gegenwart, München, 1952 u. a.

³ Список работ имеется в «Deutsch-slawische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten», Berlin, 1956, S. 1—16.

если к ним подойти с точки зрения исторического материализма. Непонятное стало понятным, возникла вполне законченная картина прошлого. Первая, как бы предваряющая, работа автора «Россия и славянские народы в дипломатии Ватикана (1875—1903)»¹ вызвала многочисленные и весьма подробные рецензии. Полные ненависти и личных выпадов отзывы клерикальных историков не помешали автору наперекор всем трудностям закончить общее изложение хода распространения христианства вплоть до современности, как это и было объявлено в первой части работы.

Насколько утопичными представляются взгляды деятелей Ватикана на восточнославянские народы даже тем, кто стоит на церковных позициях, лучше всего свидетельствует «Журнал Московской патриархии», который регулярно издается начиная с 1943 года, и за эти годы неоднократно затрагивающий нашу тему². Например, по мнению А. Иванова, «величайший грех папства» заключается в отпадении от вселенской православной церкви. Этот взгляд прямо противоположен той позиции, которую занял папа Иоанн XXIII, пригласив православную церковь на всемирный собор, с тем чтобы в конце концов воссоединить ее с римской церковью.

Советская историческая наука уделяет избранной нами проблеме все большее внимание. В первую очередь следует упомянуть труды В. Т. Пашуто³, посвященные XIII веку, Д. Е. Михневича — XVI веку⁴ и М. М. Шейнмана⁵ — XIX и XX векам. В регулярно выходящем сборнике «Вопросы истории религии и атеизма», восемь томов которого уже перед нами, нашей проблемой также занимаются⁶.

---

¹ E. Winter, *Rußland und die slawischen Völker in der Diplomatie des Vatikans (1875—1903)*, Berlin, 1950.

² «Журнал Московской патриархии», М., см., например, год изд. 1954, № 1, стр. 51—56, и № 2, стр. 39—46, № 10, стр. 64—73.

³ См. среди других работ, посвященных нашей теме: В. Т. Пашуто, *Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век)*, М., 1956, и недавно вышедшую его книгу «Образование Литовского государства», М., 1959.

⁴ Д. Е. Михневич, *Очерки из истории католической реакции (иезуиты)*, 2-е изд., М., 1955, особенно гл. 10 и 11.

⁵ М. М. Шейнман, *Ватикан и католицизм в конце XIX — начале XX в.*, М., 1958.

⁶ См. также «Ежегодник музея истории религии и атеизма» АН СССР, т. I и II, М.—Л., 1958—1959.

Ведущее место папства в антисоветском фронте требует от советских историков серьезного внимания к истории взаимоотношений пап и царей.

Положение с источниками надо считать вполне благоприятным. Еще в 1782 году ученый юрист итальянец Паризии получил от Павла, тогда еще великого князя, заказ¹ извлечь из ватиканских архивов документы, относящиеся к истории Лжедмитрия, с тем чтобы их напечатать. Ведь именно эти события оттолкнули Россию от папства. Надо было издать документы, чтобы помочь сгладить разделявшую Россию и папство пропасть. Ни один из русских царей не вступал в такое тесное сотрудничество с римско-католической церковью, как Павел I, ибо он был глубоко убежден, что папство — отменный союзник в борьбе против революции и за торжество реакции в Европе. Интерес царской России к документам Ватиканского секретного архива, касающимся России, особенно разгорелся в эпоху Реставрации.

В 1832—1833 годах русское правительство получило от сотрудника Ватиканского секретного архива Н. Марини не менее 12 тысяч копий документов, касающихся интересующей нас темы, которые хранятся по сей день в Центральном Государственном историческом архиве (ЦГИА) в Ленинграде. Подбор этих документов опубликовал А. Тургенев в серии «Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек» [*Historica Russiae Monumenta*] (HRM)], 2 тома, 1841—1842. По желанию царского министра просвещения Уварова Марини в 1844 году выслал новые документы, освещающие миссию братьев Поссевино. Эти документы были опубликованы в дополнительном томе HRM².

Другой архивариус Ватиканского секретного архива, уже упоминавшийся нами Тейнер, занялся — сначала в сотрудничестве с Марини, а затем самостоятельно — копированием важнейших документов, касающихся связей папского престола с Россией, Польшей, Литвой и Венгрией. Он считал для себя делом чести

---

¹ «Россия и Италия», т. I, ч. 1, СПб., 1907, стр. 35.

² А. Тургенев, Дополнения к актам историческим, относящимся к России, СПб., 1848.

издать эти документы самостоятельно многотомным собранием¹.

В Центральном Государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в Москве (фонд 78) также содержатся многочисленные документы по истории отношений папства с русским правительством, главным образом в 1783—1804 годах. По времени, относящемуся к 1580—1699 годам, из этого архива и архива министерства иностранных дел была опубликована серия документов «Памятники дипломатических сношений с папским двором и с итальянскими государствами», СПб., 1871. Об относительном богатстве архивных фондов Советского Союза по нашей теме свидетельствует и архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР².

Пирлинг в приложении к своим многочисленным работам по истории взаимоотношений России и папского престола опубликовал множество документов, которые имеют большую ценность, хотя и специально подобраны им с целью апологии папства. То же самое можно сказать о публикациях источников, напечатанных иезуитом М. Ж. Руэ де Журнель по настоятельной просьбе Пирлинга, преемником которого на посту хранителя рукописных сокровищ «Славянской библиотеки» в Париже он был. Документы эти относятся к нашей теме и охватывают период окна XVIII — начала XIX в.³

Более же всего обилием напечатанных источников мы обязаны неустанным исследованиям уже упомянутого Е. Ф. Шмурло. Он систематически изучил все имеющиеся в Европе документы по интересующей нас теме за период от образования централизованного русского государства вплоть до смерти Петра I и дал их критический анализ. Результаты своих исследований, во всяком случае значительную часть их, он опубликовал в многочисленных отчетах. По некоторым периодам, на-

---

¹ A. Theiner, *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*, vol. I, Roma, 1860; *Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand, czars de Russie*, Rome, 1859; *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia*, vol. I—II, Roma, 1859—1862; *Vetera monumenta slavorum meridionalium*, vol. I—II, Roma — Zagreb, 1863—1875.

² См. «Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории», М.,—Л., 1958, стр. 498—501.

³ «Nonciatures de Russie», 4 vols, Roma, 1922—1943.

пример 1462—1525, 1578—1581, 1609—1654 и 1690—1725 годы, обширные собрания документов, подготовленные Шмурло, находятся в нашем распоряжении. Они напечатаны. Отчеты Шмурло и собранные им документы опубликовала еще Российская Академия наук, а позднее и Академия наук СССР. Частично его исследования были опубликованы им самим¹.

Для нашего изложения особенно важен систематический обзор собрания документов «Нунциатура Польши», который, по мнению Шмурло, с полным основанием можно назвать и «Нунциатура России». «Нунциатура Польши» — один из самых обширных фондов Ватиканского архива. Среди других отчетов нунциатур это собрание с его 605 томами документов по полноте охватываемого им материала можно поставить на третье место после «Нунциатуры Германии» (739 томов) и «Нунциатуры Франции» (655 томов)². Далее следует систематическая обработка тем же Шмурло многочисленных томов документов конгрегации «Пропаганда веры», которые начиная с 1622 года представляют важный источник, особенно для XVII века, помогающий с исчерпывающей полнотой уяснить нашу тему.

В Праге нам удалось познакомиться и со всем драгоценным собранием неопубликованных копий документов, подобранных Шмурло прежде всего в Ватиканском архиве. Они составляют три большие папки. Помимо других документов, настоящая книга основывается также на выписках, сделанных нами в Ватиканском архиве при изучении истории эпохи Просвещения, то есть отрезка времени, начиная с середины XVIII века до середины XIX века. Для второй половины XIX века

---

¹ «Россия и Италия». Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией, т. I, 1, СПб., 1907; т. I, 2, СПб., 1911; т. II, 1, СПб., 1908; т. II, 2, СПб., 1913; т. III, 1, СПб., 1914; т. III, 2, П., 1915; т. IV, Л., 1927. «Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией», т. I, 1, Л., 1925; Е. Шмурло, Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого, 1693—1700, Юрьев, т. I, 1903; его же, Римская курия на русском православном востоке в 1609—1654 годах, Прага, 1929; его же, Сношение России с папским престолом в царствование Петра Великого, 1697—1707. «Труды IV съезда русских академических организаций за границей», ч. I, Белград, 1929.

² «Россия и Италия», т. II, 1, стр. I.

очень хорошей заменой недоступных автору документов Ватиканского архива являются изученные им и частично опубликованные донесения австрийских послов в Петербурге и в Риме¹. Очень важны для этого периода и опубликованные Е. Адамовым отчеты русских официальных лиц (резидентов) в Риме². Недавно М. М. Шейнман довел издание донесений русских резидентов в Риме до 1917 года³.

Конечно, по такой обширной, всемирного значения теме имеется масса важнейших источников, которые ждут еще публикации. Но они вряд ли смогут изменить наши представления о главной линии развития взаимоотношений папства с Восточной Европой на протяжении тысячелетия. Они, пожалуй, лишь укрепят нашу позицию и сделают наши представления еще более отчетливыми. Для новейшего времени, например, с большим успехом могут быть использованы донесения прусских послов при папском престоле⁴.

---

¹ E. Winter, *Der Panslawismus in den Berichten der österreichisch-ungarischen Botschafter in St. Petersburg, Prag, 1944; er o же, Rußland und die slawischen Völker in der Diplomatie des Vatikans*, Berlin, 1950.

² См. Е. А д а м о в, *Дипломатия Ватикана в начальную эпоху империализма*, М., 1931, немец. издание: E. A d a m o v, *Die Diplomatie des Vatikans zur Zeit des Imperialismus*, Berlin, 1932.

³ М. М. Ш е й н м а н, *Ватикан и католицизм в конце XIX — начале XX в.*, М., 1958.

⁴ *Deutsches Zentralarchiv, Merseburg, Rep. 81*

Глава I

ПАПСТВО В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Середина XV века для Европы была временем резкого перелома. В крупных странах Европы — Германии, Англии и Франции — во второй половине XV века произошли глубокие изменения. Русское централизованное государство все более уверенно защищало свои интересы на международной арене. Падение Византии в 1453 году — лишь одно из проявлений указанного перелома. Место Византии заняла Османская империя. Все силы России поглощала борьба с татаро-монгольским игом, и эта борьба имела большое значение для всех европейских стран. В ее связях с другими странами Европы существенное значение имели Византия и Ганзейский Союз. К тому времени, когда Русь довела до конца великое дело своего освобождения и превратилась в централизованное феодальное государство, Византия окончательно пришла в упадок.

Духовную близость с Византией Русь сохраняла и в период монгольского ига, прежде всего через посредство православной церкви. Теперь же, когда Россия начала освобождаться от тяжких оков этого ига, Византия оказалась во власти турок. Падение Константинополя послужило предостережением как Западу, так в еще большей степени стремившейся к освобождению России. Оно заставило Россию напрячь все свои усилия. В одной русской летописи говорилось: «...и тако избави Бог и Пречистая Русскую землю от поганных. О храбрии, мужественнии сынове Рустии! Потщитесь съхранити свое отчство, Русскую землю от поганных, не пощадите своих глав, да не узрят очи ваши рас пленения и разграбления домов ваших, и убиения чад ваших и поругания над женами и над дщерми

вашими. Якоже пострадаша инии велиции и славные земли от турков, еже глаголю Болгаре и Сербии...»¹.

В то время как Византия клонилась к упадку, объединенная Россия восходящим светилом появилась на горизонте стран Запада. Она казалась чем-то совершенно новым. Что Россия всегда была европейской державой, — с этим не хотели считаться. В этом кроются причины тех предубеждений, переоценки или недооценки России, а подчас даже самых невероятных представлений, существовавших в Европе, относительно этой новой великой державы на Востоке. С одной стороны, перед Россией стояла задача добиться признания западных европейских держав, с другой стороны, в Москве хорошо понимали своеобразие развития России, обусловленное всем ходом вековой ее истории. Вполне понятное для нас чувство собственного достоинства русских нашло свое наиболее яркое выражение в идее так называемого «третьего Рима».

Поэтому естественно, что папство, более других заинтересованное в борьбе против турок, раньше всех обратило пристальное внимание на новую великую державу.

Погрязшие в светских интересах папы эпохи Возрождения надеялись сохранить свое государство в качестве ведущей политической силы наряду с крепнущими на Атлантическом побережье национальными державами.

Побережье Атлантики именно во второй половине XV века стало исходным пунктом важнейших открытий. Возникли гигантские колониальные империи, появился и колониализм. Реальное значение России для новой Европы уменьшилось, поскольку торговля пряностями и шелком шла теперь не через страны Леванта и Россию. Колониальные товары доставлялись в Европу все еще очень длинным и опасным морским путем вокруг Африки.

Зато турецкая опасность в конце XV века, после падения Константинополя, становилась все более грозной для южной и восточной частей Европы. В тяжелых боях Венеция вынуждена была постепенно уступать

---

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. VIII (Воскресенская летопись), СПб., 1859, стр. 207.

туркам господство на Средиземном море. Это означало, что побережью Италии, а следовательно, и папскому государству угрожала непосредственная опасность. Поэтому стремление папства утвердить свое главенство в борьбе с турками как с врагами христианства, поддержка папами средневековой идеи крестовых походов против «неверных» легко объяснима. Но это лишь одна сторона антитурецкой политики папства.

С другой стороны, вскоре после падения Константинополя, папы, начиная с Пия II, предпринимают ряд попыток привлечь турок на сторону христианства. Такого же рода усилия предпринимались папством в XIII веке в отношении татар, когда папы пытались подчинить эту новую нехристианскую державу своему духовному господству. Теперь турки должны были быть подчинены власти папы.

План этот, однако, несмотря на всю грандиозность замысла, а может быть именно поэтому, был обречен на провал. Мировую державу, такую, как Османская империя, было невозможно втянуть в борьбу папства за мировое господство. Тем не менее папы эпохи Возрождения на протяжении целого столетия не раз пытались вынудить турок оказывать поддержку их планам¹. Конечно, прежде всего надо было выяснить, подходит ли туркам идеология папства в качестве средства для укрепления и распространения их собственного господства. Турки, как и византийские императоры до них, видели в папе главу ненавистного им западного христианского мира. Это было ясно папам с самого начала; именно поэтому они и вели по отношению к туркам двойственную политику.

Одновременно с попытками перетянуть турок на свою сторону, сделать их союзниками в войнах папского государства в Италии папы искали путей их подчинения и выбрали себе союзников для борьбы с ними. Но именно для этого условия сложились самые неблагоприятные: подыскать союзников против турок было трудно. Морские державы Атлантического побережья: Испания, Англия, Франция и Нидерланды — с их заокеанскими устремлениями не слишком

---

¹ H. Pfeffermann, Die Zusammenarbeit der Renaissancepäpste mit den Türken, Winterthur, 1946.

опасались турецкой угрозы, остальные же европейские державы находились в постоянной борьбе друг с другом.

Усилия папства сделать оплотом борьбы с Османской империей Речь Посполитую ни к чему не привели, так как Польша не собиралась раздражать властителя Босфора. Первая попытка преодолеть династические распри между Габсбургами и Ягеллонами, которые мешали их совместной борьбе против турок, была предпринята только в 1514 году, когда турки находились уже почти в самом сердце Венгрии. Только тогда были выработаны Венские соглашения. Габсбурги, заимствовав у Ягеллонов их идею объединения государства в борьбе с врагами, создали в XVI веке под угрозой турецкого нашествия Дунайскую монархию, объединив четыре народа. Эти народы еще не сформировались в нацию. Еще в большей степени подобная характеристика подходит к народам огромного государства Ягеллонов во второй половине XV века и централизованного Русского государства, где наряду с русскими, составлявшими основное ядро населения, были представлены и многие другие народы.

Общая угроза татарского и турецкого нашествия должна была бы сплотить все эти многонациональные государства в борьбе против общего врага. Но этого не произошло. Прежде всего потому, что между Речью Посполитой и Россией возникли глубокие разногласия из-за территорий, населенных восточными славянами.

Но и между государствами Ягеллонов и Габсбургов в XV веке возникли острые противоречия, связанные с борьбой за наследственные владения князя Вацлава и короля Стефана. Население этих земель само тяготело к тому, чтобы стать средоточием большого государства, и в конце концов достигло этого.

Поэтому стремления пап создать из всех этих держав единую коалицию против турок, разумеется, не могли быть осуществлены. Понятно, что вновь появившаяся на европейском горизонте Россия стала тут же объектом пристального внимания папства. Папы уже давно и настойчиво старались втянуть Россию в сферу своего духовного влияния, поэтому их усилия добиться, помимо союза с московским правительством против турок, еще и унии русской православной церкви с рим-

ской вполне объяснимы, ведь эти два вопроса теснейшим образом связаны. На Россию, объединенную с Римом, папы могли легче оказывать давление, чем на Россию с ее автокефальной церковью, независимую от Рима. Русское правительство, однако, отнюдь не собиралось отказываться от добытой с таким трудом автокефалии и не спешило отдаться под власть папства.

Планы папства добиться унии церквей должны были рухнуть уже по одному тому, что Россия длительное время могла наблюдать, как осуществлялась уния в Польско-Литовском государстве. Тогда было решено втянуть упорно отстаивающую свою независимость в церковных вопросах Россию хотя бы в борьбу с турками. В Риме надеялись, что эти два противника по крайней мере сильно ослабят друг друга.

Но цели папской политики были слишком прозрачны и поэтому с самого начала имели мало шансов на успех. До тех пор пока татары и турки занимали враждебную друг другу позицию, России вообще не было никакого смысла создавать второй, очень опасный фронт борьбы против турок только ради того, чтобы оказать помощь христианскому западу с папой во главе. К тому же с папством были тесно связаны самые решительные противники объединения русских земель вокруг Москвы. Вся совокупность этих отношений проливает свет на то, почему в эпоху Возрождения дипломатические отношения папства с Россией были столь оживленными.

Спустя десять лет после разгрома Константинополя турками между Османской империей и республикой Венеция началась борьба за господство на Средиземном море. Она потребовала от Италии в 1463—1479 годах напряжения всех сил. В связи с этим взоры пап обратились к Москве. В 1465 году у великого князя Ивана III умерла жена¹. Возникший в 1469 году план сочетать браком московского великого князя с воспитывавшейся под покровительством Рима² племянницей последнего византийского императора Зоей пришелся по душе кардиналу Виссариону, большому патриоту греков.

---

¹ ПСРЛ, т. XXV (Московский летописный свод), М.—Л., 1949, стр. 279.

² Там же, стр. 281; Иоасафовская летопись, М., 1957, стр. 57.

Этим браком Виссарион надеялся добиться того, чтобы Россия помогла возвратить Византию под власть креста, как тогда любили выражаться. Мировая греческая империя, восстановленная Россией и под верховной властью папы, — великолепная идея! К тому же этот брак отлично устраивал жизнь его питомицы, за которую он нес ответственность. Русский летописец упоминает, что этот столь важный в политическом отношении брачный проект исходил от Рима¹. Иезуит Пирлинг² в противовес этому придерживается мнения, что уже посольство Ивана III в Италию в 1468 году имело целью позондировать почву насчет брака с Зоей. Во всяком случае, грек Георгий Траханиот, вместе с Виссарионом действительный автор этого плана, привез великому князю послание Виссариона, в котором выражено было согласие на брак Зои с великим князем. В послании Виссарион подчеркивал, что Зоя Палеолог якобы питает отвращение ко всему латинскому. В связи с таким ее отношением заключить достойный ее сана брак на Западе крайне затруднительно. Если Виссарион и ожидал всяческих благ для греческой церкви только в союзе с латинством и внушал это Зое, то все же он достаточно хорошо был осведомлен о тесных связях между русской и греческой православной церковью и знал, что в Москве очень отрицательно относятся к проискам латинства. Об этом его информировал его друг, кардинал Исидор, который не раз сетовал на это.

Пирлинг считает это сообщение неправдоподобным. Но почему бы Виссариону и не намекнуть на то, что в его глазах было ошибкой, но, что, по его мнению, Иван III должен был бы оценить очень высоко? Опыт показывает, что Виссарион действительно очень хорошо знал свою питомицу. Как греческий патриот, Виссарион многого ожидал от этого брака, заключаемого в целях отвоевания Византии, и потому стремился при любых обстоятельствах устроить его. Он считал, что этот союз открывал самые надежные перспективы освобождения греков от турецкого ига.

---

¹ ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 281.

² См. P. Pierling, *La Russie et le Saint-Siège*, Paris, 1905, vol. II. ch. 1—2.

Быстрое согласие Ивана III с этим планом, который и в боярской думе встретил единодушное одобрение, свидетельствует о том, что московский князь ждал от этого брака повышения авторитета великокняжеской власти в глазах иностранных государств. Итальянец Джан Баттиста делла Вольпе, перешедший в Москве в православие, получил от Ивана III поручение сделать все необходимое для устройства этого брака и доставить Зою возможно скорее в Москву.

В мае 1472 года делла Вольпе, глава русского посольства, встретился в Болонье с опекуном Зои Виссарионом. Виссариону хотелось представить свою подопечную во всем блеске. Поэтому он обратился к городу Сиена с просьбой обеспечить Зое такое содержание во время ее предстоящей поездки в Москву, чтобы превратить эту поездку в триумфальное шествие, дабы в Москве поняли, какое сокровище они получают. В конце мая делла Вольпе прибыл в Рим. Сикст IV по тем же мотивам, что и Виссарион, оказал этому браку полную поддержку. Джакомо Маффей из Вольтерры подробно сообщает обо всем, что произошло в Риме. На 24 мая 1472 года была созвана коллегия кардиналов, которая обсудила перспективы этого брака. Знаменательно, что прибытие русского посольства мотивировалось желанием Ивана, «герцога Белой Руси», вручить «подарки римскому папе, а потом уже договориться относительно брака Ивана с дочерью властителя Морей»¹. Посольству отвели особый дом, в котором и происходили совещания с кардиналами.

Вскоре обнаружилось множество недомолвок, и прежде всего относительно «веры рутенов». Но ловкий дипломат делла Вольпе сумел как будто рассеять все сомнения. Папа и кардиналы с легкостью дали себя успокоить. Согласие на брак было мотивировано тем, что рутены (русские и рутены упоминаются в источниках как один и тот же народ) признали постановления Флорентийского собора. Это, конечно, было не совсем так. Украинцам и белорусам, то есть тем восточ-

---

¹ См. Е. Шмурло, Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с папским престолом. 1462—1528. «Записки Русского исторического общества в Праге, кн. III, Прага Чешская — Нарва, 1937, стр. 31—136.

нославянским народам, которые находились под властью Польши и Литвы, были на время навязаны постановления собора во Флоренции. Как можно заключить из сообщений Маффеи, делла Вольпе подчеркивал в первую очередь готовность греко-православных епископов Восточной Европы познакомиться с истинной верой и объявить о своей приверженности ей. Ясно, что делла Вольпе мутил воду. Но он знал, что и другая сторона не прочь половить рыбку в мутной воде. В заключительном постановлении коллегии кардиналов утверждалась мысль, что церковь — мать, которая своей добротой должна сделать все возможное, чтобы вернуть заблудших сыновей в свое лоно.

25 мая 1472 года послы Ивана III были торжественно приняты на закрытом заседании папской консистории. Они вручили открытое послание Ивана на русском языке. «Великому Сиксту, Римскому папе, герцог Белой Руси овидетельствует свою преданность и, прикладывая руку к челу своему, просит даровать милость его послам». Послы еще раз подчеркнули преданность русского великого князя и передали папе драгоценный подарок — 60 горностаевых шкурок. Папа выразил свое удовлетворение тем, что великий князь якобы признал постановление Флорентийского собора, тем, что он не соглашается принять от константинопольского патриарха в качестве митрополита греческого архиепископа, а более всего тем, что великий князь берет в жены себе истинную христианку. На этом приеме присутствовали послы Неаполя, Венеции, Милана и Флоренции. Сообщение Маффеи, который в качестве секретаря кардинала Амманти был в курсе всех дел, подтверждается изнесением миланского посла¹.

Делла Вольпе, как мы видим, основательно спутал все карты, но и папа со своей стороны охотно пошел на это. Благополучно здравствовавший тогда кардинал Виссарион тоже был посвящен в ход переговоров. Достаточно было самого беглого знакомства с бумагами умершего незадолго до этого кардинала Исидора, чтобы понять истинный смысл отношения русского правительства к флорентийской церковной унии, а также ту

---

¹ См. L. A. Muratori, *Rerum italicarum scriptores*, Nuova edizione, t. XXIII, part. 3, Citta di Gastelli, p. 142.

цель, которой руководствовалась Москва, добиваясь полной самостоятельности от вселенской патриархии и с 1449 года перестав принимать от нее митрополитов. Это, конечно, не могло расположить папу в пользу России.

Напротив, непреклонное стремление Русского государства к самостоятельности не сулило папе ничего доброго. Это было противоречие, и оно очень характерно для взаимоотношений России с папством в эпоху Возрождения.

Бракосочетание через доверенное лицо (*Prokuration*) состоялось в соборе св. Петра по латинскому обряду. Собор был роскошно убран, здесь собралась высшая знать. Виссарион желал обставить бракосочетание с возможной пышностью, чтобы поднять престиж невесты. Правда, во время венчания не обошлось без тягостной сцены, когда обнаружилось, что у делла Вольпе нет кольца для невесты. У папы зародились сомнения относительно полномочий главы русского посольства. Эти подозрения усилились в ходе переговоров о крестовом походе против турок. Ведь именно этим и объяснялась столь сильная заинтересованность папы в браке византийской принцессы с московским великим князем. Но у делла Вольпе в связи с этим вопросом были одни только требования, которые папа не полагал возможным удовлетворить. Поэтому большие надежды, которые папа возлагал вначале на переговоры, к концу их сильно поблекли.

В Москву Зою сопровождал епископ Аяччский с Корсики, Антонио Бонумбре, земляк папы. Его полномочия в результате переговоров с делла Вольпе были сформулированы очень общо: добиваться поддержания веры и признания авторитета папы. «Ибо мы ничего не желаем с большим рвением и искренним стремлением, помимо того, чтобы видеть церковь на всей земле и все народы идущими по стезе спасения, поэтому мы и ищем с доброй волею путей для осуществления этих желаний»,— гласило послание. Папа посылал своего легата *à latère* в качестве «ангела мира» в Москву, чтобы «награждать и наказывать от имени викария Христова»¹.

---

¹ Е. Шмурло, Рим и Москва, указ. изд.

Имя Зои вообще не фигурирует в верительных грамотах. Очевидно, ее брак был для папы лишь предлогом, используемым для подчинения России латинской церкви. Но как раз это меньше всего и интересовало русских. Напротив, новоиспеченная великая княгиня московская, казалось, очень быстро приобрела влияние на папского легата, который шел навстречу всем ее желаниям. Это обнаружилось сразу же, как только свадебный кортеж пересек русскую границу. Уже во время приема в Пскове Бонумбре настроил против себя православное духовенство своим поведением и тем, что совершенно не умел отнестись с должным почтением к иконам. Зоя, которая теперь в России получила имя Софьи, сумела сгладить конфликт, но при этом явно взяла сторону русской православной церкви.

Сложность ее положения в полной мере обнаружилась при въезде в Москву. Митрополит московский Филипп заявил, что покинет столицу, если папский легат во время шествия появится с латинским легатским крестом¹. Сам склонный к компромиссу, делла Вольпе, который утаил в Риме, что перешел в православную веру, теперь решительно высказался за вступление папского легата в Москву с крестом на одеянии. То ли в нем проснулось прежнее чувство солидарности с латинской церковью, то ли он счел себя связанным обещаниями, данными папе, во всяком случае, престиж Бонумбре его заботил больше, чем самого Бонумбре, ибо последний без всяких околичностей заявил, что готов отказаться от ношения легатского креста.

Вообще положение папского легата в Москве было очень незавидным. Вместо того чтобы вести переговоры относительно церковной унии и крестового похода против турок, как значилось в его полномочиях, он вынужден был ограничиться религиозным диспутом в Кремле, с которого его православный противник Никита Попович ушел победителем. Подобный исход первой папской дипломатической миссии оказался, конечно, не по нраву Сиксту IV. Московский брак не привел ни к переговорам о церковной унии, ни к обсуждению вопроса о войне против турок. К тому же в этом браке объединялись самоуверенность московского наследника

---

¹ Иоасафовская летопись, М., 1957, стр. 82 и сл.

древней Руси с высокомерием и гордостью византийских императоров. При таком отношении к своей собственной власти невозможно было продолжать уплату дани татарам, хотя это и было уже пустой формальностью.

Русское же правительство со всей серьезностью взялось за преодоление обусловленной монгольским игом отсталости. Дипломатические связи с папой приобретали для России особое значение, так как открывали перед ней еще одну возможность привлечения в страну многочисленных умельцев в разных областях науки, искусства и техники.

Поэтому понятно, что Россия в семидесятых-восемидесятых годах XV века направила одно за другим несколько посольств в Рим, Венецию, Милан и даже Неаполь¹. Главной задачей этих русских посольств была вербовка техников, ремесленников, зодчих и ученых². Через два года после посольства, доставившего в 1474 году Зою в Россию, Семен Толбузин направился в Венецию и Рим³. На этот раз вместе с возвратившимся посольством среди прочих в Россию прибыл известный итальянский зодчий Фиоравенти де Альберто.

Новое русское посольство появилось в Риме около 1483 года. Вовсяком случае, известно, что в этом году Сикст IV дал слово королю польскому Казимиру IV никогда не обещать русскому великому князю королевскую корону без предварительного соглашения с Польшей. Трудно представить себе, чтобы подобное обещание было дано без того, что римская курия делала уже подобные предложения русскому посольству.

В 1486 году один грек, находящийся на русской дипломатической службе, прибыл в Милан. Два года спустя великий князь послал двух греков в Венецию и Рим, чтобы сообщить там о победе над татарами под Казанью⁴. Папа устроил им торжественный прием.

Вновь распространился слух, что послы должны получить от папы для Ивана III королевскую корону. Удивительная ирония судьбы состояла в том, что при каждом обмене послами между Москвой и Римом в Поль-

---

¹ См. P. Pierling, *Russie*, vol. I, ch. 2, Renaissance.

² Иоасафовская летопись, М., 1957, стр. 88.

³ Там же, стр. 88.

⁴ Там же, стр. 127.

ше тотчас рождалась молва: папа-де шлет великому князю королевскую корону, хотя отрицательная позиция России к подобному предложению должна бы, казалось, быть им известна. Так велика была боязнь, что Россия может быть принята в европейское содружество государств как равноправный партнер, хотя в действительности она была по существу одной из самых могущественных стран Европы.

Соперничество между императором и папой — кто первый передаст русскому великому князю королевскую корону — должно было создать у последнего совершенно отчетливое представление о политической разобщенности Запада. Посол императора Н. Ф. Поппель получил в 1486 году точные инструкции обратить внимание великого князя на то, что королевскую корону ему может вручить только император, но ни в коем случае не папа. А русское посольство вновь доставило из Италии в Россию многочисленных зодчих¹, техников, и среди них знаменитого строителя Пьетро Антонио Солари². Посольства в Италию, помимо всего прочего, преследовали очень важную цель: вербовку знающих зодчих и техников, в которых Россия после того, как сбросила монгольское иго, страшно нуждалась. И это было осуществлено с огромнейшим успехом; об этом свидетельствует то, что откликнувшиеся на призыв итальянцы добились в России значительно большего, чем у себя на родине. Во время этих поездок в Италию, разумеется, постоянно ставился вопрос об участии России в войне против Турции, однако русское правительство ни разу не связало себя никакими обязательствами, ибо ему отнюдь не было выгодно отступать от позиции нейтралитета по отношению к туркам и вызывать их удары на себя. Папа и император, конечно, с удовольствием бы приветствовали это.

Оживленные дипломатические связи с папством во второй половине XV века не остались, таким образом, без последствий. Однако они были совсем не в плане, желательном папству, которое рассматривало Россию как свое орудие для достижения победы над Османской империей.

---

¹ Иоасафовская летопись, М., 1957, стр. 138.

² «История русского искусства», т. III, М., 1955, стр. 308.

Однако очень скоро это важное для России возобновление отношений с папством натолкнулось на препятствия. Государство Ягеллонов, завладевшее большей частью древнерусских земель, вследствие этого стало непримиримым противником официального признания великого княжества Московского. Одним из главных направлений дипломатии Ягеллонов было их стремление удержать Русское государство подальше от связей с государствами Западной Европы. Господствующий класс Польши и Литвы рассматривал стремление России покончить с дипломатической изоляцией как очень нежелательное усиление опасного противника. Аналогичной была позиция тевтонского ордена, и прежде всего ландмейстера Ливонии. Поэтому Ливония и Речь Посполитая в это время играли роль не моста между Россией и Западом, как это вытекало из их географического положения, а, скорее, роль рва или вала. Таковую же роль играла и Швеция по другую сторону Финского залива. Это противодействие держав, в религиозном отношении подчиненных папству, все заметнее сказывалось и на дипломатических отношениях России с папами эпохи Возрождения. Особенно они обострились, когда в конце XV века начались раздоры между Речью Посполитой и Россией из-за важных русских областей и прежде всего из-за Смоленска.

С 1492 года на папском престоле оказался папа Александр VI Борджа. Он и его преемники не останавливались ни перед каким преступлением ради достижения или сохранения власти. Александр VI всеми силами стремился сделать папское государство форпостом Европы в борьбе против турок, угрожавших Италии.

Но в то же время Александр VI, как и его не менее развращенный, но более слабый предшественник Иннокентий VIII, вступил с турками в соглашение. Об этом свидетельствуют переговоры с попавшим в плен братом властелина Босфора Джемом¹. Россия играла в политике Александра VI немаловажную роль. Он прилагал огромные усилия, чтобы любым способом втянуть ее в

---

¹ См. H. Pfeffermann, *Zusammenarbeit*, S. 86—90, 101—103, 110, 112—114; для характеристики папства эпохи Возрождения см: F. X. Seppelt, *Papstgeschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart*, München, 1949, S. 190—207.

борьбу с Турцией. Этот двуличный папа одновременно подбивал русских на участие «в совместной борьбе всего христианского мира» против извечного врага — турок и одновременно давал полное отпущение грехов всем, кто боролся против «русских еретиков»¹.

В 1500 году дело дошло до войны между Литвой и Россией. Ливония поспешила Литве на помощь. Королю Польши, Чехии и Венгрии Владиславу, брату великого князя Литовского, война эта была столь же некстати, как и папе. Ведь блок Ягеллонов в Восточной и Южной Европе, включая и Литву, только что вступил в борьбу с Турцией. В планах Александра VI Борджа по организации крестовых походов этот блок должен был играть очень важную роль. К тому же Литва и Ливония очень скоро обнаружили свою слабость в сравнении с Россией и потерпели сокрушительное поражение. Непрекращающиеся крики ландмейстера Ливонии о помощи в связи с опустошениями, причиненными этой войной, вызывали неудовольствие папы. Хотя русские и были для него такими же врагами христианства, как и турки, он тем не менее во что бы то ни стало хотел использовать их в борьбе против Османов. Поэтому направленное папе в 1502 году из Ливонии послание с просьбой о помощи против «злейших врагов имени Христова» и о том, чтобы не заключать со «схизматиками-русскими» никакого соглашения, не оказало на папу Александра VI почти никакого воздействия².

Тем временем в 1501 году папское посольство было уже на пути в Москву. Снаряжено оно было на этот раз пышно. Возглавлял его кардинал-легат, архиепископ Реджо. В послании папы Александра VI, которое кардинал-легат должен был вручить Ивану, говорилось следующее: «Настали тяжелые времена, великие опасности угрожают всему христианскому миру. Помогите же польскому королю в его начинаниях [против турок] словом и делом»³. Судя по этому торжественному посольству, Иван III понял, какой вес приобрела вновь

---

¹ А. Theiner, VMPeL, Bd. II, № 290, S. 262.

² А. Тургенев, Дополнения к актам историческим, СПб., 1848, № 132, стр. 136.

³ См. Е. Шмурло, Рим и Москва, указ. изд.

Россия в Европе. Даже один ее нейтралитет в надвигающемся конфликте с турками являлся решающим фактором.

О том, сколь велик был престиж Москвы и в Азии, свидетельствует тот факт, что венецианский посол в Персии завязал дружеские отношения с русским послом. Россия в конце XV — начале XVI века уже была великой державой с очень широкой сферой влияния, и поэтому союза с ней искали многие¹.

Московский великий князь согласился на предложение папы сохранять доброжелательный нейтралитет. Но Россия отнюдь не была склонна заключать мир с литовским князем Александром на выгодных для него условиях. Она желала, чтобы папа повлиял на литовского великого князя Александра и добился, чтобы тот не принуждал свою супругу, дочь Ивана III, к переходу в другую веру. Согласиться на это не мог даже папа Александр VI, так как это было бы нарушением самых основ папской политики. Однако папа заверял, что Елена сможет сохранить греческую веру, конечно, при условии, если она признает Флорентийскую унию. В Риме не понимали, что даже самое слово «флорентийская уния» крайне неприятно для русского слуха. Ведь русское правительство решительно боролось против Флорентийской унии. Естественно, что Иван никогда не дал бы своей дочери согласия на подобный шаг. И Елена, несмотря на все трудности, с которыми это было сопряжено для нее в Польше, до самой своей смерти в 1516 году оставалась верна православной церкви.

Следующим пунктом расхождений между Ягеллонами и Иваном был присвоенный им титул «Государь всея Руси». Иван хотел, чтобы папа Александр VI оказал влияние на литовского великого князя, который воевал с Россией «за земли, ему не принадлежащие и совсем для него чужие». Если бы Иван заглянул в переписку того времени между Польшей и римской курией, то подобное желание не было бы даже высказано, так как курия стояла целиком на стороне Польши и Литвы и поддерживала их продвижение на во-

---

¹ См. «Очерки истории СССР», ч. II (XIV—XV вв.), М., 1953, стр. 305—307

сток. Ибо где правила Ягеллоны, там господствовала римско-католическая церковь. Римская курия даже приносила Польше извинения за то, что обратилась к Ивану III как «к защитнику христианского мира», объясняя это своим бедственным положением. В конечном счете папство рассматривало Россию как оплот православия, то есть врага, решительно отказывающегося от подчинения верховной юрисдикции папы.

Поэтому папа Александр VI не раз напоминал литовскому великому князю Александру, что его долг — заботиться о спасении души своей супруги. Особенно же часты стали эти напоминания с той поры, когда великий князь по смерти брата в 1501 году должен был получить польскую корону. Если Елена будет упорствовать в схизме, Александр должен развестись с ней; причем ее приданое останется за ним. Только смена пап на престоле в 1503 году и твердая позиция русского правительства помешали курии и далее настаивать на своих требованиях. Юлий II, преемник Александра VI, удовлетворился обещанием Александра, нового короля Польши, склонить свою жену к обращению в католичество после смерти Ивана III.

Несмотря на двойную игру папства, выступавшего посредником, война закончилась в 1503 году если и не миром, то все же перемирием на шесть лет, по которому Иван добился подтверждения условий мира 1494 года. Русское правительство, правда, не приобрело новых территорий, но его уверенность в собственной мощи сильно возросла в ходе этого конфликта с Польшей, за которой стоял Рим. «Христианству» это перемирие не сулило пользы, ибо Венеция и Венгрия, которые несли главное бремя войны против турок, уже заключили 25 марта 1503 года с ними десятилетнее перемирие.

Насколько велик был интерес папства к России, можно судить по тому, что Юлий II платил ежегодно определенную сумму врачу Николаю Бюлову из Любека за его усилия добиться унии церквей и просто даже за информацию¹. Особенно щедро вознагражда-

---

¹ L. Pastor, Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters, Bd. III, S. 878.

ли папы за новые сведения об успехах в борьбе за унию, и это понятно, памятуя о том, для чего эта уния была нужна. Поэтому все находившиеся в сношениях с римской церковью на запросы курии относительно связей России с Римом спешили сообщить о готовности Москвы заключить унию. Все они — датский король и другие — знали, что такого рода донесения укрепляют их собственное положение. На основании подобных неверных сообщений Россия даже получила приглашение на Латеранский собор 1515 года. Так у римской курии постепенно сложилось совершенно ложное представление о России, которое привело к тому, что при папах из дома Медичи курия перешла к наступательной тактике. Но, опираясь на ложные и противоречивые сведения, римская курия не могла не прийти к полному краху своей политики.

Папа Лев X в особенности стремился в кратчайший срок добиться решающих успехов в войне с турками. Крестовый поход всей Европы во главе с папой должен был поддержать авторитет папства. Успех этого крестового похода во многом зависел от участия в нем московского великого князя или, во всяком случае, от сохранения им мира с Польшей и Литвой, дабы эти страны могли отдать все свои силы крестовому походу. Но в 1512 году между Речью Посполитой и Россией опять бушевала война. Значит, в первую очередь надо было положить конец этой войне, чтобы мобилизовать силы Польши для крестового похода против турок.

В качестве посла в Москву Лев X избрал венгра Пизона, который долгое время работал при курии и усвоил ту особую манеру обращения, которая была свойственна чиновникам курии и в эпоху Возрождения приобрела интернациональный характер. Венгр по национальности, Пизон считался в Риме знатоком Восточной Европы. Послание, которое папский посол должен был передать московскому великому князю, призывало князя к заключению мира, к защите имени Христова и к походу на Константинополь¹. В конце выдержанного в гуманистической манере, изобилующего высокопарными фразами послания, папа наряду с

---

¹ См. Е. Шмурло, Рим и Москва, указ изд.

комплиментами великому князю и благословениями апостолического престола призывал к унии церквей. Цель посольства, таким образом, стала ясна в конце послания — уния церквей оставалась главной заботой пап. Совместная защита христианского мира против наступления ислама могла быть успешной только при условии унии. Если бы русское правительство приняло унию, папа как наместник Христа на земле мог бы занять по отношению к великому князю уже совершенно иную позицию.

Пизон прежде всего направился к польскому королю, который в неудачной войне потерял Смоленск, и на этот раз, в связи со своим тяжелым положением, очень благоприятно отнесся к посредничеству папы. Король вначале делал все, чтобы оказать содействие поездке Пизона в Москву. Но тут произошло событие, которое король Сигизмунд слишком переоценил. 8 сентября 1514 года войско московского великого князя было разбито под Оршей¹ и те представители русской знати, которые не погибли на бранном поле, оказались в плену у поляков. Сигизмунд решил, что теперь он обойдется без посредничества папы, и не спешил более с отправкой папского посла. Папе король немедленно направил торжественное послание с сообщением о блестящей победе, а Пизон доложил ему о триумфальном вступлении польско-литовского войска в Вильнюс, когда по городу провели 4000 пленных и среди них свыше 300 русских бояр с князем Голицыным во главе. Пизон также считал теперь обременительную и, по мнению поляков, сопряженную с опасностью для жизни поездку в Москву ненужной. С него хватит, писал он, «веры в бога», а «за мученическим венцом он не гонится»².

Знаменательно в этой связи поведение папы и курии. В ответ на сообщение короля Сигизмунда папа немедленно послал ему поздравление и одновременно даровал полное отпущение грехов всем павшим в бою. Победу польского короля над русскими в Риме отпраздновали не менее пышно, чем победу над тур-

---

¹ H. Uebersberger, Österreich und Rußland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts, Bd. I (1488—1605), Wien — Leipzig, 1906, S. 75.

² Е. Шмурло, Рим и Москва, указ изд

ками. В соборе св. Петра состоялось торжественное богослужение, во время которого было прочитано польское сообщение об одержанной победе. Оставшимся в живых победителям было также даровано отпущение грехов, а Сигизмунда провозгласили командующим войсками антитурецкой лиги.

Эти факты не могли, конечно, не вызвать раздражения русского правительства, не усилить его недоверия к папе, которое и без того было достаточно велико.

Историограф папы Льва X, Паоло Джовио, сообщает в своем труде по всеобщей истории о том, какое неблагоприятное впечатление произвели в Москве эти действия Рима. Джовио, по-видимому, интересовался Россией; правда, его сочинение начало издаваться только в 1550 году¹.

Папа поручил доминиканцу Николаю Шенбергу, который был направлен по делам войны с Турцией в Венгрию, Польшу и в земли тевтонского ордена, посетить и Москву². Турецкая опасность была очень велика, и папа хотел иметь более ясное представление о положении дел.

В связи с этим более определенно ставился вопрос о церковной унии. Папа видел в русском великом князе законного наследника некогда существовавшей Византии. Он вообще приветствовал бы ослабление западноевропейской империи путем создания империи, продолжающей Восточно-римскую, при условии, что она будет подчинена Риму. Это объяснялось политической враждебностью Медичи, представителем которых определенно считал себя Лев X, к Габсбургам.

Огромные владения Габсбургов в результате союза империи с Испанией и Бургундией и открытий в Америке превратились в столь мощную силу, что она грозила окончательно нарушить равновесие в Европе. Поэтому Россия как противовес в этой борьбе держав очень интересовала пап из дома Медичи. Теперь понятно, почему император Максимилиан выступил против братьев Шенберг, которые должны были осуществлять эти планы, и предостерегал как польского

---

¹ P. Giovio, *Historia sui temporis*, v. 2, Firenze, 1550—1552.

² K. Forstreuter, *Preußen und Rußland*, Göttingen, 1955, S. 89.

короля Сигизмунда, так и Василия, князя московского, от переговоров с эмиссарами папства. Своими наущениями император добился, что папский легат Николай фон Шенберг так и не смог достигнуть Москвы. Сигизмунд воспротивился продолжению поездки, сославшись на коварство русских дипломатов и на бесполезность подобной миссии.

Но папа не так-то легко отказывался от своих замыслов. Он был слишком заинтересован в осуществлении своего плана втянуть Россию в борьбу европейских держав. К тому же и Реформация уже начала подтачивать духовное всемогущество римской церкви на Западе. В условиях переживаемого западными державами кризиса воссоединение русской церкви с римской значительно подняло бы престиж папства. Поэтому Дитрих фон Шенберг снова отправился в Москву (9—27 марта 1519 года)¹. Папа, приняв отчет о его предыдущей миссии в Москву, чтобы поддержать идею унии церквей, торжественно заявил: «Я, как римский первосвященник, словом своим ручаюсь, что обряд русской церкви останется неприкосновенным и не подвергнется изменениям»². Дитриху, конечно, вменялось в обязанность сообщить Василию об этом заверении папы.

Папа хотел вовлечь великого князя в борьбу против турок ссылкой на отвоевание для него материнского наследия. Поэтому великие князья московские объявлялись преемниками византийского императора. Идею, что Москва — третий Рим, первыми начали пропагандировать сами папы. Об этом свидетельствует миссия Шенберга. К тому же Дитрих фон Шенберг очень ловко намекнул в Москве на возможность для русских выступить в качестве претендентов на наследство бездетного польского короля и литовского великого князя. Он обосновал это тем, что литовцы, мол, не захотят долгое время находиться под властью правителя Польши.

Папы открывали перед Россией широчайшие перспективы. В этих планах недоставало только одного: они не учитывали конкретной исторической обстановки

---

¹ К. Forstreuter, Preußen und Rußland, S. 93.

² Е. Шмурло, Рим и Москва, указ. изд.

и были продиктованы отнюдь не чистосердечными побуждениями. Поэтому русское правительство и не помышляло о серьезном обсуждении вопроса о церковной унии, как ни старались папские посланцы выдвинуть его на первый план. В Москве были хорошо осведомлены обо всех намерениях Льва X и к политическим проблемам подходили более трезво. Ведь великий князь Василий еще в 1514 году на примере с битвой под Оршей убедился, каковы истинные цели папской политики в отношении России. К тому же великий князь обладал достаточно развитым чувством собственного достоинства. Отцовское наследие он собирался отвоевывать сам. Кроме того, Василий вполне отчетливо представлял себе нереальность планов завоевания Константинополя.

В результате ответ великого князя на столь заманчивое предложение прозвучал очень холодно. Принципиально он ничего не имеет против заключения мира с Польшей и даже готов принять ее послов и папских легатов. Папскому послу в Персии он предоставит свободный проезд и в заключение просит заверить папу, что хочет жить с ним в любви и дружеском согласии¹. Предложение же о церковной унии он, несмотря на любезное послание, ясно и решительно отверг. Не помогло, следовательно, и торжественное заверение папы гарантировать неприкосновенность обряда. Опыт соседства с Речью Посполитой слишком красноречиво свидетельствовал о том, чего стоят все эти заверения.

Правильность трезвой оценки московским князем папских предложений лучше всего подтвердил тот факт, что с таким трудом сколоченная коалиция против турок вскоре распалась. Проницательная Венеция никогда особенно не стремилась сотрудничать в папской лиге против турок. Она и теперь не пошла дальше пустых обещаний. В Венгрии собравшиеся в крестовый поход крестьяне обратили оружие против своих угнетателей — магнатов. Понадобились длительные кровавые бои, чтобы ликвидировать эту серьезную угрозу господствующему феодальному порядку.

Война между Литвой и Россией продолжалась. Сигизмунд, польский король, вынужден был вновь искать

---

¹ Е. Шмурло, Рим и Москва, указ. изд.

посредничества для заключения мира. И опять его взоры, несмотря ни на что, обратились к Риму.

Польский король нашел особенно ловкого посредника в лице гуманиста Эразма Чолека, епископа из Плоцка, известного под именем Vitellius¹. Чолек имел личный опыт общения с римской курией и потому сумел достигнуть многого. Он был абсолютно неразборчив в средствах. Там, где не помогали ловко сформулированные аргументы, на помощь приходили подарки. Чолек прожил в Риме с 1518 по 1522 год, а до того подвизался там еще и в 1501—1505 годах. Само собой разумеется, он вновь выдвинул предложение о церковной унии, чтобы заставить папу Льва X направить в Москву миссию, которая одновременно могла посредничать в заключении мира между Россией и Польшей. В противовес своему примасу Ласки, врагом которого он был и прежде, Чолек стоял за церковную унию. Эту позицию он занимал и в 1501 году, когда польско-литовский князь Александр направил его в Рим. Чолек резко разошелся со своим соотечественником, краковским теологом Яном Сакраном, который в «Разъяснениях относительно заблуждений русского церковного обряда» подвергал сомнению действительность «крещения по русскому обычаю». Чолеку удалось уговорить папу Александра VI признать «крещение по-русски», с тем чтобы униатам не пришлось креститься заново. Вот этот самый Чолек и стал теперь советником Льва X по восточноевропейским делам.

В Москву в качестве папского легата направился епископ Захария Феррери². Лев X на этот раз дал иные указания, чем это было в 1518 году. Согласие России вступить в союз против турок не подвергалось сомнению, но папа не домогался заверения Москвы относительно этого, отчасти еще и потому, что актуальность создания союза против турок стала меньшей. Главный упор в миссии посольства делался теперь на унию православной церкви с католической. Папа в случае успе-

---

¹ См. Собрание писем Чолека, изд. St. Kutrzeba i I. Fialek.— «Archiwum komisji histor. Akademji Umiejętności», 2 Serie, t. 1, Kraków, 1923; H. Folwarski, E. Ciołek (1503—1522).— ZOG t. IX, NF, r. V, 1935, str. 380; O. Halecki, U źródeł polskich uprzedzeń wobec akcji unijnej.— «Oriens», r. 1, 1933, str. 8—10.

² H. Uebersberger, Österreich und Rußland, S. 165.

ха сулил Василию «такие почести и отличия, что Ты на деле убедишься, как Мы Тебя любим, и притом не как приемного сына, а как своего собственного, к которому питаем прочную сердечную привязанность». Даже любовное признание вряд ли могло бы быть горячее; но и эти посланцы не добрались до Москвы. Когда Феррери прибыл в Краков, Сигизмунд опять пересмотрел свои планы и неожиданно запретил папскому послу следовать в Москву через польскую территорию¹. Щедрое обещание папы великому князю, о которых Сигизмунд, вероятно, узнал от Чолека, породили в Кракове тяжелые сомнения по поводу этого посольства. Так провалилась и эта папская миссия в Москву.

Но Лев X и в дальнейшем неустанно стремился к тому, чтобы вступить с Василием в непосредственные переговоры. Чем более критическим становилось положение курии на Западе, тем важнее с точки зрения государственных и церковно-политических интересов казалась папе реализация его планов в отношении России.

Поэтому он использовал на этот раз купца Паоло Чентурионе из Генуи, чтобы направить послание московскому великому князю. Чентурионе хотел найти более близкую сухопутную дорогу в Индию, оживить торговлю с этой страной, и ему казалось, что путь этот пролегает через Россию. Отважный генуэзец обратился к папе за рекомендательным письмом, папе пришлось по душе эта идея, и он дал купцу также и свои собственные поручения.

В Москве Чентурионе оказали очень радушный прием. Однако цели своей он не добился, выехать из Москвы на восток ему не удалось. Несмотря на гостеприимство, к нему, как к папскому агенту, относились крайне настороженно. Великий князь благосклонно выслушал послание папы, которое было написано в тех же навязчивых выражениях, как и прежние, переданные через епископа Феррери, и ответил в том же духе. По сообщению Паоло Джовио в его «*Historia sui temporis*» (1492—1547), князь заверял папу в своем особом к нему расположении. Но это письмо уже не застало Льва X в живых.

---

¹ Н. Uebersberger, Österreich und Rußland, S. 165.

Преемник его, Адриан VI, не был крупным государственным деятелем и дипломатом. К тому же всего через несколько месяцев он умер. Зато Клемент VII продолжал дело Льва X. Он также принадлежал к дому Медичи.

Клемент VII возобновил переговоры с Москвой, прерванные в связи со смертью Льва X. Чентурионе вновь отправился в качестве посредника в Москву с папским посланием от 25 мая 1524 года. На этот раз папский посол мог беспрепятственно держать путь через Польшу, ибо между Россией и Польшей было заключено перемирие. Король Сигизмунд, по-видимому, основательно выспросил Чентурионе на обратном пути, и, очевидно, не без пользы для себя. Об этом свидетельствует горячность, с которой король превозносил перед папой способности его посла, советуя Клементу VII оказать тому особую милость. В своем послании от 12 июля 1525 года польский король настойчиво предупреждал папу о ненадежности русских. Они-де вместе с турками идут на Польшу, и поэтому папа должен поддерживать Польшу, которая вынуждена давать отпор одновременно татарам, московитам, валахам и туркам¹.

Василий и на этот раз не дал папскому послу никаких обещаний, тем не менее он отправил в Рим Дмитрия Герасимова², который должен был лично вручить папе послание русского князя. Папскому послу он не доверял, причем опыт показал, что не без оснований.

В переговорах между Москвой и Римом, безусловно, появились новые нотки. Клемент VII с самого начала пошел иным путем, чем Лев X. Этот папа шел напрямик к своей цели. Он больше не смешивал церковную унию с борьбой против турок, но говорил только о церковной унии, то есть о главной задаче папства, не упуская при этом из виду значение унии для других дел, и в частности для союза против турок. О далеко идущих обещаниях Льва X, которые в конце концов лишь усиливали царившее в Москве недоверие к папе, Клемент VII даже не заговаривал. Он ограничился заверением, что Василий никогда не пожалеет о подобном

---

¹ См. A. Theiner, *VMPeL*, Bd. II, № 457, S. 430.

² G. v. Herberstein, *Moscovia*, hg. v. H. Kauders, Erlangen, 1926, S. 202.

шаге. Для самого же папы наибольшей наградой было бы «достижение священного соединения с Московским властелином в любви и дружбе»¹. В прежние времена подобный священный союз между папством и Россией был бы невозможен, теперь же ничто не препятствует Василию обратиться к папе с той же любовью и дружелюбием, с какими папа обращается к нему, Василию. Это настойчивое предложение союза — лучшая характеристика возросшего значения России.

Очевидно, что в том положении, в каком находилось тогда папство, союз с Россией приобретал для него огромное политическое значение, и особенно в силу того, что папа был решительным политическим противником империи. Sacco di Roma (разорение Рима) в 1527 году, когда в Риме свирепствовали немецкие ландскнехты (*rabies germanica*), стало самым удивительным проявлением кризиса во взаимоотношениях императора и папы. Sacco di Roma — такое же проявление варварства, как захват Константинополя крестоносцами в 1204 году. После тяжелых неудач в Германии в результате выступления Лютера и анабаптистов завоевание на свою сторону могущественной русской православной церкви явилось бы для римской церкви огромным успехом, который мог вознаградить ее за все потери. Поэтому решили пойти на все, чтобы добиться своего; ведь были же готовы папы в эпоху Возрождения заключить союз с турками, чтобы опереться на них в борьбе против Реформации в Европе².

В довершение всего в Польшу и Литву, служившие оплотом папской восточной политики, начала проникать Реформация. Некоторой части польской и литовской знати переход на сторону Реформации против католического короля казался выражением далеко идущей политической самостоятельности. Да и городское бюргерство стремилось присоединением к лютеранству укрепить свое политическое положение. Заигрывание пап с Москвой было понятно. Блестящая культура Возрождения, расцветшая в Польше в первой половине XVI века, не могла служить утешением папам того времени.

---

¹ Е. Шмурло, Рим и Москва, указ. изд.

² Н. Pfeffermann, Zusammenarbeit.

Но и русское правительство на этот раз, казалось, пошло папе навстречу. Из послания папе явствует, во всяком случае, что Чентурионе произвел в Москве благоприятное впечатление. Вращался ли он в том же узком кругу иностранцев, что и Николай из Любека до него? С русскими эти посланцы Запада, очевидно, общались слишком мало, чтобы составить себе ясное представление о настроении в стране. Во всех их сообщениях, как обычно, желаемое выдавалось за действительное.

Благодаря этому и возникла та туманная, но очень оптимистическая оценка позиции Москвы по вопросу о церковной унии, которую известный нидерландский гуманист Альберт Пиггхе (Pighius) изложил в своем сочинении, опубликованном в 1525 году под названием «Против заблуждений греков». Пиггхе прибыл в Рим вместе с папой Адрианом VI, его соотечественником, и остался там после смерти своего покровителя. Он был решительным сторонником идеи непогрешимости папы и подчеркивал неразрывное единство церкви. В своей борьбе против Реформации он принял на себя даже упрек в том, что обожествлял особу папы. Его книга о русской православной церкви явилась следствием его крайне враждебной позиции по отношению к Реформации в Западной и Центральной Европе. От православной церкви Пиггхе ожидал существенной поддержки в борьбе с новыми течениями на Западе. Утопические представления Пиггхе о русской православной церкви позволяют считать его в какой-то степени предшественником Крижанича.

В сочинении Пиггхе кратко изложены все доводы за унию с русской церковью. Важнейшими авторитетами в этой работе для него были наряду с историком Джовио Паоло Чентурионе и Николай Шенберг. Пиггхе очень умело собрал воедино все, что было известно по этому вопросу. В противовес учению Лютера, будоражившему тогда всю Европу, схизматики восточной церкви должны были предстать в глазах римской курии в ореоле правоверия. Признание русской церковью унии изображалось в этом сочинении не только как возможное, но и как нечто такое, к чему следует стремиться больше, чем к решающей победе над турками, которые никогда не обратятся в христианство.

Следовательно, кровь за это проливать не стоит. А вот объединить русскую православную церковь с римской католической, не хватаясь за оружие и без особых усилий, — заманчивая перспектива.

По мнению Пиггхе и его единомышленников, все зависело исключительно от доброй воли великого князя московского, а он-де уже не раз выражал готовность принять церковную унию. Об одном из пап, скорее всего о Сиксте IV, Пиггхе умудрился сообщить (откуда он об этом узнал — загадка), что тот единственно своим корыстолюбием помешал объединению церквей, так как потребовал от великого князя в случае объединения с католической церковью, кроме обычных даров, еще и большую сумму денег. Переговоры якобы расстроились только из-за этого неумеренного требования, и русские послы вернулись в Москву с твердым убеждением, что их вера самая лучшая¹. Пиггхе пишет, будто Василий III, охваченный религиозным рвением, сообщил папе Юлию II через своего друга и союзника, датского короля Иоанна, о своем желании принять участие в Латеранском соборе и направить туда делегацию, представлявшую русскую церковь. Только смерть датского короля и Юлия II помешала-де осуществлению этого плана. Готовность Василия заключить мир с польским королем Пиггхе рассматривает как особенно яркое проявление его склонности к церковной унии.

Под пером ловкого Пиггхе московский великий князь выступает прямо-таки в роли самого активного участника антитурецкой коалиции. Одержимый своим рвением, Пиггхе пишет: «Мы видим в великом князе московском схизматика, сравниваем его с язычниками, ведь мы не раз одерживали над ним победу. Но он вел себя более по-христиански, чем так называемые христианские государи, которых покойный папа Адриан тщетно умолял забыть о своих распрях. А ведь они принимали на себя титул «защитника веры». На самом деле они забыли бога, будто никогда его и не знали, проливали кровь, как воду, и довели своих подданных до нищеты. Этих правителей ничто не могло заставить отложить войну хотя бы на три года, а вот схизматик в интересах христианства заключил перемирие с поль-

---

¹ См. Е. Шмурло, Рим и Москва, указ. изд.

ским королем не на три, а на целых пять лет, и это в то время, когда он имел возможность уничтожить своего противника окончательно».

Это была действительно апология великого князя Василия, о которой тот мог только мечтать. Сочинения Пиггхе характеризовались именно тем, что он подходил к сочинению как к литературному произведению и развитие темы выводил далеко за пределы вероятного. Голландский гуманист хотел сослужить папе службу своими блестящими упражнениями в стилистике. Мы не знаем, верил ли он сам в то, что писал. Папа, во всяком случае, вряд ли верил этому, хотя рассуждениями Пиггхе он пользовался. Это была своего рода религиозно-политическая идея, возникшая в ходе борьбы с Реформацией. Стояла ли за ней действительная вера в возможность заключения унии, остается невыясненным. Тем действеннее было влияние на папскую курию польского короля.

Но уже один ответ московского великого князя на послание папы, составленное под сильным влиянием идей Пиггхе, который Герасимов доставил в Рим, подействовал на курию отрезвляюще. О главном пункте послания папы, о церковной унии, в ответе вообще не было ни слова. Да и об активном участии в борьбе против турок Москва высказалась крайне осторожно. Папа, правда, еще возлагал надежды на личную беседу с Герасимовым, предполагая, что самые важные вопросы в ответном послании не освещены и о них будет сообщено ему послом лично.

Поэтому русскому послу в Риме был уготован такой прием, какого не знал ни один его предшественник. Он был провозглашен личным гостем Ватикана, и все его желания исполнялись неукоснительно. Даже реликвии, которые он пожелал увидеть, были ему тотчас показаны. Герасимов присутствовал в качестве почетного гостя на торжественной обедне по поводу благополучного возвращения папского кардинал-легата Компеньи из Германии. Обедню служил сам папа.

Казалось, будто переговоры с русским послом еще не развеяли всех надежд Клементя VII, во всяком случае, он старался показать, что это так, и в декабре 1525 года направил в Москву в качестве папского легата францисканца Франческо Читуса, епископа Скара.

Никоновская летопись упоминает о нем под 1526 годом как об Иване Френчюжкове наряду с сообщением о второй миссии Герберштейна¹. Но послание, которое папа на этот раз направил великому князю, было выдержано в гораздо менее оптимистических тонах. О главном стремлении папы, о церковной унии, вообще больше не говорилось. В очень общих выражениях папа Клемент отзывался с похвалой о симпатиях великого князя и его посла к антитурецкой коалиции во главе с папой. Путь легата и на этот раз проходил через Польшу, поэтому папа настоятельно просил польского короля поддержать это посольство. С другой стороны, папский легат получил указание действовать в России только в теснейшем контакте с польским королем². Учитывая состояние русско-польских отношений того времени, это означало, что папе с самого начала была ясна бесцельность этой миссии францисканца и он ничего от нее не ждал; направлял же он эту миссию только в пропагандистских целях, чтобы поддержать свой престиж в борьбе против Реформации в Центральной и Западной Европе. В связи с быстрым распространением Реформации в Пруссии, Швеции и в самой Польше папа полагал, что, помимо всего прочего, он должен опереться и на польского короля. Сам папский легат был лично заинтересован в расположении польского короля, надеясь при его посредничестве вернуть себе епископство Скара в Швеции. Это еще больше побуждало его оказать Сигизмунду полнейшее доверие.

После семимесячного путешествия папский легат прибыл наконец 20 июня 1526 года в Москву. Там он встретил Герберштейна и Нугарола, послов императора, вместе с которыми ему удалось добиться перемирия на шесть лет между Россией и Литвой. Борьба за первенство между послами пап и императора явилась для великого князя гораздо более очевидным свидетельством существующих противоречий между духовной и светской властью на Западе, чем любые многочисленные сообщения о ней. Эти противоречия еще более

---

¹ См. ПСРЛ, т. XIII, СПб., 1904, стр. 45; S. v. Herberstein, *Moscovia*, hg. v., H. Kauders, Erlangen, 1926, S. 232.

² См. A. Theiner, *VMPeL*, Bd. II, № 461 и 462, S. 433—435.

утвердили его в том, что надо проявлять сдержанность в отношении унии.

Новое посольство русского князя опять направилось в Рим, но оно преследовало самую прозаическую цель: завербовать для России ремесленников и техников. Чтобы соблюсти приличия, московское посольство посетило и папу, который находился в то время в Орвието, и передало ему вежливое послание великого князя, на которое был получен столь же вежливый ответ. На этом сношения пап из дома Медичи с Россией закончились.

Не случайно кульминационный пункт усилий папской дипломатии подчинить Россию падает на 1522—1526 годы, когда Реформация начала свое триумфальное шествие.хлопоты пап из дома Медичи вокруг церковной унии с Россией в немалой степени подогревались надеждой возместить потери, понесенные в связи с Реформацией, за счет заключения союза римской церкви с русской. Им хотелось оседлать Реформацию тем же путем, как это уже однажды удалось сделать во Флоренции в 1438 году с соборным движением. Тогда на помощь пришла греческая церковь.

Но у русского правительства не было ни малейшего желания удерживать вселенскую церковную организацию от крушения. Если уж часть западного мира, север и запад Европы, показала папе спину, то русские дипломаты тем более имели право еще упорнее настаивать на своей завоеванной с таким трудом автокефалии, храня верность древней русской церкви. Ясно одно: натиск папской дипломатии на Россию в эпоху Возрождения с целью дальнейшего развития отношений был обречен на провал. Тем не менее период правления пап эпохи Возрождения, то есть вторая половина XV и первая половина XVI века, представляет собой особенно интересную главу в истории отношений России и папства.

Глава II

ПАПЫ ПЕРИОДА КОНТРЕФОРМАЦИИ¹

В решениях Триентского собора римская церковь получила твердую программу, основные принципы глубокой реставрации, возглавляемой «Испанией и всем высокородным домом Габсбургов». Реставрация должна была обеспечить церкви мировое господство. С самого начала это движение носило очень агрессивный характер, ставя своей целью, подобно испанским конкистадорам, завоевания не только в Америке, но и в Европе. «Общество Иисуса» (*Compañia de Jesus*), как назвал его основатель ордена воинствующий испанец Игнатий Лойола, было с самого начала нацелено на безудержные завоевания, пределом которых была граница известного тогда мира. Иезуиты стремились к завоеваниям не только в Старом Свете, но и за его пределами, в Америке, Азии и Африке. Идея всемирной миссии римской церкви самым тесным образом переплеталась с планами мирового господства испанских Габсбургов.

В папе Григории XIII (1572—1585) это реакционное церковно-политическое направление нашло своего идеолога. Папа поздравил французского короля с истреблением 5000 гугенотов и обещал благословение тому,

---

¹ Что касается этого периода истории, то положение с источниками превосходное. Важные публикации источников по этой теме дает в своих трудах Пирлинг, но особое значение имеет собрание документов под названием «Памятники дипломатических сношений древней России с иностранными державами, 1516—1520», т. I, 1, СПб., 1887, и «Россия и Италия», сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией, т. I, 1, СПб., 1907. Для этого периода могут быть использованы и неопубликованные архивные материалы (LA Innsbruck, «Ferdinandeische Akten», Bd. 128—131P), которые весьма подробно освещают вопрос о выборах польского короля в 1573, 1575 и 1587 гг.

кто убьет английскую королеву. Он был целиком на стороне Испании в ее борьбе за Нидерланды. Особенно же занимала папу задача возвращения всей Германии в лоно католической церкви. Основанной еще в 1552 году Германской коллегии (*Collegium Germanicum*), которая не могла развернуть свою деятельность из-за недостатка средств, вскоре после вступления на престол Григория XIII, в 1574 году, были предоставлены огромные суммы для выполнения ее задач по осуществлению контрреформации в Германии. В эту коллегия различные правители направляли самых одаренных студентов, чтобы готовить из них непримиримых борцов за дело католической контрреформации у себя на родине. Над всем этим неутомимо бодрствовало всевидящее око Общества Иисуса.

Взоры Григория XIII и его соратников, разумеется, вскоре обратились к России. Восточная Европа также входила в орбиту грандиозной программы завоеваний, выработанной католической церковью. В осуществлении этих планов важное место отводилось Польше.

Во время Ливонской войны в 1572 году умер последний из Ягеллонов, Сигизмунд II Август. Польская знать должна была избрать нового короля. В ход были пущены всевозможные интриги, поскольку каждая группировка стремилась провести на выборах удобного ей кандидата. Боролись между собой главным образом эрцгерцог Эрнст Габсбург и французский герцог Генрих Анжуйский; да и сам Иван IV тоже выступил в качестве претендента. По мнению Ивана IV, противоречия между Польшей и Россией легче всего было бы преодолеть путем личной унии между обеими державами¹.

В Риме за выборами польского короля в 1573 году следили, конечно, с неослабным вниманием². Самую активную деятельность развернули в связи с этим иезуиты. В одном из своих писем императору чешский дворянин Розенберг рекомендует иезуита Максими в качестве посредника и хорошего вербовщика голосов³.

---

¹ См. A. Theiner, *VMPeL*, Bd. II, № 812, S. 767—770.

² См. «*Nunciatura Poloniae*», *Vatikanischen Archiv*, Rom (NP), Bd. 1, 2, 3.

³ См. LA Innsbruck, Fasc. 128.

Польская знать, поскольку она тогда была еще протестантской, требовала от претендента «предоставления свободы вероисповедания». Будущий король должен был закрепить свою клятву специальным соглашением (*Pacta conventa*).

Королем был избран Генрих, герцог Анжуйский. Но он вскоре покинул Польшу, так как в связи со смертью брата надеялся получить корону Франции. После его отъезда пришлось в 1575—1576 годах проводить новые выборы. На выборах выступали те же партии, что и в 1573 году; польская знать на этот раз остановила свой выбор на князе Стефане Батории из Семиградья.

Для римской курии положение было не из легких. Григорий XIII твердо придерживался точки зрения, что надо сделать все возможное для уничтожения Османской империи или, во всяком случае, постараться ослабить ее могущество. В то же время Баторий питал надежды на решительные успехи в борьбе с Россией. Но что пользы в завоеваниях, если в самом сердце Европы сидит турок и, как бы там ни было, угрожает Европе непосредственно из Венгрии? Тогда и возникла мысль о союзе Габсбургов с Россией против турок. Об этом союзе, весьма заманчивом, и велись переговоры в Вене и в Праге.

В 1576 году в Вену был послан кардинал Мороне, чтобы завязать сношения с русским посольством. Однако недоверие, существовавшее между Россией и Австрией, с одной стороны, и императором и римской курией — с другой, было слишком велико. Император отнюдь не желал, чтобы папа чинил препятствия его планам в отношении России. Об этом и доносил Мороне в Рим. Папское посольство Кленхена, которое Мороне готовил с согласия императора, потерпело неудачу из-за решительного протеста польского короля Стефана Батория.

Баторий предложил курии другой план, который он надеялся осуществить. В Риме его план встретил полное понимание и одобрение. Раньше всего надо завоевать Россию, которая находилась тогда в трудном положении. Она переживала обострение внутренней борьбы за дальнейшую централизацию государства, направленной против центробежных сил в лице князей и бояр. Князь Курбский, например, в 1564 году в от-

крытом бою перешел на сторону Польши, и он не был исключением. Русская высшая знать из классовых соображений солидаризировалась с дворянской вольницей Польши. Одновременно Россия вела тяжелые бои в Ливонии и Эстонии, прежде всего за порт Нарву, необходимый ей выход в море. Татары воспользовались тяжелым положением России и дошли в 1571 году до Москвы. Они вновь грозили смертью и опустошениями, а за их спиной стояла Османская империя. Баторий и собирался, воспользовавшись тяжелым положением России, разбить ее. Москва может существовать только либо под властью татар и турок, либо под властью Польши — таков был его тезис. Россия под властью татар и турок — это величайшая угроза Европе, а Россия под властью Польши — это окончательное торжество контрреформации в Восточной Европе и в итоге наиболее выгодная исходная позиция для уничтожения Османской империи.

Подобные соображения, конечно, возбуждали в римской курии, для которой они были предназначены, горячее одобрение. Эти доводы казались папе очень убедительными. Однако непременным предварительным условием соглашения между Григорием XIII и Баторием должна была стать полная католизация Польши. Только католическая Польша могла быть краеугольным камнем грандиозного плана, развиваемого королем Стефаном Баторием перед римской курией. Поэтому Баторий в период своего правления силою обстоятельств стал борцом за победу католицизма в Польше. Дело шло успешно, ибо за спиной Батория стояло Общество Иисуса. Орден иезуитов был необходим Баторию, а он — ордену¹.

Знаменательно, что именно в это время за короткий срок была создана польская «провинция» иезуитского ордена, за что орден тщетно боролся в течение многих лет. Эта «провинция» развивалась столь блестяще, что очень скоро пришлось разделить ее на польскую и литовскую. Организатором польской «провинции» ордена иезуитов стал испанский иезуит Сюньер. Испанский король Филипп II не меньше, чем папа Григорий XIII, был заинтересован в осуществлении далеко идущих

---

¹ См. St. Załeski, *Jezuici w Polsce*, t. I, 1, str. 246.

планов Стефана Батория и желал превратить его в передового борца за дело контрреформации в Восточной Европе. Четыре года спустя после основания германской коллегии, в 1577 году, была основана греческая коллегия, в которую в первую очередь должны были принимать русских.

Статс-секретарь кардинал Комо 25 мая 1577 года дал указание нунцию в Польше вербовать для этой коллегии русских¹. Подобные инструкции все учащались², что свидетельствует о том, какое значение придавали в Риме обучению русских, с каким пристальным вниманием следил папа за Россией и с каким одобрением относился он к планам Батория.

В Риме серьезно интересовались ходом русско-польской войны, которую Баторий стал вести энергичнее и гораздо систематичнее. Победа польского войска при Вендене в 1578 году, как и все польские победы в войне с Россией, была отмечена в Риме благодарственным молебном. В 1578 году Баторий основал в Вильно иезуитскую коллегию³, которая должна была стать исходным пунктом наступления контрреформации на Восточную Европу. С этой иезуитской коллегией была связана римская коллегия «Руссикум», главной задачей которой было обучение православных студентов и обращение их в католичество. В ход был пущен весь огромный арсенал воспитательных средств иезуитского ордена. Возникла целая сеть воспитательных заведений, подчиненных коллегии в Вильно. На арену выступил иезуит Поссевино.

Итальянец Поссевино был завербован в иезуитский орден в 1559 году. Впервые он приобрел вес в глазах папы вследствие его больших заслуг в восстановлении католицизма в Савойе и Франции. Затем Поссевино заслужил особое доверие папы Григория XIII, который посылал его в Швецию. Восстановление католичества в Швеции в Риме считали очень важным звеном в плане завоевания России. Иезуитской коллегии в Браунсберге придавалось наряду с Виленской большое значение в борьбе за торжество контрреформации в

---

¹ См. NP, t. 17.

² Ibid.

³ Ibid., t. 15.

Восточной Европе и потому еще, что через Швецию эта коллегия могла оказать влияние и на Россию. У римской курии была своя цель — склонить Польшу и Швецию совместно двинуться на Россию, чтобы заставить последнюю признать верховную власть папства.

Польский король Стефан Баторий поддерживал план Поссевино, с которым быстро пришел к соглашению. Они установили тесное деловое сотрудничество¹. Рвение Поссевино не имело границ, он проявлял необычайную изворотливость. Поссевино никогда не скрывал своей приверженности иезуитскому ордену, принадлежность к которому наполняла его особой гордостью, он умел ловко и убедительно доказать влиятельным людям его роль в жестокой борьбе — контрреформации. Никто лучше Батория не понимал значения ордена.

Теперь Баторий стал виднейшим деятелем контрреформации в Восточной Европе, на ход которой он в свою очередь оказывал серьезное влияние. Нунций в своих донесениях в Рим² без конца превозносит «его (то есть Батория) детское послушание нашему господину», то есть папе.

Поэтому не удивительно, что, когда Баторий поздней осенью 1579 года приготовился нанести, как он полагал, решительный удар России, симпатии папы были полностью на стороне польского короля. Специальным посланием 2 июля 1579 года папа через нунция предупредил польских епископов о начале военного похода. Он потребовал, чтобы они всеми средствами поддерживали это начинание. Были заказаны молебны в честь короля, войска и их победы³, а день спустя король лично уведомил о начале военного похода своего друга и покровителя, кардинала Карло Борromeо Миланского. Этот кардинал был одним из самых ревностных деятелей, прокладывающих пути католической реакции в Европе. Необходимость войны король оправдывал жестокостью русского великого князя и теми неспра-

---

¹ См. P. Pierling, Bathory et Possevino. Documents inédits sur les rapports du St. Siège avec des Slaves, Paris, 1887.

² См. донесение от 4.7.1581. Е. Шмурло, Копии из Пражского собрания.

³ См. A. Theiner, Annales Ecclesiastici, vol. III, Roma, 1856, № 61, p. 69.

ведливостями, которые были совершены в отношении Польши Иваном IV и его предшественниками¹.

Правда, тот же папа Григорий XIII еще 8 мая 1579 года по настоянию Венецианской республики подготовил послание к России, в котором призывал ее вступить в предполагаемую коалицию христианских держав против турок, а папский нунций в Польше сразу получил инструкцию оказать на Батория давление с целью добиться заключения мира, чтобы тем самым сделать возможным совместное выступление против турок. Именно в этот момент Польша намеревалась, собравшись с новыми силами, напасть на Россию. Для папской политики в отношении России характерно, что папа тут же перешел в лагерь Батория и поддерживал всеми средствами войну католической Польши против России.

В июле 1579 года началось польское наступление, и уже 9 сентября пал Полоцк. Этот далеко на востоке расположенный бастион был очень удобным плацдармом для дальнейшего наступления на Россию в последующие годы. Много русских, среди них и такие знатные воеводы, как Шереметев, попали в плен к полякам.

Знаменательно, что Баторий немедленно после победы принял решение о создании иезуитской коллегии в Полоцке. На короля оказали влияние его духовник и его придворный проповедник, оба иезуиты, постоянно сопровождавшие его в походе.

В Риме внимательно и с радостью следили за успехами польского похода против России. Нунций в Польше получил от статс-секретаря кардинала задание по возможности находиться вблизи поля битвы, чтобы быстро и точно сообщать о происходящем. Во взятии Полоцка Поссевино видел (как явствует из его донесения в Рим) «знамение божественной мудрости и милости»². Иезуит надеялся, что теперь, после того как ворота в Россию взорваны, пришел час нести русским истинную веру. Поэтому поздравление Батория с вели-

---

¹ См. «Памятники дипломатических сношений древней России с иностранными державами», СПб., 1887, т. I, 1, № 40, стр. 39.

² См. донесения от 25.2.1579, «Памятники», т. I, 1, № 114, стр. 92—94.

кой победой, переданное ему папой, было вполне искренне. В рождественскую ночь папа специально освятил для польского короля берет и меч, которые и были ему присланы в знак признания его воинских заслуг.

В это же время в Венеции и при императорском дворе все продолжали трудиться над сколачиванием антитурецкого союза, в котором России отводилась значительная роль. Предполагалось подогреть тщеславие Ивана IV — он-де должен выступить как наследник византийского императора, напасть на Османскую империю с севера, чтобы как восточноримский император войти в Константинополь. Главное бремя войны должна была нести Россия. Естественно, что, пока шла русско-польская война, немыслимо было даже подступиться к царю с подобными планами. Поэтому одновременно с вручением берета и меча папский нунций должен был позондировать почву и относительно мира; но уже 18 января 1580 года тот был вынужден доложить статс-секретарю кардиналу о неудаче этого предприятия.

Папская дипломатия, конечно, имела в виду только капитуляцию: Россия должна-де принять церковную унию, выступить против турок и, кроме того, признать польские завоевания и притязания Польши на Ливонию. Если бы Россия заключила мир на подобных условиях, цель была бы достигнута. Но Баторий прекрасно понимал, что это утопия. Ему было ясно, что Россия никогда не подчинится римской церкви и не признает в мирном договоре притязания Польши на русские территории и на Ливонию.

В расчетах, которые делались в Венеции и при императорском дворе, учитывалось, помимо всего прочего, и тяжелое положение Батория. У венецианцев на службе находились лучшие дипломаты того времени¹, поэтому они располагали наиболее точными сведениями, ибо лучше всех платили, беря на дипломатическую службу способных и образованных людей. От их внимания не ускользнуло, что казалось бы столь победоносный поход Батория на Россию не получил поддержки всех слоев польской знати. Хотя католическая

---

¹ W. Andreas, Staatskunst und Diplomatie der Venezianer, Leipzig, 1943.

контрреформация в Польше действительно достигла потрясающих успехов и число обращений занимало в донесениях нунциев солидную рубрику, находились, однако, и такие достаточно влиятельные дворяне, которые отнюдь не желали, чтобы Польша истекала кровью в борьбе с Россией. Перед каждым походом приходилось созывать сейм, добиваться согласия на ассигнования. Страна же была совершенно не в состоянии долгое время предоставлять огромные суммы, необходимые для разорительной войны против России. Указанные трудности ясно видел венецианский агент при императорском дворе и в таком духе писал свое донесение. Сообщение это оказало влияние и на папскую канцелярию.

Попытка заставить Швецию не только перейти на сторону католической церкви, но и совместно с Польшей выступить против России к лету 1580 года потерпела полный провал, несмотря на изворотливость Поссевино. Иезуит покинул Швецию, организовав напоследок еще один филиал иезуитского ордена в Стокгольме. С ним были шестнадцать молодых шведов, которых он доставил в Браунсберг и Ольмюц для подготовки их к миссионерской деятельности на родине. Но какое это имело значение для его и папы Григория XIII далеких планов? Преодолеть противоположность интересов и недоверие Швеции к контрреформационной Польше оказалось невозможно. Тем сильнее соблазняли Венецию и папу предложение Персии вступить в антитурецкую коалицию и открывающаяся в связи с этим возможность втянуть Россию в авантюристическую войну с Портой, напав на нее с севера, запада и востока одновременно.

Вести о такого рода планах проникли и в Россию. Иван IV увидел в этом удобный случай положить конец изнурительной польско-русской войне. Ведь до окончания войны Россия не могла вступить в антитурецкую коалицию. Поэтому, когда прямые переговоры с Польшей о мире ни к чему не привели, было решено прибегнуть к посредничеству императора и папы. 6 сентября 1580 года в Прагу, Рим и Венецию отправилось русское посольство во главе с Шевригиным. На России очень тяжело отразились успехи Батория во время его похода в Ливонию летом 1580 года. Зато

одновременно поход этот возбудил подозрения у Швеции.

Да и в самой Польше положение было не столь блестящим, как казалось со стороны. 1580 год в сравнении с предшествующим был менее успешным. Прежде всего надо было укрепиться в Ливонии, зная которой уже давно тяготела к Польше, ища у нее защиты. Польский сейм был, однако, неподатлив в отношении предоставления средств. Даже процесс восстановления католицизма в Польше замедлился, судя по донесениям папского нунция от 27 января 1581 года. Об этом нунций с тревогой писал еще и раньше, 7 января 1580 года, кардиналу Карло Борромео¹.

Тем не менее 1580 год надо считать годом больших успехов. Были взяты Великие Луки, важный пункт на пути к Пскову. И здесь много русских бояр из страха перед Иваном IV перебежало и оказалось в плену². Однако упорное сопротивление русского народа и возрастающие трудности снабжения припасами замедлили темпы продвижения Батория. Даже ссылки короля на богатство земель между Великими Луками и Псковом не служили более приманкой³. Слишком дорогой ценой доставался каждый кусок земли, а Речь Посполитая была уже сыта по горло своими завоеваниями. Вот почему 1580 год, несмотря на все внешние успехи, в конце концов был шагом назад. Венецианский посол при императорском дворе немедленно оповестил об этих трудностях синьорию, а та, разумеется, направила сообщение об этом далее, в Рим⁴.

Поэтому русские посольства к императору, в Рим и Венецию нашли более дружественный прием, чем можно было предполагать. В своем послании Иван IV очень искусно выставил напоказ зависимость своего противника Батория от турок: именно он, Баторий, разрушитель мира между христианскими державами, ме-

---

¹ «Памятники», т. I, 1, № 226, стр. 164; № 246—247, 178 сл.

² См. NP, t. 15a.

³ См. «Relacyje nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690», red. E. Rykaczewski, 2t., Berlin — Poznań, 1864, t. 1, str. 331.

⁴ См. донесения венецианских послов при императорском дворе от января 1581; «Памятники», т. I, 1, № 241, стр. 172; № 243, стр. 173—176; № 245, стр. 177.

шает единодушно выступить против Порты, да и сам он — вассал властелина Босфора. Царь охотно выступил бы вместе с христианскими князьями и вместе с папой, если бы ему не был помехой Баторий.

При императорском дворе и в Венеции русское посольство было принято поэтому самым многообещающим образом. Венеция особо подчеркнула свою старинную дружбу с Россией. На двуглавого орла на русской печати взирали с почтением. Ведь для синьории Византия в течение столетий была воплощением высшего могущества¹.

В начале марта русское посольство торжественно въехало в Рим; с замка св. Ангела палили из пушек. Баторий следил за этим посольством с величайшим недоверием. Император, синьория и даже папа, друг и покровитель Батория, устроили торжественный прием послу исконного врага католического мира, послу «варварской страны», как он любил называть Россию. Получившая распространение в Праге и в Венеции мысль, что русский царь законный наследник византийского императора, была подчеркнута и в Риме. Таким путем собирались подстегнуть Россию, чтобы она взяла на себя главную тяжесть удара по Османской империи. Все это было не по нутру Баторию, что он и сообщил папской курии.

Каким образом надеялся папа решить эту дилемму: примирить оба плана — план польского короля и план венецианского дожа? К затейной папой двойной игре невозможно отнестись без иронии. Идя навстречу пожеланиям Батория, папа устроил русскому посольству не официальный прием, как это делается обычно (хотя посол располагал особыми рекомендациями императора), а дал ему лишь частную аудиенцию². На аудиенции, впрочем, все шло по образцу предыдущих приемов русских посольств, и у папской курии осталось благоприятное впечатление от этой встречи. После прибытия русского посольства и первого тура переговоров, состоявшегося 23 февраля, Григорий XIII направил 4 марта 1581 года послание сво-

---

¹ «Памятники», т. I, 1, № 253, 254, 257, 260, стр. 182—186.

² См. L. Pastor, Papstgeschichte, Bd. IX, S. 698 ff.

ему нунцию в Польшу. Этим посланием он как бы приносил польскому королю извинения за устроенный русским прием. Все, мол, обстоит совсем не так, как кажется на первый взгляд. Официальный церемониал явился-де следствием предшествующих приемов русского посольства и раз и навсегда зафиксирован в протоколе Ватикана. В письме русского царя папе всего лишь выражено стремление жить с папством в мире и желание заключить мир с Польшей, дабы обеспечить царю возможность выступить против турок. Со своей стороны папа добивается унии русской церкви с римской¹. Это и будет прежде всего осуществлять Поссевино. Статс-секретарь кардинал в письме нунцию в Польшу подчеркивал, что в Риме очень хорошо понимают, чему они обязаны прибытием этого русского посольства: «целительному поражению», которое нанес Стефан Баторий русскому великому князю². В Риме-де не ждут от посольства ничего особенного, ибо в послании великого князя не говорится об унии церквей. Не так просто было, однако, сдержать Батория с его победоносными планами, но это необходимо было сделать для того, чтобы, имея в виду войну против турок, заключить мир между Россией и Польшей.

6 марта было объявлено папское решение, что Поссевино будет сопровождать русское посольство в Москву. Он должен будет вести переговоры с царем о посредничестве при заключении мира между Польшей и Россией. Таковы были подробные указания папы³. В тайных инструкциях, которые статс-секретарь кардинал направил Поссевино, особо подчеркивалось стремление добиться церковной унии⁴. Уния, как полагали в Риме, была необходимой предпосылкой включения России в антитурецкий фронт на более или менее длительный срок. В результате унии позиции папства в России коренным образом изменились бы. Решающее влияние папства упрочилось бы и в сфере политики. Но пойдет ли это на благо русскому народу — это кую, разумеется, не заботило.

---

¹ «Памятники», т. I, 1, № 270, стр. 201—205.

² L. Pastor, Papstgeschichte, Bd. IX, S. 701.

³ Е. Шмурло, Копии из Пражского собрания.

⁴ См. St. Polčin, op. cit., str. 5.

Пока русское посольство, минуя Польшу, возвращалось в Россию через Любек, Поссевино предстояло совершить нелегкий путь ко двору польского короля. Король горел нетерпением узнать наконец поподробнее об оживленных переговорах русского посольства в Вене, Венеции и Риме. Баторий считал, что папская дипломатия, которой он по убеждению служил верой и правдой, предала его. Ординарным папским дипломатам было не по плечу тягаться с деловитым иезуитом, осуществлявшим особую миссию. В 1581 году нунция Калигари сменил Болоньетти¹.

Но это не успокоило Батория. Только подумать: святой престол вступил в дружественные переговоры с Россией, с врагом католической церкви, с Россией, которая ведет кровопролитную войну против Польши. Как мог Баторий это понять? Папское послание и заверения нунция лишь усилили его нетерпение. Оно достигло таких пределов, что влиятельный польский иезуит Скарга, который в качестве придворного проповедника и королевского духовника хорошо знал Батория, обратился к генералу иезуитского ордена Аквавиве и попросил его наложить запрет на поездку Поссевино в Москву, так как эта миссия может нанести серьезный ущерб интересам иезуитского ордена в Польше². Поссевино, посланец папы в Москву, не торопился поэтому с отъездом и занялся выполнением других миссий папы. Однако главного своего поручения он не терял из виду.

Судя по всему, польский король вначале не мог оказать Поссевино дружеский прием. Но иезуиту удалось довольно быстро преодолеть недоверие Батория и умиловить его. Чтобы успокоить Батория, Поссевино в самых доверительных беседах рассказал о неизменном расположении святого престола к Польше и польскому королю. То, на что лишь намекалось в послании, Поссевино смог изложить подробнее. Он разъ-

---

¹ О папских нунциях в Польше в этот период см.: L. Pastor, *Papstgeschichte*, Bd. IX, S. 679—681; но прежде всего I. A. Caligarii *nuntii apostolici in Polonia epistolae et acta 1578—1581*, под ред. L. Boratyński; и A. Bolognetti *nuntii apostolici in Polonia epistolae et acta*, p. I (1581—1582), p. II (1583), под ред. E. Kuntze und Cz. Nanke. MPV, t. IV (1915), V (1923—1933), VI (1938).

² См. St. Polčín, *op. cit.*, стр. 9.

яснил, что его миссия в Москву не ставит своей целью усиление России, а скорее наоборот — ее ослабление, ибо участие России в войне с Турцией приведет к этому.

В письме статс-секретарю кардиналу Комо от 5 мая 1581 года Поссевино проговорился, чего ждал папа от Батория. Он надеялся, что «бич польского короля» будет самым лучшим средством обучения катехизису, другими словами — распространения в России католицизма¹.

Король и Поссевино горячо обсуждали, как активизировать военные действия и тем самым создать благоприятную обстановку для миссии Поссевино. Баторий начал в 1581 году наступление. 25 августа было получено известие об окружении Пскова.

Правда, на этом продвижение поляков остановилось. Еще 15 сентября 1579 года папский нунций в Польше сообщал о плане Батория идти через Псков и Новгород на Москву. Казалось, что план этот начал осуществляться.

Во всяком случае, наступление поляков в 1581 году было очень опасным для России. Ослабленная внутренне и внешне, Россия нуждалась в немедленном заключении мира. Поскольку и Польша истощила уже свои резервы, момент для серьезного посредничества между ними был самый благоприятный. К тому же и Швеция грозила вступить в войну с Россией из-за Ливонии, что отнюдь не соответствовало планам Польши. Мир был необходим, так как обе стороны были истощены². Поэтому и Баторию миссия Поссевино в Москву пришлась по сердцу, однако он сам и его окружение всячески старались это скрыть и только без конца подчеркивали свою покорность папскому престолу. Иезуит, конечно, вовсе не был беспристрастным посредником между двумя партиями и действовал от начала и до конца в интересах господствующих кругов Польши. Это явствует из всех мероприятий Поссевино. В переговорах он неизменно оставался представителем

---

¹ См. P. Pierling, Báthory et Possevino, p. 75, № 97. «Sarà la sferza del re di Polonia».

² См. «Дневник последнего похода Стефана Батория в Россию», под ред. М. О. Кояловича, СПб., 1867.

Польши, поддерживая тесные связи с королем Стефаном Баторием и ведущими государственными деятелями и воеводами Польши, такими, как Замойский¹. При этом Поссевино сохранял обличье беспристрастного папского посредника, и польские дворяне не совсем были удовлетворены его деятельностью.

Для первых переговоров с русскими папский легат выехал 14 сентября 1581 года. 10 октября он вновь уже оказался в польском лагере под Псковом, безуспешная осада которого все еще продолжалась. В Москве он оставил четырех сопровождавших его иезуитов. Из них на одного, хорвата Л. Дреноцкого, была возложена миссия оказать влияние на окружение царя в смысле обращения его в католичество². Это было довольно смело, учитывая особую ненависть, какую такие попытки вызывали в Москве.

Выработанные Баторием условия мира, которые Поссевино предложил русским, были очень тяжелы. Россия должна была отказаться в пользу Польши от всей Ливонии. Самым скверным было то, что Баторий рассматривал Ливонию лишь как удобный для себя плацдарм. Король и не помышлял о длительном мире с Россией, а добивался короткой передышки, после которой можно будет с новыми силами напасть на противника с лучших стратегических позиций. Под стенами Пскова у короля и Замойского, вынашивавших планы завоевательной войны против России, возникла идея обуздать дворянскую вольницу Польши, укрепив централизованное государство³.

России пришлось пойти на большие жертвы, ибо силы ее были на исходе, Баторий же вынужден был ограничиться добытым, ибо и у него не было средств для нового наступления. Уже из этого ясно, что перемирие не удовлетворило ни Россию, ни Польшу. Поссевино, папский посредник, не снискал благодарности ни у русских, ни у поляков. Наоборот. Обе стороны чувствовали себя обиженными, хотя Поссевино по существу защищал интересы только Польши. Об этом с осужде-

---

¹ А. Тургенев, Дополнение к Актам историческим, № 30; см. также стр. 74—100, «Relacyje», t. I, str. 437—444.

² См. St. PolŃin, op. cit., str. 18.

³ См. Л. Полонский, Ст. Баторий под Псковом, «Вестник Европы», СПб, 1868, февраль, стр. 725—752

нием сообщал в Рим папский нунций Болоньетти. Таким образом, и главный доверитель Поссевино тоже остался им недоволен, и не без основания. Ведь папа в конце концов согласился на посредничество Поссевино между Польшей и Россией прежде всего в надежде на то, что Россия в благодарность за спасение от катастрофы (в Риме именно так расценивали положение) согласится на унию и примет активное участие в войне с Турцией. Но ничего подобного не произошло.

Правда, Иван IV пригласил Поссевино в Москву, чтобы переговорить с ним об унии. Состоялось три беседы: 21, 23 февраля и 4 марта¹, но беседа о религии, в которой царь принял личное участие, не принесла иезуиту победы. Наоборот! Да и что мог сказать он на скептический вопрос царя, отвечает ли духу христианства то, что папа позволяет целовать себе ноги? Если папа предъявляет подобные требования, то он скорее волк, а не пастырь. Итогом этих бесед явилось то, что в Москве неприязнь к Риму значительно возросла. Это вынужден был признать и сам Поссевино².

В неудаче миссии повинна была не плохая подготовка иезуита³ — Поссевино использовал имеющееся у него в распоряжении время на то, чтобы усердно заняться изучением истории, богословия и политической ситуации в России, — дело было в том, что русские дипломаты разгадали тайные замыслы Поссевино и католической контрреформации: ввести в России католицизм при помощи «бича Батория». А это было самым бессмысленным из всего, что вообще можно было предпринять. Безграничное высокомерие пап прежде всего нашло в этом свое самое полное выражение.

Однако пребывание Поссевино в Москве не прошло даром. Иезуит основательно познакомился с различными сочинениями и реальной жизнью⁴ и пришел к пра-

---

¹ А. Тургенев, Дополнения к Актам историческим, СПб., 1848, № 33—35, стр. 100—110.

² А. Тургенев, Акты исторические, т. II, СПб., 1848, № 14, стр. 11; далее: С. Ф. Платонов, Москва и запад в XVI—XVII вв., Л., 1925, стр. 30—31.

³ См. St. Polčin, op. cit., str. 25.

⁴ См. издание Поссевино «Commentarii Moscoviae», Wilna, 1586, Ferrara, 1592 (с приложением источников)

вильному выводу, что русская православная церковь представляет собой единое целое, что она хотя и связана с византийской, но вполне независима и автокефальна, что она никогда добровольно не склонится перед властью папы. Русские совершенно не намерены были подчиняться какому бы то ни было нажиму папы. Напротив.

Эта столь негативная оценка положения имела большое значение для римской церкви. Она окончательно уничтожила иллюзии, которые папы постоянно и очень охотно поддерживали. Да и кому приятно расставаться с иллюзиями? Ведь Поссевино до конца не терял надежды привлечь Россию на сторону церковной унии, понимая, что это возможно не иначе, как при помощи лжи и обмана и вопреки здравому смыслу. Поссевино сообщал в Рим, что нужны особо образованные миссионеры, владеющие книжной мудростью, теологией и языками, чтобы постепенно, исподволь прививать заблудшим и невежественным людям правильные понятия о положении церкви в католической части Европы¹.

Он знал, что мирным путем добиться церковной унии невозможно. Добиться ее заключения можно было только хитростью и силой. Предпосылкой для этого было превращение всей Польши в католическую страну, сознающую свое великое предназначение: русская православная церковь в Польше и Литве должна была по возможности быстро объединиться с римской церковью, а Ливония — вновь стать католической. Таков был план папской курии на ближайшее будущее.

Знаменательно, что Поссевино из Москвы направился незамедлительно в Ливонию, где весной 1582 года принял участие в создании иезуитской коллегии. Эта коллегия должна была стать центром борьбы за победу католицизма в стране².

Из Ливонии Поссевино весной того же года отправился в качестве сопровождающего русское посольство к папе. Это посольство рассматривали как триумф иезуита и его ордена. Всему свету наглядно продемонстрировали, какую власть приобрел орден: даже мир с не-

---

¹ См. L. Pastor, *Papstgeschichte*, Bd. IX, S. 708.

² См. Possevinus, *Livoniae commentarius*, ed K. Napierksy, Riga, 1852

католическими странами, например с великой Россией, был подготовлен иезуитом, действовавшим от имени папы. Долгое время упорно подчеркивалось мнимое согласие России на церковную унию. Особенно рьяно внушали это мнение папе Григорию XIII, хотя Поссевино еще во время своего пребывания в Москве убедился в безнадежности подобных планов.

Иван IV в послании к папе не давал в этом отношении никаких обещаний. В послании говорилось лишь о предоставлении католическим миссионерам свободного проезда в Персию и даровании итальянским купцам привилегии брать с собой в Россию католических священников.

Содействие России в турецких войнах было обещано лишь при условии создания коалиции христианских держав, но через своих послов Иван IV знал, что коалиция не может быть создана. Поэтому согласие на предложение папы в отношении войны с Турцией отнюдь не означало серьезной уступки. В конце концов все сводилось к «умножению славы господней» в результате заключения мира.

Несмотря на видимый неуспех всего дела, папа соблюдал декорум. По сообщению императорского посла от 15 сентября 1582 года, русскому посольству в Риме был оказан торжественный прием¹. Посольство вновь приветствовали пушечные залпы замка св. Ангела, а статс-секретарь кардинал встретил послов лично у городских ворот. В милостивом ответном послании Ивану IV от 1 октября 1582 года папа продолжал выражать свою надежду на унию церквей. Упоминание об унии стало для курии привычной формулой. По утверждению папского нунция в Польше Болоньетти, Поссевино поддерживал эту надежду уже вопреки здравому смыслу².

В письме к папе от 12 апреля 1583 года Поссевино излагал план обращения Восточной Европы в лоно католической церкви. Это имеет величайшее значение для открытия пути в Индию и Китай — доказывал он папе, проявлявшему интерес к миссионерской деятельности католической церкви во всем мире. То была идеологиче-

---

¹ См. Wiener Staatsbibliothek, Msk 8953

² NP, Bd 15b

ская подготовка к новому серьезному наступлению на Россию. Для внешнего мира нарочито поддерживалось впечатление, что Россия готова признать унию. Делалось это столь успешно, что французский король, будучи политическим противником австрийского двора, обратился к герцогу Пруссии с письмом, полным тревоги по поводу грозящей протестантским державам опасности в случае роста влияния контрреформации в Восточной Европе¹.

Но вот произошло событие, положившее начало новому этапу контрреформации в Восточной Европе. Весной 1584 года умер Иван IV. Предыдущими этапами контрреформации были Триентский собор, избрание Батория и его правление до взятия Полоцка, а также борьба за Псков и заключение мира в Москве. Смерть Ивана IV послужила поводом для нового натиска на Россию. Слабоумие преемника Ивана IV, Федора, было общеизвестно, что, несомненно, ослабляло позиции России. Высшая знать, боярство хотели прибрать власть к своим рукам и тем затормозить превращение России в передовое централизованное государство. Но кровавые репрессии, которые пережили бояре в правление Ивана IV, настолько ослабили их силы, что ближайшему окружению царя, и прежде всего его шурина Борису Годунову, удалось сделать поворот к политике Ивана IV. Тем не менее переходное время в России и угроза прекращения династии ввиду бездетности Федора способствовали тому, что захватнические устремления Батория и его соратников — Замойского и других — разгорелись с новой силой. Поссевино оценивал положение точно так же, как и Баторий. Не нужно было никакого письма Замойского, чтобы оживить в нем мечты об объединенной польско-русской империи, уходящей далеко в глубь Азии и освобождающей от татар и турок Восточную Европу. Насколько эти мечты овладели иезуитом, видно из его письма австрийскому эрцгерцогу от 20 марта 1584 года. Оно было написано после получения известия о смерти Ивана IV. Уже в этом усмотрел он возможность для победы над русской православной церковью, над Россией, возможность объединения России и Польши под верховной властью папства.

---

¹ См. К. Forstreuter, Preußen und Rußland, S. 148.

Поссевино пытался внушить такой взгляд на вещи и папе. Но римская курия очень скоро разобралась в том, что такие планы, во всяком случае на ближайшее время, не имеют под собой реальной почвы. Откуда взять средства, если Польша истощена бесконечными войнами и не располагает ими? Что будет с войной против турок? — мысль, не покидавшая Григория XIII! Планы Батория и Поссевино отодвигали ее осуществление в еще более отдаленное будущее. Антитурецкая коалиция, которая, казалось, начинает сколачиваться, грозила распасться в связи с этими планами, и прежде всего потому, что Венеция вследствие своих торговых интересов была против далеко идущих фантастических проектов польского короля и иезуита. Скептическому отношению к этим планам в Риме немало содействовали донесения польского нунция Болоньетти¹, который начиная с 1583 года все более отрицательно оценивал деятельность Поссевино. В 1583 году Болоньетти был возведен в сан кардинала, и его предостережения против Поссевино приобрели еще больший вес. Вначале он ограничивается тем, что передает критические сообщения о Поссевино и польском короле через брата в Италии своим друзьям в Риме, делая это с большими предосторожностями. Доверие папы к его ревностному посланцу можно было поколебать лишь постепенно, а пока что Болоньетти опасался его из-за огромного влияния Поссевино на папу. Со временем, однако, упреки Поссевино в своеволии, высокомерном поведении, в стремлении оттеснить на второй план официального папского представителя в Польше и использовать нунция лишь для передачи писем подействовали. Статс-секретарь кардинал Комо раньше других стал приходить к убеждению, что ретивый иезуит приносит больше вреда, чем пользы. Поссевино долгое время не подозревал, какие тучи сгустились над ним в Риме, и действовал самовластно — в духе Батория, — занимаясь осуществлением грандиозных завоевательных планов новоявленного Карла Великого.

В 1585 году с генералом ордена договорились об отзыве Поссевино из Польши и переводе его в коллегия в Браунсберге. Там этот неутомимый человек получил

---

¹ NP, Bd. 15c; «Россия и Италия», т. II, 2. Приложение VI, стр. 331—397

возможность продолжать свою деятельность среди русских и шведских студентов в плане задуманной им миссии в северные страны.

Но вот скончался престарелый Григорий XIII и на престол вступил пылкий Сикст V. Хотя он не был столь привержен к Обществу Иисуса, как его предшественник, и генерал ордена должен был соблюдать при нем величайшую осторожность, новому папе пришлось по вкусу завоевательные планы Батория и Поссевино. Его особенно привлекала их смелость. Его не страшила, подобно Григорию XIII, перспектива нанести удар Османской империи не сразу, а в далеком будущем, зато удар смертельный. Он был готов даже финансировать завоевательный поход в Россию, не ограничиваясь церковным благословением, на что надеялись при императорском дворе. В Праге все были настроены решительно против Батория и его планов, так как осуществление их могло привести к созданию на востоке великой державы, опасной для дома Габсбургов. Крушение же этих планов должно было вновь усилить турецкую угрозу. То и другое было нежелательно. Однако Сикст V, по мнению австрийского историка Х. Юберсбергера¹, не желал считаться с подобными опасениями и не видел «зла» в завоеваниях в России, кои будут достигнуты без согласия императора. Первая часть средств — 25 000 золотых монет — была передана Баторию.

Поссевино не без колебаний принял участие в этих новых предприятиях, и то лишь после категорического приказа нового папы. При этом совесть его, разумеется, не мучила, что нарушено перемирие с Россией, им же самим заключенное. Для оправдания этого беззакония в Риме состряпали невероятное объяснение: Россия-де в опасности, ей грозит завоевание турками и татарами; поэтому поляки как братья пришли ей на помощь, и ради этого русские готовы отдаться под власть Польши и уступить ей некоторые земли². Совсем в духе тезиса Батория: Москва либо под властью турок, либо под властью Польши. Этот тезис оказал влияние и на Сикста V. В этом духе было выдержано и послание папы в

---

¹ H. Uebersberger, Österreich und Rußland, Bd. I, S. 502 ff.

² P. Pierling, Russie, t. II, p. 305.

Россию, которое он собирался передать через Поссевино. То, что это всего-навсего мнение польского короля, папу не беспокоило. Для вручения послания был выбран Поссевино. Сколь велика ирония судьбы!

К этому времени иезуит Поссевино на основании длительных наблюдений и тщательного изучения составил себе ясное представление о положении в Северо-Восточной Европе. Помог ему прежде всего опыт первого посольства в Москву, результаты которого никого не удовлетворили. При критическом отношении нового папы к иезуитам провал миссии Поссевино мог вызвать осложнения для всего ордена. Поэтому генерал ордена отнесся к идее этого посольства очень неодобрительно. Однако ссылка Поссевино на плохое здоровье не была принята папой во внимание, и иезуит скрепя сердце собрался в путь через Польшу в Москву, чтобы там разъяснить русским: поляки вторгнутся в Россию, дабы защитить ее от турок и татар!

В пути его настигла весть, что 14 декабря 1586 года польский король умер после непродолжительной болезни, в разгар приготовлений к русскому походу. В связи с походом он готовил также изменения в управлении государством с целью получить от сейма деньги. В этот раз Баторий хотел бить наверняка. Опыт похода 1579—1582 годов многому его научил. Замыслы Батория были грандиозны. Но тут вмешалась смерть. Папская курия была глубоко опечалена. Папа Сикст V писал примасу польской церкви: «Какой удар для католической церкви!»¹

После смерти Батория ситуация совершенно изменилась. Польша опять стояла перед необходимостью выбрать короля.

Большинство проголосовало за шведского Сигизмунда, меньшинство — за эрцгерцога Максимилиана. Между кандидатами началась открытая борьба за корону, которая заняла весь 1587 год. Коронный канцлер Замойский, являвшийся опорой покойного Батория и иезуита, вытеснил Максимилиана из страны и даже захватил его в плен на территории Австрии. Таким образом, Сигизмунд смог в конце 1587 года торжественно короноваться в Кракове.

---

¹ См. «Relacyje», t I, str 457

Поссевино и его польские друзья одержали победу, хотя он сам был удален из Польши. Чтобы оправдать свои дипломатические акции в глазах все растущей против него оппозиции, Поссевино опубликовал в 1586 году свою книгу «Московия», которая в 1587 году вышла новым изданием, а в 1592 году появилась в итальянском переводе. Это показывает, какой она вызвала интерес. Но время его миновало. Публикации Поссевино вызвали возмущение его противников. Выступили польские государственные деятели, которые очень неодобрительно отнеслись к обнародованию секретных государственных документов в приложении к его «Московии». Тщетно разъяснял Поссевино, что получил разрешение на публикацию этих документов от самого Батория.

Только в понтификат Клементя VIII, занявшего папский престол в 1592 году, политика римской курии в отношении церковной унии в украинско-белорусских землях Речи Посполитой стала более определенной. Указанный папа был прежде всего заинтересован в проведении контрреформации, и не только в Германии, как следует из донесения одного силезца от 1604 года¹, но и в Восточной Европе. Борьба с Турцией отошла у него на второй план, в противовес его предшественнику Сиксту V. Это, однако, ни в коем случае не означает, что вопрос о войне с Турцией совсем был снят. Просто папа был того мнения, что, прежде чем думать о решительных сдвигах в турецкой войне, надо довести до конца дело католической контрреформации в Европе. Стратегическая линия в отношении России оставалась неизменной, менялась в понтификаты различных пап только тактика.

В 1592 году сторонники краковского епископа Мацейовского из Луцка и иезуиты добились от податливого короля Сигизмунда решения этого вопроса: король потребовал от православных епископов признания унии и обещал им после ее осуществления уравнивание в правах с католическими епископами. Католические епископы занимали в стране привилегированное положение, заседали в сенате, имевшем в этой дворянской республике большой вес.

---

¹ Th. P a u r, Römisch-deutsche Zustände im Jahre 1604. «Neues Lausitzisches Magazin», Bd. XLI, 1864, S. 145 ff.

Все, кто имел отношение к осуществлению церковной унии, стремились ввести ее поскорее. Нельзя было слишком долгое время злоупотреблять готовностью православных епископов. Надо было действовать быстро. Поэтому на папскую курию было оказано давление через нунция, возвратившегося вместе с королем из Швеции в 1594 году.

В Риме, однако, решили придерживаться, как и прежде, двойственной политики. С одной стороны, поддерживали планы проведения унии, разработанные сторонниками польско-католической реставрации, с другой стороны — передали России через специального легата в Москве, хорвата Алекса Кумоловича¹ самые заманчивые предложения, если она согласится на участие в борьбе против турок и примет унию. Кумолович должен был сообщить русскому правительству о следующих планах: Юго-Восточная и Восточная Европа объединятся под одним скипетром и под властью папы. Римскую курию не смущало то обстоятельство, что это был совершенно иной политический план, чем тот, что маячил перед глазами правящих кругов Польши и который так энергично разрабатывали Баторий и польские иезуиты. Понятно, что польское правительство относилось к посольству Кумоловича в Москву с большим недоверием и старалось всячески ему помешать, в чем в конце концов и преуспело. Когда же стало ясно, что миссию поддерживает император в Вене, польские деятели выступили решительно против нее, ибо усмотрели в этом австро-русский заговор против Польши. Ведь император был крайне заинтересован в немедленном вступлении России в войну с Турцией. В связи с этим контрреформация в Польше и Литве все ревностнее выступала за унию православной церкви с папским престолом.

Грандиозные планы разрабатывал и папский нунций Маласпина, посетивший Швецию с особой миссией в 1592—1594 годах. Он участвовал в поездке польского короля Сигизмунда, который после смерти отца должен был получить и шведскую корону. Швеция, Польша и Семиградье — единый фронт против России; России, обязанной осуществить унию, открыть путь в Персию

---

¹ K. Chodynicki, Kościół, prawosławny a Rzeczpospolita Polska, Warszawa, 1934, str. 275—276.

через Грузию, уже тогда связанную с Россией. Какие перспективы открывала такая коалиция держав в грядущей войне с Турцией! Маласпина по специальному велению папы отправился из Польши в Швецию, где должен был действовать в духе этой программы.

Папа хотел проложить через Грузию путь в Персию, которая вела тяжелую борьбу с Османской империей за Закавказье. Именно в это время грузинский царь Александр обратился к московскому патриарху с просьбой ходатайствовать перед царем, дабы Россия помогла ему отстоять независимость его страны¹.

В этой связи становится понятным, почему в папской дипломатии с 80-х годов XVI века наряду с Персией большое внимание уделяется Кавказу.

Папская курия прекрасно понимала, что в осуществлении этих далеко идущих планов Россия будет играть решающую роль. Поэтому первым шагом должна была стать уния православной церкви в Польше, которая являлась как бы подготовкой к унии в России. Папская курия рассчитывала, не отталкивая Россию, поддержать движение за унию влиятельных кругов польского дворянства, епископов и иезуитов. Напрасно в Риме тешили себя обманчивой надеждой, что уния в Польше послужит примером для России. Именно этой точки зрения придерживался папский нунций в Польше Маласпина, да и в самом Риме очень охотно внимали подобным рассуждениям. Уния, которая еще за пять лет до этого была отвергнута как измышление греков (*vanita graeca*), нашла теперь у папы Клементя VIII полное одобрение.

После неудач контрреформации в Швеции, где Сигизмунд III не смог добиться своего, и поражения в Семиградье, где влиянию иезуитов был положен предел, успех в Польше, в центре контрреформации Восточной Европы был римской курии особенно желателен. При этом курия не отдавала себе отчета, что невозможно связать прямо противоположную тактику.

Сигизмунда III по его возвращении из Швеции выехал приветствовать влиятельный придворный проповедник Скарга, и приехал он именно «из России», как пишут об этом, то есть из областей Польши и Литвы с пра-

---

¹ А. Тургенев, Акты исторические, т. I, № 227, стр. 429—432

вославленным населением¹. В 1594 году, в год возвращения короля из Швеции, православные епископы Польши и Литвы официально объявили о своем согласии признать церковную унию с Польшей, если им разрешат сохранить свой обряд и уравниют в правах с латинским духовенством. Митрополит Рагоза в сопровождении двух епископов лично вручил это заявление папскому нунцию в Польше. Ничто не стояло более на пути к осуществлению унии; финансирование поездки в Рим делегации православных епископов было уже делом нетрудным. Обратный путь оплатил бы папа. Осенью 1595 года оба епископа, Терлецкий и Поцей, которые больше всех ратовали за унию и слыли самыми ярыми ее сторонниками, отправились в Рим.

23 декабря 1595 года в Риме состоялся торжественный обряд признания верховенства римской церкви и примата папы через целование его туфли — обряд, о котором всего несколько лет назад Иван IV отзывался с такой насмешкой.

Одновременно была опубликована папская энциклика «*Magnus Dominus*», в которой торжественно утверждалась уния православной церкви в Речи Посполитой с римской церковью². Папа считал подчинение украинских епископов величайшим триумфом. Об этом можно судить по письму Клементя VIII польскому королю от 30 декабря 1595 года, в котором папа поздравляет Сигизмунда с принятием его страной церковной унии³.

---

¹ *Scriptores rerum Polonicarum*, Kraków, 1872, t. VII («*Dziennik sprawdomu zakonnego*», OO. Jesuitów u św. Barbary w Krakowie, cz. 1), str. 192. Этот журнал краковской иезуитской коллегии потому является важным источником для изучения Брестской унии, что его составитель располагал дневником Скарги.

² A. Welykyj, *Dokumenta pontificum romanorum historiam Ucrainae illustrantia* (1075—1953), t. I (до 1700 г.), № 132, p. 236—243, Roma, 1953.

³ *Ibid.*, № 133, p. 243.

Глава III

ПАПСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ИНТЕРВЕНЦИИ XVII ВЕКА В РОССИИ

В конце XVI и начале XVII века Россия переживала тяжелый внутренний кризис. Гигантские трудности во внутренней и внешней политике во второй половине XVI века значительно ослабили мощь России. Сыграл свою роль и аграрный кризис, который господствующие классы старались преодолеть путем прикрепления крестьянства к земле. Крестьяне восстали против этого. Страшный голод, поразивший Россию в 1601—1603 годах, еще более обострил все противоречия. Опасаясь полной утраты свободы, крестьяне массами бежали на юг, на север Украины и на Дон, становились казаками, с оружием в руках отстаивая свою свободу и право свободного передвижения.

В таких условиях авантюрист, выдававший себя за убитого якобы Борисом Годуновым младшего сына Ивана IV Дмитрия и посуливший стать добрым царем, мог рассчитывать на успех. И такой человек нашелся, или, вернее, был найден. Люди, настойчиво проводившие Брестскую унию, увидели в этом лазейку, через которую можно было проникнуть в Россию. Кто был Лжедмитрий на самом деле, так и не установлено¹. Возможно — беглый монах Григорий Отрепьев, или Гришка, как именуется он в хронике иезуитов под 1604—1605 гг., а ведь

---

¹ Русская историческая наука была очень заинтересована в выяснении всех обстоятельств этого дела. По утверждению Шмурло («Россия и Италия», т. I, 1, стр. 35), Россия уже в 1872 году получила из римских архивов целое собрание документов, которые А. Тургенев опубликовал во втором томе своей серии «Акты исторические». См. также E. Š m u r l o, *Le Saint-Siège et l'orient orthodoxe Russe 1609—1654*. Praha, 1928.

они-то лучше всех должны были это знать¹, ибо план завладеть Кремлем через сговорчивого самозванца в течение долгих лет вынашивался в их кругах.

Лжедимитрий объявился у польского магната, князя Адама Вишневецкого, который стоял на русской границе в ожидании начала военных действий против царя Бориса. Сандомирский воевода Юрий Мнишек взялся подготовить этого претендента на престол, с тем чтобы тот стал русским царем. В конце 1603 года король Сигизмунд III вел беседу по поводу этой находки с папским нунцием Рангони, правда, в еще довольно сдержанных тонах. Все же Мнишку удалось представить своего протеже весной 1604 года ко двору короля в Кракове. Лжедимитрий произвел на нунция благоприятное впечатление.

До сих пор недостаточно уделяли внимания тому факту, что родственник Мнишка кардинал Бернارد Мацейовский тоже был замешан в игре и поддержал это предприятие своим авторитетом. Мацейовский был ведь вдохновителем Брестской унии и за заслуги в ее осуществлении возведен папой Клементом VIII в 1603 году в сан кардинала, после того как в 1600 году он стал епископом Вильно и Кракова. Курия была весьма удовлетворена его влиянием на высшую знать Польши и на самого короля. Это был решительный, неразборчивый в средствах представитель польской католической контрреформации². Казалось, опыт Бреста нетрудно будет распространить на всю Россию. Соблазн при помощи авантюриста утвердиться в Кремле, а оттуда, как и в Бресте, объявить об унии русской православной церкви был слишком велик.

Пастору Помасскому из Самбора и иезуиту Лавицкому удалось обратить Лжедимитрия в римско-католическую веру. Естественно, что к этому приложил руку и ставший в то время кардиналом епископ Мацейовский. Папа Павел V в августе 1605 года сердечно благодарил кардинала за его хлопоты в этом деле: «Ты делаешь дело, нами весьма одобряемое»³. Иезуит Лавицкий и

---

¹ См. St. Rostowski, *Lituanicarum Societatis Jesu historiarum libri decem*, Paris — Brussel, 1887, p. 207—208.

² См. «Relacyje», t. II, str. 103, донесение от 11.11.1606.

³ А. Тургенев, *Акты исторические*, СПб., 1842, т. II, № 42, стр. 62.

далее оставался как бы тенью самозванца, долгое время осуществляя связь между ним, папской курией и самим папой¹.

Папа Клемент VIII был настолько умен, что отнесся вначале к этой восходящей на севере «звезде» с большим недоверием. На первое донесение своего нунция он бросил реплику: «Не разновидность ли это Лжесесбастьяна португальского?» Но Клемент VIII еще в 1588 году под именем Ипполита Альдобрандини был папским легатом в Польше; поэтому он очень скоро оценил, какую выгоду папский престол может извлечь из подобной креатуры. Католическая контрреформация была еще в полном разгаре. Каким триумфом в борьбе с протестантизмом был бы переход России наконец-то в лоно римско-католической церкви! Это возместило бы церкви потери в Англии и Нидерландах. Быть может, настанет момент, когда успехи в России окажут решающее влияние на исход дел на севере и западе Европы. Утверждение в России царя-католика означало бы не только победу контрреформации, но и повлекло за собой серьезное изменение соотношения сил в Восточной Европе.

Поэтому сомнения папы и его нунция очень быстро рассеялись, когда русский авантюрист уже 15 марта 1604 года отрекся от веры «схизматиков» и 24 апреля того же года отправил папе смиренное верноподданническое послание², в котором одновременно с признанием папской власти просил помощи для отвоевания своего «царства» и трона отца своего, Ивана IV. Для вящего доказательства своего подчинения папе Димитрий и в самом деле в один прекрасный день пал к ногам его нунция Рангони. Такой поступок, свидетельствующий о его покорности папе, произвел на Рангони столь сильное впечатление, что Лжедимитрий с этого времени стал, по всеобщему признанию, его любимцем. Никто с тех пор не заботился более ревностно о проведении в жизнь далеко идущих политических планов авантюриста, чем папский представитель в Польше, располагая при этом, разумеется, поддержкой Рима.

¹ См. переписку незунта с Лжедимитрием в книге: P. Pierling, *Rome et Démétrius*, Paris, 1878, p. 203 et suiv, а также Dimitri dit le faux et les jésuites, Paris, 1913.

² P. Pierling, *Rome et Démétrius*, p. 157 et suiv.

При помощи польского магната Адама Вишневецкого Лжедмитрий наwerbовал войско. Литовский полководец Лев Сапега, который в качестве посла побывал в 1600 году в Москве и очень хорошо знал положение в России, поддержал это предприятие с такой энергией, что папа в качестве благодарности преподнес его жене освященную золотую розу, высшую награду для супругов королей и владетельных князей¹.

Поход на Москву Лжедмитрий начал из района среднего Приднепровья. Среди широких народных масс было сильно недовольство существовавшими в России социально-экономическими порядками. Крестьяне прежде всего стремились избавиться от ига крепостного права. К тому же царь Борис умер. Все это помогло самозванцу, выступавшему под личиной «добротого царя», добиться полного успеха. Лжедмитрий въехал в Москву и сел на царский трон как сын Ивана IV Димитрий. В походе его неизменно сопровождали два иезуита, один из них — его «ангел-хранитель» Лавицкий. Они зорко следили за тем, чтобы самозванец не отклонился от пути, который был ему предначертан Римом и польской феодально-клерикальной кликой и придерживаться которого он поклялся. Голландец Исаак Масса, побывавший в Москве в начале XVII века, рассказывает, что иезуиты готовы были поддержать Лжедмитрия и материально². Иезуиты, как и папа, от имени которого они действовали, не жалели никаких средств ради обращения России в католичество.

В июле 1605 года новый папа Павел V сердечно поздравил «своего возлюбленного сына Деметрия, государя России», с воцарением³. Лжедмитрий немедленно получил от папской курии задания: он должен был снабдить сопроводительными письмами католических миссионеров и тем самым открыть им дорогу в Персию⁴. Контрреформация давно уяснила себе значение России для деятельности миссий в Персии и Китае.

---

¹ См. А. Лилов, О зловетренных действиях иезуитов в России в конце XVI и в начале XVII в., Казань, 1856, стр. 224.

² И. Масса, Краткое известие о Московии в начале XVII века, М., 1937.

³ А. Тургенев, Акты исторические, СПб., 1842, т. II, № 37, стр. 37, 57 и сл.

⁴ А. Тургенев, цит. соч., т. II, № 38, стр. 59.

Папа был остро заинтересован в счастливом исходе рискованной авантюры¹. Он с удовлетворением узнавал о благоприятных планах самозванца в отношении папского престола и в августе 1605 года с восторгом встретил, без сомнения, выгодное для церкви христовой событие². К наставнику и впоследствии тестю Лжедмитрия Юрию Мнишку папа относился также с особым интересом³. Не был забыт папой, конечно, и духовный руководитель феодально-клерикальной клики, которая так ревностно боролась за осуществление Брестской унии, кардинал Бернард Мацейевский⁴. 26 ноября 1605 года кардинал сообщил с удовлетворением папе о браке (через представителя своей родственницы) Марины Мнишек с Дмитрием. Он сам благословил этот брак, ибо ожидал от него благоприятнейших для христианства результатов⁵.

Статс-секретарь кардинал призывал нунция в Польше не спускать глаз с Лжедмитрия, хотя тот и считался законным государем. В Москву собирались послать надежного человека, племянника нунция, с личным посланием папы, чтобы тот немедленно донес папе обо всем, что увидит собственными глазами. Статс-секретарь кардинал подчеркивал удовлетворение папы тем, что в его понтификат русские «схизматики» примут католичество⁶. В послании к самозванцу от сентября 1605 года папа Павел V поучал его: существует-де лишь одна истинная религия — римско-католическая. Поэтому папа требует от него приложить все усилия, чтобы в России распространилась истинная вера⁷. Папа даже намеревался направить к самозванцу епископа.

Но слишком тесная связь и притом прямые сношения римской курии с самозванцем не отвечали интересам влиятельных кругов польской феодально-клерикальной клики, которая породила этого божка. Лжедмитрий должен был оставаться игрушкой в ее руках, чтобы с его помощью она могла подчинить наконец Россию Речи

---

¹ А. Тургенев, цит. соч., т. II, № 40, стр. 61

² Там же, № 41, стр. 61.

³ Там же, № 43, стр. 63.

⁴ Там же, № 42, стр. 62.

⁵ См. P. Pierling, Rome et Démétrius, p. 214.

⁶ А. Тургенев, цит. соч., т. II, № 46, стр. 65.

⁷ Там же, № 49, стр. 67—69.

Посполитой. Поэтому король польский не желал, чтобы племянник нунция ехал в Москву¹. Между тем поляки через иезуита Лавицкого хлопотали о свадьбе Лжедмитрия с Мариной Мнишек, дочерью его покровителя. Постоянно общаясь с Лжедмитрием, Лавицкий постиг его слабовольную натуру. Этот брак должен был еще теснее связать самозванца с кликой Мнишек — Мацейовский, за спиной которой стояла партия католической контрреформации в Польше. Поэтому брак этот и в Риме встретил полнейшее одобрение, как видно из поздравительных писем жениху, невесте и отцу невесты². В них настойчиво выражалась надежда, что русские «как любимейшие наши сыновья» («desideratissimi filii») возвратятся в лоно католической церкви. Марину и ее отца, когда они в начале 1606 года двинулись в Москву с превеликим множеством польских дворян, жаждавших добычи и приключений, призывали содействовать торжеству католичества в России³. Естественно, что при этом не обошлось без кардинала Мацейовского, которому иезуит Лавицкий должен был передать папское послание. В этом послании подчеркивалось нетерпеливое желание Рима добиться подчинения России. Лавицкий, как инициатор всего дела, должен был обстоятельно обсудить с кардиналом, какими методами вести в России пропаганду католицизма.

И авантюристу, сидевшему на троне, папа направил свое обращение, написанное в этом духе. Папа напомнил ему о коленопреклоненном признании им власти Рима в апреле 1604 года. В папском послании от 10 апреля 1606 года папа, увещевая Дмитрия, высказывает высокое мнение о власти своего подопечного «...и так как все что хочешь можешь ты сделать со своим народом, повели ему признать наместника Христа! Мы своей апостольской властью благословляем твои благочестивые помыслы...»⁴ Этот призыв вскрывает подоплеку всей задуманной, в таком крупном плане интриги. Видимо, папа полагал, что может уже прямо через Кремль давать рус-

---

¹ А. Тургенев, цит. соч., т. II, № 53, стр. 71.

² Там же, № 56, 57, 58, стр. 73—76.

³ Там же, см. послания от 4 и 11 февраля 1606 г. (№ 68, 69, стр. 84), так же как и более ранние, от 10 декабря 1605 г. (№ 61), но прежде всего послания от 10 апреля 1606 г. (№ 76, стр. 88, 92)

⁴ Там же, № 76, стр. 88—92.

скому народу приказания. Осуществление давнишней мечты о господстве над Россией казалось совсем близким. Папа заговорил поэтому уже о «втором Константине».

Лжедимитрий хорошо осведомлен был и относительно другого желания папского престола, которое хотя и отодвигалось временами на второй план, но все же оставалось неизменным: это борьба против турок, которые в Средиземном море причиняли немало беспокойства Италии и папскому государству. Поэтому самозванец обратился 30 ноября 1605 года к папе, обещая принять личное участие в войне против турок¹. Как видно из его письма от 5 февраля 1606 года², он не хотел мира между императором и Османской империей. В ушах папы это прозвучало сладкой музыкой. Ведь Россия, по мнению папы, могла оказать неоценимую помощь в борьбе с турками. Старая стратегическая задача, стоявшая перед папством целое столетие — втянуть Россию в борьбу против Османской империи, казалась близкой к разрешению.

Но наряду с совершенно неправильной оценкой положения самозванца серьезным препятствием на пути осуществления этой цели опять стал раскол среди стран Европы. Папе не удалось объединить для совместных действий даже Польшу и Австрию, то есть державы, ближе всех расположенные к Османской империи, так как Польша опасалась императора, а он — ее. В своем послании к Сигизмунду Павел V настоятельно указывал на важность участия Лжедимитрия в коалиции против турок, просил поддерживать русского самозванца — «нашего возлюбленного сына»³ и желал королю успеха в его мартовском походе 1606 года⁴. Но правящие круги Польши не были заинтересованы ни в войне с Турцией, ни в возвышении кремлевского правителя как награды за его готовность выступить против турок. Для них Лжедимитрий был всего лишь орудием их завоевательной политики. Снова ожил главный тезис Стефана

---

¹ «Собрание государственных грамот и договоров» (СГГД), ч. II, № 107, стр. 23, М., 1819.

² Там же, № 124, стр. 267.

³ A. Theiner, VMPeL, t. III, № 233.

⁴ А. Тургенев, цит. соч., т. II, № 75, стр. 87 и сл.

Батория: Москва в цепких руках польской шляхты — самая лучшая исходная позиция для победоносной войны с Турцией. Связь между Москвой и Римом должна осуществляться только через Варшаву. Прямой контакт между ними, следовательно, нежелателен. Об этом мнению папская курия была информирована, как видно, из инструкции статс-секретаря кардинала Боргезе нунцию Рангони от 12 ноября 1605 года ¹.

Насколько беззастенчиво использовала Речь Посполитая самозванца, превратив его в игрушку в своих руках, можно судить по ноте, в которой Лжедимитрий в 1605 году требует от короля Швеции, Карла IX, чтобы тот отказался от узурпированного им трона — какой иронией это звучит — в пользу законного короля Сигизмунда III ². В этом вызывающем послании Лжедимитрий именует себя «императором», хотя сам тщетно добивается от Польши признания за ним этого титула. Не помогло и обращение к папе за посредничеством. Папа, зная истинное происхождение самозванца, был не прочь даровать ему после перехода в католичество титул императора, цезаря, царя ³. Павел V никогда не забывал напоминать «царю» в своих посланиях в Москву, сколь «чудесна милость», коей он обязан тем, что вззошел на престол.

Конечно, опытный специалист в восточных делах Поссевино тоже не остался в стороне, когда зашла речь о том, чтобы подчинить Россию папскому престолу. Переписка иезуитов и Лжедимитрия ясно свидетельствует, что самозванец был креатурой иезуитского ордена, причем первое письмо — и это знаменательно — направлено Лжедимитрием Поссевино ⁴. Этот последний надеялся, что накопленный во время мирных переговоров между Польшей и Россией в 1582 году опыт поможет ему и в 1606 году быть полезным ⁵. Лавицкий, собрат Поссевино по ордену, сам ездил в Рим доложить о том, что происходит в Москве, а в свадебном кортеже Марины возвращался в Россию уже с точными инструкциями.

---

¹ А. Тургенев, цит. соч., т. II, № 53, стр. 71.

² Там же, № 66, стр. 82.

³ Там же, № 73, стр. 86.

⁴ См. P. Pierling, *Dimitri dit le faux et les jésuites*, Paris, 1913.

⁵ P. Pierling, *Russie*, t. III, Приложение II, p. 445—448.

В Риме живо интересовались делами Лжедмитрия, папа жаждал достоверных сведений о положении дел¹.

Однако все, что усиливало связи самозванца с католиками, в то же время ускоряло его падение. Коронование Марины царицей (14 мая), и прежде всего ее вступление в Москву, произвело самое раздражающее впечатление. Многочисленная свита, сопровождающая ее от родных мест до Москвы, вела себя в надежде на огромные богатства как в завоеванной стране. Гнев, вызванный бесчинствами и высокомерием завоевателей, отвращение к постыдному подчинению, зависимости от иностранной державы росли, как снежный ком. Не прошло и двух недель со времени коронования Марины, как 17 мая 1606 года Лжедмитрий пал жертвой гнева русского народа. Два дня спустя, 19 мая, боярин Василий Шуйский был избран царем. Труп авантюриста был брошен на Лобном месте.

Многие шляхтичи поплатились жизнью за свое высокомерие. Как сообщается в литовской хронике иезуитов, многие из поляков — среди них и иезуиты из ближайшего окружения авантюриста — были подвергнуты тяжкому заточению, прежде чем их отпустили на родину². А эфемерный «второй Константин», собиравшийся утвердить в России позиции римской церкви, что явствует из письма Павла V Димитрию от 10 апреля 1606 года³, нашел свой жалкий конец.

Долгое время для Рима было непостижимо, как такое важное дело обращения в католичество России позорно провалилось⁴. А им так хотелось верить, что оно близится к завершению. Малоутешительные доводы нунция, что в последнее время сильно обострились противоречия между самозванцем в Кремле и королем Польши, не могли успокоить папу и его окружение. Своими намерениями нунций хотел ведь умалить и значение всей авантюры с Лжедмитрием. В ответ статс-секретарь карди-

---

¹ А. Тургенев, цит. соч., т. II, № 76, стр. 88—92.

² St. Rostowski op. cit., p. 208 f; см. А. Тургенев, цит. соч., т. II, № 77, стр. 106, 130; характеристика польских очевидцев имеется в одном из дневников.

³ А. Тургенев, цит. соч., т. II, № 76, стр. 89—90.

⁴ См. депешу статс-секретаря кардинала нунцию в Польше от 21 октября 1606 года. А. Тургенев, Акты исторические, т. II, № 78, стр. 136.

нал Боргезе подчеркивал колоссальное влияние Рима на Сигизмунда III и на Лжедмитрия. Добиться их примирения казалось курии простым делом, хотя в действительности это было не так. Гнев папы обрушился на нунция, ему теперь пришлось взять на себя вину за неудачу в этом неблагоприятном деле, которое и папский престол выставило в неблагоприятном свете.

В конце 1606 года место Рангони занял новый нунций Симонетта. В инструкции, полученной им от статс-секретаря кардинала, по поручению папы было вставлено полное горечи заключение, касающееся Лжедмитрия. От планов втянуть Россию под эгидой папства в орбиту мировой политики курия вновь обратилась главным образом к проблемам униатской церкви в Польше. Симонетта получает повеление реформировать орден базилиан в соответствии с предложениями Рутского, будущего униатского митрополита¹. В Польше полагали, что эта реформа имела бы большее значение, чем авантюра с Лжедмитрием.

Но такое стремление к самоограничению и самоанализу удержалось в Риме недолго. Как только польские паны подыскивали второго Лжедмитрия, добрые советы, которыми папа в конце 1606 года в таком изобилии снабжал Симонетту, были забыты. Римская курия в отношении России точно следовала за всеми зигзагами завоевательной политики Речи Посполитой. Ведь здесь решался исход борьбы за победу контрреформации в Восточной Европе.

После позорного конца Лжедмитрия представителя боярства Василия Шуйского встретили как царя русской нации, положившего конец позорному владычеству чужестранцев. В заслугу ему ставили то, что «правое христианство» не погибло и что «прямому вору» Гришке Отрепьеву не удалось «истинную христианскую веру попрали и учинить лютеранскую и латынскую веру»². Русские очень тяжело переживали предательство интересов России Лжедмитрием, который в своем заискивании перед Речью Посполитой готов был даже отдать ей русские земли. Шуйский сместил московского

---

¹ А. Тургенев, цит. соч., т. II, № 79, стр. 137.

² «История СССР», под редакцией Б. Д. Грекова, т. I, М.—Л., 1948, стр. 376.

патриарха Игнатия, который стал игрушкой в руках захватчиков, патриархом же стал казанский епископ Гермоген, решительный противник латинян.

Однако справиться с хозяйственной разрухой и политическими затруднениями не удалось. Как выразитель интересов боярства, Шуйский не мог и не хотел защитить крестьянство от все усиливающегося закрепощения.

Недовольство угнетенных классов нашло свое выражение в крестьянском восстании под руководством Ивана Болотникова. Восстание удалось подавить только соединенными усилиями бояр и служилого дворянства при поддержке монастырей. Едва наступило затишье — с поляками летом 1607 года было заключено перемирие на три года, — как на Украине у польской границы появился новый Димитрий, такой же самозванец, как и первый. Он был такой же марионеткой в руках польской дворянской республики и контрреформации, готовых использовать затянувшийся тяжелый кризис в России и включить ее в лагерь контрреформации.

Наступление Лжедмитрия II продолжалось в течение года и привело его тоже почти под самую Москву. Но войти в столицу на этот раз не удалось. У Шуйского, однако, неостало силы, чтобы окончательно разбить самозванца. В результате у ворот Москвы, в Тушинском лагере, обосновался самозванец. Здесь расположился двор «Тушинского вора», как русский народ называл Лжедмитрия II. Все недовольные царем Василием Шуйским переходили к нему и встречали здесь радужный прием. Польский воевода Юрий Мнишек соглашался за 300 тысяч рублей и 14 городов на севере России признать нового Лжедмитрия истинным царем. Дочь его, Марина, была готова к тому же. Чтобы успокоить свою совесть, она тайно сочеталась браком с Лжедмитрием II по католическому обряду и теперь открыто выдавала его за своего прежнего мужа.

Интересно проследить позицию римской курии в этом поистине неблагоприятном предприятии. Едва закатилась звезда первого Димитрия, как упования курии уже 21 октября 1606 года обратились к новой комете¹. Из инструкций статс-секретаря кардинала Боргезе новому

---

¹ А. Тургенев, Акты исторические, т. II, № 78, стр. 136

папскому нунцию в Польше видно, с какой охотой папа уверовал в сообщение, что Димитрий жив¹. Братья Марины прибыли по поручению сестры в Рим. Они утверждали, что Димитрий жив.

Конечно, полной уверенности в этом в Риме не было. Симонетта учел неудачу Рангони и не собирался поспешно вступать в игру. Статс-секретарь кардинал самыми различными способами давал всем понять, что папа с нетерпением ждет достоверных известий об успехах Димитрия. На этот раз нунций медлил, а в Риме торопили. Уж очень по душе пришелся римской курии план подчинении России силам контрреформации с помощью послушной марионетки.

То, что «Тушинский вор» наносил России тяжелейший ущерб, нимало не беспокоило курию. Главное — использовать совершенно исключительную обстановку, чтобы наконец подчинить Россию господству папства. Хотя в Тушинский лагерь перешли многие русские боярские семьи, такие, как Романовы и др., и там возникла своеобразная боярская дума, решающую роль в окружении Лжедмитрия II, как и при первом самозванце, играли польские паны. Они рассматривали Лжедмитрия II как свою марионетку, «царем играху, яко детищем»². Вновь появилась возможность открыто вести пропаганду католицизма. Об этом польские паны позаботились в своих политических интересах.

Однако полному осуществлению польских планов стали все более препятствовать растущие польско-шведские противоречия. Швеция, стремившаяся обезопасить себя от контрреформации, не могла согласиться с планом подчинения России без войны, с помощью зависимого от Польши самозванца. Она отдавала себе полный отчет в значении борьбы за Россию. Вопрос стоял так: либо вся Европа подчинится контрреформации, либо контрреформации будет нанесен в России чувствительный удар. Карл IX очень настойчиво обращал внимание протестантских государств на этот факт³. Но и русские понимали опасность, грозящую им. На первый план наме-

---

¹ А. Тургенев, *Акты исторические*, т. II, № 81, стр. 138 и сл.

² См. *«История СССР»*, т. I, М.—Л., 1948, стр. 382.

³ См. *«W. Sobieski, Henryk IV wobec Polski i Szwecji 1602—1610, Kraków, 1907, str. 78.*

ренно выдвигались вопросы религиозные, в то время как в действительности речь шла о борьбе за политическую власть.

Уже в послании от 3 июля 1605 года шведский король предостерегал новгородцев, что папы хотят уничтожить в России православную веру. А два года спустя он называл врагами России обоих — и папу, и императора, хотя в то время «высокородный дом Габсбургов» временно переживал упадок и еще не решался открыто выступать на стороне контрреформации, да и кардинал Мельхиор Клесль не желал, чтобы его впутывали в дела польско-папской дипломатии. Тем не менее шведский король в основном был прав в своих оценках, особенно на ближайшее будущее.

В феврале 1609 года Карл IX в соответствии с желанием Василия Шуйского заключил с ним «вечный мир», дабы воспрепятствовать косвенной интервенции поляков под видом помощи Лжедмитрию II. Шведы предоставили в распоряжение царя для борьбы с «вором» наемное войско в 15 тысяч человек под командой Лагарда. За это шведы получили восточное побережье Балтийского моря, включая устье реки Невы.

Этот русско-шведский договор был использован польским королем в качестве предлога для того, чтобы в борьбе за Москву перейти к открытой интервенции. Папская дипломатия тотчас же поддержала и этот поворот в политике Польши. Игра с обоими Лжедмитриями, как ни энергично она велась римской курией, была в конце концов достаточно обременительной. Поэтому вполне понятно воодушевление папы по поводу того, что наконец сам законный король Польши добивается царской короны. Еще 8 ноября 1608 года Боргезе сообщал из Рима, какое «всеобщее одобрение вызывает одно только имя Димитрия»¹. Но с тех пор, как летом 1609 года польский король сам вступил в борьбу, говоря о самозванце, его именовали уже только «Лжедмитрием»². Поэтому в своей инструкции нунцию статс-секретарь кардинал с воодушевлением приветствовал намерение польского короля завоевать Москву. Посла-

---

¹ NP, t. 173.

² См., например, А. Тургенев, Акты исторические, СПб., 1842, т. II, № 85, стр. 142.

ние гласило: «Нет более славного и заслуживающего похвалы предприятия, чем завоевание Москвы». Римская курия призывала короля «преисполнить свою душу помыслами, достойными его величия»¹. Еще в апреле 1609 года нунций рассказывал трогательную историю о том, как Марина вербует польских солдат для Лжедмитрия II², а несколько месяцев спустя тот объявляется обманщиком. 3 октября 1609 года папа в собственноручном послании выражал свое одобрение планам польского короля завоевать всю Россию³. Папа неустанно побуждал к этому короля и его окружение.

При этом папа не ограничивался словами, но пытался поддержать короля и средствами, отпускаемыми на ведение войны. Польские епископы получили указание также материально помочь королю. Папа вновь горел нетерпением узнать подробнее об успехах в России. Нунцию Симонетте было приказано выехать в Вильно, чтобы быть поближе к театру военных действий.

Сначала борьба шла за Смоленск. Польша во что бы то ни стало хотела овладеть этими воротами в Россию. Однако конечной целью оставалась Москва. Упорная оборона Смоленска задержала здесь польское войско под командованием короля гораздо дольше, чем предполагалось.

После того как Шуйского заставили отречься от престола и отправили в монастырь, царский престол был свободен. Междоусобицей воспользовалась группа бояр из бывшего лагеря «Тушинского вора». Они предложили корону десятилетнему сыну польского короля Владиславу. Владислав должен был прибыть в Москву и по православному обряду венчаться здесь на царство. Но против этого решительно восстала папская курия. Статс-секретарь кардинал в срочном послании от 17 февраля 1610 года говорил «об ужасных условиях» этого соглашения⁴, к тому же принятых несмотря на то, что папская курия в конце 1609 года предостерегала от участия в богослужении «схизматиков»⁵. Она рекомендовала луч-

¹ NP, t. 173.

² А. Тургенев, цит. соч., СПб., 1842, т. II, № 84, стр. 141.

³ VA, Armarium 45, t. V.

⁴ E. Šmurl, Kurie a pravoslavný východ v letech 1609—1654, Praha, 1928, str. 188.

⁵ Там же.

ше поступиться Россией, даже собственным королевством, чем принимать подобные условия. Папский престол, действовавший по совету иезуитов, явно опасался, что молодой Владислав окажется под влиянием православного русского окружения. Ведь курия прежде всего стремилась к подчинению России папству, согласие же Владислава на поставленные условия делало достижение этой цели маловероятным. Папство мнило себя на вершине могущества, иезуиты же создали в Польше тиранический режим, не допуская никакой свободы в делах веры. Не случайно именно из польских кругов вышли в начале XVII века самые острые памфлеты на иезуитов¹.

Таким образом, боярский план провалился, и король Польши принял решение самостоятельно добиваться царской короны.

Летом 1610 года польское войско под командованием Жолкевского подошло к Москве. Когда переговоры об избрании короля Сигизмунда уже значительно продвинулись вперед, завоеватели предательски в сентябре были впущены в Кремль. Однако патриарх Гермоген упорно отказывался короновать польского короля русским царем. Появились грамоты, призывавшие к сопротивлению. Самым выдающимся памятником публицистики того времени было анонимное сочинение «Новая повесть о преславном русском царстве», которое распространено было в Москве в конце 1610 — начале 1611 года. Оно клеймило позором русских изменников.

19 марта 1611 года в Москве вспыхнуло открытое восстание. Польские захватчики подавили его самым жесточайшим образом. Целые кварталы города были сожжены дотла. Тысячи людей погибли в огне. Жолкевский приказал бросить Гермогена в тюрьму, где он и умер с голоду в феврале 1612 года. Патриарх Игнатий был возвращен из монастыря, где находился в ссылке, и восстановлен на патриаршем престоле. Ненавистные всем

---

¹ См., например, «Слово польского дворянина к могущественным людям Польши, требующее ради спокойствия и объединения королевства изгнания иезуитов»; появилось оно в 1609 г., много раз переиздавалось, в 1727 г. попало в немецкую государственную библиотеку в Берлине; см. также для понимания борьбы против иезуитов именно в Польше: I. Tazbir, Społeczno-polityczna rola jezuitów w Polsce 1565—1660. «Szkice papieżstwa», str. 49—147.

чужеземцы при помощи насилия и хитрости надеялись удержаться у власти.

С какими надеждами папа следил за завоеванием России, показывает инструкция статс-секретаря кардинала Боргезе нунцию от 30 октября 1610 года. В ней говорится, что в Риме охотно приветствовали бы венчание на царство равно Владислава или Сигизмунда, однако с тем, чтобы они не брали на себя никаких обязательств. Там были убеждены, что «наша истинная христианская вера», то есть римская, «распространится на все владения, где такие глубокие корни пустили ересь и вероотступничество»¹.

Однако сопротивление русских было гораздо сильнее, чем могли предположить в Риме. Предостережения Поссевино об упорном противоборстве всем попыткам осуществить унию церквей были забыты. Падение после отчаянного сопротивления Смоленска летом 1611 года было отмечено в Риме благодарственными молебнами. Статс-секретарь кардинал направил королю поздравление и заверил его, что папа испытывает «величайшую радость» по поводу его счастливого возвращения в Польшу «со столь славной победой»².

Но все эти успехи были мнимыми и основывались на прямом насилии. Рано было говорить о триумфе. Сопротивление русских возрастало. Все более широкие круги населения объединялись в борьбе за «православную, христианскую истинную веру» против латинской. Под этой религиозной оболочкой разворачивалась борьба русского народа за свое освобождение. Центром борьбы за возврат Москвы стали Галич и Нижний Новгород. Действительно, в октябре 1612 года русские войска вступили в Кремль. Польская интервенция потерпела поражение, и римские планы заключения унии окончательно рухнули. Контрреформация в России закончилась сокрушительным провалом, что, как вскоре стало ясно, сказалось на развитии событий и за пределами Восточной Европы.

Политика папства в отношении России в этот период глубоко врезалась в память русского народа. Понадобилось нечеловеческое напряжение всех сил народных, что-

---

¹ Е. Š m u r l o, Kurie a pravoslavný východ, str. 188.

² Там же. Депеша от 30.7.1611.

бы преодолеть последствия агрессии, с которой папство было так тесно связано. Среди русских в это время утвердилось недоверие ко всему «латинскому». Более чем на полстолетия все отношения между Россией и папским престолом были прерваны. В течение десятилетий католикам было строжайше запрещено переступать границы России, не только что селиться на ее территории. Когда французский король в 1627 году пожелал установить постоянные торговые сношения между своей страной и Россией и основать в Москве католический костел, предложение это было отвергнуто. В 1631 году было решено не вербовать в армию офицеров-католиков, хотя в то время имелась большая нужда в военных специалистах. Католикам под страхом смертной казни запрещены были поездки через Россию в Персию. Немецкий протестант Олеарий, через тридцать лет после описанных событий путешествовавший по России, подчеркивал в своем «Описании путешествия», что русские не желают терпеть у себя латинян¹.

Итог грандиозного наступления папства на Россию был в конце концов отрицательным. Перед Москвой и в самой Москве натиск контрреформации был отражен. Правда, этот успех достался недешево, русский народ понес неисчислимые жертвы. Потери в людях были огромны. Чтобы восстановить экономику страны, потребовался труд поколений, и только во второй половине XVII века Россия начала приходить в себя от последствий агрессии начала XVII века.

К тому же фарс с Лжедмитриями, из которых первый был даже коронован вместе со своей женой в Кремле, оскорблял достоинство русского народа.

Победа России оказала большое влияние на весь ход контрреформации. В этой связи следует рассматривать поражения контрреформации на севере и на юге Европы, а также провал планов превращения Швеции и Семиградья в бастионы контрреформации.

---

¹ См. A. Olearius, Colligierte und viel vermehrte Reisebeschreibungen, Hamburg, 1696, S. 168.

Глава IV

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПАПСТВОМ И РОССИЕЙ

В семидесятых годах XVII века Россия вступила на новый путь развития экономики. Все более явственно стал образовываться единый рынок и появились первые, правда очень небольшие, ростки капитализма или, скорее, пока еще меркантилизма. Об этом свидетельствовало прежде всего основание мануфактур.

Теснее стали торговые связи с более развитыми в экономическом отношении странами Европы, Англией и Голландией в первую очередь. Голландцы Марселлис, Виниус и ван Сведен¹ еще в первой половине XVII века прибыли через Скандинавию в Россию; затем связи России с Голландией стали еще интенсивней. Голландия была одним из центров просвещения в Европе, и не случайно именно в просвещенной Голландии и в Англии в конце XVII века появились первые печатни, издававшие русские книги за границей. В 80-х годах XVII века религиозный мечтатель Кульман отправился в Москву. Перед этим он в 1682 году с успехом напечатал в Амстердаме первое полное собрание сочинений своего учителя Якова Бёме. В 1668 году между Голландией и Россией установилось регулярное почтовое сообщение через Гамбург и Ригу. Именно поэтому Петр I и его соратники прежде всего направились в Голландию, а затем в Англию, чтобы поучиться там всему новому.

Воссоединение Украины с Россией тоже оказало влияние на экономическое, политическое и духовное развитие России, так как усилились ее связи со странами Центральной и Южной Европы. Понятно, почему Кри-

---

¹ См. E. A m b u r g e r, Die Familie Marselis. Studien zur russischen Wirtschaftsgeschichte, Giessen, 1957.

жанич во второй раз направился в Москву через Львов и Киев. Путь туда же выбрали многие белорусы и украинцы, не сумевшие у себя на родине найти применение своим познаниям. Достаточно назвать писателя Симеона Полоцкого и музыканта Николая Дудецкого. Они вносили новые идеи, взгляды, устанавливали новые связи. Несмотря на решительную враждебность к полякам, исповедующим латинство, белорусы и украинцы были в курсе всех идеологических споров и проблем, обсуждавшихся в Центральной и Южной Европе.

Мысль Ордин-Нащокина, что Украина не ров, а, скорее, мост между Россией и Польшей, разделяли и другие государственные деятели. Борьба со Швецией за выход к Балтийскому морю казалась ему жизненно важным делом для России. Идеи Крижанича содействовали укреплению подобных взглядов, а сам Крижанич нашел в России подготовленную почву для своих идей. Однако участь хорвата свидетельствует, что Ордин-Нащокин в Москве не добился полного признания¹. В результате событий конца XVI — начала XVII века недоверие к Польше и стоящему за ее спиной папству было слишком велико.

Андрусовское перемирие 1667 года решительно содействовало сближению России и Польши в борьбе против Османской империи, против набегов крымских татар, за спиной которых стояла Порта. Несмотря на противоречия между Россией и Польшей, так называемый «вечный мир» 1686 года сохранялся вплоть до 1772 года. Наряду с польской знатью, не отказавшейся от своих притязаний, папство неуклонно стремилось принудить белорусское и украинское население к церковной унии. Однако совместная борьба против турецкой угрозы оставалась связующим звеном между этими странами.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что русский государственный деятель А. С. Матвеев в 1671 году советовал царю объединиться с папой в вопросе о создании большой общеевропейской коалиции против турок². Матвеев установил широкие связи с украинцами и белорусами воссоединенных земель. Но он был связан так-

---

¹ См. «История дипломатии», т. I, М., 1959, стр. 302—303.

² D. Tolstoj, *Le Catholicisme Romain en Russie*, vol. I, p. 106, Paris, 1863.

же и с поляками. Польские послы, которые в 1682 году вели в Москве переговоры относительно русско-польского союза против турок, доносили папскому нунцию в Варшаве, что с Артамоном Матвеевым можно с успехом вести деловые переговоры. Нунций немедленно передал этот комплимент в Рим¹.

В начале семидесятых годов Османская империя готовилась к войне против Польши и России. Первый удар пришелся по Польше, но Россия знала, что ей также надо быть готовой встретить наступление державы, ставшей столь агрессивной. Поэтому русские государственные деятели начали серьезно помышлять о создании большой европейской коалиции. Политическое положение России, как и ее экономическое развитие, рост мануфактур и т. д., толкало ее к более тесному общению с другими странами Европы.

Это дает возможность понять, почему прежняя отчужденность по отношению к католицизму и к римской курии стала слабеть. В России нашли убежище сторонники Стюартов, среди них католики Менезий (Menzies) и Гордон. Оба были даже приняты на службу офицерами. Благодаря своему знанию языков Менезий, который еще в 1667 году был занят вербовкой в Швеции знающих мастеров, нашел себе применение и на дипломатической службе. Когда Матвеев в своем обращении поднял вопрос о создании антитурецкой коалиции с участием и папы, католик Менезий оказался подходящим человеком, чтобы возглавить русскую делегацию в Вену, Венецию и Рим. Одновременно было отправлено посольство в Париж и Лондон. Его возглавлял Андрей Виниус², уроженец Голландии, имевший большие заслуги в развитии мануфактур в России. Третью делегацию готовили к поездке в Швецию, Данию и Голландию. Вся эта широкая дипломатическая операция была задумана в Москве в 1672 году.

В конце октября Менезий отправился в свою дипломатическую поездку. Особенно дружественный прием он

---

¹ Донесение нунция в Варшаве статс-секретарю кардиналу от 1 июня 1682 года, в книге: A. Theiner, *Monuments historiques relatives aux règnes d'Alexis Michaélovitch, Fédor III et Pierre le Grand, Czars de Russie*, Rome, 1859, № 185.

² См. E. Amburger, *Die Familie Marselis*, loc. cit.

встретил в Венеции¹. Это и понятно, ибо республика Венеция, как мы знаем, в течение столетий стремилась ввергнуть Россию в военный конфликт с Османской империей. Правда, Венеция отказалась от какого-либо соглашения, так как в то время была связана в военном отношении другими обязательствами. То же было и с Австрией. В Риме русское посольство приняло также с большим вниманием. Папские нунции в Вене и Венеции самым подробным образом известили курию о приезде посольства². У них не хватало хвалебных слов, чтобы описать благочестивое поведение Менезия. Это отвечало его целям³. Первый раз за много десятилетий русское посольство прибыло в Рим по инициативе самой России. Раньше, как правило, визит русских являлся ответом на папские посольства. Правда, в Риме не придали значения тому, что речь шла в конце концов лишь о визите вежливости, который состоялся потому, что в России, по-видимому, на основании преувеличенных представлений Менезия полагали, будто папская курия может оказать воздействие на Вену и Венецию. Чтобы усилить позицию русского посольства в обоих этих политических центрах, надо было заинтересовать и папу в поддержке русских планов широкой антитурецкой коалиции. В Риме же, напротив, полагали, что теперь можно приблизить осуществление прежних своих планов, и стали лелеять надежду на церковную унию. Поэтому тесные сношения с посольством попыталась установить основанная в 1622 году конгрегация «Пропаганды веры», или, короче, «Пропаганда веры», или даже просто «Пропаганда».

В Рим русское посольство прибыло в августе 1673 года и вскоре было принято папой Клементом X. К Менезию был приставлен в качестве сопровождающего на время пребывания в Риме один из его соотечественни-

---

¹ О миссии Менезия см.: P. Pierling, *Russie...*, vol. IV, p. 48—68; Н. В. Чарыков, *Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия*, СПб., 1906; С. Ф. Платонов, *Москва и Запад*, Берлин, 1926, стр. 135—136.

² A. Theiner, *MN*, № 42, 46.

³ Е. Шмурло, *Посольство П. Менезия к папскому двору*, ЖМНП, т. 333, январь — февраль 1901, стр. 418—454; Е. Шмурло, *Целование папской туфли*, СПб., 1909

ков, шотландский иезуит Лессли¹. Хотя Менезий был католик, а может быть именно поэтому, он в соответствии с полученными в Москве инструкциями приступил к делу с большой осмотрительностью. Так, он решительно отказался целовать папскую туфлю. Поскольку папа придавал очень большое значение приему русского посольства, то с помощью самого Менезия удалось довольно ловко обойти этот вопрос². Однако аудиенция не оправдала надежд папы. Единственным предметом разговора было, собственно говоря, скорейшее создание коалиции европейских держав против турок, ибо Россия находилась под угрозой их вторжения. В послании папе настойчиво указывалось на борьбу, которую вела и ведет Россия с турками и татарами³.

Во время прощальной аудиенции 15 сентября 1673 года Менезий не принял ответного послания папы царю, потому что оно было адресовано только «*Nobilis vir Dux Russiae*», а не «Его величеству царю»⁴. Титул «царь» папа хотел опустить, якобы опасаясь императора; однако после тщательных исследований было установлено, что император сам именовал русского государя «царь». В этом ответном послании папа выражал свою радость, что видит в России союзника в борьбе против турок, и высказывал надежду, что Польша и все христианские государства объединятся ради этой борьбы⁵. На прощальной аудиенции папа больше внимания обращал на формальности, чем на первой, ибо в ходе переговоров он почти потерял надежду на унию церквей. Поэтому русский посланник тщетно уверял, что будет очень обидно, если подобное титулование, к тому же крайне несправедливое, поскольку все князья обращаются к государю Российскому как к «царю», приведет к срыву переговоров. Царь — это не «*Caesar Imperator*», как подчеркивал папа, а, подобно слову «калиф», означает на русском языке правителя. Папа же предпочел отобрать назад послание, чем добавить, как того требовал русский посол, титул «царь». В остальном официальная

---

¹ «Памятники дипломатических сношений древней России», г. IV, СПб., 1856, стр. 792 и сл.

² A. Theiner, МН, № 47.

³ Там же, № 48.

⁴ D. Tolstoj, *Catholicisme*, vol. I, p. 319 (Приложение № 2.)

⁵ A. Theiner, МН, № 49.

прощальная аудиенция прошла гладко, и Менезий получил даже от папы в знак милостивого расположения золотую цепь.

Папа Иннокентий XI и далее пытался использовать турецкую опасность, чтобы возобновить дипломатические отношения с Россией, однако безрезультатно. Курии были точно известны все обстоятельства длительных прерывавшихся и вновь возобновлявшихся переговоров между Польшей и Россией в 70—80-е годы XVII века. Представители польской высшей знати, принимавшие участие в переговорах, были ревностными помощниками нунция. Поэтому Рим был информирован о ходе переговоров во всех деталях. В 1678—1681 годы у курии почти всегда оказывался удобный случай, чтобы вмешаться в переговоры, поскольку то и дело казалось, будто возникла угроза интересам католической церкви. А это бывало всякий раз, когда ставился вопрос о включении в договор пункта об охране прав православной церкви в Польше¹.

Даже угроза войны с Османской империей не могла объединить Россию и Польшу для общего дела, поскольку король Ян III Собеский грозил в 1678 году вместе с турками идти на Русь, чтобы захватить Киев. В Варшаве и слышать не хотели о посредничестве папы между Россией и Польшей. Там вспоминали — и мы знаем, что не без основания, — о Поссевино, который своим посредничеством якобы нанес польским интересам тяжкий ущерб. Поэтому соглашались самое большее на то, чтобы тот или иной итальянец отправился в Москву в качестве папского легата, но не самостоятельно, а вместе с польским посольством.

Затея эта тем не менее рухнула, потому что Россия не нуждалась в подобном посольстве. Попытки папского нунция в Варшаве установить связи с русским посольством, прибывшим в Польшу осенью 1680 года, ни к чему не привели, поскольку его глава заявил, что у него нет полномочий для прямых переговоров с папской курией. Однако русский посол потребовал от нунция, чтобы папа заставил Людовика XIV присоединиться к коалиции против исконного врага христианства². Это

---

¹ А. Theiner, МН, № 168, см. также № 157, 174, 175, 181

² См. ЦГАДА, Польские дела, М., 1680, д. 196

желание выполнено не было. Россия почувствовала свое изолированное положение и к 1681 году приняла предложенный ей Османской империей мир. Мир этот должен был развязать туркам руки в борьбе с Австрией.

Россия была ослаблена внутренними политическими разногласиями. Новая Россия становилась на ноги в тяжелой борьбе со старым. Приходилось бороться с силами реакции, стремившимися повернуть Россию вспять. В этой борьбе немалую роль на стороне сил реакции играла и православная церковь. Но и союзники по развитию новых экономических отношений — иностранцы, протестанты и католики — представляли тоже известную опасность для России, если учитывать их религиозные и политические требования. Поэтому общее положение было неблагоприятным. Когда болезненный царь Федор умер в 1682 году, регентство над слабоумным Иваном и малолетним Петром взяла в свои руки их властная сестра Софья. Вместе со своим фаворитом В. В. Голицыным регентша энергично продолжила начатую еще в 1672 году политику сколачивания большой коалиции европейских держав против Османской империи. В этих условиях даже на сближение с католицизмом стали смотреть с меньшим неудовольствием. Конечно, это не означало безоговорочного согласия на церковную унию, на которой упорно настаивали в Риме, однако влиятельные русские государственные деятели особенно в 1672—1689 годы (Ордин-Нащокин, Матвеев, Голицын) очень внимательно присматривались к папству как центру Священной лиги против турок.

В 1683 году успех папства в создании коалиции против турок, естественно, привел к его сближению с царизмом. В этом же году огромное турецко-татарское войско подошло к Вене и стало грозить Центральной Европе.

Благодаря помощи Польши, которая под стенами Вены боролась и за свою свободу, турецкое войско было наголову разбито. Следовало окончательно отбить у Порты охоту к нападению на Европу. В конце 1683 года миссионер, епископ Нахичеванский в Персии Себастьян Кнаб проездом побывал в Москве и нашел здесь после победы под Веной очень благожелательных слушателей. Судя по донесению от 6 апреля 1684 года архиепископа нунцию в Варшаве, в Москве сожалели,

что он прибыл не в качестве папского легата¹. При этом вспомнили о миссии Менезия в Рим и выразили законное пожелание, чтобы вопросы титулования не помешали дальнейшим переговорам. Генерал Гордон, ревностный католик, сообщает, с какой радостью жившие в Москве католики воспользовались пребыванием католического архиепископа, чтобы послушать католическое богослужение². Все эти факты свидетельствуют о том, что обстановка в Москве стала благоприятнее.

Весной 1684 года Священная лига — папа, Венеция, император и Польша — потребовала, чтобы Россия вступила в нее. Для этой цели в Москву летом 1684 года направилось большое посольство от императора. В его составе были и иезуиты, которые спустя десятки лет вновь ступили на русскую землю. При посольстве находился и иезуит Карло Маурицио Вота, доверенное лицо курии при польском королевском дворе. Он кое в чем напоминал Поссевино, своего собрата по ордену. Во всяком случае, он был не менее изворотлив и «гибок», как характеризует его Форст де Баталья в своей биографии Собеского³. Вота получал ежегодно 800 гульденов за свою деятельность агента на службе у австрийского дома.

Этот иезуит, впоследствии игравший определенную роль и в Саксонии при дворе Августа II, так же как и при дворе польского короля и даже в Пруссии в момент преобразования ее в королевство, стремился к тому, чтобы установить длительные, прочные дипломатические связи между Римом и Москвой⁴. Глава императорского посольства, Блумберг, находился в тесном контакте непосредственно с папой⁵, так что его миссию, сопровождаемую агентом папского нунция в Варшаве, можно вполне рассматривать и как папскую⁶. К тому же предполагалось учредить в Москве постоянное отделение иезуитского ордена.

---

¹ A. Theiner, МН, № 202.

² «Дневник генерала Патрика Гордона», М., изд. Посселят, т. II, СПб., 1892.

³ O. Forst de Battaglia, Jan Sobieski, Einsiedeln — Zürich, 1946, S. 317 f.

⁴ A. Theiner, МН, № 205, 212.

⁵ Там же, № 205, 210.

⁶ P. Pierling, Russie, vol. IV, p. 80

Это была старинная мечта, мечта о том, что миссия через образцово поставленные школы будет оказывать влияние на самых высокопоставленных лиц, которые доверяют иезуитам воспитание своих детей. Старый, испытанный прием, так часто помогавший контрреформации, должен был содействовать осуществлению целей папства и в России.

Политическая ситуация требовала сближения России с другими странами Европы в интересах борьбы с турками, и это было на руку всему иезуитскому ордену, а не только его московским adeptам. Неустойчивость регентства Софьи ослабляла внутреннее положение России. Иезуиты знали об этом и прилагали все усилия, чтобы выгодно использовать сложившуюся обстановку.

Письма литовского провинциала ордена иезуитов показывают, как высоко оценивал орден факт учреждения московского отделения ордена¹. Этот провинциал поддерживал тесные сношения с руководителем иезуитской миссии в Москве и всячески стремился оказать ему содействие. Следовательно, московское отделение отнюдь не было изолированным. Из Рима в ответ на сообщения из Москвы через Вильно и Варшаву шли инструкции. Уже 13 мая 1685 года императорский поверенный в делах в Москве мог доложить папскому нунцию в Вене, что дела иезуитской миссии здесь идут хорошо: прибыл второй ксендз, отмечаются успехи как в делах духовных, так и в работе школы. Желательно открыть миссию и в Киеве. Русские и украинцы не допускают вмешательства только в политику, да и переписка иезуитов с заграницей для них крайне нежелательна². Но в этом монахи ордена Иисуса достаточно поднаторели.

5 июня 1686 года Собеский³ сообщил папе о заключении «вечного мира» между Польшей и Россией. В пункте 9 мирного договора Польша обязывалась не менять религиозного статуса оставленных за нею украинских и белорусских земель. Это, однако, шло совершенно вразрез с политикой пап и потому не встретило с их стороны одобрения. Да и правящий класс Польши

---

¹ A. Theiner, МН, № 212.

² Там же, № 219.

³ Там же, № 229.

не чувствовал себя связанным этим пунктом договора. Борьба против православной церкви неуклонно продолжалась. Даже униатская церковь постоянно терпела притеснения со стороны латинского духовенства и поддерживавших его польских землевладельцев¹.

В связи с заключением «вечного мира» Польша и Россия вступили в союз против турок. Таким образом, Россия косвенно включилась в Священную лигу, в которую входил и папа. Глубокое впечатление произвели в Москве серьезные успехи императора в борьбе против Османской империи. Уже в 1686 году была очищена от турок почти вся Венгрия². Все это содействовало укреплению позиций католицизма в России. Невозможно было не воспользоваться такими благоприятными возможностями. В Риме очень высоко оценили сообщение Собеского в 1686 году о «вечном мире». Это ясно видно из того факта, что польский нунций Паллавичини был возведен в сан кардинала³. Это назначение было задумано не только в честь Польши, но и явилось наградой нунцию за заслуги в сближении с Россией. Нунций вступил в непосредственные сношения с фаворитом Софьи, князем В. В. Голицыным⁴, и его влияние скоро стало ощущаться в России.

Политическое положение России в связи с ее борьбой против Османской империи толкало Россию на сближение с Польшей. В результате заключения «вечного мира» с Польшей Россия, помимо всего прочего, должна была начать борьбу с татарами. Поход русского войска на Азов в 1687 и 1689 годах окончился неудачей, ответственность за которую пала на Софью и ее фаворита В. В. Голицына. Голицын поддерживал тесные сношения с латинизирующимися элементами, число которых возросло в России⁵.

---

¹ A. Welykyj, *Acta S. C. de propaganda fide*, vol. II, № 635 и позднее очень характерные № 741 и № 835.

² См. Послание Голицына великому канцлеру Литовскому от 8.10.1686, A. Theiner, МН, № 236

³ A. Theiner, МН, № 243.

⁴ Там же, № 248.

⁵ См. N. N. Danilov, V. V. Golicyn bis zum Staatsstreich vom Mai 1682, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Breslau—München Jg. I (1936); его же, Василий Васильевич Голицын (1682—1714), *ibid.*, Jg. II (1937).

Иезуиты более всех стремились укрепиться в Москве, чтобы использовать тамошнюю политическую ситуацию и умонастроения в своих целях. Императорско-австрийская иезуитская миссия развернула особенно кипучую деятельность в 1684—1689 годах. Иезуиты-миссионеры, выходцы из Чехии и Моравии, как чехи, в общении с русскими очень легко обходились без переводчика¹. Действуя обычными своими методами, они прежде всего стремились оказать влияние на видных государственных деятелей, таких, как Голицын. О том, насколько тесными были связи Голицына с иезуитами, лучше всего можно судить по благодарственному письму иезуита Шмидта, адресованному ему в 1688 году при отъезде из Москвы. Шмидт благодарил Голицына за многократную поддержку и ободрение. При этом он «тысячу и еще тысячу раз» благодарил его от имени ордена иезуитов, распространившегося по всей земле². Речь идет, следовательно, о благодарственном письме, несколько неумеренном, написанном в вычурной манере религиозных деятелей того времени. Тем не менее тесная связь Голицына с иезуитской миссией в Москве и их школой этим письмом вполне подтверждается. Да и у Голицына его дружеское расположение к папству определялось прежде всего задачами внешней политики и тягой к просвещению.

Иезуиты развернули вполне в духе своего ордена энергичную пропаганду, стараясь увеличить число обращенных, что им и удавалось. Об их успехах в этой области свидетельствует тот факт, что ими были завербованы Палладий Роговский и Петр Артемьев³. Особенно примечателен случай с Роговским, который самим патриархом был посвящен в диаконы, а затем уведен иезуитами во время их изгнания из Москвы для продолжения у них обучения. После обучения в иезуитских коллегиях в Нейсе и Ольмюце, где Роговский

---

¹ См. A. Florovskij, *Čeští jesuité na Rusi*, Praha, ч. 2, миссия 1684—1689.

² D. Tolstoj, *Catholicisme*, vol. I, Приложение № 3, стр. 320 и сл.

³ См. к тому же A. Florovskij, P. Rogovskij — ZOG, Jg. VIII (1934), S. 161—199; Е. Шмурло, Русские католики конца XVII века. «Записки русского научного института в Белграде», Белград, 1931, вып. 3, стр. 1—29

принял католичество, он прибыл в Рим, поступил в греческую коллегию, которую посещал с 1693 по 1698 год¹. Вернувшись на родину, он для вида перешел обратно в православие и руководил вновь организованной в Москве академией до тех пор, пока его двойная игра не была раскрыта.

Римская церковь в начале 1689 года строила всевозможные планы в отношении России. Генеральная конгрегация «Пропаганда веры» в Риме 1 марта 1689 года² была занята организацией миссии не только в Москве, но и в Смоленске и Северской земле, а также в землях, непосредственно примыкающих к Польше. Об основании католической иезуитской миссии в Киеве мы уже упоминали. Иезуиты, следовательно, действовали успешно. Конечно, конгрегация «Пропаганда веры» хотела привлечь и миноритов и униатских базилиан, она стремилась к распространению вширь.

Сколь заметную роль играла в Москве в конце 80-х годов иезуитская миссия, можно судить по донесению иезуита Г. Давида, датированному началом 1689 года³. Согласно этому донесению, иезуит участвовал в качестве эксперта в процессе против мистика Кульмана. Кульман был тогда заживо сожжен в Москве. Иезуиту особенно не понравилась одна найденная у Кульмана книга. Это было изданное Коменским анонимное сочинение «*Lux ex tenebris*» («Свет из тьмы»). Иезуит обстоятельно доказывал, что в этой книге содержатся антиавстрийские и антипапские пророчества словацкого единомышленника «общины чешских братьев».

В 1689 году Софья была свергнута, хотя ее активно поддерживали стрельцы, среди которых были иностранцы. Переворот был совершен не без участия народа. Патриарх тоже выступил против регентши, он с недоверием относился к сближению Голицына с иезуитами. Иезуитский орден — и это характерно для той обстановки — был сразу же после вступления Петра на престол, осенью 1689 года, изгнан из страны. Одно донесение иезуитов, относящееся к этому времени, определенно

---

¹ A. Welykyj, *Acta S. C. de propaganda...*, vol. II, № 684.

² Там же, № 652.

³ A. Theiner, МН, № 264.

указывает на связь между этими событиями¹. В донесении говорится: правительница Софья имела намерение совсем отстранить от власти юного царя Петра, обвенчаться с Голицыным и возвести его на престол. Затем должна была быть проведена уния русской церкви с римской. Патриархом московским должен был стать постриженный в монахи в начале 80-х годов Медведев. От него и ждали решительного осуществления церковной унии.

Допустим, что в этом донесении желаемое выдается за действительное, однако, все эти намеки ведь не высосаны из пальца. Об этом свидетельствуют и опубликованные Тейнером документы, в которых о Софье, Голицыне и Медведеве говорится с большим сочувствием. Конечно, в 1689 году всех троих постигла тяжелая кара. Сколь неожидан был удар, нанесенный иезуитам, видно из того, что еще весной этого года в Москву на подкрепление миссии и школы прибыл чешский иезуит Тобиаш Тишавский².

Так закончилась короткая дружеская интермедия в отношениях между Россией и папством в 80-е годы XVII века.

---

¹ «Relacio expeditionis repentinae», v. 12, 10, 1689; Отдел рукописей Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, т. XVIII — 2, стр. 95—99; см. также: А. Демьянович, Иезуиты в Западной России в 1569—1772 годах, ЖМНП, ноябрь 1871 г., стр. 73, в первую очередь: М. О. Коялович, Письма и донесения иезуитов в России конца XVII и начала XVIII века, СПб., 1904.

² См. А. Florovskij, Ruská mluvnice českého jesuity r. 1690, «Slovo a slovesnost», г. IV (1939), № 4.

Глава V

ПЕТР I И ПАПСТВО

С изгнанием иезуитов связи между Римом и Москвой опять почти прервались, но не прекратились совсем. Однако иезуиты отнюдь не отказались от своих планов обращения России в католичество. Об этом свидетельствует издание в 1690 году в Нейссе русского разговорника. Издал его соотечественник Тишавского Георг Давид¹.

На продолжение связей оказывали влияние как внутренние, так и внешнеполитические факторы.

В России в то время ускорился процесс формирования новых экономических отношений. Быстро шло вперед развитие мануфактур. Велись усиленные поиски иностранных промышленников. Реорганизация армии тоже требовала знающих людей. В России не хватало врачей и учителей иностранных языков.

Среди многочисленных иностранцев, приезжавших в Россию в поисках счастья, все больше и больше прибывало католиков. Наложеного в начале XVII века запрета на их поселение в России² невозможно было теперь соблюдать, не нанося ущерба развитию экономики. С предостережениями патриарха русской церкви открыто не считались. Среди самого близкого окружения молодого царя нашелся такой человек, как шотландец Гордон, который с успехом занимался формированием так называемого потешного войска, ставшего основой более современной русской армии. Еще с

---

¹ A. Florovskij, *Ruská mluvnice českého jesuity r. 1690, «Slovo a slovesnost»*, r. IV (1939), № 4.

² См. A. Olearius, *Colligirte und viel vermehrte Reisebeschreibungen*, Hamburg, 1696, S. 168.

1667 года он в чине офицера состоял на русской службе¹. Это был ревностный католик, получивший образование в иезуитской коллегии в Браунсберге. В противовес Лефорту, другому доверенному лицу царя, решительному протестанту и противнику католицизма, Гордон пытался расположить Петра к католикам. Петр же считал папство особенно опасным для России вследствие папских теорий о взаимоотношениях власти светской и духовной. Его предубеждение против католицизма, и прежде всего против папства, оставалось неизменным, хотя настоятельные нужды России, ее экономики, торговли, военного и морского дела и судостроения повелительно требовали веротерпимости по отношению к любой религии, при условии если ее представители не будут враждебны Русскому государству. Именно этим и определялась позиция Петра по отношению к папству: терпимость к католической церкви, но величайшая осторожность по отношению к ее пропагандистским методам в России и защита от насильственных действий, какие она применяла в Польше.

К внутриполитическим факторам, определившим такую позицию царя Петра I по отношению к католицизму, прибавились и внешнеполитические, которые вынуждали Россию поддерживать связи с папством. Прежде всего России угрожала война с Турцией, которая после воссоединения Украины с Россией (1654) не сходила с повестки дня. В этой войне Россия не хотела остаться в изоляции, ей необходимы были союзники. Естественными союзниками России были император в Вене и республика Венеция. Но и на того и на другую большое влияние оказывал папский нунций. Несмотря на расхождения в мелких вопросах, империя и папство и в петровские времена в главном, и особенно, конечно, в вопросе о борьбе с Турцией, были едины. Поэтому русское правительство 11 декабря 1690 года обратилось в Вену с просьбой, чтобы Австрия не заключала мира с Турцией без предварительного соглашения с Россией. Эта просьба повторялась не раз². Каждый раз по случаю крупной победы императора

¹ «Дневник генерала Патрика Гордона», М., Поссельт, т. II, СПб., 1892.

² Haus-Hof-Staatsarchiv Wien (HHStA), Abt. Rußland, письмо Петра к императору Леопольду I от 2.10.1691.

в войне с Турцией, например при взятии Гросвардена, Россия направляла самые дружеские поздравительные послания¹.

Поскольку Петр был крайне заинтересован в разгроме Австрией Турции, доброе согласие между Россией и Австрией было для него весьма желательно. Но за спиной Австрии стояло папство. Император также придавал большое значение хорошим отношениям России с папством и католической церковью. Поэтому австрийское правительство пыталось любыми средствами добиться отмены решения об изгнании иезуитов из России. Австрийский чрезвычайный посланник Курц, выехавший в Москву в 1691 году, получил по этому вопросу самые недвусмысленные инструкции². Императорское правительство предупреждало даже, что будет рассматривать отказ восстановить католическую миссию в России как недружелюбный акт в отношении Австрии, ставящий под угрозу возможность дипломатических отношений между Австрией и Россией. Австрия, таким образом, становилась оплотом католицизма и стремилась взять на себя роль посредника между ним и Россией, роль, на которую в течение столетий претендовала Польша.

Однако иезуиты слишком сильно скомпрометировали себя своим обыкновением вмешиваться в политику. Из перехваченных или прочитанных писем иезуитов стало известно об их активной вербовке новообращенных и о разведывательной деятельности в интересах иностранных держав, особенно в азиатских районах России. Правда, эти документы были объявлены фальшивками, однако тот, кто познакомится с сохранившейся в австрийском государственном архиве перепиской иезуитов-миссионеров с императорским двором, поймет, что обвинения эти были вполне обоснованны³.

Действительное отношение царя к католической церкви, и особенно к планам унии, охарактеризовано

---

¹ Haus-Hof-Staatsarchiv Wien (HHStA), Abt. Rußland, письмо Петра к императору Леопольду I от 8.9.1692.

² Там же (Инструкция от 15.1.1691).

³ Там же.

в донесении австрийского посланника Курца в Вену от 4 августа 1691 года. В этом донесении Курц убедительно доказывает, что Петр настроен решительно против униатства на Волини, но по отношению к латинской церкви не менее решительно придерживается принципа веротерпимости. 2 сентября 1691 года был опубликован указ обоих царей, в котором иностранцам, проживающим в России, вопреки предостережениям русского патриарха открыто предоставлялась свобода вероисповедания. Возможно, что этот указ явился прямым следствием миссии Курца¹. Тем самым позиция Петра и его приближенных вырисовывается с полной ясностью.

В результате начавшихся в 1695 году военных походов России после тяжелых боев удалось закрепиться на Азовском море. Черное море перестало быть, как сто лет назад, турецким. Позиции Османской империи стали слабее, поскольку Россия установила свое господство над частью бассейна Черного моря. Россия надеялась, что добьется успехов в борьбе против турок, если будет координировать свои действия с военным командованием Австрии. В 1697 году Петр поздравил императора с большой победой принца Евгения у Зенты. Одновременно он сообщил о завоевании русскими Азова. Дело шло к заключению военной конвенции, которая должна была определить совместные военные действия в дальнейшей борьбе с Османской империей.

У молодого Петра уже давно зрел план собственными глазами взглянуть на Центральную и Западную Европу, которую он, казалось, хорошо знал по рассказам своих друзей из Немецкой слободы. Так называемое «Великое посольство» выехало в 1697 году и пробыло в Европе свыше года, проделав путь через Северную Германию в Голландию и Англию, а в заключение еще и в Вену.

Из Вены предполагалось поехать в Венецию и Рим. Имелась в виду даже личная встреча с папой. Петр ждал, что папа поддержит его стремление добиться от императора координации действий в войне с Турцией. И эта часть путешествия была тщательно разработана.

---

¹ D. Tolstoj, *Catholicisme*, vol. I, Приложение № 4, стр. 322.

Еще в 1696 году в Москве изучили церемониал и титулатуру, которые в Риме играли такую большую роль. В 1697 году «Theatrum Eurgoraеum»¹ объявил о предполагающемся визите молодых русских в Рим.

Официальное русское посольство в Рим и на Мальту двинулось через Польшу в Вену и тем же путем возвратилось назад в Россию. Во главе его стоял Б. П. Шереметев, отличившийся как полководец в войне с Турцией².

В Вене, где он поддерживал связь с иезуитом Вольфом, русский генерал добился рекомендательного письма к папе, написанного очень горячо и превозносившего военные успехи Шереметева в войне с турками³.

Шереметеву было поручено не только возобновить дипломатические отношения России с римской курией, но и выяснить, серьезно ли относится папа к войне с турками и в состоянии ли он оказать этому предприятию существенную помощь.

Выполняя это поручение, Шереметев сделал все, чтобы представить отношение России к папству и католицизму в самом лучшем свете. Он не остановился перед тем, чтобы его обращение к папе в приветственном послании весной 1698 года в латинском переводе звучало как признание папы наместником Христа⁴. Не было недостатка и в подарках папе и кардиналам, а также и в многообещающих посулах, имеющих целью создать впечатление, будто русская и римская церкви отнюдь не чужды одна другой. Проводником Шереметева в Риме был польский иезуит Игнатиус Шпот, который даже показал ему комнату основателя ордена. Вновь папская курия тешила себя мечтой об унии церквей. В римских кругах считали возможным, что и Шереметев перейдет в лагерь борцов за унию. Эти надежды основательно подогревали иезуиты, которые не-

---

¹ Bd. XV, S. 372.

² См. Официальный путевой журнал: «Памятники дипломатических сношений древней России», т. X, СПб., 1871, столбцы 1581—1698; I. S. G a g a r i n, Le feld-maréchal comte B. Chérémètef à Rome «Melanges», Paris, 1857, vol. II, p. 14; Е. Шмурло, Шереметев в Риме, см. Сборник документов, относящихся к царствованию Петра I, Юрьев, 1903.

³ A. Theiner, МН, № 301.

⁴ См. Е. Шмурло, Шереметев в Риме, указ. изд.

устанно сообщали в Рим о благих намерениях прибывших вместе с ними русских¹.

А уж в спутнике Шереметева, Курбатове, все в Риме были абсолютно уверены. Он в своих намеках относительно церковной унии пошел намного дальше главы русского посольства. В апреле 1698 года он обратился прямо к Иннокентию XII с заявлением, что Петр склонен осуществить унию церквей и что русский патриарх расположен к католической церкви, предостерегая царя и его окружение от протестантизма. На самом деле патриарх предостерегал их и против католической церкви. Далее он утверждал, что путь через Россию в Персию открыт католическим миссионерам и Москва согласна принять двух ученых иезуитов. Заходила речь и о том, чтобы направить русских юношей в Рим для перевода на русский язык католических книг². На основе таких предположений «Theatrum Europaeum»³ счел возможным даже говорить о посольстве Петра к папе с целью обсуждения вопроса об унии церквей.

Русское посольство зашло, очевидно, слишком далеко в своем стремлении создать благоприятную атмосферу для свидания Петра с папой либо оно недооценило стремления сопровождавших его лиц раздувать каждый намек в интересах своих хозяев. Это было тем трагичнее, что до свидания, которое подготавливал Шереметев, дело так и не дошло. Невозможно установить, чего у Шереметева и Курбатова было больше — рвения на государственной службе или действительной заинтересованности в сближении с римской церковью. У Шереметева, хотя он и был принят на Мальте в орден иоаннитов, большую роль играло стремление добиться для России союзников в борьбе с Турцией. На Курбатова же, вероятно, оказал влияние тесный кружок московских деятелей, дружески расположенных к католикам. К тому же и сам Петр из внешнеполитических соображений оказывал католическим кругам внимание.

---

¹ I. S. Gagarin, *Le feld-maréchal comte B. Chérémètef à Rome*, p. 21 et suiv.

² Е. Шмурло, Шереметев в Риме, указ. изд., стр. 352 и сл.

³ Bd. XV, S. 503—505.

«Великое посольство» с первых шагов привлекло внимание папской курии. Иезуит Штурм 6 мая 1697 года доносил из Курляндии, откуда посольство начало свой путь, что католические круги опять могут надеяться на унию церквей¹. Обхождение Петра с иезуитом П. Вольфом во время пребывания в Вене и само его появление в столице империи² пробудили в Риме большие надежды. Нунций с огромными преувеличениями передал в Рим сами по себе уже преувеличенно оптимистичные рассказы иезуитов. Да и донесения иезуитов, прибывших вместе с посольством, генералу ордена были составлены в чрезмерно оптимистичном духе³. Желаемое в них выдавалось за действительное. Истинных мотивов Петра и его окружения они либо не замечали, либо в своей надменности недооценивали эти мотивы. Внешнеполитические интересы Петра, как и его борьба с русской православной церковью за просвещение страны не имели ничего общего с сочувствием католицизму. Эти столь радужно окрашенные донесения приносили их авторам сомнительную пользу, скорее наоборот. Дело унии, которое казалось уже, судя по этим донесениям, близким к решению⁴, в действительности не подвинулось вперед ни на шаг.

Царь Петр еще в Амстердаме⁵ понял, что австрийский император, поглощенный борьбой за испанское наследство, готов заключить мир с турками и совершенно не заинтересован в том, чтобы вместе с Россией нанести сокрушительный удар Османской империи. Царю же дружественное расположение папы нужно было исключительно ради укрепления этого союза. В этих условиях стрелецкий бунт послужил Петру удобным предлогом для того, чтобы поздним летом 1698 года прервать свое пребывание в Вене и через Польшу возвратиться в Россию.

По дороге он, несмотря на, казалось бы, столь неотложные дела по подавлению восстания, уделил серьезное внимание переговорам с Августом II, королем

---

¹ А. Theiner, МН, № 297.

² Там же, № 298—300.

³ См. И. С. Гагарин, цит. соч.

⁴ Е. Шмурло, Шереметев в Риме, указ. изд., стр. 504 и сл.

⁵ См. донесения императорского посла в Гааге от конца мая 1698, NHStA, Holland, Bd. 17.

Польши, и курфюрстом Саксонским, которому Россия оказала решительную поддержку на выборах. Переговоры в Восточной Галиции стали основой для заключения оборонительного союза между Россией и Польшей против Швеции. Поскольку борьба за овладение выходом к Черному морю не сулила России дальнейших успехов, необходимо было пробиваться к Балтийскому морю. При этом Петр не упускал из виду и интересы России на юге.

Во время встречи двух монархов в Восточной Галиции папская курия не спускала глаз с русской делегации¹. Польский нунций сообщал в Рим обо всем, вплоть до мельчайших подробностей. Немало поусердствовал и иезуит Вота, которого новый король получил в наследство от покойного короля — Собеского. Отношение Петра I к римско-католической церкви было сдержаннее, чем в Вене, но, идя навстречу своему новому союзнику, он выразил ей свою готовность на уступки. Особенно твердые обещания он дал касательно поезда миссионеров через Россию.

В Москве, как будто для виду, через австрийское посольство продолжались переговоры относительно оборонительно-наступательного союза России и Австрии, а также присоединение России к союзу Австрии, Венеции, мальтийского ордена и папского государства. Посольство выехало в Москву еще до прибытия Петра. Но переговоры затягивались, не принося ощутительного результата. Это Петр признал в Вене. Только по настоянию русских делегация Австрии была отозвана. Глава австрийской делегации Гуариент доносил об этом в Вену 11 марта 1699 года. Австрийский император, желая заслужить особую милость папы, стремился длительным пребыванием делегации в Москве поддержать позиции католической церкви в России. У русских подобные действия императора не вызывали сочувствия.

Однако два человека, сопровождавшие австрийское чрезвычайное посольство и въехавшие в Москву для торжественной аудиенции у царя в карете со спущенными шторами, остались в России и далее. Это были два иезуита, путешествовавшие под вымышленными именами. Один из них — Милан — уже побывал однажды в

---

¹ A. Theiner, МН, № 302; «Fondo gesuitico», 434

России. Он принадлежал к чешской провинции ордена. Еще в восьмидесятих годах ему удалось добыть ценные сведения относительно путей в Среднюю и Восточную Азию. Под именем Эмилиана он, кроме всего прочего, ревностно продолжал и свою прежнюю разведывательную деятельность¹. Папский нунций в Вене больше всего, конечно, заботился об этой части посольства. Он писал императору Леопольду I, что заслуги императора перед католической церковью возрастают вследствие отправки иезуита и оказания ему поддержки. Поэтому инструкция императора настоятельно требовала от посланника позаботиться о том, чтобы иезуиты остались в Москве «не для обращения русских в свою веру и вмешательства в политику, но единственно ради заботы о богослужении и духовных дел»². Они остались здесь при молчаливом согласии правительства. Так отправка Гуариента принесла Риму хотя бы этот успех³.

Иезуиты получили задание не только разведывать пути в Азию, но и вербовать среди влиятельных лиц сторонников церковной унии. Для осуществления второй задачи была основана школа иностранных языков, составившая серьезную конкуренцию открытой в 1703 году царской гимназии Глюка⁴. Протестанты вступили в соревнование с католиками. Различные вероисповедания, за которыми стояли те или иные державы, были, таким образом, использованы для взаимного контроля и соперничества.

Провал переговоров между Веной и Москвой, последовавший в 1699 году после заключения Австрией мира с Портой, еще более ограничил и без того лишенные правовой основы отношения с Римом, однако до полного разрыва дело не дошло.

В 1700 году разразилась так называемая Северная война, которая отвлекла внимание России более чем

---

¹ О Милане см.: Florovskij, Jesuité, ch. 2, а также М. О. Коялович, Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века, СПб., 1904.

² HHStA, Abt. «Rußland», 1698.

³ См. Korb, Diarium itineris in Moscoviam 1698, Wien, 1700; E. Winter, Österreich und Rußland. Die Begründung der ständigen diplomatischen Vertretung vor 250 Jahren. «Wiener Zeitung», Sondernummer zum Bestandsjubiläum der «Wiener Zeitung», Jg. 1946.

⁴ E. Winter, Rußlandkunde, S. 166.

на 20 лет. От успехов и неудач в войне и в дипломатической деятельности зависело и развитие отношений России с папским престолом¹. Неудачное для России начало войны заставило русскую дипломатию пойти на некоторые уступки папе, ибо римская курия с ее влиянием на Вену и Варшаву могла воздействовать на ход событий самым неблагоприятным образом. Поэтому по просьбе Клементя XI был разрешен беспрепятственный проезд католического патриарха Антиохийского через Россию в Китай. Правда, папский легат предпочел затем морской путь. В Вене русский посол Голицын стремился продолжить переговоры с папским нунцием. Так же, как и Шереметев, он не скупился на дружеские обещания, чтобы пробудить в Риме новые надежды, однако ему не удалось убедить нунция в надежности этих обещаний. Даже о двухлетнем пребывании царевича в Вене с целью завершения его образования велась речь, обсуждалась и его женитьба на одной из австрийских эрцгерцогинь, правда, не без тайной мысли, что таким путем осуществится союз «всей России с католической церковью»².

В Польше образовались две партии. Опираясь на поддержку Швеции, часть польского дворянства избрала польским королем Станислава Лещинского, в противовес Августу Саксонскому. Франция также поддерживала Станислава Лещинского. Римская курия оказалась в тяжелом положении, так как обе группировки искали поддержки у папы, зная о его влиянии на Польшу. Северная война была связана с одновременно разворачивавшейся войной за испанское наследство, ибо Австрия и Франция были заинтересованы в Польше. Связанный союзом с Россией Август, король Польши и Саксонии, пытался через своего духовника Воту³ помешать тому, чтобы папская курия официально поддерживала Лещинского. В этих усилиях ему помогала Россия. Как ни мало нунций в Вене придавал значения тем надеждам, которые старался возбудить у него русский посол, он все же настолько поддался его влиянию, что отсоветовал примасу Польши вступать в

---

¹ См. «История дипломатии», т. I, М., 1959, стр. 335—352.

² A. Theiner, МН, № 305, S. 390; см. также № 304.

³ Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden (SLHA), loc. 3066.

союз со шведами¹. На этот раз русская сторона нашла желательным обмен посольствами между Римом и Москвой. Однако папский посол, доминиканец, направился не к русским, а к шведам. Знаменательно, что инструкция статс-секретаря кардинала оставляла ему право свободного выбора, куда следует отправиться². Такая двойственная политика вызвала негодование в Европе и привела к тому, что посланник был отозван.

Русские потребовали теперь посла в сане епископа. Чтобы показать свое абсолютное беспристрастие и дабы с честью выпутаться из создавшегося положения, папская сторона вновь извлекла вопрос о титуловании. Этот вопрос всегда был излюбленным предлогом для прекращения дипломатических отношений либо для того, чтобы помешать их установлению. Чтобы успокоить католическую Польшу, Петр I 19 августа 1704 года в переговорах с польским представителем вновь пообещал разрешить свободное отправление католических обрядов в столице и других важных центрах, где проживает большое число католиков. Царь дал согласие на строительство каменных костелов и разрешил беспрепятственный проезд католических миссионеров в Персию. При этом Китай и Монголия названы не были³. Эти торжественные обещания не удовлетворили, однако, папскую курию. Она больше стремилась к заключению государственного договора между Россией и папским престолом. Нунций в Польше получил самые точные инструкции⁴. В последнем, 13-м пункте этой инструкции ему предписывалось выяснить истинные намерения царя по отношению к папской курии. Вскоре все стало совершенно ясным.

30 июня 1705 года в Полоцке произошло жестокое столкновение Петра и сопровождающих его лиц с униатскими монахами-базилианами, закончившееся убийством⁵. 17 октября 1705 года папа Клемент XI об-

¹ A. Theiner, МН, № 304, S. 387, донесение нунция в Рим от 17.6.1702.

² A. Theiner, МН, донесение нунция в Вене от 26.7.1702.

³ Е. Шмуrho, Сношения России с папским престолом, стр. 202 и сл.

⁴ Там же, стр. 104 и сл.

⁵ Относительно позиции Петра в вопросе об унии и униатах см.: A. Deruga, Piotr Wielki a unia i unja kościelna 1700—1711, Włna, 1936.

ратился к униатскому митрополиту и выразил ему свое соболезнование. Одновременно он заявил, что обратится с жалобой к королю Августу II¹. Последний старался по возможности рассеять неблагоприятное впечатление, которое произвел своим поступком его союзник². Но в Риме не так-то легко простили Петру инцидент в Полоцке³; инцидент этот рассматривался как проявление «ненависти к католической вере». Униатский луцкий епископ в письме от 28 августа 1705 года представил все именно в таком свете⁴. Еще 5 мая 1710 года папа Клемент XI обратился к польскому королю с убедительной просьбой взять на себя защиту униатов в королевстве. Их-де надо избавить от постоянного страха, оградить от посягательства в первую очередь со стороны православных, а затем и латинян⁵.

Все усилия Петра заставить забыть об этом инциденте ни к чему не приводили, хотя сделал он немало: в октябре 1705 года была опубликована охранная грамота русского правительства всем католикам, проживающим в занятых Россией областях Польши. Солдаты и офицеры всех вероисповеданий получили строжайший приказ не наносить ущерба служителям и имуществу римско-католической церкви. Вскоре католикам в России официально разрешили отправление их культа. Католическим миссионерам был предоставлен свободный проезд в Китай, а францисканцев даже специально пригласили в Россию⁶. Воспитателю царевича Г. Гюиссену, к которому царь прибегал и в дипломатических делах, было поручено поддерживать связь с Римом из Вены, куда он выехал в 1705 году. Доверенным лицом Гюиссена в Риме стал Гравина, профессор канонического права, вхожий к самому папе Клементу XI. Че-

---

¹ A. Welykyj, Documenta, vol. II, № 626, далее № 637 от 1710.

² SLHA, письмо Августа II своему послу в Риме графу Лань-яско от 11.10.1705.

³ См. Pamфлет против России, «Historija o pozabijaniu Bazylianów», Paris, 1863.

⁴ A. Welykyj, Propaganda, vol. III, № 767, а также № 816.

⁵ См. A. Welykyj, Documenta, vol. II, № 630—632.

⁶ A. Theiner, МН, № 310, см. далее Zacharias Antonisse O.F.M. Cap., Die Anfänge der Kapuzinerniederlassungen in Rußland. «Analecta Slavica», Festschrift für B. Becker, Amsterdam, 1955, S. 51—61.

рез Гравину и Гюиссена Петр старался добиться улучшения отношения папы к России и к нему самому. Об этом говорится в до сих пор еще не изученных письмах Гравины к Гюиссену¹.

Кроме того, царь решил направить в Рим посольство во главе с князем В. И. Куракиным, одним из лучших русских дипломатов того времени. Однако выехавшее в Рим в 1707 году посольство отнюдь не ставило своей целью принести папе извинения. Куракин произвел в Риме хорошее впечатление, это стало ясно из письма князю кардинала Пиньятелли. Из пространного донесения русского посланника Шафирову, возглавлявшему при Петре коллегия иностранных дел, видно, как хорошо сумел он справиться с создавшимся положением. Однако ни к какому соглашению прийти не удалось. Куракин отказался принять обвинительное послание папы, так как в нем вновь был опущен титул «царь». Тем не менее папа выразил удовлетворение тем, что русское правительство согласилось на проезд через свою страну католических миссионеров в Китай и другие восточные страны, разрешило свободу вероисповедания для католиков и не чинит препятствий деятельности иезуитской школы в Москве².

Иезуит Броджо изображал положение католиков в Москве в радужных тонах. С особенно большой похвалой отзывался он об успехах гимназии, в которой под руководством иезуитов получали образование сыновья наиболее влиятельных людей. По просьбе Петра I иезуит особо подчеркнул благоволение царя к папе и к католической церкви. Ведь России прежде всего нужно было успокоить императора Иосифа I и Польшу³.

В московскую школу иезуитов посылали детей не только католики, например Гордон, но и такие влиятельные вельможи, как Голицын, Нарышкин, Апраксин, Долгорукий, Головкин, Мусин-Пушкин, Куракин. Хотя

---

¹ Письма находятся в Архиве Академии наук СССР в Ленинграде, ф. 118, дело 1, № 4.

² А. Тургенев, Акты исторические, т. II, № 125, 126, стр. 283, 284; А. Theiner, МН, № 316. См. прежде всего донесение Куракина руководителю коллегии иностранных дел Шафирову и письмо кардинала Пиньятелли Куракину, ЦГАДА, ф. 78, д. 1, № 17 и 18.

³ А. Theiner. МН, № 311.

в школе они должны были изучать главным образом латынь и другие языки, знакомство с римско-католической церковью не могло не оказать на них большого влияния. Один из знатных русских учеников этой школы в 1712 году вступил в Риме в орден иезуитов¹.

Еще в начале 1708 года Рим стоял за объединение Польши под властью Лещинского. Шведы в 1706 году вступили в Саксонию и в течение 1707 года оккупировали ее. Август II отрекся от престола, и курия потеряла к нему всякий интерес. Стоило ли с ним теперь считаться? Но к концу 1708 года соотношение сил на театре военных действий стало явно меняться в пользу России². В Риме были прекрасно осведомлены о ходе военных действий. Хотя польский нунций и оставался все это время в австрийской Силезии, чтобы оттуда исподволь следить за развитием событий в Польше, он тем не менее постоянно поддерживал связи с кругами высшей польской знати³. В римской курии о России отзывались с большим уважением, по крайней мере об этом сообщает особый представитель короля Августа, каноник барон Шенк. Он полагал, что в споре о титуловании можно продвинуться вперед и добиться, во всяком случае, чтобы к царю обращались, как к «его величеству»⁴.

Но вот пришел и день решительной победы русских над шведами под Полтавой, день 27 июня 1709 года. Август II вновь появился в Польше и взял назад свое отречение. Таким образом, он возобновил сотрудничество с папской курией, которая проявила самый живой интерес к России. 15 июля 1709 года папский нунций в Польше доносил, что в соответствии с желанием царя в Москву следует послать францисканцев. Трем австрийским провинциям ордена францисканцев было поручено подобрать для России двух патеров⁵. Еще в 1705 году во время пребывания в Гродно Петр I дал разрешение придворному проповеднику польского

---

¹ См. Florovskij, *Jesuité*, ch. 2.

² E. Hassinger, *Brandenburg, Polen, Schweden, Rußland 1700—1713*, München, 1953, S. 221.

³ A. Theiner, *MH*, № 319.

⁴ SLHA, loc. 650; донесение от 12.10.1708.

⁵ Zacharias Antonisse O. F. M. Cap., *Die Anfänge der Kapuzinerniederlassungen in Rußland*, S. 51 ff.

короля Августа II основать в Москве францисканский монастырь. Царь стремился тогда урегулировать свои отношения с Римом после сильно встревожившего курию инцидента в Полоцке.

Русские послы также получили инструкции укрепить связи с нунциями и католиками. Во второй половине 1709 года оживленная дипломатическая деятельность развернулась вокруг вопроса о направлении в Москву двух францисканцев. В результате усилий польского нунция и русского посла в Польше в Россию направились не два, а, к неудовольствию Петра, даже шесть капуцинов. Зато нунцию было поручено передать русскому посланнику горячую благодарность от имени конгрегации «Пропаганда веры» за его усилия в основании миссии францисканцев в России¹.

Барон Шенк, посол Августа, доносил из Рима, что для русских там сейчас вполне благоприятная обстановка. Папа заявил, что он готов признать за царем титул «его величество», если тот в свою очередь будет титуловать его «ваше святейшество» и пришлет папскому престолу грамоту, в которой торжественно гарантирует свободу вероисповедания проживающим в России католикам².

Но к этому времени заинтересованность России в продолжении переговоров с папским престолом, особенно на условиях, которые ни в коем случае не могли встретить одобрение русской церкви, стала значительно меньше. Особенно раздражали Россию претензии папы на то, чтобы к нему обращались «ваше святейшество», так как в этом обращении было заложено как бы косвенное признание подчинения русской церкви римско-католической.

Русская православная церковь после смерти патриарха Адриана в 1700 году осталась без главы; Петр I и его приближенные надеялись найти союзника в Яворском, исполнявшем обязанности патриарха. Во всяком случае, православная церковь, вполне в духе просвещенного абсолютизма, все энергичнее смыкалась с государственным аппаратом России. Начала склады-

---

¹ Zacharias Antonisse O. F. M. Cap., *Die Anfänge der Kapuziner-niederlassungen in Rußland*, S. 51 ff.

² SLHA, loc. 650, донесение от 7.9.1709.

ваться система государственного подчинения церкви, которую можно назвать «петринизмом». При этом русская православная церковь оставалась орудием в борьбе за сохранение существующего общественного строя, поскольку она, действуя под непосредственным руководством государства, призывала верующих к покорности.

Вскоре произошло немало событий, осложнивших взаимоотношения между папской курией и Россией. Униатский священник, луцкий епископ, выступил с протестом по поводу насилий, чинимых русскими после битвы под Полтавой над оставшимися в Польше шведами и сторонниками Лещинского; за это он был подвергнут заключению, что вызвало в Риме недовольство. Секретарь конгрегации «Пропаганда веры» требовал от дипломатического представителя Августа II отправить луцкого епископа в Рим, где папа наставит его на путь послушания государственной власти. Тем самым подчеркивалось, что только папа обладает властью судить епископов за их заблуждения¹.

Битва под Полтавой не означала, правда, для русских окончания войны. Турки же считали, что нельзя упустить удобный случай помешать возвышению России. Стремясь прежде всего восстановить неограниченное господство Османской империи на Черном море, турки попытались добиться вытеснения русских из Азова, где те в 1697 году укрепились. Поэтому союз России, Австрии и Ватикана вновь мог приобрести для этих держав интерес, если бы они отнеслись к борьбе с Турцией серьезно. Но Австрия была сильно обеспокоена успехами русских в борьбе со Швецией и потому вовсе не желала Петру серьезных побед над турками.

Это ясно видно из австрийских государственных документов, относящихся к России. Знаменательно для характеристики настроения влиятельных кругов Австрии донесение австрийского чрезвычайного посла в России Вильчека от 13 января 1711 года². Посол передает содержание своей беседы с Меншиковым. Во время беседы разговор шел о плане вождя антигабсбургского восстания в Верхней Венгрии Ракоци поста-

---

¹ SLHA, loc. 650; донесение Шенка от 1.3.1710.

² HHStA, Abt. «Rußland», 1711.

вить под протекторат России всех сторонников православной церкви в Венгрии и на Балканах. Меньшиков нашел этот план, казавшийся Вильчеку чудовищным, в общем интересным и добавил, что гуситы в Чехии и Моравии также хотят обеспечить для себя протекторат России; об этом ему, мол, сообщил генерал Микош. Действительно, именно в это время тайные гуситские организации сильно активизировали свою деятельность в Чехии и Моравии¹. Поэтому план этот не был уж столь абсурден, как его хотел представить Вильчек. Петр в переговорах с австрийским резидентом Плейером упомянул о своих надеждах на помощь балканских народов и подчеркнул, что во время наступления турецкой армии, особенно при переходе ее через Дунай, обнаружались неуверенность турок, их страх перед возможностью восстания сербов и румын².

В этих беседах выявились основные линии политики, которые определяли характер дипломатических связей Петра I с папством. Папа, так же как и император в Вене, совершенно не был заинтересован в подобном покровительстве Петра православию. Поэтому Россия не могла ожидать помощи в своей борьбе с турками. Надо было обходиться своими силами. И она это сделала.

В августе 1711 года Вильчек получил подробные инструкции. В пункте 6 содержалось требование австрийских офицеров о выдаче вождей мятежников — Ракоци и Берешеньи, — находившихся на занятой русскими войсками польской территории, а в пункте 17 — просьба обеспечить свободную деятельность католического духовенства в России³.

Россия как передовой бастион христианского мира в русско-турецкой войне — мысль, которую Петр I очень умело выдвинул, — сильно беспокоила Австрию. Это видно из «Памятной записки» австрийской дворцовой канцелярии, опубликованной 26 февраля в ответ на касающиеся этого вопроса указания Вильчека⁴. На этот раз папе приходилось выбирать не между двумя като-

¹ См. E. Winter, *Die tschechische und slowakische Emigration in Deutschland im 17. und 18. Jahrhundert*, Berlin, 1955.

² HHStA, Abt. «Rußland», 1711; донесение Плейера от 8.8.1711.

³ Ibid., Bd. 9, 1.

⁴ HHStA, Bd. 9, 1.

лическими державами, как во второй половине XVI века, когда на роль оплота христианства претендовали Польша и Австрия. Поэтому позиция папства была совершенно ясной. При слабости Польши Рим мог считать таковым только Австрию, особенно если речь шла о противопоставлении ее России, претендовавшей на роль покровителя православия во всей Восточной и Южной Европе. Откровенное признание Меншикова, что гуситы в Чехии питают дружеские чувства к России, которое благодаря тесному сотрудничеству между папской и австрийской дипломатией немедленно было передано в Рим, конечно, не могло обрадовать папу. Папская курия еще сильнее стала поддерживать Австрию как оплот католической церкви в России. Такая позиция вполне отвечала целям и задачам австрийской дипломатии. Поэтому в инструкциях из Вены своему посольству в России, а также в донесениях австрийского посла в Петербурге постоянно встречаются упоминания о католических миссионерах в России.

Тем временем деятельность императорской австрийской миссии иезуитов в России развивалась очень успешно. В 1710 году Вильчек уже доносил в Вену, что нужно укреплять и расширять миссию. Необходимо-де воспользоваться тем, что Петр сильно озабочен войной со Швецией и турецкой угрозой, и продвинуться далее¹. Надо обратить внимание прежде всего на школу иезуитов, которая с 1706 года стала гимназией и имеет большой успех. Московские иезуиты оказывали ей постоянную помощь². В вербовке обращенных, о которой иезуиты не забывали ни на минуту, они также достигли многого. Так, сын одного придворного вельможи А. Ладыженский покинул 27 июня 1710 года Россию, принял в Вильно католичество, а затем в Риме вступил в орден иезуитов³.

В этот период в донесениях австрийских дипломатов в тесной связи с делами католической миссии в России имеются сообщения и о политических происках австрийской дипломатии. Австрийский офицер Гартель, по-

---

¹ HHStA, донесение Вильчека от 8.5.1710.

² HHStA, обобщающий отчет Плейера за 1710 г.

³ См. А. В. Флоровский, Первый иезуит из московских дворян «Acta Academiae Velehradensis», vol. XIX, 1948, p. 249—256.

досланный, чтобы устранить вождя венгерских повстанцев Ракоци, после провала своего плана бежал к иезуитам в Москву. Те тайно переправили его в одежде монаха к главнокомандующему австрийской армией в Венгрии¹. Следуя своей излюбленной тактике, иезуиты попытались прежде всего вкрасься в доверие к самым значительным деятелям России, чтобы подчинить их своему влиянию. Так, например, они попытались установить связь с выполнявшим обязанности патриарха Яворским, который отнесся к ним дружелюбно и проявил интерес к вопросу об унии церквей. Правда, Яворский только в том случае готов был поддержать унию, если царь проявит в этом инициативу². Тем временем иезуитам через своих осведомителей стало известно, что Петр совершенно не расположен к такого рода планам, тогда они попытались через Яворского сблизиться с царевичем, более склонным, казалось, одобрить их планы. В сообщении, относящемся к 1714 году, говорится, что царевич читает сочинения Барония, историка католической церкви, которое ему подсунил Яворский. Речь шла даже о том, что царевичу была передана какая-то богослужебная книга, чуть ли не требник. В 1715 году иезуит Иннес сообщал в донесении, что иезуиты пользовались влиянием на жену царевича, которая приходилась сестрой австрийской императрице³. Основываясь на всех этих фактах, Иннес полагал, что осуществить унию церквей вполне возможно.

Одной из важных задач, которые ставила перед собой иезуитская миссия, было, между прочим, следующее: вести разведку путей на Восток и оказывать помощь путешествующим по ним католическим миссионерам. В этом плане усердно действовал разъезжавший по стране иезуит Милан, который и раньше слыл специалистом в этой области. Ему мы обязаны подробными описаниями жизни калмыков⁴. Астрахань стала к этому времени важным центром деятельности миссионеров-иезуитов, которым удалось двинуть вперед даже

¹ HHStA, loc. 2824; донесение Плейера от 18.8.1711.

² См. Florovskij, Jesuité, pr. 2.

³ HHStA, Abt. «Rußland», 9—II. F. 42—52.

⁴ Archiv der Gesellschaft Jesu, Abt. Japan — China, Bd. 173; см. A. Florovskij, Jesuité etc.

такое дело, как объединение армянской церкви с католической. В этом важном перевалочном пункте азиатской и европейской торговли в 1717 году свили себе гнездо и францисканцы. В начале двадцатых годов два столь известных в русской литературе человека, как Кантемир и Тредиаковский, посещали францисканскую школу в Астрахани¹. Туда приезжали на более или менее длительный срок купцы со всей Азии. Поэтому как центр разведывательной деятельности этот город был очень важен для европейских держав. Недаром там обосновались в это же время противники иезуитов и францисканцев — пиетисты из Галле².

Происки католических орденов представляли грозную опасность для новой России еще и потому, что ордена действовали в контакте со сторонниками восстановления старых порядков. С особенной болью осознал это Петр I тогда, когда узнал, что в центре движения за восстановление старых порядков стоял его собственный сын, которого собирались использовать в самых реакционных целях. С ним заодно был и заменяющий патриарха Яворский, да и австрийские католики-миссионеры были замешаны в этом деле, как видно из дипломатических донесений. Ведь австрийский император Карл VI и царевич были женаты на родных сестрах. Поскольку война России со Швецией все еще велась с большой ожесточенностью, Петр стремился возможно скорее обуздать реакцию.

Наиболее значительной фигурой среди тех, кого привлек Петр, был Прокопович, вызванный в 1716 году в Петербург после того, как царь распорядился возвести его в сан епископа. Сам Прокопович во время своего длительного обучения в Риме основательно познакомился с порядками папской курии. В Россию он возвратился решительным противником римской церкви и вскоре стал ближайшим сотрудником Петра в церковных делах. Он поддерживал царя в его антиримской позиции и помогал ему включить русскую православную церковь в государство так, чтобы она не служила препятствием проведению необходимых реформ. Впро-

---

¹ Н. Grasshoff, Antioch Dmitrievič Kantemir (1709—1744) und seine Beziehungen zur westeuropäischen Kultur. Phil. Dissertation, Berlin, 1958, S. 96—100.

² См. E. Winter, Rußlandkunde.

чем, подобные устремления имели место в России еще в XVII веке и даже ранее.

Петр и Прокопович отдавали себе ясный отчет в том, что папство не может и не хочет отказаться от попыток подчинить Россию римской церкви. Они рассматривали это как угрозу России, а союз католической миссии с силами реакции лишь подтверждал их точку зрения. Такие люди, как Петр и Прокопович, понимали необходимость независимого развития России, в то же время они ясно видели, сколь тесные связи соединяют Россию со всей Европой. Прокопович в своем труде о князе Владимире восхвалял его за то, что он, вводя христианство на Русь, отверг Рим¹. В теологическом трактате «De processione Spiritus sancti» он решительно выступает против постановлений Флорентийского собора и против принятого на нем толкования этой главной догмы христианства². В качестве предостережения на будущее он очень резко осуждает злонамеренное вмешательство пап в политические отношения России с иностранными государствами во времена правления Ивана IV³. Самую главную опасность со стороны папства Прокопович справедливо усматривал в притязаниях курии на примат в вопросах юрисдикции и, следовательно, в претензии пап на господство над светской властью, которые еще в IX веке провозгласил папа Николай I и которые более или менее откровенно отстаивали его преемники. Поэтому смешно было говорить о том, что в России мечтают об унии с римской церковью⁴.

Властолюбивые притязания папства отталкивали не одного Прокоповича, но и всех тех, кто строил новую Россию. Пиетисты из Галле казались поэтому Прокоповичу более подходящими союзниками. Они были тесно связаны с развивающимся капитализмом, основывали мануфактуры и были заняты созданием новой, более отвечающей интересам развития капитализма школьной системы. Именно этим и объясняется, почему Петр

¹ См. Ф. Прокопович, Слова и речи, т. III, СПб., 1765.

² G. Hofmann S. J., Die Konzilsarbeit in Florenz, OChP, Jg. IV (1938), S. 161.

³ F. Prokopovič, Miscellanea sacra, 1744, str. 139, «Oratio gratulatoria», 1734.

⁴ Ibid., str. 109—112; Apologia sacrarum reliquarum.

и его сотрудники отдавали предпочтение протестантизму. Рассматривая этот вопрос, нельзя принимать во внимание только теологические соображения¹.

Столь крупный иерарх церкви, разделяющий идеи создания новой России, как Прокопович, был, конечно, для Петра I подходящим человеком; он должен был выступить против опасного стремления восстановить прежнюю Россию, в особенности потому, что оно исходило от церкви, и по возможности разбить его. О том, что в этом движении за восстановление старого, как мы видели, играла роль и императорско-католическая миссия в России, Петр в то время только догадывался. Бегство царевича к австрийскому императору окончательно открыло ему на все это глаза. Направление, взятое беглецом, было выбрано, конечно, не случайно, да и то, что царевич нашел у императора защиту, в конце концов связано было с общей линией папской политики по отношению к России. Если бы царем в России стал такой человек, как царевич, для унии церквей могли открыться самые блестящие перспективы.

В связи с обострением русско-австрийских отношений Петр попытался установить связи с папской курией не через Австрию, как было прежде, а через Францию. Русская внешняя политика была направлена на то, чтобы добиться сближения с Францией, которая служила в то время как бы противовесом Австрии в Европе.

Католическая церковь во Франции, стоявшая на позициях галликанизма, сохранила во многом самостоятельность. Решительное выступление папы против яansenизма, его булла «Unigenitus», появившаяся как раз в это время — в 1713 году, еще более усилила стремление католической церкви во Франции к независимости. Русской дипломатии казалось, что установление отношений с папством при посредстве Франции менее опасно в церковном и политическом отношении, чем через Вену. Тем более, что дипломатические отношения России с Австрией становились все напряженнее, в то время как сближение с Францией диктовалось интересами Северной войны. Папство сразу согласилось с требованием перенести место переговоров в знак того, насколько высоко оценивалось им установление дипломатических отно-

---

¹ См. неверную оценку Прокоповича, данную В. Е. Коваликом в «*Ecclesiologia Theophanis Prokopovycz*», Roma, 1947.

шений с Россией. Русским послом в Париже в 1716 году был назначен Куракин, который еще в 1707 году вел переговоры в Риме. Куракин проявлял большой интерес к делам католической церкви, он охотно взял на себя переговоры с курией и даже отдал своего сына на обучение в иезуитскую школу в Москве. Именно это последнее обстоятельство снискало ему симпатии папской курии. В действительности же он во время переговоров в Риме в 1707 году очень хорошо разобрался в истинных целях папской политики и являлся решительным противником папских планов, хотя и скрывал это. Петр I направил его в Париж в качестве посланника, с тем чтобы он содействовал начавшемуся русско-французскому сближению.

Папский нунций в Париже получил указание через Куракина установить связи с находившимся в Париже царем¹. Папскую дипломатию более всего интересовала почти обещанная Петром государственная грамота, дарующая католической церкви свободу вероисповедания в России. За это курия обещала признать за царем титул «величество». Нунций получил инструкцию обращаться к царю «ваше величество», но лишь после того, как вручит ему упомянутую грамоту; до тех пор этого выражения следовало избегать. Императорские и саксонские дипломаты, узнав об этих ведшихся в глубокой тайне переговорах, были очень встревожены. На вопрос, почему русские не воспользовались посредничеством Саксонии, дипломатический представитель Августа II в Риме получил ответ, что к их посредничеству уже прибегали, но безрезультатно, а потому необходимо продолжить усилия при помощи Франции. Таково же было отношение и к посредничеству императора, которое оказалось недейственным².

Папа пытался установить связи с находившимся в Голландии царем и через нунция в Кельне³, поскольку нунций в Париже не мог добиться беседы с царем, хотя, судя по его донесениям в Рим, он не спускал с царя

---

¹ См. P. Pierling, *Russie*, vol. IV, p. 239. (Инструкции от 11 и 17.5.1717.)

² SLHA, loc. 2825; донесение от 22.5.1717 и loc. 753, донесение от 26.6.1717.

³ А. Тургенев, *Акты исторические*, т. II, № 146 СПб., 1848, стр. 315 и сл.

глаз¹. С этим же вопросом о свободе вероисповедания связана и отправка посредника папской курии в Амстердам в 1717 году. Но от России невозможно было добиться ничего большего; была передана только справка, что свобода вероисповедания в России, само собой разумеется, распространяется и на католическую церковь и что для подтверждения этого не требуется никаких грамот. Гарантирован был и свободный проезд миссионеров через Россию в Персию².

Французский посланник в России Лави сообщал о враждебном отношении австрийской иезуитской миссии в России к визиту Петра во Францию³. Ведь иезуиты опасались, и не без основания, что находившиеся тогда в полном разгаре споры вокруг папской буллы «Unigenitus» отрицательно повлияют на царя при решении вопроса об унии с католической церковью. Поэтому римская сторона не желала, чтобы царь установил связи с французскими янсенистами. К тому же миссия, которую возглавляли в России иезуиты, была «императорской миссией» австрийского дома.

Только связав все эти обстоятельства воедино, можно понять, почему в 1717 году во время осмотра Петром I Сорбонны⁴ произошел инцидент, обративший на себя внимание современников. Католические теологи Сорбонны, близкие к янсенизму, передали царю предложение объединить русскую церковь с католической; они утверждали, что серьезных теологических разногласий между обеими церквями нет и что сам спор вокруг янсенизма свидетельствует об относительной самостоятельности французской (галликанской) церкви, поскольку оказалось возможным принадлежать к римско-католической церкви и, несмотря на это, не во всем соглашаться с папой. Это знаменательное событие сильно повлияло на господствовавшие в России настроения.

Янсенистские теологи, за спиной которых стоял архиепископ парижский кардинал Ноайль, возлагали

¹ А. Тургенев, Акты исторические, т. II, № 146, стр. 323 и сл.

² Acta eruditorum 1727, S. 195.

³ Сборник Императорского русского исторического общества, СПб., 1881, т. XXXIV, стр. 216 и 236; донесение от 27.5.1717 и от 3.8.1717 относительно миссии иезуитов в России.

⁴ Д. Цветаев, Петр Великий во Франции, «Русское обозрение», 1894, № 2, стр. 607—648; сообщение, основанное на путевом журнале Петра I.

большие надежды на то, что если уния будет заключена с помощью янсенистов, объявленных еретиками, то это значительно поднимет их престиж в глазах церкви. Подобные надежды питали в начале XV века сторонники соборного движения. Протестантские теологи (Буддеус в Иене), которые, боясь подорвать собственный авторитет, отвергали всякое влияние католической церкви, откуда бы оно ни шло, были не без основания встревожены и считали, что их долг серьезно предостеречь русских церковников против влияния янсенистов галликанской церкви во Франции. Они предупреждали, что янсенистские концепции, и прежде всего их взгляды на власть папы, ни в коем случае не совпадают с официальной католической точкой зрения.

Но для прогрессивных кругов России подобное предостережение было совершенно излишним. Царь очень ловко нашел выход из искусно созданного затруднительного положения, заявив, что отказывается сам принимать решение и считает это делом русской православной церкви. Новый же соратник царя, Прокопович, твердо заявил, что никакого союза он заключать не будет, если имеется опасность, что это нанесет ущерб интересам России. За сим последовали два ответных послания русской православной церкви; стало ясно, что добиться единого мнения невозможно. Один ответ пришел от Прокоповича, он отражал мнение меньшинства, но за ним стоял царь. Ответ этот был затем передан в Сорбонну. Он был написан в дружеском тоне, но в нем не признавалось за русской церковью права вести переговоры относительно унии и указывалось на то, что уния церквей не является делом одних только русских, но всей православной церкви; вся патриаршая церковь во всем мире должна принимать участие в решении такого важного вопроса. Другой вариант ответного письма, исходивший от Яворского, был не только гораздо любезнее по форме, но и по существу больше шел навстречу папству. Яворский настоятельно добивался переговоров между русской и галликанской церковью, хотя и полагал необходимым согласовать свое мнение с мнением других патриархов¹. В ответах ясно отразилось наличие

---

¹ Копии обоих ответов хранятся в архиве Академии наук в Ленинграде, дело 1. № 67.

двух лагерей в России того времени, противоречия между прогрессивным течением и попытками реставрации. Так окончился этот спектакль, который, однако, в будущем имел еще любопытные последствия.

В России Петра ждали гораздо более неотложные дела, чем церковные. Его сын Алексей бежал и нашел убежище при дворе австрийского императора. После долгих усилий Алексея удалось заманить в Россию, где над ним был учинен суд. Во время процесса, который велся очень круто и где царского сына несколько не щадили, тяжелые обвинения были предъявлены также австрийскому императорскому правительству и австрийской миссии иезуитов.

Ясно поэтому, что для иезуитов вновь пробил час отправляться из России. Это решение жестоко их задело, ведь они добились здесь очень видного положения, особенно после того, как им удалось в 1706 году основать в Москве повышенного типа школу и через нее оказывать влияние на семьи великосветской знати. 25 апреля 1719 года в 11 часов ночи представителям ордена иезуитов был вручен приказ о выдворении. Они должны были в четырехдневный срок покинуть свои жилища. Бумаги их были опечатаны¹. Эта акция никого из них не застала врасплох, ибо начиная с 1717 года отношения между Россией и Австрией резко ухудшились из-за истории с царевичем Алексеем, а также в результате сближения Австрии и Саксонии с Англией. Иезуиты ждали приказа об изгнании еще в январе 1719 года, они пересмотрели свои бумаги и наиболее важные передали австрийскому резиденту. Так что при передаче архивов 25 апреля 1719 года ничего существенного найдено не было².

Изгнание было обосновано тем, что иезуитов всегда только лишь терпели, что указ от 1689 года об их изгнании никогда официально не отменялся и что при напряженности в русско-австрийских отношениях императорская иезуитская миссия в Москве совсем некстати. Австрийский резидент Плейер, который в 1692 году доставил иезуитам пополнение, вынужден был при создавшемся положении оставить свой пост, поскольку тоже был замешан в деле Алексея.

---

¹ P. Pierling, *Russie*, vol. IV, p. 292.

² Д. Толстой, *Об иезуитах в Москве и Петербурге*, М., 1859, стр. 11 и сл.

Знаменательно, что появление приказа об изгнании иезуитов было мотивировано и тем, что они ведут борьбу с янсенистами во Франции. После того как царь собственными глазами увидел, что собой представляет деятельность иезуитов в других странах, он не мог не удивляться тому, что государи Европы еще терпят их, и решил по собственному побуждению запретить иезуитам пребывание в своих землях¹. Беседы Петра в Сорбонне, как видно, не остались без последствий. Царь научился лучше понимать политику римской церкви.

Французский и английский посланники единодушно сообщают, что изгнание иезуитов было обставлено самым корректным образом². В донесении того и другого подчеркивается, что основанием для изгнания послужило вмешательство иезуитов в дела, которые их ни в какой степени не касались. Русских особенно рассердило то, что иезуиты не сдержали слова, данного императорским чрезвычайным посланником Гуариентом. А ведь он, выполняя инструкции императора, гарантировал, что возвращенные им в 1698 году в Россию иезуиты не будут заниматься ничем, кроме духовных дел. Французский посланник, который, впрочем, не скрывал своих янсенистских убеждений и поэтому был противником иезуитов, подчеркивал, с каким уважением обходились с иезуитами. Даже срок для отъезда был им установлен не слишком жесткий.

Несмотря на энергичные действия против иезуитов, правительство Петра I не видело оснований для ссоры со всем католическим миром. Поэтому оно не прекращало усилий наладить мирное сотрудничество с папской курией. За год до изгнания иезуитов возникли разногласия из-за статуи Венеры, купленной в Риме Россией. Папа запретил вывозить ее, но в 1720 году конфликт удалось уладить³. Однако в споре о титуловании никакого прогресса не намечалось, да и с заключением конкордата с Россией, о котором мечтали папы, дело

---

¹ Н. Lutteroth, *Rußland und die Jesuiten von 1772—1820*, Stuttgart, 1846.

² Сборник Императорского русского исторического общества, СПб., 1884, т. XL, стр. 27; донесение де Лави аббату Дюбуа от 4—16.5.1719 и т. LXI (1888), стр. 532; донесение Джефферье лорду Стэнхопу от 1.5.1719.

³ См. ЦГАДА, ф. 78, д. 1, № 21 и 22.

не двигалось. Спор о титуловании вновь оживился, и это свидетельствовало о том, что Россия искала союза с папством только лишь на определенных условиях. Ведь различие точек зрения на титулование выдвигалось царем и папой на первый план тогда, когда хотели найти предлог для разрыва переговоров. Обнародование государственной грамоты, подтверждающей свободу вероисповедания для католиков в России, было отклонено со ссылкой на то, что веротерпимость в православной церкви была провозглашена еще в 1691 году, в 1702 году была вновь подтверждена и будет неуклонно соблюдаться впредь.

Несмотря на это, переговоры с папством продолжались. Даже изгнание иезуитской миссии почти не отразилось на ходе этих переговоров. Экономически развивающаяся Россия нуждалась в специалистах, технике, офицерах и врачах, поэтому у знающих людей не спрашивали, какой они веры. В результате количество приезжающих в страну католиков все время возрастало. В 1691 году в России насчитывалось всего сорок католиков, в 1698 году — почти четыреста, в 1721 году их стало шестьсот, а в 1723 году — тысяча. К концу жизни Петра I францисканцы сообщали о тысяче двухстах католиках в России. Среди них были наряду с уже упоминавшимся генералом Гордоном такие выдающиеся люди петровского времени, как вице-адмирал Змаевич. Католик из Хорватии, он по поручению вице-канцлера Шафирова послал своему брату архиепископу Далмации правдивый отчет об изгнании иезуитов, который был предназначен в первую очередь для папской курии. Вице-адмирал Змаевич еще в 1714 году в самом выгодном свете представлял положение католиков в России и писал о благосклонном отношении Петра I к папскому престолу¹; на этот раз он подчеркивал, что предпринятые Россией шаги в отношении австрийских иезуитов не направлены против католической церкви в целом, которая продолжала пользоваться полнейшей свободой в делах веры. Миссия иезуитов целиком зависима от императора и поэтому русское правительство в связи с политикой Вены не может дольше терпеть их пребывания в России².

---

¹ A. Theiner, МН, № 337.

² Ibid., № 352.

Свое расположение к католической церкви царь подчеркнул тем, что оказал поддержку миссии францисканцев. При этом он, естественно, требовал, чтобы приезжавшие в Россию францисканцы были из какой-нибудь нейтральной страны.

Так, в 1726 году в Россию прибыли шесть итальянцев и четыре швейцарца. Им был оказан наилучший прием. Правда, наличие слишком большого числа францисканцев и их стремление распространиться по всей России было нежелательным для России. Об этом сообщал в Рим францисканец Венустус 22 июля 1721 года¹.

Монах-францисканец из Швейцарии, по имени Аполлинарий, частенько беседовал с самим Петром. Царь охотно обменивался мнениями с этим умным, много путешествовавшим и знавшим немало языков человеком. При встречах речь заходила, конечно, и о религиозных вопросах. В своих донесениях о беседах с царем патер Аполлинарий писал, что он уверен в добром отношении Петра к католической церкви, и высказывал надежду, что можно будет добиться унии². Правда, после нескольких бесед с Петром I его уверенность, что вопрос об унии актуален для России, сильно поколебалась. Русские очень упорны в отстаивании своих принципов, то есть весьма неуступчивы. Поэтому он советует проявлять в вопросе об унии осторожность, хотя все еще не теряет надежды на ее осуществление³.

Рим, естественно, тут же воспользовался дружеской близостью францисканца с Петром. Монах получил инструкцию добыть для папской курии такие сведения, которые отнюдь не имели прямого отношения к его положению католического патера в России. Казалось, патер Аполлинарий не хотел злоупотреблять доверием русских. Он настаивал поэтому на своем отозвании из России, но не добился этого, ибо в Риме его очень высоко ценили, как человека, передающего ценные сообщения. Кончилось это разрывом дружеских отношений между царем и монахом.

---

¹ См. Zacharias von Haarlem, Les premières tentatives d'une mission des Capucines en Russie, «Collectanea Franciscana», vol. XI (1941).

² A. Theiner, МН, № 361; донесение от 20.2.1722.

³ Там же, № 363; донесение от 11.3.1723.

В 1724 году царь пожелал, чтобы место францисканцев заняли французские доминиканцы. Делалось это под видом особого внимания к папе, происходившему из этого ордена, а в действительности потому, что французские доминиканцы тяготели к янсенизму, который именно в это время вел жестокую борьбу с римской курией.

Отношения России с папским престолом омрачало требование пап не прекращать в Польше давления на православных украинцев, белорусов и даже униатов. Принцип же веротерпимости в Польше, конечно, распространялся только на римский католицизм, но не на православную церковь. В 1717 году по всей территории Польши был разослан меморандум, в котором давались указания, как искоренить не только православную, но и униатскую церковь¹. За этими религиозными противоречиями скрывалось стремление польской знати держать в подчинении украинцев и белорусов. Униаты и православные были объявлены врагами государства и поэтому нужно было, чтобы они поскорее исчезли в Польше. В меморандуме были даны указания, как добиться их систематического и постоянного вытеснения. Вопреки действовавшим ранее законам сыновья православных и униатских священников становились крепостными. Многочисленные и тщетные жалобы униатских епископов и базилиан в Рим² лучше всего показывают, сколь тяжелы были непрерывные злоупотребления властью латинской церкви против униатов в начале XVIII века.

Упомянутый выше меморандум был целиком выдержан в духе Варшавского трактата 1717 года, который в целях укрепления дворянской республики предписывал решительные меры по подчинению лиц некаатолического вероисповедания. Варшавский трактат был подтвержден в 1718 году сеймом в Гродно. Усилившееся в Польше в 20-е годы XVIII века преследование православной церкви и постоянные жалобы на это Петра Августа II не могли не осложнить взаимоотношений России и папства. Эти изобилующие фактами жалобы, которые Петр посылал на протяжении 1722—1724 годов, и по сей день

---

¹ А. Тургенев, Дополнения к актам историческим, СПб., 1848, № 81, стр. 221—226.

² A. W e l y k y j, Propaganda, vol. III, № 843, 877, 900.

остаются красноречивым свидетельством гонений¹. Но чем более шатким становилось международное положение Польши, тем более обострялась борьба против диссидентов, к которым в первую очередь относились православные. Даже униатов иногда, правда против правил римской курии, относили к диссидентам только потому, что они были украинцами или белорусами и не принимали латинского обряда.

Между тем 8 марта 1721 года умер Клемент XI, который проявлял особый интерес к России. Этот папа пытался защитить униатов в Польше от жестокого наступления латинян², но его усилия не имели большого успеха. Хотя господствующий класс Польши, когда что-нибудь угрожало его интересам, прикрывался защитой католицизма, на этот раз даже настоятельное требование папы оказалось лишенным силы.

Клемент XI до самой своей смерти вел переговоры с Россией о заключении договора. Теперь возник вопрос, продолжать ли переговоры, которые, казалось, уже сблизили точки зрения обеих сторон. Русский посол в Венеции советовал временно воздержаться от продолжения переговоров по вопросу о заключении соглашения между Россией и папским престолом, предоставив папству дальнейшую инициативу, поскольку для России в этом нет никакой настоящей необходимости.

Насколько правилен был этот совет, можно судить по донесению из Рима польско-саксонского представителя, направленного туда с секретной миссией. 18 октября 1721 года он сообщал о происшедших в курии изменениях после смерти Клемента XI. Кардинал Сакропанте, который специально занимался русским вопросом, ныне оказался не у дел и не сможет в дальнейшем поддержать предложения царя. Всякая надежда на Россию бесплодна и химерична. Поэтому русских посредников отправили из Рима домой и заявили, что им не доверяют и что греческая церковь обманула латинскую³. Глупее вести себя в подобных обстоятельствах было невозможно, тем более что это происходило в то время, когда Россия шла на большие уступки францисканцам.

¹ SLHA, loc. 3668; жалобы русского правительства.

² A. Welykuj, Documenta, vol. II, № 630—632.

³ SLHA, loc. 2823; донесение Августу II.

Глава VI

ЕКАТЕРИНА II И ПАПСТВО¹

В результате первого раздела Польши к России отошла часть Белоруссии к востоку от Двины и Днепра, что имело для России большое экономическое значение. Эти земли были заселены главным образом белорусами. Господствующие же слои — землевладельцы, управляющие поместьями, духовенство (включая униатское) — были поляками или, во всяком случае, говорили по-польски и были тесно связаны с польской культурой. Столетиями осуществлявшаяся в этом направлении политика не прошла, следовательно, даром.

Поэтому было нелегко найти выход из создавшегося положения, когда русское правительство оказалось перед лицом почти миллиона католиков, перешедших

---

¹ См. М. Морошкин, *Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени*, т. I—II, СПб., 1867—1870; Ю. Ф. Самарин, *Иезуиты и их отношение к России*, Собр. соч., т. 6, М., 1887, стр. 1—326, и на французском языке: *Les Jésuites et la Russie*, Paris, 1867; Н. Lutteroth, *Rußland und die Jesuiten von 1772—1820*, Stuttgart, 1846; Дм. Толстой, *Об иезуитах в Москве и Петербурге*, СПб., 1859. Сюда же относятся и собранные в «Славянской библиотеке» в Париже рукописные источники по истории иезуитов в России: «*Historia Societatis Jesu Rossicae conservatae in Alba Russia et propagatae*», в трех томах, из которых I том охватывает события до 1785 года, II — до 1799 года и III — до 1805 года. I том составлен П. Мусницким, II — П. Бжозовским, а III — по всей вероятности, П. Розавеном. Все трое были известными деятелями ордена иезуитов и принимали личное участие в его деятельности. В «Славянской библиотеке» собрано, кроме того, много других интересных документов по истории ордена в России, например «*Compendium vitarum defunctorum in collegio Palocensi*», охватывающий 1749—1815 годы: затем документы о П. Карё; Р. Rosaven, *Histoire de la Compagnie de Jésus, conservée en Russie etc.*

под его власть после первого раздела Польши. Из них примерно 100 тысяч принадлежали к латинской церкви и 800 тысяч — к униатской.

Договором о разделе Польши было точно предусмотрено, что те, кто по национальным или религиозным соображениям не захочет остаться в России, имеют право переселиться в другие земли. Державы, произведшие раздел, и Польша взяли на себя обязательство гарантировать так называемую свободу совести. Однако обе церкви именно в этих районах стали слишком явным орудием политической борьбы и поэтому с трудом могли удерживаться на позициях веротерпимости. В отошедшей к России в 1772 году Восточной Белоруссии правительство специально подчеркивало, что будет проводить политику веротерпимости. Поэтому в отношениях России к католической церкви, и особенно к папской курии, произошли изменения. Русское правительство, чтобы по возможности избежать массового переселения, старалось установить добрые отношения с католической церковью.

Правда, еще в 1769 году в России был принят «Регламент», который определял взаимоотношения католической церкви и русского правительства. Он не был предварительно согласован с папской курией, как это полагалось по церковному праву.

Католическая церковь, как и православная, по этому «Регламенту» была подчинена государственной юрисдикции России. Хотя в тот момент папский престол занял Клемент XIV, папа, склонный к уступкам в деле просвещения, основные линии политики римской курии оставались прежними.

Положение же римско-католической церкви в России, определенное «Регламентом», в корне противоречило основным принципам католицизма.

В связи с этим папский нунций в Варшаве, Дурини, очень резко выступавший против каких бы то ни было начинаний польских просветителей, и прежде всего против терпимости в церковных делах, получил инструкцию вступить в переговоры с русским посланником в Варшаве и потребовать направления в Россию апостолического наблюдателя для охраны тех прав, на которые претендовал папский престол. Но Россия была тверда. Даже когда в 1770 году царское правительство напра-

вило в Рим для переговоров Ивана Шувалова, ему приказано было не касаться вопроса о «Регламенте».

Более всех в изменении «Регламента» была заинтересована конгрегация «Пропаганда веры». Она оказывала давление на папского нунция, который 2 июня 1770 года получил распоряжение просить польского короля выступить в этом вопросе посредником. Король обещал, но не добился успеха. В 1771 году конгрегация «Пропаганда веры» вручила послу Шувалову меморандум, в котором были высказаны опасения папской курии по поводу «Регламента».

На рейхстаге в Регенсбурге нунций вновь пытался завязать с русским послом разговор относительно «Регламента», но все усилия были тщетны: «Регламент» оставался основой отношений между царской Россией и папским престолом до 1917 года, хотя и был несколько изменен в связи с заключением Россией конкордата в 1847 году¹. Римская курия потому так решительно отвергала «Регламент» 1769 года, что он точно определял порядок взаимоотношений католической церкви в России и государства непосредственно, минуя Рим. Принимая во внимание претензии римской курии на решающую роль в отношениях между церковью и государством и то, что она занимала это положение в течение столетий, понятно, почему с ее стороны было так много протестов по поводу «Регламента»². Так, римско-католическая церковь была подчинена русскому государственному аппарату еще прежде, чем «Регламент» в результате первого раздела Польши вступил в полную силу.

В первом разделе Польши была повинна и папская курия с ее нетерпимостью³. Папский нунций Дурини привлек к себе всеобщее внимание своей поддержкой Барской конфедерации и поставил тем самым под угрозу авторитет короля и сейма. Поэтому обращение короля Станислава Понятовского именно к Дурини с просьбой помочь предотвратить раздел страны — ирония судьбы.

---

¹ A. Petrani, *Kolegium duchowne w Petersburgu*, Lublin, 1950 (Towarzystwo naukowe katolickiego uniwersytetu Lubelskiego, t. 12).

² Ibid.

³ M. Loret, *Watykan a Polska w dobie rozbiorów (1172—1795)*, «Przegląd Współczesny», r. XIII (1934), № 146; его же, *Kościół katolicki a Katarzyna II (1771—1784)*, Warszawa, 1910; см. там же, «Fondo gesuitico», № 197, f. 38.

Тем временем Дурини был отозван и, как недавно удалось установить, на его место назначили Гарампи.

Дж. Гарампи — выдающийся историк, имеющий большие заслуги в упорядочении Ватиканского архива. Одновременно он был сотрудником Конгрегации по чрезвычайным церковным делам и поэтому получил возможность глубоко проникнуть в тайны дипломатической службы курии. В противовес Дурини он принадлежал к умеренному направлению просветителей. Рим так долго колебался, посылать ли его, и соответственно с этим переговоры, которые он должен был вести в Вене, так затянулись, что раздел Польши произошел, и он был поставлен перед совершившимся фактом. Возможно, что долгие колебания относительно его приезда в Варшаву преследовали именно эту цель.

Ему казалось, что в уцелевшей части Польши вполне достаточно заботиться о правах и преимуществах католической церкви. Наибольшее значение он придавал привилегии, по которой высшие должности в государстве могли занимать только католики. Сохранить в силе закон о вероотступничестве и уничтожить смешанные трибуналы для решения дел о возмещении убытков, понесенных православной церковью в Польше, начиная с 1717 года — таковы были требования, на которых решительно настаивала курия. Однако влиятельные круги Польши и даже сам просвещенный король под впечатлением раздела хотели пойти дальше — продолжать роковую политику полного восстановления католицизма¹. Это чрезмерное рвение не находило одобрения у нового нунция.

Учитывая настроение, господствовавшее в Польше в 1772—1773 годах под влиянием раздела страны, можно понять, какие трудности возникали в результате включения в состав Российской империи миллионов белорусов и поляков. О том, насколько Екатерина II была заинтересована в скорейшей мирной ассимиляции этого населения, можно судить по черновику послания папе Пию VI — послания, относящегося, по-видимому, к концу семидесятых годов. Она заверяла папу, что царское правительство весьма заинтересовано в сохранении прав католиков во вновь присоединенных

---

¹ L. Pastor, Papstgeschichte, Bd. XVI, 2, S. 286.

районах Белоруссии¹. Неожиданную поддержку царское правительство получило от одного лица и от некоего учреждения, а именно от викарного епископа Сестренцевича и ордена иезуитов.

Сестренцевич-Богуш сам выразил готовность управлять значительно окрепшей теперь римско-католической церковью в России на основе «Регламента» 1769 года². Добиться этого было нелегко, так как «Регламент», поелику возможно, исключал вмешательство папской курии, посвящение же в сан епископа не могло обойтись без ее согласия. Тогда латинский виленский епископ князь Массальский выразил желание стать посредником. Он высокочтимого им каноника Сестренцевича назначил генеральным викарием той части виленской епархии, которая отошла к России. Сестренцевич должен был и дальше самостоятельно управлять этой частью епархии от его имени. Дабы еще повысить его авторитет, Сестренцевич по предложению виленского епископа и с согласия курии одновременно был возведен в сан епископа Малло́ *«in partibus infidelium»*.

За нунцием Гарампи как за доверенным лицом папской курии оставалось решающее слово. Ему же сразу понравился молодой и образованный священник, и он поддержал в Риме просьбу относительно его посвящения в епископский сан. Папа Клемент XIV утвердил назначение, согласно представлению в 1772 году епископа виленского, который и поручил Сестренцевичу управлять от его имени всеми католиками латинского обряда в России, не создавая, однако, отдельного римско-католического епископства в России.

Поначалу русское правительство удовлетворилось этим, рассчитывая затем добиться большего. 3 декабря 1773 года оно издало указ об учреждении латинского епископства для всей России, включая и вновь присоединенные земли Восточной Белоруссии с центром в Могилеве³. Первым «белорусским епископом», как называли его в указе, был Сестренцевич. Обращать в католичество было ему строгойше запрещено. Все сношения

---

¹ См. ЦГАДА, Фонды бывшего Государственного архива Российской империи, разряд IV, № 129.

² О Сестренцевиче см.: А. Petrani, Kolegium, p. 217; там же источники и литература о Сестренцевиче.

³ M. J. Rouët de Journal, Archetti, S. XVII.

с папством должны были идти через Петербург. По указу все папские распоряжения и буллы получали юридическую силу только после их утверждения правительством¹. Этот порядок походил на порядок и в других государствах эпохи просвещенного абсолютизма. Для решения мирских дел, вопросов управления церковным имуществом и поддержания внешнего порядка надо было обращаться в юстиц-коллегию, а затем в случае надобности подавать апелляцию в сенат.

Папа узнал о новых порядках регулирования отношений с католической церковью в России только косвенным путем и, конечно, сразу же выразил свой протест. В направленном 17 мая 1773 года через папского нунция Гарампи меморандуме русскому правительству было предложено заключить нечто вроде конкордата с папским престолом². Но меморандум этот попал в Петербург лишь год спустя и был отклонен. Прямое вмешательство папского престола в дела церкви в России было крайне нежелательным. Тем временем в России был введен новый порядок управления церковью.

Этому событию конгрегация «Пропаганда веры» уделила внимание на своем общем собрании 31 января 1774 года. Собранию было предложено сообщение Сестренцевича. Епископ Малло дал по этому поводу свои объяснения. Он сказал, что вынужден был согласиться на предложения русского правительства, чтобы сохранить хоть какую-то возможность управлять делами римской церкви латинского обряда в России. Непринятие этих условий поставило бы католическую церковь в России в очень тяжелое положение. Собрание постановило предложить папе, чтобы он в соответствии с представлением русского правительства наделил Сестренцевича всей полнотой епископской власти и всеми приобретенными прежде в России правами. Уже 20 февраля 1774 года папа принял решение в духе этого предложения³. Таким образом, и Рим признал Сестренцевича латинским епископом для России, хотя и не епископом Белорусским, как именovalo его русское правительство.

---

¹ P. Pierling, *Russie*, vol. V, p. 36.

² *Ibid.*, vol. V, p. 23.

³ A. Welykyj, *Propaganda*, t. V, 1334.

Кто же такой этот Сестренцевич? Родился он в 1731 году и происходил из польской дворянской, но не знатной семьи, жившей в Литве, к тому же кальвинистской. В годы учения, путешествуя, он побывал во многих местах Европы; долгое время он прожил в Берлине, где познакомился с местными просветителями. В Берлине он стал гусаром, вступив в армию, и был произведен в офицеры. Будучи тяжело ранен во время Семилетней войны, Сестренцевич начал изучать теологию в университете во Франкфурте-на-Одере. По возвращении на родину он стал воспитателем в семье польских магнатов Радзивиллов¹.

Еще будучи за границей, он столкнулся с образованными католиками, которые и обратили его в свою веру. Он это сделал, чтобы продвинуться у себя на родине, ибо не католик лишь при исключительных обстоятельствах мог рассчитывать в Польше и Литве на более или менее высокий пост. Сестренцевич пошел еще дальше. Он изучил теологию католицизма и был посвящен в 1763 году Массальским, епископом виленским, в сан священника². Это открыло перед ним широкие перспективы для продвижения, особенно потому, что он пользовался во всех случаях покровительством виленского епископа.

Одновременно с утверждением Сестренцевича епископом Малло́ и тем самым духовным главой католической церкви в России произошло событие, которое принесло Сестренцевичу немало огорчений: упразднение ордена иезуитов на основании папской буллы «*Domínus et Redemptor*» от 21 июля 1773 года. Казалось, в этом было какое-то противоречие, ведь упразднение этого авангарда контрреформации, оттеснение на второй план этих главных идеологов всех направлений реакции должно было бы прийтись только по душе такому просвещенному священнику, как Сестренцевич. Но все дело заключалось в том, что в России орден иезуитов уничтожен не был. Именно в царской России этот орден просуществовал в тяжелое для него время, чтобы затем

---

¹ P. Pierling, *La Russie*, vol. V, p. 24 et suiv.

² G. Berti, *Russia e stati italiani nel Risorgimento*, Turin, 1957, p. 122 (Джузеппе Берти, *Россия и итальянские государства в период Рисорджименто*, Издательство иностранной литературы, М., 1959).

в 1814 году, как феникс из пепла, возродиться под победоносным знаком политической и церковной реакции в Европе для всего католического мира.

Как же это стало возможным, когда именно в России, еще до запрещения ордена папой, велась решительная борьба против папства и против иезуитов?

Восточнославянские страны не забыли того, что они пережили во время наступления католической контрреформации, и потому относились с величайшим недоверием к римской церкви и иезуитам. Еще в 1772 году русское правительство, руководствуясь тем же чувством, дало распоряжение генерал-губернатору Белоруссии самым тщательнейшим образом следить за деятельностью орденов, и особенно ордена иезуитов, как за «наиболее вероломным латинским орденом», обосновавшимся теперь в Российской империи со своими 20 общинами и более чем двумястами членов¹. Ведь именно иезуиты из Речи Посполитой выступали за то, чтобы бороться любыми средствами за торжество католицизма, и добились на этом поприще столь грустных результатов. Еще до первого раздела Польши они принадлежали к числу наиболее агрессивно настроенных католиков; их общины и школы были центрами борьбы против православной церкви, против России, против восточнославянских народов, которых они тщетно пытались подчинить верховной власти папства. Как же могло случиться, что иезуиты нашли себе убежище именно в России?

Ответ очень прост. Иезуиты очень быстро разобрались в положении отошедших от Польши районов Белоруссии и учли все связанные с этим возможности. Если недавно они еще стремились к тому, чтобы любой ценой удержаться, и пропагандировали методы насильственного введения католичества в Польше, которые ускорили ее раздел, то теперь, когда им грозила потеря в отошедшей к России Восточной Белоруссии всех тех, кто тяготел к Польше и католицизму, они решительно выступают против подобных методов.

Иезуиты знали, что папа Клемент XIV, идя на встречу Бурбонам, взял на себя обязательство распустить орден. Орден иезуитов был самым сильным препятствием на пути неудержимо распространявшегося на

---

¹ D. T o l s t o j, Catholicisme, vol. II, p. 17.

Западе просвещения. Папа приступил к роспуску ордена с большой осторожностью, ни на минуту не упуская из виду все могущие возникнуть осложнения, и иезуиты с их блестящей осведомительной службой понимали, что час гибели ордена неотвратимо приближается. Для Рима это запрещение являлось секретом полишинеля¹. Но может ли Россия, которая столь гордится своей независимостью от папства, стать для иезуитов на это время убежищем? Иезуиты считали это вероятным, так как с их помощью Россия могла бы сохранить католиков присоединенных к ней земель в качестве своих лояльных подданных.

Но, что самое главное, иезуиты скоро раскусили Екатерину II. Они поняли, что ее увлечение просветителями, которое она так рьяно выставляла напоказ, неискренне. Больше всего императрица заботилась об упрочении в России господствовавших тогда феодальных общественных отношений. А иезуиты именно в этом отношении располагали огромным опытом и могли предложить нечто действительно ценное, поскольку их борьба и была направлена на поддержание господствующих общественных отношений.

Как раз в это время, в 1773 году, в России началась крестьянская война, руководимая Пугачевым. «Государыня всея Руси» и иезуиты в этом важном вопросе были союзниками, что же касается противоречий, то их ведь можно было отложить до лучших времен.

Так и возник этот странный союз, который был совершенно непонятен не только образованным современникам, но даже в XIX веке обер-прокурору святейшего синода Дмитрию Толстому, да и американке монахини Мэри Джаст в веке XX. Толстой не знал, чему больше удивляться: то ли открытому неповиновению ордена папе, запретившему орден, то ли покровительству, которое оказывала ордену в это время «просвещенная государыня», — покровительству, которое приводило к разрушению национальной культуры и дошло до запрещения в России всякой полемики против иезуитов². Монахиня Мэри Джаст объясняла все «припадками»

---

¹ См. J. G o r a n i, *Geheime und kritische Nachrichten von Italien*, 2. Teil, Frankfurt — Leipzig, 1794, S. 32.

² D. T o l s t o j, *Catholicisme*, vol. II, p. 17 et suiv.

императрицы, которыми умело воспользовалась католическая церковь¹. Аналогичное мнение высказывал Жозеф де Местр в донесении Сардинскому королю, утверждая, что «только неисповедимость дел во вселенной» привела орден в Россию и помогла ему здесь выстоять². Иезуиты же того времени твердили о «заботе, достойной вознаграждения», о «милостивом расположении государыни» по отношению к католическим приходам³.

В действительности здесь имел место компромисс. За поддержку в России иезуиты обещали добиваться лояльности новых подданных и прочного союза против революционного движения. Императрица Екатерина понимала союз именно в этом смысле и всю свою жизнь с «необъяснимым», казалось, «рвением» боролась за сохранение в России ордена иезуитов. Такая политика выражала ее истинное отношение к просвещению. Не зря Жозеф де Местр, писавший о «неисповедимости дел во вселенной», подчеркивает ненависть французской революции к иезуитам. По его словам, один французский революционер заявил, что «французская революция была невозможной, пока существовал орден»⁴. Такое утверждение, правда, несколько искажает историческую перспективу и преувеличивает значение ордена иезуитов, однако бесспорно одно: орден был контрреволюционной силой первого разряда. Это и послужило ему хорошей рекомендацией в глазах Екатерины II и царского правительства.

Вот почему такой влиятельный человек, как Сестренцевич, ничего не мог поделать с орденом иезуитов. Естественно, что Екатерина II руководствовалась и другими соображениями, укреплявшими ее в приверженности к иезуитам, а именно ее нерасположением к Бурбонам⁵ и ее властолюбием, проявлявшимися в отноше-

¹ Mary Just, *Rome and Russia*, Westminster, 1959, p. 97.

² J. de Maistre, *Correspondance*, vol. I, p. 42, письмо от 31.10(12.11)1811.

³ См. *Gesuiti nella Russia Bianca*, Firenze, 1780; немецкое издание: *Merkwürdige Nachricht von den Jesuiten in Weißrußland*, Frankfurt — Leipzig, 1786.

⁴ J. de Maistre, *Correspondance*, vol. I, p. 90—93; письмо от 27.4 (9.5) 1812.

⁵ См. письмо лорда Крессенерса нунцию Г. Б. Капрара, *Nuntiatura di Polonia*, vol. 267, цит. по книге: H. Raab, *Die Finalrelation des Kölner Nuntius G. B. Caprara, Römische Quartalschrift*, Bd. L (1955), S. 209.

ниях с папством. Но эти мотивы не были главными. Когда в сентябре 1772 года царские воззвания призывали к присяге население подпавшей под власть России Восточной Белоруссии, П. Черневич, ректор самой большой из отошедших к России иезуитских коллегий, а именно коллегии в Полоцке, отправился в сопровождении одного из монахов в Петербург. После раздела Польши орден, охватывавший четыре провинции — Малая и Великая Польша, Литва и Мазовия, — стал большой силой. Общины, отошедшие к России, руководство ордена в Риме подчинило П. Черневичу как вице-провинциалу (претору) ¹.

Вице-провинциал (П. Черневич) лично передал императрице самые горячие заверения в верности и преданности ордена иезуитов. Показывая собой пример, иезуиты выступили против панических настроений, вызванных в Белоруссии поведением многих польских землевладельцев и представителей духовенства. Такая позиция ордена сыграла немалую роль в том, что многие католики остались в Белоруссии. Она усиливала их доверие к гарантиям, которые давала им царская Россия ². К тому же эти гарантии вовсе не были проявлением милости императрицы, но вытекали из условий договора о разделе.

За всем этим последовал еще один фарс, при помощи которого мир должен был убедиться, что орден, требующий от своих членов во исполнение четвертой заповеди клятву в безусловном повиновении папскому престолу, не может следовать приказу о его роспуске, ибо ему это запрещает царица Екатерина. Вот так логика! То, что последний генерал ордена, Л. Риччи, категорически запретил продолжение деятельности ордена в России, рассматривалось как приказ, изданный под влиянием страха и потому не обязательный для исполнения ³. Все переговоры с папским нунцием Дж. Гарампи в Варшаве о том, чтобы добиться запрещения ордена в России, ни к чему не привели. Гарампи тщетно пытался

---

¹ «Historia SJ Rossicae conservatae in Alba Russia», Mss. Bibl. Slav., v. I.

² M. J. Rouët de Journal, *La Compagnia des Jésus en Russie*, p. 8 et suiv.

³ Ibid., p. 29.

обратить внимание иезуитов в Белоруссии на их обязательства перед папским престолом¹. Не помогло и предупреждение суффрагана Белоруссии, как называли иезуиты в своем оправдательном послании² францисканца Феликса Жовианского, который по поручению церковных властей потребовал, чтобы иезуиты подчинились папскому приказу о роспуске ордена. Царское правительство попросту прогнало Жовианского, как об этом не без злорадства и цинизма сообщается в послании. Только один епископ Сестренцевич знал, чем орден обязан императрице Екатерине II, хотя он и желал ордену провала в России, поскольку предчувствовал, что не удастся его подчинить своей духовной власти или если это удастся, то будет стоить больших трудов.

Русское правительство, соответствующим образом обработанное иезуитами, заняло следующую позицию: орден в России не запрещен, так как для этого необходимо, чтобы папская булла с запретом была обнародована, но допущения в Россию эта булла не получила, и потому в России силы не имеет. Порядок, который до этого вызывал величайшее неудовольствие иезуитов, поскольку он попираал наиболее охраняемые права пап, в данном случае был ими использован, так как благоприятствовал ордену. Борьба же царского правительства с оппозицией в этом вопросе, ссылки и изгнания воспринимались с удовлетворением, а может быть, и направлялись иезуитами при помощи доносов.

6 мая 1774 года иезуитский орден в России получил подтверждение, что он может сохранить свои права и имущество. Епископу было приказано не стеснять иезуитов в их правах. Итак, после запрещения ордена Клементом XIV возникла двойственная ситуация. Попытка Сестренцевича использовать эту ситуацию в целях упрочения своего авторитета потерпела крах, натолкнувшись на сопротивление царицы. Генерал-губернатор Белоруссии разрешил иезуитам даже продолжить деятельность их типографии. В 1774 году пугачевское восстание в России было подавлено лишь с помощью огромных военных сил. В подобной обстановке деятельность ордена, занимавшегося воспитанием юношества в самом

---

¹ L. Pastor, *Papstgeschichte*, Bd. XVI, 3, S. 150 ff.

² См. «Fondo gesuitico», № 1228, fasc. 25.

реакционном духе, была особо желательной¹. Недаром фаворит царицы Потемкин столь решительно принялся оказывать покровительство иезуитскому ордену в России. В хрониках и в дошедших до нас письмах иезуитов, подвизавшихся в России, высоко превозносятся его особое расположение к ордену².

Епископ могилевский, однако, не оставлял надежды со временем взять судьбу ордена в свои руки. Каждый орденский дом должен был непосредственно подчиняться ему, кроме того, ордену не разрешалось вербовать послушников, и поэтому он не мог расти; неизбежно должен был наступить день, когда орден без всякого вмешательства извне прекратит свое существование. Но иезуиты не желали молча ждать своей гибели, да и царское правительство нуждалось в них. Поскольку же Сестренцевич не отваживался предпринимать что-либо наперекор воле правительства, он вынужден был делать иезуитам уступки, хотя в глубине души это ему и не нравилось.

Незадолго до запрещения ордена, как уже подчеркивалось ранее, ректор коллегии в Полоцке П. Черневич был назначен вице-провинциалом всех отошедших к России орденских домов. Он все увереннее присваивал себе функции генерального викария ордена. Тем самым было положено начало реорганизации ордена в России. Между епископом могилевским и Черневичем было заключено соглашение, правда, весьма противоречивое³. В соответствии с ясно выраженной волей царицы орден должен был быть сохранен в прежнем виде, но ему была необходима единая организация. Ее еще нужно было создавать. Нельзя было допустить, однако, чтобы епископ в соответствии с его стремлением возглавил орден иезуитов в России.

Хотя Сестренцевич и потерпел поражение при реорганизации ордена, он все еще надеялся помешать его

---

¹ См. Archetti, De conservatae in Albia Rossia Societate Jesu Commentarius, в книге: I. S. Gagarin, Les Jésuites en Russie 1772—1785, La Compagnie de Jésus, conservée en Russie après la suppression de 1772, Paris, 1872, p. 32.

² «Historia SJ», vol. I, p. 122, and «Fondo gesuitico», № 1228, fasc. 26 lettere.

³ См. «Nunciatura Poloniae» в Ватиканском архиве, Рим (NP im VA), vol. 13 b.

самостоятельному развитию или вовсе погубить его тем, что не разрешал посвящать иезуитов в сан священников. Но и эта попытка потерпела неудачу. Иезуиты вновь обратились к царскому правительству, ссылаясь на то, что они не могут, как это было в начале их деятельности, пополнять свои ряды только за счет иностранцев, но для процветания их школ нуждаются прежде всего в своей, выращенной ими самими смене.

После того как осенью 1774 года умер Клемент XIV, иезуиты в России стали ждать послаблений от нового папы Пия VI. Однако и этот папа перед своим избранием дал обязательство сторонникам Бурбонов в коллегии кардиналов не восстанавливать орден иезуитов, хотя внутренне был настроен по отношению к ордену еще менее враждебно, чем его предшественник. Ведь папы понимали, чем был для них орден иезуитов, и в конце концов не могли не сожалеть о его роспуске. Да и Клемент XIV, когда распускал орден, действовал лишь под давлением обстоятельств.

Поэтому 15 октября 1775 года П. Черневич обратился прямо к папе с ходатайством о признании и легализации иезуитского ордена в России. Он писал, что на сознание иезуитов в России давит тяжкое бремя. Особенно непреодолимым препятствием это является для воспитания пополнения. Как можно внушать младшим членам ордена долг послушания по отношению к святому престолу, если по существу уже столь долгое время этот долг грубо попирается. Даже старейшие отцы ордена иезуитов лишь с большим трудом могут связать эти две вещи воедино. Отсюда просьба хотя бы о молчаливой легализации. Папа на запрос П. Черневича вообще не ответил, но кардинал Редзонио 13 января 1776 года изрек ответ, подобно оракулу, который иезуиты в России могли истолковать в свою пользу, хотя папа при этом не брал на себя никаких обязательств¹. Было ли это лишь доброе пожелание или действительное одобрение? «Скрывал ли папа свои истинные цели», как выразился большой друг иезуитского ордена историк папства Пастор²? Неизвестно.

---

¹ L. P a s t o r, Papstgeschichte, Bd. XVI, 3, S. 166.

² Ibid., S. 167.

Поскольку прямых дипломатических отношений между Россией и папством не было, в семидесятых годах XVIII века Варшава стала главным местом встреч и переговоров представителей курии и русского правительства.

Установилась и другая связь между Россией и папской курией. Она шла, как это ни странно, через независимый мальтийский рыцарский орден. Этот орден во второй половине XVIII века имел для России немало важное значение. Выгодное стратегическое положение Мальты в Средиземном море могло иметь большое значение в случае военного конфликта с Османской империей. Содействие рыцарей мальтийского ордена, которое они оказали России своим флотом и превращением Мальты в стоянку для русского флота в Средиземном море, играло немаловажную роль в решающей морской победе русских над турками (1770) в районе о-ва Хиос. Поэтому в течение всего времени, пока длился военный конфликт между Россией и Османской империей, — а во второй половине XVIII века он почти не прерывался — в Петербурге очень высоко ценили дружественные отношения с независимым мальтийским орденом. Еще при Петре I, в конце XVII века, когда борьба с Османской империей стала главным делом и, казалось, приобрела государственное значение для России, с орденом был произведен обмен посланниками.

Когда теперь мальтийский рыцарь Саграмозо по поручению своего ордена выехал в Москву, папская курия усмотрела в этом удобный предлог, чтобы завязать с Россией дипломатические отношения. 28 мая 1774 года папа Клемент XIV передал ему личную инструкцию, составленную на основе указаний Гарампи. Осуществление этой дипломатической миссии пришлось уже на понтификат его преемника, Пия VI¹. Клемент XIV требовал от русского правительства запрещения перехода униатов в православие, создания не менее двух епархий для униатской и латинской церквей в России, гарантий для свободного владения и свободного управления церковным имуществом, а также возвращения всех переданных православной церкви

---

¹ L. Pastor, *Papstgeschichte*, Bd. XVI, 2, S. 295; Bd. XVI, 3, S. 120; P. Pierling, *Russie*, vol. V, p. 64 et suiv.

после 1768 года церковных зданий в Белоруссии и в Восточной Польше. В послании содержалась даже жалоба на ущерб, причиненный латинской церковью униатам в России. Латинский епископ Сестренцевич стоял во главе коллегии, высшего духовного правящего органа в России для церквей обоих обрядов. Теперь потребовали отдельного управления для униатской церкви под главенством униатского полоцкого архиепископа, вакантное место которого должно было быть наконец отдано кому-то.

В результате новых настоятельных требований папского нунция в Варшаве посол мальтийского ордена Саграмозо получил две памятные записки, выработанные нунцием в Варшаве.

В 1775 году, во время пребывания в России, он должен был передать их в качестве представителя папского престола¹.

Кардинал-префекту конгрегации «Пропаганда веры», который досконально изучил столетнюю историю переговоров папского престола и России по вопросу об унии, было с самого начала ясно, что миссия Саграмозо ничего не даст. Гарампи, хотя тоже изучал добросовестно историю этих отношений, как об этом и поныне с достоверностью свидетельствуют подготовленные им тома документов в Ватиканском архиве, был слишком большим доктринером и ярким сторонником Рима, чтобы понять беспочвенность предъявленных русскому правительству требований. Пирлинг называет его точку зрения «чуждой всему миру» — он не мог простить Гарампи его непримиримости в борьбе, разгоревшейся вокруг роспуска иезуитского ордена в России. Гарампи даже в минимальной степени не обладал гибкостью иезуитов и во все не видел подлинной основы союза иезуитов с Екатериной II или, вернее, не хотел ее видеть.

Русский государственный деятель Панин вел переговоры с Саграмозо в дружественном, но решительном тоне. Полученный Саграмозо ответ на две памятные записки папы был датирован 24 декабря 1775 года. В нем обращалось внимание на то, что свобода вероисповедания и веротерпимость со времени Петра I — основа политики России, которой будут придерживаться

---

¹ P. Pierling, *Russie*, vol. V, p. 64.

и далее. Для небольшого числа верующих вполне достаточно иметь одного епископа. Что касается духовной коллегии¹, высшего органа управления церковью в России, то было предложено создать независимые друг от друга латинскую и униатскую коллегии. По вопросу о возвращении униатам церковных зданий в ответе ссылались на совсем недавно заключенное соглашение с Польшей. За выполнением этого соглашения наблюдала смешанная комиссия.

На этом миссия Саграмозо в защиту униатов и закончилась. О большой заинтересованности России в Мальте и мальтийском рыцарском ордене свидетельствует копия послания Пия VI от 30 сентября 1777 года, в котором очень подробно излагается вопрос о статусе мальтийского рыцарского ордена в Польском Королевстве². Сама Екатерина II приказала сделать для себя нотариально засвидетельствованную копию этого документа. Таким образом, дипломатическая миссия Саграмозо как представителя мальтийского рыцарского ордена явилась в этом отношении несомненным успехом, несмотря на то, что переданное ему конгрегацией «Пропаганда веры» поручение выступить в защиту униатской церкви осталось неосуществленным. Тем не менее папская курия не дала сбить себя с толку и продолжала попытки установить с Россией непосредственные дипломатические отношения, прежде всего для того, чтобы нормализовать положение униатской церкви.

Впрочем, урегулирование вопроса о положении иезуитов в России и далее не сходило с повестки дня папской курии. Летом 1776 года Сестренцевич обратился к папскому нунцию в Варшаве Гарампи с жалобой, что ректор иезуитской коллегии в Полоцке П. Черневич присвоил себе достоинство генерала ордена и правит оставшимися в России членами ордена, не считаясь совершенно с епископом и тем, что орден распущен. Это распространяется и на право отпущения грехов, хотя именно оно закреплено церковными правилами за епископом. В данное время этот «мнимый владыка» донимал епископа, стараясь добиться разрешения посвящать сво-

---

¹ К истории духовной коллегии см.: A. Petroni, Kolegium, Lublin, 1950.

² См. ЦГАДА, Госархив, разряд XXVIII, № 14.

их схоластиков, как именуются студенты-теологи из ордена иезуитов, после окончания ими учения в священники, и к тому же не по «чину епископа», а по «чину монашеской бедности», как это было в обычае у иезуитов. «Глухой к моему решению и предопределению, он повергает свои жалобы прямо к стопам трона». Эти слова ясно указывают на сложившееся положение. Сестренцевич хотел теперь вопрос о посвящении в сан схоластиков-иезуитов поставить в зависимость от решения нунция.

Послание от 4 августа 1776 года было обращено еще к Гарампи¹. Но за это время Гарампи был отозван в Вену, и его пост нунция в Варшаве занял Аркетти. Он тоже был решительным противником возрождения ордена иезуитов в любой форме, считая, что они серьезно угрожают авторитету папской власти. Поэтому новый нунций дал отрицательный ответ, то есть епископу Сестренцевичу было запрещено посвящать студентов-теологов из иезуитского ордена в России в сан священника по «чину монашеской бедности».

Русское правительство так долго задерживало это послание, что Сестренцевич тем временем сдался на требования иезуитов и правительства и почти всех предложенных орденом кандидатов в священники посвятил в сан, как и требовали, по «чину бедности». Когда он наконец получил запрет нунция Аркетти, то почувствовал себя самым тяжким образом скомпрометированным. Он хотел сложить с себя сан, раз он не пользуется уже доверием папского престола и если в Риме не видят, что же происходит с иезуитами в России. Аркетти передал это письмо российского епископа далее в Рим и получил оттуда 22 марта 1777 года указание обязать епископа остаться на своем посту, но в то же время не оставлять в покое иезуитов. Но на это, очевидно, ни у папы, ни у епископа не хватало сил².

В Риме многие влиятельные деятели считали, что иезуитов надо рассматривать как белое духовенство и что как таковые они подчинены епископу. Но самих

---

¹ NP im VA, vol. 36.

² Письмо Сестренцевича от 13.7.1778, «Fondo gesuitico», № 1228/24 lettere.

иезуитов ни в малейшей степени не волновало такого рода мнение. Екатерина II желала сохранить их в качестве монашеского ордена, и это они сочли за приказание, направленное к «вящей славе бога и на пользу ордену», подчиняясь ему больше, чем высшей церковной власти, с которой они были связаны своим обетом послушания. Свой отказ подчиниться папе они мотивировали тем, что он в своих решениях не свободен и внутренне желает продолжения деятельности ордена. Выдвинуто было даже утверждение, что запрещение ордена — чисто дисциплинарный акт и поэтому суждение об этом запрете не затрагивает догмата о непогрешимости папы¹. В этом случае иезуиты сознательно толковали этот догмат слишком широко, ведь сами же иезуиты в начале XVIII века в борьбе против янсенистов подчеркивали необходимость послушания папе. Они обвиняли в ереси каждого, кто погрешил против этого догмата или просто искал возможности обойти его.

Как только иезуиты добились посвящения в сан своих учеников, они обратились к царице с просьбой разрешить им учредить свой собственный новициат для того, чтобы обеспечить ордену таким путем прочное будущее. Если воля царицы действительно такова, новициат открыть необходимо. Еще до того, как иезуиты обратились с этой просьбой к Екатерине II, они в 1775 году приступили к сооружению в Полоцке собственного здания для новициата. Дело было за тем, чтобы получить санкцию епископа. При враждебном отношении Сестренцевича к иезуитам добиться этого было довольно трудно. Он прекрасно понимал, какой взрыв общественного негодования последует в Европе, если торжественно запрещенный папой орден получит в России утвержденный церковным авторитетом новициат. Но и эту трудность иезуитам удалось преодолеть с помощью царского правительства. В конце концов Сестренцевича уговорили утвердить новициат иезуитов, ссылаясь на полномочия, полученные им как представителем папы в России на основании предписания конгрегации «Пропаганда веры» от 15 августа 1778 года, скрепленного подписью папы.

---

¹ См. некролог на смерть Черневича в официальной газете в Варшаве от 28.8.1785, № 65, «Fondo gesuitico», № 1228, fasc. 25.

Эти полномочия ведь распространялись на все ордена без исключения.

В Риме орден иезуитов считался, конечно, распущенным, а то, что сохранилось в России, было лишь собранием белого духовенства. Но это противоречило взглядам Екатерины II и русского правительства, по мнению которых орден в России сохранился в прежнем виде, поскольку папский декрет о его роспуске в России обнародован не был. Это должно было быть известно и папе, когда он в 1778 году вручил епископу через конгрегацию «Пропаганда веры» широчайшие полномочия и в отношении находящихся в России орденов. Иезуиты воспользовались тем, что вопрос этот сознательно или несознательно был запутан, и добились того, что было самым важным для их дальнейшего развития; Сестренцевич же потерпел фиаско.

Между тем всему миру хотелось узнать, что же произошло в конце концов в России? Каким образом официально запрещенный папой орден с согласия епископа, которому это было поручено папским престолом, основал свой новициат? Поэтому для оправдания своего поведения католический епископ Белоруссии Сестренцевич опубликовал 29 июня 1779 года пастырское послание¹. В нем епископ официально объявлял, что на основании врученных ему папой полномочий он легализовал открытый новициат иезуитов в Полоцке, как того желала царица. Затем он опубликовал и полный текст относящегося к этому предписания от 15 августа 1778 года. Он не мог, конечно, не отдавать себе отчета в том, что ставит под удар авторитет папского престола, который хоть и косвенно, однако разрешил новициат одному из запрещенных орденов. Он стремился, таким образом, оправдать свое поведение перед лицом общественного мнения Европы. Папа и статс-секретарь кардинал с негодованием заявили, что епископ действовал более под страхом осложнений извне, что же касается кардинала, то он как будто внутренне был убежден в своей правоте. Папа обратился ко всем нунциям с циркуляром, в котором разоблачал могилевского епископа: он, мол, без соизволения папского престола согласился на учреждение новициата иезуитов. Эти известия об

---

¹ См. «Fondo gesuitico», № 2235.

ордене, конечно, дали новый толчок для деятельности экс-иезуитов во всем мире. Они выступили против циркуляра статс-секретаря кардинала, опубликовав ловко состряпанный памфлет — шедевр надменности и изобретательности в извращении фактов¹.

Однако отступать Сестренцевич уже не мог, ибо он во что бы то ни стало хотел избежать острых разногласий с царским правительством. Поэтому ему пришлось пережить еще одно тяжелое поражение в борьбе с Обществом Иисуса в России. Орден был поставлен в более чем когда-либо независимое положение от его епископской власти. Разногласия в папской курии и ее двуличная политика, а также двуличие иезуитов стали в какой-то степени очевиднее, что отнюдь не содействовало росту авторитета церкви, которому и без того был нанесен тяжелый удар просвещением. Положение католической церкви в России, особенно в связи с этим новациатом иезуитов, казалось Риму настолько критическим, что многие считали необходимым, чтобы папская курия непосредственно вмешалась во все эти дела. Поэтому и возникла мысль послать в Россию папского нунция в Варшаве Аркетти в качестве легата, поскольку он лучше всех был знаком с положением дела.

Наряду с вопросом о продолжении деятельности ордена иезуитов в России у римской курии был еще один больной вопрос: положение униатской церкви. По мнению Рима и этот вопрос требовал скорейшего разрешения. До первого раздела Польши в России не было униатской церкви. Россия, как мы видели, с самого начала отклоняла унию церквей. Она вела против нее жестокую борьбу. Не случайно, что латинская ветвь католической церкви под руководством Сестренцевича развивалась относительно нормально, в то время как руководить униатской церковью никто не брался. Поэтому вопрос о дальнейшем существовании униатской церкви в России решить было необходимо. Униатский митрополит переехал в Польшу и пытался управлять униатской церковью в России из Варшавы. Русское же правительство всеми мерами препятствовало этому.

---

¹ См. «Gesuiti nella Russia Blanca», Firenze, 1780; немецкое издание: «Merkwürdige Nachricht von den Jesuiten in Weissrußland». Frankfurt — Leipzig, 1786.

Таким образом, во время прямых переговоров между Россией и папским престолом предстояло обсудить очень сложные проблемы. Однако прошло немало времени, прежде чем дело дошло до таких переговоров. Вначале Пий VI 18 сентября 1780 года в направленном Екатерине II послании выразил свою озабоченность по поводу положения католической и особенно униатской церкви в России. Царица в своем ответном послании сослалась, как водится, на господствующую в России веротерпимость, распространяющуюся не только на католическую церковь, но и на другие религиозные культы. Она добавила: это, однако не означает, что православная церковь должна терпеть от униатов ущерб в имуществе или ограничение деятельности. За согласие на назначение униатского архиепископа в Полоцк царица требовала вручения паллия епископу Сестренцевичу. Паллий был знаком власти митрополита, управляющего самостоятельной провинцией церкви.

Новое папское послание от 27 октября 1781 года не удовлетворило настоятельных просьб царицы. Поэтому русское правительство предприняло самостоятельные шаги: 28 января 1782 года царица провозгласила латинское белорусское епископство могилевское архиепископством и официально сообщила об этом папе 27 февраля 1782 года. Естественно, что эти односторонние действия вновь переполошили всех в Риме, поскольку они решительно противоречили действующим каноническим законам, по которым только папа располагал властью учреждать новое епископство или митрополию и определять географические границы распространения ее компетенции. Царский же указ, состоящий из нескольких статей, определял новую структуру римско-католической церкви в России¹.

Еще более осложнило дело то обстоятельство, что иезуиты в 1782 году предприняли новые шаги для конституирования своего ордена в России; они официально выбрали генеральным викарием ордена П. Черневича, который до этого был лишь фактическим руководителем

---

¹ Указ перепечатан в книге Тейнера: *Die neuesten Zustände der katholischen Kirche beider Ritus in Polen und Rußland seit Katarina II bis auf unsere Tage*, Augsburg, 1841, Dokumentenband; подробнее у: A. Pet r a n i, *Kolegium*, str. 19.

иезуитского ордена в Белоруссии¹. А «бессмертная Екатерина II», как именовали ее иезуиты, 17 октября 1782 года утвердила эти выборы². По старому уставу ордена Черневич как его генерал утверждал распределение всех должностей. В 1773 году было основано третье пробство. Ко времени смерти Черневича в 1785 году орден был восстановлен в России во всех своих правах. Создание могилевской митрополии, которое русское правительство осуществило без участия папы, и утверждение выборов генерального викария ордена иезуитов привело к крайнему обострению отношений между Россией и папской курией. Царица грозила полным отпадением католической церкви России от римской.

Все явственнее обнаруживались планы создания наряду с французской и немецкой церковью русской католической национальной церкви, самостоятельно вершащей свои дела.

Однако царское правительство, так же как и папский престол, стремилось к урегулированию конфликта. Об этом можно судить по тому, что обе стороны втайне друг от друга в конце 1782 года готовили посольства и начали переговоры. Поскольку переговоры между папским нунцием в Варшаве Аркетти и тамошним русским послом продвигались очень медленно и не раз грозили совсем прерваться, русское правительство послало с полуофициальной миссией в Рим через Вену экс-иезуита и друга иезуитов Бениславского, которого Сестренцевич назначил коадьютором.

Как сообщал Кобенцль из Петербурга, нунций Гарампи обнаруживал больше понимания существа русских претензий и пожеланий. Поэтому Бениславский направился, минуя Варшаву, прежде всего в Вену, куда его сопровождал вновь избранный и утвержденный Екатериной II генеральный викарий ордена иезуитов. Бениславский должен был вести переговоры в Риме и в пользу иезуитского ордена в России. В действительности же в Вене в начале 1783 года велись переговоры с един-

---

¹ «Historia SJ», vol. 1, p. 134.

² См. Ragionamento recitato nell'assemblea della Comp. di Gesù reunata in Polocko nell Alba Russia nell'elezione dell nuove vicario generale», «Fondo gesuitico», № 1228/25.

ственной целью — потребовать признания ордена иезуитов. Бениславский должен был постараться утвердить передачу паллия Сестренцевичу и свое посвящение в коадьюторы епископа и за это пообещать согласие на назначение в будущем униатского епископа в Полоцк. Об этом торге стало известно в Риме, ибо Гарампи представил положение в России в очень мрачном свете. Угроза полного отпадения русской католической церкви от римской представляла весьма серьезную опасность, избежать которой можно было только при помощи уступок. Поэтому Бениславский получил заверения в этом смысле.

Одновременно Бениславский, на которого иезуиты смотрели как на своего — в хронике ордена его постоянно называют «noster» (наш), — деятельно добивался признания римской курией ордена иезуитов в России. Он сам утверждал, что получил устное согласие Пия VI¹ и сообщил эту новость генеральному викарию ордена иезуитов в Белоруссии. Это радостное для иезуитов и связанных с орденом бывших иезуитов сообщение было разослано всем заинтересованным лицам в официальном циркулярном послании. Официальное новое конструирование ордена произошло 17 октября 1782 года, когда Екатерина II утвердила избрание генерального викария ордена. Новость распространялась повсюду одновременно с сообщением о якобы имевшем место так называемом молчаливом одобрении этого папой. В 1791 году сообщение об этом появилось в печати, дабы орден получил возможность вербовать своих сторонников во всем мире². Вероятно, оно было известно еще в 1783 году.

Деятельность иезуитов, основанная на официальном признании ордена, утвержденного Екатериной II, и хотя бы косвенное одобрение его папой нашли в папской курии самые различные отклики. Статс-секретарь кардинал Паллавичини и папский нунций Аркетти настаивали на том, что никакого, даже устного, одобрения ордена со стороны папы не было, что воображение сыграло злую шутку с Бениславским, этим чересчур ревностным другом иезуитов, как называл его Аркетти. Однако

---

¹ «Historia SJ», p. 145.

² См. «Fondo gesuitico», № 1228/25.

близкие ордену люди утверждали, что папа действительно дал свое согласие¹.

Действительно, папа Пий VI, который в глубине души был, безусловно, расположен к Обществу Иисуса, мог дать Бениславскому повод для подобного утверждения каким-нибудь двусмысленным замечанием². Прямое одобрение ордена было уже и потому маловероятным, что сильно пошатнувшийся престиж папского престола в результате такого тайно высказанного заявления мог быть еще более поколеблен. Поэтому статс-секретарь кардинал Паллавичини резко осудил поведение Бениславского в Риме, и Аркетти получил 26 апреля 1783 года строжайшее предписание не давать хода сообщениям об этом деле и все решительно опровергать³. Правда, отрицать официозный характер писем Бениславского в Рим было почти невозможно. Этому мешали его сношения в Вене с русским послом и папским нунцием.

Тем временем и папа изменил свою позицию на более примирительную. 11 января 1783 года в направленном Екатерине II послании он заявил, что не настаивает на том, чтобы Сестренцевич отменил свое решение в пользу иезуитов, хотя оно и вызвало такое раздражение во всем мире. Чтобы окончательно урегулировать все не улаженные еще конфликты, папа просил принять в качестве своего легата нунция в Варшаве, Аркетти. Русский посол в Варшаве представил это посольство как своего рода попытку папы принести извинения, и поэтому с самого начала миссии Аркетти был обеспечен в Петербурге благожелательный прием. Царица ответила папе, что готова принять его легата с честью, показав тем самым, что католическая церковь в России пользуется полной свободой, а также в знак особого уважения к папе. Екатерина II договорилась даже до безответственных намеков на возможность объединения в будущем всех христианских церквей. Она пыталась спекулировать на извечном стремлении Рима заполучить наконец Россию под свое владычество⁴. В папском

¹ M. J. Rouët de Journal, Archetti, Einleitung, S. XXXVI.

² NP im VA, № 344/V; L. Pastor, Papstgeschichte, Bd. XVI, 3, S. 214.

³ M. J. Rouët de Journal, Archetti, p. 32.

⁴ См. I. Gagarin, Un nonce du Pape à la cour de Catharine II, «Memoires d'Archetti», Paris -- Brussel, 1872.

послании от 26 апреля 1783 года Аркетти, епископ халкедонский, был отрекомендован в качестве официального легата. Папа обращался к царице: «*Serenissima potentissima Magna Domina Imperatrix*»*. Тем самым путь для миссии Аркетти был расчищен. Насколько трудной была эта миссия, лучше всего видно из записки Антонелли, секретаря по особым делам, статс-секретарю кардиналу. По мнению Антонелли, следовало иметь в виду три обстоятельства: 1. Волю царицы, которая не желала примириться с отказом папы вручить Сестренцевичу паллий в могилевское архиепископство. 2. Протест Бурбонов, которые могли воспринять возвышение Сестренцевича как косвенное признание его папского послания от 1779 года с разъяснением мотивов легализации им новициата иезуитов. 3. Умаление достоинства папы, если тот уступит настояниям царицы и наградит прелата, который оскорбил его злонамеренным истолкованием рескриптов¹.

Поэтому перед Аркетти стояла тройная задача: убаюкать царицу, чтобы она не осуществила своей угрозы создать национальную церковь; убедить Бурбонов, что у папы никогда не было намерения признать папское послание Сестренцевича и орден иезуитов в России, и одновременно позаботиться о том, чтобы авторитет папы и благополучие церкви не потерпели ущерба². Аркетти ни в коем случае не следовало вступать в сношения с иезуитами, или, как их называл Антонелли, со «строптивыми», и даже посещать их церкви, ведь и из этого факта они могли извлечь выгоду³. Действительно, миссия Аркетти была не из легких!

Аркетти очень быстро установил связи с официальными кругами России, и уже 1 августа 1783 года Кобенцль сообщил в Вену⁴ о его первых успехах: папский легат получил заверение, что будет создано полоцкое униатское архиепископство. Кобенцль доносил также,

---

* «Светлейшая могущественнейшая великая государыня императрица». — *Прим. ред.*

¹ M. J. Rouët de Journal, Archetti, p. 21.

² Ibid., p. 22.

³ Ibid., p. 33—35.

⁴ Haus- Hof- und Staatsarchiv, Wien, HHStA, Staatskanzlei, Rußland-Relationen, 1783.

что среди дорожных вещей легата имеется паллий для Сестренцевича, и посвящение Бениславского в сан епископа тоже предreshено. 16 сентября 1783 года Кобенцль сообщал, что Аркетти будет освящать на Невском проспекте в Петербурге новый католический костел, на сооружение которого были затрачены огромные средства. Правящие круги России высоко ценили иезуитов. Доказательством служит приезд в Петербург самого Потемкина единственно ради того, чтобы принять участие в торжественном освящении храма. По крайней мере так было заявлено иезуитам, которые сообщают об этом в письмах как об особом триумфе своего общества¹.

Храм святой Екатерины, названный так в честь царицы, собирались передать тем самым иезуитам, которые, по мнению посла Португалии и Испании, были отлучены от церкви за неподчинение папскому приказу о роспуске ордена. На свой протест в связи с продолжением деятельности ордена в России послы получили от Екатерины II разъяснение, что Белоруссия — счастливейшая из ее провинций, поскольку там юношество проходит обучение в иезуитских школах². Что имела в виду Екатерина II, говоря о счастье своих подданных, нам известно.

Одно затруднение оказалось, однако, непреодолимым. Его так и не смогли разрешить, несмотря на долгие переговоры вице-канцлера Остермана с Аркетти и поддержку Кобенцля. Это вопрос о присяге епископов. Русское правительство отказывалось принять предложение Кобенцля и признать этот вопрос заслуживающим особого внимания. Споры эти грозили посольству Аркетти провалом. После запроса в Рим, на который ушло много времени, в начале 1784 года был все же найден компромисс. Формула присяги оставалась прежней, но без обязательства бороться против еретиков и схизматиков. Кардинал Хжан, образованный человек, жозефинист, близкий к Иосифу II, состоявший дипломатическим представителем Австрии в Риме, в 1779 году при возведении его в сан кардинала должен был произнести следующие слова, напечатанные в сборнике

---

¹ См. «Fondo gesuitico», № 1228/24 lettere.

² M. J. Rouët de Journel, Archetti, p. 157

формул: «Клянусь всеми силами преследовать и бороться против еретиков, схизматиков и всех, восстающих на господа нашего, папу и его преемников»¹. Те же слова имелись и в клятве епископов. С согласия папы это место было вычеркнуто из клятвы, которую произносили епископы римско-католической церкви в России. После того как 25 ноября 1783 года последовала императорская номинация Сестренцевича на должность могилевского архиепископа, ему наконец был вручен паллий. Торжественное вручение состоялось 29 января, а 8 февраля 1784 года Бениславский был посвящен в сан епископа Гадарского *in partibus inita*.

Царица через находившегося в Вене Гарампи обратилась к папе с просьбой возвести Аркетти за заслуги — особенно за то, что он хранил молчание во всех делах с иезуитами, — в сан кардинала. Просьба была удовлетворена.

Иезуиты в России опасались свидания Аркетти с Сестренцевичем. Они были весьма озабочены исходом встречи папского легата с их верховным пастырем. Совесть их вряд ли была чиста².

В ответ на миссию Аркетти Россия направила в Рим своего посла, князя Н. Б. Юсупова. Он имел от вице-канцлера Остермана подробную инструкцию и 16 ноября 1784 года перед самым отъездом в Рим получил назначение на одну из придворных должностей в целях придания ему большего веса³. 10 января 1785 года князь прибыл в Рим с ответным визитом. Главное его поручение состояло в том, чтобы от имени царицы Екатерины добиваться кардинальской шапки для Сестренцевича. Его миссия, конечно, провалилась, потому что приглашенный в качестве очевидца всех событий Аркетти не оказал ему никакой поддержки. Слишком велико было недоверие курии к церковному сепаратисту Сестренцевичу, а также страх перед Бурбонами, которые

---

¹ HHStA, Staatskanzlei, Roma, vol. 66.

² См. копию письма одного иезуита от 29.11 (12.12) 1784, в которой говорится: «Что касается нас, то, благодарение богу, все осталось по-старому, даже и после того, как Аркетти с Сестренцевичем встречались в Петербурге», «Fondo gesuitico», № 1228/24 lettere.

³ См. ЦГАДА, ф. Юсупова, С — 1290, описи, д. 2, л. 1, № 76 и 77.

не могли простить Сестренцевичу легализации новициата иезуитов. Чтобы избежать оскорбительного отказа, решили сослаться на то, что не принято назначать кардиналов в некаатолических странах. Зато было удовлетворено требование России подчинить орден базилиан полоцкому униатскому архиепископу. Тем самым вплотную подошли и к вопросу с назначением униатского архиепископа полоцкого, и таким образом миссия Аркетти принесла кое-какой успех Риму. Новым полоцким архиепископом был назначен Гераклий Лисовский¹. Иезуиты, однако, не придавали никакого значения униатской церкви в России. Это видно из письма П. Пфейффера от 27.11.1784 года. Еще в конце XVIII века они считали «половинчатых» униатов препятствием на пути объединения римской и русской церквей. Они подчеркивали, что русская православная церковь намного ближе к римско-католической, чем «малая утрехтская», представляющая собою, в сущности, церковь латинских схизматиков².

Лисовский сразу же приступил к реформе обряда. Очень близкий к латинскому обряд униатской церкви он решил возвратить к тому, что было в XVI веке, то есть вновь уподобить обряду русской православной церкви. Такова была реакция русского правительства на политику правительства Австрии, которая не останавливалась ни перед чем, чтобы приспособить обряд униатской церкви к латинскому обряду, принятому на территории Речи Посполитой. Для Австрии это было единственным средством резко отграничить униатов украинцев Австрии от православных украинцев России.

Насколько односторонне действовала курия в антирусском направлении, видно из того, что после длительного обсуждения в конгрегации «Пропаганда веры» реформа обряда была 18 июня 1787 года окончательно отклонена. Архиепископу следует воздержаться от всяких нововведений, которые выходят за рамки обряда, предписанного Замойским униатским собором в 1720 году. Особенно следует избегать всякого сближения с русской православной церковью³. Переговоры велись через

¹ См. M. M. Solowij, *De reformatione liturgica Heraclii Lisowskyj*. AOSBM, Sectio I, vol. II (1950).

² «Fondo gesuitico», № 1228/24 lettere.

³ A W e l y k y j, *Propaganda*, t. V, № 1389

папского нунция в Польше, который под сильным давлением правительства и польских епископов выступал против всякого изменения в обряде богослужения. Знатные поляки и клерикалы убедили его, что за этим может последовать русификация населения и слияние с русской православной церковью. В итоге важные уступки русского правительства, которые могли иметь значение для дальнейшего развития, оказались безрезультатными. Униатская церковь по-прежнему должна была оставаться бастионом против России и православной церкви. Именно в этом направлении и действовала папская курия.

23 июля 1785 года Пий VI обратился к польскому королю с просьбой оказать поддержку униатской церкви в Польше¹. Он писал, что ни под каким видом не следует мириться с существованием в Польше православной церкви и что все уступки в этом направлении надо пресекать в корне. Это послание в точности напоминало прежние обращения пап к польскому королю, государственным деятелям Польши и князьям церкви. В Риме и Варшаве ничему не научились.

Однако протоколы обследований ордена базилиан за 1786 год² показывают, сколь шатки были позиции униатской церкви в Польше. Из этих отчетов явствует, что она главной своей заботой почитала правильное управление имуществом монастырей, доходы коих нередко пропивались совместно с мирянами или расходовались отнюдь не по прямому назначению. Учебные заведения, где воспитывалось пополнение ордена, нуждались в самом необходимом. Студенты ордена голодали, были плохо одеты, преподавание велось вполне схоластически и заключалось главным образом в бессмысленной зубрежке латыни. Одновременно изучали и польский язык, но об изучении родного языка или даже церковнославянского, на котором шло богослужение, не было и речи. Встречались в Литве школы ордена базилиан, в которых изучали литовский язык и даже предоставляли возможность изучать немецкий и французский языки, но они составляли исключение. Главным орудием педагогического воздействия была крепкая ли-

---

¹ A. W e l y k y j, Documenta, t. II, № 845.

² См. Nationalbibliothek (NB), Wien.

нейка, которой нещадно били воспитанников за малейшие проступки. Монастыри обезлюдели, так как латинские священники и помещики использовали монахов для работ в своем хозяйстве.

Можно представить себе, каково было положение так называемого белого духовенства униатской церкви, не принадлежавшего к базилианам, если даже в монастырях жаловались на подобные злоупотребления!

Образовательный уровень духовенства был очень низок. Даже те обследователи, которые сами принадлежали к ордену базилиан, жаловались, что в богослужении много латинизмов, а причащение ведется по обычаям латинской церкви. К тому же многие священники вовсе не сильны в своем родном языке, а богослужение сильно смахивает на латинское.

Тем временем иезуиты в России неуклонно шли своим путем. После смерти их первого генерального викария Черневича они собрались для избрания его преемника. Несмотря на все попытки Сестренцевича помешать этому, 27 сентября 1785 года Гавриил Ленкевич, бывший ассистент генерала ордена, был избран и утвержден русским правительством¹.

Со времени основания новициата приток членов в орден постоянно усиливался, причем, как известно, не только за счет вступающих в орден выходцев из Белоруссии. После циркулярного письма Черневича от 1783 года в орден устремились послушники и бывшие иезуиты из разных стран². В 1785 году орден насчитывал 179 членов, а в 1788 году — уже 196³. Среди съехавшихся бывших иезуитов, которые в России вновь стали иезуитами, были немцы, французы, итальянцы; они могли преподавать в иезуитских школах иностранные языки и, кроме того, обладали великолепными специальными познаниями в области техники и архитектуры. Эти знания они приобрели главным образом во Франции, а также в Австрии и Германии. В иезуитской коллегии в Полоцке можно было обнаружить солидные

---

¹ «Historia SJ», t. II. Генеральство Ленкевича вплоть до его смерти в 1799 году.

² См. «Fondo gesuitico», № 1228/24 lettere.

³ См. Catalogus personarum et officiorum S. J. in Alba Russia. Могилев, 1785; экземпляр в Берлинской государственной библиотеке доведен в рукописи до 1791 года.

ученые труды, например 58 томов писем естествоиспытателя Эймарта, представляющие важный источник по истории науки в XVII веке¹. К числу разносторонне развитых людей принадлежал и бывший иезуит Грубер, родом из Вены, который с 1772 по 1786 годы преподавал в Любеке механику и гидравлику, а в 1786 году приехал в Россию.

Царское правительство особенно ценило иезуитов за постановку у них школьного дела. 14 февраля 1783 года один иезуит сообщал из Полоцка, что Екатерина II через архиепископа обратилась к ним с призывом помочь в проведении школьной реформы в Белоруссии. Иезуитам было поручено организовать народные школы по образцу австрийских нормальных школ. Подчиняться школы должны были им же, поэтому несколько монахов направились в Петербург к сербу Янковичу за инструкциями². Посол Королевства обеих Сицилий Серракаприола доносил 8 октября 1785 года, что около 16 иезуитов руководят в Белоруссии нормальными школами³. Школы монахов-базилиан тоже были подчинены иезуитам⁴.

Поднятую в газетах кампанию против иезуитов, которую направляли истинные русские просветители, быть может даже лично Новиков, царское правительство старалось подавить в самом начале. В это дело по прямому указанию императрицы вмешался Потемкин. Иезуиты с торжеством сообщали, что ходившие по рукам статьи были в 1785 году преданы рукой палача сожжению и всякая перепечатка их запрещена под страхом сурового наказания. Иезуиты поддерживали с успехом ходатайство святейшего синода о запрещении русского перевода сочинений Вольтера как опасных для веры и морали. Они потребовали, чтобы палач сжег и анонимное сочинение «*Le christianisme révélé*», которое приписывали Булан-

---

¹ После закрытия коллегии в 1820 году это издание было передано императорской библиотеке в Петербурге; в настоящее время оно входит в сокровищницу рукописного фонда библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

² См. *Catalogus personarum et officiorum S. J. in Alba Russia*, Могилев, 1785.

³ См. *StA, Napoli, Min. d'estero, Russia*, № 1671.

⁴ См. Письмо из Петербурга от 15.5.1783, «*Fondo gesuitico*», № 1228/24 lettere.

же¹. Обо всем этом члены иезуитского ордена в России написали экс-иезуитам в Германию, Австрию и Италию, дабы побудить их к вступлению в восстановленный иезуитский орден.

В России же они стремились доказать, что не представляют опасности для человечества, но, наоборот, приносят ему пользу и служат прогрессу. Средоточием всех помыслов этих людей была идея, что из царской России они вновь завоюют мир и прежде всего добьются, например, организации миссии в Китае. Однако нельзя забывать, что за этой вывеской служения прогрессу скрывалась их подлинная и неизменная сущность: непрекращающаяся борьба за политическую, духовную и церковную реакцию.

Но вот произошло событие большого значения — народ во Франции пробудился; именно это свидетельствовало, насколько серьезны были предложения иезуитов выступить против революционного движения. Для Общества Иисуса пробил час испытания. Иезуиты получили возможность показать в царской России, где правящие слои дворянства со все возрастающим ужасом и ненавистью следили за событиями во Франции, что орден является надежным оплотом реакции.

Напуганный французской революцией господствующий класс феодалов в Восточной и Центральной Европе пытался всеми средствами добиться реставрации или закрепления как-то удерживаемых еще позиций феодалов в государстве. Поэтому с началом французской революции наступили времена, напоминавшие период контрреформации второй половины XVI и начала XVII века.

Католическая церковь, в результате распространения просвещения в XVIII веке все более терявшая свой авторитет, теперь была выдвинута на авансцену, особенно потому, что французская революция всей своей силой была направлена против этой реакционной идеологии, выразителем которой эта церковь и была. Папа Пий VI 29 марта 1790 года в тайной консистории произнес речь против французского Национального собрания и призывал к повиновению королю. В послании «*Quod aliquan-*

---

¹ См. там же, письма А. Агостиноса Маньяни от 31.1 и 30.5.1785.

tum» от 10 марта 1791 года папа обратился к французским епископам, заседавшим в Национальном собрании, чтобы напомнить об их обязанностях по отношению к королю. Пий VI самым резким образом высказался 17 июня 1793 года и 21 января 1794 года против осуждения и казни короля Людовика XVI¹. В период французской революции католическая церковь подверглась столь тяжким ударам, что в глазах королей и правящих классов она обрела ореол мученика. Эти круги не могли не считаться с церковью как с силой, которая требует не только поддержки, но и неуклонного роста своего влияния. Напротив, просвещение было признано врагом существующего общественного порядка. Поэтому было сделано все возможное, чтобы остановить его развитие.

Начавшаяся затем политическая и церковная реакция, разумеется, не имела той силы, что во времена контрреформации. Слишком далеко продвинулось развитие техники и науки, не так-то легко было теперь воспрепятствовать просвещению. К тому же феодализм был уже значительно слабее, чем в XVI и XVII веках; все ощутимее становились признаки его неотвратимого упадка. Тем ожесточеннее были удары, которые феодальные силы, а вскоре и крупная буржуазия старались наносить по противникам существующего порядка.

В историческом плане в высшей степени интересно проанализировать политику папства в этих условиях по отношению к России. Об открытой борьбе католической церкви против России, конечно, не было больше и речи. Хотя феодально-клерикальная клика в республиканской шляхетской Польше была все еще сильна, она не могла, однако, помешать выработке в начале 90-х годов конституции. Эта конституция создавалась под большим влиянием французской, хотя общественные отношения в Польше были совсем иными, чем во Франции. Кроме того, в Польше начиная с середины, а особенно с 60-х годов XVIII века все сильнее распространяется просвещение вопреки всем попыткам воспрепятствовать ему. Времена, когда польская шляхетская республика служила папству своего рода тараном против России,

---

¹ G. Michon, Les documents sur la démocratie et la société moderne, Paris, 1928, pp. 1—4, 48—55.

отошли в прошлое. Слабость и упадок шляхетской республики уже с середины XVII века становились все очевиднее. Правящие круги шляхетства слишком тесно связали себя с римско-католической церковью, выступавшей против малейшего прогресса, сверх всякой меры злоупотребили силами польского народа в надежде добиться победы католической контрреформации. Теперь, в конце XVIII века, подобное злоупотребление силами польского народа было уже невозможно, а деятельность просветительной комиссии по воспитанию, конституция 1791 года и начавшийся в 1794 году революционный подъем, направленный против держав, участниц раздела, скомпрометировали Польшу в глазах папства.

Тем настойчивее обращались взоры пап в конце XVIII века к России. 25 февраля 1791 года Пий VI обратился к Екатерине II с просьбой о помощи в связи с тем, что революционная Франция воссоединила принадлежавший папе Авиньон. Одновременно папы пытались укрепить положение католической церкви в самой России. Они, следовательно, не отказались от старой идеи подчинения России.

В последующих событиях можно разобраться, только сопоставив все эти обстоятельства. И в первую очередь это относится ко все более развертывающейся деятельности иезуитов в России, своеобразие и значение которой до сих пор не было выяснено и до конца исследовано. И здесь речь теперь идет о том, чтобы сделать общий набросок всей картины событий. Потребуется еще обстоятельное изучение вопроса, чтобы пролить на все это свет. Отнюдь не случайно все труды, посвященные истории сотрудничества папства с царским правительством времен Екатерины II, Павла I и Александра I, принадлежит перу главным образом иезуитов¹.

Но в России именно под влиянием французских энциклопедистов просветители также активизируют свою деятельность. Русское просвещение драпируется большей частью во французские одежды, а также в немец-

---

¹ См. I. G a g a r i n, *Les Jésuites en Russie 1772—1785. La Compagnie de Jésus conservée en Russie après la suppression de 1772*, Paris, 1872; I. G a g a r i n, *Le Salon de comtesse Golowin*, ERPHL, Série 6, vol. IV (1879), p. 445 et suiv; M. J. Rouët de Journal, *La Compagnie de Jésus en Russie*; P. Pierling, *Russie*, vol. V.

кие. Виднейшие представители французского Просвещения, такие, как Дидро, побывали в России. С Вольтером Екатерина II находилась в оживленной переписке. Она приобрела для императорской библиотеки собрание сочинений обоих этих авторов. Написать историю Просвещения в Европе без изучения тех источников, которые находятся в России, невозможно. Многочисленные воспитатели, подобно Лагарпу при царском дворе, сами были охвачены новыми идеями, оказывали влияние на молодое поколение русских в духе Просвещения. Новые идеи распространились среди буржуазии, главным образом торговой, и части дворянства. Даже царский двор старался казаться сторонником Просвещения. Господствовавший класс в России одновременно заботливо поддерживал иезуитский орден и его педагогическую деятельность как противоядие распространению Просвещения. Знаменательно, что даже католический епископат Польши в 1792 году не смог предложить для спасения Польши ничего другого, как просить через нунция папу о восстановлении ордена иезуитов¹. На это указывает в своем донесении от 12 октября 1792 года и князь Серракаприола, посол Неаполя в Петербурге, решительный сторонник реставрации в Европе².

В то время как передовая часть русского общества встретила французскую революцию с сочувствием, правительство было вначале отвлечено другими проблемами: русско-турецкой войной 1789—1790 годов. До самой казни короля Людовика XVI русский посол в Париже не прерывал своей деятельности, хотя занят он был главным образом оказанием помощи контрреволюции³. Англо-русские противоречия были на первом плане, но теперь русские неохотно шли на разрыв бывшего союза с Францией⁴. Кордон, предназначенный для отделения России от остальной Европы, простирался от Швеции

---

¹ См. Универсал генерального сейма Литвы от 27.8.1792, внесенный епископом Казаковским.

² StA, Napoli, Min. d'estero, f. 1677.

³ См. Французская революция 1789 года в донесениях русского посла в Париже И. М. Симолина, «Литературное наследство», т. 29/30, М., 1937, стр. 343—538 (Введение и новое издание донесений Симолина за 1789—1792 гг.).

⁴ «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в.», М., 1956, стр. 403 и сл.

через Польшу до Турции. На этот раз он был создан не Францией, а Англией, Питтом младшим. Центром этой системы был Тройственный союз Англии — Голландии — Пруссии. Для укрепления кордона был заключен прусско-польский союз против России. Бывшему союзнику России, Австрийской империи, после смерти Иосифа II казалось особенно необходимым оказать поддержку созданию этого кордона¹. В такой сложной внешнеполитической обстановке Россия, несмотря на разразившуюся революцию, не могла не сохранить позитивного отношения к Франции.

Тем не менее правящие круги России с первых же дней поняли, какую опасность для их собственного господства таит революция. Они приняли меры, чтобы задушить в своей стране всякое сочувствие к революционной Франции. Вдохновленные духом Просвещения воспитатели, сочувствовавшие революционной Франции, были высланы из страны. Их место заняли французские эмигранты, покинувшие родину в результате революции и принятые здесь с распростертыми объятиями². Примером влияния строго католической французской эмиграции на царскую Россию служит дом графов Головиных. Здесь нашли себе приют принцесса Тарентская и Шевалье д'Огар. Принцесса Тарентская была другом Людовика XVI и его супруги; Шевалье д'Огар — бывший французский офицер флота — неистовый поборник католической реставрации³. Граф Артуа, брат короля Людовика XVI, позднее, когда в Англии его одолели кредиторы, нашел себе убежище в России. Дорогостоящий двор графа обосновался в Митаве. Таким образом, маркиз де Бомбель не без основания 12 мая 1792 года превозносил от имени французской знати «гений Екатерины II»⁴.

Вместе с толпами французских эмигрантов прибыли и их духовники и исповедники, главным образом быв-

---

¹ А. Станиславская, Англия и Россия в годы второй турецкой войны 1787—1791, «Вопросы истории», ноябрь, 1948, стр. 26 и сл.

² См. К. Миллер, Французская эмиграция и Россия в царствование Екатерины II, Париж, 1931.

³ I. Gagarin, *Le Salon de la comtesse Golowin*, ERPHL, Serie 6, vol. IV (1879), p. 445 et suiv.

⁴ Донесение Серракаприолы, StA, Napoli, Min. d'estero, f. 1676.

шие иезуиты, а также люди, которые отправились в Россию, чтобы здесь вступить в Общество Иисуса, как это сделал, правда в начале XIX века, Розавен. В Москве специально для французских эмигрантов была построена в 1790 году церковь в честь Людовика Святого. Она сохранилась и поныне и находится в ведении французского посольства. Эти откровенные сторонники реставрации всюду, куда ступала их нога, и прежде всего в домах влиятельной русской знати, боролись против опасной, по их мнению, идеологии Просвещения в России и развенчивали ее. Последствия этого не могли не сказаться.

Сопоставление с тем, что делалось во Франции, приводило к довольно определенным выводам о невыносимости существующего строя в России. Прогрессивным мыслителям, таким, как Фонвизин и Новиков, это, впрочем, было давно уже ясно. Поэтому они действовали именно в духе Просвещения: издавали книги и газеты, в которых, несмотря на цензурные препоны, пытались подготовить проведение необходимых, по их мнению, реформ. Они не останавливались перед тем, чтобы «эзоповским языком», хорошо завуалированными намеками вести дискуссию с самой Екатериной II. Наиболее острые нападки содержались, конечно, в произведениях, ходивших по рукам в рукописях, таких, как «Всеобщая придворная грамматика» Фонвизина или изданное полулегально сочинение Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Особенно напугало реакционеров сочинение Радищева, в котором с необычайной для того времени последовательностью подвергались критике самые основы крепостничества. К тому же оно вышло из печати в 1790 году, когда французская революция была в самом разгаре. Просвещение, о котором до этого говорили в милостивом тоне, хотя его и признавали после пугачевского восстания лишь в самых умеренных формах, теперь изображалось как главная угроза существующему порядку. Поэтому Радищев был вполне резонно, с их точки зрения, приговорен к смерти, а затем в виде особой милости отправлен в ссылку в Сибирь. Новиков без всякого суда был заключен в Шлиссельбургскую крепость. Так Екатерина II, эта «Северная Семирамида», сбросила маску поборницы Просвещения. Немилости императрицы не миновала даже ее друг, пре-

зидент Академии наук Дашкова, за не представляющую никакой опасности защиту науки и просвещения, а также связь с распространившимся в 80-х годах в России франкмасонством.

Тройственный союз Англия — Голландия — Пруссия, обращенный против России, распался не только потому, что английская и голландская торговая буржуазия не могла отказаться от торговли с Россией, но и главным образом потому, что державы эти ясно поняли опасность, связанную с французской революцией. Как только это произошло, царская Россия обратила все силы на то, чтобы сокрушить французскую революцию. При заключении мира со Швецией в 1790 году Россия приняла на себя обязательство, зафиксированное в тайной статье договора: активно бороться за восстановление во Франции королевского абсолютизма. Шведская армия, снаряженная на деньги царской России, под командованием французских эмигрантов должна была вторгнуться во Францию с территории австрийских Нидерландов. Успехи революции во Франции привели к новому сближению Англии и России. Немало содействовали укреплению позиций реакции на европейском континенте английские деньги и английские идеи, представленные сочинениями Бёрка. Господствующей в Англии крупной буржуазии, тесно связанной с дворянством, революционная Франция казалась гораздо более опасным конкурентом, чем Французское королевство в прошлом.

В конституционном польском государстве царизм увидел новую опасность у самой своей границы, ибо революционные идеи легко могли отсюда проникнуть в Россию. Из донесений тесно связанного с правительственными кругами России неаполитанского посла видно, с какой все возрастающей тревогой следили на Неве за «Долгим сеймом» в Польше, на котором шла борьба за новую конституцию¹. На Висле против просветителей и французской революции рука об руку боролись нунции в Варшаве и царские послы². С особой подозри-

---

¹ См., например, копию письма из Варшавы от 4.5.1791 в StA, Napoli, Min. d'estero, f. 1675.

² K. Piwański, Kuria rzymska a polski ruch narodowo wyzwolensä 1794—1863, Warszawa, 1955, str. 13—21.

тельностью папская курия относилась к так называемой Национальной комиссии по вопросам воспитания. В деятельности этого прогрессивного «Министерства просвещения» курия усматривала влияние якобинства¹.

В 1791 году после длительной борьбы, разгоревшейся на четырехгодичном сейме, в Польше была принята Майская конституция, представлявшая собой значительный шаг вперед по сравнению со старым порядком. Просвещение, которое в середине века начало медленно прокладывать себе дорогу в Польше, теперь одержало большую победу. Но феодально-клерикальная группировка, и во времена контрреформации вовлекавшая шляхетскую республику в дела, которые ей были совсем не по плечу, опять принялась вмешиваться во все. Она пыталась продолжать борьбу против православной и даже униатской церкви в Польше. При этом она выбросила лозунг: господствующий в Польше порядок погибнет из-за веротерпимости.

В этой обстановке знаменательна была политика папской курии. Как было уже отмечено, папский престол еще в 1785 году, да и позже все время толкал короля и влиятельных деятелей Польши на путь непримиримой борьбы с православием. Папа Пий VI выразил протест против польской конституции только потому, что в ней была провозглашена терпимость в отношении некаатолических церквей в Польше. Эта терпимость, по его мнению, могла привести к легализации в Польше православной церкви, вместо того чтобы узаконить религиозную борьбу со все усиливавшейся пропагандой православия, которая после изгнания из Польши последнего православного епископа Виктора Садковского велась замаскированно. Такого отношения к православию было достаточно, чтобы заставить папу опубликовать свое послание от 17 августа 1791 года², содержащее решительный протест против конституции 4 мая 1791 года. Папский престол не мог удовлетвориться тем, что конституция провозгласила учение католической церкви вместе с ее латинской и униатской

---

¹ См. L. Kurdybacha, Kuria rzymska wobec Komisji Edukacji Narodowej w latach 1773—1783, Kraków, 1949.

² A. Welkyj, Documenta, vol. II, № 860.

ветвями *religio regnans*, то есть господствующей религией. К тому же в ней впервые в истории Польши специально устанавливалось, что и униатские епископы могут заседать в сенате, хотя этот пункт был включен в акт унии еще в 1596 году. Но и на этот раз до проведения в жизнь этого пункта дело опять не дошло. И после принятия новой конституции король, королева и все руководящие государственные деятели должны были принадлежать к господствующей церкви. Отпадение от римско-католической церкви считалось, как и раньше, государственным преступлением и строго каралось. Всего этого, однако, папскому престолу было мало. Узаконение терпимого отношения к некаатолическому вероисповеданию в глазах папства было тяжким преступлением.

Однако того, что папа считал в новой конституции слишком либеральным, для России было мало. Чтобы помешать созданию прусско-польской коалиции — анти-русского кордона, царская Россия сговорилась с Пруссией о втором разделе Польши. В 1792 году русские войска вступили в Польшу, а когда в 1793 году, после второго раздела Польши Россией и Пруссией, в Польше поднялось мощное восстание, ее окончательно поделили в 1795 году между Австрией, Пруссией и царской Россией. Так шляхетская польская республика, которая некогда была важным звеном в наступлении контрреформации на Россию, стала хотя и не безвинной, но все же жертвой, чья кровь должна была скрепить здание новой европейской реставрации.

Посмотрим, как вели себя папы в момент такого крайнего бедствия Польши — этого оплота римско-католической церкви в Восточной Европе. Когда польский посол при папском дворе Античи от имени короля попросил папу о вмешательстве католических держав, папа обратил его внимание на то, что в сложившихся условиях о подобном вмешательстве не приходится и думать. Папская дипломатия рассматривала раздел Польши как весьма болезненный, но неотвратимый процесс¹. К тому же папа предвидел, что перед католической церковью в Европе и России откроются новые пер-

---

¹ M. Lore t, Watykan a Polska w dobie rozbiorów (1772—1795), «Przegląd Współczesny». XIX, 1934, № 146, str. 357.

спективы. Папская курия надеялась, что восстание Костюшко будет подавлено в «самое ближайшее время», как об этом сообщал из Рима статс-секретарь нунцию Литте в Варшаву¹. Подобный образ действий ярко характеризует основные принципы папской дипломатии, обнаруживая, однако, и ее слабости.

Царизм и синод начали расчет за бывшие гонения православной церкви в Польше. Такие сторонники православия, как, например, Виктор Садковский, не выдержали преследований и еще в начале девяностых годов переселились в Россию. Теперь они обратились к своим соотечественникам с призывом вернуться к православию. Этому призыву последовало значительное большинство населения бывшей Восточной Польши, в том числе и многочисленное духовенство². Монастыри базилиан, в которых процесс латинизации зашел очень далеко, были царским правительством секуляризованы³. Монахи ордена, не желавшие принять православие, могли вступить в сохранившиеся на территории Белоруссии монастыри. Священники и епископы, которые не последовали этому призыву, должны были уйти на пенсию.

Поскольку значительное большинство униатов среди украинского населения перешло в православие, положение униатской митрополии пошатнулось. Когда последний ее митрополит прибыл в Петербург протестовать по поводу ее роспуска, его там арестовали. Церковное руководство униатами по всей России было возложено на полоцкого архиепископа. Он же представлял униатов и в духовной коллегии, во главе которой стоял, конечно, римско-католический могилевский епископ митрополит Сестренцевич.

Для Рима это был тяжкий удар. Упорный труд целых столетий, казалось, пропал даром. Только в областях, отошедших к Австрии с епископствами Львов, Перемышль и Холм, униатская церковь была сохранена и даже пользовалась горячей поддержкой государства.

---

¹ M. Loret, Watykan a Polska w dobie rozbiorów (1772—1795), «Przegląd Współczesny», XIX, 1934, № 146, str. 357.

² D. Tolstoj, Catholicisme, vol. II, p. 66—93.

³ См. протоколы обследований за 80-е и 90-е годы XVIII столетия в Национальной библиотеке в Вене.

В этих новых условиях папа Пий VI обратился 12 сентября 1795 года непосредственно к русской императрице¹. В своем послании папа выразил озабоченность положением католической церкви в России, в первую очередь в украинских и белорусских землях. В Риме были очень встревожены тем, что объединение большей части униатов с русским православием во вновь воссоединенных с Россией после II и III разделов Польши украинских землях шло гигантскими шагами. Описав картины преследований, которые были ему представлены как результаты воссоединительного движения, папа выражал намерение прислать нового посланника для ведения переговоров относительно положения римско-католической церкви в России.

Своим посланником Пий VI назначил Лоренцо Литту. В качестве намечаемого нунция в Варшаве он был в 1793 году посвящен в сан архиепископа Фиванского и вступил в должность главы варшавской нунциатуры как раз в момент распада польской шляхетской республики. Он весь был воплощение реакции. Прусский посол при папском престоле Нибур, хорошо знавший Литту, отзывался о нем как об очень надменном, фанатичном священнике, устремленном к одной цели: вернуть римско-католической церкви и папству ту власть, которой они обладали в средние века. Каждый, кто не подчинялся папскому престолу, становился его личным врагом, и ненависть его по отношению к подобным возмутителям порядка была неукротимой. Литта владел многими языками и умел быть очень обходительным².

В России ситуация, казалось, сильно изменилась в пользу папства. Не случайно в Петербург был послан именно Лоренцо Литта. Здесь жил его брат, рыцарь мальтийского ордена Джулио Литта, офицер флота в отставке. В Риме ожидали, что он окажет брату поддержку. Серракаприола именовал его в 1791 году контр-адмиралом, хотя в приложенных неаполитанским послом списках высших офицеров русского воен-

---

¹ L. Pastor, Papstgeschichte, Bd. XVI, 3, S. 127.

² См. донесения Нибура от 6.5.1820; DZA, Merseburg, Rep. 81. Rom II A, № 2.

ного флота он не значится¹. Джулио не обманул ожиданий и оказал содействие хотя бы уже тем, что способствовал въезду в страну своего брата — священника². В качестве посла мальтийского ордена, членом и бальи которого он состоял, Джулио имел доступ к императрице. Поручение его было очень деликатного свойства. Он должен был обратить огромную земельную собственность ордена в России хотя бы в условное владение. Поскольку право владения должно было главным образом перейти к польским дворянам, как членам ордена, то в Петербурге в 1795 году были отнюдь не заинтересованы в подобном урегулировании; вознаграждать строптивое польское дворянство просто не хотели. Несмотря на это, Серракаприола был убежден, что миссия Джулио Литты увенчается успехом, поскольку при императорском дворе мальтийский орден пользовался большим расположением³.

Итак, выбор папы пал на его брата Лоренцо, и тот был направлен в Петербург. К революционной Польше Костюшко человек этот не испытывал никаких симпатий и без сожаления взирал на ее гибель. С большим удовлетворением следил он за тем, как русский губернатор Варшавы поддерживал начинания его друга и единомышленника Гофбауера. Гофбауер вынужден был покинуть Австрию Иосифа II, а здесь, в Варшаве, стал очень нужным союзником царского правительства в борьбе с польским просвещением.

Две силы реакции, таким образом, объединились. Твердо убежденный, что католическая церковь имеет огромное значение для идеологического обоснования реставрации, Литта, направляясь в Россию, был полон надежд. Его широкие полномочия выходили далеко за пределы обычных взаимоотношений с Россией. Прусский посол при папском престоле называл его даже «викарием Севера»⁴. Во всяком случае, папа посылал

---

¹ См. донесение от 27.7.1791; StA, Napoli, Min. d'estero, Russia, f. 1675.

² См. M. J. Rouët de Journal, Litta, p. VIII, где это влияние, правда, преувеличено.

³ См. донесение от 26.10.1795; StA, Napoli, Min. d'estero, Russia, f. 1676.

⁴ См. донесение Уденса прусскому королю от 1.11.1798 и 2.1.1799; DZA, Merseburg, Rep. 81, Rom I, № 8, fasc. 2a.

дела подчиненных Пруссии епархий Плоцка, Гнезно и Вроцлава Литте в Петербург для решения. По-видимому, папа, на случай если французская революция охватит всю Италию, выбрал царскую Россию в качестве своего убежища, и Литта должен был заранее предусмотреть такую возможность.

Поэтому нет ничего удивительного, что Литта получил самые широкие полномочия прежде всего в отношении России. Ему было разрешено от имени папы возвести Сестренцевича в сан кардинала, тем самым осуществив давнишнюю мечту Екатерины II. Это должно было создать впечатление, что католическая государственная церковь в России авторитетна и независима.

Русское правительство прежде всего потребовало от легата заверений относительно полученных им полномочий, дабы по возможности ограничить его вмешательство во внутренние дела России. Кардинальской шапки для Сестренцевича оно добилось еще до того, как дало свое согласие на приезд легата. Вот почему в инструкциях, переданных статс-секретарем папскому легату 26 июня 1796 года от имени папы, содержалось и указание вручить Сестренцевичу кардинальскую шапку. Обращенное к Екатерине папское послание было датировано 29 июня 1796 года. В нем легата горячо рекомендовали императрице. Однако поездка его все откладывалась.

Глава VII

ПАПА ПИЙ VI и ПАВЕЛ I

В конце 1796 года скончалась императрица Екатерина II и на престол вступил нелюбимый сын ее Павел I. В связи с этим перед миссией Литты встали новые задачи. Легат должен был представлять папский престол на церемонии коронования русского императора.

В октябре 1781 года Павел, тогда еще великий князь, с супругой побывал в Полоцке, главном центре ордена иезуитов в России. Иезуиты устроили ему такую пышную встречу с фейерверком, что он даже заметил своей жене: «Как все-таки прекрасно иезуиты относятся к нам»¹. Это была любовь с первого взгляда, она была плодом взаимопонимания — обе стороны поняли, что могут оказать друг другу серьезную поддержку.

Не удивительно поэтому, что, когда царевич с супругой во время поездки по Италии посетили в 1782 году Рим, встреча царевича с папой протекала в самой сердечной обстановке. Не было недостатка и в трогательных сценах. Великая княгиня вручила папе, готовившемуся как раз к отъезду в Австрию, дорогую меховую шубу². С того времени в Ватикане очень высоко ценили Павла. Поэтому вступление его на престол пробудило в Риме много надежд. 7 января 1797 года папа обратился к новому императору с восторженным поздравительным посланием; сияние добродетели «нового императора» озарило мир. Возлагались надежды и на доброту императрицы Марии Федоровны. К ней

---

¹ «Historia SJ», vol. I, p. 120.

² L. Pastor, Papstgeschichte, Bd. XVI, 3, S. 75 ff.

папа направил отдельное послание с просьбой о поддержке. В послании к Павлу говорилось о дружбе, связывающей императорскую династию с папой. Менее приятно было читать императору строки о его «непобедимой» матери Екатерине II, которую превозносили за то, что она в результате раздела Польши включила в состав России многочисленное католическое население. Из слов, посвященных бывшему нунцию, а теперь кардиналу Аркетти, можно было заключить о наличии между ним и Павлом и его супругой каких-то личных связей. Папа выражал надежду, что новому послу будет оказан столь же хороший прием¹.

На пути в Петербург Литта встретился в Орше (Белоруссия) с иезуитами, которые основательно познакомили его с положением римской церкви в России. Антагонизм между иезуитами и папскими легатами, который частично сохранился в 1783—1784 годах во времена миссии Аркетти, теперь отошел в прошлое. Борьба против французской революции вновь сплотила силы, идеологически близкие друг другу. Не удивительно поэтому, что назначение Сестренцевича кардиналом оказалось на самом дне дипломатического багажа Литты, а тщательно обсужденные с иезуитами требования были извлечены на поверхность.

Памятная записка, которую Литта в мае 1797 года, вскоре после своего прибытия, передал русскому правительству, показала, что он способный ученик иезуитов. Встреча в Орше не прошла бесследно. Но несмотря на оказанный Литте в Петербурге хороший прием, время для осуществления этих требований еще не пришло. Это видно из пометок Павла на записке Литты². Понадобились длительные переговоры, чтобы подойти к достижению цели поближе. Резко выраженные реакционные взгляды императора сослужили Литте неплохую службу. Поэтому даже подчинение православной церкви папскому престолу казалось ему вполне осуществимым делом.

При императорском дворе среди придворных Лоренцо Литта встретил двух хороших знакомых: родного

---

¹ См. ЦГАДА, Госархив, разряд IV, № 270 и 279.

² П. К. Шебальский, Католицизм в России, «Русский вестник», год изд. LII, стр. 620—644.

брата своего, Джулио, о котором мы уже упоминали, и его близкого друга Серракаприолу, посланника Неаполитанского королевства в России. Они вполне акклиматизировались здесь: Серракаприола женился на русской, из рода Вяземских, а дочь его стала княгиней Апраксиной. Таким образом, он был тесно связан с высшей русской знатью. Неаполитанское королевство присвоило себе протекторат над Мальтой и мальтийским орденом. Поэтому, когда в 1768 году иезуиты были изгнаны из Королевства обеих Сицилий, как называли Неаполитанское королевство, гроссмейстер мальтийского ордена изгнал их и с Мальты¹. Серракаприола и Джулио Литта тесно соприкасались друг с другом по дипломатической службе, но еще больше их сблизило то, что оба дипломата широко поддерживали личные связи с представителями правящих кругов России.

Они превосходно знали положение в России, по крайней мере в оценке завсегдатаев аристократических салонов, причем с такими подробностями, которые обычно были неизвестны большинству дипломатов. Их связи с русским обществом стали такими тесными, что папская курия вынуждена была предостеречь своего посланника от излишней близости с ними, опасаясь, что и ее тайны могут стать известными правительству. В действительности же гораздо более вероятной была опасность, что русские государственные тайны попадут в руки представителя папы. Убедительным доказательством этого служат донесения Серракаприолы². Чтобы лучше понять причины успехов и неудач миссии Литты в России, необходимо тщательно исследовать все эти на первый взгляд чисто личные взаимоотношения.

Памятная записка Литты от мая 1797 года содержала следующие требования: полное восстановление униатских епископств, возвращение всех костелов, школ и монастырей, свобода отправления культа, беспрепятственная церковная юрисдикция и прежде всего строгое подчинение всех католиков в России папе. Святейший синод выразил протест. Католический епископ и мит-

---

¹ См. «Fondo gesuitico», 290—358.

² Так, Серракаприола занимался открытым военным шпионажем. См., например, набросок русской канонерской лодки в донесениях Серракаприолы за 1802 год, StA, Napoli, Min. d'estero, Russia, f. 1681.

рополит Сестренцевич не был заинтересован в выполнении этих требований, особенно последнего пункта. Но он так ловко сумел убедить папского посланника в своем сочувствии, что тот вначале расхваливал его папе и говорил, что считает его вполне достойным сана кардинала¹.

Дело кончилось компромиссом, в целом к выгоде римской церкви. Восстановлены были униатские епископства, которые в 1795 году все, кроме полоцкого архиепископства, были закрыты. Занятые церковные земли были возвращены или за них выплачены компенсации. Униатская церковь на Украине, которая уже совсем было пришла в упадок, была искусственно возрождена. На протесты православной церкви никто не обращал внимания. Союз с реакционными силами требовал от русского правительства постоянной гибкости.

Все же Сестренцевичу удалось добиться ряда уступок, по крайней мере обеспечения известной самостоятельности католической церкви в России. Об этом свидетельствует выторгованное в 1798 году соглашение по вопросу о положении католической церкви в России. Результатом стараний Сестренцевича было подчинение митрополитам и епископам иезуитского ордена и включение униатов в единую римско-католическую церковную организацию. В своем стремлении к самостоятельности он и в дальнейшем был поддержан русским правительством².

Литте, как и его предшественникам, не удалось переломить отрицательного отношения русского правительства к униатской церкви. По совету синода и Сестренцевича Павел I решил придерживаться следующей позиции: униатской церкви, как таковой, в России нет, она либо объединена с православной, либо принадлежит латинской церкви. Во втором случае униаты должны подчиняться митрополиту латинской церкви. Однако в соглашении 1798 года эта точка зрения была отражена не полностью³. Так, например, восстановленные в

---

¹ M. J. Rouët de Journal, Litta, p. XXXV.

² D. Tolstoj, Catholicisme, vol. II, p. 125.

³ Ibid., vol. II, p. 138; P. Pierling, Il Cattolicesimo in Russia e la sua condizione legale, «Civiltà cattolica», vol. LXX (1919), c. 3.

небольшой части монастыри базилиан были подчинены униатскому епископу, хотя орден был признан римско-католическим.

Тем временем произошло событие, которое вначале рассматривалось как особо благоприятное для миссии Литты, и потому посланник папы отнесся к нему с большим вниманием.

В 1798 году Наполеон на пути в Египет оккупировал остров Мальту. Суверенный мальтийский рыцарский орден утратил остатки своей независимости. Еще до прибытия Лоренцо Литты брат его добился очень выгодного для ордена соглашения с царской Россией. После приезда царского посланника оба Литты принялись ревностно продвигать дело. При этом они воспользовались романтическим пристрастием императора к реакционному средневековому рыцарству, которое покоилось, правда, на вполне реальных политических расчетах. Император видел в ордене символ рыцарской чести и доблести в борьбе с революционными движениями, которые тогда наводили такой страх на господствующие классы Европы. Мальтийский рыцарский орден представлялся ему средоточием всех реставрационных устремлений. Поэтому царь как величайшую честь воспринял провозглашение его протектором ордена. Он назначил послу ордена Джулио Литте пышную аудиенцию, церемониал которой разработал лично. Официальный представитель мальтийского ордена в России Джулио Литта 8 декабря 1797 года передал царю грамоту об избрании его протектором римско-католического рыцарского ордена¹. Отныне для Павла I орден стал очень важным делом и все просьбы его охотно исполнялись. На базе большого наследственного владения князей Острожских на Волыни и щедрых пожалований императора было образовано русское великое приорство с десятью комтуриями.

Мальта — территория рыцарского ордена — имела огромное стратегическое значение, ибо обеспечивала господство в восточной части Средиземного моря. России очень важно было добиться решающего влияния в этом районе. Однако значение Мальты оценила и

---

¹ См. донесения Сепракаприолы от 27.11; 1.12; 8.12.1797; StA, Napoli, Min. d'estero, Russia, f. 1680.

Директория во Франции. Наполеон завоевал Мальту в 1798 году по пути через Италию в Египет. Гроссмейстер ордена Гомпеш оказал ему очень слабое сопротивление. Павел I пришел в бешенство от предательства интересов ордена, как он называл то, что произошло. Русское отделение ордена отрешило Гомпеша от власти, и 13 октября 1798 года последовало избрание нового гроссмейстера при участии русского и других великих приорств. Выбор пал на самого русского императора Павла. Он согласился с результатами выборов. Польщенный мыслью, что на него возложена миссия быть передовым борцом за дело реставрации во всей Европе, всероссийский самодержец не мог вдоволь нагнетаться игрой с знаками отличия ордена и любил блеснуть ими перед иностранцами. Императорская столица в Петербурге стала резиденцией и центром ордена¹. В государственный герб царской России был включен мальтийский крест, и даже русские монеты в 1799 году были снабжены мальтийским крестом в его древнем виде².

Пожалование мальтийским крестом считалось в России высокой наградой³; даже при Александре I фамилии кавалеров этого ордена помещались в ежегодном придворном альманахе наряду с именами кавалеров других русских орденов. В России владения мальтийского ордена были разделены на два великих приорства: русское и русско-католическое. Представители высшей русской знати принадлежали к русскому приорству, а проживающие в России высшее польское дворянство и знатные французские эмигранты — к русско-католическому. Среди прочих и «христианнейший король» граф Артуа был удостоен большого креста ордена. Первым великим приором русско-католического

---

¹ См. донесения Серракаприолы от 8.1.1800, StA, Napoli, Min. d'estero, Russia, f. 1681.

² Донесение Серракаприолы, там же, f. 1680.

³ Об отношениях России и мальтийского ордена см.: ЦГАДА, разряд XXVIII, ЛОИИ, т. II, к. 43; Th. V. Bernhardt, Geschichte Rußlands und der europäischen Politik in den Jahren 1814—1831, Teil 2, Leipzig, 1863, 2 Abt., S. 384 ff. Из новой литературы на русском языке см.: А. Шапиро, Средиземноморские проблемы внешней политики России в начале XIX века, «Исторические записки», т. 55, 1956, стр. 253—289.

приорства был принц де Конде¹. Павел I создал собственную гвардию из знатных мальтийских рыцарей, которые несли почетную службу при дворе наряду с императорской гвардией. Она состояла из 60 рыцарей ордена, командовал ею Джулио Литта². В увеселительном дворце в Павловске, который Павел приказал выстроить еще будучи царевичем, мальтийским рыцарям был отведен вестибюль, из которого через музыкальную комнату проходили в парадный зал дворца. Этот дворец — свидетельство того, какое неизгладимое впечатление произвело на Павла пребывание в Риме.

В основе всей этой опереточной возни с орденом лежали два соображения, не лишенные реального значения. Первое — растущий вывоз зерна, на котором в немалой степени покоилось хозяйственное благополучие господствующих классов России, в течение короткого времени превратил Одессу в один из важнейших портов экспорта России. Из Одессы путь шел через Дарданеллы в Средиземное море. Поэтому Мальта, занимающая господствующее положение в Средиземном море, имела для России огромное стратегическое значение. Понятно, что при Екатерине II правительство заботливо поддерживало тесные связи с независимым мальтийским рыцарским орденом, установленные еще в правление Петра I.

В связи с присоединением в 1783 году Крыма и русско-турецкой войной 1789—1791 годов дружеские отношения с мальтийским орденом приобрели для России еще более важное значение.

Вторая цель, которую преследовал русский императорский двор, стремясь к сближению с мальтийским орденом, диктовалась тем значением, которое приобрел этот орден, осколок средневековья, для придания романтического ореола прокладывающему себе дорогу среди правящих кругов Европы течению политической реакции. Такое направление умов под влиянием французской революции привлекало наибольшее к себе внимание.

---

¹ См. например, «*Almanach de la cour pour l'année 1806*», СПб., 1806.

² См. донесение Сепракприолы от 25.1 и 2.4.1799, StA, Napoli, Min. d'estero, Russia, f. 1680.

Вот почему перед папским легатом в Петербурге вскоре открылись все двери, а сам он получил хорошо оплачиваемое место полномочного министра и казначея мальтийского ордена при императоре. Это место должно было сохраняться и за его преемником. Таким образом, в России создавалась как бы постоянная папская нунциатура, которой папа даже не должен был оказывать финансовую поддержку.

Но триумф братьев Литта продолжался не очень долго. Игре русского императора с титулом гроссмейстера пришел сразу же конец, как только папа решительно высказал свои опасения по поводу избрания некаатолика гроссмейстером католического ордена. Это явилось следствием заносчивости и ограниченности в решении религиозных вопросов, весьма свойственных римско-католической церкви. Сюда же добавилось и давление Франции, в руках которой в то время находилось папское государство. Запросы, которые папа Пий VI 17 октября и 5 ноября 1798 года направил бальи мальтийского ордена Джулио Литте относительно выборов гроссмейстера, были выдержаны в очень осторожных выражениях, пересыпанных многочисленными проявлениями восхищения благородными намерениями Павла I¹. В послании папы от 16 марта 1799 года, последовавшем за этими запросами, очень мягко, но все же высказано было утверждение, что необходимо проверить, действительны ли выборы Павла в гроссмейстеры. Послание это вызвало полное недоумение царя, тем более что прежде, чем оно через русское посольство в Вене было доставлено братьям Литта, содержание его в результате интриг стало известно в России.

Первым, на кого обрушилась царская немилость, был Джулио Литта. В представлении Павла он оказался плохим вассалом, не сумевшим защитить честь своего гроссмейстера. Папский посол Лоренцо, по-видимому, почувствовал приближение грозы, ибо 8 марта 1799 года попросил отозвать его. Учитывая непостоянство характера царя, брат его может легко потерять свой пост, а тогда и он окажется в немилости. Но едва

---

¹ См. ЦГАДА, Госархив, разряд XXVII, ф. 28, материалы ордена иоаннитов, описи, № 15.

ли он подозревал, что это произойдет так быстро, хотя и мог предполагать, судя по сообщениям своих доверенных людей из курии, что папа вряд ли утвердит избрание.

Стремительное падение братьев Литта не заставило себя долго ждать. Это ясно видно из высказываний Серракаприолы, находившегося с ними в самых близких отношениях. Еще 19 октября 1798 года он сообщал о праздновании свадьбы Джулио, взявшего себе в жены придворную даму из рода Скавронских, представительницу высшей русской знати. На этот раз получить в Риме разрешение на брак в связи с принадлежностью невесты к православной церкви не составило никаких трудностей. Но уже 2 апреля 1799 года Серракаприола сообщил в Неаполь, что Джулио Литта впал в немилость у императора, вынужден был возвратить большой мальтийский крест и что вместо него канцлером ордена назначен ближайший соратник императора Ростопчин. Литте и его жене было запрещено появляться при дворе¹.

Император был до глубины души оскорблен содержанием папского послания. Павел считал, что он более католик, чем сам папа, как он выразился по этому поводу в беседе с Серракаприолой². К своему избранию гроссмейстером мальтийского ордена Павел относился чрезвычайно серьезно, ибо видел в этом первый шаг к воссоединению русской церкви с римской. Император с поразительной быстротой сумел широко распространить свои взгляды на единство обеих церквей среди высшего православного духовенства. В этом можно убедиться, познакомившись со ставшим известным при дворе новогодним обращением казанского архиепископа от 1799 года. Иерарх православной церкви восхваляет царя за то, что он принял сан гроссмейстера католического ордена³. К тому же Павел считал, что поведение обоих Литта сделало его посмешищем в глазах всей Европы. Поэтому 9 мая 1799 года Лоренцо Литта, утративший милость императора,

---

¹ См. донесения в StA, Napoli, Min. d'estero, Russia, f. 1680.

² См. StA, Napoli, Archivio Bourbone, f. 344.

³ См. донесение Серракаприолы от 25.1.1799; StA, Napoli, Min. d'estero, Russia, f. 1680.

вынужден был покинуть Петербург¹. Поспешный отъезд Литты из России не означал, однако, разрыва отношений между Россией и папским престолом. Гнев Павла обрушился прежде всего не на папу, а на обоих Литта, которые, несмотря на все его милости, не сумели защитить честь императора. Непонятное равнодушие папы к утверждению избрания Павла I гроссмейстером больно его задело. Ведь он со своей стороны сделал все, чтобы поддержать папу в его затруднениях. Серракаприола в начале 1798 года писал в Неаполь, что папский посол Лоренцо Литта сообщил императору о тяжелом положении папы и папского государства. Царь немедленно выразил готовность вступить в переговоры с венским, неаполитанским и мадридским дворами и договориться о мерах по защите папы и папского государства. Павел I заявил, что готов предложить папе убежище в своих католических владениях.

В глазах царя папа и его законный преемник были единственными авторитетами для подданных России католического вероисповедания. «Эти заявления,— пишет Серракаприола со слов Лоренцо Литты,— сопровождались такими выражениями, которые не оставляли сомнений в искренности царя»².

Павел I действительно тотчас же обратился к венскому двору. 24 июля 1798 года в ответ на демарш царя австрийский государственный канцлер направил посланнику Кобенцлю в Петербург инструкцию, в которой излагалась позиция его правительства на случай, если папский престол окажется вакантным. Кобенцль должен был вступить по этому поводу в переговоры с русским правительством³. Таким образом, державы, стоящие во главе реакционного направления, объединились для решительной защиты папского престола, важнейшего идеологического центра реакции. Австрийский государственный канцлер рисовал будущее папства в очень мрачных красках. Может случиться, что революционная Франция, если папа окажется в ее власти, заставит избрать папой какого-нибудь преступника, кото-

---

¹ M. J. Rouët de Journal, Litta, p. 349.

² См. донесение Серракаприолы от 30.3.1798; StA, Napoli, Min. d'estero, Russia, f. 1680.

³ HHStA, Instruktionen Rußland 1798—1806.

рый станет игрушкой в руках европейской революции. Сколь ужасные перспективы! Поэтому очень важно, чтобы в случае смерти Пия VI немедленно был избран преемник в соответствии с законной процедурой избрания папы.

Русский император тотчас же согласился со всеми этими соображениями и даже пригласил папу специальным посланием от 14 декабря 1798 года в Россию. Сделал он это под влиянием тогдашнего папского легата Литты и вполне в духе полученных Литтой от папы инструкций. Он обещал, что папа будет принят с великим почетом. Тем острее была обида русского императора, когда тот же папа, о котором он столь ревностно заботился, в своем послании от 16 марта 1799 года подверг сомнению действительность его избрания гроссмейстером.

Очень скоро царь, следуя советам иезуитов, стал играть первую скрипку в концерте реакционных держав. До сих пор на это недостаточно обращали внимания.

В 1799 году царь пытался ходатайствовать перед австрийским императором о признании в Австрии иезуитского ордена¹. Посредником был барон Пенклер.

Литта покинул Россию после переговоров с Грубером, главой иезуитов в России (впоследствии генерал ордена). Вместе они выработали линию поведения по отношению к «митрополиту всея Руси» Сестренцевичу. Он не был, правда, возведен в сан кардинала, как того желала Екатерина II, но получил через Литту от папы привилегию носить кардинальский пурпур. «Епископ Маллоский,— так неуважительно папский легат называл митрополита всея Руси,— наш враг»². Подобное суждение было для Литты вполне закономерным. Его разделяли и все иезуиты. Однако для того, чтобы объяснить свой прежний более благоприятный отзыв о нем, Литта писал, что 31 августа 1798 года он обратился к папе с просьбой разрешить Сестренцевичу ношение кардинальского пурпура только потому, что этот человек

---

¹ «Historia SJ», изд. Бжозовским, позднее генералом ордена.

² H. Szantyr, Wiadomości do dziejów kościoła, t. 1, Poznań, 1843, str. 53.

(Сестренцевич) по своему характеру и положению может причинить большой вред¹. Казалось, он правильно разгадал характер русского митрополита, который теперь, несмотря ни на что, с разрешения папы носил кардинальскую мантию.

Во всяком случае, Сестренцевич оказался прав, предостерегая против папского самовластия и его вмешательства во внутренние дела России, от которого было очень трудно уберечься. Поэтому русское правительство после отъезда Литты старалось прежде всего укрепить позицию митрополита. Оно отказалось от утверждения папой выторгованных в 1798 году после длительных переговоров соглашений относительно римско-католической и униатской церквей в России. Эти соглашения были введены в действие просто в силу императорского повеления. Как высоко ставил император Сестренцевича, можно судить по тому, что он передал ему после отъезда Литты высокооплачиваемую должность полномочного министра и казначея мальтийского рыцарского ордена в России, должность, предназначавшуюся, как известно, постоянному представителю папы в России. В конце концов победителем оказался Сестренцевич, избавившийся от опеки папского нунция. Но при убеждениях Павла I и его несокрушимом доверии к иезуитам это была пиррова победа. К этому присоединилось влияние императрицы, к которой, очевидно, не напрасно взывал папа в послании 1799 года, носившем характер личного обращения и содержавшем просьбу поддержать его требования. До сих пор роли Марии Федоровны в этих обстоятельствах не придавали значения, однако ее не следует недооценивать².

Нет ничего удивительного, что Павел I сохранял и далее дипломатические связи с папским престолом, несмотря на оскорбление, которое, по его мнению, нанесли ему заявлением о необходимости пересмотра избрания его гроссмейстером ордена мальтийских рыцарей. Секретарю папского посланника Бенвенути было разрешено остаться сначала в качестве неофициального, а затем признанного уполномоченного папы.

---

¹ L. Pastor, Papstgeschichte, Bd. XVI, 3, S. 129.

² См. ЦГАДА, ф. 4, № 270.

Следуя указаниям Литты, он вступил в тесное сотрудничество с русскими иезуитами.

Дальнейший образ действий Бенвенути был обсужден во время обстоятельных собеседований поспешно уехавшего Литты с помощником генерала ордена Грубером. При этом была выработана тактика католической церкви в России: укреплять здесь положение иезуитского ордена, возводить в епископы людей, во всем послушных Риму и иезуитам, охранять позиции униатской церкви. Но в первую очередь речь шла об урегулировании вопроса об ордене мальтийских рыцарей, о согласии царя на приезд нового постоянного нунция, о сильной поддержке папского государства, а также восстановлении так называемых легатств¹.

Как видно, на плечи этого даже не аккредитованного дипломатического агента легла нелегкая задача. Однако главным действующим лицом был не Бенвенути, а иезуитский орден. После того как П. Карё стал генеральным викарием, Грубера избрали 1 февраля 1799 года помощником генерала. Этому многосторонне образованного, тонкого в обращении иезуита направили в Петербург, чтобы поддерживать связь с царским правительством.

Немилость царя не затрагивала Литту лично, да он и не капитулировал. Как мы знаем, результатом своего пребывания в России он считал назревшую теперь необходимость учредить здесь постоянную нунциатуру². Поэтому своего секретаря, который остался в Петербурге, он рассматривал как временно исполняющего должность папского нунция. Вот почему с внезапным отъездом папского легата связи между царской Россией и папским престолом не только не были прерваны, но, наоборот, в результате деятельности иезуитов неожиданно окрепли.

Ловкому и обходительному Груберу наконец удалось добиться более близкого личного общения с недоверчивым русским царем. В этом помогла ему зубная боль у русской императрицы.

---

¹ См. М. J. Rouët de Journal, Benvenuti (1799—1803), Roma, 1957.

² «Россия и Италия», Л., 1927, т. VI, стр. 249 и сл.

В конце XVIII века при императорском дворе образовалась очень влиятельная католическая группировка, состоявшая из высшей польской знати, усиленная еще представителями французской дворянской эмиграции. Эта группировка открыла Груберу доступ сначала в личные покои императрицы, а потом — и самого императора. Усилия иезуитов, подвизавшихся в Петербурге в качестве духовников французской и польской высшей знати, оказались не напрасными. Впрочем, императорская чета уже давно была знакома с иезуитами. Они не забыли торжественного визита в Полоцк в октябре 1781 года. Поэтому понятно, что очень скоро помощник генерала ордена иезуитов стал собственноручно готовить царю какао и сумел сделаться ему необходимым во многих отношениях. Вскоре Грубер настолько завладел доверием Павла, что входил к царю без доклада. Конечно, Павла I пленила не одна только льстивая манера обращения Грубера, но и уверенность, что в борьбе за торжество реакции он и иезуиты тесно между собою связаны.

Результаты этого интимного сближения царя с иезуитом сказались очень скоро. 23 июня 1799 года, то есть через несколько недель после отъезда Литты, Грубер сообщил о желании императора, чтобы орден иезуитов сохранил свое прежнее положение. О подчинении ордена митрополиту Сестренцевичу не было и речи¹.

Этот странный союз иезуитов с русским императором кажется на первый взгляд невероятным, но в общем-то он основывался на реальных интересах. Грубер сумел разъяснить императору, какую роль может играть католическая церковь, иезуитский орден и его учебные заведения в борьбе против всякого революционного движения, и тот пришел к заключению, что иезуиты должны стать опорой его державы. Теперь каждый, кто противился их деятельности, был в глазах императора якобинцем². Опубликованные русским иезуитом Гагариным письма Грубера дают нам возможность составить полное представление о методах, которыми он добивался

---

¹ Nuntiatura Poloniae im VA, vol. 344, V.

² Так писал Бенвенути 22.11.1800 г. статс-секретарю кардиналу Консальви. (M. J. Rouët de Journal, Benvenuti, loc cit., p. 48.)

влияния на Павла I¹. Насколько взгляды Павла были близки Груберу, видно из одного высказывания императора: «Я вижу только одно средство остановить проникновение безбожия, просвещения и якобинства в моей империи: доверить воспитание подрастающего поколения иезуитам. Надо начинать с детей. Здание строят с фундамента, если не хотят, чтобы оно обрушилось и религия и государственность исчезли»². Эти знаменательные слова, произнесенные одним дыханием: безбожие, просвещение, якобинство,— явились, конечно, следствием только длительного общения царя с иезуитом. В них ключ к пониманию огромного влияния Грубера на царя, который борьбу против революции почитал целью своей жизни. Царская Россия должна была, по его мнению, выступить в авангарде этой борьбы.

Понятно поэтому, что иезуит Грубер сравнительно быстро смог оттеснить Сестренцевича, которого так высоко ценило русское правительство. Для этого Груберу стоило лишь указать царю на анархию, которая якобы царит в католической церкви в России по вине митрополита. Сестренцевич был ловким и опасным противником иезуитов. Он мог раскрыть их козни. Поэтому иезуит Грубер решил, что следует прибегнуть даже к клевете. Митрополит и некоторые его сотрудники смеялись-де над царскими указами— доносил Грубер Павлу. В глазах самолюбивого Павла это было оскорблением его особы и перечеркивало любые прошлые заслуги. Поэтому Сестренцевич однажды ночью в начале 1800 года был схвачен в Петербурге, где он большей частью жил, и отправлен в имение под Могиловом под строжайший надзор³. Выполнение его служебных обязанностей перешло к Бениславскому, бывшему иезуиту и другу иезуитов. Епархиальная церковь св. Екатерины со всеми ее огромными капиталами, полученными от доходных домов в Петербурге, была передана иезуитам, которые решили немедленно организовать здесь школу для детей самых влиятельных семей знати.

---

¹ См. I. Gagarin, S. J., *L'empereur Paul et le P. Gruber*, ERPHL, Ser. VI, vol. III, 1879.

² P. Pierling, *Russie*, vol. V, p. 303.

³ См. выдержанное в деликатных выражениях описание отвратительного поступка Грубера у: M. J. Rouët de Journel, *Arezzo*, vol. I, p. XXIII. Большого участия в этом папский нунций

Отношения между папской курией и царским правительством продолжали развиваться. Папу Пия VI весной 1799 года после начала войны второй коалиции против Франции переправили за Альпы, во Францию. Это дало повод племяннику папы Клементу XIII Редзонику привезти русскому императору послание от трех кардиналов. В послании, написанном ловкой рукой Литты и специально рассчитанном на Павла I, содержалась просьба к царю защитить папу. В сентябре 1799 года во время прощальной аудиенции Редзонику царь уверял его в своей симпатии к папе, в расположении к католической церкви и в своем принципиальном согласии принять нунция. Но прежде нужно было еще этого нунция найти и урегулировать кое-какие мелочи¹. Под этим подразумевалось прежде всего признание царя гроссмейстером ордена мальтийских рыцарей. Эту цель Павел ни на минуту не упускал из виду.

Царь не ограничился любезными словами, а осенью 1799 года дал распоряжение своим войскам продвигаться из Неаполя на Рим, дабы изгнать французов из Вечного города, соорудить вместо деревьев свободы кресты, уничтожить Римскую республику и восстановить в Риме и папском государстве светскую власть папы. 11 октября 1799 года русские войска вступили в Рим; было опубликовано обращение русского императора к римлянам в духе реставрации². Занятие Рима и большей части папского государства — в Анконе французские оккупационные части еще оказывали жестокое сопротивление — обеспечивало проведение выборов папы, а после смерти Пия VI, 29 августа 1799 года, это стало и необходимым.

Кардиналы с согласия и при поддержке русского и австрийского правительств собрались в Венеции на конклав 8 октября 1799 года. Они обратились к русскому императору с составленным в чрезвычайно льстивых выражениях прошением о дальнейшей помощи. Одновременно они заявили о настоятельном желании пап-

---

не принимал. См. далее более сдержанное описание у: A. Petroni, *Kolegium*, p. 28.

¹ M. J. Rouët de Journel, *Arezzo*, vol. I, p. XX.

² Донесения прусского посла в Риме от 12.10.1799 и от 19.10.1799, DZA, Merseburg, Rep. 81, Roma I, № 8, fasc. 29.

ской курии иметь в России постоянное представительство.

Тайным советником нового папы Пия VII стал бывший иезуит Маротти. Он пользовался большим влиянием. Грубер очень быстро вступил с ним в контакт. Новый папа по совету Маротти, то бишь Грубера, играл на странностях характера Павла I. Пий VII вовсю старался извлечь выгоду из благоприятной обстановки, сложившейся при русском дворе в результате деятельности Грубера и Бенвенути. Бенвенути писал кардиналу Консальви: царь ото всей души желает доброго согласия с папой. Если ему не откажут в титуле гроссмейстера — продолжать переговоры об этом он не намерен, — он готов выслушать любые предложения по остальным вопросам и согласен принять любое лицо, которое папа изберет в качестве нунция ли, легата ли — безразлично¹. 5 января 1801 года Бенвенути вновь писал: если папа исполнит волю императора в отношении титула гроссмейстера мальтийского ордена, можно немедленно присылать нунция².

Всякие переговоры по вопросу о передаче ему титула гроссмейстера Павел I отвергал категорически, рассматривая их как оскорбление. Депутация великого приора Германии по настоятельной просьбе австрийского посла в Петербурге должна была титуловать Павла I «гроссмейстер» и делать это так, словно речь и не шла о только теперь присвоенном ему титуле. Когда «христианнейший король» граф Артуа, получивший в 1800 году от царя большой крест, предложил выступить в Митаве посредником между царем и папой, его предложение было отвергнуто канцлером ордена Ростопчиным с замечанием, что о переговорах по вопросу о признании Павла I не может быть и речи³. Невзирая ни на что, Павел выполнял функции гроссмейстера.

В вопросе о мальтийском ордене, который царь особенно близко принимал к сердцу, предложено было компромиссное решение: царь должен был вершить светские дела ордена, а папа — духовные. Обращение, содержа-

---

¹ M. J. Rouët de Journal, Benvenuti, p. XXII.

² Ibid., p. XXIV.

³ Донесения Сепракаприолы от 8.1. и от 4.10.1800; StA, Napoli, Min. d'estero, f. 1681.

шее очень деликатный намек на возможность подобного компромисса, однако, уже не застало Павла в живых. К тому же новый папа открыто признал русского императора протектором не только ордена мальтийских рыцарей, но и всей римско-католической церкви. Это был единственный в истории случай, когда папы отдали себя под покровительство не католического правителя. В результате действительного сотрудничества папской курии с иезуитами в России Павел I все глубже запутывался в их сетях. Но — и это необходимо подчеркнуть особо — царь с его преувеличенным представлением о значении реставрации в Европе и о ведущей роли царя и папы сознательно дал себя запутать, так что оказался третьим в этом союзе. Литта в качестве большого знатока положения в России стал подающим надежды поверенным в Риме. Насколько он был близок к папе, можно судить по тому факту, что он был в числе первых, возведенных Пием VII еще в 1801 году в кардинальское достоинство. И это несмотря на такой, казалось бы, неудачный отъезд из Петербурга. Литта стал одним из ближайших сотрудников папы, оказывая на него явно реакционное влияние. Такое положение принесла ему должность префекта конгрегации «Пропаганда веры», а также его особая миссия в Париже в 1807 году¹.

Тем временем сотрудничество Грубера с царем становилось все более тесным. Когда царь высказал пожелание, чтобы Общество Иисуса в России открыло побольше школ, рассматривая это как самое действенное средство борьбы с революционным движением, Грубер выдвинул в качестве предлога то, что общество не может развернуть такую широкую деятельность, пока не получит официального признания папы; а этого признания нет и до сих пор.

В конце 1800 года Грубер по распоряжению царя изложил в подробной памятной записке обоснование того, почему ордену в России необходимо признание папы. Памятная записка была передана через официальное лицо, через Неплюева, императору.

Вслед за исторической справкой о состоянии этого вопроса при Екатерине II следовало утверждение, что

---

¹ Донесение В. Гумбольдта от 8.8.1807; DZA, Merseburg, Rep. 81, Roma I, № 13, fasc. 5.

Пий VII через Бениславского передал по крайней мере устно свое согласие на продолжение существования Общества Иисуса в России; далее, что Екатерина II, когда иезуиты должны были из России ехать в Китай в качестве миссионеров, помышляла о том, чтобы потребовать от папы официального признания ордена. Нунций Литта, говорилось далее, в начале 1799 года наметнул папе, что для его дальнейшей деятельности крайне важно получить официальное признание иезуитского ордена в России, а папский тайный советник Маротти посоветовал направить просьбу об этом через царя непосредственно папе. Это-де значительно облегчит дело новому папе. Благорасположение папы Пия VII к иезуитскому ордену всем известно, а потому официальное признание его обеспечено, если русский император заявит, что желает этого. В заключение приводились аргументы, которые нам уже известны. Деятельное участие в этом великом деле официального возрождения иезуитского ордена покроет-де Павла I неувядаемой славой. Официальное восстановление ордена, который очень скоро из России распространится по всей Европе и по всему миру, будет означать торжество реставрации, то есть именно то, чего желает сам Павел I.

Царь охотно внимал подобным доводам. Во всяком случае, 11 декабря 1800 года Павел I направил сенатору Томара, католику и другу иезуитов, предложение составить латинское послание к папе с просьбой торжественно утвердить Общество Иисуса хотя бы в России.

Собственноручное письмо императора было подписано так: «Искренний друг Вашего Святейшества».

Вот почему именно русский царь, главный представитель реакции в Европе, помог иезуитскому ордену, этому опаснейшему, как показала затем история, врагу России, вновь завоевать признание папства. Царь помогал иезуитам потому, что не без основания видел в ордене бастион реакции. Это была не выходка сумасшедшего, но убедительное подтверждение того, что классовые интересы сильнее национальных. Именно этим объясняется «чудо» возрождения католической церкви в начале XIX века.

Одновременно с посланием царя по вопросу об официальном признании Общества Иисуса в России одно высокопоставленное духовное лицо должно было доста-

вить в Рим письмо Грубера, в котором шла речь о согласовании действий между иезуитами и папской курией. Грубер намекал, что теперь в России начали вырисовываться перспективы таких достижений, которых римская курия за всю ее историю не могла добиться. Иезуитам казалось, что долгожданная уния русской православной церкви с римской почти уже у них в руках. Русский царь был протектором римской церкви и как император имел огромное влияние на православную церковь через своего представителя, обер-прокурора синода. Грубер прекрасно изучил Павла; он знал: ему не надо убеждать царя в том, что он, опираясь на свой авторитет, может одним указом осуществить унию русской церкви и римской; Павел I и сам был твердо в этом уверен¹. Поэтому всю свою настойчивость Грубер направил на то, чтобы склонить на свою сторону высшее духовенство, верноподданнические настроения которого столь ясно выразил в 1799 году казанский архиепископ в своем новогоднем обращении. С новгородским митрополитом и петербургским архиепископом Грубер установил дружественные отношения; высшее православное духовенство, по-видимому, шло навстречу планам государя².

Правда, с отправкой послания царя папе неожиданно произошла задержка. Курьер, проезжая Вену, проговорился относительно содержания важных писем, которые он должен доставить из Петербурга в Рим. Испанское посольство в Вене, узнав об этом, сообщило в Мадрид, и еще до того, как послания из России попали в руки папы, в Ватикан посыпались протесты против признания Общества Иисуса в России. Единственно по этой причине папа Пий VII объявил об утверждении Общества Иисуса в Белоруссии только 7 марта 1801 года в своем послании «*Catholicae fidei*». Генеральному викарию иезуитского ордена П. Карё папа официально разрешил принимать в России членов в духовную конгрегацию, которая называется Общество Иисуса и существует согласно уставу Игнатия Лойолы³.

---

¹ I. Gagarin, SJ, *L'empereur Paul et le P. Gruber*, ERPHL, Ser. VI, v. III, 1879, p. 42—58.

² Об этом сообщает и Аредзо после смерти Павла I. См. M. J. Rouët de Journel, *Arezzo*, vol. I, p. CXII.

³ Lutteroth, *Rußland und die Jesuiten*, S. 14.

Однако это послание не застало царя в живых.

Главным во всех этих делах для царя и иезуитов был, несомненно, вопрос о церковной унии. До сих пор трудно было себе это до конца представить, так как переговоры велись в глубочайшей тайне, а соответствующие документы были обнаружены совсем недавно. Роль посредника в этом щекотливом деле взял на себя по поручению императора пользовавшийся абсолютным его доверием посол Неаполя в Петербурге, хорошо известный нам Серракаприола. Он был обладателем большого креста мальтийского ордена, имел широкие связи при русском дворе и среди русской придворной знати¹.

Во время двух секретных бесед в ноябре 1800 года император изложил неаполитанскому послу свои соображения, которые потом были подытожены в письме неаполитанскому королю от 30 ноября 1800 года. Последний должен был строго конфиденциально сообщить об этом папе и подготовить почву для прямых переговоров между Римом и Петербургом. В письме царь подчеркивал, что уже давно стремится к унии между греко-русской и римско-католической церковью. Такой союз будет весьма необходим христианскому миру в его борьбе с «неверием», атеизмом, угрожающими трону и алтарю. Сознание, что опасность грозит большей части Европы, укрепило его волю бороться против нее всеми средствами и для этого подготовить в своей империи опору. Уния церквей необходима для того, чтобы объединить все антиреволюционные силы в едином фронте борьбы с атеизмом. Чтобы вернее добиться успеха, надо соблюдать величайшую осторожность и сосредоточить внимание в первую очередь на нем. Папа должен решительно пойти ему навстречу. Эту мысль он развивал в нескольких фразах. В лежащем перед нами подлиннике проекта письма слова эти заключены в скобки. Далее царь подчеркивал, что необходимы уступки со стороны папы, которые, однако, не касаются догматов и незыб-

---

¹ См. донесения Серракаприолы в StA, Napoli, Archivio Bourbonne, f. 344; M. J. Rouët de Journal, L'imperatore Paolo I et la riunione della chiesa, «Civiltà cattolica», a. III (1959), p. 607 (Рюэ де Журнель первый указал на этот источник). Документы, хотя и не полностью, опубликовал: M. J. Rouët de Journal, Paul I de Russie et l'Union des Eglises. Documents inédits, «Revue d'histoire ecclésiastique», vol. 84, Löwen, 1959, p. 838—863.

лемых основ веры. Ради любви к ордену мальтийских рыцарей он уже в течение трех лет желает не только поддерживать во всем католическую церковь в России, но и готовится к церковной унии. Все это он может свершить, поскольку соединяет в своем лице достоинство гроссмейстера и царя.

После этого сугубо секретного сообщения относительно своих намерений царь выразил надежду, что папа не замедлит признать его гроссмейстером. Произойти это должно в форме, отвечающей статутам ордена и духовному авторитету папского престола. Неаполитанский король должен был в полнейшей тайне передать эти откровенные признания папе, и в случае его согласия на просьбы царя следовало немедленно начать переговоры относительно унии.

Это было ошеломляющее послание, а в интимных разговорах с Серракаприолой, которые последний записывал, все, что было связано с этим посольством, получило еще более ясное объяснение. Прежде всего Павел I подчеркивал, что предложение его не вызвано минутным настроением; в результате долгого изучения вопроса он пришел к твердому убеждению в необходимости церковной унии. Знаменательно, что он ссылается на подобную попытку Петра I, который, по крайней мере по мнению Павла I, желал заключить унию с галликанской церковью. Царь ожидал специального уполномоченного папы для подготовки церковной унии. Конечно, это должен быть значительный человек, пользующийся доверием папы и царя. Павел не упускал из виду и те политические осложнения, которые были связаны с унией церквей. Больше всего мучила Павла I мысль о зависимости папы от Австрии. Видимо, он продумал весь вопрос очень обстоятельно. Поэтому королю как посреднику необходимо было действовать крайне осторожно. Очевидно, удовлетворительного ответа Павел так и не получил. Царь особенно подчеркивал необходимость держать эти намерения втайне не столько от заграницы, сколько от России, ибо хорошо знал о серьезных преградах на пути их осуществления. Вопрос о признании папой Павла гроссмейстером занимал, разумеется, значительное место в тайных беседах царя с Серракаприолой. На первый план выдвигалась задача с помощью неаполитанского короля и папы преодолеть противодей-

ствие испанского великого приорства. Ради этого Павел I был согласен обратиться к посредничеству испанского короля. Но Серракаприола отсоветовал это делать, поскольку испанские дипломаты не слишком преданы церкви и могут выдать тайну. Тогда царь очень внушительно заявил, что официальные отношения между Римом и Петербургом могут быть восстановлены лишь после того, как папа объявит об утверждении Павла I в должности гроссмейстера. Как полагает Павел I, без этого не может быть и речи о проведении в России церковной унии. Высшее духовенство и русская знать воспримут это как знак расположения папы к России. Он, Павел, осуществит проект унии церквей, который Петр I и Екатерина II не осуществили якобы только по политическим соображениям. Залогом успеха является его неизменное требование утвердить орден иезуитов в России, а также согласие принять на себя звание гроссмейстера.

Мы потому так подробно остановились на недавно открытых в секретном архиве Бурбонов документах, посвященных тайным переговорам между Павлом и посланником Неаполя, что они помогают до конца раскрыть тему «папство и царизм». Павел I обнаружил при этом проницательность отчаявшегося человека в оценке истинного положения в России, понимании опасностей, которые угрожают господствующему порядку, а также перспектив установления контроля над морскими путями в восточной части Средиземного моря. Одновременно он интересовался и вопросами укрепления крупного землевладения в районах Причерноморья. По двум последним вопросам, правда, его мнениям недоставало реально-политических обоснований.

Наследником Мальты стала вовсе не Россия, а Англия, которая еще в 1798 году пыталась заинтересовать Павла I своим вариантом решения этой проблемы¹, правда безрезультатно. Гнев царя после захвата англичанами Мальты обратился со всей силой на Англию, в то время как в наполеоновской Франции Павел увидел союзника. Он очень рано понял, что Наполеон более не продолжатель революции в Европе, а ее душитель.

---

¹ См. отрывок из письма епископа херсонского Лоренцо Литте от 28.8.1798; StA, Napoli, Archivio Bourbonne, f. 442.

В разгар разногласий с Англией Павел в марте 1801 года стал жертвой дворцового переворота, поддержанного англичанами.

Первым же повелением Александра I был приказ о возвращении двинувшейся в Индию казачьей армии. Русский посол в Лондоне С. Р. Воронцов стал министром иностранных дел и получил задание заверить англичан, что Александр I настроен по отношению к Англии дружески¹.

Серракаприола первым из дипломатов получил известие о вступлении на престол Александра I. Сообщил ему главный заговорщик, граф Пален, состоявший на жалованье у англичан. Александр немедленно принял Серракаприола и передал ему, что в его правление отношения с Неаполитанским королевством останутся без изменений². Серракаприола, как посол Неаполя, покровителя Мальты, сохранил свое положение, — это было верным признаком того, что взоры Петербурга и в дальнейшем будут устремлены на Средиземное море. Со своей последовательно реакционной точки зрения Павел I обнаруживал поразительную проницательность. Политическая подоплека проекта церковной унии в России стала ясна; одновременно стала очевидной также и ее полная безнадежность.

---

¹ См. «Внешняя политика». Серия I, т. 1, № 1 и 2, стр. 11—12.

² Донесение Серракаприола от 15.3.1801; StA, Napoli, Min. d'estero, Russia, f. 1681.

Глава VIII

НОВЫЕ ПОПЫТКИ ДОБИТЬСЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ПАПЫ С САМОДЕРЖАВИЕМ

Для иезуитов и всей европейской контрреволюции убийство Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 года (по ст. ст.) было тяжелым ударом. Грубер под свежим впечатлением от сообщения о насильственной смерти царя писал в Рим: «Погиб великий покровитель римской церкви и Общества Иисуса»¹.

Слова эти были сказаны от всего сердца и в общем соответствовали действительности. Сразу же после смерти Павла борьба за подчинение России духовному авторитету папства еще усилилась. Это свидетельствует о необузданных стремлениях папской курии, которая была уверена в поддержке придворных кругов России. Дело было, значит, не только в «болезненно непостоянных симпатиях»² полубезумного императора, как часто принято это изображать.

Правда, в отношениях России с папством появилось кое-что новое. Александр и его советники выросли в иной среде, чем Павел I и его советники-иезуиты. Влияние воспитателя-швейцарца Лагарпа не прошло для Александра бесследно. Либеральные идеи эпохи Просвещения получили значительно большее распространение. В кружке царя много говорили в то время о свободе. Но принципиальный наблюдатель, близкий друг и тогдашний сподвижник царя Чарторийский заметил, что русский император легко соглашается с тем, «чтобы все были свободны, но при условии, чтобы каждый исполнял свободно лишь его волю»³. Александр вовсе не

---

¹ P. Pierling, *Russie*, vol. V, p. 332.

² См. Ammann, *Abriß*, S. 453, 463.

³ P. Pierling, *Russie*, vol. V, p. 389.

был «северным сфинксом», как его назвал Наполеон, а так же, как и Екатерина II, кстати оказавшая на него огромное влияние, был воплощенным двуличием. Просвещение и либерализм были только маской, модным одеянием, которое не могло прикрыть самодержавных претензий. Все, что было враждебно господствующему общественному строю и находящемуся у власти правительству или угрожало их существованию, подвергалось решительному гонению, сколь ни было это просвещенно или либерально.

Папский престол, как средоточие начавшей в 1800 году наступление политической реакции, был признан надежным союзником. Связи с ним тщательно укреплялись вплоть до того момента, как этот союз стал угрожать интересам русской внутренней и внешней политики. Опасность эту русское правительство ясно представляло себе, учитывая опыт прошлого. Однако под натиском революционных идей из Франции содружество с папством казалось России в данный момент значительно важнее, чем таившаяся в нем опасность. В период правления Александра I стала яснее вырисовываться опасность подчинения Риму, хотя она маячила перед глазами русского правительства и во второй половине XVIII века. Разница была лишь в том, что с того времени претензии папы возросли в результате невзгод, пережитых им под владычеством Наполеона. Папство отдавало себе отчет в том, какое значение для воинствующей феодальной системы приобретает его неуклонно растущий авторитет.

После совершенного не без его ведома убийства Павла Александру в первый момент необходимо было положить конец этой комедии: русский православный царь — гроссмейстер римско-католического ордена мальтийских рыцарей. Поэтому 28 марта 1801 года Александр сложил с себя звание гроссмейстера, однако оставил за собой протекторат над орденом и над островом Мальта. Для окончательного решения вопроса надо было заключить такое соглашение с папой, которое бы не противоречило интересам России на Средиземном море. И в этом уже чувствуется приближение конфликта.

Со своей стороны папство было заинтересовано в том, чтобы поскорее вступить в переговоры с новым русским царем и вести их по возможности в духе Павла I.

27 апреля 1801 года Пий VII направил царю личное послание, в котором поздравил его с восшествием на престол и выразил желание получить разрешение послать на торжества по случаю коронации своего легата. Одновременно он рекомендовал царю пользоваться помощью иезуитов.

Александр I долго медлил с ответом. Ответ последовал лишь 7 сентября 1801 года. О иезуитах, которых папа тем временем якобы по воле Павла I официально признал в России, в послании не было ни слова. Иезуиты страстно желали теперь, чтобы о признании их было официально объявлено в России, ибо без этого папское утверждение не имело здесь никакого значения. В папском послании было также выражено желание возможно скорее учредить в России постоянную нунциатуру. Против давнишней мечты папского престола русское правительство всегда выступало решительно, вплоть до времен Павла I. Боясь вмешательства во внутренние дела страны, оно и теперь оказало ей явное противодействие. Правда, в запоздавшем ответе царя направление папского легата на коронацию не отклонялось, однако русское правительство старалось по возможности оттянуть приезд посольства. Выраженная в послании царя «особенно нежная забота» никого в Риме не успокоила.

Бенвенути, который все еще не занимал в Петербурге никакого официального поста, не имел возможности поэтому принять участие в переговорах русского правительства с католической церковью в России, возобновившихся вскоре после смерти Павла. Он ограничился позицией наблюдателя. Только в 1802 году русское правительство официально признало его поверенным в делах, но к этому времени всякие переговоры с курией почти закончились.

А говорить пришлось о многом, ибо положение католической церкви в России к моменту смерти Павла I было запутанным. Митрополит католической церкви был в заключении, иезуиты через коадьютора Бениславского, главы католического департамента, фактически возглавили это учреждение, влиятельными членами которого они сами являлись. Управление римско-католической церковью в России тоже находилось почти целиком в их руках. Приход св. Екатерины в Петербурге иезуиты

также сохранили за собой, хотя отчуждение этой церкви и ее владений противоречило гражданским и духовным законам¹.

По этому поводу была создана следственная комиссия во главе с правительственным генеральным прокурором. Это значило, что речь шла о нарушении законов. В помощь прокурору было выделено много духовных и светских лиц и среди них один иезуит. Комиссия прежде всего должна была разобраться в спорах вокруг прихода церкви св. Екатерины и ее имущества. В результате все огромное имущество было передано церковной общине, иезуитам же предоставлена была лишь забота о душах верующих и право пользования имуществом, в расходовании которого они должны были ежегодно давать отчет². В этом решении наметился компромисс между интересами царской России и римско-католической церкви.

Вторым было дело митрополита Сестренцевича. Было отдано распоряжение о его немедленном освобождении. Сестренцевич возвратился в Петербург. Отношение его к иезуитскому ордену и к римской курии не стало лучше, но его научили более правильно оценивать реальные возможности этих организаций. Тюремное заключение изменило его, и он стал вести себя по отношению к иезуитам и римской курии более осторожно, чем прежде. Противники его не верили, что взгляды его изменились. Иезуит Грубер и дипломатический агент курии Бенвенути еще 5 июля 1801 года предупредили нового статс-секретаря кардинала Консальви в Риме относительно намерений выпущенного на свободу митрополита. Они были убеждены, что Сестренцевич вновь будет стремиться отделить католическую церковь в России от Рима. Иезуиты, и прежде всего помощник их генерала Грубер, боялись интриг наподобие тех, какие сами они с таким успехом плели при Павле I³.

28 июля 1801 года русское правительство создало Комиссию по изменению основ законодательства, определяющего положение католической церкви в

---

¹ D. Tolstoj, *Catholicisme*, vol. II, p. 189.

² M. J. Rouët de Journal, *La Compagnie des Jésus en Russie*, p. 76—79.

³ Ibid.

России¹. В основном-де деятельность церкви должна была отвечать требованиям русского правительства и нормам канонического права католической церкви. Но проблема-то заключалась именно в том, чтобы из этих противоречивых правовых норм создать нечто единое. В число членов комиссии входили влиятельные католики, главным образом проживающие в Петербурге представители польской знати, например граф Потоцкий. В работе комиссии принял участие французский эмигрант, вытесненный иезуитами из приходской церкви св. Екатерины, аббат Маскле. Само собой разумеется, входил в нее и Сестренцевич, однако не в качестве председателя, и это свидетельствует об утрате им своего влияния. Состав комиссии был самый пестрый.

Переговоры закончились выработкой компромиссного решения из восьми статей. Как большинство компромиссных решений, оно не устроило ни одну из партий. Существовавший до того департамент по делам католиков указом от 25 ноября 1801 года был преобразован в духовную коллегия по делам римско-католической церкви². В духовной коллегии, как прежде в департаменте, дела духовные и светские были разделены. Делами церковных общин ведал церковный совет из духовных и светских лиц, действовавший на основании гражданских законов, а дела духовные, относящиеся к догме и каноническому праву, подлежали решению епархиальных консисторий, во главе которых стояла вновь созданная коллегия. Духовную коллегия возглавлял митрополит, к которому были приставлены два духовных лица, из них один в сане епископа. Эти два помощника избирались коллегией и утверждались императором. Кроме того, шесть членов коллегии, избравшихся на три года, должны были утверждаться консисториями епархий. Католический святейший синод таким образом был организован совершенно в соответствии с принципами петринизма.

---

¹ J. Schmidlin, *Papstgeschichte der neuesten Zeit*, München, 1933—1939, Bd. 1, S. 326—332.

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), СПб., 1830—1885 гг., т. XXVI, № 20053, стр. 823—829; A. Petroni, *Kollegium*, p. 30. Латинский текст приводит: A. Theiner, *Die neuesten Zustände*, Dokumentenband, № 101.

С самостоятельностью митрополита в управлении католической церковью в России было покончено, но Сестренцевич, несмотря на это, и далее сохранил свое огромное влияние. Компромиссный характер этих решений ощущался во всем. 25 августа 1801 года предложения комиссии были представлены в сенат. Сенат согласился со структурой духовной коллегии. 9 декабря 1801 года правительство официально опубликовало утвержденный Александром 21 ноября 1801 года декрет о преобразовании римско-католической церкви в России. Установленный этим декретом порядок управления церковью в основном сохранился до 1917 года. В нем нашел свое выражение принцип подчинения русско-католической церкви государству. Царская Россия сумела наконец включить в государственный аппарат и католическую церковь как большую реставрационно-контрреволюционную силу.

Только после того, как новая форма управления католической церковью в России сделала почти невозможным вмешательство папского нунция, чрезвычайного посла или легата, во внутренние дела русской церкви, путь для папского посланца был открыт. Однако предложение статс-секретаря кардинала Консальви об учреждении в России постоянной нунциатуры было вновь отклонено. Даже опыт католических держав подтвердил правильность этой меры. Как раз к началу XIX века между австрийским правительством и папским нунцием Североли, находившимся в Вене с 1802 года, разгорелся конфликт¹.

В результате усилий Бенвенути и его друзей из русской и польской знати от Александра I добились согласия на приезд папского представителя на коронацию. Опираясь на это разрешение царя, папа 27 апреля 1802 года назначил Томмазо Аредзо, возведенного в сан епископа селевкийского, чрезвычайным послом². В Риме считали, что он, рыцарь мальтийского ордена, оказавший сопротивление французам³, — подходящая фигура для поездки в Россию. Поскольку возражений из Петербурга не последовало, Аредзо в июне 1802 года отправился через Вену в Россию.

¹ См. донесение Североли, NG.

² См. M. J. Rouët de Journal, Arezzo.

³ G. Berti, *Russia e stati italiani*, p. 333—338.

Однако дело двигалось не так уж быстро. Чтобы заставить русское правительство скорее согласиться на въезд в Россию папского посла, папа в своем послании от 24 июня 1802 года аннулировал полномочия Сестренцевича в духовных делах. Одновременно было объявлено, что Аредзо имеет поручение восстановить его полномочия, однако после переговоров. Тем не менее это послание папы не получило императорской экзекватуры и потому не имело силы в России. Аредзо вынужден был свыше полугода дожидаться в Вене разрешения на въезд в Россию.

В Петербурге колебались не только из боязни вмешательства нунция во внутренние дела России, но и из соображений внешней политики. Русский посол в Неаполе Италинский донес 6 июля 1802 года, что Аредзо едет в Россию защищать интересы католической церкви и первого консула Бонапарта¹. Хотя между Россией и Францией было заключено 23 сентября — 10 октября 1801 года тайное соглашение, в статье 2 которого говорилось о полном взаимопонимании по вопросам политического положения Италии и в отношении папского престола², обе державы относились друг к другу с недоверием. Сообщение Италинского было как бы двойным предостережением против Аредзо.

Чтобы по возможности затянуть переговоры с Римом относительно папского посланника в Россию, русское правительство выдвинуло вопрос о положении мальтийского ордена. Оно требовало подойти вплотную к решению этого вопроса. Проблема мальтийского ордена в результате избрания Павла I гроссмейстером ордена приобрела интернациональный характер. Это создавало опасность для международного престижа России, но возросшее влияние ее на мальтийский орден рассматривалось и как важнейшее событие, определяющее новое соотношение сил держав на Средиземном море. Директивы русского вице-канцлера князя Куракина, переданные Кассини в Риме, учитывали оба эти обстоятельства. Надо было решать три проблемы: во-первых, низложение Гомпеша с поста гроссмейстера ордена, во-вторых, утверждение принятых Павлом I как гроссмей-

---

¹ См. «Внешняя политика», М., 1960, Серия I, т. I, № 89.

² Там же, № 22.

стером ордена распоряжений, в-третьих, выбор приемлемого для России нового гроссмейстера. Начались длительные переговоры, в которых заметную роль в качестве помощника великого приора Венеции играл Оттавио¹, брат Бенвенути.

После переговоров папа в 1802 году утвердил на посту гроссмейстера кандидата, предложенного протектором ордена Александром I². Зато 16 сентября 1802 года папа распорядился, чтобы в каждом отдельном случае законность решений Павла I подвергалась проверке. Тем и завершился этот эпизод, когда русский православный царь выполнял в течение некоторого времени функции гроссмейстера католического ордена. Консальви стремился, естественно, скрыть это благоприятное для России решение от других держав, и прежде всего от Франции и Австрии, зато русский представитель при папском престоле Кассини по указанию своего правительства отпраздновал это событие огромным великолепным фейерверком.

Больше откладывать приезд папского посланника в Россию было невозможно. Согласие русского правительства было дано, но с условием, что папского посланца будут рассматривать только как чрезвычайного посла, а не как нунция. Он должен был не задерживаться в России более 3—4 месяцев и ни в коем случае не вмешиваться во внутренние дела страны, включая и дела церкви, особенно потому, что последние были, по мнению русского правительства, уже урегулированы³. 30 января 1803 года Аредзо получил через русского посланника в Вене визу на въезд в Россию. Здесь в Вене Аредзо вместе с близким ему по взглядам нунцием в Вене Североли⁴ основательно подготовился к своей миссии в России.

Осторожности ради статс-секретарь кардинал Консальви передал послу свои инструкции устно. Зато от кардинал-префекта конгрегации «Пропаганда веры»,

---

¹ См. ЦГАДА, разряд XXVIII, 1802, № 44.

² Bernhards, Geschichte, 2 Teil, 2 Abt., S. 480—484.

³ См. указание Воронцова Кассини от 16(28).11.1802, «Внешняя политика», М., 1960, Серия I, т. I, № 136, стр. 342.

⁴ Относительно Североли и кружка сторонников реставрации в Вене см.: E. Winter, Der Josefismus und seine Geschichte, Brunn, 1943, S. 283—288, 297—299, 307—308.

которому была подчинена католическая церковь в России, Аредзо получил письменный перечень всех наставлений. В нем значилось следующее: добиваться свободной и прямой переписки католического духовенства, и прежде всего епископов, с Римом; назначения епископов папой, соглашения о признании недавно основанной духовной коллегии высшим органом управления римско-католической церковью в России; восстановления униатского архиепископа в должности митрополита, а также запрещения перехода из униатской церкви в латинскую. Далее выражалось пожелание осуществить унию русской церкви с римской на основе решений Флорентийского собора. Инструкция требовала также, чтобы русское правительство официально выступило против меморандума Сорбонны от 1717 года. Это требование — свидетельство того, что в попытке воссоединить русскую церковь с римско-католической при посредстве французских янсенистов в Риме видели серьезную угрозу католической церкви. Стремления Сестренцевича добиться большей независимости от папства католической церкви в России не без основания рассматривались как продолжение попыток создания национальной церкви наподобие той, какую пытались создать в XVII и XVIII веках во Франции и в Германии. Почему бы в этих условиях не возникнуть и русско-католической церкви? Но по представлениям конгрегации «Пропаганда веры» против этого надо было решительно и серьезно бороться, ибо идеи национальной церкви подрывали основу претензий папы на неограниченное господство. Таким образом, багаж, собранный конгрегацией «Пропаганда веры» для чрезвычайного посла в России, был разнообразен, и это весьма для нас поучительно¹.

Бенвенути, исполнявший до того должность папского полномочного представителя, тоже не обошел Аредзо своими поучениями в силу своей осведомленности, а также и под влиянием нашептываний иезуитов, с которыми он поддерживал тесный контакт. Особенно решительно предостерегал он Аредзо против Сестренцевича. Он советовал ему по возможности избегать контактов с могилевским архиепископом и лучше вести переговоры непосредственно с коллегией. Бенвенути сообщал в Рим,

---

¹ «Россия и Италия», Л., 1927, т. IV, стр. 250.

что «архиепископ» «готов объявить монсеньеру Аредзо войну. Он якобы сказал, что, если тот не согласится с ним во всем, он обратится к своему другу, государственному канцлеру, и добьется от него удовлетворения!» Это уж было прямым объявлением войны¹.

9 апреля 1803 года Аредзо прибыл в Петербург. Вопреки всем предварительным соглашениям он сразу же повел себя как папский нунций, то есть в соответствии с инструкцией «Пропаганды веры» стал вмешиваться в дела католической церкви. Наибольшее внимание он уделил униатской церкви: начал церковное расследование дел епископов, назначенных царем, попытался устранить недоразумения между церковью и проникнутым духом Просвещения и идеями государственного подчинения церкви теологическим факультетом Вильнюсского университета. С епископами Аредзо завел деятельную переписку. По рекомендации своих верных советчиков Аредзо пользовался чужими печатями, чтобы оградить свою корреспонденцию от следившего за ним «Черного кабинета».

Сестренцевич с самого начала наложил запрет на такую переписку как противозаконную; в то же время митрополит всея Руси все активнее добивался возобновления своих полномочий, полученных им от Аркетти и Литта. Русское правительство решительно поддерживало эту просьбу, но Аредзо видел в митрополите лишь «бич божий для могилевской епархии». Подобное мнение он составил себе на основании инструкций из Рима, переговоров в Вене и совещаний с иезуитами в Петербурге². Поэтому Аредзо восстановил полномочия Сестренцевича лишь частично. Русское правительство выразило свой протест столь решительно, что папский чрезвычайный посол вынужден был запросить по этому поводу Рим. Решение вполне удовлетворило Аредзо. Недаром влиятельный кардинал Литта с того времени, как был папским легатом в России, остался заклятым врагом могилевского митрополита. Конечно, решение это Аредзо осмелился передать лишь перед самым отъездом. Поэтому русское правительство в администра-

---

¹ M. J. Rouët de Journal, Arezzo, vol. I, p. XXXIV, со ссылками на источники.

² Bernhardi, Geschichte, Bd. III, S. 55 ff.

тивном порядке пользовалось всеми полученными ранее полномочиями, нимало не заботясь о папском престоле. В октябре 1804 года отношения России с папским престолом были окончательно прерваны, и это еще более упростило дело.

Поскольку в России находился чрезвычайный посланник папы, дипломатические правила требовали, чтобы в Рим был направлен русский чрезвычайный посланник. Для этой миссии выбрали князя Д. П. Бутурлина, племянника государственного канцлера Воронцова. 15 июня 1803 года новоиспеченный русский посланник писал своему дяде Семену Воронцову, русскому посланнику в Лондоне, что решил использовать всю силу и мощь русского двора для того, чтобы оказать влияние на церковные дела и на отдельных лиц¹.

Инструкция Александра I Бутурлину была составлена в том же духе. В ней подчеркивалось, что сам царь придает огромное значение сохранению дружественных отношений России с папским престолом. Рекомендовалось по возможности избегать вмешательства папы во внутренние дела церкви в России, а сношения русских епископов с папой осуществлять только через министерство иностранных дел или через русское посольство в Риме. Да и эта переписка должна вестись как можно реже. Вмешательство папской курии в так называемые *temporalia* (светские дела церкви) должно быть исключено совершенно. Надо избегать назначения епископов самим папой по его собственному желанию. Эти назначения должны производиться по взаимному согласию. В заключение послу предписывалось внимательно присматриваться ко всем политическим событиям в папском государстве, и особенно — к политическим и военным замыслам Бонапарта². Острые формулировки этой инструкции продиктованы в значительной мере образом действий Аредзо, который вел себя в России совершенно как папский нунций в католической стране.

Между тем была обнаружена незаконная переписка Аредзо с епископами в России. Возможно, что Сестрен-

---

¹ М. J. Rouët de Journal, Arezzo, vol. I, p. LXXXIV.

² См. проект рескрипта Александра I Д. П. Бутурлину, действительному камергеру, посланнику в Риме от 30.11.(12.12) 1803, «Внешняя политика», М., 1960, Серия I, т. I, № 236, стр. 562.

цевич не умолчал об этом, во всяком случае, поговаривали о «дьявольских интригах»¹ могилевского митрополита. Русское правительство воочию убедилось в том, как отнесся к своей миссии чрезвычайный посланник. Все предостережения Сестренцевича оправдались. Положение митрополита, к величайшей досаде нунция, укрепилось. В своей заключительной реляции Аредзо написал о Сестренцевиче следующее: «Пока этот человек живет и находится на своем посту, пребывание в России папского представителя с широкими полномочиями немыслимо. В лучшем случае можно предотвратить творимое им зло, но надеяться на то, что можно заложить прочные основы добра, невозможно»².

В этом эпизоде церковная и политическая реакция вступают в борьбу, хотя во всем остальном они стремятся к совместному подавлению всех движений, направленных против существующего общественного порядка. Все яснее выступают противоречия царской России и папства. Тогдашнее русское правительство было заинтересовано в том, чтобы восстановить полномочия Сестренцевича целиком, как во времена Екатерины II. Поэтому оно направило Аредзо ноту, составленную в очень резких выражениях. В ней чувствовалась угроза прервать всякие сношения с папой. Понятно, что в подобных обстоятельствах Бутурлин, который был посвящен во все дела своим дядей, канцлером, не испытывал особой радости от предстоящей поездки в Рим.

В конце 1803 года в Риме произошел очень неприятный инцидент. Французский эмигрант Вернег, состоявший на русской службе и имевший русское подданство, возбудил против себя неудовольствие французского правительства. В нарушение всех норм международного права французское правительство потребовало от папы, чтобы Вернег был взят под стражу. После длительных переговоров в мае 1804 года Вернег был выдан Франции³. Русский представитель в Риме, граф Кассини, получил в связи с этим предписание немедленно покинуть Рим. В своем заявлении по этому поводу он разъ-

---

¹ J. Schmidlin, *Papstgeschichte*, Bd. I, S. 328.

² M. J. Rouët de Journal, *Arezzo*, vol. II, p. XLVII.

³ См. обстоятельный отчет В. фон Гумбольдта от 5.5.1804 по поводу тревоги в дипломатических кругах в связи с этим насильственным актом. DZA, Merseburg, Rep. 81, Roma I, № 13, fasc. 4.

яснил, правда, что это не полный разрыв, а временное прекращение дипломатических отношений между Россией и папским престолом. С здания русского посольства герб снят не был, но посол уехал. В прощальной аудиенции Кассини разъяснил статс-секретарю кардиналу возможные последствия подобной политики папского престола в связи с делом Вернега. В. фон Гумбольдт писал, что в Риме все были напуганы этим отъездом посла¹.

В соответствии с основными принципами своей дипломатии папа все более сближался с Наполеоном, могущество которого неизменно возрастало. Кульминационным пунктом этих тесных отношений было участие папы Пия VII в мае 1804 года в короновании Наполеона императором Франции. Россия, как передовой оплот реакции в Европе, усмотрела в этом сближении измену основным идеологическим принципам папской политики. 2 июля 1804 года Аредзо, а 7 октября 1804 года и оставленному им аудитору были вручены паспорта. Дипломатические сношения между Россией и папским престолом были прерваны.

После отъезда Аредзо Сестренцевич решил, что надо ковать железо пока горячо. Католическую церковь в России следует и юридически сделать совершенно независимой от Рима. В этом духе он составил подробный меморандум, который намеревался передать царю через министра юстиции. Однако один из его сотрудников в 1805 году выдал меморандум иезуитам, которые в свою очередь вручили его своему покровителю, князю Голицыну, с соответствующими пометками, отражающими их отрицательное отношение к меморандуму. Голицыну удалось настроить царя против меморандума митрополита, и, таким образом, этот план провалился. Провал объяснялся и тем, что Александр I, так же как Екатерина II, Павел I и их ближайшие советники, был твердо убежден в необходимости сохранять позитивную позицию в отношении папства как важнейшей опоры сил реакции в Европе, несмотря на возможные разногласия.

Более сильное влияние самого папства на Россию рассматривалось, правда, как нежелательное, так что в

---

¹ DZA, Merseburg, Rep. 81, Roma 1, № 13, fasc. 4, донесение от 5.5.1804.

1810 году было учреждено управление духовными делами иностранных исповеданий, которому подчинили и католическую церковь. Во главе этого управления стал князь Голицын.

Вена опять стала центром, связывающим папу с русским правительством. Русские посланники в Вене, Куракин и Штакельберг, с 1807 по 1812 год выступали в качестве посредников. Очень активно действовавший в Вене папский нунций Североли осуществлял функции папского посла в России¹.

Только в 1814 году произошла личная встреча кардинала Консальви и Александра I, после которой в 1815 году официальные отношения между папой и Россией возобновились, хотя они, как мы видели, никогда полностью и не прерывались. Прямолинейная политика Павла I уступила место зигзагообразным ходам Александра I. Основное же направление политики царизма осталось неизменным.

---

¹ D. Tolstoj, Catholicisme, vol. II, p. 158, 393—396.

Глава IX

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ. ЦАРЬ И ПАПА

Любимыми детищами Александра I были Библейское общество и Священный союз. Союз этот должен был стать содружеством европейских монархов, выступающим под флагом христианской идеологии, как и действовавшее в России с 1813 года Библейское общество. Поэтому, как полагал царь, Библейское общество и Священный союз были между собою тесно связаны.

Особенно большое значение для идеологического обоснования деятельности Священного союза имело сочинение Франца фон Баадера «О необходимости более тесной связи религии с политикой»¹. В самом заглавии книги содержится вся программа реакции². Сочинение было посвящено Голицыну, и это весьма знаменательно. Основная мысль его такова: преодолеть влияние Великой французской революции и Просвещения может только христианство. Баадер — католик, но он решительно выступал против крайнего папизма. В православной церкви он видел не выродившихся «схизматиков», как клеймили ее в римско-католических кругах, а полноправную форму первоначальной христианской церкви, из которой Рим мог бы извлечь немалую пользу.

Представленное Баадером направление католицизма, поддерживавшее реставрацию, но не требовавшее главенства папы над всеми христианскими церквями, казалось русскому правительству приемлемым. Это был бо-

---

¹ См. E. Benz, Die abendländische Sendung der östlich-orthodoxen Kirche, «Zeitschrift für Religions und Geistesgeschichte», Jg. 3, 1951, S. 156.

² См. письма Баадера Р. Стурдза (княгине Эделинг) и Голицыну в собрании: E. Susini, Lettres inédites de F. v. Baader, Paris, 1942, № 90, 94.

лее подходящий союзник, чем папизм, представленный римской курией и иезуитами, нашедший свое классическое выражение в труде де Местра «О папе». Баадер пытался идеологически обосновать союз с католицизмом, целью которого будет взаимная гарантия сохранения унаследованных от средневековья социальных отношений.

Полувменяемая, юродивая фон Крюденер, получившая в 1815 году большое влияние на Александра, внушила ему мысль, что он своего рода спаситель. Она сумела настолько убедить его в этом, что царь в своей заносчивости и сам почти уверовал в эту свою миссию. Результатом этого и явилась идея создания Священного союза. Инициатором союза был Александр, а Меттерних придал ему окончательную форму, удобную для подавления всех прогрессивных движений. Фридрих Шлегель, большой знаток истории возникновения Священного союза, очень остроумно и метко назвал его «воздушным замком, обманчивым миражем в пустыне конгресса». Не менее точно он охарактеризовал и его деятельность как «провозвестника легитимизма родовитой знати»¹. И действительно, Священный союз играл роль идеологической дымовой завесы, которая должна была ловко скрыть от народов истинные политические цели реакции².

Царь и русское правительство рассматривали союз как удачное идеологическое средство для отражения волн революции в Европе. Русский чрезвычайный поверенный Тюиль 2 ноября 1815 года во время своей вторичной поездки в Рим добивался вступления папы, вернее папского государства, в Священный союз, однако безуспешно. Папу смущал в этом деле, конечно, не обман народов — напротив, папская курия считала, что именно она обладает самым лучшим средством идеологического воздействия на народы в борьбе за легитимизм и реставрацию, и настойчиво предлагала его всем желающим. Папу смущало равное положение в Священном союзе

---

¹ См. его ненапечатанные историко-политические дневники (NB, Wien).

² Об истории Священного союза см.: W. Näf, Zur Geschichte der Hlg. Allianz, Bern, 1928; M. Bourguin, Histoire de la Sainte Alliance, Genf, 1954; см. также новый обобщающий труд: «История дипломатии», т. I, М., 1959, стр. 526—544

истинного католического вероучения, протестантской ереси и православной схизмы. Этого он перенести не мог.

Тюиль возобновил переговоры в июне 1816 года; тянулись они все лето. Для России они не были успешны. 4 сентября 1816 года русский поверенный вернулся в Петербург и сообщил руководителю внешней политики России Нессельроде, что папский престол ни на каких условиях не желает вступать в Священный союз. Папа прекрасно понимал, что в обстановке разнузданной реакции он представлял собой огромную идеологическую силу. Поэтому Пий VII не соглашался признать римско-католическую церковь и папство равными среди равных, он претендовал на роль ведущей духовной силы. Царю в то время это казалось нестерпимым, особенно потому, что столь любезная его сердцу идея создания Священного союза была отклонена. Поэтому в сентябре 1816 года русский поверенный Тюиль был оговорен из Рима.

Против претензий римской курии на монополию в борьбе за торжество реакции выступил Александр Стурдза. Через сестру Александрина, фрейлину императрицы, Стурдза поддерживал связи с самим Александром I и действовал, вероятно, по поручению царя. Он получил от царя 20 тысяч рублей¹ за свое сочинение «Размышления об учении и духе православной церкви», которое в 1816 году было опубликовано издательством Котта в Штутгарте, а до этого в 1815 году ходило по рукам в петербургских салонах в списках. Подарок царя свидетельствует, что написанное по его заказу сочинение пришлось ему по нраву. В следующем году появился немецкий перевод этой книги, сделанный царским литературным агентом Коцебу. Сочинение это — апология православной церкви, противопоставленная универсалистским претензиям римской церкви. После краткого изложения основных догм и исторического развития русской православной церкви автор особо останавливается на терпимом отношении православной церкви к другим культам. Только через веру в бога и Иисуса Христа может быть обновлен мир. Римско-католическая церковь должна возвратиться к порядкам времен раннесредневекового христианства, когда Восток и Запад были объедине-

---

¹ См. письмо Ж. де Местра кардиналу Североли от 11(23)2. 1817. (J. de Maistre, *Lettres*, vol. I, p. 455—457).

ны. Католическая церковь отпала от вселенской только вследствие своей гордыни и главное из-за претензий на примат в юрисдикции. Автор показывает вселенское значение православной церкви и превозносит Священный союз как главное орудие мира в Европе и во всем мире. Сочинение это должно было показать, что православная церковь как официальная идеология реакции совершеннее, чем римско-католическая. Это было прямым вызовом влиятельному католическому кружку в России, группировавшемуся вокруг иезуитов и де Местра.

Кружок этот и в 1816 году, то есть после изгнания иезуитов из крупных городов, чувствовал свою большую силу. Это обнаружилось во время конфликта главного идеолога иезуитов Розавена с русской газетой «Инвалид», в которой 3 февраля и 15 марта 1816 года были помещены его «Размышления». Когда газета отказалась принять статью, генерал ордена иезуитов решил заставить ее сделать это и обратился к князю Голицыну: «Я могу добиться своего только с помощью Вашего превосходительства. В теперешнем нашем положении Ваше высокое покровительство особенно необходимо»¹.

После свидания с Александром I ранней весной 1816 года и после того как 7 апреля в Турин пришло распоряжение тамошнему русскому посланнику настаивать² на отзывании де Местра, последний в мае 1817 года покинул Россию навсегда. В письме от 16 мая 1817 года³, адресованном Розавену, он пытался с тех же позиций оправдать Розавена, который вместе с ним опровергал в великосветских салонах сочинение Стурдзы: в условиях, когда даже видные представители православия переходят в римско-католическую веру, можно ли говорить о наступлении на него? Это отнюдь не означает неуважение к православной церкви. Но как иначе объяснить переход в римско-католическую веру, если не тем, что обращенные убедились в относительном несовершенстве православной церкви по сравнению с католической?

---

¹ Н. Lutteroth, *Rußland und die Jesuiten von 1772—1820*, Stuttgart, 1846, S. 69 ff, а также тетради Гагарина, Bibl. Slave.

² «Жозеф де Местр в России», под редакцией М. Степанова и Ф. Вермаля, «Литературное наследство», т. 29—30, М., 1907, стр. 613.

³ De Maistre, *Lettres*, vol. I, p. 470—474.

Ведь и сам де Местр в письмах к Разумовскому и в беседах с царем Александром I приводил много примеров в подтверждение того, что православная церковь для защиты реакции менее пригодна, чем католическая! А в правящих кругах в первую очередь речь шла именно об этом.

Появление книги Стурдзы было для де Местра последним толчком, побудившим его закончить сочинение «Du Pape»¹. «Вот будет необычайное зрелище, когда два соперника в светских одеяниях, один посол, другой камергер... на глазах у всей Европы будут сражаться друг с другом, стремясь разрешить эту великую проблему». В вышедшей из печати в 1819 году книге Ж. де Местр дал обоснование папизма, отстаивал главенство папы над светскими государями.

В 1826 году Фридрих Шлегель написал «Историко-политические фрагменты»², своего рода комментарий к книге де Местра, программному сочинению католического направления. Они до сих пор не опубликованы. В этих фрагментах, имевших такое влияние на узкий круг католических деятелей реставрации в Австрии и написанных в том же духе крайнего папизма, идеи де Местра доведены до логического конца. Шлегель пишет: «В конце концов де Местр не так уже неправ со своим учением о вселенской церковной монархии... Если будет один пастырь и едино стадо, то государство в определенном смысле станет излишним и упадет». На его долю останется лишь защита церкви божьей от варваров. «Распространение в настоящее время понятия суверенной государственной власти, как оно есть теперь, совершенно неприемлемо... Когда протестанты не будут подрывать основ церкви, не станет ни схизмы, ни религиозных распрей, а будет едина церковь, один пастырь и одна паства, необходимость в государстве упадет сама собой». Князья же и правители, «поскольку они сохранятся, будут в полном согласии с духовными властями управлять христианскими странами и народами». Главная цель «состоит в создании огромной, всеохватывающей духовной

---

¹ См. письмо де Местра к кардиналу Североли от 11(23)2.1817, в книге: De Maistre, Lettres, vol. I, p. 455—457.

² Хранятся в Национальной библиотеке, Вена, рукописный отдел; см. год 1826, стр. 8 и сл.

монархии». Господство конгресса, о котором писал Шлегель, с 1814—1815 годов «можно рассматривать как начало переходного периода к этой новой эпохе». По мнению римской курии, начало это было неудачным.

Но изложение мысли де Местра, сформулированной им окончательно в 1815—1816 годах и прокомментированной Фридрихом Шлегелем в 1826 году, ясно обнаруживало, к чему в будущем стремилось католическое направление реставрации и какие надежды возлагало оно на единоличную власть папы в огромной христианской монархии. Этот последний контрреволюционный вывод, сформулированный Шлегелем, сам де Местр не решился открыто высказать, однако он вытекал из всех его папистских рассуждений.

Для царской России, как показывает история отношений папства и России, подобные выводы были совершенно неприемлемы. Да и Меттерниху это было не по нраву. Как раз в 1818 году он освободил Шлегеля от должности советника легатства в связи с его крайне папистскими взглядами. Католическое направление реставрации было необходимо лишь постольку, поскольку оно помогало бороться с идеями революции 1789 года и служило идеологическим обоснованием для политической реакции. Все остальное почиталось отрицательным. По мнению самих сторонников реставрации, его нужно было решительно отсечь, ибо подобные идеи служили подспорьем господству теократии. Особенно остро это ощутили на себе иезуиты, решительные сторонники папской теократии. Подозрения русских и австрийских деятелей относились прежде всего к ним. Эти деятели готовы были извлечь из них пользу, но не желали дать иезуитам возможность использовать себя. Политики поддерживали католическую церковь лишь как важное оружие в борьбе с революцией, как опору существующего порядка, но только в этих рамках.

Папство мирилось с таким отношением до мартовской революции и позднее, во время неоабсолютизма, но при этом оно не отказывалось от своих претензий на господство¹. Перед лицом православной России папы неуклон-

---

¹ См. A. Hudal, Die österreichische Vatikanbotschaft 1806—1918, München, 1952, Bd. II, S. 30 ff.

но настаивали на превосходстве католической церкви. Однако и православная церковь заявила свои претензии на то, что может предоставить лагерю реставрации даже еще более действенное идеологическое оружие, чем папство. В намерения Александра I входило, чтобы Библейское общество и Священный союз объединили соревнующиеся стороны, а также и протестантизм в единое движение за реставрацию в Европе.

В царской России, несмотря на растущее недоверие к иезуитам, де Местру и католическому направлению реставрации, последнее пользовалось глубоким уважением; правящие классы России почитали его своим союзником. Поэтому-то иезуиты и не были изгнаны из России окончательно. Их в 1816 году только отослали в провинцию, главным образом в западные земли¹, а также в места расположения миссий, дабы они жили среди немецких, французских и фламандских переселенцев на юге России и на Кавказе. Там они могли продолжать свою деятельность, сохраняя лояльное отношение к существующим порядкам. Они должны были распространять в этих районах всеми находящимися в их распоряжении средствами, особенно через школу, идеи легитимизма. Порядок управления церковью гарантировал иезуитам и их школе полную автономию, а руководство всеми католическими учебными заведениями в Белоруссии было и далее сохранено за полоцкой иезуитской академией². В иезуитах и в будущем видели вернейших союзников по борьбе с революционным движением в России. Лишь вербовке новых членов в главных городах России, в салонах высшей русской знати высылка иезуитов в провинцию должна была положить конец.

Такое отношение царского правительства дает нам возможность понять, почему переговоры с папским престолом даже после широко известного провала миссии генерала Тюиля в 1815—1816 годах не были окончательно прерваны. Наоборот, в начале 1817 года их возобновил князь Италинский, один из способнейших русских дипломатов того времени. Тюиль опасался, что высылка иезуитов из столицы окажет неблагоприятное воздей-

---

¹ См. D. Tolstoj, *Catholicisme*, vol. II, p. 206 et suiv.

² См. донесение Сепракантиоли от 6.I.1818, StA, Napoli, Min. d'estero, Russia, f. 1685.

ствие¹. Однако в Риме настойчиво стремились к установлению регулярных дипломатических отношений с Россией и поэтому не желали давать новые основания для конфликта к уже имеющимся, а именно: к отказу от вступления в Священный союз и враждебной позиции по отношению к Библейскому обществу в России. Кроме того, донесение де Местра о деятельности иезуитов в России, переданное папе архиепископом Рагузским, подействовало на папу успокоительно².

Де Местр поддерживал прямую связь с кардиналом Североли в Риме через курьера герцога Серракаприолы, с которым состоял в дружеских отношениях. В 1816 году он через них давал курии советы, как вести себя по отношению к послу русского правительства. Прежде всего он советовал не полагаться на заверения правительства, что оно прочно стоит за веротерпимость. Никакой веротерпимости в России по отношению к католической церкви нет и не может быть, поскольку она требует признать ее единственным источником благодати. Де Местр пытался изобразить положение католиков в России как имеющее большую значимость. По его словам, в России идет борьба за приоритет между католиками и православными. Этот папский советник считал, что число католиков в России достигает 11 миллионов, включая поляков, отошедших к ней по решению Венского конгресса. Наибольшую угрозу католической церкви он видел в римско-католическом митрополите Сестренцевиче, который-де считает русского императора своим руководителем. Поэтому при назначении епископов необходимо относиться к предлагаемым им кандидатам с величайшей осторожностью. Надо восстановить непосредственное влияние папы на католическую церковь в России через нунция. Ни на миг нельзя упускать из виду этого вопроса как важной составной части папской политики в отношении России. Чтобы достичь цели, следует возобновить переговоры в Риме³. Эти советы де Местра вполне объясняют, почему русское правительство в 1816 году

---

¹ См. M. J. Rouët de Journal, La Compagnie de Jésus en Russie, p. 275 et suiv.

² См. письмо от 1816 года; De Maistre, Lettres, vol. I, p. 417—422.

³ См. письма де Местра к кардиналу Североли; De Maistre, Lettres, vol. I, p. 438—440, 442—446.

поставило вопрос об отозвании де Местра за вмешательство во внутренние дела страны.

Отношение Александра I к де Местру после 1816 года явствует из письма царя русскому послу в Турине, где де Местр занял в 1817 году важный пост в правительстве Сардинии. Неудовольствие царя вызвало прежде всего его тесное общение с иезуитами, его не знающее границ необузданное стремление обращать всех в свою веру. Кроме того, де Местр любил выступать в роли кумира светских салонов¹. Насколько изменилось отношение к де Местру по сравнению с 1812 годом, когда царь, растроганный словами де Местра, горячо его обнимал². Александр I круто менял свое отношение к савойцу или по крайней мере выражал его по-разному в зависимости от того, какую пользу он мог извлечь из деятельности этого дипломата. В первом случае он рассчитывал с его помощью завоевать симпатии поляков и других католиков; во втором — не мог скрыть своего разочарования по поводу отказа папистских идеологов признать Библейское общество и Священный союз.

Де Местр покинул Россию даже прежде, чем это пришлось сделать его друзьям и наставникам — иезуитам. Уезжал он с большой неохотой. Главные его труды, «О папе» и «Вечера в Санкт-Петербурге», выражающие основные принципы реставрации, навеяны всем, что он здесь пережил, и могут быть поняты лишь в связи с событиями в России. В конце концов не только де Местр, но и его гораздо более осторожный коллега Серракаприола служил как бы курьером между иезуитами в России и Римом. Даже чрезвычайный посол царя, католик Тюиль, оказывал подобные услуги³. Оба дипломата работали в тесном контакте друг с другом⁴.

Новый русский посланец, князь Италинский, прибыл в Рим 29 января 1817 года и одной своей манерой обращения покорил римское общество и самого папу. До

---

¹ См. «Les Carnets du Comte Joseph de Maistre», «Livre Journal», 1790—1817, опубликовано Xav. de Maistre, Lyon — Paris, 1923.

² См. донесение де Местра королю Сардинии, «Oeuvres complètes», vol. XII, Lyon, 1886, p. 122—123.

³ См. письмо Д. Анджелини от 25.7.1816, «Fondo gesuitico», 1228—11.

⁴ См. письмо Тюиля Серракаприоле от 7.10.1816 и ответ Серракаприолы. StA, Napoli, Archivio Bourbonne, f. 347.

этого он был на дипломатической службе в Неаполе, свободно владел итальянским языком, блистал обширными познаниями в восточных языках и умел, что было важнее всего, выдвигать на первый план общие для России и папства реакционно-политические интересы. В соответствии с полученными в Петербурге инструкциями он должен был вновь попытаться уговорить папу вступить в Священный союз, добиваться расширения компетенции главы и епископов римско-католической церкви в России.

В первую очередь необходимо было добиться для митрополита России разрешения вести в соответствии с каноническим правом так называемый информационный процесс*, предусмотренный в случае назначения епископов. Ибо только таким путем назначенные императором епископы могли быть посвящены в сан по каноническому праву. Однако информационный процесс, как известно, был особой привилегией папы, от которой он не желал отказываться. В противном случае в епископы могли попасть люди, недостаточно преданные Риму. Такие требования были довольно серьезным вторжением в систему отношений римской курии, ибо она покоилась на полной зависимости епископов от папы. Если догматические обоснования этой системы и были даны Ватиканом только в 1870 году, то на практике устремления папства в течение многих столетий были направлены на достижение именно этой цели.

Совершенно вразрез с устремлениями царизма курия требовала назначения в Петербург нунция, который бы от имени папы управлял католической церковью в России. Только при таком порядке папа и римская курия чувствовали себя в отдельных странах твердо. Рим использовал двойственный характер нунциатуры в интересах поддержания и расширения своих привилегий. Действительно, нунций был одновременно представителем папы — светского правителя папского государства и папы — «наместника бога на земле», главы вселенской католической церкви. Россия, которая хорошо познала эту двойственность власти папы во время легатства Аредзо, не желала более принимать нунция. Во всяком случае,

---

* То есть рассматривать дела кандидатов в епископы — *Прим перев.*

она могла согласиться принять его лишь в качестве представителя папского государства, без права вмешательства в дела католической церкви в России. Для Рима же это было неприемлемо, ибо папа именно для вмешательства в дела церкви и посылал в Россию нунция, надеясь ограничить полномочия епископов в духовных делах. Право осуществлять эти полномочия должно было остаться во всей полноте за нунцием.

Эти противоречия особенно ясно определились в связи с миссией Италинского. Казалось, они неразрешимы. Тем не менее Италинский заявил, что претензии Ватикана на мировое господство, которые сводились в конце концов к созданию христианской мировой монархии, как об этом писал Шлегель, стоили миру слишком больших страданий, чтобы папа мог еще думать об осуществлении чего-либо подобного¹. Испуганный подобными угрозами и борьбой против его универсалистских стремлений, папа единственную цель своей политики видел в том, чтобы всеми силами бороться за восстановление своей супрематии в духовных и светских делах, особенно потому, что в течение XVIII века его власть была значительно ослаблена. Да и в России он стремился к тому же, несмотря на упорное сопротивление.

Участники переговоров чувствовали себя союзниками в борьбе за победу реставрации в Европе и потому стремились к заключению приемлемого для обеих сторон соглашения. Однако этому мешала противоположность их интересов. Это видно из ответа кардинала Консальви от 22 июня 1817 года, в котором он подчеркивал свободу и независимость католической церкви от государства, благодаря которой она добивается еще большего влияния на государство. Царская Россия, напротив, настаивала на своих государственно-церковных тенденциях в духе начинаний Петра I, что выражалось в требовании сохранить независимость католической церкви в России от Рима. Ответ Александра I был составлен в этом плане. Обе стороны глубоко сожалели, что не могут прийти к соглашению. Стремление Александра, там где можно, пойти навстречу папе особенно наглядно показывает следующий факт: когда из назначенных указом императора

---

¹ См. A. Boudou, *Le Saint-Siège et la Russie. Leurs relations diplomatiques au 19 siècle*, Paris, 1922—1925, vol. I, p. 83.

от 27 января 1817 года трех епископов один был отклонен папой, Александр согласился с его мнением¹.

Что касается Польши, то она не могла разрушить единства фронта реставрации: царизма и папства. Неаполитанский король проявлял интерес к конституции Польши, которая была направлена на «восстановление тишины и порядка». Со своей стороны Неаполь рекомендовал вниманию царской России в качестве образца заключенный им в 1818 году конкордат с папским престолом. Конкордат ставил своей целью «приостановить влияние идей, развращающих души людей», уничтожающих религию, а с нею вместе уважение и послушание законным повелителям, в то время как благодетельная проповедь религии усиливает послушание властям и церкви².

Конкордат — средство укрепления реставрации! Точнее не сформулируешь злоупотребление религией и церковью для реакционных целей. Тем не менее этот великолепный рецепт не подходил для царской России, во всяком случае в то время. Конкордат должен был, как хорошо выразил это позднее Серракаприола, «привести к точному определению обязанностей церкви и государства»³. Когда папа в 1819 году отказался утвердить кандидатуру одного польского епископа, о назначении которого Александр уже объявил, царь взял назад свое назначение. Нибур с полным основанием увидел в этом «достопримечательный факт особого внимания к папе»⁴.

Тем более глубоко был задет Александр I окончательным отказом папы вступить в Священный союз. Папа и сам горько сожалел об этом. По инструкции от 15 января 1817 года Италинскому предлагалось обратить на этот вопрос особое внимание. Трудности, которые Италинский так и не смог преодолеть, настолько рассердили царя, что в «С.-Петербургском консерваторе» появилась официозного характера статья, написанная им самим или точно отражающая его мнение. В статье были очень резкие выражения, шла речь о греховности и фанатизме.

---

¹ См. A. Boudou, т. I, стр. 94 и сл.; см. StA, Napoli, Min. d'estero, Russia, f. 1685.

² Ibid., донесение Серракаприолы от 16.4.1818.

³ Ibid., донесение от 1.5.1818.

⁴ См. донесение от 3.4.1818; DZA, Merseburg, Rep. 81, Roma IIA, № 2.

Проявлением фанатизма был заклеямен упорный отказ папского престола вступить в Священный союз¹. Донесение Серракаприолы от 18 марта 1817 года показывает, сколь великий интерес проявлял царь к Священному союзу и в связи с ним к Библейскому обществу. Он считал их «основой всей своей политики, цель которой — сохранение мира между народами». Эти слова очень хорошо выражают основные принципы реставрации. Тем горше был для Александра отказ папы поддерживать его планы. 22 июня 1817 года последовал личный официальный ответ Пия VII. Он был отрицателен. Пий VII писал, что в жизни у него было немало горьких дней, но что этот день, когда он вынужден сообщить царю свой отказ вступить в Священный союз, самый горький. Он вызовет неудовольствие монарха, которому весь мир столь многим обязан, но «поступить так его вынуждает совесть». Ответ царя от 3 декабря 1817 года представлял собой примерно такое же упражнение в стилистике, в котором он подчеркивал необходимость создания Священного союза².

Таким образом, попытка урегулирования вопроса о положении католической церкви в России вновь потерпела крах, натолкнувшись на неразрешимые политические противоречия. Вопрос, кто над кем установит свое господство, царь или папа, оказался неразрешимым. Не помогло и горячее желание вместе бороться за ограждение Европы от революционных движений и установление «мира среди народов». Поэтому на данном этапе речь могла идти лишь о временных совместных действиях ради достижения равно чтимых обеими сторонами целей. Претензии папства стали совершенно непомерными. Союз с ним был невозможен без поддержки всех притязаний пап на ведущую роль в мире.

В отношении Библейского общества папа по тем же причинам тоже был непреклонен. Удобный случай выразить свое отношение к обществу представился в связи с сообщением примаса Польши, архиепископа Варшавы, папе о своей борьбе против учреждения Библейского общества в Королевстве Польском и его

¹ Н. Lutteroth, Rußland und die Jesuiten, S. 80 ff.

² См. переписку Александра I с папой Пием VII в книге великого князя Николая Михайловича: «Император Александр I», т. 2, СПб., 1912, стр. 210—214.

доносом на митрополита России Сестренцевича, который своим личным участием в этом осужденном папой и иезуитами обществе осложняет борьбу с ним. Донос послужил основанием для отказа русскому послу Тюлю в сентябре 1816 года, ходатайствовавшего о возведении Сестренцевича в кардинальское достоинство. 3 сентября 1817 года послу было передано послание, в котором Сестренцевичу выносилось порицание, а ранее, в послании от 20 июля 1816 года, архиепископ Польский получил высокую похвалу за его действия против Библейского общества. Папа отзывался о Библейском обществе в самых резких тонах и называл его омерзительным «чудовищем», так как оно якобы стремится поколебать христианскую веру до самого основания, чумой, которую надо истреблять всеми средствами¹. Оба эти послания не получили императорской эксква-туры, то есть допуска в Россию. Италинскому было даже велено возвратить их. Сестренцевич утверждал, что сам узнал о них только из немецких газет. Он пытался даже оправдаться перед папой в своих действиях, но, разумеется, безуспешно². В глазах Рима он оставался предателем, просветителем, дурным человеком, божьим наказанием для католической церкви в России³. И все потому, что он стоял на своей позиции подчинения церкви государству и не желал последовательно, а может быть и не мог, поддерживать верховенство папы, так как был бы в этом случае немедленно отстранен русским правительством с поста.

Иезуиты, наиболее решительные сторонники папского универсализма, с самого начала приняли большое участие в борьбе против Библейского общества. Еще в начале 1814 года генерал иезуитов заговорил о «нашем князе Голицыне, который ударился в мистицизм»⁴. Как и многие другие, Голицын полагал, что всеобщий подъем, вызванный Отечественной войной в России и освободительной войной в Германии, можно с помощью внецерковной христианской мистики направить в нужное

---

¹ См. H. Lutteroth, *Rußland und die Jesuiten*, S. 88.

² См. A. Boudou, *op. cit.*, vol. 1, p. 113.

³ См. J. Schmidlin, *Papstgeschichte*, Bd. I, S. 328 ff., со ссылкой на заключительную реляцию Аредзо от 1807 года.

⁴ M. J. Rouët de Journal, *La Compagnie de Jesus en Russie*, p. 202.

для Реставрации русло. Иезуиты считали вопрос об отношении к Библейскому обществу очень важным. С ним не должно быть никаких компромиссов. Но в 1816 году Библейское общество оказалось сильнее. Иезуиты покидали главные города России, в то время как общество процветало. Господствующие круги ожидали от него выработки идеологии Реставрации, но в менее опасной для России форме, чем идеология иезуитов. Правда, вскоре царь и его ближайшие соратники и в этом вопросе должны были многое пересмотреть.

Изгнание иезуитов из главных городов было только первым шагом. Генерал ордена Бжозовский, выходец из Восточной Пруссии, в 1814 году после восстановления ордена во всем мире намеревался отправиться в Рим, где в связи с его отсутствием общее руководство орденом было поручено викарию, но ему отказали в визе. Царское правительство полагало, что пока он находится в России, можно таким путем держать этот нужный и опасный орден под своим контролем¹. Когда же иезуиты после смерти находящегося в России их генерала в 1820 году выбрали в Риме нового и центр тяжести деятельности ордена в результате этого окончательно переместился за пределы России, час изгнания иезуитов пробил². Пока генерал ордена оставался в России, правящие круги считали, что интриги иезуитов им не опасны. С тех пор же, как местом пребывания генерала оказался Рим, всякая гарантия исчезала и необходимость считаться с орденом стала излишней. В глазах Александра I на иезуитов набросила тень книга их друга и единомышленника де Местра «О папе», появившаяся в 1819 году. В папизме царь и его правительство усмотрели опасность их собственной власти³.

Когда русский посол в Риме Италинский вручил папской курии указ об изгнании иезуитов, это вызвало целую сенсацию, так как никто не ожидал от России подобных действий. Настолько плохо там были осведомлены о действительном положении вещей. Прусский посол

---

¹ См. донесение прусского посла Нибура в Риме от 21.11.1817, DZA, Merseburg, Rep. 81, Roma II A, № 1.

² См. ПСЗ, т. XXXVII, № 28198.

³ «Жозеф де Местр в России», статья М. Степанова в «Литературном наследстве», М., 1937, стр. 613.

в Риме в донесении обо всех этих событиях не без основания подчеркивал, что и в самом Риме таких, кто радуется изгнанию иезуитов, больше, чем сокрушающихся. Восстановленный орден не пользовался симпатиями. Нибур считал весьма вероятным, что доминиканцы в России содействовали появлению этого указа не меньше, чем высшее православное духовенство: «В течение сорока лет подряд к людям относились с такой снисходительностью, что они потеряли представление о том, что дозволено. А ведь находясь в строгих рамках, они могли быть весьма полезны. В руководстве католическими школами доминиканцы — очень плохая замена иезуитов»¹. Замечание это слишком поверхностно. Иезуитский орден не позволял себя ограничивать, а царизм покровительствовал ему, видя в нем союзника в борьбе с революцией. Теперь опасность миновала, и царское правительство надеялось обойтись без помощи иезуитов. И это было желательно тем более, что оно ничем не было гарантировано от их интриг, когда генерал ордена был за пределами России.

Среди причин, приведших к изгнанию иезуитов, был упрек и в том, что они насильственно уводят к себе детей евреев, дабы крестить их и воспитывать в римско-католической вере. Далее иезуитов упрекали в том, что они выгоняют на улицу из своих поместий старых и не-работоспособных крепостных, чтобы те нищенством добывали себе пропитание². Самое большое негодование, однако, вызывала их деятельность по вербовке новых членов, от которой они ни за что не хотели отказаться и продолжали ее после изгнания их из главных городов в Белоруссии, на юге России, на Кавказе и в Сибири³. Там, где иезуиты имели такие приходы в миссиях, которые было трудно сразу заместить, они остались в России до 1826 года. Еще в 1816 году А. И. Тургенев высказал мысль, что не следует игнорировать сомнение благоразумных людей в том, что иезуитские школы могут воспитывать действительно образованных, умеющих пробивать себе дорогу в жизни, людей⁴.

¹ Донесение от 6.5.1820, DZA, Merseburg, Rep. 81, Roma ПА.

² См. Н. Lutteroth, Rußland und die Jesuiten, S. 113.

³ См. Д. Толстой, Об иезуитах в Москве и Петербурге, СПб., 1859.

⁴ См. письмо от 27.2.1816. Архив братьев Тургеневых, Литературный архив Академии наук СССР, Ленинград, № 382.

Иезуиты считали свое изгнание несправедливым. Как можно было изгнать их орден, который и в России хотел стать самой надежной опорой реакции, только по одному доносу их врагов из Библейского общества и других тайных обществ. Возмездие за этот безответственный с позиций борющейся с просвещением и революцией реакции акт не заставит себя долго ждать. Этот мотив звучал в письмах Розавена, посвященных этому вопросу¹, и в подробных разъяснениях по поводу донесения министра А. Голицына от 21 марта 1820 года, предлагавшего царю изгнать иезуитов из России². С точки зрения сторонников реставрации рассуждения Розавена неоспоримы. Дальнейшее развитие событий лишь подтвердило его правоту. Однако реакция в России в силу особенностей ее общественного и экономического развития стала перед совершенно неразрешимой дилеммой.

Изгнанных иезуитов в России старались заменить менее агрессивными силами из католического лагеря. При этом Баадер, который вновь появился в России, играл роль посредника³. Такие деятели, как Госснер⁴ и Линдль, которые в Баварии подвергались преследованиям со стороны римско-католических кругов и прежде всего со стороны епископата, нашли, правда ненадолго, в России поле для своей деятельности. Сам Аврелий Игнатий Феслер, просветитель и франкмасон⁵, в 1809 году по зову своего талантливейшего ученика во львовском университете Лодия последовал за ним в духовную академию в Петербург. Таким образом, сторонники реформированного католицизма нашли в России убежище, так же как иезуиты полвека назад.

Баадер помышлял даже открыть в Петербурге христианскую Академию наук и для этой цели в 1822 году направился туда навестить друга своего князя А. Голицына. Но обстановка быстро менялась. Господствующие круги поставили под сомнение даже эту помощь в борьбе против революции. В дело был замешан Меттерних,

---

¹ См. тетради Гагарина; наследство Розавена; Bibl. Slave.

² Там же.

³ См. E. Benz, loc. cit.

⁴ См. H. Dalton, Johannes Gossner, Berlin, 1898, S. 243 ff.

⁵ См. A. Feßler, Rückblicke auf meine siebenzigjährige Pilgerfahrt, 1826, S. 330 ff.

который приобретал все большее влияние на Александра I и его правительство. Он очень ловко раздувал все эти сомнения. По его мнению, идея создания Библейского общества была вывезена из Англии. Будто бы Уотсон в 1817 году в речи на собрании Библейского общества в день десятилетия со дня его основания отметил, что необходимо подчинить себе Библейское общество в России. А еще за год до этого один англиканский священник указывал на революционный характер Библейского общества.

Несмотря на изгнание иезуитов и разрыв переговоров с папским престолом, римско-католическое крыло реставрации и особенно близкие к папству течения неизменно пользовались большим весом в глазах Александра I. Методы и основные принципы папства и царизма были одни и те же. Русский посол Италинский так сформулировал свои наблюдения в Риме: «Нетерпимость стала в Риме одним из главных правил, невежество — государственным принципом»¹. Разве не могло это с тем же успехом характеризовать режим Аракчеева?

Эти два защитника реставрации во многом отличались друг от друга, как ни старались они всячески подчеркнуть общность своих интересов. Александр I, например, перед конгрессом Священного союза в Троппау в декабре 1820 года заверил папу, что сделает все для быстрого подавления революции в Неаполе, которая угрожала папскому государству. Старательно подчеркивалась задача совместной борьбы «против нарушения принципов религии и морали». Пий VII не зря еще в 1822 году говорил русскому послу: «После бога я более всего обязан Александру тем, что дождался конца моего заключения в Фонтенбло»². Но от этого России было мало проку. Как только папа возвратился в Рим, русский посол Тюиль вновь вынужден был выслушивать от кардинала Сомальи речи о том, что папа желает унии православной церкви с римской. Это подчеркивание авторитета папы вновь стало импонировать царю Александру. Русский посол в Риме получил 5 февраля 1822 года от министра иностранных дел Нессельроде инст-

---

¹ См. D. Tolstoj, *Catholicisme*, vol. II, p. 403.

² *Ibid.*, p. 394.

рукцию продолжать переговоры, несмотря на отмеченные им невежество и нетерпимость Рима. В инструкции содержались грозные предостерегающие слова: «Его величество никогда не будет пытаться добиться успеха за счет отказа высокочтимого папы от его самых затаенных планов... Это — исходный пункт переговоров, установленный самим его императорским величеством»¹.

Естественно, что переговоры, которые велись на подобных условиях, не могли прийти к успешному окончанию, ибо «его святейшество» отнюдь не собирался делать сколь-нибудь существенные уступки «в нарушение своих затаенных планов». Судя по этому, нам понятно то, чего не хотел понимать Д. Толстой, а именно что русский министр иностранных дел Нессельроде в 1824 году вопреки полученному им распоряжению ничего не сделал для расширения полномочий митрополита в России. Толстой полагает², что царь именно в это время должен был настаивать на расширении полномочий епископов, чтобы добиться независимости русской католической церкви от Рима. Произошло же как раз обратное: переговоры были прекращены.

В 1824 году Италинский вполне резонно писал из Рима, что Ватикан одержим одной мыслью — воскресить золотой век Григория VII³, когда на Киевскую Русь смотрели как на папское ленное владение. И правда, если хотели осуществить реставрацию в Европе, то почему бы папству не вернуть всю полноту власти времен классического средневековья? Таким образом, между папским престолом и царской Россией, с одной стороны, устанавливается глубокая общность, а с другой — не стираются и противоречия.

На основе названных выше инструкций переговоры о расширении полномочий епископов в России не могли прийти к успешному окончанию.

Бросается в глаза и то, с какими колебаниями царское правительство делает практические выводы из своих наблюдений в отношении Рима. Причины неуверенности кроются во взглядах Александра I и его ближайших помощников. Сотрудничество с Меттернихом все более убеждало его в огромном значении римско-като-

¹ См. D. Tolstoj, *Catholicisme*, vol. II, p. 163.

² Ibid., p. 165.

³ Ibid.

лической церкви для реставрации во всей Европе. Поэтому царь при посредстве Меттерниха надеялся сохранить тесную связь с папством. Однако ему было ясно в то же время, что Меттерних боялся России и действовал вопреки ее интересам, как во время освободительной борьбы в Греции. Этим объясняется сближение Александра I с Англией в 1824 году¹. Прямое сближение с папством тоже свидетельствует о попытке освободиться от влияния австрийского государственно-го канцлера. В 1822 году царь зашел так далеко, что, находясь в Вероне, решил нанести папе визит в Риме и обсудить заботящие обоих дела. Италинский должен был подготовить все для визита². Де Местр даже претендовал на то, что знал о переписке Александра I с Пием VII относительно унии русской церкви с римской еще во времена Лайбахского (Люблянского) конгресса Священного союза³. Русский император якобы заявил папскому посланцу, что жаждет попасть в Рим и завидует своему брату, который был с таким почетом принят папой⁴. С Библейским обществом, с мадам Крюденер и со сторонниками реформированного католицизма типа Баадера Александр I по совету Меттерниха порвал. Однако оставалась еще русская православная церковь, которую камергер царя Стурдза перевозносит как оплот реставрации во всей Европе. Тем не менее представленный царю Аракчеевым монах Фотий, как выразитель идей реставрации, не мог ему прийтись по душе. Этот темный фанатик противился всему, что воспитали в царе Лагарп и вся его жизнь.

Поэтому кажется вполне естественным, что царь к концу жизни вновь хотел начать с того, чем кончил его отец: с тесного союза царской России с папством. Поздравительное послание царя в 1823 году новому папе Льву XII написано с заметной теплотой. Царь обещал «окружить католиков в России благотворной братской заботой»⁵. Папа откликнулся на это обращение. Вновь

¹ См. «История дипломатии», М., 1959, т. I, стр. 536—542.

² Так сообщает прусский посол Нибур из Рима от 28.8.1822. DZA, Merseburg, Rep. 81, Roma IIA, № 3.

³ См. J. de Maistre, Oeuvres complètes, vol. 14, Lyon, 1886, p. 63.

⁴ Moroni, Dizionario di erudizione storico-ecclesiastica da S. Pietro ai nostri giorni, vol. 109, Venezia, 1840—1879, здесь т. LIII.

⁵ См. J. Schmidlin, Papstgeschichte, Bd. I, S. 443.

ожила идея унии русской церкви с римской ради укрепления реставрации. В последние годы жизни русский император был усиленно занят этими планами, как свидетельствует передача Италиным одного его письма папе, о чем рассказал 14 мая 1824 года прусский посланник в Риме¹. Италинский провел в Риме все лето 1824 года, о чем вышеназванное авторитетное лицо сообщает как о необычайном факте².

С этими событиями связано и письмо от 1 июля 1835 года генерала А. Мишо, графа фон Боретур, Николаю I. Письмо было впервые опубликовано в 1937 году, кажется, только в это время был найден его набросок в семейном архиве Мишо. Но и раньше были известны высказывания брата генерала, совершенно совпадающие с содержанием письма³.

В письме генерал клятвенно заверяет, что в начале 1825 года он получил от Александра I в Петербурге устное распоряжение немедленно съездить к папе и передать ему просьбу прислать поскорее католического монаха, если можно из нищенствующих орденов, поскольку он сам намерен принять католичество и сделать католической свою империю. Ради достижения этой цели он готов не пожалеть ничего, даже собственной жизни. Добиться этого будет нелегко, но при настойчивости императора и папы все это может привести к успеху.

Мишо передает набросок письма и множество подробностей, которые подтверждают его достоверность⁴. Монаха подыскали, и Мишо собирался в начале 1826 года отправиться в Россию, но вдруг прибыло известие о смерти царя. Папа даже заболел от досады, что сорвалась такая многообещающая попытка проведения унии. Таково сообщение, переданное Николаю I генералом Мишо.

На первый взгляд все это выглядит достаточно фантастично. Иезуит де Бук, много занимавшийся Россией,

¹ См. DZA, Merseburg, Rep. 81, Roma IIA, № 5.

² Ibid., см. донесение от 16.8.1824.

³ См. в качестве дополнения к изложению Буду «Civiltà cattolica», 1924, v. I, p. 318—324.

⁴ См. копию письма «L'unité de l'église», t. 15, sept.-okt. 1937, p. 129—133; см. ранее а. 11, № 59, mars — avril, 1933, p. 55—56; Studie de Chan. J. Eduard, Le rôle du Michaud de Beauretour dans le projet d'Union du Tzar Alexandre 1-er d'unité de l'église.

пишет в 1858 году по этому поводу следующее: «Трудно представить себе, что этот император (Александр) умер католиком»; однако добавляет: «В конце концов в министерстве иностранных дел в Париже существуют документы официальные, подтверждающие это»¹. Речь идет, очевидно, о тогда еще строго секретных донесениях французского посла в Петербурге или о материалах из семейного архива Бурбонов. Ведь и свидетельства, выражающие волю Павла I осуществить унию, попали в руки историков лишь в 1953 году, когда архив дома Бурбонов был выделен из государственного архива Неаполитанского королевства. Наши общие представления о совместных усилиях папства и царизма в проведении реставрации заставляют нас считать эти сведения не совсем неправдоподобными.

В этой связи понятны становятся и преувеличенные слухи о том, что будто Александр I, когда его намерения стали известны, был отравлен; однако перед смертью он-де перешел в католичество². Другая версия передает, что он вообще не умер в Таганроге, а еще долго жил в Сибири инкогнито под видом святого старца. Это обилие легенд заставляет думать, во всяком случае, что Александр I, напуганный кризисом существующих порядков, о котором он в результате системы доносов был хорошо осведомлен, потерял покой. Учитывая такое состояние духа, не исключено, что с отчаяния он сам решил стать католиком и задумал провести унию в России, чтобы удержать царизм от полного краха. Однако узнать что-нибудь абсолютно достоверное обо всех этих обстоятельствах очень трудно. Безусловно, какие-то следы этих обстоятельств уничтожил брат его, Николай I, ведь оригинал письма Мишо до сих пор не найден. Насколько правильно оценил Александр I назревание революционной оппозиции в России, показало вспыхнувшее после его смерти, в декабре 1825 года, восстание декабристов».

---

¹ См. письмо де Бука Гагарину от 27.7.1858; *Briefe de Bucks au Gagarin*, Mss. Bibl. Slave.

² Сообщение о беседах с Полиньком, французским послом в России в 1825 году, «*Germania*», № 26, 1876 (*Sonntagsbeilage*); см. далее: М. С м о л о в а, «Китеж», 1928, т. 3—4, стр. 49—56; она ссылается на Пирлинга и Гагарина.

Глава X

НИКОЛАЙ I. ПОЛЬША И ПАПЫ

Атмосфера двадцатых годов XIX века в царской России была самая удушающая. Восстание в Семеновском лейб-гвардии полку в октябре 1820 года показало, что недовольство существующими порядками пустило в стране глубокие корни. Люди, пережившие национальный подъем 1812 года, повидавшие во время преследования Наполеона I почти всю Европу, не желали далее терпеть бесчеловечный деспотизм. Организованные Аракчеевым военные поселения были пережитком того же крепостничества. Солдат с женами и детьми старались превратить в рабов, одетых в военную форму. Это привело к волнениям в армии, которые были подавлены с такой же жестокостью, как и восстание гвардейского полка. Аракчеев начал править еще более самовластно. Знаменательно, что Меттерних узнал о восстании гвардейцев раньше самого царя. Его охватили смешанные чувства: страх, что восстание может послужить примером для других, и удовлетворение: даже у страшной военной машины царизма есть уязвимые места.

С тем большим рвением силился Меттерних помешать полному примирению России с Польшей, удерживать Россию подальше от освободительной борьбы на Балканах и направить ее устремления в Азию. Он утверждал, что покорение этих территорий — естественная миссия России. Под влиянием австрийского рейхсканцлера Фридрих Шлегель позднее в своей речи на Балльхаузплац в Вене говорил о «главном предназначении России распространять христианские идеи в Азии». Завоевание Малой Азии, по его мнению, составляет необходимую и самую существенную часть этого пред-

назначения России¹. Вмешательство России в дела Польши и Балканских стран представляло собой серьезную угрозу политическим интересам Австрии. В последний год жизни Александр I прилагал усилия к тому, чтобы в греческом вопросе освободиться от влияния Меттерниха и в сотрудничестве с Англией активизировать политику на Балканах. Однако борьба против всяких революционных движений настолько стала целью царизма в Европе, что Александр I оказался перед неразрешимой дилеммой.

Но не об этом думали декабристы, люди, которые как истинные патриоты мечтали о великой свободной России, средоточии славянских народов. Силы заговорщиков, принадлежавших в большинстве своем к знати, сковывала боязнь народа, для которого они хотели завоевать лучшие условия жизни. В итоге это пассивное сопротивление было сломлено картечью. Назначенный восставшими диктатор, князь Трубецкой, укрылся в австрийском посольстве. То ли у него не хватило мужества, то ли он решился на предательство, подстрекаемый к тому шурином, австрийским посланником Лебцельтерном?

В Вене и в Риме к восстанию декабристов отнеслись весьма враждебно. Оно, как и военные бунты 1820 года, могло значительно ослабить царскую Россию, главного союзника реакционных сил Европы. Россия — средоточие прогресса, центр объединения славянских народов под знаменем прогресса — представляла собой страшную угрозу для Австрии и папства, этой когорты реакции! Поэтому Меттерних, не медля ни минуты, отозвал из России австрийского посланника барона Лебцельтерна, как только выяснилось, что его шурин, князь Трубецкой, участвовал в восстании. В восстании был замешан и секретарь австрийского посольства Гумелауер².

Восстание декабристов, по мнению иезуитов, для «истории русской церкви было одним из крайне досад-

---

¹ См. его неизданные историко-политические фрагменты в Национальной библиотеке (Wien, 1927, I Teil, S. 5).

² См. Щеголев, «Современник», 1913, тетр. 2; Великий князь Николай Михайлович, Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна, 1816—1826, СПб., 1913.

ных явлений»¹. Повинно в нем, на их взгляд, было притеснение католической церкви в предшествующие времена и «бесцветная космополитическая религиозность Александра I». Папство ничего не имело бы против «возрождения древней святой Руси», которое началось со вступлением на престол Николая I, если бы только эта древняя святая Русь полностью подчинилась его власти. Но слишком остро сталкивались интересы России в Польше и на Балканах с интересами католического форпоста — Австрии.

Следовательно, царской России приходилось изыскивать иные идеологические обоснования, а вовсе не те, какие представляла себе римско-католическая церковь. Эти обоснования нашлись, так сказать, у себя дома, в арсенале русской православной церкви, которую царь думал использовать беспредельно. Так возникла пресловутая николаевская формула неразрывного единства самодержавия, православия и народности. В связи с этим контрреформация вновь понесла тяжелые потери на фронте борьбы за унию церквей в Восточной Европе и лишилась добытых с таким трудом успехов.

В направлении специального папского легата на коронацию Николая I папа Лев XII усмотрел благоприятный случай возобновить прямые переговоры. В июне 1826 года губернатор Рима Томмазо Бернетти был назначен папским посланцем на коронацию. Правда, оказавшись на русской земле, он сразу же заболел и так и не смог до конца оправиться от болезни, поэтому он не присутствовал ни на коронации в сентябре 1826 года, ни на последовавшем за ней дипломатическом приеме. Он вынужден был передать папское поздравительное послание русскому министру иностранных дел Нессельроде, дабы тот вручил его царю. И все же легат получил широкую возможность ознакомиться с положением в России. На прощальной аудиенции 22 октября 1826 года царь подчеркивал, что питает к папе чувства уважения и дружбы. И это не были только слова: Бернетти получил орден Белого орла и стал кардиналом.

Правда, его мнение о церковных делах в России было резко отрицательным. Особенно не по душе пришлись

---

¹ См. А. М. А м м а н н, *Abriß*, S. 483—485.

легату подчиненное положение местной римско-католической церкви и деятельность духовной коллегии в Петербурге, которая не слишком интенсивно поддерживала прямую связь с Римом. Не было в России и нунция, через которого папа мог бы непосредственно вмешаться в дела страны. Кроме того, его напугал огромный размер епархий и страх духовенства перед царскими указами, которых боялись гораздо больше, чем папских посланий. Все это не понравилось Бернетти. Изгнание иезуитов из страны, он, разумеется, переживал как тяжелую потерю для римско-католической церкви. Отчет этот укрепил в папе уверенность в правоте Консальви, который незадолго до смерти предостерегал его против России. У восточнославянских народов, по его мнению, чрезмерно развито врожденное стремление к независимости, которое всегда будет мешать папам использовать их в своих целях.

25 августа 1827 года состоялось заседание коллегии кардиналов, которое должно было обсудить доклад Бернетти и предложения русского посланника в Риме Италинского¹. Коллегия должна была утвердить необходимые мероприятия. Самой важной мерой казалась отправка чрезвычайного папского посла, который должен был еще основательнее ознакомиться с положением в России. Ведь со времени заключительного отчета Аредзо от 1807 года не было получено ни одного официального донесения представителя папской курии относительно России.

Но Николай I и его правительство не следовали тем путем, на который вступил Александр I в 1822 году. Поэтому в Риме никак не решались попытаться на месте урегулировать церковные дела. Обмен письмами папы Льва XII с Николаем I ясно показал, что царская Россия не намерена признавать духовную власть папства и следовать всем его советам. В направленном царю 30 мая 1828 года послании по поводу резни армян-католиков в Турции папа, воспользовавшись удобным случаем, просил царя позаботиться о судьбе этих несчастных. В ответном письме от 2 июля 1828 года Николай I выражал готовность защищать интересы всех христиан

---

¹ См. о Бернетти и его миссии: A. Boudou, *op. cit.*, vol. I, p. 140 et suiv.

без различия, к какой бы церкви они ни принадлежали, но одновременно указывал на то, что нетерпимость римских миссионеров по отношению к православной церкви в странах Леванта и Греции немало содействовала обострению отношений между приверженцами различных религий в Османской империи. Таким образом, различия политических интересов, противоречия между царем и папой, а также между Россией и Австрией, этим оплотом католицизма, вырисовывались все отчетливее.

Вместе с тем и в Вене и в Риме страх перед подъемом либерального, революционного движения в России был, разумеется, сильнее этих противоречий. Развитием этого движения объясняли даже то, что отношения между католицизмом и царским правительством не достаточно хороши. Это ясно видно из донесения австрийского посла в Петербурге от 14 июня 1827 года по вопросу «О распространении французской либеральной фразеологии в католической церкви»¹.

На самом же деле царизм опасался какой-либо зависимости от курии. Именно поэтому Нессельроде в инструкции Италинскому от 15 сентября 1826 года точно определил, какой тактики должна придерживаться русская дипломатия в отношениях с папским престолом: избегать по возможности конфликтов, не поднимать без крайней необходимости никаких принципиальных вопросов, по истечении срока настаивать на пролонгации всех дарованных ранее полномочий и не допускать никаких дискуссий по вопросам, связанным с послушанием царю, власть которого независима от любых посторонних авторитетов². Папа, как известный идеолог реставрации и как глава папского государства, заслуживает величайшего уважения, но как духовный пастырь католической церкви в России, вследствие того что он является орудием в руках Меттерниха, внушает серьезные опасения.

Австрийский посланник при петербургском дворе Фикельмон сообщал в 1829 году, что в Петербурге очень интересуются избранием папы Пия VIII и его нового кардинала статс-секретаря³. Однако Пий VIII правил

---

¹ HHStA, Wien, Rußland, Bd. 629.

² A. Boudou, *op cit.*, vol. I, p. 147 et suiv.

³ См. донесение от 15.4.1829, HHStA, Wien, «Rußland», Bd. 663.

недолго. Он умер на другой день после начала польского восстания. Необходимы были новые выборы. В эти годы бушевавших восстаний и революций державы, поддерживавшие реставрацию, особые упования возлагали на папский престол.

Ноябрьская революция в Польше не случайно началась с заупокойной мессы по жертвам восстания декабристов. Это особенно разгневало царя. Царское правительство почуяло реальную опасность того, что революционное движение в Польше может перекинуться на Российскую империю, и пошло на крайние меры. Державы, участвовавшие в разделе Польши, объединили свои усилия, стремясь возможно скорее подавить восстание. Однако его удалось потопить в крови лишь поздним летом 1831 года после тяжелых, очень кровопролитных боев, ведшихся с переменным успехом.

На следующий после начала польского восстания день умер папа Пий VIII. В это беспокойное время Меттерних проявил особенное рвение, стремясь, чтобы избран был папа, верный делу реставрации. При том огромном влиянии, которое оказывала Австрия на находившееся при последнем издыхании, теснимое движением за объединение Италии папское государство, согласие Меттерниха на избрание кардинала Каппеллари, близкого ему по своим реакционным убеждениям, родом из областей, подвластных Австрии, имело решающее значение¹. После избрания его папой 2 февраля 1831 года Каппеллари стал именоваться Григорием XVI.

Новому папе хотелось слить воедино политическое и церковное направление реставрации. Еще в 1799 году он, будучи иеромонахом ордена камальдулов*, начертал программу реставрации церкви и государства в своем сочинении «Торжество святого престола и церкви над кознями сторонников новшеств». В соответствии со своими далеко идущими замыслами он пожелал, чтобы его нарекли Григорием в память о Григории VII и Григории XIII. Подобно Григорию XIII, он собирался бороться за возврат утраченных позиций римской церкви, опираясь на союз с австрийским двором и орденом иезуитов, ко-

---

¹ См. A. H u d a l, Österreichische Vatikanbotschaft, S. 83.

* Монашеский орден, близкий ордену бенедиктинцев.— *Прим. перев.*

торый в его понтификат сильно расширил свое влияние. Рим и Вена настолько сблизились, что их государственные канцелярии обменивались новыми сведениями, а тайные полиции сотрудничали в подавлении итальянского национально-освободительного движения. Ничто не мешало этим двум державам действовать сообща и в важнейших внешнеполитических вопросах.

Еще будучи кардиналом, Каппелари завязал сношения с русским посланником князем Гагариным, с которым достиг полного взаимопонимания¹. Влияние русского посланника на нового папу было широко известно. Только этим можно объяснить, что Гагарину была вручена 1 мая 1831 года памятная записка, в которой автор, итальянец, изложил свои доводы в защиту настоятельно необходимых реформ в папском государстве². Гагарин был живо заинтересован в проведении таких реформ, ибо только тогда папское государство могло стать желанным союзником в борьбе против революционного движения в Европе³. В это время возник даже проект созыва конференции представителей Австрии, России и Пруссии и выработки основ для провозглашения этих трех держав гарантами существования папского государства.

Григорий XVI не без основания усматривал опасную связь между восстанием в декабре 1830 года в Италии и ноябрьской революцией в Польше. Поэтому папское послание польским епископам было составлено настолько в духе русского самодержавия, что даже сам Лютцов, австрийский посланник при папском престоле, в одной из бесед с Меттернихом высказал мнение, не слишком ли сильно чувствуется в нем русское влияние⁴. Меттерних же ограничился утешительным замечанием, что по крайней мере это послание покажет всему миру, какстроен новый папа. Генерал Дибич, командовавший царскими войсками, счел это послание еще недостаточно сильно написанным и не очень заботился о его распро-

---

¹ См. донесение прусского посланника Бунзена из Рима от 2 февраля 1831 г., DZA, Merseburg, Rep. 81, Roma IIA, № 12a.

² Ibid., см. донесение Бунзена.

³ См. донесение Бунзена из Рима, 1830—1832 гг., DZA, Merseburg, Rep. 81, Roma IIA, № 13b.

⁴ См. A. Posch, Lamennais und Metternich, MIOG, Bd. 62, 1954, S. 495.

странении. Польское же революционное правительство объявило это послание русской фальшивкой. Нельзя было подавлять народное восстание при помощи папских посланий. Одно тем не менее стало ясно: революционерам, сторонникам национально-освободительного движения, где бы они ни выступали, нечего было ожидать от Григория XVI. Папа тесно связан с легитимизмом и реставрацией. Осуждалось даже самое невинное заигрывание верующих католиков с либеральным или национально-освободительным движениями. В 1836 году Григорий XVI нашел в жестоком и упрямом Ламбрускини близкого себе по духу статс-секретаря. Ламбрускини тоже преклонялся перед государственными талантами Меттерниха и еще с 1831 года как префект конгрегации «Пропаганда веры» находился в курсе отношений между папским престолом и Россией.

Между тем 7 сентября 1831 года царские войска взяли штурмом Варшаву. Восстание было потоплено в крови. Папа и Меттерних, преисполненные страха, прилагали все усилия к тому, чтобы ни одна искра восстания не перекинулась в Галицию, Венгрию или Пруссию. Они старались также облегчить России борьбу с восстанием. Из донесений посланников видно, что прусский, русский и австрийский посланники действовали в тесном сотрудничестве с папской курией¹. Выясняется также и то, что князь Гагарин переговорами, демаршами и меморандумами заслужил высокую оценку со стороны папского престола.

Тяжкая участь польских повстанцев меньше всего беспокоила папу. О таком проявлении духа санкюлотов, даже если он принимал, как, например, в Польше, христианское, более того католическое, обличье, папа не желал и слышать. Он испытывал к всему этому глубокое отвращение.

Хотя на ход ноябрьской революции в Польше и оказывали влияние такие свободомыслящие прогрессивные деятели, как Лелевель, высшая знать, тесно связанная с католической церковью, на первом этапе занимала руководящее положение. Справедливым восстанием поль-

---

¹ Донесение прусского посла от 13.1 и от 1.3.1832, DZA, Merseburg, Rep. 81, Roma IIA, № 13a. В основу этого документа Бунзен положил копию донесения русского консула в Анконе Гагарину.

ского народа за независимость они стремились злоупотребить в духе так называемой «ягеллоновской программы» — националистического требования Великой Польши от Балтийского моря до Черного. Польские помещики из Литвы и Белоруссии в тесном союзе с католическим духовенством, особенно с католическими орденами, отчаянно сражались за эту националистическую идею Великой Польши¹. Каждый замок и каждый монастырь превратились здесь в крепость. Иногда повстанцы неожиданно добивались успехов, которые, однако, лишь осложняли ход революции в Королевстве Польском. С оружием в руках участие в борьбе принимали и представители низшего духовенства и монашеских орденов, и лишь несколько епископов подписали воззвание революционного правительства или, как епископ Скорковский из Кракова, осуществляли связь повстанцев с Веной и Римом. Чем более длилось восстание, тем становилось очевиднее, что именно монастыри являлись его опорой. Католические элементы все яснее выдвигались вперед, а вожди восстания, сознательно стремясь усилить наступательный характер восстания, превращали его в конфессиональное движение. Оценивая позицию Григория XVI, мы не должны упускать из виду эту противоречивость восстания. Справедливые требования национального освобождения в корне противоречили основным принципам реставрации.

Чем безнадежнее становилось положение польских повстанцев, тем больше старались их руководители создать видимость католического движения, настолько, что царь всерьез заподозрил существование союза между Польшей и католической церковью.

Это были неосновательные подозрения. Разве ноябрьская революция в Польше не была детищем июльской революции во Франции, а декабрьская революция в папском государстве — порождением польского восстания? Папство чувствовало себя непосредственно задетым и потому выступало на стороне царя как законного монарха. Но именно июльская революция в Париже и беспорядки в папском государстве в декабре особенно повергли в страх Николая I. Разве все это не католические страны, пусть даже издревле католические?

---

¹ См. «История Польши», т. I, М., 1956.

У Николая I и у царского правительства зародились сомнения в возможностях католической церкви в целом и папства в частности служить интересам реакции. Через своего дипломатического представителя в Риме князя Гагарина Николай I был осведомлен относительно напряженной революционной обстановки в 1830—1832 годы в папском государстве. Он знал, что только вмешательство Австрии, поддержанной в этом Россией и Пруссией, привело к ликвидации беспорядков. По желанию папы австрийские войска вынуждены были неоднократно вторгаться в папское государство. Царя не утешало то, что папство не имело ничего общего с революцией, даже наоборот, делало все возможное для противодействия ей, пока, наконец, само не стало ее жертвой. Бессилие папства перед революцией стало очевидным, и этого было, по мнению царя, достаточно, чтобы тем ревностнее поддерживать православие вместе с самодержавием и народностью как идеологией дома Романовых в России.

Понятно, почему русский посол при папском дворе, тесно связанный с прокатолическими кругами русского общества, стремился добиться от папы, чтобы он ясно определил свою позицию в отношении революции в Польше. Чтобы смягчить неблагоприятное впечатление, которое произвела ноябрьская революция на царскую Россию, папа с охотой пошел навстречу этому желанию и опубликовал энциклику «*Sum primum*» от 9 июля 1832 года, обращенную к епископам Польши. В ней он, апеллируя к их совести, вновь призывал всех верующих католиков оказывать помощь царской России¹. Энциклика была разослана польским епископам нунцием в Вене через краковского епископа. Это сделали, чтобы ее не считали царской фальшивкой, настолько содержание энциклики было выдержано в духе царизма. В то время как обращение к верующим от 15 февраля 1831 года показалось командующему генералу Дибичу слишком мягким и не заслуживающим распространения среди поляков, энциклику размножили очень деятельно, хотя царская бюрократия и считала ее недостатком отсутствие предварительного утверждения. 26 августа 1832 года

---

¹ К вопросу об этой энциклике, ее предыстории и последствиях см. в первую очередь: М. Z y w c z y Ń s k i, *Geneza*; эта работа основана на материалах NV.

царское правительство разрешило к печати «Основные принципы взаимоотношений верующих католиков с царской властью». Написаны они были в духе энциклики «*Sim primum*» и полны самых верноподданнических чувств, не оставляя, таким образом, возможности желать ничего лучшего. Их включили в катехизис католицизма и придали им таким путем вполне официальный, утвержденный церковью характер.

Может возникнуть вопрос, почему энциклика «*Sim primum*» нашла столь дружественный прием при царском дворе и в правительстве. Дело в том, что она была проникнута тем же духом реставрации, что и царизм. Еще 30 января 1816 года папа Пий VII почти в тех же выражениях, что в энциклике «*Sim primum*», призывал население Южной Америки к покорности испанскому королю. Призыв этот был повторен 24 сентября 1824 года Львом XII¹.

А Григорий XVI в 1829 году, будучи кардиналом-префектом конгрегации «Пропаганда веры», обращался с такими же словами даже к армянам, увещевая их склониться перед султаном. Хотя многие поляки даже в XX веке высказывали мнение, что энциклика «*Sim primum*» — фальшивка царского правительства или документ, написанный под нажимом царя и поэтому якобы не включенный в собрание булл Григория XVI, на деле она не являлась чем-то исключительным, отражая попросту почти неизменяемую позицию папского престола. Эти вступительные замечания необходимы, чтобы лучше вникнуть в содержание энциклики.

В обращении к польскому епископату папа Григорий XVI подчеркивал, что «несчастные события прошедших годов» (1831) вызваны единственно ложью и обманом. Мошенники, прикрываясь религиозными разногласиями, обратились-де против законной власти и нарушили узы покорности. Он, папа, плакал и молился, но вскоре спокойствие под эгидой законной власти будет восстановлено. Затем папа разъяснял епископам «святое учение», которое они должны распространять среди духовенства и населения. И этим учением была реставрация, которая, по мнению Григория, не позволит зло-

¹ См. P. Leturia, SJ, Die Amerika-Enzyklika Leos XII, ihre Geschichte, ihr Text, ihre Folgen. «Historisches Jahrbuch der Görresgesellschaft», 1926, Bd. 6.

употреблять «легковерию простаков», то есть широких масс народа, и использовать их под предлогом борьбы ради их блага в качестве «слепого орудия» для нарушения «мира и спокойствия Королевства Польского» и ниспровержения социального порядка. За цитатами из библии следовали примеры из истории, подтверждавшие, что христиане были покорнее язычников даже по отношению к языческим властям. В применении к России это означало, пусть даже это не было ясно выражено, что католики должны быть надежнейшей опорой царизма. Папа побуждал польских епископов ревностно пропагандировать священнейшее учение (реставрации) о послушании, которым подданные обязаны своим законным правителям. Тогда и царь вернет свое расположение епископам и станет пещься о благе их и католической веры. Естественно, что к этому «священнейшему учению» реставрации царизм охотно присоединился.

Папа и польский епископат явно старались подобным образом действий умиловить царя и его правительство. Папа предполагал, что своим обращением к польским епископам поставит римско-католическую церковь в такое положение в Польше, которое позволит ей начать более активно действовать в России, вербуя для себя новых сторонников. Папа, действуя по старым рецептам, превозносил католическую церковь как наилучшую гарантию устойчивости самодержавия и лучшего союзника царизма.

Русское правительство с благодарностью приняло к сведению энциклику от 9 июля 1832 года, выразило папе через своего посла князя Г. И. Гагарина удовлетворение царя, при этом царь похвалил дальновидную политику папства. Однако о том, чтобы предоставить католической церкви новые возможности для активизации ее деятельности, никто среди официальных кругов тогдашней царской России и не помышлял. И когда князь Гагарин 9 сентября 1832 года принял демарш папы вместе с подсунутым ему перечнем жалоб польских католиков, он был немедленно отозван. Гагарин считал, что может позволить себе этот смелый шаг, потому что он незадолго до того добился издания папской энциклики «*Sun primus*», появление которой всецело объяснял своим огромным влиянием на папу. Сделал он это не

ради помощи полякам, а для укрепления союза между папством и царской Россией, в котором чувствовал себя лично заинтересованным. Союз же этот в течение многих лет находился под угрозой из-за шаткого положения католической церкви в России.

Незначительный случай этот свидетельствует о том, что в среде влиятельной высшей знати России и в 30-е годы XIX века существовало направление, представители которого были расположены к Риму. Оно было не менее сильным, чем при Павле I, когда развернулась деятельность русской ветви мальтийского ордена.

Русский посланник при папском дворе князь Г. И. Гагарин был женат на сестре Свечиной¹ и поэтому был близко связан с этой русской ревнительницей папства. Племянник посланника И. Гагарин в 1842 году в Париже перешел в католичество, а в 1843 году стал новициатом ордена иезуитов. Они положили начало целой группе представителей высшей русской знати, по меньшей мере дружески расположенных к папе. И. Гагарин родился в 1814 году в Петербурге, а около 1832 года уехал в Центральную Европу. Уже в ранней юности он был приверженцем реставрации; об этом можно судить по тому, что осенью 1832 года Гагарин из Германии, где он жил в то время, поспешил в Прагу ко двору изгнанного из Франции короля Карла X². В Мюнхене его заинтересовал Шеллинг, который все более становился сторонником идей реставрации³. Рекомендация Шеллинга помогла Гагарину познакомиться с Чаадаевым, которого он побуждал опубликовать свое первое «Философическое письмо»⁴. С 1837 года он был секретарем русского посольства в Вене, позднее занял эту же должность в Париже. По-видимому, время от времени он все же появлялся в России, где принял участие в травле величайшего русского поэта Пушкина, кончившейся трагической смертью поэта⁵.

¹ См. M. J. Rouët de Journal, *Une Russe catholique, La vie de Madame Swetchine* (1782—1857), Paris, 1953, p. 219.

² См. дневник Гагарина, 1832, Mss. Bibl. Slave.

³ См. письмо Шеллинга Гагарину от 8.9.1833, в котором Шеллинг приглашает его на чай, обещая, что Гагарин встретит у него французских профессоров. (Mss. Bibl. Slave, Autographen 64—66).

⁴ См. «де Местр в России», стр. 616 и сл.

⁵ См. F. Bodenstedt, *Erinnerungen aus meinem Leben*, Bd. I, Berlin, 1888, S. 163.

Деятельность И. Гагарина свидетельствует о том, что не каждый западник обязательно являлся прогрессивным деятелем, даже если он некогда побудил кого-нибудь на тот или иной поступок (как в данном случае с Чаадаевым), который при господствовавших тогда сложных социальных отношениях мог иметь прогрессивное значение.

Осенью 1835 года Меттерних по случаю свидания Николая I с Францем I в Праге и Теплице вновь взял на себя роль глашатая интересов папы, но царь сослался на то, что ввиду союза с русской православной церковью он должен передавать решение всех церковных вопросов синоду. 1835 год принес назначение варшавского архиепископа, что в Риме могли все же посчитать своим успехом. В Риме мало интересовались тем, что новый архиепископ Хороманский — льстец и подхалим. Римская курия надеялась через него добиться влияния на царя. Но прежде всего в это беспокойное время надо было утвердить повсюду принцип легитимизма.

Связь между ноябрьской революцией в Польше и подъемом революционного движения в России установить трудно. Но то, что вся троица: царизм, папство и Меттерних — главные вдохновители реставрации в Европе — были заклятыми врагами ноябрьской революции, не подлежит сомнению. Как ни противоречивы были интересы этой троицы, возглавлявшей реставрацию, и примыкавшей к ней Пруссии, в борьбе против любой революции они были едины. Вот почему меттерниховская Австрия выступала перед папской курией посредником, защищая интересы царской России против Польши¹. Таковы факты!

Торжественный прием, оказанный царевичу Александру в Риме в 1838 году, продемонстрировал, сколь тесно, несмотря на все противоречия, сплотились в борьбе против революционных движений в Европе папа и царь. Прием этот превратился в общественное событие первого разряда, как сообщает не без зависти английский посол. Папа прилагал все усилия к тому, чтобы любым путем завоевать на свою сторону будущего царя².

¹ См. A. Hudal, Österreichische Vatikanbotschaft, S. 99.

² См. HHStA, Roma, 1838.

В лице Николая I и Григория XVI столкнулись два неограниченных правителя с весьма различным отношением к власти. Однако идеология реставрации соединила их. Поэтому охваченная революцией Польша, какой бы католической она себя ни выставляла или ни была, не могла их посорить, но, наоборот, заставила теснее сблизиться.

В 1838 году теологические школы униатской церкви в России были подчинены синоду. А затем 1300 священников дали свое письменное согласие и 1,5 миллиона верующих высказались за возвращение в лоно православной церкви. 12 февраля 1839 года три в прошлом униатских епископа и двадцать представителей высшего духовенства торжественно утвердили этот акт на соборе в Полоцке. Правда, 160 униатских священников, отказавшихся признать воссоединение церквей, были сосланы в Курскую губернию, но в народе движения протеста не вспыхнуло. В обоснование воссоединения напоминалось о трагической истории церковной унии в бывшей Восточной Польше¹. Воссоединение было представлено как исправление долго длившейся несправедливости.

Это объединение было использовано русским царизмом в качестве сильного идеологического оружия. О том, чтобы русская православная церковь пошла на уступки национально-освободительной борьбе украинцев и белорусов, не было и речи. Русская православная церковь была государственной церковью, связанной с царем, который в свою очередь, как тогда говорили, стоял во главе церковной паствы и выступал от ее имени. Его авторитет и достоинство русская православная церковь ревностно и защищала.

Папа Григорий XVI в аллокуции, с которой он обратился к кардиналам 22 ноября 1839 года, официально сообщил им об этом печальном событии и изложил на свой лад историю борьбы за унию, начиная с 1596 года и до того момента, как «окруженные материнской любовью» униаты «самым недостойным образом повернулись спиной к римско-католической церкви»².

---

¹ См. A. Boudou, op. cit., vol. I, p. 221. Кроме того, см. собрание источников к вопросу о воссоединении, изданное на немецком языке в 1840 году в Штутгарте.

² См. A. Welikyj, Documenta, t. II, № 901.

Первоначально папа Григорий XVI стремился сохранить свое лицо и остаться неизменным в своем отношении к царской России. Он ясно продемонстрировал это в 1831 и 1832 годах. Поэтому в ходе переговоров, начатых русским правительством с папским престолом при посредстве Меттерниха еще в 1840 году, наметилось сближение России с Римом. 1 марта 1841 года папа по желанию царя принял назначение епископа И. Павловского могилевским митрополитом. По требованию русского правительства он со временем должен будет стать главой всей католической церкви в России, чтобы с ним, как некогда с Сестренцевичем, разрешались все спорные вопросы. Павловский в качестве председателя духовной коллегии немедленно развил бурную деятельность в интересах царя. Было назначено много лояльных по отношению к правительству епископов¹.

27 апреля 1841 года папа сообщил царю, что исполнил его волю: принудил польского епископа Я. М. Гутковского к отречению. 9 мая 1841 года Николай I писал своему наместнику в Королевстве Польском Паскевичу, что получил от папы «очень милое письмо»². Теперь ясно, какое значение придавал царь сердечной близости с папой.

С 1831 года Гутковский находился в длительном серьезном конфликте с русским правительством, что и привело в 1840 году к его заточению³. Особенно ненавистен был он русскому правительству из-за своих донесений папе, которые направлял прямо через Вену. После вынужденного отречения епископ направился в соседний Львов, где жил в роскоши на средства русского правительства, внимательно наблюдая за всем происходящим в России. До самой смерти он через нунция в Вене и не без поддержки Меттерниха передавал римской курии сведения обо всех событиях в католической церкви России. Донесения его соответствовали воле хозяев носили самый безрадостный характер.

---

¹ См. A. Petroni, Kolegium, p. 68—72.

² Письмо Николая I к Паскевичу, «Русский архив», М., 1910, т. III, стр. 321—356.

³ См. M. Godlewski, Pare nieznanych stron z życia M. Gutkowskiego, biskupa podlaskiego (1831—1841), «Ateneum Kapłańskie», 1932, 1933.

В польских кругах поднялась буря негодования по поводу весьма сдержанной вначале позиции Рима в отношении событий внутри католической церкви в России, и прежде всего воссоединения униатов. Князь Чарторийский, разыгрывавший из себя в Париже некоронованного короля Польши, начиная с 1837 года пытался оказать давление на курию и папу через генерала Замойского. Но поскольку папа выступал в качестве защитника легитимизма, он не добился, разумеется, успеха¹. После указа от 12 марта 1839 года, по которому униаты могли перейти в православие, сохранять старую позицию нейтралитета стало невозможно. 22 ноября 1839 года в своем обращении «*Multa qui deum*» папа в консистории осудил «отступничество» ранее принявших унию епископов, священников и мирян; однако протест против политики царского правительства звучал очень слабо.

Поскольку был нанесен ущерб и австрийским государственным интересам, Меттерниху было выгодно, чтобы напряженность отношений между Россией и Римом сохранялась; в этом случае он мог бы предложить свои услуги. Представляемое Копитаром течение — австро-славизм, действовавшее в интересах Меттерниха, оказало поддержку громко взывающим о помощи польским католическим деятелям. Главными союзниками поляков стали и тесно связанные с Копитаром находящиеся в Риме папский архивариус Тейнер и иезуит Секки. На основании их переписки можно сделать вывод, что они оказывали непосредственное влияние на папу. В письме от 1842 года иезуит определенно заявляет о своих успехах².

Не удивительно поэтому, что папа под их влиянием 22 июля 1842 года в новом обращении к кардиналам «*Haerentem diu*» выдвинул тяжкое обвинение, направленное на этот раз прямо против политики русского правительства в отношении католической церкви в этой стране. При этом он подчеркивал, что энциклика «*Summum*» от 1832 года по-прежнему сохраняет силу. Беда не в том, что папа выступил в защиту законной власти, такова ведь его обязанность, а в том, что эта власть

---

¹ См. K. Piwarski, Kuria, str. 56—62.

² См. фонд Копитара в Национальной библиотеке в Вене

совершила ряд враждебных актов против римско-католической церкви. Обвинение было подтверждено и еще более заострено подборкой 90 документов, подготовленных в основном Тейнером. Решительный протест русского правительства от 12 октября 1842 года против обращения папы и в особенности против указанного сборника документов ничего не изменил. Меттерних, во всяком случае, вновь добился того, что русскому правительству понадобились его услуги. Чтобы доказать несправедливость и неправомерность обвинений папы и то, что польские доверенные лица ввели его в заблуждение, противная сторона указала на ряд неверных положений в этом собрании документов.

Меттерних боялся панславизма в любом его аспекте — чешском, иллирийском или польском, — раз он был связан с тяготением к России¹. Поэтому он надеялся весьма осмотрительно использовать для своих целей не только взращенный в его стране австрославизм, но и польский славизм, несмотря на революционную направленность последнего, поскольку он был обращен против России. В этом мнении его укрепляло особое положение римско-католической церкви, которое та завоевывала в Польше в ходе тысячелетней истории благодаря поддержке господствующей знати и высшего духовенства. Перед ним, казалось, открывались неограниченные возможности натравливать друг на друга Россию и Польшу и одновременно выступать в качестве посредника между ними.

---

¹ См. HHStA, Bd. 660. Инструкция австрийскому послу в Петербурге от 4.7. 1844.

Глава XI

КОНКОРДАТ РОССИИ С ПАПСТВОМ

Несмотря на различия, даже противоположность интересов Рима, Вены и Петербурга, стремление сохранить единый фронт в борьбе за укрепление лагеря реставрации в Европе оказалось еще достаточно сильно. Перед лицом нарастающего движения народов Европы за обновление старые державы теснее сомкнули свои ряды. Среди них царская Россия занимала господствующее положение. В этом лагере папа и царь выступали с полнейшим единодушием, поэтому их дороги опять сошлись; Меттерних со своей стороны поддерживал того и другого.

Упреки царского правительства, адресуемые папе, в том, что он своим обращением от 22 июля 1842 года поддержал революционное движение в Европе, были для папы горше, чем выдвинутое католической Польшей обвинение, будто Ватикан подкуплен царской Россией. В протесте царского правительства от 12 октября 1842 года подчеркивалось, что высказывания папы летом 1842 года послужили толчком к новым беспорядкам, прикрывавшимся религиозными мотивами. За них на папство возлагалась полная ответственность. В ответ на это последовали извинения со стороны статс-секретаря кардинала Ламбрускини и заявление курии, что она надеется продолжить переговоры с Россией по крайней мере относительно улучшения положения латинской церкви в стране. Выраженное курией пожелание отвечало позициям царя и правительства в отношении папства. Они вовсе не желали разрыва.

В 1843 году дело дошло до обмена личными письмами между папой и царем. Письма с обеих сторон были полны любезностей. Папа в своем послании от 16 марта 1843 года перечислил все сделанное им для того, чтобы

воспитать из католиков России, и прежде всего поляков, послушных подданных царя. Царь 11 июля 1843 года ответил на это перечислением всего сделанного им для римско-католической церкви в России и особо подчеркнул, что меры, принятые его правительством против католиков в России, вовсе не были связаны с религией, а имели лишь чисто политический характер.

На первый план вновь были выдвинуты два вопроса: порядок назначения католических епископов в России и предоставление папе возможности оказывать влияние на Россию без того, чтобы это наносило слишком большой ущерб ее государственным интересам. Для царизма, особенно после разделов Польши, это стало важно. После того как русский посланник при папском престоле Потемкин был отозван, Бутенев в качестве русского посредника в Риме начал с июля 1843 года переговоры в таком направлении, что заслужил от римской стороны самые горячие похвалы¹.

Русское правительство пошло на уступку статс-секретарю в важном вопросе. Оно согласилось, что «информационный процесс» относительно кандидата на пост епископа будет вестись из Рима, в соответствии с предписанием канонического права римско-католической церкви. Русский министр иностранных дел лишь выразил пожелание, чтобы информация эта не опиралась на мнения польских эмигрантов. Папский статс-секретариат, конечно, решительно отрицал, что пользуется этими источниками, хотя именно Гутковский из Львова, в прошлом подляшский епископ, был одним из главных информаторов курии по делам кандидатов в епископы в России². Но Гутковского курия не считала эмигрантом, ибо он продолжал жить среди поляков. Поэтому папа Пий IX имел возможность указать позднее царскому дипломатическому представителю при папском престоле на целую пачку донесений, написанных, по его утверждению, не эмигрантами³. Фактически Гутковский был главой ватиканской разведывательной службы. Тайно ему оказывали поддержку в венской

¹ См. Меморандум от 2.7.1844; A. Boudou, op. cit., vol. I, p. 370.

² См. Zywczyński, Geneza.

³ См., например: В. Попов, Сношения России с Римом, ЖМНП, 1870, т. CLII, стр. 237—238.

государственной канцелярии, он использовал донесения специально для этого посланного в Петербург советника Мейзенбурга. Сведения эти, хотя и основывались на личных наблюдениях, сделанных под определенным углом зрения, были довольно достоверны. Меттернихская разведка длительное время снабжала папскую курию такими жалобами, которые сильно затрудняли царскому посреднику ведение переговоров¹.

Тем важнее было царскому правительству иметь среди самих русских надежных помощников, верных официальной политике. В этом И. Гагарин и увидел в 1845 году свое предназначение. 8 февраля 1845 года после окончания срока его новичиата в иезуитском ордене, он обратился к генералу ордена Роотгаану с запиской о путях преодоления греческой схизмы в России и у славянских народов². Он предлагал создать в иезуитском ордене славянскую школу, в которой должны были обучаться либо иезуиты-славяне, либо те, кто готов посвятить свою жизнь миссионерской деятельности в славянских странах или в России. В других странах, таких, как Австрия, где тоже живут славяне, исповедующие православие, следовало создать собственные иезуитские коллегии со школами для подготовки к обращению их в католичество. Гагарин писал генералу в сопроводительном письме, что стал католиком и иезуитом, только имея в виду эту великую задачу. Записка представляет собой важный документ славянофильства чистейшей воды, правда, место православной церкви в этих планах занимает римско-католическая.

Генерал ордена иезуитов был знатоком восточных стран, хотя и не был другом славян. Впрочем, приписываемое ему оскорбление чехов в 1848 году является фальшивкой³. И. Гагарин не был направлен с миссией в славянские земли, он должен был сначала, как и все иезуиты, учиться и действовать во Франции по предписанию своего провинциала. Руководитель французской

---

¹ См., например: В. Попов, *Сношения России с Римом*, ЖМНП, 1870, т. CLII, стр. 237—238.

² См. «*Milenium poloniae sacrum*», t. II, Roma, 1955, str. 205—228.

³ См. J. A. Helfert, *Geschichte der österreichischen Revolution im Zusammenhange mit der mitteleuropäischen Bewegung der Jahre 1848—1849*, Bd. I, Freiburg — Wien, 1907, S. 63 ff.

провинции ордена мало считался с причудами русского князя. В сороковых годах И. Гагарин шел обычным путем иезуита во Францию. Узнав от влиятельных представителей русской знати о том, что папа и царь стремятся к обоюдному сближению, он в начале 1845 года серьезно уверовал, что вскоре настанет время объединения русской православной церкви с римско-католической.

Да и в самой России объявились сообщники Ватикана, готовые подобрать до конца преданных Риму кандидатов на посты епископов. Одним из них был, например, Б. Головинский, пользовавшийся уважением русского правительства и самого царя, ректор вновь открытой в 1842 году в Петербурге римско-католической духовной академии. Головинский сначала совершенно искренне предложил в качестве кандидата, удовлетворяющего обе стороны, самого себя, а кроме того, назвал одного из своих близких друзей. Римско-католическая духовная академия в Петербурге продолжала дело закрытой десять лет назад католической семинарии в Вильне. В ней должны были проходить подготовку, как во Фринтанеуме в Вене, преданные государству кандидаты в епископы. Любопытно, что мысль перехитрить русское правительство с назначением епископов, которую имел в виду Головинский, внушена была ему опять-таки через австрийского посланника в Петербурге¹.

Между тем Николай I серьезно стремился к единению с папским престолом. Он без конца лично посылал к папе надежных посредников, мужчин и женщин. Весной 1844 года в Риме с подобной миссией находился, например, барон Гакстгаузен. Барон происходил из древней вестфальской знатной семьи, тесно связанной с римско-католической церковью. По инициативе царя Николая I он в 1843—1844 годах объездил Россию, с тем чтобы иметь возможность представить в выгодном свете внутреннее положение, жизнь и особенно отношения в деревне². Отношения царя с Гакстгаузенем нача-

---

¹ HHStA, Rußland, 1843.

² August Freiherr von Haxthausen, Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands, Bd. I und II, Hannover, 1847; Bd. III, Berlin, 1852; сочинение было издано и на французском языке: «Études sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions morales de la Russie», vol. I, II, Hannover, 1847—1848, vol. III, Berlin, 1853.

лись при посредстве великой княгини Елены. Она и сама сочувственно относилась к католицизму.

Вокруг царя все более явно обозначался круг людей, подпавших под влияние католицизма, стремившихся добиться сближения царской России с папским престолом. В глубине души они надеялись на проведение церковной унии сверху.

Во время путешествия по России у Гакстгаузена появился свой взгляд на перспективы унии церквей. Он выдвинул идею, что папа в интересах полной унии русской церкви с папским престолом должен решительно отказаться от угасающей униатской церкви, этого бельма на глазу у русско-православной церкви. За это можно выторговать улучшение положения латинской римско-католической церкви в России, добиться усиления ее зависимости от папы. Тем самым был бы расчищен путь к проведению сверху полной унии с русской православной церковью. Но такой, пусть даже временный, отказ папства от униатской церкви трудно было себе представить, даже если учесть известную нам из истории позицию папства по отношению к униатам. Папство не согласилось бы сменить то, что было в его руках, что было добыто ценой тяжелых жертв, на нечто шаткое и расплывчатое.

И русский государственный советник Струве, который вел переговоры относительно брака одной из великих княгинь с эрцгерцогом, так и не добился успеха. Брак этот должен был скрепить союз трех крупнейших держав, составлявших фундамент движения за реставрацию. Папский престол хотел использовать и этот случай для того, чтобы глубже вмешаться в дела католической церкви в России, и тем возбудил недоверие царя Николая I, который опасался в связи с этим усиления австрийского влияния.

В дело сватовства были втянуты и великие княгини. Великая княгиня Елена начала переговоры с нунцием и Меттернихом относительно брака дочери царя с эрцгерцогом. Царь возлагал на этот брак большие надежды, поскольку с ним было связано укрепление фронта держав, поборников реставрации, о чем царь столь усиленно заботился. Для этого царь все время старался создать благоприятную обстановку в Риме¹. И папа всех,

¹ См. J. Schmidlin, Papstgeschichte, Bd. I, S. 635 ff.

кто приезжал от царя, встречал особенно приветливо. Царь и папа обменялись любезными посланиями. В одном из посланий папа заверял, что католики своей преданностью трону покажут себя достойными покровительства царя. Царь со своей стороны уверял, что его расхождения с руководителями католической церкви в России вызваны только их строптивостью и глубокой испорченностью, что попытки царского правительства устранить их недостатки выдаются ими за преследования. Он же, обращаясь с просьбой к папе утвердить размеры епархий или выбор кандидатов в епископы, печется только о нуждах католической церкви в России. Как видно, оба — папа и царь — действительно прилагали усилия к тому, чтобы достигнуть сближения.

Чтобы добиться ясности в вопросе о браке, который должен был соединить Романовых с Габсбургами и тем самым укрепить силы реставрации в Европе, Николай I в 1845 году, возвращаясь из Сицилии, где он был вместе с супругой, объявил о том, что хочет встретиться с папой. Нужно было заручиться согласием папы на этот смешанный брак, ведь дочь царя хотела сохранить православную веру. В этой игре многое зависело от единства Вены и Рима. Разрешение папы могло облегчить заключение брака, но в то же время папа мог и осложнить положение. Одновременно царь предполагал начать переговоры о конкордате с Россией. Это тоже связывалось с условиями предстоящего брака. Основой для переговоров должно было стать молчаливое согласие папской курии на уничтожение униатской церкви и признание законным распределения имущества церкви в России. За это царь готов был согласиться на более тесный контакт латинской католической церкви с папским престолом.

Это было немалой уступкой со стороны царя, ибо противоречило всей предыдущей практике русского государства, которое насколько могло пресекало любое прямое вмешательство папы в свои дела. Министр просвещения Уваров особенно опасался, что подобные уступки приведут в будущем к серьезным затруднениям. И так как во время переговоров обнаружилась тесная связь между австрийским правительством и папским престолом, то опасения эти были не совсем безоснова-

тельными. Ведь Вена, связанная с папством в качестве гаранта папского государства, через Рим могла оказывать на Петербург гораздо большее влияние, чем прежде. Это совсем не входило в интересы России.

Правда, можно было рассуждать и так: если будет установлен с папским престолом прямой контакт, опасность со стороны Австрии как посредника будет уничтожена.

Из этого и исходил русский министр иностранных дел Нессельроде, который по желанию своего повелителя решительно стоял за уступки. Николай I и его министр иностранных дел более всего заботились о том, чтобы укрепить столь важный для них союз главных реакционных держав в Европе. Ведь все яснее ощущалось приближение революции. Нельзя было не замечать глухого ропота недовольных народов. Донесения русской и тем более австрийской тайной службы все настойчивее указывали на возрастающую угрозу господствующему строю.

Однако Нессельроде, как и его повелитель, безусловно, переоценивал ту ответственность, которую папская курия должна была бы нести за духовное благополучие своей паствы. Определяющую роль в политике папства играли политические соображения, сколь ни хотели это скрыть в Риме. Главным был вопрос о том, какая держава поможет папам добиться осуществления их притязаний. Папское государство связывало папу прежде всего с соседней Австрией, которая всегда была готова вступить за интересы этого государства. А к своему государству папы были привязаны всей душой. Царская же Россия была далеко, и что касается защиты папского государства, то папа не ждал от нее такой непосредственной помощи, как от Австрии. Если Россия в то время из политических соображений покровительствовала православной церкви в Греции и странах Леванта, то Австрия и Франция выступали в роли защитников римско-католической церкви. Поэтому Австрия вместе с Францией поддержала в 1844 году протест папы против конституции Греции под тем предлогом, что в Греции якобы недостаточно гарантировались права католической церкви в сравнении с православием. Так Австрия и папский престол осуществляли постоянную и тесную связь

между собой, опираясь друг на друга. И верно, конечно, что о России и папстве этого нельзя было сказать¹.

Зная эти обстоятельства, русская дипломатия тем настойчивее стремилась к сближению папства и царизма, чтобы все видели, с каким доверием и доброжелательством относятся друг к другу Россия и папский престол. Нужно было лишить всякого основания постоянные жалобы поляков на то, что папство находится в подчинении царя, и для этого заключить соглашение между Россией и папским престолом, то есть заключить конкордат. Специально заняться этим царь повелел графу Блудову. В донесении от 29 октября 1845 года, составленном на основании его частного письма, посвященного обоснованию и подготовке конкордата, говорилось, что документ этот не должен быть очень большим, ибо достоинство его не в количестве статей. Однако составить его надо было так, чтобы его можно было продемонстрировать не только католическим подданным Российской империи, но и православным, которые с особой подозрительностью относятся ко всяким переговорам с папой. Достаточно «продемонстрировать, что у нас с Римом безоблачные отношения, чтобы выбить оружие из рук тех злонамеренных людей, которые поднимают его против нас, оружие опасное, поскольку его овекает священное знамя»². Здесь очень точно сформулировано, какие цели преследовал конкордат. «Злонамеренные» — это поляки, выступавшие за независимость и пользующиеся католицизмом как «святым знаменем», маскирующим истинный смысл их борьбы. Надо было отнять у них это «святое знамя», чтобы прикрыть им борьбу за обуздание польского свободолюбия. Очень любопытна была позиция царского правительства по отношению к русскому, белорусскому и украинскому народам, чье отвращение к папству необходимо было учитывать. Сам царь добивался заключения конкордата, он собирался даже лично говорить об этом с папой.

Несмотря на то, что генерал Паскевич «умиротворил» Польшу настолько, что там установилась кладбищенская тишина, царь не мог избавиться от страха перед

---

¹ См. G. Hofmann, *Papa Gregorio XVI e la Grecia*; Gregorio XVI. *Miscellanea commemorativa*, vol. 2, Roma, 1958, p. 135.

² В. Попов, *Сношения России с Римом*, ЖМНП, 1870, стр. 139 и сл.

польскими революционерами. Николай I боялся и того, что царские войска в Польше могут подпасть под влияние революционных идей¹. Страх этот и тревога за судьбы реставрации в Европе толкали царя вопреки воле народов его страны в объятия папства.

В результате двух личных свиданий папы с царем, 13 и 17 декабря, оба властителя продемонстрировали свою неуклонную волю достичь обоюдного соглашения, поскольку оно отвечает интересам европейской реставрации².

Относительно подлинного содержания бесед существуют различные версии, однако из этих версий можно все-таки выудить истину. Во время этих бесед царь подчеркивал, что если папа верен своему долгу служить оплотом реставрации в Европе, а в этом Николай не сомневается, то он должен еще более, чем прежде, влиять на поляков, требуя от них послушания царскому правительству. Распространился-де слух, будто папа, особенно в 1842 году, да и теперь также, действует под влиянием клеветнических заявлений польских эмигрантов (князя Чарторийского в Париже). Польская эмиграция нашла в кругах французских католиков, таких, как Монталамбер, горячих сторонников, которых сильно опасались в Риме. Папа решительно протестовал против подобных клеветнических обвинений и обещал оставаться верным своему назначению идеологического оплота реставрации. Со своей стороны царь обещал сделать все от него зависящее, чтобы заключить с папским престолом конкордат³.

Царь приложил очень много усилий к устройству брака, который должен был упрочить союз Романовых с Габсбургами. Однако царь понял, что папа не желает идти навстречу его планам в той мере, в какой бы ему

---

¹ См. Н. К. Шильдер, Император Николай I, т. II, СПб., 1903, стр. 394, 490.

² См. E. Šmurlo, *La visita dello Czar Nicolò I al Papa Gregorio XVI, 1845*, Roma, 1907; см. J. Schmidlin, *Papstgeschichte*, Bd. I, S. 635 ff.; A. Hudal, *Österreichische Vatikanbotschaft, 1907*, S. 99 ff.

³ R. Lefevre, *S. Sede e Russia e i colloqui dello Czar Nicolò I nei documenti vaticani (1843—1846)*, Gregorio XVI. *Miscellanea Commemorativa*, vol. 2, p. 159—293, где приведены новые документы.

хотелось. Николай убедился также в двуличии Меттерниха, который при обсуждении вопроса о браке не оказал на папу никакого воздействия. Австрийский канцлер хотел, чтобы Австрия и далее сохранила за собой роль посредника между Россией и папством. В итоге же царь отказался от своих расчетов на этот брак и решил добиться соглашения с папским престолом при помощи конкордата.

Царь не без основания подчеркивал, что польская эмиграция серьезно препятствует налаживанию отношений России с Ватиканом. В 1842 году князь Чарторийский попытался проникнуть к папе с помощью очень влиятельного в курии иезуитского ордена и его генерала Роотгаана. Но перед самым свиданием папы с царем был разыгран такой спектакль. Мнимая обитательница монастыря базилиан в Минске приехала в Рим из Франции, куда спаслась бегством из России. Она привезла драматическую историю семилетних страданий, которые она якобы претерпела в России как верная дочь католической церкви. Буквально за несколько дней до встречи с царем эту истеричную монахиню удалось представить папе. В ноябре 1845 года Максимилиан Рилло отредактировал написанное по-польски повествование монахини, и оно было немедленно переведено для папы Григория XVI на итальянский язык¹. Наряду с Рилло историей этой занялись еще два польских священника. После первой мировой войны один хорошо осведомленный польский иезуит доказал, что вся эта история — ложь². Но тогда, в 1845 году, появление этой женщины вызвало большой интерес³.

Душераздирающая повесть, предназначенная специально для того, чтобы тронуть сердце «святого отца», не могла, однако, приостановить переговоров папы с царем. Видимо, у папы были серьезные намерения при любых условиях твердо держаться программы реставрации и в связи с этим добиваться конкордата с царской

---

¹ Книга называлась так: «Opowiadanie Makreny Mieczyslawskiej Xieni Bazylianki Minskich o ich siedmioletniem prześladowaniu za wiarę», «Fondo gesuitico», 1113.

² См. J. Urban, Makryna Mieczyslawska w świetle prawdy, Kraków, 1923.

³ См. Martyre de soeur Jrena Macrina Mieczyslawska, Paris, 1846.

Россией. Очень велика была потребность у обеих реакционных сил — царизма и папства — прийти к соглашению друг с другом. Поэтому слухи о жестоких столкновениях между обоими властителями не соответствуют, очевидно, действительности. Наоборот, аудиенции проходили в дружеской обстановке, в атмосфере особой сердечности¹.

На обратном пути царь Николай в последний день 1845 года имел длительную беседу с Меттернихом², которая протекала, очевидно, гораздо более бурно и драматично, чем встреча царя с папой в Риме. Ведь все зависело главным образом от Меттерниха, так как судьба папского государства целиком была в руках Австрии.

Многочасовая беседа с Меттернихом на другой день, то есть 1 января 1846 года, еще в большей степени, чем беседы с папой, утвердили царя в стремлении осуществить желательный для царской России союз с папским престолом. Необходимо было по возможности ликвидировать опасное для Петербурга посредничество австрийского правительства. Поэтому министр иностранных дел Нессельроде задержался в Риме в начале 1846 года и весьма энергично продолжал переговоры с папской курией. В разговоре с Меттернихом царь упомянул о месяце, который его министр иностранных дел проведет в Риме, чтобы продолжить переговоры. За это время он рассчитывал по крайней мере заложить основы для окончательного соглашения.

Россия со своей стороны признала, что униатская церковь, в том виде, как она сохранилась в Холме, и католическая могут функционировать по римским законам, не вступая, конечно, в конфликт с русскими светскими властями. В этой формуле была отражена и серьезная уступка, однако было в ней также и противоречие, которое, как показала действительность, было невозможно преодолеть. Немедленно встал вопрос, где граница между сферой применения канонического права и русских гражданских законов. На него можно было ответить по-разному. При различии взглядов обеих сторон трения были неизбежны. Поэтому обе стороны были

---

¹ См. J. Schmidlin, Papstgeschichte, Bd. I, S. 635.

² См. заметки Меттерниха от 31.1846 года; важнейшие места беседы записаны по-французски, HHStA, Rußland, II, K. 131.

счастливы найти растяжимую формулировку, которая могла бы обеспечить возможность продолжения переговоров.

После этой прелюдии в Риме, оставившей путь для дальнейшего урегулирования открытым, начались затяжные переговоры в России. Была создана специальная министерская комиссия для выработки инструкций к переговорам в Риме. Царь лично принимал большое участие в работе своих министров. Это свидетельствует, какое значение он придавал соглашению с папством.

Мы уже упоминали, что внутри царского правительства существовали две точки зрения. Они очень быстро и вполне отчетливо выявились на заседаниях министерской комиссии. Но поскольку царь решительно настаивал на конкордате, Нессельроде и действовавший заодно с ним государственный советник Блудов взяли верх над теми, кто призывал к величайшей осторожности в отношениях с папской курией¹. Камнем преткновения стала духовная коллегия, которая для папской курии была бельмом на глазу, а для царской России являлась основой государственного устройства церкви. В результате дело не пошло дальше незначительных преобразований². Приманкой для Ватикана должно было послужить решение основать седьмую епархию латинской церкви в России, с центром в Херсоне, на юге России. В Саратов из Херсона должны были назначить викарного епископа. Руководить переговорами было поручено надежному человеку — Блудову. Он получил инструкцию вести переговоры совместно с посланником в Риме Бутеневым.

Вспышка польского восстания в 1846 году, правда, в одном только вольном городе Кракове и прилегающих к нему областях Западной Галиции, немедленно повлекла за собой новое сближение трех китов реставрации: папы, Меттерниха и русского царя. Восстание в Кракове показало, по мнению Николая I, Меттерниха и Григория XVI, что всякий революционный порыв должен быть задушен в зародыше, что залогом успеха является быстрое и решительное объединенное выступление держав, сторонников реставрации. Меттерних

---

¹ См. A. Boudou, op. cit., vol. I, p. 503 et suiv.

² См. A. Petrani, Kolegium, p. 80 et suiv.

сообщил австрийскому посланнику в Петербурге, что в Риме с ужасом признали правоту царя, указывавшего на то, что в Польше создалась опасная ситуация, грозящая революцией¹.

Папа без колебаний выступил против всяких революционных движений в Польше. Через папского нунция в Вене гнезно-познаньский архиепископ и епископ кульмский получили приказ Григория XVI всеми средствами добиваться сохранения лояльности польских католиков по отношению к прусскому правительству². Восстание в отошедших к Пруссии польских территориях удалось подавить в самом начале. Папа сыграл в подавлении его не последнюю роль. Когда 20 февраля 1846 года вспыхнуло восстание в вольном городе Кракове и прилегающих частях Западной Галиции, папа вновь через посредство венского нунция обратился 27 февраля с посланием к тарновскому епископу и решительно потребовал от него, чтобы тот не допустил распространения революции за пределы указанных выше районов. Папа писал, что если восстание не распространится дальше, то его легче будет подавить. При этом он превозносил Габсбургов за их заботу о католической церкви. Итак, верность за верность: «Честь, слава и полнейшее послушание высокоуважаемому повелителю»³. Папа оказался на своем месте.

Меттерних был очень доволен энергичным вмешательством папы в пользу австрийского императора, хотя и считал его само собой разумеющимся. Но, конечно, еще большее удовлетворение доставила ему военная помощь царской России в подавлении краковского восстания⁴. Чтобы подчеркнуть опасность, Меттерних охарактеризовал восстание как коммунистическое. Ведь всякое проявление свободолюбия казалось Меттерниху «коммунизмом». Как было царю и папе не сомкнуться теснее для отражения опасности, грозившей реставрации? «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священ-

¹ См. HHStA, vol. 661. Инструкция Меттерниха от 18.4.1846.

² См. «Demokrata Polski» от 23.2 и от 28.3.1846.

³ D'Angeberg, Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1761—1862, Paris, 1862, p. 1030 et suiv.

⁴ См. письмо Меттерниха царю от 15.3.1846, HHStA, vol. 661.

ной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо...»¹

Это сплочение сил реакции в Европе, конечно, весьма способствовало успешному течению переговоров относительно конкордата с Россией. В октябре 1846 года дело дошло уже до заключения официального соглашения. Блудов прибыл для этого в Рим. К этому времени, однако, умер Григорий XVI и на престол св. Петра вступил Пий IX. О нем шла молва, что он либеральнее своего предшественника. Поэтому польская эмиграция возлагала на него большие надежды. Хорошо осведомленный о положении в Риме, князь Чарторийский направил в Рим из Парижа доверенное лицо, некоего Орпишевского, который должен был настроить папскую курию решительно против конкордата с царской Россией. Посланец Чарторийского сумел очень ловко завязать отношения с племянником папы, дабы хоть косвенно оказать влияние на нового папу.

Заключительные переговоры о конкордате с Россией официально начались только 19 ноября 1846 года и продолжались до 1 марта 1847 года. Папская сторона вела их с большим упорством. Очень интересно в подробностях проследить ход переговоров по донесениям посланника Бутенева, государственного советника графа Блудова и по инструкциям их шефа, графа Нессельроде. Заслуга Попова состоит в том, что он в своем фундаментальном исследовании дал полную картину переговоров, приведя многочисленные выдержки из архива министерства иностранных дел². Из приведенных им материалов обнаруживается стремление царской бюрократии настаивать на подчинении церкви государству. Римско-католическая церковь хотела идти в России своим путем, без опеки и покровительства со стороны России, распространять свое духовное влияние на все, что только удастся подчинить себе. Это казалось опасным для привилегированной православной церкви, служившей оплотом царизму.

Несмотря на проявленную обеими сторонами добрую волю, в ходе переговоров обнаруживались все новые

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Соч., т. 4, 2 изд., М., 1955, стр. 423.

² См. В. Попов, цит. соч.

противоречия. Лишь железная воля царя и его ближайших сотрудников помешала срыву переговоров. То же самое можно сказать и о Пие IX и его соратнике, кардинале Ламбускини, который в качестве статс-секретаря открыл переговоры и теперь должен был их завершить. От этой отнюдь не заманчивой перспективы Пий IX вынужден был уклониться. Точку зрения папской курии выразил А. Тейнер в сочинении «Русская церковь схизматиков». В ней говорилось, что православная церковь не в состоянии вести русский народ по стезе спасения и цивилизации. Россия только путем унии русской православной церкви с римской может гарантировать своим народам подлинную цивилизацию¹. В заключение утверждалось, что поляки и католическое население России могут обрести свое счастье только под отеческим и справедливым владычеством Австрии. Все важные инстанции папской курии, да и сам Ламбускини твердо придерживались этой точки зрения, что, естественно, очень осложняло ведение переговоров. Действительно, только отчаянное положение лагеря реставрации могло помочь преодолению такого рода преград.

Вначале переговоры касались седьмого римско-католического епископства в России. Это была уступка России римской курии, поэтому к соглашению пришли быстро во всем, кроме требования Рима основать в Тифлисе викарное епископство, что было отвергнуто из политических соображений. Виной тому была враждебная России позиция турецких ассумпционистов*, распространивших свою деятельность и на Кавказ.

Однако дальнейшие переговоры показали, что единства можно достигнуть лишь по очень немногим пунктам. Относительно предварительного взаимного консультирования при назначении епископов еще раньше пришли к соглашению; его должны были осуществлять царь и папа лично. Власть епископов возрастала; им подчинялись теперь не только консистории, но и содержащиеся на средства католических общин школы. Римско-католическая академия в Петербурге передавалась под контроль могилевского митрополита. Но в вопросе о посыл-

---

¹ A. Theiner, *La chiesa scismatica Russa*, Lugano, 1846, p. 6.

* Ассумпционисты — католическая конгрегация. Возникла в 1843 году, близка к ордену августинцев. — *Прим. ред.*

ке гражданских чиновников в приданные епископам консистории и в казавшемся курии очень важным вопросе о смешанных браках не отмечалось никакого прогресса. Вопрос о гражданских прокураторах в епархиальных консисториях едва не привел к окончательному срыву переговоров. Для Петербурга же это был предел возможных уступок.

От Блудова русское правительство узнало о неблагоприятном отношении к России, утвердившемся в Риме со времени понтификата Пия IX. Царь был разгневан такой нерешительностью, как он называл эту политику, и стал сомневаться в добром желании своего партнера. Блудову было приказано 11 апреля 1847 года пригрозить папе срывом переговоров. Одновременно курии было разъяснено, к каким последствиям для дальнейшего развития католической церкви в России приведет этот разрыв. Комиссии кардиналов, собравшейся 3 июля 1847 года, достигнутые к тому времени соглашения, конечно, не понравились. Но папа, председательствовавший в комиссии, все же решился в конце концов подписать то, о чем договорились, дабы избежать худшего. По свойственной папам близорукости он надеялся еще завоевать Россию с помощью тех кандидатов в священники, которые обучались в Риме. Для дальнейших успехов католической церкви в России ему казалось достаточным пока и то, что конкордат давал возможность Риму опереться на деятельных преданных Риму епископов¹.

3 августа 1847 года, главным образом под напором близящейся революции, конкордат с Россией был подписан в Риме. В тридцать одной статье соглашения, подписанной, с одной стороны, кардиналом Ламбускини, а с другой — графом Блудовым и Бутеневым, была сделана попытка закрепить достигнутое. Соглашение должны были еще ратифицировать папа и царь².

Римская сторона, во всяком случае, рассматривала подписание соглашения в качестве первого шага к урегулированию взаимоотношений России с папским престолом. Царское правительство и сам царь тоже не

---

¹ См. А. Welykyj, Documenta, t. II, № 920.

² См. донесение прусского посланника в Риме от 28.12.1847, DZA, Merseburg, AA, ZB, № 256.

были в восторге от конкордата¹. Блудова, руководителя русской делегации в Риме, упрекали в излишней уступчивости. Но в конце концов царскому правительству подписание неудачного соглашения казалось лучшим, нежели разрыв переговоров, особенно в связи с тем, что во французской прессе велась кампания против конкордата и польская эмиграция использовала все средства, чтобы сорвать его подписание.

Царь Николай I ратифицировал конкордат. По этому случаю Блудов в награду за большие заслуги в заключении конкордата получил орден св. Андрея Первозванного, осыпанный бриллиантами, — высшую награду Российской империи. В письме к нему царь выразил свое удовлетворение по поводу доведения до конца дела с заключением соглашения между Россией и папским престолом².

Это послание императора, появившееся в середине декабря в немецких газетах и перепечатанное французской прессой, по многим причинам произвело тяжелое впечатление на папскую курию. На декабрьском заседании консистории папа высказал свое недовольство подписанием соглашения от 3 августа 1847 года и предъявил новые обвинения, касающиеся положения католической церкви в России. Тем временем соглашение, несмотря ни на что, было ратифицировано. К тому же в послании царя Блудову говорилось о завершении переговоров. Папа же и его окружение полагали, что соглашение — это только начало³. Польские католики горячо выражали свое недовольство по поводу достигнутого и настаивали на продолжении переговоров. Однако они были вынуждены довольствоваться разъяснениями римской курии — по ее мнению, послание императора не означает конца переговоров. Об этом сообщил прусскому посланнику Ферретти.

В 1847 году отношения между Россией и Австрией обострились. Это было вызвано двойственной позицией Австрии в ходе переговоров между Россией и папским престолом. Важнейшие причины столкновения нам уже

---

¹ См. донесения прусского посланника в Риме за это время (В. Попов, цит. соч.).

² См. донесение прусского посланника в Риме, DZA, Merseburg, AA, ZB, № 257.

³ Донесение прусского посланника в Риме от 14.I.1848, Ibid.

известны. Конфликт зашел так далеко, что Россия пригрозила Австрии разрывом дипломатических отношений. В 1847 году русское правительство получило известие из Рима о тайной переписке польских епископов с папской курией, которая велась через австрийского посланника в Петербурге.

Позднее русский поверенный в делах в Риме Бутенев сообщил об интригах Австрии при заключении конкордата¹. Поэтому подписание конкордата, как его именовали в Петербурге, стало для России вопросом ее престижа. В Риме слово «конкордат» встречали с неудовольствием, так как папская курия понимала под ним полное урегулирование отношений папского престола с каким-либо государством. Тем не менее соглашение 1847 года именуют конкордатом вполне резонно, ибо оно определяло размеры отдельных епархий и устанавливало порядок назначения епископов. А это — основа взаимоотношений любого государства с папским престолом.

Несмотря на то что обе стороны чувствовали неудовлетворенность, конкордат был подписан прежде всего из боязни перед надвигающейся революцией. Демократы же всей Европы видели в этом конкордате союз царя и папы, как об этом открыто заявили Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии». Ронге, основатель немецкой католической партии, на одном из собраний немецких католиков в связи с русским конкордатом послал проклятья «господам на Неве и на Тибре»².

Содружество России с папской курией, за которым стояла Австрия, покоилось на совместной борьбе против революции. Хотя новый папа и умел так ловко маскироваться либеральными фразами, что Григорий XVI, его предшественник, спросил как-то о нем: «И этот хочет стать кардиналом?» — он вынужден был выступить с посланием, обращенным главным образом против коммунизма. Коммунизм считался наиболее опасной революционной силой. Поэтому Пий IX назвал его пагубным учением, противоречащим естественному закону

---

¹ См. В. Попов, цит. соч.

² См. Nordrik, *Boj s hierarchou cirkve v rokach 1841—1845*, изд. J. Dubnickij, Bratislava, 1953.

и повсюду, где бы оно ни восторжествовало, разрушающим «понятия собственности, права и основы существующего общественного порядка»¹.

Именно желая сделать свой вклад в спасение существующего общественного порядка, Пий IX решился, несмотря на совершенно не удовлетворяющие его уступки со стороны царского правительства, подписать так называемый «русский конкордат». У самого Пия IX отсутствовало даже малейшее представление о России и ее народах. Он слишком глубоко воспринял мысль, высказанную в 1845 году Тейнером: «Христианская цивилизация может распространиться в России лишь в результате унии русско-православной церкви с римско-католической». Цивилизация, христианство, западный мир — все это для него были понятия идентичные. Однако реставрация в Европе, трещавшая по всем швам, без помощи царской России не могла продержаться и часу. И первое же послание папы показало, что Пий IX, так же как и его предшественник, твердо придерживается идей реставрации. Так как папа при вступлении на престол объявил об амнистии и тем сумел рассеять общее недовольство папством, то происшедшие в 1847 году беспорядки в Риме и в папском государстве были обращены в первую очередь не против него, а против австрийского посольства и иезуитов².

Знаменательно, что австрийское правительство и орден иезуитов считались главными противниками национального пробуждения Италии, ее объединения. Ведь обе эти силы оказывали поддержку папскому государству, одна — войсками, другая — идеологически, своими школами и многочисленными писаниями. В июле 1847 года дело дошло до нападения римского народа на Палаццо Венеция — резиденцию австрийского посла Лютцова — и одновременно на расположенное совсем поблизости от австрийского посольства, в Аль Гезу́, помещение генерала ордена иезуитов.

---

¹ См. A. H u d a l, Österreichische Vatikanbotschaft, S. 106, 274.

² См. письмо Тейнера Феслю от 19.1.1847, Literaturarchiv Prag, Fesl-Nachlaß. В письме сказано: «Итальянцы распространяют смехотворные слухи относительно Австрии и Неаполитанского королевства. Будто император и король Неаполя разгневались на папу и запретили своим подданным под страхом тюремного заключения произносить его имя».

Правда, порядок в папском государстве и в Риме был с помощью австрийских войск восстановлен, но это было всего лишь затишье перед бурей. Общая цель — не допустить взрыва революции — самым тесным образом связывала Австрию и папскую курию с царской Россией. Меттерних, хотя и умел извлекать пользу из противоречий между Римом и Петербургом, пытался, однако, предотвратить окончательный разрыв между обеими державами, указывая обеим сторонам на растущую опасность, угрожающую реставрации в самое ближайшее время. Нам известно, что Меттерних обладал разветвленным разведывательным аппаратом, раскинувшим свои сети по всей Европе. Перлюстрация писем, в которых могли содержаться интересные сведения, была включена в эту систему и в эти черные дни превратилась в своего рода искусство.

Однако напряженность в отношениях между Пием IX и Россией не исчезала. Лучше всего это показывает энциклика «*In suprema Petri apostoli sede*»¹ от 6 января 1848 года, в которой папа обращался ко всей православной церкви, призывая ее возвратиться к единству с «высшим престолом апостола Петра».

В этой энциклике нашел свое выражение принцип непогрешимости папы, который Пий IX подчеркивал с особой силой. Именно этим и характеризовался его понтификат. Но в этом-то вопросе церкви резко расходились. Православная церковь категорически отвергала подобные претензии папы. Поэтому энциклика была вызовом православной церкви, и так она и была воспринята. Папе же, с его взглядами на православную, и особенно русскую, церковь энциклика казалась совершенно необходимой.

В мае 1848 года в Константинополе собрались четыре православных патриарха и 29 православных епископов. Собор высказался против январской энциклики папы², в то время как высший орган русской православной церкви, синод, хранил молчание. Нам известна причина этого молчания: царь не желал осложнять и без того нелегкое положение папы. Один только хорошо известный нам А. С. Стурдза решительно поднял свой

¹ Pii IX Pontificis Maximi Acta, part. I, Roma, p. 78—91

² См. Mansi, Amplissima collectio conciliorum, v. 20, p. 370 et suiv.

голос в поддержку отрицательной оценки энциклики восточными патриархами. На этот раз он выступал не по поручению царя и не получил никакой награды¹.

Несмотря на этот брошенный православию вызов, царский посредник граф Блудов был вновь направлен в начале 1848 года в Рим, с тем чтобы добиться ратификации папой конкордата. Взрыв революции в 1848 году содействовал тому, что противоречия эти были отодвинуты на задний план². В связи с падением Меттерниха в Вене поколебалась и светская власть папы в Риме. Поэтому царскому правительству не следовало еще более осложнять его положение.

В переговорах в Риме, целью которых была ратификация папой русского конкордата, царское правительство продемонстрировало полную готовность и далее идти навстречу. В обращении папы, зачитанном в тайной консистории 3 июля 1848 года, Пий IX указывал на ряд успехов, которые принес папству конкордат. Прежде всего он указал на увеличение числа епископств с 6 до 7. Новый епископ херсонский должен был получить второго суффрагана в Саратове. Даже в щекотливом вопросе о смешанных браках царское правительство пошло на уступки³. Дальнейшие усилия папской курии были направлены на достижение возможно большей самостоятельности епархиальных консисторий, духовных семинарий и духовной академии в Петербурге. Папа охарактеризовал соглашение, разумеется, лишь как первый шаг. Ожидали дальнейших уступок, высказывали надежды на унию церквей. В приложении соглашение (*conventum*), состоящее из 31 статьи, воспроизводилось на французском языке⁴.

Папская курия была заинтересована прежде всего в назначении в Россию преданных Риму епископов. Какая борьба поднималась персонально вокруг каждого назначенного кандидата, видно из приведенных Поповым⁵ донесений Блудова и Бутенева; об этом также

---

¹ «La double parallèle ou l'Eglise en présence de la papauté», 1849.

² B. Hutten-Czapski, 60 Jahre Politik und Gesellschaft, Berlin, 1936, Bd. I, S. 12.

³ См. A. Boudou, *op. cit.*, vol. II, ch. 1.

⁴ Ibid.

⁵ В. Попов, *цит. соч.*

можно судить по полученным ими инструкциям из Петербурга и по сочинениям Буду¹, написанным им на основании материалов римского архива. Сколь трудно было русскому правительству отделаться от опасного для него польского епископа Гутковского! Оно вынуждено было даже поддерживать шпионскую деятельность этого епископа, направленную против самого русского правительства. Царское правительство еще в 1849—1850 годах выдержало тяжелую борьбу за назначение епископом Б. Буткевича², ректора римско-католической духовной академии в Варшаве, но все было тщетно. За каждого кандидата шла ожесточенная война. Епископ Семашко не прекращал своей деятельности в Риме.

Переговоры в Риме в 1848—1850 годах ясно показали, как важно было царю и его правительству не только добиться ратификации конкордата папой, но и реализовать его. В годы революционных потрясений союз царя с папой должен был поддерживать решимость сторонников реставрации. В тот момент царская Россия была заинтересована только в сохранении для Европы папства как реакционной силы. А папству, как и Австрии, грозила тогда серьезная опасность. В Риме это хорошо понимали. Когда революция вспыхнула в самом папском государстве и папа вынужден был на длительное время покинуть Рим, заинтересованность Николая I в союзе с папством, естественно, уменьшилась. Однако в противовес славянофильству, все более превращавшемуся в официальную идеологию, царь не желал допустить полного разрыва с папством. Из подробных донесений П. А. Строганова царь был хорошо осведомлен о ходе революции в Риме и о бегстве в Гаету. Он отнюдь не забывал об этом³. Тем не менее между обоими дворами сохранялся тесный контакт и полное единодушие в борьбе с революцией.

В своей докладной записке Николаю I относительно «Римской проблемы» Ф. И. Тютчев, этот гениальный русский поэт-лирик⁴ и публицист-славянофил, настоя-

---

¹ A. Boudou, op. cit., vol. II.

² См. В. Попов, цит. соч.

³ См. донесения П. А. Строганова от 25.11. и 5.12.1848 и в ЦГАДА, Строгановы, ф. 1278, опись V, № 260.

⁴ См. Д. Благой, Литература и действительность, М., 1959, стр. 423—457.

чиво предостерегал царя против преувеличения значения папства для дела реставрации. Несмотря на неоднократные утверждения, что папство — оплот реставрации, оно в решающий момент революции в Западной и Центральной Европе обнаружило свою идеологическую слабость. Основываясь на этом, Тютчев приходил к уже известным нам выводам, что римско-католическую церковь, в случае если беда станет возрастать, придется вновь принять в лоно вселенской христианской церкви.

Эти мысли впоследствии оказали влияние на Достоевского. В 1867—1868 годах в своем романе «Идиот» он вложил в уста князя Мышкина утверждение, что католицизм хуже атеизма. А в романе «Братья Карамазовы» он в образе «великого инквизитора» гениально показал опасность, исходящую от папства, его несоответствие христианским идеалам¹. Тютчев обратился к Николаю I с такими словами: «Мы должны теперь выступить перед ними не как ученики иезуитов, но противопоставить им свою, русскую точку зрения».

Русский народ, однако, вовсе не был «утесом среди бурного моря революции», как представлял его себе в поэтическом порыве Тютчев. Эта характеристика относилась лишь к официальным кругам царской России. Куда были обращены симпатии русского народа в бурные 1848—1849 годы, показывают многочисленные волнения в стране. Хорошо отражено положение и в донесениях австрийского посланника в России².

---

¹ См. A. v. Schelting, Rußland und Europa im russischen Geschichtsdenken, Bern, 1948, S. 147 ff. und 329.

² См. о России в связи с революцией 1848 года в книге: А. С. Н и ф о н т о в, Россия в 1848 году, М., 1949.

Глава XII

ПАПА ПИЙ IX. ПОЛЬША И АЛЕКСАНДР II

Новый царь, Александр II, так же как его дядя Александр I, в начале своего царствования пытался противопоставить революционной ситуации видимость либерализма. С именем нового царя прежде всего связана легенда об «освобождении крестьян». Влиятельные католические круги ожидали от Александра II нового статуса и для католической церкви в России. Они помышляли о создании в России единого фронта всех, кто надеялся уберечь страну от грозящей революции.

В борьбе с революцией папство рассчитывало предложить кое-что действенное. Казалось к тому же, что в связи с изоляцией, в которой очутилась Россия в результате Крымской войны, сближение царской России с папской курией будет для нее особенно желательным. На римскую курию оказывали тогда влияние две великие державы: Австрия и Франция. Сначала попытались завязать отношения через Австрию. Почему бы не возродить новый Священный союз, не сомкнуть ряды царской России, неоабсолютистской Австрии и реакционной Пруссии? Тогда на долю папского престола вновь выпала бы важнейшая роль идеолога такого союза.

Но император Франц-Иосиф I слишком серьезно относился к своей роли протектора римско-католической церкви и не мог забыть о своем антагонизме по отношению к православному царю. За этим крылись экономические и политические противоречия между Россией и Австрией на Балканах.

Это положение сохранилось и после смерти Николая I и по вступлении на престол Александра II.

Из до недавнего времени неизвестного письма молодого австрийского императора его министру иностран-

ных дел Буолю мы узнаем, что император более всего опасался нового русского государственного канцлера и министра иностранных дел А. М. Горчакова, несмотря на то, что Александр II уполномочил австрийского посланника «передать свое искреннее желание сохранять с Австрией добросердечные дружеские отношения»¹. Франц-Иосиф продолжал далее в своем письме: «Из всего вышесказанного можно заключить, что князь Горчаков был бы рад загладить ссору, разыграв нечто вроде торжественной сцены примирения, которая неизбежно произошла бы при встрече на русской земле». Поэтому австрийский император решительно отклонил переданное через специального посла приглашение нанести визит царю в Варшаве.

Занятая императором и апостолическим королем позиция не позволяла и думать о возрождении в новых условиях Священного союза, поэтому началось сближение царской России с бонапартистской Францией. Это привело к изоляции Австрии. В войне 1859 года за освобождение Ломбардии от господства Габсбургов, в которой Наполеон III оказал поддержку Сардинии, Россия заняла позицию вооруженного нейтралитета, подобную той, какую заняла Австрия во время Крымской войны. Результатом этого явилось полное поражение Австрии в борьбе с национально-освободительным движением в Италии и с Францией. В Риме, однако, это восприняли с неудовольствием, ибо победа Италии привела к ухудшению положения папского государства. Благодаря границе с Венецией влияние Австрии на папское государство возросло и упрочилось. В ходе сотрудничества Австрии с папским престолом дело дошло до демонстрации со стороны папства против России, которая обратила на себя пристальное внимание: в 1856 году папа возвел митрополита униатской церкви в Галиции Левицкого в кардинальское достоинство²; а митрополия была расположена на русской границе. Это была демонстрация против России, вызванная отрицательным отношением правительства к униатам. Правда, униатское епископство холмское еще

---

¹ См. письмо от 14.9.1857, HHStA, Pol. Archiv 40/269, фонд Буоля.

² См. A. W e l y k y j, Documenta, vol. II, № 925.

существовало, но оно доставляло папе одни огорчения. Возведением в кардинальское достоинство митрополита галицийской униатской церкви папа как бы благословлял австрофильское движение на русской границе.

Александр II с самого начала был заинтересован в хороших отношениях с папством; это видно из того, с какой поспешностью сообщил он Пию IX об изменении в составе правительства. Папа ответил лишь 9 апреля 1855 года, причем объединил в послании соболезнования с поздравлениями по поводу восшествия на престол. Одновременно он выразил желание улучшить отношения, то есть, другими словами, добиться новых уступок в отношении католической церкви в России¹.

Специально созданный царем в конце 1855 года комитет должен был сформулировать новые уступки. Членами комитета были такие общеизвестные сторонники католиков, как Нессельроде (председатель) и Бутенев. Вместе с ними в комитет вошли будущий посланник при папском престоле Киселев и министр внутренних дел Сергей Ланской. Комитет собрался на первое свое заседание 15 декабря 1855 года и обсудил пожелания римско-католической церкви в России. Комитет заявил, что необходимо закрыть несколько монастырей, ибо число монахов в них стало менее 8. Однако было решено сделать все, чтобы сохранить связанные с этими монастырями приходы священников и духовников. Были созданы два новых прихода для священников. Из-за Крымской войны херсонская епархия еще не была создана, зато епископство тираспольское было создано заново. Решено было назначить шесть новых суффраганов епископа. Монастырям гарантировали, что правительство будет охранять соблюдение статута их ордена.

С этими уступками, которые рассматривались как огромный шаг вперед, Н. Киселев направился в Рим и передал 4 августа 1856 года ответ царского правительства на ноту статс-секретаря кардинала Антонелли от 30 января 1856 года. Статс-секретарь узнал о содержании доклада комитета царю через нунция в Мюнхене, так как нунций в Вене вследствие позиции Австрии был не в курсе дел.

---

¹ См. A. Bou dou, *op. cit.*, vol. II, ch. 2, p. 49.

В качестве делегата на коронацию папа направил в Россию 6 августа 1856 года князя Киджи с большой свитой. Выбор был удачен. Князь Киджи вполне подходил для своей роли. Еще в 1838 году, когда молодой великий князь Александр был в Риме, Киджи был к нему прикомандирован. Обоих связывали приятные воспоминания. Правда, положение теперь изменилось коренным образом. Ни к чему не обязывающие разговоры уже не могли иметь места. Главную свою задачу Киджи видел в том, чтобы добиться признания римско-католической точки зрения в вопросе о смешанных браках. Однако для царского правительства это было так же неприемлемо, как учреждение нунциатуры в Петербурге. Царь и его министр иностранных дел, несмотря на все возражения, дали это понять Киджи. Как бы в возмещение за эти неудачи папский легат в России получил широчайшую возможность выслушать жалобы католиков России и сообщить о них Пию IX. Киджи удалось встретиться и с православным митрополитом Филаретом. Однако беседа носила формальный характер. Поэтому, преисполненный вначале надежд, Киджи вернулся в Рим с сознанием неудачи своей миссии¹.

В связи с этим интересно остановиться на одном вопросе, выявившемся в ходе столкновений между Россией и папским престолом. На первый взгляд он поражает своей необычностью, но возникновение его объяснить нетрудно. Речь идет о группе представителей русской знати, которых правильнее всего назвать католическими славянофилами. До сих пор мы придавали им очень мало значения. Принимая во внимание интерес, который исследователи проявляют к славянофилам, очень важно заняться этой группой, которая образовалась еще во времена правления Николая I и теперь сочла, что для нее настало время действовать². Представители этой группы тоже пеклись об интересах царской России. Они ставили перед собой вопрос в духе позднейшего реакционного славянофильства: разве столь уж

---

¹ См. A. Boudou, *op. cit.*, vol. II, ch. 2, p. 56, по инструкции и донесению Киджи. VA, Russia, vol. XIII.

² См. Н. В. Рязановский, Николай I и теория «официальной народности» в России 1825—1855 годов, и особенно список литературы, стр. 273—292. Рецензия В. А. Федорова, «Вопросы истории», 1960, № 8, стр. 177—183.

неизбежно, чтобы Польша и Австрия оттесняли Россию от папского престола и чтобы папа в изобилии осыпал знаками внимания дворянскую Польшу и Габсбургскую монархию, а не Россию? Разве Россия сама не может стать католической и тем самым одним ударом выбраться из политической и культурной изоляции, на которую ее обрекает именно антагонизм с Римом? «Будет ли Россия католической?» — гласит поэтому название одного сенсационного сочинения, принадлежащего перу известного нам русского католика и иезуита, князя Гагарина. Издано оно было в 1856 году.

В Париже образовался кружок русских, обращенных в новую веру, к которому принадлежали главным образом перешедшие в католичество представители русской знати. В Риме и в Лондоне тоже имелись русские, вступившие в католические ордена. Прозвучавшее как «выстрел в ночи» выступление Чаадаева разбудило не только революционную Россию, но вызвало к жизни силы довольно реакционные. Чаадаев «в своем религиозном западничестве» не остался одинок, как это иногда утверждают¹. Дело в том, что для более глубокого понимания отношений между Россией и папством необходимо исследовать связь между Чаадаевым и русскими иезуитами гораздо внимательнее. Слишком мало до сих пор внимания обращали на толчок, полученный Чаадаевым, Тютчевым и другими русскими поэтами и мыслителями от Ж. де Местра. Не случайно 60-е годы XIX века, годы торжества политической реакции в Европе, были годами возрождения идей де Местра. Именно в это десятилетие появилось большинство изданий его писем². Русская критика пыталась сделать из него либерала, хотя не могла обойти его отрицательного отношения к освобождению крестьян. Позднее его вновь отвергли как реакционера³.

Таким образом, у Чаадаева следует отметить постоянную двойственность. Он вовсе не был столь враждебен

---

¹ См. Th. G. Masaryk, *Rußland und Europa, Zur russischen Geschichts- und Religionsphilosophie*, Bd. I, Jena, 1913, S. 209.

² J. de Maistre, *Letters*; J. de Maistre, *Correspondence*; J. de Maistre, *Quatre chapitres inédites sur la Russie*, 1859. Сюда же относится и издание Гагариным писем Чаадаева в 1862 году.

³ См. А. Пыпин, «Современник», т. 112, № 1—2, СПб., 1866, стр. 541—576.

славянофильству, как это нередко можно было заключить из его сочинений. Недаром царская полиция ставила Чаадаева в 1852 году в один ряд со славянофилами¹. Основное положение у них было одно: общество и общественное развитие можно познать только с религиозных позиций². От православных славянофилов Чаадаева отличало только то, что он по-иному решал вопрос о том, какая религия, какая церковь должна стать государственной. Славянофилы видели опору в православии, Чаадаев же ратовал за Рим. Таким образом, Чаадаев стал идеологом так называемых католических славянофилов, которые с 1836 года прокладывали путь в Рим, в католические ордена — иезуитов, редемптористов, барнабитов. Они были последовательнее своего идеолога Чаадаева, характер и знания которого не позволили ему идти этим путем.

Они не пошли и по революционно-демократическому пути Герцена, на которого Чаадаев тоже оказал влияние. Вопреки этому они пришли к католической церкви³, полагая, что в ней обретут внутренний покой, который утратили в удушающей обстановке царской России. В начале сороковых годов иезуитами стали наряду с Гагариным такие известные деятели, как Мартынов и Балабин. Князь Волконский в 1840 году вступил в Риме в орден барнабитов. В том же году В. С. Печерин⁴, сложивший с себя в 1836 году звание профессора классических языков в Московском университете, уехал за границу и в Бельгии вступил в орден редемптористов. Орден этот, так же как и орден иезуитов, занимался миссионерской деятельностью среди разных народов. Особенно был взволнован необычной судьбой Печерина Герцен, который пытался разобраться в этом загадочном случае⁵. Как можно было, желая уйти от реакции, броситься в объятия еще более реакционной силы, чем

---

¹ Th. G. Masaryk, *Rußland und Europa*, loc. cit., Bd. I, S. 208.

² Ibid., S. 207.

³ А. И. Герцен, *Былое и думы*, ч. IV, Соч., т. IX, М., 1956, стр. 139—152.

⁴ См. Бронислав Мефодий, В. С. Печерин, «Вера и жизнь», год изд. 5, 1912, № 4, стр. 85—89.

⁵ См. A. v. Schelting, *Rußland und Europa im russischen Geschichtsdenken*, S. 231 ff.

царизм? Герцен не мог этого понять. Печерин позднее, поссорившись с иезуитами, пошел иным путем и поселился неподалеку от того места, где Герцен нашел свою вторую родину¹.

Становилось все более очевидным, что ни православное, ни католическое славянофильство не в состоянии преодолеть назревающий в России кризис. Так называемые либералы среди помещиков и горожан, видя непрочность существующих порядков, настаивали на проведении реформ сверху, то есть дарованных царем. Они надеялись избежать таким путем коренных преобразований снизу. Эти голоса все сильнее оказывали свое воздействие на царя и привели к тому, что в 1861 году под напором обстоятельств крепостное право было отменено *de jure*. Но *de facto* дворяне-землевладельцы благодаря системе выкупных платежей, которые были возложены на крестьян, обеспечили себе господствующее положение. Эта игра в реформы, не принеся в конце концов ожидаемых перемен, усилила недовольство широких масс крестьянства. Революционеры-демократы Герцен и Чернышевский стали глашатаями крестьянских масс. Они сражались идеологическим оружием, разящим словом против попытки избежать коренных преобразований при помощи частичных уступок. Хотя Герцен был за границей, а Чернышевского, в 1862 году подвергнутого гражданской казни, принудили к молчанию, революционный подъем в России был очень велик и после официальной отмены крепостного права. В конце концов он привел к ряду крестьянских восстаний.

Вызванное так называемым освобождением крестьян революционное движение в России пробудило новые надежды и у поляков. Немалую роль в этом сыграли русские революционеры-демократы². Поляки воспользовались трудностями, которые переживало русское правительство в начале 60-х годов, чтобы в январе 1863 года поднять восстание и сбросить чужеземное иго царского самодержавия. К изумлению русского прави-

---

¹ См. P. Scheibert, Über einige neue Briefe von V. Pečerin, 1867—1875. JbGO, Bd. 8, 1960, S. 70 ff.

² См. J. Kowalski, Die russische revolutionäre Demokratie und der polnische Aufstand, Berlin, 1954; «Historia Polski», t. 11/3, str. 409—421.

тельства, восстание распространилось за пределы Королевства Польского, на западные земли России. Причиной тому послужило всеобщее недовольство широких масс населения этих земель — поляков, белорусов и литовцев.

Да и в самом Королевстве Польском наряду с мелкой шляхтой и буржуазией в восстании принимало участие сельское население¹. Правда, возглавила восстание партия «Белых», в которой преобладали землевладельческая знать, высшее духовенство и крупная буржуазия. Польская знать надеялась в тесном союзе с высшим духовенством вернуть себе господствующее положение, которое она занимала ранее в шляхетской республике. К ней присоединилась буржуазия. В результате быстрого развития капитализма в подчиненной царизму так называемой послеконгрессовой Польше буржуазно-националистические настроения неуклонно усиливались. Большое значение имело и то, что каждый польский крестьянин и рабочий, пробуждавшийся для участия в общей борьбе, прежде всего сталкивался с проявлениями национального угнетения. Оно казалось ему первой преградой на пути. Поэтому Ф. Энгельс, как и К. Маркс, подчеркивал важное значение польской революции для прогрессивного развития Европы: «Устранение его [национального угнетения.— *Ред.*] является основным условием всякого здорового и свободного развития»², причем не только в Польше, но и вообще в Европе.

В процессе формирования буржуазной нации религиозная принадлежность народных масс не раз становилась орудием борьбы. В результате борьба в церкви стала острее, а в среде духовенства тоже зазвучали националистические нотки. Уже в 1830—1831 годах низшее духовенство не осталось в стороне от борьбы. И на этот раз проявлялась связь между принадлежностью к польской нации и к католической церкви³. Но происходило это помимо воли официального руководства церковью. Особенно высшего, папского. Наоборот, даже вопреки его воле!

¹ См. St. Kieniewicz, Sprawa włościańska w powstaniu styczniowym, Wrocław, 1953.

² См. письмо Ф. Энгельса К. Каутскому от 7(15).2.1882, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., М., 1935, т. XXVII, стр. 186.

³ См. «Historia polski», t. 11/3, str. 442—444.

Католическим священникам, принимавшим активное участие в восстании, например К. Микошевскому, члену Центрального Национального комитета, очень скоро стало ясно, что официальная католическая церковь и прежде всего папа Пий IX враждебно относятся к польскому восстанию. Свои наблюдения по этому поводу Микошевский изложил в книге, которую в 1869 году, будучи уже в эмиграции, издал в Женеве. В ней он высказал самые горькие упреки по адресу официальной католической церкви, и особенно ее главы в Риме, за отношение к польскому восстанию 1863 года. Папство и светские власти папского государства представляют собой реакционную силу в Европе, они — несчастье для народов, находящихся под их влиянием. Рим с его светской властью олицетворяет отрицание свободы и справедливости среди народов. Французские, итальянские и немецкие революционеры поняли это еще в 1848—1849 годах¹. Однако большинство польских повстанцев разобралось в этом только в результате долгих, тяжелых испытаний. Многие польские священники, вольно или невольно поддерживавшие в 1861—1863 годах восстание, так и не постигли этой истины. Они дали увлечь себя мистическому националистическому порыву, или, вернее, вынуждены были позволить увлечь себя, если не желали утратить всякое влияние на народ.

Затруднительное положение, в котором оказалось польское католическое духовенство в годы восстания, хорошо обрисовал Шиманский, епископ подляшский, в письме к князю Велепольскому, которого царь Александр II уполномочил погасить революционный пожар ценою ряда уступок. Письмо датировано 1861 годом. В нем рассказывается, как католическое духовенство, несмотря на убеждение, что революция — это несправедливость, не решилось что-нибудь предпринять против использования церкви в целях революционной пропаганды; например, оно не препятствовало пению политических песен свободы, поднимавших народ против царского правительства², на мотив церковных псалмов, таких, как излюбленная национально-религиозная бое-

---

¹ А. И. Герцен, *Былое и думы*, Соч., т. IX, ч. II, М., 1956.

² См. F. H. Gentzen, *Großpolen im Januaraufstand 1863—1864*, Berlin, 1958, S. 102—112.

вая песня «*Boże coś Polske*». Это создавало видимость тесной связи между восставшими и католической церковью. Даже робкое высказывание против революционного движения было бы для католических священников равносильно самоубийству¹.

В связи с этой проблемой любопытно познакомиться с отчетом австрийского генерального консула в Варшаве фон Ледерера²: против революционного порыва, охватившего поляков, не могло бы ничего сделать даже властное слово папы; на него либо не обратили бы внимания, либо оно встретило бы открытое сопротивление в широких кругах духовенства. Враждебная революции позиция папства была известна, и поэтому на собраниях духовенства можно было услышать требования создать независимую польскую церковь, наподобие галликанской. Папа должен был действовать с величайшей осторожностью, если не хотел утратить всякое влияние на польскую церковь.

Об этом и доносили в Рим³. Такие угрозы всегда оказывали на Рим свое воздействие. В связи с этим нам становится понятен смысл письма папы архиепископу варшавскому от 6 июня 1861 года, в котором он конфиденциально пытается снять с себя обвинение в том, что слишком мало сделал для Польши⁴. Когда в октябре 1861 года в связи с революционными торжествами в годовщину смерти Костюшки в католических костелах дело дошло до серьезных столкновений с царскими войсками и администратор варшавского архиепископства — архиепископ тем временем умер — распорядился закрыть все церкви, конфиденциальное письмо папы от 6 июня было опубликовано. Царское правительство усмотрело в этом распоряжении закрыть церкви демонстрацию, подстрекающую к восстанию. Как только царское правительство 9 декабря 1861 года обвинило Рим в поддержке происков революционеров под прикрытием религии, папа поспешил немедленно осудить закрытие костелов⁵. 7 декабря 1861 года коллегия кардиналов,

---

¹ См. A. Boudou, op. cit., vol. II, ch. 3, p. 130.

² Донесение от 6.11.1861, HHStA, Rußland, 1861.

³ См. A. Boudou, op. cit., vol. II, p. 132.

⁴ Ibid., p. 134.

⁵ См. A. Boudou, op. cit., vol. II, p. 150.

которой папа доложил о своем решении, единогласно высказалась о том, что польское освободительное движение носит чисто политический характер, используя католическую церковь лишь как свое орудие¹. Поэтому наложение интердикта путем закрытия костелов следует осудить; божьи дома должны быть повсюду, где это еще не произошло, открыты вновь.

Австрийский поверенный в делах в Петербурге граф Ревертера, представитель тесно связанной с Римом австрийской высшей знати, в своем отчете от 2 декабря 1861 года² высказал мнение, что для России весьма неблагоприятно то обстоятельство, что польские народные восстания, о которых к этому времени дипломаты говорили уже вполне свободно, отмечены печатью мученичества и имеют опасный «вид религиозной борьбы». Он имел в виду столкновения с революционерами во время торжеств, посвященных памяти Костюшко. Странным считал он и то, что Россия недооценивает роль папства в подавлении польских народных восстаний в самом начале. Именно при помощи папства можно было бы лучше всего уничтожить эту «видимость религиозной борьбы». Подлинное отношение папского престола к подобным действиям было ведь уже продемонстрировано Григорием XVI в 1830—1831 годах. Того же можно ожидать и от Пия IX. Австрийский поверенный в делах был прав. Папство было на стороне монархов, особенно до тех пор, пока сам папа оставался светским государем. К тому же над папским государством в 1861—1864 годах висела та же угроза со стороны национального революционного движения, что и над царской Россией. Достаточно лишь вспомнить о Мадзини и Гарибальди. Правда, темперамент и ярко выраженные антирусские³, но вовсе не антимонархические настроения папы Пия IX иногда приводили его к таким высказываниям, которые создавали впечатление о его положительном отношении к польскому восстанию. Но то была лишь видимость.

---

¹ См. J. Schmidlin, Papstgeschichte, Bd. II, S. 218.

² См. HHStA, Rußland, 1861.

³ Гуттен-Чапский (60 Jahre Politik und Gesellschaft, Bd. 1, S. 12) называет Пия IX, которого он знает близко и хорошо, врагом России.

Стоило только царскому правительству сделать попытку заручиться поддержкой папства в усмирении Польши, как оно нашло в папской курии вполне понимающего партнера. О замещении опустевшей вакансии варшавского архиепископа обе стороны принялись хлопотать с таким рвением, что 7 декабря 1861 года начались переговоры между Петербургом и Римом, а 26 января 1862 года Фелинского можно уже было посвящать в сан архиепископа варшавского. Быстрое согласие польских национальных кругов в Риме на избрание Фелинского архиепископом варшавским тотчас же возбудило недоверие прусского посланника в Риме Канитца¹. На 6 января 1862 года папа созвал специальное заседание коллегии кардиналов, чтобы провести преконизацию Фелинского.

Одновременно с этим папа объявил о разделении конгрегации для распространения веры («Пропаганда веры») на два отделения: одно для латинской церкви, другое — для восточной. Оба отделения самостоятельны, имеют своих секретарей, свой аппарат и свои совещательные коллегии. Лишь кардинал — префект конгрегации — объединял эти отделения. Этот шаг папы показывает, какие большие надежды возлагал он в то время на унию с православной церковью. Надежды эти связаны были с огромными трудностями, которые переживала тогда Россия². Устремления папы были при этом направлены непосредственно на русскую православную церковь. Надменный папа полагал, что, если царь одним указом сверху подчинит русскую православную церковь папству, никакого польского вопроса не будет. Ожили надежды Гагарина и католических славянофилов. Однако сторонники этих идей совершенно недооценивали силы польского, да и русского народов!

Впрочем, не один только папа рассуждал столь неразумно, царь лелеял такие же надежды. Он даже пошел на уступки в вопросе о нунциатуре в России и велел передать через своего поверенного в делах в Риме Киселева, что готов принять в России нунция. И тут

---

¹ Донесение от 10.2.1862, DZA, Merseburg, Rep. 81, Roma IIA, № 43, vol. 1.

² Ibid., см. донесение прусского посланника графа Канитца от 3.1.1862.

Рим проявил страшную поспешность, назначив на эту почитавшуюся весьма важной должность Д. Берарди, правую руку статс-секретаря кардинала Антонелли¹. Царское правительство немедленно сообщило о своем согласии, правда, с условием, что нунций не будет непосредственно вмешиваться во внутренние дела России, даже в дела церкви. Чтобы успокоить поляков, папа изложил новому архиепископу варшавскому, чего он ожидает от нунция. Конечно, это была программа далеко идущего вмешательства во внутренние дела церкви в России, осуществлением которой от имени папы должен был руководить нунций. Тем самым папа намеревался окончательно ликвидировать русскую систему государственного подчинения церкви, то есть петринизм.

Поляки, конечно, не дали себя усыпить этими успокоительными обещаниями. Они сразу увидели в учреждении нунциатуры попытку упрочить политическую мощь царизма в ущерб их национальным интересам². В свою очередь царскому правительству не понравилось то, как папа в беседе с Фелинским определил обязанности нунция в России. Чтобы внести в этот вопрос ясность, государственный канцлер Горчаков направил Киселеву в Рим письмо, в котором предлагал ему сообщить папской курии следующее: назначение нунция не будет означать отмены распоряжения царского правительства, запрещающего епископам непосредственно вступать в прямые сношения с Римом. Эти сношения должны осуществляться в соответствии с определенными предписаниями, которые сохраняются в силе на дальнейшее. Горчаков, как мы знаем от Бисмарка, был противником учреждения в России нунциатуры и потому хотел с самого начала поставить все в определенные рамки.

2 мая 1862 года³ эти ограничения были отвергнуты папской курией, хотя обе стороны, как сообщал прус-

---

¹ Донесение от 10.2.1862, DZA, Merseburg, Rep. 81, Roma IIA, № 43, vol. 1, см. донесение прусского посланника при папском престоле от 21.3.1862.

² См. донесение нунция в Вене от 27.4.1862, у: A. Boudou, *op. cit.*, vol. II, p. 169—170.

³ Донесение от 2.5.1862, DZA, Merseburg, Rep. 81, Roma IIA, № 43, vol. 1.

ский посланник после конфиденциальной беседы с кардиналом статс-секретарем, прекрасно понимали, что «революционная деятельность подрывает основы существующего государственного порядка почти во всей Европе». «Поэтому все христианские правительства невзирая на религиозные различия должны вновь условиться об основных принципах, которые они используют как руководство к действию в борьбе против революции и прежде всего против прессы...» Царь и папа в основном сознавали эту общность своих интересов, но политические и национальные мотивы, а также претензии обеих сторон на господство оставались неизменными.

Нунциатура, по мнению папской курии, ставила своей главной задачей прямое наблюдение и руководство епископами, а также активное вмешательство во внутренние дела, особенно во все, касающиеся нравственности и веры. Что именно относится к вере и нравам, папа определял сам, силой своего авторитета. Именно поэтому Пий IX, который был глубоко убежден в своей непогрешимости в вопросах веры и нравственности, вовсе не намерен был терпеть ограничения функций нунция. 22 апреля 1863 года он заявил об этом царскому правительству, ссылаясь на то, что подобные ограничения оскорбляют достоинство и честь папского престола. Для царского правительства подобная точка зрения была совершенно неприемлема, поскольку вступала в противоречие с господствовавшим еще в России петринизмом и позицией русской православной церкви, которая являлась государственной церковью.

Как сообщил Киселев прусскому посланнику в Риме, русский государственный канцлер Горчаков рассчитывал больше не на нунциатуру, а на легата, который немного побыл бы в Польше и России, успокоил бы польских католиков и преподал им урок покорности «ниспосланной богом» царской власти¹. Точки зрения царя и папы на предполагаемое учреждение нунциатуры были, таким образом, совершенно различны, поэтому весь 1862 и первые месяцы 1863 года прошли в горячих спорах. Об этом самым подробным образом сообщал в Берлин прусский посланник в Риме. Реакционные силы в своем стремлении к единению меньше всего считались

---

¹ Ibid., см. донесение прусского посланника от 3.1.1862.

с интересами народов. Это следовало иметь в виду историкам, которые полагали, что, пойдя Пий IX на большие уступки, можно было бы добиться решительных успехов¹.

Царю очень важен был прочный союз с папой, ибо каждый день грозил взрывом восстания в Польше. Поэтому Киселев получил указание согласиться на тот статус, согласно которому функционировала нунциатура, например, во Франции. Русский посланник торопил с отъездом назначенного в Россию нунция. Но Пий IX надеялся извлечь из трудного положения России все что можно и добиться серьезного усиления своего влияния в России. Папе было мало того, что царское правительство готово было признать ту же практику смешанных браков, какая была выработана папским престолом для Венгрии и Баварии. Папа требовал разрешения на созыв своих провинциальных соборов, на что Петербург до сих пор не соглашался. Епископы Королевства Польского должны были вести с Римом переписку не через Петербург, а всего лишь через императорского наместника в Варшаве. Да и наказания за обращение в католицизм должны были быть уменьшены. Папа хотел сломать принципы петринизма, применявшиеся и в римско-католической церкви России, подобно тому как после 1848—1849 годов в Австрии ему удалось с помощью конкордата 1855 года одержать победу над жозефинизмом! Поэтому в Риме упорствовали и не принимали компромиссного предложения Киселева послать нунция².

Курия из-за постоянных колебаний своей политики никак не могла выбраться из противоречий. С одной стороны, она поддерживала стремление архиепископа Фелинского добиться всей полноты власти, пока это не привело к его изгнанию из Варшавы 14 июня 1863 года; с другой стороны, статс-секретарь кардинал Антонелли потребовал 10 января 1863 года, чтобы священники держались подальше от революционного Национального комитета. Епископам было вменено в обязанность строжайшим образом следить за соблюдением этого приказа.

---

¹ См. J. Schmidlin, Papstgeschichte, Bd. II, S. 219. Anm. 35.

² См. донесение прусского посланника от 8.11.1862, DZA, Merseburg, Italien AA, ZB, № 284.

В своем послании новому варшавскому архиепископу от 20 февраля 1863 года папа требовал, чтобы отвергались так называемые враждебные религии законы, то есть уважали законы государственно-церковные. Кроме того, архиепископ должен был предостерегать верующих против «лжеучений» и воспитывать людей в послушании законам божественным. Примером таких законов является закон о подчинении высшей власти. Архиепископ Фелинский и действовал в этом плане¹. 22 апреля 1863 года папа обратился к царю с личным письмом, в котором в полном соответствии с папским посланием от 20 февраля 1863 года решительно осудил всякую политическую революционную агитацию католиков. Папа высказал свое осуждение тем, кто в рядах революционеров сражается с оружием в руках против власти царского правительства.

Одновременно он упрекал царское правительство в том, что оно ограничивало и ограничивает католическую церковь в России в ее правах, ослабляет воздействие принципа послушания и покорности, которым римско-католическая церковь так настойчиво учит свою паству².

Это означало: откажитесь от петринизма, предоставьте римско-католической церкви в России действовать неограниченно — и революции не будет! Рассуждения, которые иезуиты и Жозеф де Местр развивали в конце XVIII — начале XIX века перед Павлом I и Александром I, теперь предлагались Александру II.

Но времена основательно изменились, и даже благие намерения царя в отношении папы не могли ввести в заблуждение относительно действительного положения вещей в России. Нельзя было, опираясь лишь на одну реакционную церковную идеологию, совладать с теми глубокими экономическими и общественными сдвигами, которые тогда происходили в России и в Польше. Даже царь понимал это. В своем ответе папе от 23 мая 1863 года, который был вручен 1 июня русским посланником статс-секретарю, он сослался на это обстоятельство. Царь обратил внимание и на то, что римско-католическая церковь даже там, где она господствует, не сумела предотвратить революцию, более того, в этих

---

¹ См. K. Piwarsky, Kuria, str. 92.

² См. A. Boudou, op. cit., vol. II, p. 209 et suiv.

странах, особенно в папском государстве, она вспыхнула с наибольшей силой. Немалая вина за это падает и на низшее духовенство, которое держится революционно. Царь не понял, что именно деспотизм духовной власти католической церкви в этих странах является одной из причин особенно бурного взрыва революции. Папа не должен закрывать глаза на то, писал царь, что католическая церковь, ее монастыри и белое духовенство в Польше являются орудием революции. Единственное средство спасти Польшу, Россию, да и всю Европу от хаоса — это со всей твердостью и решительностью, в тесном союзе с царским правительством выступить против революции.

Но Пий IX — это не Григорий XVI. Времена были уже не те. Буржуазия в католических странах перед лицом движения народных масс, и в первую очередь пролетариата, поняла, что буржуазный общественный строй, так же как и феодальный, нуждается в авторитете католической церкви, чтобы противостоять революции. В этом был убежден и Пий IX. Конкордаты как форма союза с государствами и средство распространения власти иерархии служили именно этой цели. Экономическое положение папства в понтификат Пия IX также улучшилось благодаря организации сбора динария св. Петра и вложению денег в капиталистические предприятия Рима.

Это еще увеличило самонадеянность папства. Уверовав в свою непогрешимость, папа считал себя как бы судьей над всем миром.

Судя по донесениям прусского посланника в Риме, папа был склонен к высказываниям, которые можно было истолковать как выражение сочувствия к восставшей Польше. Однако папская курия под руководством статс-секретаря кардинала старалась каждое такое папское высказывание, которое можно было истолковать как определенную позицию папства, отводить. В качестве обоснования выдвигалось то, что «проистекающее из огромной доброты легковерие папы» побуждало его к высказываниям, которые можно было неправильно толковать. Руководители польского восстания, находившиеся в Париже, стремились добиться от папы сочувственных высказываний, описывая ему жестокости, с которыми подавлялись последние очаги восстания. Источ-

ником этих сведений были в основном польские дамы. И монахиня Макрина вновь, как и в декабре 1845 года, выступила на арену.

24 апреля 1864 года во время очередной канонизации святого в «Пропаганде веры» папа произнес экспромтом речь, которая вновь причинила Антонелли и папской курии много хлопот. По этому поводу прусский посланник сообщал 7 мая 1864 года¹, что Антонелли всеми силами старается сгладить впечатление, будто речь была прославлением польского восстания. Да и Горчаков дал указание русскому поверенному в делах в Риме Мейендорфу обойти этот факт молчанием.

Но молва об этой речи так разрасталась, что папа счел себя вынужденным повторить ее в послании польским епископам от июля 1864 года, разумеется, уже в несколько измененном виде. Но и в этом виде она вызвала так много гневных нареканий на царскую Россию, что в Петербурге и Москве раздались столь же гневные требования разорвать дипломатические отношения с Римом. Влиятельные реакционные националистические круги во главе с Катковым заявили, что подобные высказывания папы являются нетерпимыми для России. Осуждающие восстание фразы вроде: «восстание, спровоцированное дурными советчиками», — были направлены против Наполеона III и не могли успокоить Россию. Представителям же русского буржуазного национализма была невыносима лесть по адресу польского буржуазного национализма. В связи с польским вопросом в России разгорелись страсти. Только последовательные революционеры-демократы, такие, как Герцен, брали Польшу под свою защиту. Им пришлось вынести жестокую травлю, которая началась в России против них. Но Герцен взял под защиту отнюдь не польский буржуазный национализм, который проповедовали и многие католические священники, а право польского народа на самоопределение, на самостоятельное государственное существование, которого должно добиваться революционным путем, восстав против царского угнетения. Идеи Герцена, разумеется, не имели ничего общего с молитвами и высказываниями Пия IX.

---

¹ DZA, Merseburg, Rep. 51, Roma IIA, № 43, vol. 3.

Вообще папский престол был, конечно, очень далек от идеи революционного национального возрождения Польши. Папа, настроенный резко враждебно по отношению к итальянскому национально-освободительному движению, угрожавшему папскому государству, был заклятым врагом всех национально-освободительных движений вообще.

Интересно в связи с этим указать на позицию царского правительства по отношению к Пьемонту. Итальянское движение за национальное объединение вызывало сочувствие не только у революционеров, но в известных кругах и царской России. Последнюю устраивало усиление Пьемонта, так как оно означало ослабление Австрии. Напротив, революционные вожди движения за объединение Италии, например Гарибальди, вызывали у царизма сильнейшее недоверие¹. Отрицание национальных революционных движений привело Пия IX к решительному порицанию восстания 1863 года. В одном из выступлений в тайной консистории 28 апреля 1866 года он заявил следующее: «Мы теперь, как и прежде, решительно осуждаем мятеж. Особенно мы призываем духовенство отбросить безбожные революционные принципы, отнестись к ним с презрением. Мы требуем от духовенства подчинения властям, верности им и покорности во всем, что не противоречит законам бога и его святой церкви...»

В этом обращении папа дошел до предела в возможном сближении с царской Россией. Папство было глубоко проникнуто сознанием полноты своей власти и там, где речь шла об ограничении его власти над католиками, было совершенно непримиримо. В России же, по мнению папы, в результате господства петринизма власть его над католиками была под угрозой. Здесь перестал действовать даже союз в борьбе за реставрацию, несмотря на то, что взгляды папы были не более прогрессивны, чем взгляды царя.

Папе хотелось прежде всего использовать затруднения царизма в связи с восстанием в Польше, чтобы прибрать к рукам хотя бы духовную коллегия в Петербурге. Коллегия эта была оплотом петринизма, а ведь в ее руках, по существу, находилось высшее руководство

---

¹ См. G. Berti, *op. cit.*

католической церковью в России. 22 мая 1863 года папа обратился по этому поводу к русскому правительству. Но и польское восстание не могло заставить русское правительство пойти в этом вопросе на уступки. Вообще и царская Россия и папство использовали польское восстание, чтобы довести до конца свою борьбу за власть. Даже энциклика «*Quanta cura*»¹ от 8 декабря 1864 года с так называемым «Силлабусом» в качестве начала, реакционное значение которой невозможно переоценить, не могла помешать опубликованию указа от 8 ноября 1864 года, по которому не менее 114 из 197 католических монастырей в России были закрыты². Дело в том, что в католических монастырях повстанцы якобы находили надежное убежище. Закрытие монастырей вызвало, конечно, страшный гнев папы и курии в Риме, поскольку монастыри были и остаются оплотом папизма. В этом акте нашли свое яркое выражение противоречия между папским престолом и царской Россией. Царю в высшей степени нравилось резкое осуждение папой национализма, социализма и коммунизма, но с ясно выраженной претензией папства на всемогущество, на духовное господство над миром царь, слишком тесно связанный с православной церковью, согласиться не мог.

---

¹ См. H. Denzinger und C. Rahner, *Euchiridion symbolorum*, 30 Aufl., Freiburg, 1955, № 1688—1780.

² О закрытии монастырей см.: J. Eckart, *Von Nicolaus I bis Alexander III*, Leipzig, 1881, S. 324 ff.

Глава XIII

РАСТОРЖЕНИЕ КОНКОРДАТА И ВАТИКАН

В связи с ростом буржуазного национализма вопрос о взаимоотношениях с церковью приобрел в России такое же важное значение, как и в Габсбургской монархии.

В 1865 году граф Д. Толстой стал обер-прокурором святейшего синода. Он занялся исследованием «римского вопроса» в теоретическом плане и тщательно изучил историю отношений России и папства на основе архивных материалов. В результате, в 1863—1864 годах в Париже появился его двухтомный труд «*Le Catholicisme romain en Russie*». Книга эта вышла и на английском языке, чтобы противостоять польской пропаганде, так как после подавления польского восстания эта пропаганда стала очень активной. В 1864 году дело дошло до серьезного конфликта между Россией и Францией, поскольку последняя неоднократно выступала в защиту католических монастырей в России, несмотря на то, что папа, как уже говорилось, отказался уговаривать Наполеона III, чтобы тот вмешался в это дело. В результате последовало серьезное охлаждение отношений между царской Россией и бонапартистской Францией. Попытка России путем сближения с Францией выйти из изоляции потерпела крах. В своих исторических изысканиях Д. Толстой центр тяжести перенес на историю католицизма и католических монастырей в западных областях России, стремясь доказать, что делаемые царской России упреки несправедливы. До 1880 года он оставался обер-прокурором святейшего синода, полагая, что в результате своих исследований достаточно хорошо подготовлен к тому, чтобы вести систематическую борьбу против усиления влияния папства в России. Д. Тол-

стой выступал против папства не потому, что оно представляло собой реакционную силу, он боялся вмешательства извне в дела Польши, что могло бы угрожать политическому положению России.

В «Силлабусе» Пия IX выдвигались требования признания юрисдикции церкви в светских делах (пункт 24); обоснования светской власти папства в папском государстве (пункт 76) и божественного откровения как основы философии (пункт 14).

Кроме того, в нем предавались анафеме все те, кто утверждал, что папы повинны в разделении церквей. Пункт 38, в котором говорилось об этом, был направлен прямо против православной церкви, откуда шли подобные утверждения. Особенно остро встал этот вопрос в связи с торжествами в честь Кирилла и Мефодия в 1863 году.

Поскольку сближения с Францией не произошло, отчасти из-за польского восстания, царская Россия попыталась вновь сблизиться с Австрией, которая, так же как Пруссия и царская Россия, была заинтересована в подавлении революционного национально-освободительного движения среди поляков.

Так как Австрия все еще оказывала влияние на Рим, царская Россия придавала большое значение ее посредничеству. 2 и 3 декабря 1864 года папа вместе с Антонелли и австрийским посланником в Риме устроили тайное совещание о том, какую позицию должна занять папская курия относительно закрытия большого числа католических монастырей в России¹. Папа был якобы за разрыв отношений. Австрийский посланник считал, что этот факт следует обойти молчанием и продолжить переговоры. Из официальных австрийских источников нам известно, что папскую курию удалось удержать от прекращения переговоров и заставить хранить молчание. Русский посланник в Вене Штакельберг получил указание 23 декабря 1864 года передать австрийскому правительству благодарность царского правительства за его вмешательство. Но папская курия выбрала средний путь: Антонелли 30 января 1865 года в ноте русскому поверенному в делах Мейендорфу передал «Рекламацию и протест» против закрытия

---

¹ См. A. Boudou, op. cit., vol. II, p. 239 et suiv.

монастырей в России в связи с подавлением польского восстания¹.

Варшавский архиепископ Фелинский вынужден был из-за польского восстания покинуть свой пост; царское правительство отправило его в ссылку. Назначенный им вместо себя Ржевущий в знак траура по поводу изгнания архиепископа наложил запрет на отправление всех таинств, включая крещение и соборование больных. Фелинский отказался отменить интердикт, это средневековое наказание, полагая, что «нельзя корону верующих втапывать в грязь»². 27 октября 1865 года администратор епархии Ржевущий был арестован и сослан. Он давно уже находился в оппозиции к царскому правительству и поддерживал прямые сношения с нунцием в Вене, а через него — с курией.

Все это толкало к разрыву между Римом и Петербургом. Царь делал все, чтобы предотвратить окончательный разрыв, у папы же не хватало выдержки. Положение папского государства становилось все труднее. Все более ощущалось давление со стороны Наполеона III. Военный министр папского государства монсеньер Вальмоде вынужден был крепче опираться на Францию. Не хватало войска и денег, чтобы снарядить папскую армию к предстоящим столкновениям с силами объединенной Италии³. Возросли и внутренние неурядицы в Австрии. Даже Испания признала в 1865 году Италию, а ведь Австрия и Испания наряду с Францией были главной опорой папства. К этому прибавилось теперь тяжелое положение католической церкви в Польше, которая жестоко страдала от мероприятий царского правительства, направленных на пресечение дальнейших попыток поднять восстание. Обо всех принятых царским правительством мерах немедленно сообщалось в Рим. Этим и объясняется, что Пий IX на рождественском и новогоднем приеме 27 декабря 1865 года обратился к русскому поверенному в делах при папском престоле с упреками по поводу действий русского правительства в отношении католической церкви в России.

---

¹ См. A. Boudou, op. cit., vol. II, p. 240.

² Ibid., p. 245.

³ См. донесение прусского посланника в Риме от 30.9.1865, DZA, Merseburg, Rep. 81, Roma IIA, № 43, vol. 5

Барон Мейендорф ответил разгневанному папе, что в польском восстании католическое духовенство было одним из подстрекательских элементов, поэтому надо смотреть на принимаемые русским правительством меры как на необходимые. В ответ папа указал ему на дверь.

Антонелли знал, что распоряжение об отозвании находится уже у Мейендорфа в кармане, что он сам этого хочет, поэтому статс-секретарь кардинал попытался представить этот инцидент так, будто «неловкий молодой человек» спровоцировал его. В таком свете Антонелли и передал сообщение обо всем случившемся в Петербург, прежде чем Мейендорф, которого в Риме старались успокоить, прибыл туда сам. Оскорблен-де папа. Эту версию Антонелли вопреки истине поддерживали австрийский посланник фон Гюбнер, пользовавшийся в Ватикане большим влиянием, и прусский посланник фон Арним. По их мнению, кровные интересы всех государств требовали поддержать любыми средствами авторитет папы, чтобы не допустить прогрессирования революции¹.

Сам Мейендорф в Петербурге в министерстве иностранных дел деятельно хлопотал об уже обещанном ему отозвании из Рима. Он подчеркивал, что папа своим обращением с ним оскорбил не только царя Александра II, но и Россию в целом. В Петербурге, в самом царском правительстве, возникли острые разногласия между буржуазно-националистическим крылом, возглавляемым военным министром Милютиным, и консервативной партией царя, во главе которой стоял Горчаков. Первый добивался безоговорочного разрыва дипломатических отношений, второй искал компромисса. Милютин одержал верх. В 1866 году русское посольство в Риме было закрыто. Со здания посольства сняли герб и флаг².

Немалую роль в этом сыграла и непримиримая позиция папы, который чувствовал себя глубоко уязвленным в своей непогрешимости и стремился переложить

---

¹ См. донесения фон Арнима от 8.1.1886; 31.1.1866; 19.2.1866; 14.3.1866, DZA, Merseburg, Rep. 81, Roma IIA, № 43, vol. 6

² См. подлинные известия об этих событиях у Грегоровиуса, который был связан личными дружескими отношениями с Мейендорфом. F. Gregorovius, *Römische Tagebücher*, Stuttgart, 1892.

вину за все случившееся на Мейендорфа. Поскольку русское правительство с этим не согласилось, папское правительство сочло себя оскорбленным и само настояло на разрыве дипломатических отношений¹.

На открытом заседании консистории 29 октября 1866 года папа произнес речь, в которой решительно осудил политику русского правительства по отношению к католической церкви России и Польши. Он заново перечислил все свои претензии². Особо сетовал он по поводу изгнания архиепископа Варшавы Фелинского и его генерального викария, ликвидации каменецподольской епархии, закрытия большого числа монастырей и конфискации их земель, а также по поводу ограничения землевладения отдельных приходов и соборных капитулов. Seriously взволновала папу ссылка последнего униатского епископа — епископа Холма Калинского. Его сослали 23 сентября 1866 года. Папа опасался, что это начало конца последнего униатского епископства. Недаром во вступительной части речи была такая фраза: «Нам хорошо известно, что русское правительство предприняло столь жестокие меры в отношении церкви по причине зловредной и достойной во всех отношениях проклятья революции; в то же время можно было наказать виновных в мятеже по всей строгости закона без того, однако, чтобы осуществлять столь жестокую борьбу против церкви». А потому все предпринятое против церкви папа объявил недействительным.

В дополнение к этой аллокуции 15 ноября 1866 года были опубликованы 68 документов. Редактировал их все тот же Тейнер. Они должны были подкрепить положения папской речи. В целях опровержения этого сборника напечатанных в глубокой тайне³ на итальянском и французском языках документов папской курии, так называемого «*Expositione documentata*»⁴, царское правительство опубликовало историческое резюме, в кото-

---

¹ См. донесение Арнима Бисмарку от 14.3.1866, DZA, Merseburg, Rep. 81, Roma IIA, № 43, vol. 6.

² Ibid, см. дословный текст в донесении прусского посланника от 30.10.1866.

³ См. указание Gregorovius'a, *Römische Tagebücher*, Stuttgart, 1892.

⁴ «*Expositione documentata*», 1866; латинское название сборника «*Expositio documentis munita*». Издано в 1870 году.

ром изложило, как осуществляется конкордат 1847 года. Оно хотело доказать, что конкордат был нарушен по вине папского престола¹. Ибо в папской аллокуции от 29 октября 1866 года было объявлено о недействительности распоряжений правительства. Тем самым, по мнению русского правительства, папа односторонним актом уничтожил конкордат. Этот юридический акт был подтвержден императорским указом от 4 декабря 1866 года². Высшее духовенство римско-католической церкви в России было объявлено в значительной степени независимым от Рима и руководство церковью возложено на Духовную коллегию³.

Милютин с большим трудом убедил царя подписать этот указ, означавший официальный отказ от конкордата 1847 года. Среди высших кругов в России, несмотря ни на что, продолжали действовать прокатолические тенденции. Об этом свидетельствует переход в католичество дочери бывшего государственного канцлера России графа Нессельроде. Ее обращение произошло в 1866 году, то есть в разгар конфликта между царским возложено на духовную коллегию³.

Союз царя и папы помимо их воли оказался нарушенным, хотя оба они понимали, что дух реставрации их объединяет. Поэтому очень скоро папа стал стремиться к восстановлению дипломатических отношений. Австрийский министр иностранных дел Бейст поручил австрийскому посланнику в Петербурге Ревертере вступить с русским правительством в переговоры по этому вопросу. Австрия вновь заняла излюбленную ею позицию посредника между царской Россией и Римом. Однако Ревертера сообщил в Вену⁵, что встретил мало сочувствия у русского государственного канцлера, с которым имел беседу. Непреклонную позицию русского правительства объясняли мнимой симпатией «римского двора» к польскому восстанию. Как мы уже показали, это объяснялось неверным толкованием происходящих событий.

---

¹ «Résumé historique des actes de la Cour de Rome».

² «Полное собрание законов Российской империи», собрание II, СПб., 1868, реестр хронологический, стр. 30.

³ A. Petrani, Kolegium, p. 88—102.

⁴ См. Hergenröther, Kirchengeschichte, Bd. IV, S. 602.

⁵ См. донесение от 31.1.1867, HHStA, Rußland, 1867.

Папская курия пыталась вновь завязать переговоры с царской Россией не только через Вену, но и через Париж. После указа от 4 декабря 1866 года связь между католической церковью в России и Римом была прервана совершенно. Это грозило католической церкви осложнением ее положения. Поэтому решено было попытаться наладить вновь дипломатические связи. Нунций в Париже Киджи, которого Александр лично знал со времен коронации, где тот присутствовал в качестве папского легата, получил из Рима 9 мая 1867 года следующее задание: через русского посланника в Париже добиться свидания с царем и Горчаковым во время их визита во Францию¹. Мы знаем, что Горчаков и особенно царь сожалели о разрыве отношений, поэтому беседы состоялись и протекали в дружеской атмосфере. Горчаков заверил, что отношения между папским престолом и католической церковью в России в скором времени будут восстановлены. Место духовной коллегии должна была занять католическая консистория, которая будет осуществлять в России высшее руководство католической церковью. Во главе ее будет стоять могилевский митрополит. В таких же успокоительных тонах разговаривал с нунцием в Париже и царь.

Императорским указом от 22 мая 1867 года духовной коллегии было вменено в обязанность посредничать в передаче всей переписки с Римом. Духовной коллегии были подчинены все христиане в России и Польше, которые считали папу своим главой². 3 августа 1867 года викарий могилевской митрополии Станиевский сообщил об этом папе³. На это последовало немедленное объединение двух епископств: подляшского и люблинского. Однако в Ватикане признали, что власть духовной коллегии не соответствует каноническому праву. 17 октября 1867 года появилась энциклика «*Levate*». В ней вновь перечислялись все обвинения против действий царского правительства, а затем предписывалось молиться за терпящую гонения католиче-

---

¹ См. A. Boudou, *op. cit.*, vol. II, p. 300—301.

² «Полное собрание законов Российской империи», собрание II, СПб., 1871, т. 42, № 44547.

³ См. J. Schmidlin, *Papstgeschichte*, Bd. II, S. 221 f.

скую церковь России. Папа подчеркнул тем самым, что всякие связи с духовной коллегией запрещены под страхом отлучения от церкви, так как духовная коллегия имеет своей целью уничтожить католическую церковь в России. «Она разрушает священный распорядок в католической церкви и подрывает церковную дисциплину»¹. Главным образом она мешает непосредственному руководству церковью, то есть почти не гарантирует папе возможность вмешиваться в дела церкви.

Толчок к конфликту между царизмом и папством в 60-е годы, приведшему к разрыву дипломатических отношений, дало польское восстание. Действительной же причиной конфликта была борьба папизма и петринизма. Этого нельзя забывать, изучая историю отношений России и папства. Петринизм давно утратил свою былую прогрессивную функцию и нередко выступал как выражение деспотической власти царской бюрократии. Но широкие массы восточнославянских народов питали глубокое отвращение к папству и были полны решимости избежать сетей политических интриг ватиканской дипломатии.

В письме к председателю духовной коллегии, епископу Станиевскому, от 3 февраля 1868 года Пий IX запретил католикам участие в ее деятельности и приказал Станиевскому под угрозой отлучения от церкви немедленно сложить с себя обязанности ее главы. Но викарию могилевского капитула было ясно, что подобный шаг приведет лишь к тому, что католическая церковь окажется вне закона. Поэтому он нес на себе всю тяжесть отлучения, но с разрешения Рима продолжал посвящать в сан священников. Принцип непогрешимости папы не мирился ни с какими уступками, даже если это могло вызвать среди верующих католиков в России самые тяжелые смуты.

В соответствии с беседами в Париже Киджи с Александром II и его государственным канцлером папа намеревался созвать в Риме международную конференцию для обсуждения «русского вопроса». И тут Австрия опять выступила посредником. Однако Горчаков отклонил этот план, мотивировав свой отказ тем, что «Россия

---

¹ A. Boudou, op. cit., vol. II, p. 315.

никогда не согласится с тем, чтобы иностранный священник (папа) вмешивался в ее дела»¹.

Тем временем папа 6 июля 1867 года в ответ на разрыв дипломатических отношений с Россией канонизировал в святые всей римско-католической церкви Иосафата Кунцевича, архиепископа полоцкого, который в 1624 году был убит доведенными до крайнего возмущения толпами православных из предместья. Это было воспринято как вызов России. Кроме того, папа, как мы знаем, одновременно с провалом австрийского посредничества в вопросе о возобновлении дипломатических отношений издал 17 октября 1867 года энциклику «Levate».

В центре внимания римской курии главным образом находилось униатское епископство холмское. Однако и русская сторона в 1866 году отводила большую роль церковной унии. Об этом говорится в глубоком исследовании Бантыш-Каменского, посвященном вопросу о возникновении унии в Польше². После польского восстания 1863—1864 годов русское правительство решило и это последнее униатское епископство воссоединить с православной церковью. Русское правительство сделало все, чтобы поставить такое руководство церковью, которое по примеру Семашко в Белоруссии и Украине осуществило бы и здесь в качестве первого шага сближение униатского обряда с православным. Рим старался всеми средствами помешать этому. Епископ, посаженный папой, был русским правительством смещен; тогда назначенный временно русским правительством управляющий епархией был в 1867 году отлучен папой от церкви. Только после длительных переговоров нунция в Вене с русским посланником в Вене Штакельбергом было достигнуто соглашение.

Вскоре один на первый взгляд чисто литургический вопрос стал выражением борьбы за национальное самосохранение. Дело шло о том, чтобы решительно воспрепятствовать дальнейшей латинизации униатства. Растущая латинизация униатского обряда ставила его в

---

¹ См. донесение Ревертеры от 17.10.1867, HHStA, Rußland, 1867.

² Историческое известие о возникшей в Польше унии, собранное Н Бантыш-Каменским, Вильна, 1866.

двойственное положение. Обряд не был еще вполне латинским, но и не был восточнохристианским. Полонизированное униатское духовенство в Королевстве Польском не понимало, сколь далеко отошел униатский обряд от восточнохристианского, и одобряло подобное развитие обряда. На первом плане у этого духовенства стояла борьба против России. К этому присоединились опасения, что при сближении униатского обряда с обрядом православной церкви униатов постигнет та же участь, что и в западных землях России в 1839 году. Так маленькая территория холмского епископства, населенная украинцами и расположенная на границе Австрии, превратилась в полигон, на котором испытывались все виды оружия, чтобы на почве церковной добиться политических успехов. Прибывающие из Галиции униатские священники были нередко самыми надежными союзниками русского правительства в борьбе за сближение униатского обряда с обрядом православной церкви, которого так боялась папская курия.

Наряду с вопросом о сближении обрядов в последней русской униатской епархии волновал умы вопрос о пользовании русским языком в богослужении римско-католической церкви в самой России. К этому присоединился вопрос о чтении библии на церковнославянском языке, поскольку до этого в католической церкви в России пользовались библией только на польском языке. Этот целиком внутрицерковный вопрос превратился в политическую проблему.

Поляки стремились чтением библии и молитв на польском языке осуществить свои требования. Однако к римско-католической церкви в России принадлежали не только поляки, но и люди других национальностей, да и в самой России проживало немалое число католиков-поляков.

В Королевстве Польском вопрос о языке богослужения не стоял так остро. При возросшем значении буржуазного национализма русские националисты считали, что далее не должно терпеть, чтобы при помощи римско-католической церкви в России осуществлялась полонизация, отнюдь не отвечавшая интересам царизма. Еще 27 июля 1868 года царское правительство категорически запретило употребление русского языка в католическом богослужении, за исключением дней тезо-

именитства лиц императорского дома, в которые начиная с 1832 года разрешалось петь «Tedeum» на языке, понятном народу. Этим самым правительство намеревалось помешать католической пропаганде среди русских. Теперь же, после восстания 1863—1864 годов, надо было (с точки зрения царизма) уничтожить всякую возможность пропаганды всего польского в России.

7 июня 1868 года духовная коллегия на официальный запрос министра внутренних дел ответила, что применение польского языка в богослужении было допущено в качестве уступки реформации¹. До этого молитвы читались только по-латыни. Но эта ссылка на реформуцию никого не удовлетворила. Катков, представитель дворянской монархической реакции, поместил 20 ноября 1868 года в «Московских ведомостях» статью, в которой обращал внимание на парадоксальное явление: римско-католическая церковь в России все еще имела возможность заниматься в России ополячиванием. Годом позднее, 25 декабря 1869 (6 января 1870) года, после резких споров последовало распоряжение царского правительства подготовиться к введению русского языка при чтении тех молитв, которые ранее читались на польском².

Переводы католических молитвенников и библии на русский язык должна была контролировать вместо святейшего синода духовная коллегия. С помощью трех католических прелатов из виленской епархии были напечатаны на русском языке катехизис, собрание воскресных посланий и евангельских текстов и в первую очередь католический ритуал. Папская курия восприняла это опять-таки как новое вмешательство русского правительства во внутреннюю жизнь католической церкви в России. Вопрос о языке молитв стал новым камнем преткновения в отношениях между русским правительством и папством.

Царское правительство не могло не считаться с римско-католической церковью как с реальной силой. В 1872 году русский дипломатический агент, Петр Капнист, прибыл в Рим, чтобы начать в Ватикане переговоры относительно католической церкви в России. Речь

---

¹ См. Kyrios, 1937, S. 227.

² См. A. Petraní, Kolegium, p. 102—108.

шла о назревшей проблеме назначения епископов, которая была благополучно разрешена, поскольку обе стороны были заинтересованы в том, чтобы епископы хоть в какой-то степени отвечали их требованиям.

Во время этих переговоров Капнист высказал желание своего правительства, чтобы папский престол пошел навстречу в вопросе о пользовании русским языком в католической церкви России. Перешедший в католичество лютеранин А. Геесен, чиновник департамента духовных иностранных исповеданий в Петербурге, специально направился в Париж¹, чтобы заручиться поддержкой в этом вопросе католических иезуитов, и в первую очередь русских иезуитов — Гагарина и Мартынова. Нам известны их чаяния добиться создания русско-католической национальной церкви. Из переписки Гагарина с де Буком мы знаем также об их вражде к полякам. Ватикану их планы представлялись абсолютно нереальными, ибо опорой католической церкви в России были в основном поляки. Папа и его окружение категорически отказывались оттолкнуть их или раздражить введением второго церковного языка. Даже князь Волконский, пользовавшийся в Ватикане влиянием и поддерживавший дружественные отношения с Пием IX, ничего не мог добиться в этом направлении.

Как только вопрос о назначении епископов был решен, римская курия и слушать не захотела о введении в католической церкви русского языка. 11 сентября 1873 года Капнист получил памятную записку, в которой доверительно доводилось до его сведения, что Ватикан до тех пор не разрешит этот вопрос, пока католические епископы в России не смогут совершенно свободно общаться с Римом. За этим следовали упреки в том, что правительство в отдельных случаях вмешивается в дела о разграничении епархий. К тому же, говорилось в записке, население западных генерал-губернаторств России против нововведений в вопросе о языках. Капнист ответил на это 17 сентября 1873 года гневным посланием, на что Антонелли дал безукоризненно вежливый ответ в стиле папской курии. На этом дело и кончилось на многие годы².

---

¹ См. A. Boudou, op. cit., vol. II, p. 389—393.

² Ibid., p. 395 et suiv.

Угроза царского правительства создать независимую от Рима славянско-католическую церковь никогда не принималась им самим всерьез. Это объяснялось не только опасением, что борьба против папства не принесет успеха, но прежде всего пониманием того, что намерение следовать за опасным борцом против европейского феодализма Гусом не может служить хорошей рекомендацией для русского правительства. Понятно, что царское правительство стремилось, несмотря на тяготение к старокатолицизму, не разрывать окончательно связей с Ватиканом.

С другой стороны, и папа пошел на уступки, когда 23 февраля 1872 года посвятил епископа Фиалковского в сан митрополита могилевского и разрешил ему перенести центр митрополии католической церкви в России из Могилева в Петербург. Тем самым распоряжение русского правительства получило последующее утверждение папы, после того как Петербург заверил, что он может сохранить титул «Митрополита Могилевского и Всея Руси». Для строительства в Петербурге костелов царское правительство должно было выделить в распоряжение церкви несколько миллионов¹. Одновременно папа обратился к митрополиту с предписанием оказать поддержку униатской церкви в Холме, которая ведет последний бой. Но ей помочь было уже невозможно. В этом районе со смешанным национальным составом населения польское влияние было очень сильным. Административным путем униатство было запрещено. Но сопротивление ликвидации униатской церкви было более значительным на Волыни и в западных землях России тридцать лет назад.

Последний униатский епископ Куземский свидетельствовал, что сопротивление так называемому воссоединению нашло поддержку не у соседних униатов, украинцев из Галиции, которые в основном оставались пассивными, а у польских католиков в Королевстве Польском и в соседней Галиции. Но сопротивление части связанных с польскими кругами униатов не помогло. Широкие массы украинского народа и население холмских земель были за воссоединение. В Австрии униатство

---

¹ См. *Jus pontificium de propaganda fide*, vol. VI/2, Roma, 1886. p. 203.

искусственно поддерживали из политических соображений. И здесь массы украинцев ничего не имели бы против воссоединения.

В послании от 13 мая 1874 года униатским епископам в Галиции¹ Пий IX, имея в виду поддержать их рвение укрепить униатскую церковь, решительно осудил поведение администратора униатской церкви в Холме Попеля. Все мероприятия Попеля были объявлены недействительными. При всех условиях папа требовал избегать в Галиции сближения обрядов, ибо в Риме считали, что это опасный путь, ведущий к воссоединению. Папа, правда тщетно, усиленно призывал австрийских униатов поддержать униатов России. В этом вопросе вновь папа и австрийское правительство действовали заодно. 2 марта 1875 года Попель подписал официальный акт воссоединения, возвращения последней униатской епархии в России в лоно православной церкви. Это произошло после того, как во время всенародного опроса четверть миллиона униатов с 202 священниками и Попелем во главе потребовали присоединения к русской православной церкви².

Несмотря на это, в переговорах с Россией 2 марта 1875 года обозначилось даже более примирительное отношение со стороны курии к духовной коллегии (которую она ранее отвергала), во всяком случае, во всем, что касалось финансов и руководства церкви. Как только в указе от 2 марта 1875 года было объявлено, что духовная коллегия прекращает свою деятельность в качестве посредника в сношениях католического клира в России с папой, последний немедленно объявил 2 марта 1875 года в циркулярном послании всем епископам России и Польши, что он признает компетенцию духовной коллегии в управлении светскими делами и не только разрешает, чтобы митрополит возглавил ее, но и не возражает, чтобы епископы посылали туда своих заседателей.

Ведь с 1867 года Рим обрушивал на всех духовных лиц, отваживавшихся сотрудничать в духовной коллегии, самые тяжкие церковные наказания, включая

---

¹ См. А. Welykyj, Documenta, vol II, № 981.

² См. J. Schmidlin, Papstgeschichte, Bd. II, S. 223 f.

отлучение от церкви. Теперь, несколько лет спустя, это учреждение получило признание папства. Ограничение деятельности его светскими делами ничего не изменило. Оно осталось и далее высшим государственным наблюдательным органом католической церкви в России, которому принадлежало право распоряжения очень значительным состоянием этой церкви в России¹. Это имело решающее значение.

---

¹ A. Boudou, op. cit., vol. II, p. 345; A. Petroni, Kolegium, p. 108—114.

Глава XIV

БОРЬБА ПАПЫ ЛЬВА XIII ЗА РАСПОЛОЖЕНИЕ ЦАРЕЙ

Наследство, оставленное Пием IX в 1878 году его преемнику Льву XIII, было обременено многочисленными неоплаченными векселями. Особенно это относилось к России. Новый папа, как и его предшественник, принадлежал к итальянской знати и, будучи молодым священником, уже занимал важные административные посты в папском государстве. Некоторое время он был папским нунцием в Брюсселе, а затем с 1846 года был архиепископом в Перудже. Умбрия была главным театром военных действий во время борьбы за национальное объединение Италии. Здесь он получил первые уроки борьбы с буржуазно-национальным движением Италии и явился свидетелем победы капитализма и в Италии. Проницательному графу Печчи — так звали Льва XIII до его избрания папой — было ясно, что, с одной стороны, времена феодализма миновали, а с другой — ему была известна тесная связь римско-католической церкви с феодализмом. Недаром богатство церкви заключалось в ее земельных владениях. Римско-католическая церковь продолжала оставаться крупнейшей собственницей земель в Европе, а потому была тесно связана с господствовавшим в Европе вплоть до XIX века дворянством. Союз дворянства и церкви, церкви и монархии, «трона и алтаря» определил историю целого тысячелетия. Поэтому церковной иерархии было действительно нелегко приспособиться к новому социально-экономическому развитию, одержавшему победу в Европе. Неотвратимый ход развития, которому решительно противились даже при Пие IX, заставил наконец церковное руководство подумывать о том, чтобы выработать свое позитивное отношение к нему. Однако на это ушло немало времени.

Позитивное отношение было выработано лишь при Льве XIII. Печчи, ставший папой уже в преклонном возрасте, решительно направил церковь по новому пути. Уже в 1880 году Ватикан создал свой собственный банк — «Банко ди Рома». Капитализм шагнул через стены Ватикана. Новый папа в ряде своих энциклик весьма красноречиво выразил свое признание и понимание современной формы государственного руководства.

С развитием капитализма возник и промышленный пролетариат. В 1848 году Маркс и Энгельс, ясно понимая ход экономического и социального развития, призвали в «Манифесте Коммунистической партии» угнетаемый и подавляемый пролетариат к объединению, дабы разорвать цепи, которыми он был опутан. Появился на свет и первый том «Капитала», в котором были научно сформулированы законы развития общества, законы его экономического развития. Неуклонно развивалось рабочее движение.

Сложившаяся к 1878 году обстановка представлялась новому папе благоприятной для заключения союза с господствующим теперь буржуазным классом, дабы утвердить так называемый общественный порядок, то есть существующий буржуазный общественный строй, и дать ему духовное освящение. Для этого папа открыто предложил свои услуги правительствам в качестве союзника для подавления поднимающегося пролетариата.

Это нашло свое отражение уже в первых его публичных обращениях, энцикликах, его излюбленном средстве выражения своих мнений¹. Так, в энциклике «*Inscrutabili Dei*» от 21 апреля 1878 года он выступил против «врагов общественного порядка», подрывающих авторитет церкви и тем самым угрожающих государству. В энциклике «*Quod Apostolici munus*» от 28 декабря того же года он называл этих «врагов общественного порядка» уже своими именами: это были социалисты. В борьбе против них папа использовал только что объявленный непогрешимым свой авторитет в делах веры и нравственности.

---

¹ См. K. L u g m a y e r, Die gesellschaftlichen Rundschreiben Leos XIII, Wien, 1930.

Не удивительно, что Лев XIII попытался установить дружественные связи также и с царской Россией. Что касается царей, то они давно уже поняли, сколь ценными союзниками для них являются папы. Богатое воображение рисовало наместнику бога совершенно величественные и заманчивые цели в этом направлении. Давнишняя мечта об унии русской церкви с римской, осуществление которой в последнее десятилетие казалось более отдаленным, чем когда-либо, вновь живо заинтересовала папу, отличавшегося незаурядной гибкостью, несмотря на его преклонный возраст. Одним из средств для достижения цели было предложение папы использовать догмат о непогрешимости папства для подавления всякого революционного движения, а также в интересах сохранения царизма. В те годы (1878—1881) царизму ничто не могло столь прийти по душе, как предложение этого чудодейственного средства, особенно после того, как все попытки ликвидировать революционное движение потерпели крах.

Таким образом, желания царя и папы совпадали. К тому же Лев XIII располагал и средствами для подавления сопротивления польского народа царскому правительству или, во всяком случае, рассчитывал на успешное использование авторитета непогрешимости папы на пользу царскому правительству. Папа не задумываясь шел на этот шаг, ибо в случае привлечения на свою сторону царской России он обретал гораздо большее — мировое духовное господство папства, о чем Лев XIII давно мечтал.

От наблюдательного взора Льва XIII не могло ускользнуть то, что России и славянским народам должно принадлежать будущее в Европе. Россия же и большая часть славян были православными и отвергали непогрешимость папы. Это было уже доказано отрицательным отношением православных кругов к догмату о непогрешимости. Старокатолическое движение протеста нашло поддержку и внимание среди влиятельных православных кругов. Царь, однако, нуждался в непогрешимом авторитете папы для ликвидации революционного движения. Он сам, как авторитарный представитель верующих, был всевластен в русской православной церкви. Поэтому, по мнению папы, нужно было привлечь на свою сторону только царя. Перспективы

для завоевания царя казались благоприятными в связи с предложением помощи в борьбе против революции и польского национального движения. Таковы были замыслы Льва XIII. В них была лишь одна ошибка: папа сильно переоценил свой собственный вес, а также значение царизма и сильно ошибся в оценке сил русского, польского и других славянских народов.

Какое значение могла бы иметь уния русской православной церкви с римской? Лев XIII надеялся при помощи такой унии произвести величайшее впечатление на протестантские церкви. Во всяком случае, их значение в христианском мире после унии римской и православной церквей сильно упало бы. Совершенно очевидно, конечно, что папа рассчитывал не только на идеологический выигрыш от такой унии, но прежде всего он имел в виду цели политические. Это столь важное для будущего духовное подчинение России означало бы установление духовного господства папства во всем мире. Китай, Индия и Ближний Восток оказались бы у его ног, если бы русская православная церковь пошла на унию с Римом, то есть подчинилась бы непогрешимому папе.

Папа — духовный повелитель мира; такова была цель, к которой неотступно стремился Лев XIII. Недаром своим кумиром он избрал своего соотечественника Иннокентия III, властителя средневековья. Тот говорил о папе как о «викарии Христа», то есть как о наместнике бога на земле; он желал, чтобы и после смерти его соединили с его учителем. И поныне усыпальницы пап Иннокентия III и Льва XIII, установленные в Латеранском соборе в Риме вправо и влево от алтаря, напоминают о стремлении Льва XIII к мировому господству. Это следует помнить для уяснения дальнейшего.

В 1872 году первый том «Капитала» К. Маркса вышел на русском языке, а в 1878 году возникли первые организации Российской социал-демократической рабочей партии. В 1879—1880 годах в стране возникла революционная обстановка. Поэтому представителям господствующих кругов царской России, и прежде всего самому царю, пришлось очень по душе слова, содержащиеся в папских энциikliках 1878 года. Не удивительно, что очень скоро были предприняты энергичные попытки

вновь установить, казалось бы, прерванные навсегда связи между Россией и Ватиканом.

Папа не медлил с осуществлением своего намерения и тотчас же после своего восшествия на престол, то есть уже 20 февраля 1878 года, известил царя Александра II о своем избрании. В связи с этим он выразил свое сожаление, что между обеими державами не существует дипломатических отношений. Он призвал царя проявить заботу о мире и свободе совести католиков, составляющих значительную часть населения России. В благодарность за это католики, ведомые папским престолом, будут верноподданными царя¹. Через венского нунция и русскую миссию в Вене это папское послание было направлено в Петербург.

В ответе, датированном 18 марта 1878 года, Александр II столь же любезно подчеркивал, что он придает большое значение дружественным связям с папой, которые, однако, были прерваны не по его вине; он разделяет желание папы возобновить дипломатические отношения. Религиозная терпимость в России является священным принципом. То, что римско-католическая церковь не занимает положения православной государственной церкви, является историческим фактом. Тем не менее следует сделать все, чтобы католическая церковь могла свободно развиваться².

Итак, нунциатура в Вене вновь стала местом переговоров. Лучший дипломат, которым располагал папа, Якобини, отправился в Вену, чтобы не только представлять папский престол при австро-венгерском правительстве, но прежде всего для того, чтобы наладить переговоры с царским правительством. Уже 10 декабря 1878 года Якобини беседовал с русским посланником в Вене Новиковым о возобновлении официальных переговоров. Папа желал бы вновь иметь возможность скорее приветствовать представителя царя в Ватикане; правда, этим представителем не должен быть Урусов. Царское правительство тут же отозвало своего дипломатического агента в Риме Урусова, что не могло быть расценено иначе, как шаг навстречу пожеланиям Ватикана³. В начале 1879 года Новиков сообщил, что цар-

¹ См. A. Boudou, *op cit.*, vol. II, p. 473

² Ibid., p. 474.

³ См. J. Schmidlin, *Papstgeschichte*, Bd. II, S. 509.

ское правительство готово к переговорам. Оно выразило пожелание, чтобы нунций в Вене был официально уполномочен для их ведения и чтобы пресловутая памятная записка 1877 года не рассматривалась в качестве основы для переговоров.

Спрашивается, почему Горчаков так быстро отшел от своего прежнего безразличного отношения к этому вопросу и столь быстро и охотно пошел навстречу пожеланиям папы? Чудодейственным средством, способствовавшим резкому изменению настроений в Петербурге, явилась папская энциклика «*Quod Apostolici munus*» от 28 декабря 1878 года, в которой папа самым резким образом осуждал любые перевороты, а главное — коммунизм и социализм. Царское правительство и прежде всего сам царь стояли перед серьезнейшей угрозой революционного движения в стране. Можно себе представить, какое действие произвели в этих условиях на царя слова папы в энциклике о подавлении всякого революционного движения! Теперь стала понятной и быстрая решимость царского правительства начать официальные переговоры.

Да и Ватикан торопился ковать железо, пока горячо. Но и цена была сразу же повышена. 6 марта 1879 года Якобини сообщил русскому посланнику в Вене, что папа официально уполномочил его для ведения прелиминарных переговоров. Сами же переговоры должны были состояться в Риме со специальным представителем царского правительства и там же завершиться.

12 апреля 1880 года и начались эти переговоры. Ватиканская сторона восприняла как неприятный факт привлечение к переговорам директора русского департамента духовных иностранных исповеданий. В результате переговоры в значительной степени утрачивали свой дипломатический характер, чему Лев XIII придавал особое значение. Его стремлением было установление в области духовной своего мирового господства; на пути к достижению этой цели он особо важное место отводил царской России. Поэтому он столь энергично и добивался установления официальных дипломатических отношений, а не переговоров с департаментом иностранных исповеданий, в руках которого находилось административное управление католической церковью в России. Тем не менее начатые переговоры не должны

были приостанавливаться из-за этого камня преткновения. В своем ответе от 29 апреля на письмо папы с выражением наилучших пожеланий Александр II заверял, что он готов сделать все для блага религии и для заключения такого соглашения, однако при этом не должны упускаться из виду и права государства; переплетение политики и религии отнюдь не в интересах церкви. Оба партнера желали, чтобы переговоры завершились установлением дипломатических отношений. Папа и царь вновь нашли общий язык.

Несмотря на выражение доброй воли, переговоры в Вене были очень трудными. Насколько серьезно было желание обоих партнеров достигнуть соглашения, показывает тот факт, что уже 7 июня 1880 года Якобини отправил в Рим первый проект соглашения. 31 октября 1880 года Якобини подписал протокол и статьи соглашения с царской Россией. Соглашение подлежало ратификации царем.

В этот период переговоров с царской Россией папа подготовил свою энциклику «Grande munus», опубликованную 30 сентября 1880 года. В ней Лев XIII заявил о своих симпатиях к славянским народам. Кирилл и Мефодий, так называемые славянские апостолы, давшие славянским народам письменность, были удостоены самой лестной характеристики за свою деятельность и объявлены святыми римско-католической церкви.

Правда, энциклика «Grande munus» встретила в православных церковных кругах резко отрицательное отношение. Особенно недвусмысленным был отклик на эту энциклику, поступивший из России¹, но и сербы также отвергли ее².

Насколько подозрительно относились церковно-политические круги русской общественности к римско-католической церкви, показывает то обстоятельство, что царское правительство стремилось всячески приумень-

---

¹ И. В. Платонов, Анти-энциклика, или братское слово православного славянина к славянам католикам по поводу издания папою Львом XIII буллы о праздновании памяти св. Кирилла и Мефодия, Харьков, 1882; его же: Ответ автора «Анти-энциклики» на последовавшее противу нее со стороны католичества возражение, Харьков, 1884.

² См. А. Franki; опубликовано в «Katoliška Dalmacija», t. IX, Zadar, 1882

шить внешнеполитическое значение соглашения, заключенного с Ватиканом, и содержащихся в нем уступок римско-католической церкви. В правительственном «Петербургском вестнике» 29 ноября 1880 года подчеркнуто сдержанно отмечалось, что между русским послом в Вене графом Убрилем и папским нунцием Якобини велись в Вене переговоры, длившиеся несколько месяцев и закончившиеся пока отъездом кардинала Якобини из Вены¹.

Папский представитель на этих переговорах Якобини после того, как австрийский император вручил ему кардинальскую шапку, отправился в Рим, чтобы занять там пост статс-секретаря. Этим назначением Лев XIII вновь подчеркнул всю важность русско-ватиканских переговоров, несмотря на частичный характер достигнутых ими результатов. Завязанные Якобини личные связи не были нарушены из-за его отъезда в Рим, напротив, они могли быть в любое время возобновлены на более высоком, ватиканском, уровне в Риме. Таково было недвусмысленное желание папы.

Насколько большое значение Александр II лично придавал тесным связям с Ватиканом, свидетельствует тот факт, что весной 1881 года в Риме появились ни много, ни мало, как три великих князя, нанесших визит вежливости папе, столь решительно выступавшему против анархизма, социализма и коммунизма. Анархизм, социализм и коммунизм — то были смертельные враги царизма. Лев XIII оказал посланцам царя самый дружественный прием. Великие князья также «превзошли самое себя», как сообщал австро-венгерский посол в Ватикане не без раздражения, «в проявлении любезностей по отношению к папе»². Несколько дней спустя австро-венгерский посол в Ватикане сообщал в Вену: «Это новое проявление внимания (великие князья явились двумя группами) произвело в Ватикане наилучшее впечатление и оставило чувство глубочайшего удовлетворения»³. Само собой разумеется, что сразу же после

---

¹ Так сообщал в Вену австрийский посол в Петербурге 4.3.1881, HHStA, Rußland, 1881.

² См. донесение от 18.2.1881, HHStA, Vatikan, 1881; см также донесение от 21.1.1881, там же.

³ Ibid., см. донесение от 4.3.1881

этого в Рим отправился австрийский эрцгерцог, чтобы несколько рассеять это «наилучшее впечатление», произведенное там русскими великими князьями.

Но в Рим прибыли не только великие князья. С ними приехал также государственный советник Мосолов, глава департамента духовных иностранных исповеданий и представитель русского министерства иностранных дел Бутенин, чтобы продолжить начатые в Вене переговоры. Прежде всего речь зашла о возобновлении постоянных дипломатических отношений. Несмотря на все трудности, заключение такого соглашения между Россией и Ватиканом казалось возможным в самое ближайшее время. Но тут произошло событие, повлекшее за собой спад интереса к этим переговорам. 13 марта 1881 года был убит Александр II и на русский престол вступил его сын Александр III.

«Царь-богатырь» Александр III руководствовался в отношении революционного движения в России иными тактическими принципами, нежели его отец. В то время как его отец пытался поначалу приостановить столь опасное для царизма движение путем уступок, Александр III с самого начала верил в возможность устранения опасности при помощи террора. Совершенно очевидно, что для этого тоже необходимо было идеологическое обоснование. Лучше чем когда-либо эту роль могла взять на себя православная церковь.

Эта надежда казалась обоснованной. В 1880 году обер-прокурором святейшего синода стал Победоносцев¹. Он был воспитателем Александра III и имел на него огромное влияние. Победоносцев, происходивший из сугубо религиозной поповской семьи, был вначале профессором юридического факультета Московского университета; став затем воспитателем при дворе в Петербурге, завоевал абсолютное доверие царской семьи. Уже в 1868 году он был сенатором. В 1872 году он стал членом Государственного совета, высшего политического органа тогдашней царской России.

Когда в 1881 году Александр III вступил на престол, его воспитатель оказывал на него большее влияние, чем

---

¹ См. К. П. Победоносцев, Письма Победоносцева к Александру III, с предисловием М. Н. Покровского, т. 1—2, М., 1925—1926.

русское правительство. Как обер-прокурор святейшего синода, Победоносцев направлял деятельность русской православной церкви в духе укрепления царского абсолютизма. Он подчеркивал особую важность литургии и боролся против всяческих проявлений интеллектуального рационализма.

Для Победоносцева религия была делом не разума. Он был ревностным почитателем древнерусских икон и усердно собирал их. С презрением относился он к народным массам, для которых считал обязательным повиновение церкви. Он полагал, что народу необходимы правители, в конечном счете — царь как патриархальный властитель, и его доверенные в правительстве и государственном аппарате. Таковы были примерно принципы, которыми руководствовался Победоносцев и за которые он неизменно ратовал. Его ревностными соратниками были такие известные реакционеры, как его предшественник на посту обер-прокурора Дмитрий Толстой, публицист Катков и тогдашний русский посланник в Константинополе Игнатьев. К концу своей жизни, в 1905 году, Победоносцеву пришлось на собственном опыте убедиться, сколь плохо он знал русский народ.

Характерно, что он пользовался особым уважением иезуитов, которых сам он, правда, отвергал как врагов «святой Руси»¹. В католической церкви и прежде всего в иезуитах Победоносцев и его сторонники видели наряду с анархистами и социалистами злейших врагов, олицетворявших собой чуждый России «Запад», врагов, в течение веков неизменно пытавшихся подчинить «святую Русь» своему духовному господству. В глазах этих людей, это означало бы самоотречение старой России. По мнению Победоносцева и его друзей, для России не могло быть ничего хуже, чем уния с римской церковью. Хотя католическая идея унии выражала идеологию реставрации в Центральной и Западной Европе, она отнюдь не подходила для России; здесь она проявляла себя, по их мнению, не в реставраторском, а в революционном духе.

---

¹ О восхищении иезуитов Победоносцевым см. Аттатп, Abriß, S. 537 ff

Такие взгляды советника царя, конечно, не позволяли питать больших надежд в отношении дальнейшего развития русско-ватиканских отношений, основа которых была заложена при Александре II. Тем не менее Александр III отнюдь не ошибался в оценке реставраторской роли папства, цветисто разукрашенной Львом XIII в его послании с выражением соболезнования 15 марта 1881 года. Ответ царя, содержащий сообщение о его восшествии на престол, вполне соответствовал духу послания Льва XIII; в нем указывалось, что желание объединения всех сил в мире, выступающих за сохранение буржуазного строя, самым тесным образом связывает царизм и папство. Царь высказал далее надежду, что христианские церкви в России объединятся во имя сохранения существующего общественного строя, а соглашение между царским правительством и папским престолом явится прелюдией к этому союзу¹. В своем ответе от 22 апреля 1881 года Лев XIII весьма красноречиво приветствовал это высказывание царя.

13 апреля 1881 года, то есть без значительного перерыва, царское правительство продолжило переговоры с Ватиканом, которые при Александре II зашли уже довольно далеко, хотя и закончились пока лишь частичным соглашением 1880 года. Обе стороны были заинтересованы в этих переговорах. Россия насчитывала среди своих подданных несколько миллионов приверженцев римско-каголической церкви, из которых большую часть составляли поляки. Таким образом, как мы уже отмечали, к конфессиональным мотивам прибавлялся еще и национальный, действовавший весьма динамично. Ничто поэтому не вызывало в царской России более тревог, чем именно это сочетание. Уже дважды в XIX веке эта динамичность приводила к крупным восстаниям. Революционная обстановка в областях, населенных поляками, была поэтому особенно острой. Польские и русские революционеры воодушевляли друг друга. Поляков же можно было, по мнению не только царского, но и австро-венгерского правительства, «укротить» лишь с помощью Ватикана.

Мосолов и Бутенев продолжали, таким образом, и при Александре III переговоры с Ватиканом от имени

---

¹ См. J. Schmidlin, *Papstgeschichte*, Bd. II, S. 511.

царского правительства. С римской стороны переговоры велись конгрегацией по чрезвычайным церковным делам. Руководителем этого учреждения был Галимберти, типичный римский монсеньер, ловкий, тщеславный и бесхребетный, как его отлично характеризовал католический епископ Штросмайер в своих письмах Рацкому¹. Галимберти пользовался особым доверием Льва XIII, так как умел выражать восторг по поводу излюбленной идеи папы о церковной унии со славянскими народами, и особенно с Россией. После того как в конце 1881 года министром внутренних дел России был назначен Н. П. Игнатъев, что значительно усилило группу Победоносцева, Мосолов очень скоро понял, что, продолжая вести переговоры в Риме, он оказался на очень опасном посту. Поэтому он стал просить о своем отзыве, желая занять пост вологодского губернатора, где у него были крупные земельные владения. Его просьба была удовлетворена.

Все бремя переговоров было возложено теперь на плечи одного Бутенева. Прежде всего вопрос шел о замещении ни много, ни мало, как 14 вакантных епископских мест в России. Чтобы найти искомых кандидатов, которые были бы угодны как Ватикану, так и царскому правительству, надо было пройти сквозь длительные торги и переговоры. Желая подчеркнуть значение этих переговоров и одновременно оправдаться перед коллегией кардиналов, Лев XIII назначил собственную кардинальскую комиссию, которая и должна была помогать советами конгрегации по чрезвычайным церковным делам. В состав этой комиссии входили три итальянца, один француз и два австрийца.

Особую критичность проявил участвовавший в переговорах граф Ледоховский из Галиции. Он очень рано оказался на папской дипломатической службе и заразился здесь космополитизмом. Будучи доверенным лицом Пия IX, он в 1863 году становится архиепископом гнезненским. Вначале его сотрудничество с прусским правительством было весьма успешным, пока в ходе «культуркампфа» в 1874 году он не оказался в конфликте с местными властями, в результате чего и был арестован. Возведенный папой в 1875 году в карди-

---

¹ См., например, письмо от 19.12.1883, Šišić, Korespondencija.

нальское звание, он год спустя был выпущен на свободу и направился в Рим, где Пий IX сердечно его встретил. Назначенный позже префектом конгрегации «Пропаганда веры», он пользовался и при Льве XIII большим влиянием. В Ватикане он отстаивал, насколько позволял его космополитизм, интересы австро-венгерского правительства. Он принадлежал к числу почитателей императора Франца-Иосифа I, который наградил его — и не без оснований — за его заслуги перед Габсбургской монархией важнейшим из орденов, которыми он когда-либо награждал, — большим крестом ордена Стефана. Вместе с кардиналом Францелином, выходцем из ордена иезуитов, который также был всецело предан Габсбургской монархии, он защищал ее интересы, где только было возможно. Как сообщает письмо генерального австро-венгерского консула в Варшаве, сближение между Россией и Ватиканом вовсе не отвечало австрийским интересам. Австрия предпочитала, чтобы весьма непрочные отношения между обеими державами поддерживались через Вену, где папский нунций обычно был тесно связан с австрийским правительством. Поэтому кардинал Ледоховский отнесся особенно критично к кандидатурам епископов, предложенных царским правительством. С другой стороны, Победоносцев и его доверенные люди также весьма скептически относились к переговорам.

Не удивительно, что переговоры между Россией и Ватиканом затянулись. 24 декабря 1882 года между царским правительством и Ватиканом было подписано соглашение; главным достижением явилось замещение большего числа вакантных епископских мест в России. Как для Ватикана, так и для России в равной степени это стало настоятельной необходимостью. Папа согласился также и с ликвидацией трех епископств в Минске, Подляхии и Каменец-Подольске. В то же время царское правительство подтвердило, что католические духовные семинарии и духовная академия в Петербурге будут подчинены только церковному руководству; за государством было оставлено лишь право контроля, особенно при назначении ректоров и профессоров в эти духовные учебные заведения. Преподавание русского языка и русской истории в католических семинариях и в Духовной академии должно было быть усилено. Чрезвычайные

меры против католических священников были частично отменены. Положения, особенно о семинариях для подготовки священников, были сформулированы очень расплывчато и могли быть истолкованы по-разному. Такие формулировки, как: «Императорское правительство сохраняет за собой все государственные права надзора за католическими семинариями» — давали столь большую свободу для толкования, что в любое время могли привести к аннулированию договора¹.

Важнейшие спорные вопросы между Россией и Ватиканом — например, о языке богослужения и о судьбе остатков униатства в России — вообще не были затронуты или были затронуты в такой форме, чтобы избежать срыва переговоров, ибо в этом случае не удалось бы урегулировать столь необходимый для обеих сторон вопрос о назначении епископов. 15 марта 1883 года Лев XIII на консистории назначил 12 прелатов католическими епископами в России, в том числе двух архиепископов. Католическая иерархия в России была вновь полностью восстановлена.

Одно только армянское католическое епископство в Батуми, отошедшее к России лишь в 1877 году, осталось незамещенным, приход был закрыт, а прихожане были подчинены католическому епископству Тирасполя. Даже это обстоятельство не изменило критической позиции обер-прокурора святейшего синода. С другой стороны, кардинал Ледоховский в Риме оказался также весьма неуступчив по отношению к России.

Лев XIII сделал все для обеспечения благоприятного исхода переговоров. 29 июня 1881 года он опубликовал энциклику, в которой, имея в виду убийство Александра II, подчеркивал, что католическая церковь является оплотом существующего порядка и его гарантом.

Лев XIII старался по возможности укрепить узы, которые уже связывали Россию с Ватиканом. Папский легат на коронации Александра III, Винченцо Ваннутелли, получил точную инструкцию решительно избегать всего, что могло бы вызвать неудовольствие русского самодержца и его правительства. Так, он ни в коем слу-

---

¹ См. интересное сообщение австрийского посла от 21.1.1883, HHStA, Rußland, 1883, Beilage 10, позволяющее уяснить отношение австрийского правительства к этому договору.

чае не должен был поднимать вопрос о судьбе униатской церкви. В Риме уже поняли, что это для Петербурга большое место. Церковная уния, впрочем, была главной заботой папства, и прежде всего Льва XIII, в отношениях с Россией. Поэтому инструкцию папскому посланнику на коронации следует расценивать как проявление самодисциплины. Спустя несколько лет папа, говоря об этой проявленной им сдержанности, отмечал ее как признак того, сколь заинтересован он был в отношениях именно с Россией¹.

28 мая 1882 года царь с благодарностью принял приветственный адрес папы от посланца на коронации Ваннутелли. При этом не было, разумеется, недостатка во взаимных заверениях относительно сохранения существующего социального строя. Царь обещал соблюдать принятое им обязательство перед папским престолом, выразив пожелание, однако, чтобы папа внушил католическим епископам, дабы они не вмешивались в политику, то есть епископы не должны были замечать угнетение поляков, составлявших большую часть католиков в России. Царские министры держали себя также очень любезно². Правда, высказанное папой желание о назначении нунция в Петербург было оставлено без внимания.

Однако лишь сравнительно незначительного происшествия оказалось достаточно, чтобы нарушить с таким трудом налаженные дипломатические отношения. Это произошло уже в конце 1883 года. В обращении, адресованном главным образом польским пилигримам из Подляхии, папа указал на тяжелое положение униатов в России и призвал к поддержке униатства. Это обращение было выдержано в очень осторожной, характерной для папы дипломатической манере. То был скорее намек, нежели прямой призыв. Однако этого было вполне достаточно, чтобы в связи с нерешенным вопросом о языке богослужения привести в 1884 году к полному прекращению дипломатических переговоров. Русское правительство сразу же заявило о «вмешательстве во внутренние дела России», а русский посол в Квиринале, ко-

---

¹ См. донесение австро-венгерского посла в Ватикане от 21.1.1883, HHStA, Rußland, 1884.

² См. J. Schmidlin, Papstgeschichte, Bd. II, S. 512.

ролевском дворце в Риме, поведал своему австрийскому коллеге о серьезных мерах, которые надо будет принять в России против Ватикана и католической церкви¹.

Победоносцев со своей стороны использовал все свое влияние на царя, чтобы придать отношениям России с папским престолом как можно более неустойчивый характер. В итоге возникла любопытная ситуация, заключающаяся в том, что Лев XIII и Победоносцев, мыслившие оба сугубо реакционными категориями — один стремился назад, к средневековой России, другой — к мировому господству папства, — оказались ожесточенными противниками; один мечтал о патриархальном царе, подобном Ивану III, главе и опоре православной церкви, другой — о папе как «arbiter mundi», подобном Иннокентию III, и о философии как служанке богословия, каковой ее видел Фома Аквинский. Однако сколь тесным ни было родство этих двух деятелей, их конкретные политические устремления были прямо противоположны друг другу. Должна ли стать владыкой мира «древняя святая Русь», или Ватикан с папой во главе будет осуществлять мировое господство? В подчинении русской православной церкви римско-католической папа усматривал путь к столь желанному для него мировому господству. Возможен ли был компромисс между этими двумя как будто различными видами власти в том смысле, что папа стал бы осуществлять всемирное духовное господство, а царь стал бы светским властелином мира? Планы Льва XIII развивались, как мы увидим далее, в этом именно направлении. А такому царю, как Александр III, эти идеи неминуемо должны были показаться заманчивыми для борьбы с революцией. Поэтому вполне понятно, что папа и царь, несмотря на действия инакомыслящих советников, вновь предприняли усилия, чтобы прийти к согласию.

Вначале, конечно, нужно было возобновить прерванные связи. К этому царскую Россию вынуждала внутренняя и внешнеполитическая обстановка. Несмотря на противодействие Победоносцева и его единомышленников, опасавшихся «революционного» воздействия папства на Россию, Александр III с самого начала своего

---

¹ См. донесение австрийского посла в Ватикане от 21.11.1883, HHStA, Vatikan, 1884.

царствования отчетливо представлял себе, какая реставраторская сила заложена в папстве и что оно по меньшей мере заслуживает пристального внимания. Во время коронационных торжеств Александр III беседовал с папским легатом Ваннутелли, выразив при этом, по сообщению римского монсеньера, свое глубокое уважение к папе¹. Конечно, не было недостатка в предложениях со стороны папы содействовать ликвидации любых революционных или прогрессивного характера движений. В связи с этим Победоносцев стремился еще убедить царя в том, что влияния русской православной церкви в царской России вполне достаточно, чтобы идеологически подкрепить реакцию в России. Однако время показало, что, несмотря на самые суровые репрессии, революционные настроения в подчиненном царской России Королевстве Польском и среди поляков в самой России постоянно росли и одновременно оказывали свое влияние и на революционное движение в России. Русские и польские революционеры сближались, находя общий язык друг с другом и оказывая друг другу поддержку.

Поэтому царю казалось вполне правильным вернуться к предложению папы Льва XIII об установлении связи с папским престолом, высказанному во время коронации. Речь шла прежде всего о том, чтобы использовать авторитет папы в борьбе против революционных, свободолобивых устремлений поляков. Почему бы не подорвать с помощью Ватикана революционные польские силы, постоянно нарушавшие мертвящий покой реакции, тем более что Ватикан сам стремится к тому же.

К этому еще добавились соображения, обусловленные внешнеполитической обстановкой, с которой России пришлось считаться. В 1887 году стала особенно заметной изоляция России. Правда, в этом же году был заключен получивший название перестраховочного договор с Германией; в конечном счете он, однако, явился не чем иным, как шедевром дипломатического искусства Бисмарка, и отнюдь нельзя было рассчитывать на его практическое осуществление, о чем совершенно точно было известно в официальных кругах России. Внешняя политика Бисмарка основывалась на дружбе или по

---

¹ См. M. Just, *Rome and Russia, a Tragedy of Errors*, Westminster-Maryland, 1954.

крайней мере нейтралитете России. По его мнению, фикция такого нейтралитета должна быть гарантирована по крайней мере фикцией безопасности для России. Внутренне противоречивый, этот перестраховочный договор внешне, казалось, обеспечивал эти условия¹. Однако политическое и экономическое развитие страны все сильнее толкало Россию в сторону противника Германии — Франции. Уже мир 1871 года явился основой для такого сближения². В то время как Александр II стремился во что бы то ни стало сохранить священный союз трех императоров, Александр III, хотя и был представителем крайней реакции, под влиянием развивавшихся событий не испытывал такой привязанности к этому союзу, как его отец. В Москве образовался союз русской промышленной и торговой буржуазии с недовольными кругами среднего и мелкого дворянства, освященный клерикально-националистическими кругами, которые в упомянутом союзе трех держав усматривали прямой ущерб и даже угрозу для России. Русский капитализм в Германии обнаружил своего конкурента. Да и немецкие юнкера вовсе не были заинтересованы в конкуренции с русской сельскохозяйственной продукцией. Экономическое развитие, начавшееся в 80-х годах, нельзя было приостановить династическими связями³. Поэтому внутри господствующего класса России все более усиливались настроения, отражающие стремление идти на отказ от сотрудничества с двумя другими державами в целях защиты и сохранения существующего порядка в России. Растущий буржуазный национализм в России, переплетающийся с экономическими и политическими противоречиями, существовавшими между Россией, с одной стороны, и Германией и Австрией — с другой, неуклонно углублял противоречия в лагере трех императоров, что постепенно приводило к выхолащиванию этого

---

¹ В. М. Хвостов, Россия и германская агрессия в дни европейского кризиса 1887 г., «Исторические записки», т. 18, 1946, стр. 206—255; и его же: Франко-русский союз и его историческое значение, М., АН СССР, 1955.

² A. Z. Manfred, Quelle fut la cause de l'Alliance franco-russe? «Cahiers du monde et soviétique», vol. I, Paris, 1959, p. 148—149.

³ См. Е. А. Адамов, Дипломатия Ватикана в начальную эпоху империализма, 1887—1900, М., 1931, стр. 27.

союза. Недаром Александр III заговорил уже о «непопулярности союза» с Германией. Между Австро-Венгрией и Россией встала даже угроза военных осложнений. Борьба за Балканы вызвала раскол в союзе этих двух держав.

Возобновление в 1887 году заключенного в 1882 году так называемого Тройственного союза между Германией, Австро-Венгрией и Италией усилило изоляцию России от Запада, усилило оно и политическую власть Центральных держав. Тройственный союз угрожал России и Франции и толкал их на установление более тесных связей¹.

Возобновление и укрепление Тройственного союза вызвало болезненную реакцию и со стороны Ватикана. Лев XIII был глубоко проникнут сознанием своего высокого назначения папы как наместника бога на земле. Для осуществления этой миссии обеспечение светского суверенитета папского престола казалось ему всенепременнойшей предпосылкой. Поэтому он не мог примириться с гарантиями, данными Италии Центральными державами, ибо это препятствовало возрождению папского государства в любой форме. Поэтому папа и его окружение питали надежду на политический крах Итальянского королевства, которое, как считала курия, оккупировало Рим в качестве своей столицы. Лишь упадок Италии мог способствовать осуществлению особой задачи папы. По твердому мнению папы и верующих католиков, божья кара новой Италии не могла заставить себя долго ждать. Держава, посмевавшая столь кощунственно отнестись к наместнику бога на земле, как это сделала объединенная Италия, неминуемо должна была стать жертвой божьего гнева. Поэтому все державы, которые вносят свой вклад в упрочение этой Италии, оказывались в конечном счете врагами бога и папы. Тройственный союз и его возобновление в 1887 году означали ведь укрепление сил Италии, а потому он был осужден папой. Новая Италия отвечала на ненависть папы и отвечала столь же энергично. Поэтому Лев XIII не видел больше для себя возможности оставаться в этом Риме, столице королевства Италии,

---

¹ В. М. Хвостов, Россия и германская агрессия в дни европейского кризиса 1887 г., стр. 246 и сл.

и всерьез помышлял о переезде. Однако Австрия, куда вначале обратил свой взор папа, отклонила, хотя и очень вежливо, его планы, ибо она не хотела досадить своему союзнику — Италии.

Посещение молодого германского императора Вильгельма II в октябре 1888 года, на которого Лев XIII возлагал столь большие надежды, принесло горькое разочарование, ибо защита, которую папа усматривал в лице Бисмарка и которую, как ему некоторое время казалось, он обрел в нем, была весьма призрачной, ибо и немецкий кайзер в свойственной ему бесцеремонной манере дал ясно понять, что Германия вовсе не помышляет выступить в защиту суверенитета папы и восстановления, пусть совсем маленького, папского государства. К этому еще добавилось бесцеремонное поведение в свите кайзера молодого Бисмарка, который грубо нарушал правила протокола. Это послужило для ряда духовных лиц во главе с ставшим в 1887 году статс-секретарем кардиналом Рамполлой удобным поводом для ослабления столь тесных отношений папской курии с Германией, тем более что посол Пруссии в Риме Шлёцер приобрел в курии такое влияние, что даже получил прозвище «кардинала Шлёцера», о чем не без зависти сообщал представитель России Извольский¹.

Не помогло и то обстоятельство, что Бисмарк в связи со спором Германии с Испанией из-за Каролинских островов обратился к папе как к арбитру и именовал его при этом, как правящего главу государства, титулом «Sire». По совету посла Шлёцера, который основательно узнал папскую курию и ее главу папу Льва XIII, Бисмарк очень ловко сыграл на весьма гипертрофированном самомнении папы как заместителя бога на земле, «*arbiter mundi*» и «*vicarius Christi*» — совсем в духе Иннокентия III. Вильгельм II, между прочим, также использовал чрезмерное честолюбие папы, чтобы оказывать на него влияние. Римский археолог и католический священник Вильперт забавно рассказывает о том, как папа и кайзер взаимно признавали друг за другом право на мировое господство². Судя по этому раз-

---

¹ См. донесение Извольского от 21.VIII (2.IX.).1888; Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 89.

² А. Нудал, *Österreichische Vatikanbotschaft*, S. 266—267.

говору, Лев XIII был готов бороться за духовное мировое господство в союзе с любой мировой державой — не только с царской Россией, но и с Германией Вильгельма II.

Основываясь на этом ярко выраженном стремлении папы к мировому господству, Ватикан в 1887 году был прежде всего заинтересован в том, чтобы использовать в своих целях изменения в международной обстановке. Благодаря всемирным связям, которыми располагал Ватикан через посредство верующих католиков в различных государствах и в различных правительствах, Льву XIII заблаговременно стал известен новый курс Англии. В соответствии со своей политикой Англия всегда была противником существования на континенте могущественных держав или группировок государств. Когда Германия в 80-е годы XIX века стала все более энергично ввязываться в находившийся в полном разгаре раздел мира и построила для этой цели сильный флот, Англия усмотрела в Германии своего самого опасного противника.

Англия никак не могла примириться с возросшей конкуренцией и даже постепенно увеличивающимся превосходством германской промышленности над английской. Германо-английские противоречия стали поэтому в назревающих распрях между европейскими великими державами основным конфликтом. Католический герцог Норфолькский, доверительно информировавший Ватикан об этой позиции Англии, смог передать одновременно с этой важной информацией и благодарность английской короне папе за идеологическое участие в подавлении революционной Ирландии.

Именно это открытое предательство Ватиканом национальных интересов Ирландии в пользу Англии подействовало на Александра III и его советников и побудило их принять предложение папы о содействии в подавлении польского национального движения.

Непреодолимые германо-английские противоречия снизили в определенной мере значимость Тройственного союза и создали прежде всего сильную угрозу для Италии с ее широко открытыми с моря флангами. Поэтому бисмарковская Германия более не представлялась папе надежной защитой, каковой она казалась Ватикану до того.

Отсюда становится понятным принципиальный поворот, происшедший в дипломатии Ватикана в 1887 году. Он нашел и свое внешнее выражение. После смерти Якобини, бывшего в Австрии нунцием и слывшего особым другом Германии и Австро-Венгрии, все ожидали, что статс-секретарем кардиналом станет любимец Льва XIII Галимберти. Действуя в духе Льва XIII, он особенно энергично выступал в защиту идеи церковной унии. Будучи руководителем конгрегации по чрезвычайным церковным делам, в ведении которой находились и вопросы отношений с Россией, он добился подписания конкордата с Черногорией, проявившей в вопросе о языке богослужения большую уступчивость. То же произошло и с Сербией. Это могло сказаться только благоприятно на русско-ватиканском соглашении. Вместе с тем этот ловкий, типично римский, монсеньер сохранял и самые тесные отношения с Германией и Австро-Венгрией.

Но вместо него в Рим в качестве статс-секретаря был отозван из Испании нунций Рамполла; папа возвел его в кардинальское достоинство, а Галимберти должен был отправиться в Вену в качестве нунция, где он, согласно инструкции, искал связей с русским посольством и установил их. Будучи человеком очень гибким, он сумел наладить сотрудничество и с австро-венгерским правительством. Благодаря своему враждебному отношению к Рамполле связи его с австро-венгерским правительством становились все более тесными. Рамполла, по сути дела, изменил дипломатический курс, которого до того придерживался Ватикан, в особенности по отношению к Германии и Австро-Венгрии; теперь Ватикан ориентировался на русско-французский союз, за которым в крайнем случае, как точно знал Ватикан и как сообщал также русский посол из Лондона, будет стоять и Англия, несмотря на все противоречия, которые в то время существовали между ними. Этот строго доверительный доклад от 31 марта 1887 года попал в Берлине в руки Гольштейна¹. Папа, однако, сумел лучше воспользоваться сообщением, которое он получил через герцога Норфолькского, чем Гольштейн. Впрочем, и русский

---

¹ См. H. Krausnick, *Holsteins Geheimpolitik 1886—1890*, 2. Auflage, 1942, S. 269—276, 367.

посланник в Париже сообщал об изменениях в английской политике и, правильно оценивая эту перемену, активно содействовал франко-русскому сближению. 16 сентября 1887 года он сообщил в министерство иностранных дел в Петербурге о переговорах между Шодорди и Солсбери в Дьеппе, которые состоялись незадолго до этого и во время которых были выработаны основные принципы англо-французского сотрудничества. Уже в Дьеппе Россию рассматривали как третьего члена этого союза¹.

Выбор нового статс-секретаря кардинала показал, что Лев XIII неплохо разбирался в людях. Рамполла был именно тем человеком, который был нужен папе для осуществления его планов: скрытный, самоотверженный и готовый в случае необходимости взять всю ответственность на себя и отвести ее от папы. Это были добродетели, которые Лев XIII особенно ценил. Тем не менее возглавлял все эти дела до самых последних лет своей жизни сам папа; лишь в последние годы, когда он, глубокий старик, уже не мог заниматься политикой, статс-секретарь кардинал фактически стал руководящей фигурой². Он неизменно придерживался того курса ватиканской дипломатии, который был определен Львом XIII. Ватиканская дипломатия была достаточно гибкой и приспособлялась к изменениям в международной политике, но главным для папы всегда оставалось наряду с надеждой заполучить Россию под свое духовное руководство достижение суверенитета.

В 1887—1888 годах русско-французское сближение, несомненно, играло большую роль в папской дипломатии. В этом сближении папа усматривал большую возможность ослабить Италию как члена Тройственного союза; он обрел также уверенность в том, что сможет начать с царской Россией разговор, к которому так стремился. Борьба против социализма и против революционного национального движения поляков была мостом, соединявшим обоих властителей. Что касается задач, которые Ватикан ставил перед собой во Франции, то они, по мнению папы, должны были вызвать живейшее одобрение царской России. Ватикан надеялся, при-

¹ См. Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 37.

² См. P. Sinopoli di Guinta, Il cardinale Mariano Ram-polla del Tindaro, Roma, 1923.

знав республиканскую Францию, оттеснить на задний план радикалов за счет более умеренных политических группировок. Партийные группировки, занимающие среднюю позицию, должны были быть усилены за счет того, что в большинстве своем верующие монархисты-католики станут на сторону республики. Для достижения этой цели папский престол был готов признать Французскую республику. Такого еще никогда не бывало, ведь Ватикан придерживался откровенно реставраторской позиции по отношению к политическому развитию в Европе. Такое изменение курса имело свое объяснение: Ватикан понял, что у монархических правых во Франции остается все меньше и меньше надежд вернуть себе господствующее положение. Если же во Франции победит умеренная республиканская середина, то она будет более подходящим партнером для царской России, чем радикально-республиканская или тем более социалистическая Франция. Социалистическая Франция, как сетовала царская тайная полиция, поддерживала связи с русскими революционерами. Таким образом, Ватикан имел шансы помочь русско-французскому сближению. Лев XIII и его статс-секретарь тотчас же использовали эту возможность.

Однако сначала надо было установить связи между Россией и Ватиканом. Естественно, что инициатива русско-ватиканского сближения исходила от французского посла в Ватикане. В конце 1887 года он обратил внимание русского посла в Риме на то, что папа Лев XIII был бы очень рад получить хотя бы только формальное поздравление царя к своему юбилею. Учитывая, что русско-французское сближение шло полным ходом, царская Россия, разумеется, тотчас же последовала совету французского посла. Во всяком случае, царский министр иностранных дел Гирс поддержал эту инициативу. Поэтому Александр III в конце 1887 года послал чисто официальную поздравительную телеграмму папе по случаю его золотого епископского юбилея, который тогда торжественно праздновался в католическом мире.

28 января 1888 года Лев XIII ответил царю письмом, в котором напоминал о своем разговоре с тремя русскими великими князьями в начале 1881 года. Конечно, папа не упустил возможности указать на общую задачу — борьбу против социализма и коммунизма: «Мое

желание — способствовать тому, чтобы повсюду царил мир и порядок»; разумеется, речь шла о сохранении существующего общественного строя. В заключение папа высказал свое основное желание: восстановить дипломатические отношения Ватикана с Россией. Само собой разумеется, он выразил надежду на то, что римско-католическая церковь в России сможет развернуть свою деятельность более свободно, чем раньше.

Очень интересно проследить поведение царя по отношению к Победоносцеву и его сторонникам. Он боялся своего бывшего воспитателя, чьи отрицательные взгляды на папство и на римско-католическую церковь были ему хорошо известны. Но и царь также был убежден в том, что царская Россия самым тесным образом связана с русской православной церковью. Однако при тогдашнем внутреннем и внешнеполитическом положении ему казалось, что царской России выгодно не отталкивать посредническую руку Ватикана, который мог помочь сближению России с Францией. Так, Победоносцев лишь обходным путем получил 20 марта 1888 года копию письма Льва XIII царю¹. Царь сам не решился показать это письмо Победоносцеву. Ему были известны взгляды обер-прокурора святейшего синода, который еще в 1887 году в ответ на жалобу международного союза евангелистов о притеснениях евангелической церкви в России ответил словами: «В православной вере Россия нашла духовную стихию, которая ее спасла... Только полная самобытность веры, от которой не должно быть никаких отступлений, спасет сейчас Россию, когда происходят столь бурные религиозные и политические события на Востоке и на Западе... Важнейший исторический долг, жизненная потребность России — сохранить православную веру от всех нападков, с какой бы стороны они ни исходили»².

Однако необходимость выйти из изоляции оказалась сильнее, чем эти опасения идеологического порядка. Даже близкий идейный соратник Победоносцева Д. Толстой пришел к выводу, как сообщает, правда уже позднее, австро-венгерский посол в Ватикане Ревертера, что,

¹ См. «К. П. Победоносцев и его корреспонденты». Письма и записки, с предисловием М. Н. Покровского, т. 1—2, М.—П., 1923, стр. 859. Приложение 4.

² «Церковный вестник», 1888, № 7

«учитывая предстоящую войну против германских держав, Россия сама должна принести серьезные жертвы, чтобы, во-первых, привлечь на свою сторону поляков, а во-вторых, заставить папу сохранять нейтралитет»¹. Австрийский дипломат, верующий католик, был бы ошеломлен еще больше, если бы он знал то, что знал Толстой: чтобы привлечь на свою сторону Россию, папский престол предложил надеть на революционную Польшу, выступающую за национальное освобождение, духовную смительную рубашку.

Влияние и твердость Победоносцева оказались слабее этих соблазнительных предложений Ватикана. Царская дипломатия направилась в Рим. Многие на этом пути зависело, правда, от личности ведущего переговоры. Русской дипломатии нелегко было маневрировать в малоизвестной ей атмосфере Ватикана. К этому надо прибавить глубокое недоверие к Ватикану, которое диктовалось историческим опытом русских. Поэтому весьма интересны как инструкции русским дипломатам, которые вели переговоры, так и первые их доклады из Ватикана, показывающие, с какой осторожностью они приступили к делу.

Русский министр иностранных дел Гирс избрал в лице А. П. Извольского наиболее подходящего дипломата для переговоров в Ватикане. И позднее царское правительство направляло в Ватикан своих лучших дипломатов, например Сазонова.

Задача Извольского была не только сложной, но и неблагоприятной. В течение нескольких лет его положение в Ватикане было совершенно неопределенным. Ему нужно было самому создавать себе положение. Чтобы справиться со своим поручением, требовалось, с одной стороны, много ловкости, а с другой — много терпения. Извольский в высокой степени обладал обоими этими качествами, и, таким образом, эксперимент, который захватил столь честолюбивую и азартную натуру, как Извольский, удался. Извольский сразу понял значение, которое будет иметь связь России и Ватикана в международной дипломатической игре, закончившейся в конце концов мировой войной.

У Победоносцева, видимо, не достало сил, чтобы по-

---

¹ См донесение Реввертеры от 31.5.1894, HHStA, Vatikan, 1894

мешать установлению отношений между Россией и папским престолом, зато он пользовался каждой неудачей, чтобы прервать наметившиеся русско-ватиканские отношения. Правда, обе стороны понимали всю важность задачи — русско-ватиканского сближения. Извольский очень быстро сумел ликвидировать предубеждение Александра III против своей миссии.

Уже 9 марта 1888 года Извольский через русского министра иностранных дел получил официальные инструкции в связи со своей трудной миссией¹. Прежде всего он должен был «получить определенные гарантии относительно намерений папского престола и римско-католического духовенства». «От хитрости курии» можно было ждать всякого коварства, поэтому Извольского предупреждали, что он должен быть чрезвычайно осторожен. Пока что он должен избегать разговоров о восстановлении дипломатических отношений. Сначала он должен лишь выслушивать, что ему будет предложено, и сообщать об этом. В министерстве иностранных дел также понимали всю важность этого поручения и пытались внушить Извольскому сознание значительности его задачи, чтобы трудности при ее осуществлении казались ему не столь уж страшными. Задача, которую вам предстоит выполнить, — гласит инструкция — «может привести к важным результатам. Она потребует от вас большой осторожности и деловитости, так как перед вами будут дипломаты чрезвычайно искусные и более ловкие, чем искренние». Это были не очень-то воодушевляющие слова; из них видно, какое сильное влияние оказывали взгляды Победоносцева и на министерство иностранных дел. Идеологически царское самодержавие базировалось на тесном сотрудничестве с русской православной церковью, она же видела в папстве своего самого опасного конкурента.

Извольский нашел в Ватикане гораздо более благоприятную атмосферу, чем это можно было заключить из инструкции. Русское министерство иностранных дел не могло даже предполагать, как сильно стремилась рим-

---

¹ Нам хорошо известны факты, касающиеся русско-ватиканских переговоров, благодаря изданным Адамовым документам из архива русского министерства иностранных дел. Из публикации Адамова взяты все данные, где имеются ссылки на документы русского министерства иностранных дел (за период до конца XIX века).

ская курия к прочным связям с Россией. Надежда на церковную унию, старая мечта Рима о восстановлении светской власти папства путем вытеснения Италии хотя бы из Рима, и, наконец, развитие римско-католической церкви в России — все это так важно было для властолюбивого папы, что он готов был дать щедрую цену за русско-ватиканскую дружбу. Утопичность этой мечты становится сразу очевидной: папа не учитывал самого важного фактора — народов, за счет которых велась торговля.

Уже 19 (31) марта 1888 года Извольский сообщал из Рима, что он нашел у кардинала Рамполлы и у папы совершенно неожиданный для него дружеский, даже сердечный прием. Папа, оказывается, ожидал его «с нетерпением» и против всех правил протокола, согласно которому надо было прожить в Риме не менее 5—6 дней, прежде чем получить аудиенцию, принял его вскоре по приезде. Эта необычная поспешность рассматривалась всеми как доказательство радости Ватикана по поводу прибытия официального русского дипломатического агента, который пока что получил задание только слушать и наблюдать.

Лев XIII уже во время первой аудиенции, данной Извольскому, говорил о целях, которые преследует римская курия. Он выступал не только как представитель высших духовных властей римско-католической церкви, но и как человек, оказывающий могущественное влияние на современную политическую и общественную жизнь, писал Извольский об этой аудиенции. Конечно, Лев XIII снова перечислил все акции, которые он предпринял за время своего понтификата в целях сохранения основ порядка и мира и для пресечения разрушительных планов социалистов. По словам Извольского, папа пришел к выводу, «что в пределах Русской империи союз (царского) правительства с римским престолом может лишь облегчить первому достижение высших государственных целей». Это восхваление контрреволюционных сил, которые, как считал папа, находились в его распоряжении, произвело, конечно, весьма благоприятное впечатление в Петербурге; на это папа и рассчитывал.

Само собой разумеется, во время беседы, которую вел папа с дипломатическим агентом царской России, было высказано пожелание, чтобы Россия создала по-

стоянное дипломатическое представительство в Ватикане. Извольский указал, что создание такого постоянного представительства затруднено ввиду недовольства русского царя политическими течениями среди римско-католического духовенства в России, в особенности в Королевстве Польском. В ответ на это папа уверил его, что не отступит от «неизменного правила»: духовенству и пастве будет внушено, что они обязаны подчиняться законной власти. Он готов доказать на деле, «что влияние его на епископов всегда будет сообразно с интересами русской государственной власти».

Злоупотребление духовной властью для достижения политических целей не могло проявиться яснее, чем в этом разговоре Льва XIII с Извольским, во всяком случае, такой вывод можно сделать из сообщения Извольского. Достоверность же этого сообщения не вызывает никаких сомнений, так как всякое преувеличение в отношении посулов папы в случае неудачи повлекло бы за собой тем бóльшие неприятности для Извольского. Поэтому он отнюдь не был заинтересован в преувеличениях.

Лев XIII в своем стремлении понравиться, видимо, совершенно упустил из виду опасность того, что русских может насторожить столь открытое злоупотребление принципом непогрешимости папы. Высокопарные слова папы встретили в Петербурге недоверие. «Вы убедитесь, — передавал Извольский в своем докладе слова папы, — что престол мой имеет громадную нравственную силу. Почему бы государству, как Россия, стремящемуся к поддержанию охранительных начал и желающему прочного и справедливого мира в Европе, не иметь этой силы своей союзницей?» Итак, папа играл ва-банк. Россия, от которой папа ожидал решения вопроса о войне и мире в международном плане, Россия в союзе с высшей духовной силой, папским престолом, — какая головокружительная перспектива для Льва XIII, стремившегося к духовному господству над миром! Но господствующие классы России считали, что папа зашел слишком далеко. Уже Извольскому бросилось в глаза, что, когда папа говорит о проблемах, «по которым существует основное противоречие между римскою церковью и государственною властью, прибегает к самым туманным и неопределенным фразам».

Статс-секретарь кардинал Рамполла в беседе с Извольским после приема у папы проявил еще больше дружеских чувств и говорил совершенно конкретно о выгодах, которые может получить Россия не только в Польше, но и на Балканах, если папская курия установит с ней хорошие отношения. Извольский сообщал о следующем обещании Рамполлы: «Вступив в добрые с нами отношения, римская курия явится нашим союзником для достижения наших международных целей в Европе, и в особенности на Балканском полуострове»¹.

Александр отнесся к этому с недоверием, что доказывают скептические слова, которые он написал на докладе Извольского: «Я желал бы знать, какими путями?» Но Извольский, видимо, ожидал этого возражения и сообщал далее: «Кардинал нашел даже нужным войти в различные подробности касательно событий в Болгарии и заявить мне о ложности приписываемого Ватикану расположения к принцу Кобургскому». Тут Рамполла затронул болезненную струну русской внешней политики — изоляцию России на Балканах. Тот, кто мог оказать здесь России помощь, предлагал ей очень много. Русско-французское сближение началось не в последнюю очередь благодаря Шодорди, представителю Франции на переговорах великих держав в Константинополе в 1887 году; Шодорди поддержал тогда русские интересы в Болгарии. Александр III был так восхищен докладами французских тайных агентов из Софии в начале 1887 года, что сказал: «Чрезвычайно интересно. Совершенно как будто донесения нашего агента...»² Недоверие к заявлениям Рамполлы имело основания — русский посол в Константинополе сообщал о происках римско-католической церкви в Болгарии с целью устранения влияния русской православной церкви; римско-католическая церковь распространяла идею унии болгарской православной церкви с римской³. Поэтому сначала предложение Рамполлы было воспринято в Петербурге как неожиданное и не заслуживающее доверия.

---

¹ См. донесение от 28.3(9.4).1888; Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 74.

² См. Записки русского посла в Париже от 26.2(10.3).1887; Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 28.

³ См. донесение от 7(19) 5.1887; Е. А. Адамов, цит. соч. стр. 31.

Но вместе с тем это предложение Рамполлы явилось мерилom обещаний, на какие оказался способен Ватикан, и его беззастенчивой готовности воспользоваться своей духовной властью, основанной на доверии миллионов верующих католиков. Рамполла предложил царю ни больше, ни меньше, как отрешение от власти в Болгарии Фердинанда, приверженца римско-католической церкви, поскольку тот взошел на трон вопреки желанию России и считался в Риме «*persona ingrata*». По отношению к австро-венгерскому послу тот же самый Рамполла, правда позднее, держался позиции, которая совсем не соответствовала политике Австро-Венгрии¹. Ничто не характеризует лучше двуличность ватиканской дипломатии. Она не могла внушать доверия. Существовавшее в Петербурге недоверие к Ватикану оказалось совершенно обоснованным.

Россия особенно опасалась влияния Австро-Венгрии на Балканах. Принц Кобургский был последовательным сторонником Австро-Венгрии, которая в свою очередь в собственных интересах рьяно защищала интересы римско-католической церкви. Лев XIII и его статс-секретарь кардинал с легкостью могли игнорировать австро-венгерские интересы, но справиться с польским сопротивлением им было труднее. Миссия Извольского в Ватикане тотчас же привела к активизации польских эмигрантов. Они предвидели опасность: русско-ватиканское сближение может произойти за их счет. Итальянские национал-либералы, враждебно настроенные к Ватикану, охотно выслушивали опасения польских национально-революционных кругов относительно судьбы польского народа и учитывая угрозу, идущую со стороны Ватикана, широко пропагандировали свои взгляды. Конечно, Льву XIII и его ближайшим сотрудникам стало весьма не по себе, когда то, что они сообщили русскому агенту совершенно доверительно, приобрело широкую гласность. Через службу информации, которая находилась в его распоряжении, Рамполла получил сведения о связях между польскими эмигрантами и итальянскими национал-либералами. Он не скрыл от Извольского, что больше всего боится «польских интриг». Тут он

---

¹ См. строго доверительное донесение австрийского посла от 25.2.1896, HHStA, Vatikan, 1896.

встретил полное понимание не только у Извольского, но в первую очередь у Александра III. На донесении Извольского от 23 апреля 1883 года царь написал: «Весьма характеристичны эти польские происки, и как осторожно ведет себя папа в настоящую минуту, чтобы не испортить наши отношения с курией»¹. Эти слова свидетельствуют, что царь готов был забыть свое недоверие к Ватикану и перестать прислушиваться к предостережениям Победоносцева.

Вначале Ватикан мог не очень уж опасаться австро-венгерского посольства. Слишком велико было его благочестивое неведение. Еще в конце августа 1888 года поверенный в делах жаловался, что бедному папе нужно обрести внутреннее равновесие, которое было нарушено во время переговоров с итальянским премьер-министром Криспи настолько, что папа просил даже австро-венгерскую монархию предоставить ему убежище. Германское и австрийское правительства, писал посол, сумели успокоить святого отца, дав ему твердые обещания, и убедили отказаться от намерения покинуть Рим, поскольку его осуществление повлекло бы за собой трудности для обеих держав со стороны Италии². Так Центральные державы утешили Льва XIII, в то время как сам он трезво считал своей самой важной задачей поддержку русско-французского сближения и развитие этого союза.

Только Бисмарк с самого начала чувствовал, что здесь что-то неладно, и писал К. фон Шлёцеру, прусскому послу при папском престоле: «Я получил послание Извольского. Думаю, что это еще вопрос, окажется ли курия настолько неполитичной, чтобы за чечевичную похлебку кое-каких мнимых уступок в западных губерниях оставить на произвол судьбы державы Центральной Европы, наличие которых только и служит защитой для славян-католиков от насильственной передачи их греческой православной церкви. Примирение с Ватиканом принесет выгоды исключительно России»³. В этой связи становится понятным уже цитированное ранее вы-

---

¹ Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 77.

² См. донесение от 24.8.1888, HHStA, Vatikan, 1888; E. Winter, Rußland und die slawischen Völker, S. 147—149.

³ См. донесение австрийского посла от 31.5.1894, HHStA, Vatikan, 1894, Приложение 16.

сказывание русского министра внутренних дел Д. Толстого: России при столкновении с Германией будет необходим Ватикан, дабы ликвидировать опасность, грозящую ей со стороны поляков. Характерно, что австро-венгерский посол Ревертера оценил эти слова Бисмарка как замечательный дар предвидения.

В действительности и Бисмарк во многом недооценивал политику Ватикана. Он должен был написать: насколько мне известны политические взгляды Ватикана, от русско-ватиканского сближения следует ожидать самого худшего. Но он не думал все же, что Ватикан проявит такое отсутствие политического чутья и помирится с Россией. Какое непонимание Ватикана сквозит в этих словах «железного канцлера»! Однако это свидетельствует также и о самонадеянности Извольского; тот жаловался русскому министру иностранных дел в Петербурге на «ледяную сдержанность» прусского посла при папском престоле К. фон Шлёцера и просил принять меры к тому, чтобы этот все еще очень влиятельный дипломат отнесся с большим вниманием к его, Извольского, трудной миссии в Ватикане. Пожалуй, Извольский требовал чересчур многого. Разумеется, не кто иной, как статс-секретарь кардинал Рамполла, писал Извольский, «в момент сердечного излияния открыл мне, что г-н фон Шлёцер не относится ни в малейшей степени сочувственно к моей миссии»¹. Ватикан столь быстро изменил курс, что статс-секретарь кардинал через несколько месяцев разговаривал с дипломатическим агентом, которому хотелось только слушать и наблюдать и который не являлся официальным посланником своего государства, более откровенно, чем со старым послом великой державы, с которой папа был тесно связан, послом, столь влиятельным, что его прозвали «кардиналом». Во всяком случае, кардинал Рамполла, зная политическую программу своего господина — папы, представлял себе, что от Шлёцера нечего ожидать поддержки миссии Извольского. И все же начало русско-ватиканских отношений было с успехом заложено.

---

¹ См. донесение Извольского от 19(31).7.1888; Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 89.

Глава XV

ПЕРЕГОВОРЫ ПАПЫ ЛЬВА XIII С ЦАРЕМ

Как писал Извольский через две недели после своего прибытия в Рим, ему сразу же бросилось в глаза то, что папская курия идет на большие уступки России; самое удивительное, что это ему не понравилось, так как возбуждало недоверие: «Это наводит на мысль, что для курии в настоящую минуту важно не столько разрешить существующие между нами серьезные затруднения, сколько выступить перед итальянским правительством и перед Европой с новым, хотя бы и кажущимся, дипломатическим успехом»¹. Однако Извольский очень быстро разобрался в ситуации и советовал использовать объясняющуюся политическими причинами кротость папы по отношению к России, чтобы получить возможно больше уступок в церковных вопросах. Это относилось прежде всего к полякам-католикам, «которые в вопросах совести подчинены папе».

При такой ситуации переговоры быстро продвигались, тем более что папа без колебаний шел навстречу желаниям царского правительства дать указания католическим священникам, и прежде всего, конечно, епископам, чтобы они действовали «сообразно с видами государства и не увлекались никакими политическими тенденциями»². Это было вполне в духе торжественного заявления папы во время первой аудиенции Извольскому, что «его неизменное правило — внушать как иерархии, так и пастве повиновение законной власти и что он готов доказать на деле, что влияние его на епископов

---

¹ См. донесение Извольского от 11(23).4.1888; Е. А. Адамов, цит. соч. стр. 77.

² См. донесение Извольского от 25 4(5).1888; Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 79.

всегда сообразно с интересами русской государственной власти»¹. Через несколько недель Извольский сообщал о своей беседе с статс-секретарем кардиналом, в ходе которой статс-секретарь заявил: «Его святейшество искренне желает, чтобы иерархия действовала сообразно с видами государства и не увлекалась никакими политическими тенденциями, и если императорское правительство выразит желание, чтобы епископам [в России] были преподаны в этом смысле наставления, св. отец с радостью это исполнит»². Это были очень приятные для царя слова; если рассматривать их в общем, они казались правильными; в данном же случае они имели целью помешать угнетенному народу добиваться своей свободы. Ведь было дано недвусмысленное обещание ни больше ни меньше, как обязать польских епископов и духовенство беспрекословно подчиняться царской власти.

За это время Извольского удалось убедить в том, что для царской России результаты переговоров могут быть очень благоприятными. Сам Ватикан с гордостью ссылаясь на свои успехи в Ирландии, где благодаря вмешательству Ватикана было фактически сломлено сопротивление ирландцев-католиков. И можно ли было поэтому предложение Ватикана относительно католиков-поляков в России не принять всерьез? Конечно, эта политическая спекуляция на религиозных убеждениях вызвала такое презрительное замечание Извольского. «Каждый подобный акт,— говорит он в этой связи,— получает немедленно самую широкую огласку и обращается в средство для увеличения политического значения и блеска римского престола»³.

Извольский считал признаком серьезного намерения вести переговоры то обстоятельство, что Рамполла вычеркнул из списка вопросов, намеченных для переговоров, все те неприятные вопросы, которые вызвали бы затруднения⁴. Это касалось прежде всего сложной проблемы второго церковного языка (наряду с латинским) в

---

¹ См. донесение от 19(31).3.1888; Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 73.

² См. донесение от 25.4(7.5).1888; Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 79.

³ См. доклад от 25.4(7.5).1888; Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 80.

⁴ Там же

католических церквях России, проблемы, которую тогда не удавалось решить. Как мы знаем, молитвы после богослужения и во время отправления духовных треб в римско-католической церкви в России произносились на польском языке. Иначе говоря, польский язык наряду с официальным латинским языком литургии стал фактически вторым церковным языком. Но так как католиками были не только поляки, особенно в литовских, белорусских и украинских землях, то в Минской губернии возникли в связи с этим осложнения. Верующие рассматривали введение польского языка при богослужении как полонизацию, которой они сопротивлялись. Их поддерживало в этом царское правительство, которое, правда, требовало пользования русским языком вместо польского; иначе говоря, оно хотело полонизацию заменить русификацией. Против этого протестовали не только католические епископы-поляки, но также и белорусы и украинцы. В таком многонациональном государстве это становилось серьезной проблемой.

Поэтому папская курия, идя навстречу желанию царского правительства, требовавшего ввести русский язык в качестве второго церковного языка, должна была считаться с тем, что это вызовет решительное сопротивление в польских католических кругах, которые пользовались значительным влиянием в римско-католической церкви в самой России, хотя они и не были там в большинстве. С другой стороны, русское правительство вовсе не было намерено идти на уступки в этом вопросе.

Несмотря на то что этот вопрос был снят с повестки дня, Извольский не оставил своего намерения при случае вернуться к этой проблеме. Извольскому хотелось выяснить мнение папской курии по этому вопросу: «Подобное исследование представляет тем больший интерес, что с точки зрения Рима это дело находится в близкой связи с общим планом церковной политики, измышленным в последние годы Львом XIII, и который во многом уклоняется от прежних традиций»¹.

Царский посол имел здесь в виду планы Льва XIII о создании церковной унии с теми славянскими народами, которые еще не нашли дороги в Рим. Эти славянские народы надо было привлечь на свою сторону путем усту-

---

¹ См. Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 81.

пок в вопросе о литургии и о языке богослужения. Вопрос об унии был, правда, выдуман не Львом XIII; здесь Извольский ошибался; как мы видели, этим вопросом папская курия занималась уже не одно столетие. Уступки же папы в вопросе о литургии были также не столь велики, как думал Извольский. Кроме того, Извольский путал понятия «второй церковный язык» и «язык литургии». Уступки Льва XIII относились не к латинской или униатской церкви, а к церквям, которые не были еще подчинены римской юрисдикции. По отношению к русской православной церкви папа Лев XIII был готов, конечно, на большие уступки. Но при обер-прокуроре Победоносцеве это предложение было столь фантастичным, что о нем не стоило даже упоминать. Извольский, однако, хотел подчеркнуть своим сообщением о предложении папы подчинить польских католиков царскому правительству и сообщением о том, что Рамполла снял трудноразрешимые вопросы с обсуждения, сколь благоприятна сейчас ситуация для переговоров с папским престолом. Поэтому он счел нужным повести себя более активно, чем его уполномочили на то в Петербурге.

Между тем деятельность Извольского в Риме оказалась прерванной, так как летом 1888 года он по семейным обстоятельствам на длительное время уехал в Россию. Во время его прощального визита к папе тот был особенно милостив. Как писал Извольский, папа подчеркнул «необходимость солидарности и единения между великими консервативными державами, особенно Россиею и св. престолом». Лев XIII напоминал, что папский престол постоянно выступает за «поддержание нравственного и политического порядка в Европе», и уверял, что «его авторитет будет всегда употребляем на то, чтобы внушать католикам Польши повиновение законам и верность их государю»¹. В заключение он выразил желание — свое «заветное желание, — как говорил Извольский, — иметь при своем дворе официального русского представителя»².

Это отвечало также и желанию Извольского; его, видимо, все больше и больше увлекала задача, разрешение которой, как он надеялся, должно принести большой

---

¹ См. донесение от 21.8(29).1888; Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 89.

² См. Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 90.

успех. Так как Россия в своей внешней политике была чрезвычайно заинтересована в сближении с Францией, то важно было возвести для этого любой мост, также такой, в конце концов, шаткий мост, идущий через Ватикан. Правда, Извольский прекрасно представлял себе все трудности, неизбежные во время переговоров в Ватикане.

Возвратившись в ноябре 1888 года в Рим, Извольский тотчас же снова получил аудиенцию у папы, во время которой папа был еще более любезным, чем во время его последней аудиенции летом. Эта любезность простиралась так далеко, что у Извольского вновь появилось недоверие и он почувствовал, что ватиканские политики расставили ему сети, которые могут привести к политическим осложнениям с великими державами. Дипломатическая арена в Ватикане представляла многочисленные возможности для встреч и для завязывания важных контактов. Но из-за чрезмерного рвения папы и его дипломатических помощников, прежде всего его статс-секретаря Рамполлы, Извольский счел необходимым держаться очень осторожно. «Это возбуждение [в печати.— *Ред.*],— писал он после своего возвращения,— обязывает меня ежеминутно к большой осторожности и осмотрительности, так как высшая иерархия Ватикана обладает ясно выраженным вкусом к большой политике»¹.

Несмотря на это, Извольский считал, что время для переговоров очень благоприятно. Следует полностью использовать столь активные стремления Ватикана содействовать созданию русско-французского союза, так же как и связанную с этим готовность идти навстречу желаниям России. Поэтому Извольский предлагал начать наконец официальные переговоры и назначить его постоянным представителем России при папском престоле. На Лефевра де Бегэна, французского посла при папском престоле, Извольский вполне мог положиться. Лефевр буквально навязывал Извольскому свои услуги — Франция, которой угрожала Германия, была заинтересована в союзе с Россией еще более, чем Россия. Поэтому и французская дипломатия старалась использовать эту

---

¹ См. донесение от 8(20).11.1888; Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 95.

возможность через Ватикан установить связи с Россией, тем более что стремления ее нашли столь энергичную поддержку со стороны папы и Рамполлы.

На основании донесений об аудиенциях, полученных Извольским у папы в конце 1888 года, Александр III решился начать официальные переговоры, которых так добивался его представитель в Ватикане. Как подчеркивал Извольский, время для переговоров было самое благоприятное и нужно было ковать железо пока горячо. По его мнению, новый австро-венгерский посол, граф Ф. Ревертера-Саландра, влияние которого возрастало, мог помешать так хорошо начавшимся переговорам. Итак, надо было действовать незамедлительно. Русское правительство опасалось непостоянства Ватикана. Поэтому царь решил составить проект письма, которое затем, 17 ноября 1888 года, министр иностранных дел переправил Извольскому¹. Это была основа для начала официальных переговоров.

В проекте письма говорилось, что царь будет приветствовать восстановление дружеских отношений, некогда существовавших между Россией и Ватиканом. Царь согласился, таким образом, с Львом XIII, который писал 28 января 1888 года, что ожидает дня переговоров с нетерпением, «но в то же время с полнейшим доверием к великодушию Вашего Величества, чей высокий разум без труда поймет, насколько для обеих сторон было бы выгодно восстановить старинные дружественные отношения, некогда существовавшие между Россией и св. престолом и соединяющие и связующие нас ныне с некоторыми другими государствами»². В своем наставлении Извольскому царь, как всегда, назвал в качестве основы для сотрудничества совместную борьбу за утверждение авторитета против разрушительных учений и борьбу против влияния на духовенство политических соображений, могущих повредить авторитету государственной власти³.

Во время поездки Извольского в Россию речь шла лишь о процедурных вопросах и о том, как представляет

---

¹ См. Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 98—99.

² Там же, стр. 67—68.

³ См. Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 98, Приложение к письму Гирса Извольскому от 17.11.1888.

себе эти переговоры Ватикан, о каких проблемах следует говорить; теперь же, согласно проекту письма царя, шла речь о самих переговорах. Уже в своем первом пункте о замещении епископских мест они оказались нелегкими, так как очень трудно было найти кандидатов, которые удовлетворяли бы и царское правительство и Ватикан.

Но папа пользовался всякой возможностью, чтобы продемонстрировать послу свою заинтересованность в переговорах и в союзе с Россией. Во время аудиенции, которую папа дал Извольскому по случаю рождества, он держал его у себя целых полчаса и вел с ним доверительный разговор. Во время этой беседы папа вновь прославлял мощь католической церкви и говорил о нетерпении, с которым ждет переговоров между Россией и папским престолом. Затем он перешел к международной политике. Извольский пишет: «Из его слов я мог заключить, что его раздражение против Германии и против Тройственного союза далеко не рассеялось. С другой стороны, он не верит в неопределенное продолжение нынешнего состояния вооруженного мира и предвидит в близком будущем серьезные потрясения. Он хотел бы, чтобы день кризиса встретил Россию и св. престол объединенными искренним согласием, которое, по его мнению, обеспечит нам серьезные выгоды с точки зрения охраны наших границ и даст папству моральную поддержку единственной державы, предназначенной, по его мнению, играть роль арбитра в вопросе о мире и о войне»¹.

Этот политический разговор типичен для Льва XIII, в особенности для общего направления политики курии. Союз с сильнейшей светской державой рассматривался как наилучшая гарантия осуществления притязаний папы и церкви на господство. За это папская курия в свою очередь была готова заплатить духовным влиянием, которым она располагала у католиков. Речь шла о том, чтобы сломить сопротивление поляков в царской России — «с целью сохранения наших границ», как говорит об этом Извольский. Моральная поддержка Ватикана в этом важном сотрудничестве с царской Россией

---

¹ См. донесение Извольского от 19(31).12.1888; Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 102—103.

была предложена в качестве залога дружбы. В Ватикане полагали, что мировая война разразится в самом ближайшем будущем. Победа России или же стран Антанты, которую наделенный пылкой фантазией папа считал уже реальностью, должна будет, по его мнению, вернуть ему господство над Римом. Венцом его мечтаний было подчинение русской православной церкви непогрешимому руководству папы. Царь — властелин, владыка, повелевающий судьбами войны и мира, и «викарий Христа», наместник бога на земле, рука об руку — такова блистательная картина будущего! Однако в рождественские дни 1888 года до всего этого было еще очень далеко. Мечты папы вообще могли никогда не осуществиться, ведь при этом не учитывались важнейшие факторы, и прежде всего самое главное — народы России, которым не было никакого дела до этого реставраторского союза царской России с папством. Тем не менее бесспорно, что именно эти мечты являлись генеральным планом папской дипломатии.

Русско-ватиканские переговоры пока что успешно продвигались вперед. Поляки, правда, как мы уже видели, сопротивлялись. «Кардинал Рамполла не скрыл от меня, — сообщал Извольский во время первых переговоров, которые он вел с Рамполлой¹, — что эти происки действительно существуют в сильной степени». Извольский неоднократно упоминает о «польских происках... имеющих целью во что бы то ни стало помешать всякому согласию между императорским правительством и римскою курией»; Извольский неоднократно пишет об этом в своих докладах в Петербург². Кроме поляков-эмигрантов, в русско-ватиканские соглашения вмешивались еще и поляки из Австрии. Здесь чувствовалась рука правящих кругов Австрии. Группа польских аристократов во главе с князем-епископом Сапегой из Кракова добивалась аудиенции у папы. Однако аудиенция давалась только отдельным лицам, и они должны были соблюдать неперемное условие: не касаться русско-ватиканских переговоров. Извольский отзывался с похвалой

---

¹ См. донесение от 28.3(9.4).1888; Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 75.

² См. донесение от 11(23).4.1888; Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 77.

об «этой крайней осторожности». Адрес, который хотели передать папе паломники во главе с Сапегой, не был принят папой и появился в одной краковской газете. Эта «крайняя осторожность» вызвала, как с удовлетворением сообщает Извольский, «крайнее неудовольствие поляков»¹. Трудное положение, в котором находился польский народ, стало очевидным. Его стремление к национальной свободе подавлялось в его собственной стране, в других же странах им злоупотребляли в империалистических целях страны, участвовавшие в разделе Польши.

Папа попытался успокоить поляков, всячески подчеркивая, что он трезво ведет переговоры об их национальных интересах в России. На открытом заседании консистории 19 февраля 1889 года Лев XIII пытался опровергнуть упреки. В то же время в сотрудничестве с Извольским вырабатывался текст послания к польским епископам в России. Через Извольского текст этого послания был передан русскому правительству для согласования его с министерством внутренних дел. Извольский писал, что текст послания «был составлен с видимым старанием кардинала (Рамполлы) найти наиболее удобную нам формулу»². Действительно, текст этого послания полностью удовлетворил директора департамента полиции графа Толстого³. Епископам внушалось, что их задача — «взаимное согласие и дружественная гармония между духовной и светской властью». Их предупреждали, что они должны «усердно прилагать старание к поддержанию этого согласия» и «оказывать должное уважение и верность тем, кто поставлен во главе государства». Это сотрудничество духовной и светской власти должно было осуществляться «в духе божественного предопределения». Верующим внушалось, что покорность властям нужно проявлять не из страха перед царем и его правительством, а по велению собственной совести. На епископов возлагалась ответственность за то, чтобы верующие «не вступали ни в какие сообщничества, имеющие целью произвести переворот в государстве или нарушить его безопасность и спокойствие». Из-

---

¹ См. донесения от 11 (23).4.1888; Е. А. Адамов, *цит. соч.*, стр. 78

² См. депешу № 13 в начале 1889 года; Е. А. Адамов, *цит. соч.*, стр. 42—43.

³ Там же, стр. 43.

датель и комментатор докладов Извольского Адамов приходит к заключению: «Таким образом, польские католические епископы волею св. отца превращались в полицейских агентов русского самодержавия, — и все-таки курия запрашивала царское правительство, не угодно ли министерству внутренних дел еще что-нибудь прибавить к этим пастырским внушениям»¹.

Препятствия, из-за которых в 1884 году сорвались начатые в 1882 году русско-ватиканские переговоры, были таким образом устранены, и двери для сотрудничества между царским правительством и римской курией были открыты. Это сотрудничество, основанное на доверии, было для Льва XIII не только предпосылкой совместных переговоров о положении римско-католической церкви в России, но также и для активных действий в области русско-французского сближения, которое в скором времени привело к образованию русско-французского союза. Друг другу противостояли два гигантских военных блока, за которыми стояли интересы монополистического капитала. Наступила эпоха империализма, принесшая с собой разрушительные военные столкновения, которых не мог даже себе представить Лев XIII со всей его фантазией.

Девяностые годы XIX века принесли Европе огромные перемены. Уже в конце восьмидесятых годов, то есть в то время, когда стала вырисовываться новая группировка великих держав в Европе, крупные банки, значение которых трудно переоценить, приобрели определяющее влияние на мировую политику. Международные крупные банки Ротшильда в Париже и Лондоне теперь оказывали свое влияние на начавшееся изменение международной политики.

В качестве одного из самых влиятельных проводников политики Ротшильда в Париже выступает видный французский дипломат Шодорди. В 1880—1881 годах он был французским послом в Петербурге и познакомился с Россией. Прежде всего он выяснил возможности выгодно вложить капитал в стране, столь богатой полезными ископаемыми и одаренными людьми, простирающейся от Кракова до Тихого океана и от вершин Пами-

---

¹ См. депешу № 13 в начале 1889 года; Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 43.

ра до Северного Ледовитого океана, — стране безграничных возможностей. Правда, серьезным препятствием являлся варварский царизм с его продажным чиновничеством, однако при помощи денег финансовые круги Франции, заинтересованные в России, надеялись преодолеть эти трудности. Царская Россия проявила себя как жандарм, подавляющий социалистическое рабочее движение, и возможности для эксплуатации ее природных богатств, казалось, были безграничны. В России возник «военно-феодальный империализм», как охарактеризовал его В. И. Ленин¹. Чтобы противостоять Германии, расположенной в сердце Европы, обладавшей лучшей военной машиной, Германия, которая подписала в 1879 году союз с Австро-Венгрией, а в 1882 году заключила с Австро-Венгрией и с Италией так называемый Тройственный союз, Франция в качестве союзника была очень удобна. Бряцающая оружием Германия в течение нескольких лет добилась колоссального экономического подъема и грозила быстро нагнать и даже перегнать старую индустриальную державу — Англию. Правда, к разделу мира Германия опоздала. Но тем настойчивее добивалась она его передела.

Поэтому ясно, что усилия Шодорди сблизить Россию с Францией должны были увенчаться успехом. Впрочем, до середины 80-х годов этому мешали трудности — резкие противоречия между Англией и Россией относительно Средней Азии. Но продвижение России остановилось здесь перед естественными препятствиями на Памирском плато и Иранском нагорье. В 1887 году при активной поддержке лондонского банка Ротшильда был уже составлен план создания Антанты — союза России, Англии и Франции. Эта Антанта представлялась объединением, которое имело много преимуществ в сравнении с группировкой Центральных держав. Превосходная армия Франции, огромный флот Англии в сочетании с неисчерпаемыми резервами России казались непобедимыми. Италия с ее большими открытыми берегами должна была очень быстро покориться морской державе Англии. Шодорди прилагал особые усилия для создания такой Антанты. За ним стояли интересы банкирского дома Ротшильда в Париже, который, разумеет-

---

¹ См. В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 21, стр. 203, 277.

ся, не собирався вкладывать свой капитал в России до тех пор, пока у него существовали опасения, что эти капиталовложения могут быть потеряны из-за того, что царский режим в России может быть свергнут в результате нападения Англии. В сентябре 1887 года в Дьеппе состоялась важная беседа Шодорди с английскими дипломатами, которая показала, что сторонники так называемого нового курса в Англии, возглавляемые принцем Уэльским, ориентируются на дружбу с Россией, а не с Германией. Теперь можно было быть уверенным, что в случае конфликта между Россией и Францией, с одной стороны, и Центральными державами — с другой, Англия станет на сторону России и Франции.

Шодорди начал очень решительно и ловко добиваться сближения Франции и царской России, выступая как представитель Франции во время конференции великих держав в Константинополе в 1887 году в интересах России на Восточных Балканах, в Болгарии. Постепенная утрата влияния на Балканах очень болезненно воспринималась министерством иностранных дел в Петербурге. Тот, кто помогал царской России остановить ее оттеснение на Балканах и вывести из изоляции, почитался ее другом. Тут Германия не могла конкурировать с Францией, так как путь Германии на Передний Восток вел через Балканы (Багдадская железная дорога). Кроме того, Германия должна была считаться с балканскими интересами своего союзника — Австро-Венгрии. Таким образом, внешняя политика Бисмарка, пытавшегося во что бы то ни стало избежать войны на два фронта, наталкивалась на все большие трудности. Русско-французский союз, напротив, сулил участникам большие выгоды: Франция получала заслон от атак Германии и могла беспрепятственно заняться реализацией своих колониальных планов, в частности в Северной Африке. Французский капитал обрел в России очень выгодные позиции, получая за него высокие проценты. С другой стороны, Россия остро нуждалась в этих капиталовложениях, чтобы создавать собственную промышленность независимо от германского капитала. Германия все меньше и меньше могла конкурировать с этими весьма влиятельными в России кругами. В частности, националистически настроенная крупная буржуазия России все больше склонялась к панславизму, кото-

рый быстро развивался перед лицом агрессивного пангерманизма.

Естественно, что в такой ситуации русско-французское сближение быстро продвигалось. В то же время ясно, что Лев XIII, очень хорошо осведомленный о политических и экономических процессах в Европе, захотел также извлечь выгоду из этого союза. Близящийся мировой пожар, рисовавшийся воображению папы, должен был привести Ватикан обязательно на сторону победителей, и прежде всего тех, у ног которых оказалась бы униженная Италия. Вот тогда и придет пора вновь заявить о своих притязаниях на политическое господство в Италии.

Эта новая позиция сулила большие преимущества для Ватикана: можно было открыто бороться против Италии со столицей в Риме, этого бельма на глазу у папы. В случае поражения Тройственного союза, на что, как уже указывалось, Лев XIII определенно рассчитывал, появлялась возможность предъявить новые претензии, гарантирующие суверенитет папы. На Францию и Россию в этом смысле всегда возлагались надежды Ватикана. И ничто не могло более привлечь Льва XIII, чем перспектива такого рода. Духовное владычество папства, о котором Лев XIII имел столь высокое представление, могло быть гарантировано, по его мнению, только в случае, если папа будет обладать суверенитетом и светской властью. От Центральных держав папа в этом смысле ничего ждать не мог. В этом папа имел случай убедиться в 1888 году, когда неожиданно была прервана аудиенция молодого кайзера Вильгельма II, и в 1889 году, когда король Италии был торжественно принят в Берлине. Папа реагировал на это очень болезненно. Бесполезной была и смена послов при папском престоле, и еще менее усилия Гольштейна направить в Рим нового посла, который разъяснил бы папе, что ему не следует превращаться в примаса Франции и союзника еретической России¹. Политика Гольштейна свидетельствует о том, что он совершенно не понимал, какова ситуация в Ватикане. Кроме того, в Ватикане не без основания опасались властолюбивой

---

¹ Aus dem Briefwechsel des Generalfeldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee, Bd. I, Berlin — Leipzig, 1928, S. 308 ff.

вильгельмовской Германии, которая могла неожиданно спровоцировать державы противоположного лагеря.

Лев XIII считал, что для достижения духовного господства необходимо подчинение русской православной церкви Риму.

Как мыслил себе папа Лев XIII это объединение церквей и какое значение оно имело для него, можно уяснить из сообщения историка Зиккеля, пользовавшегося полным доверием папы. Зиккель писал об одной аудиенции, которую ему дал Лев XIII: «Лев XIII любил сам начинать разговор о проблемах, его особенно занимающих, поэтому он тут же заговорил об Извольском, которого очень хвалил, а затем, к моему удивлению, перешел к вопросу о схизме». Он полагал, как пишет Зиккель, что эта схизма вполне преодолима, ибо, как сказал он Зиккелю, существуют лишь незначительные расхождения в догме. «Лев XIII нарисовал картину того, — пишет далее историк, — какие последствия будет иметь примирение России с Западом: Восточный вопрос будет моментально решен и заодно побежден ислам. Россия, которая будет пользоваться советами и поддержкой церкви, станет диктовать мир в Европе и установит социальный порядок». Произнеся эти слова, папа поднялся с трона, чтобы придать всему сказанному еще больший вес; он выглядел как провидец. «Бог удостоил его своей милостью и призвал на самый высокий пост на земле. Он взывает к богу, дабы тот оказал ему милость и прекратил раскол через его, папы, посредство, поскольку он — орудие бога!» В этих записках Зиккеля сформулированы все основные мысли Льва XIII. Когда папа взглянул на коленопреклоненного Зиккеля, взирающего на папу чуть насмешливо, то добавил пророческим тоном: «И если это случится, то вы, протестанты, просто последуете примеру русских»¹.

Лев XIII надеялся, что русско-французский союз окажет решающее влияние на политический радикализм и прежде всего станет плотиной, сдерживающей влияние развивающегося во Франции социализма.

В глазах Льва XIII реакционный характер царской России был не недостатком, а преимуществом, хотя

---

¹ См. Theodor von Sickel, *Römische Erinnerungen*, Wien, 1947, S. 158.

именно папа любил говорить о демократии и ставил перед собой задачу найти наконец для католической церкви какие-то точки соприкосновения с новым развитием в Европе, характерным для эпохи капитализма. Между тем его симпатии принадлежали тем силам, которые сдерживали это развитие; он надеялся, что именно такое влияние будет оказывать царская Россия на радикальную Францию. Папы всегда чрезвычайно ценили политически реакционную царскую Россию. Они чувствовали свою общность с ней, и Лев XIII, этот представитель «христианской демократии», не упускал возможности подчеркнуть свой союз с царским тронном.

В оценке реставраторских сил, в этом намечавшемся союзе двух политически отнюдь не равных партнеров Ватикан исходил из своего долголетнего опыта. В царской России это должно было привести к оттеснению революционно настроенных поляков, а во Франции — к привлечению умеренных монархических кругов на сторону республики. При участии этих умеренных монархистских кругов должно было быть приостановлено движение к социализму и к радикальной демократии, как это обнаружилось во Франции в конце XIX века. Ватикан очень гордился активным вмешательством реставраторских сил как в России, так и во Франции и весьма переоценивал роль, которую в действительности играла поддержка Ватикана в создании русско-французского союза. Правда, на отсутствие доброй воли со стороны Льва XIII и Рамполлы жаловаться не приходится, и если бы оценивать события по намерениям их участников, то роль Ватикана была бы действительно немалой.

Из донесений Извольского можно составить себе ясную картину развития русско-ватиканских отношений в это время. Переговоры о замещении вакантных должностей епископов, начатые в 1888 году, продвигались очень медленно. Трудно было прийти к соглашению о кандидатурах, так как папа и царь придерживались разных мнений относительно того, каким условиям должны удовлетворять кандидаты. Несмотря на это, во время рождественской аудиенции 1888 года Лев XIII задержал у себя Извольского на целых полчаса и изложил ему свою точку зрения на общность русско-ватиканских интересов¹.

---

¹ См. Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 102.

14 февраля 1889 года в речи, произнесенной папой на секретной консистории, он пытался оправдаться. Он заявил, что стремится «восстановить правильные сношения с могущественнейшею Российской империею» и в то же время отметил: «мы с особенным старанием и одинаковою благосклонностью посвятили наши заботы и мысли католическим интересам среди поляков»¹.

Извольский, который в течение целого года был представителем России при папском престоле, следующим образом сформулировал свое отношение к Льву XIII: «Нынешний папа по преимуществу дипломат и политик; в течение одиннадцати лет все его труды направлены к двум целям: вернуть папству его былой международный престиж и его влияние на ход европейских событий; добиться возвращения своего исторического места в Италии, ничего не уступая из своих претензий на светскую власть»².

Этим и объясняется, как подчеркивал Извольский, настойчивое стремление Льва XIII к сотрудничеству с Россией: «Лев XIII наделен слишком большим умом, чтобы верить в возможность действительного и длительного соглашения по бесчисленным религиозным вопросам, которые разделяют нас и большинство которых неразрешимо по самой их природе. С другой стороны, он никак не может возлагать на Россию серьезных надежд в вопросе о восстановлении его светской власти. Но политический инстинкт заставляет его угадывать в Российской империи главный фактор будущих соглашений «арбитра войны и мира», согласно его выражению... С этой точки зрения он придает особо важное значение существованию дипломатических связей с нашим правительством»³.

Извольский рассуждал совершенно правильно, но он видел только «передний план событий», в подоплеке же событий он вообще не мог разобраться. Лев XIII нередко называл себя, как и Иннокентий III, «викарием Иисуса Христа», который управляет «империей Иисуса Христа» на земле. Это было выраженное богословским

---

¹ Там же, стр. 103, донесение Извольского от 14(26) февраля 1889.

² См. Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 106.

³ См. Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 107.

языком притязание на мировое господство. Викариат Иисуса Христа, господство над миром, над всеми народами должно было быть восстановлено средствами политики и дипломатии в результате достижения папского суверенитета и путем участия в важных мировых событиях. И это должно было произойти в том мире, в котором пролетариат, организованный в международном масштабе, уже начал определять направление мировой истории!

Извольский видел лишь пути к цели — конечная цель была скрыта от него, несмотря на то, что он не лишен был способности наблюдателя. Дипломат заканчивает свой доклад, констатируя, что папа проявляет желание уступить России в некоторых вопросах и даже одна только надежда достигнуть соглашения побудила бы его «сопротивляться непрекращающимся интригам полонофильской партии в Ватикане»¹.

Поэтому и не прекращались беседы между Извольским и Рамполлой. Хотя русское правительство затрудняло и затягивало заключение соглашения о назначении римско-католических епископов в России требованиями относительно языка богослужения в церкви и тем должно было, собственно говоря, вызвать гнев папы, Лев XIII на майской консистории не коснулся этого вопроса, он надеялся, что в ближайшее время такое соглашение будет достигнуто. Извольский, как он с гордостью сообщал по истечении года своей деятельности в Риме в Петербург, «внушил» кардиналу Рамполле и некоторым другим деятелям, имевшим доступ к папе, необходимость «быть крайне осторожным, дабы не повредить дальнейшим нашим отношениям»². И папа выполнил это желание русского дипломата. «Особенно стоило его самолюбию, — как цинично констатировал Извольский, — обойти молчанием последние два его успеха в области внешней политики», ничего не сказав о выступлениях австрийских и немецких католиков против захвата Рима Италией.

Предупредительность по отношению к России, которая могла показаться просто непонятной, объяснялась, как был уверен Извольский, политическими мотивами.

---

¹ Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 107.

² Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 108.

Именно в это время итальянскому королю был устроен блестящий прием в Берлине, и позиция Италии была вновь, таким образом, упрочена. Тем более папа должен был ратовать за создание коалиции держав, которая значительно ослабила бы Тройственный союз; другими словами, необходимо было активно содействовать русско-французскому сближению. Поэтому России ни в коем случае нельзя было давать повода к недовольству, пусть даже при этом ущемлялись интересы церкви.

«Оссерваторе Романо»¹, стараясь польстить своему владыке, не зря писала о папе как о «первой политической потенции мира», «политической главе всех христианских народов». Это утверждение газеты, правда, не соответствовало действительности, зато выражало тайную цель папства, ту, к которой стремилась папская тиара начиная с XIII века. Историки, писавшие о русско-французском сближении, недооценивали претензий папства². Так как папа всегда решительно выступал за сохранение буржуазного общественного порядка, то политический авторитет Льва XIII был велик и у некатолических буржуазных правительств.

Поэтому Извольский не переставал с гордостью писать о том, с какой готовностью идет папа навстречу интересам России, в то время когда, к слову сказать, всем ватиканским газетам была предписана самая большая сдержанность по отношению к России. Ватиканские газеты обошли полным молчанием даже русские отклики на 50-летие подавления церковной унии в России.

Синод отметил пятидесятилетнюю годовщину отмены унии в России, опубликовав открытое письмо, в котором, как с раздражением сообщал австро-венгерский посол, «в чрезвычайно напыщенных выражениях были перечислены выгоды, которые получило население от того, что перешло в другую церковь, то есть от возвращения в лоно русской православной церкви»³.

---

¹ В конце июня 1892 года.

² См. O. Becker, Das französisch-russische Bündnis, Berlin, 1925, S. 305.

³ Сообщение австро-венгерского посла от 20 июня 1889, HHStA, Rußland, 1889.

Какой шум подняла бы ватиканская пресса, если бы в какой-нибудь другой стране произошло что-нибудь, хоть отдаленно напоминающее это! В данном же случае промолчали, так как на карту было поставлено большее. Папа ждал в ближайшем будущем важных, можно сказать, решающих событий на политической арене. Поэтому Извольский и сообщал летом 1889 года: «Со мною кардинал Рамполла в высшей степени предупредителен и сообщителен и беспрестанно заявляет мне о том, как высоко Лев XIII оценивает спокойную, независимую и твердую политику России»¹.

Принимая во внимание эту международную обстановку, понятно, почему Лев XIII издал свою знаменитую энциклику «*Regum novarum*» именно весной 1891 года; в ней речь шла о том, как «подрубить под корень» социализм и коммунизм при помощи предлагаемого им плана попечения о рабочих. Мировой экономический кризис, который начался в Южной Америке и в 1891 году угрожал уже Европе, играл при этом решающую роль. Растущая безработица усиливала революционные волнения среди рабочих. Одновременно развивалось социалистическое рабочее движение. Свидетельством тому является Международный конгресс социалистов в 1889 году в Париже и мощные первомайские демонстрации 1890 года. Появлению энциклики способствовали также настойчивые требования немецких католиков, которые проделали соответствующую подготовительную теоретическую работу².

К этому столь решающему для русско-французского сближения моменту нужно было сделать все возможное, чтобы в глазах царя утвердить Ватикан в качестве самого прочного антиреволюционного и антисоциалистического гаранта против умеренно-демократической Франции. Поэтому следует обратить особое внимание на дату появления энциклики — 15 мая 1891 года. Для царя энциклика была важным доказательством влияния папы, его возможности сыграть значительную роль в русско-французском сближении.

¹ Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 110, донесение от 5.7.1889.

² М. М. Шейнман, Предыстория послания Льва XIII «*Regum novarum*», «Вопросы истории религии и атеизма», IV, стр. 88—103; Ю. Сташевский, Еще о генезисе энциклики «*Regum novarum*», там же, VI, 1958, стр. 143—152.

Начиная с обмена письмами между французским послом в Париже Моренгеймом и французским министром иностранных дел Рибо от 27 августа 1891 года и между министром иностранных дел Гирсом и Моренгеймом от 21 августа русско-французское сближение вошло в стадию переговоров о союзе¹.

С лихорадочным волнением следил папа за событиями лета 1891 года: посещением французским флотом Кронштадта и последующими за ним переговорами. Извольский сообщал летом 1891 года, что Лев XIII «выказал ему чрезвычайный интерес к политическим событиям последних недель; он расспрашивал его обо всех подробностях предстоящего посещения Кронштадта французской эскадрой и выражал с большою откровенностью и живостью свое мнение о вопросах текущей политики»².

Летом 1892 года состояние здоровья папы вызывало такие большие опасения, что стали всерьез говорить о созыве конклава и кандидатуре нового папы. Естественно, что каждая держава желала, чтобы был избран такой папа, который поддерживал бы именно ее направление в политике. Извольский особенно опасался — как он подробно сообщал своему правительству 11(23) августа, — что может возрасти влияние Галимберти, который в ближайшее время должен был быть отозван из Вены, где занимал должность кардинала курии. В 1893 году Галимберти действительно был отозван. Такая «в высшей степени даровитая и выдающаяся личность» представляла собой большую опасность, ибо Галимберти был открытым сторонником примирения курии с Италией и сближения с Тройственным союзом. Надо назвать также Ледоховского, который, как писал Извольский, был, пожалуй, одним из главных руководителей непримиримой партии, но из-за своего враждебного отношения к русским, — а в этом вопросе он не шел ни на какие компромиссы, — казался Извольскому опаснее, чем Галимберти. Шансы Ледоховского на папскую тиару Извольский считал незначительными, так

---

¹ См. Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917, М., 1952, стр. 277—279.

² См. Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 117, донесение от 15 июля 1891.

как Ледоховский, который лишь недавно, в 1892 году, стал главой конгрегации «Пропаганда веры», хотя и занимал один из самых значительных постов в римской курии, нажил себе за короткое время именно благодаря этому много врагов, особенно среди своих сотрудников, итальянских епископов. «Gran elletore», то есть самым влиятельным человеком в конклаве, Ледоховский, однако, мог стать вполне. «Это тем более прискорбно, с нашей точки зрения, что в таком случае он легко может приобрести решающий голос при назначении статс-секретаря и вообще влияние на направление внешней политики будущего папы»¹.

Представляли интерес и группы, противостоявшие друг другу в Ватикане: верные правительству итальянцы и французские легитимисты критиковали политику Ватикана, которая была направлена против Италии и тем самым против Германии и Австрии; политику папы критиковали также поляки. В то же время враждебно настроенные против церкви французы и сторонники православной церкви — русские защищали эту политику. Какие возникают противоестественные союзы, когда «высшее духовенство во главе с папой любит политику!», как выразился однажды Извольский. Впрочем, такие нападки никогда не прекращались.

В действительности папа должен был сохранять хотя бы видимость объективности, в особенности по отношению к коллегии кардиналов; все же основная его политическая линия, несмотря на трудности оставалась неизменной. «Последние события в Париже и Тулоне» (русско-французская встреча флотов), как сообщает Извольскому Лефевр, «произвели на папу весьма глубокое впечатление, и, несмотря на минутные успехи Ледоховского, он более чем когда-либо желает жить с нами в мире»².

Итак, перед нами ясная картина прогивоборствующих сил, стремившихся к власти в Ватикане. Эта борьба сил отражала международную политику. И хотя представители отдельных правительств при папском престоле были склонны, конечно, преувеличивать значение этих

---

¹ См. Е. А. Адамов, стр. 122, донесение от 23 августа 1892.

² См. там же, цит. соч., стр. 128, донесение Извольского от 28 ноября 1893.

сил, поскольку таким образом возрастало и их значение вместе с значением папского престола, нельзя, однако, недооценивать действительные силы, а именно религиозные чувства и привязанности миллионов католиков, которые оказались втянутыми в политическую борьбу.

Извольский был заинтересован прежде всего в том, чтобы его миссия увенчалась успехом, а этого можно было достичь, по его мнению, прежде всего созданием постоянного представительства России при Ватикане. Как следует из разговора, который Извольский имел в связи с его пребыванием в Петербурге в 1893 году с Эренталем, тогдашним поверенным в делах Австро-Венгрии в Петербурге, «Извольский намекал на то, что дипломат всегда хочет легализовать свое положение. Я слышу, что господин Извольский собрал в подробной докладной записке все аргументы, говорящие в пользу официального дипломатического представительства России при папском престоле, и послал их в качестве «Памятной записки» его величеству»¹.

Насколько точно оценивал Извольский положение дел в Риме, как оно ему представлялось, ясно из одной фразы, которую он написал в конце 1894 года в Петербург. Он характеризовал Льва XIII как папу, отличающегося «более политическим, чем религиозным, складом ума» и постоянно стремящегося «играть деятельную роль в международной политике»². Одной этой фразой Извольский продемонстрировал свое искусство точной характеристики, хотя ему не дано было понять до конца истинные мотивы поведения папы. Такая позиция не только Льва XIII, но и папства вообще была причиной политических интриг и борьбы за власть в Ватикане. Как реальный политик, папа понимал, что в век капитализма нет никакой возможности претворить в жизнь фантастические, утопические цели средневекового мирового господства. Льва XIII, политика во многих отношениях чрезвычайно трезвого, Извольский по-видимому, не считал способным на такие фантастические планы.

Ничто не может лучше иллюстрировать безуспешность стремления объединить церкви, чем донесения послов, относящиеся ко времени Льва XIII. Из них

¹ См. отчет от 25 октября 1893, HHStA, Rußland 1893.

² См. Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 126, донесение от 15(27) ноября 1894.

становится совершенно очевидным *circulus vitiosus* (порочный круг): политическая власть казалась необходимой, чтобы добиться объединения церквей; само объединение рассматривалось как дело церковно-религиозное, чтобы прикрыть планы папы на политическое господство, в результате осуществления которых должна была быть восстановлена слава папской курии. Внутренние противоречия в этом вопросе, объявленном для христианства столь важным, были неверно поняты верующими католиками или вызывали сомнения.

Совершенно понятно также, что Победоносцев оказывал сильное противодействие активной деятельности Ватикана, направленной на создание союза русской православной церкви с римско-католической. Славянский благотворительный союз православной церкви, самым тесным образом связанный с царизмом и представлявший дело так, будто и православная церковь и царизм — прибежище всех славян, развернул в 1893 году, как сообщает австро-венгерское посольство в Петербурге, особенно активную деятельность¹.

Следует в первую очередь отметить проснувшийся интерес русской православной церкви, прежде всего святейшего синода, к старокатолицизму. «Славянство — заявлял, например, генерал Киреев на торжественном заседании Славянского благотворительного союза, проходившего под председательством Игнатьева 31 декабря 1893 года в Петербурге, — видит в старокатолицизме союзника. Возможно, что западный католицизм когда-нибудь присоединится через посредство старокатолицизма к православной церкви»². Это, как мы знаем, была излюбленная идея православно-славянофильских кругов, которую защищал еще Хомяков; у немцев ее выдвигал Ф. фон Баадер. Реставраторские силы католицизма должны были, по их мнению, прийти в движение без агрессивного папства; вместе эти церкви (православная и старокатолическая) представляют идеологию, которая может в равной степени всю Европу оградить от революционного движения. Поэтому в 90-е годы опять началось более интенсивное сотрудничество между

---

¹ См. HHStA, Rußland, 1893, E. Winter, Panslawismus.

² См. доклад австро-венгерского посла графа Волькенштейна от 3.1.1894, HHStA, Rußland.

старокатолической и русской православной церковью. В Швейцарии стала выходить старокатолическая газета «Интернационале кирхенцейтунг», а собор митрополитов русской православной церкви обсуждал вопрос о сотрудничестве со старокатолицизмом.

Само собой разумеется, что это было опаснейшим противодействием стремлениям Льва XIII, который хотел объединить все славянские народы под верховной властью папства и видел в этом объединении единственный залог мощи славянских народов в борьбе против социализма. Борьба за интересы православной церкви на Балканах разделяла царскую Россию и Ватикан, хотя папа и здесь был готов идти на самые большие уступки в том, что касалось литургии и богослужения языка; он требовал лишь, чтобы был признан примат папской юрисдикции. Чтобы уменьшить противоречия между папским престолом и царской Россией, французский посланник в Константинополе Камбон старался отвлечь ватиканские круги от проявляемой якобы болгарским духовенством готовности к объединению церквей¹. Тем большей поддержкой пользовался католический архиепископ Менини в Болгарии со стороны Австро-Венгрии в стремлении завоевать болгарскую православную церковь.

С другой стороны, русская православная церковь призывала организовать пожертвования в пользу сербской православной церкви в Боснии и Герцеговине, на автокефалию которой, то есть независимость от сербского православного патриархата в кругах русской православной церкви, смотрели очень косо², так же как и на активную деятельность римско-католической церкви в Боснии. Здесь сказались реальные политические противоречия, которые не могли быть преодолены посредством утопических планов объединения церквей. Папа, однако, продолжал стремиться завоевать благосклонность царской России, так как надеялся таким образом объединить церкви сверху. Поэтому он и считал своей заслугой укрепление русско-французской дружбы.

¹ См. «Гражданин» от 21.2.1893, а также замечания австро-венгерского посланника графа Волькенштейна, HHStA, Rußland, 1893.

² См. Archiv Kirchenministerium, DZA, Potsdam, Acta Jugoslawien.

Между тем в 1894 году, после утверждения протокола о взаимных военных обязательствах, русско-французский союз стал реальностью. Союз этот некоторые неправоммерно называли «Ватиканским тройственным союзом» вследствие деятельной поддержки, оказанной ему Ватиканом, — так по крайней мере расценивали это в Риме, где склонны были сильно преувеличивать собственное значение¹. В июле 1891 года в связи с посещением французским флотом Кронштадта прочность и искренность русско-французской дружбы была продемонстрирована с большим размахом. Царь Александр III, находившийся на французском военном корабле, стоя, слушал «Марсельезу» — гимн революции. Затем, 11 августа 1891 года, было подписано русско-французское соглашение, по которому обе державы брали на себя обязательство в целях укрепления своего «сердечного согласия» («Entente cordiale») договариваться друг с другом по всем вопросам, которые будут содействовать сохранению всеобщего мира; если же мир не сможет быть сохранен и один из партнеров подвергнется агрессии, то обе стороны согласились в том, что обсудят меры, которые следует осуществить незамедлительно и одновременно: «Цезаризм во Франции + царизм в России против *неимпериалистической* Германии в 1891 г. — вот историческая обстановка 1891 года»², — такими словами Ленин, в полном согласии с Энгельсом, охарактеризовал тогдашнюю историческую ситуацию. Ватикан, стремясь осуществить свои мечты о мировом господстве, сделал все, чтобы способствовать заключению этого союза.

На более тесные связи, пусть даже словесные, Александр III и его министр иностранных дел Гирс, несмотря на усилия французской стороны, не пошли. Слишком велико было недоверие к республиканской Франции. Франция, однако, не прекращала своих усилий, добиваясь помощи оружием со стороны России. 18 августа 1892 года была подписана, правда еще предварительная, конвенция обоих генеральных штабов, предусматри-

---

¹ Н. Preller, Zur Entstehung und Struktur des russisch-französischen Zweibundes von 1890—1894, «Archiv für Politik und Geschichte», Bd. 3, 1924, S. 463 ff.

² См. письмо Ленина к Инессе Арманд, В. И. Ленин, Соч., т. 35, изд. 4, стр. 215.

вающая во всех подробностях, как должны себя вести обе державы в случае военного конфликта. Даже объявление мобилизации одной из стран Тройственного союза должно было повлечь за собой, согласно этой конвенции, автоматическую мобилизацию в России и Франции.

В октябре 1893 года после усиленных приглашений французской стороны русский флот в ответ на визит французского флота в Кронштадт прибыл в Тулон. 27 декабря 1893 года Гирс сообщил французскому послу в Петербурге, что августовская военная конвенция 1892 года рассматривается русским правительством как окончательная, на что последовала 24 января 1894 года ратификация конвенции французским правительством, заинтересованным в еще более тесных связях с Россией.

На всех этапах, начиная с установления русско-французского взаимопонимания и до военной конвенции 24 января 1894 года, Ватикан, как свидетельствуют доклады Извольского, проявлял самый большой интерес и поддерживал, как только мог, достижение соглашений. Папа сделал действительно все, что было в его силах, для осуществления русско-французского союза и хотел теперь получить вознаграждение за активную помощь и за посредничество — прежде всего установление прочных дипломатических отношений с Россией. То, что началось столь безобидно с поздравительной телеграммы царя в конце 1887 года, закончилось через семь лет — 18 июня 1894 года — назначением Извольского русским министром-резидентом при папском престоле. Незадолго до этого, 19 марта 1894 года, папа в специальном послании серьезно предупредил польских епископов о том, что они должны призывать духовенство и прихожан к покорности русскому государству; это была новая демонстрация его деятельности в пользу царской России.

Сколь прав был обер-прокурор святейшего синода, высказывая свои опасения относительно того, что курия выступает за дипломатическое сближение только ради того, чтобы втянуть русскую православную церковь в сферу влияния Рима, показывает тот факт, что через два дня после восстановления русского посольства при папском престоле, 20 июня 1894 года, папа писал в своей большой энциклике «*Praeclara gratulationis*» о церковной унии вообще со славянскими народами и в част-

ности прежде всего с Россией. По представлениям папы, церковная уния состояла не только в единстве веры, но прежде всего в едином руководстве со стороны Рима. Что касается религиозных обрядов и вероучения, то в этом вопросе церквам была дана большая самостоятельность.

Создание официального русского представительства при папском престоле не удовлетворило, однако, Льва XIII. Цели, которых он хотел достичь на дипломатической арене, были гораздо шире. Он хотел, чтобы не только русский посол находился в Риме, но чтобы и при царском дворе в Петербурге находился папский нунций в качестве постоянного представителя Рима. Только тогда, считал он, кольцо замкнется. Но именно в этом вопросе сопротивление русской стороны было, видимо, непреодолимо. Православная церковь — идеологический оплот царизма, — представленная такой фигурой, как обер-прокурор Победоносцев, видела в римско-католической идеологии с ее откровенными притязаниями на власть неприемлемого для себя конкурента. Когда в далеком Риме русский резидент представлял интересы России при папском престоле, на это смотрели если и без удовольствия, то все же считаясь с тем, что в данной международной ситуации это являлось дипломатической необходимостью. Но допустить представителя папы в собственную страну — это было уже слишком! Нунций, который бы от имени папы оказывал влияние на все дела римско-католической церкви в России, внушал бы епископам, которых с таким трудом заставили действовать в интересах государства, что они ответственны непосредственно перед папским престолом, — такой нунций был для всемогущего министра внутренних дел неприемлем. Пока был жив Александр III, преданный ученик Победоносцева, преисполненный высокомерного сознания всемогущества царского самодержавия, трудно было даже думать о папском нунции в Петербурге.

Когда же 1 ноября 1894 года Александр III неожиданно скончался и на трон вступил его слабовольный сын Николай II, послушный своей жене-немке — царь, интересы которого направлялись с помощью Вильгельма II главным образом в Восточную Азию, казалось, что пришло время с новой энергией взяться за осуще-

ствление грандиозных планов папы. В лице Извольского, русского резидента в Ватикане, Лев XIII имел очень умного сторонника. Не удивительно, что такой обладающий политическим чутьем дипломат, как Извольский, хорошо себя чувствовал на земле Ватикана, разобравшись в том, каким путем можно добиться успеха. Успехи его, как мы знаем, были довольно значительны, хотя они достигнуты были, конечно, не только благодаря его уму, но прежде всего благодаря поддержке царского правительства.

Новый русский министр иностранных дел, князь Лобанов, охотно поддерживал аргументированные предложения Извольского. Во время личной встречи в Ватикане, куда Лобанов прибыл как чрезвычайный посланник царя Николая II, сообщавшего папе о восшествии на царский престол, русский князь, а позднее государственный канцлер, и итальянский граф на папском престоле понравились друг другу. Их объединяли общие политические взгляды. Папа наградил Лобанова, как некогда Бисмарка, орденом Христа. Этот орден, как известно, являлся высшей наградой; им награждались только находящиеся у кормила власти государи или такие государственные деятели, сотрудничество которых было особенно ценно для Ватикана. Награждение Лобанова орденом Христа произошло, разумеется, не без посредничества Извольского и явилось одновременно наградой и этому умному и ловкому посреднику.

Но дела были не так просты. Лев XIII в своих надеждах не учитывал реальной действительности. Николай II, князь Лобанов и Извольский не представляли всю Россию. В стране существовали влиятельные противодействующие силы. Не говоря уже о том, что восточнославянские народы отвергали папство. Деятельность либералов была также направлена против союза России с Ватиканом, так как существовало опасение, что он упрочит позиции царизма. Русское министерство внутренних дел со своей стороны боялось, что этот союз нанесет ущерб официальной идеологии царской России, которую представляла русская православная церковь. Такой союз, закрепленный пребыванием нунция в Петербурге, коренным образом противоречил существовавшей до сих пор практике управления церковью со стороны министерства. Русской православной церкви

уния грозила признанием первенства папы, а против этого она решительно боролась на протяжении столетий.

Этого мнения придерживались и такие влиятельные приверженцы православия, как Победоносцев. Заигрывания папы, несмотря на явную поддержку царского окружения, его государственного канцлера и такого опытного дипломата, как Извольский, осуждались русским народом. В русской православной церкви были, однако, и такие люди, как религиозный философ В. Соловьев, выступавшие за объединение с римско-католической церковью. Они мечтали о «рекатолизации» России и всего мира путем синтеза трех христианских мировых религий. В. Вилинский, сам активный поборник этого направления, называл его «русским синтетическим филокатолицизмом»¹. «Филокатолики» старались — и это важно подчеркнуть — оказать царизму идеологическую поддержку: «Русский царь и папа должны стать органами действительной свободной теократии»². Царь, папа и свобода — какие несовместимые понятия! Но для спасения царизма к какой только помощи не прибегали! Вспомним, например, о спирите мосье Филиппе и Распутине. И почему бы в таком случае не говорить о «свободной теократии» с царем и папой?

Соловьев вращался главным образом в тех же кругах, что и де Местр в начале, а Чаадаев в середине XIX века. Это были дамы высшего света, на которых де Местр оказывал особенно сильное влияние. Австрийскому посланнику в Петербурге графу Волькенштейну мы обязаны очень интересным сообщением относительно окружения Соловьева, к которому он причисляет прежде всего супругу министра просвещения, княгиню Волконскую, и графиню Софью Толстую-Бахматьеву. Это были представители все еще влиятельного класса феодалов, у которых не было почти никаких связей с русским народом и которые ждали гораздо больше помощи для сохранения самодержавия от католицизма, чем от официальной идеологии триединства: самодержавия, православия, народности.

---

¹ См. Th. G. Masaryk, Rußland und Europa. Zur russischen Geschichts- und Religionsphilosophie, Bd. II, Jena, 1913, S. 236.

² См. «Китеж», год изд. IV (1930), № 3.

В Риме резко противостояли друг другу две группы¹. Партия папы и его государственного секретаря представляла политику, которая исходила из того, что надо всячески идти навстречу желаниям царского правительства. Несмотря на уверения в дружбе к Польше, польские национальные требования отступали для них на задний план; они были готовы поступиться польскими католиками ради более заманчивой перспективы — создания церковной унии. Извольский и его французский коллега Лефевр активно поддерживали эту группу в Ватикане. На другой стороне был «красный папа» Ледоховский, который в 1892 году стал префектом конгрегации «Пропаганда веры» и приобретал все большее влияние. Его поддерживали австро-венгерский посол при папском престоле Ревертера, с которым он находился в самом тесном контакте, и немецкий коллега Ревертеры — Бюлов. В это время, то есть в 1893 году, противник Рамполлы Л. Галимберти, которого в 1887 году спровадили в Вену, вернулся в Рим в сане кардинала курии. Как и его бывший сотрудник Тарнасси, он защищал интересы Германии и Австро-Венгрии. Тарнасси был аудитором нунциатур в Мюнхене и Вене и вернулся в 1893 году вместе с Галимберти в Рим, где стал заместителем руководителя конгрегации по чрезвычайным церковным делам. Эта конгрегация занималась, как мы знаем, отношениями Ватикана с Россией. В 1895 году Тарнасси решили послать нунцием в Петербург, и он готовился к этому назначению, усердно занимаясь русским языком и русской историей. Но его друг и покровитель Галимберти в 1895 году впал в немилость из-за бестактного поведения по отношению к своему преемнику на посту нунция в Вене Алиарди, ставленника кардинала Рамполлы, но главным образом из-за своих связей с официальными кругами королевской Италии. Умер он в 1896 году.

В то время Ватикан был очень озабочен усилиями англиканской «высокой» церкви, официальной английской государственной церкви, которая, как известно, самым тесным образом сотрудничала со своим правительством, вновь сблизиться с русской православной

---

¹ См. E. Winter, *Rußland und die slawischen Völker*, S. 95.

церковью. Небезынтересно было бы показать историю отношений англиканской и русской православной церквей начиная со времен царя Ивана IV и до нашего времени. Это скорее была бы история дипломатии, чем церкви.

Если раньше, около 1890 года, Ватикан приветствовал англо-русское сближение, то теперь сближение англиканской и русской православной церквей вызывало недовольство, так как русская церковь могла бы найти в англиканской опору для своего сопротивления римской церкви. Протестантско-кальвинистские элементы в англиканской церкви решительным образом сопротивлялись всякому подчинению римско-католической церкви. Следует добавить, что в это время франко-английские отношения стали значительно более прохладными из-за растущих противоречий, главным образом борьбы за колонии в Африке, от Суэцкого канала до Мыса Доброй Надежды. Серьезные англо-французские противоречия нарастали.

Еще в 1889—1890 годах Ватикан оказал Англии большие услуги при подавлении национального сопротивления в Ирландии, отвергнув так называемый «*plan of campaign*», который предусматривал борьбу с Англией оружием бойкота. Теперь же, в середине 90-х годов, Ватикан занимал очень недружественную позицию по отношению к англиканской церкви. 5 декабря 1896 года в своем заявлении «*Apostolicae curae*» папа поставил под вопрос действительность англиканского посвящения в священники и епископы, так же как и «апостольскую преемственность» англиканских епископов. Созванная папской аллокуцией от 1 марта 1897 года кардинальская комиссия вынесла решение, что следует ответить отрицательно на вопрос о законности посвящения в сан англиканских священников и преемственности их епископской власти. Таким образом, англиканская церковь была признана еретической и ее влияние на русскую церковь (законность посвящения в епископы и священники и преемственность сана которой была безоговорочно признана Римом) должно было быть уничтожено.

Поскольку Николай II с самого начала своего правления ориентировал политику России на Дальний Восток, желая там найти решение своих империалистических замыслов, его правительство нуждалось в спокойствии в

Европе. Поэтому в 1897 году было заключено соглашение между Россией и Австрией, предусматривавшее статус-кво на Балканах. Вследствие этого болгарский инцидент не оказал влияния на политику великих держав. Австро-Венгрия приняла согласованную формулу: Восточные Балканы и тем самым Болгария попадали в сферу влияния России, Западные Балканы — Сербия, Албания, Босния, Герцеговина — в сферу влияния Австро-Венгрии.

Правда, это не помешало Австро-Венгрии всячески закреплять свои позиции против России; следует вспомнить в первую очередь ее политику в Восточной Галиции, где население в значительном большинстве было украинским и принадлежало к униатской церкви. Униатская церковь представляла собой по установленной домом Габсбургов традиции серьезный оплот в борьбе Австрии против России. Этим объясняется активное стремление всеми способами содействовать церковной унии как в Австрии, так и в Венгрии.

Как следствие растущего сопротивления движению за объединение церквей в России вновь образовалась к концу XIX века группа, включавшая главным образом представителей дворянских кругов, которая пыталась не только улучшить отношения с Ватиканом, но и углубить их. Прежде всего им хотелось оказать влияние на царское правительство и уговорить царя пойти навстречу желаниям Ватикана — учредить в Петербурге нунциатуру. На коронацию Николая II Ватикан направил папского посланца — венского нунция Алиарди. Его сопровождал Тарнасси, которого, как мы уже знаем, метили на пост нунция в Петербурге. Беседы, которые папская делегация имела с царем, проходили в необыкновенно дружеской атмосфере, и папские послы уехали из России, полагая, что Ватикан имеет в лице Николая II податливого партнера, который полон самых добрых намерений, но лишь из-за слабости характера не может их осуществить. Учреждение нунциатуры казалось делом недалекого будущего. Папский посол должен был поддерживать непрерывную связь с царем и неутомимо трудиться на благо Ватикана — содействовать заключению унии православной церкви с римско-католической.

Итак, группа из окружения царя, действовавшая в пользу Рима и поддерживавшая стремления Ватикана,

потрудилась неплохо. Правда, в 1896 году она понесла большую потерю со смертью князя Лобанова. Его преемник Муравьев не принадлежал к кругу сторонников Рима при царском дворе. Поэтому не удивительно, что уже в конце 1896 года окончилось время успешной деятельности Извольского при папском престоле. Новый руководитель русской внешней политики был поначалу вовсе не так убежден в необходимости для царской России этой миссии.

Глава XVI

ВОКРУГ УЧРЕЖДЕНИЯ НУНЦИАТУРЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

Как сообщал с удовлетворением Ревертера в Вену, в начале 1897 года Извольский очень неохотно покинул Рим. Русскому послу пришлось по сердцу деятельность в Ватикане. Он усматривал в ней возможность для царской России вместе с папством добиваться мирового господства, пусть даже не в форме теократии, как об этом мечтал В. Соловьев. Вначале он считал такую перспективу утопической, но с течением времени она все сильнее захватывала его. С большей энергией он выступал за последовательное углубление русско-ватиканских отношений и был убежден в том, что за организацией в 1894 году постоянного русского посольства в Ватикане должно последовать учреждение нунциатуры в Петербурге. Для привлечения на свою сторону Польши, что в виду растущих империалистических противоречий между великими державами было чрезвычайно важно, необходимой предпосылкой казались ему тесные дружеские связи царской России с Ватиканом. Но лишь нунциатура в Петербурге означала бы окончательное упрочение отношений между царской Россией и папством. Извольский убедил царя и Лобанова поддержать эту идею. При слабохарактерности царя смерть Лобанова оказалась тяжелым ударом для самой идеи о папской нунциатуре.

Новый министр иностранных дел Муравьев пока что не был ее сторонником. Отзыв Извольского из Ватикана показал, что увенчание дружеских отношений с Ватиканом посредством учреждения нунциатуры не казалось новому начальству делом большой срочности. Новое назначение Извольского русским послом в Белграде не нарушило его хороших, можно сказать превосходных,

отношений с Ватиканом; и на этом посту он поддерживал с ним связь. На первый взгляд это кажется парадоксальным, однако это было так. Необходимо было укрепить русское влияние на Западных Балканах против Австро-Венгрии. Проявляя осторожную сдержанность в своем традиционном заступничестве, касающемся интересов Австро-Венгрии, Ватикан мог быть очень полезен для деятельности Извольского на Балканах. Договор, заключенный в 1897 году о сохранении между Австро-Венгрией и Россией статус-кво, не стал препятствием для этого теперь скрытого соперничества в борьбе за власть на Западных Балканах. Так как в Сербии дело шло о заключении конкордата с римско-католической церковью, то Извольский, хорошо знакомый со всеми делами Ватикана, казался для этого самым подходящим человеком. Этот конкордат должен был прежде всего значительно ослабить существовавший до сих пор протекторат Австро-Венгрии над римско-католической церковью на Балканах и таким образом намного снизить его политическое значение.

«Памятная записка», относящаяся к 1898 году¹ (очевидно, эта записка принадлежала его перу или, во всяком случае, была написана под его влиянием), показывает, как Извольский и в дальнейшем решительно выступал за организацию нунциатуры в России. С другой стороны, Ватикан прилагал большие усилия для того, чтобы укрепить русско-французский союз, превратить его в «*Entente cordiale*». О первом посещении Николаем II Парижа мы знаем еще из сообщений Извольского².

Не меньшее участие принимал Ватикан и во втором визите царя в Париж в 1897 году, о котором австро-венгерское посольство при папском престоле докладывало в Вену в очень резких выражениях³. Кардинал архиепископ Парижа служил торжественную мессу. Такая же месса была отслужена и тогда, когда французский президент вернулся из Петербурга. Кардинал призывал «благословение неба на священную главу царя и на Французскую республику» и передал благословение

¹ См. Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 136.

² См. донесение от 13.10.1896, а также E. Winter, *Rußland und die slawischen Völker*, S. 90—91.

³ См. донесение от 11.9.1897, HHStA, Vatikan, 1897.

папы. Австро-венгерский поверенный в делах, автор этого сообщения, излагал различные предположения об истинных причинах такого «благословения неба». Эти причины уже известны. Соображения австро-венгерского дипломата, испытывающего внутренние колебания, небезынтересны: «Что могло заставить обычно столь рассудительный Ватикан, не принимая во внимание международное положение, вдруг оставить свою традиционную сдержанность и буквально навязываться новым союзникам в качестве третьего партнера? Парижский корреспондент «Воche де ля Верита» объясняет этот странный спектакль, разыгранный Ватиканом перед всем миром, его дружбой с Россией. Следовательно, Ватикан подготавливал почву для союза России с Францией. Более того, он добился осуществления этого чуда. Значит, папский престол имел все причины радоваться успеху своей дипломатической акции». «Оссерваторе Романо», официозный орган Ватикана, высказывал те же предположения, полагая, что Рим — нечто вроде Эльзас-Лотарингии для Ватикана; именно здесь надо искать корень связей между русско-французским союзом и политикой Ватикана; до тех пор пока Рим не передадут обратно папе, папский престол всегда будет противником Тройственного союза. На возражения либеральных итальянских газет по поводу этих угроз, — Тройственный союз очень прочен, заявляли они, — газета «Воche де ля Верита» подчеркивала, что готовится уже сближение Австрии с Францией и Россией, намекая на соглашение между Австро-Венгрией и Россией относительно статус-кво на Балканах. Для верующего католика, каким был австро-венгерский дипломат, эти политические шаги оказались совершенно непонятны.

Разумеется, ему была понятнее радость папы по поводу дружеского приема, оказанного Николаю II в 1897 году в Варшаве. Папа поздравил царя в связи с этим приемом, рассчитывая таким образом подчеркнуть свою ведущую роль в подготовке союза. Как видите, ваше величество, думал Лев XIII, я не хвалился перед вашим послом Извольским, когда сразу же, на первой аудиенции, сказал ему, что положу Польшу к вашим ногам; мой авторитет заставит сопротивляющуюся Польшу подчиниться русскому царю. Папа надеялся, как он откровенно писал царю, на все более сердечные

отношения между царем и польским народом. Одновременно он и благодарил царя за защиту католической церкви в России.

Как раз в 1897 году Николай II через свое правительство сделал широкий жест — предпринял шаги к примирению, даже пошел на уступки римско-католической церкви, о чем сообщал с кисло-сладкой миной австро-венгерский посол Ревертера¹: четыре новых католических епископа получили епархии и три епископа получили в помощь суффраганов. Требование, которое вызвало в Ватикане столько недовольства, — ввести русский язык в качестве второго языка богослужения — было правительством отодвинуто, так же как и указ о порядке обучения католических студентов-теологов.

Уже в 1897 году Ревертера сообщал, что у царя есть намерение дать холмским православным возможность самим решить вопрос о том, оставаться ли им в православной церкви или перейти в католическую церковь. Существование униатства, однако, исключалось и на дальнейшее. Это намерение царского правительства, как писал Ревертера в Вену², «вызвало живое, однако не всеми разделяемое удовлетворение», так как униатство, казавшееся Ватикану столь важным, в России исключалось. А между тем папство считало, что униатство — первый шаг к объединению с православной церковью. Уступка, сделанная правительством православным, которым разрешалось присоединиться к католической церкви, была, однако, очень высоко оценена Ватиканом; ведь это был решительный поворот в политике, проводившейся до сих пор в России, когда русскую православную церковь как церковь государственную нельзя было оставить и перейти в другую. Правда, были предусмотрены некоторые ограничения местного характера, но тот факт, что был нарушен самый принцип, означал уже очень многое. Конечно, действие царского правительства по-разному оценивали две противостоящие друг другу группы в Ватикане: приверженцы Рамполлы видели в этом начало решительного сближения царской России с Ватиканом, другие же, наоборот,

---

¹ См. его донесения за 1897 год, прежде всего донесение от 31.5.1897 и от 14.8.1897.

² См. донесение от 31.5.1897, HHStA, Vatikan, 1897.

обращали внимание на то, что царь отвергал унию. Так как за Рамполлой стоял папа, то переговоры с Россией, прежде всего по поводу создания нунциатуры в Петербурге, стали вестись более интенсивно.

Преемнику Извольского — русскому резиденту Чарыкову — папа прочел в связи с его первой аудиенцией в феврале 1898 года лекцию о естественности связей между папством и самодержавием, как он это сделал в 1888 году, когда на этот пост был назначен Извольский. Папство и самодержавие, — говорил папа, — это державы авторитарные, которые располагают властью также и над совестью своих подданных. Папа указал на Австро-Венгрию, пример которой должен быть предостережением; став на конституционный путь, там совершили тяжкую ошибку, а подданные оказались на пути вольнодумства. Германия же слишком надеется на свою сильную армию; самое важное, однако, — власть над душами человеческими, и этим владеет русский царь. Союз с папой для него драгоценен¹.

В этой связи статс-секретарь кардинал Рамполла в разговоре с новым русским резидентом, состоявшимся вскоре после этого, подчеркнул необходимость учреждения нунциатуры в России. Она бы способствовала еще более тесным связям между двумя самыми авторитарными державами Европы².

Во время беседы папы с русским писателем Боборыкиным в феврале 1898 года папа говорил о том, какие выгоды извлечет русская православная церковь от союза с Римом. Он повторил при этом те же мысли, что высказал в беседе с Чарыковым³.

Папа не мог высказаться с большей откровенностью. Чтобы обеспечить себе поддержку, нужно было быть готовым заплатить высокую цену. Папа не переставал напоминать и о своем влиянии на поляков, то есть на влиятельные круги польского населения. В действительности в России в то время начался процесс сближения польской крупной буржуазии и тесно

---

¹ См. Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 5; см. подробно: М. М. Шейнман, Ватикан и католицизм в конце XIX — начале XX в., М., 1958, стр. 166.

² Там же.

³ Там же

связанного с ней дворянства с царизмом. Как пишет Ю. Мархлевский в своих «Очерках истории Польши», это развитие было полностью в интересах правящих классов.

Таким образом, становится совершенно понятной «Памятная записка» 1898 года, содержащая требование создания нунциатуры в Петербурге. Если ее написал не сам Извольский, то, видимо, автором ее являлся Чарыков или один из его сотрудников; во всяком случае, она написана совершенно в духе Извольского и его царственного повелителя¹. При глубоком рассмотрении вопроса и на основании новых документов, которые приводит М. Шейнман в своей последней работе², это кажется весьма вероятным. Прежнее утверждение, будто «Памятная записка» написана Ватиканом³, не подтверждается. Сближение дружественных Риму кругов при царском дворе с Ватиканом в 1898 году продвинулось так далеко, что эта «Записка» скорее всего была написана самим русским резидентом в Ватикане. Конечно, она написана была под влиянием людей, составляющих окружение Рамполлы и папы; предположение, что русское министерство иностранных дел преподнесло царю точку зрения Ватикана в качестве собственного обоснования для учреждения нунциатуры, не представляется вероятным. Общие интересы царского правительства и Ватикана столь далеко не простирались, хотя здесь и сказалось влияние дружественных Риму кругов при царском дворе.

1 января 1895 года министр иностранных дел Ламсдорф записал в своем дневнике о получении отчета князя Лобанова, тогдашнего русского посла при Венском дворе. Лобанов сообщал о длинном разговоре, который он имел в конце 1894 года с папой Львом XIII, когда по поручению Николая II приехал в Ватикан с сообщением о коронации царя. В своем отчете Лобанов сообщал о преимуществах, которые, по словам папы, полу-

---

¹ См. Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 135—139; E. Winter, *Rußland und die slawischen Völker*, Beilage № 33, S. 177—181.

² М. М. Шейнман, *Ватикан и католицизм в конце XIX — начале XX в.*, М., 1958. Шейнману принадлежит большая заслуга — он открыл очень важный для нашей проблемы Архив Внешней политики, подтверждающий мои исследования.

³ E. Winter, *Rußland und die slawischen Völker*, S. 89.

чит Россия, учредив нунциатуру¹. Эти соображения защищал затем Извольский в донесениях из Ватикана.

Совершенно в том же духе была составлена «Памятная записка» 1898 года. В ней нашли свое концентрированное выражение все аргументы в пользу самого тесного сотрудничества царского правительства с Ватиканом. Она начинается утверждением, что при Льве XIII папский престол по отношению к царской России держал себя «вполне корректно и лояльно». Россия извлекла из этого уже многочисленные выгоды и может получить еще большие. Далее перечислялись все эти выгоды. В вопросах внутренней политики в «Записке» подчеркивалась важность для царской России того обстоятельства, что папский престол будет оказывать влияние на подданных-католиков. Что касается внешней политики, то в ней подчеркивалось, что дружба с папским престолом, распространяющим свое влияние на весь мир, усилит престиж России, особенно среди католиков всего мира. Значение миссии папского престола для колониальной политики, которая особенно активизировалась именно в конце XIX века, прежде всего на Ближнем Востоке и в Китае, подчеркивалось в этой «Записке» с большой настойчивостью. Если Бисмарку удалось заставить папство «тяготеть к германскому орлу» (Вильгельм II приложил для этого немало усилий), то почему нельзя добиться того, чтобы папство тяготело и к русскому орлу? Это возможно лишь в том случае, если в Петербурге будет находиться папский нунций, через которого будет осуществляться постоянное и действительное влияние папского престола. Нунций, когда он возвращается в Рим уже в сане кардинала, в большинстве случаев становится лучшим защитником интересов той страны, где он был аккредитован. Тем самым будет усилена настроенная дружественно к России группа кардиналов, что опять-таки важно для будущего конклава. Прежде всего, однако, учреждение постоянной нунциатуры в Петербурге желательно ради влияния, которое она окажет в области социальной, а также внутренней политики. Перед лицом неизбежных изменений, к которым идет Европа, папский престол и царская Россия должны будут защищать общие интересы и

---

¹ См. «Красный архив», т. 3(46), 1931, стр. 18.

«оказывать друг другу взаимную и полезнейшую для обеих сторон поддержку», прежде всего в борьбе против «неверия, революционного и анархического социализма». Далее в этом послании говорилось о важности такой нунциатуры для дальнейшего укрепления русско-французского союза и для общего стремления к сохранению мира, как об этом заявлял Николай II, желая получить для царской России свободу действий в Восточной Азии. В заключение автор «Записки» еще раз подробно останавливается на польском вопросе, который, как он считает, имеет для царской России чрезвычайное значение. Представитель папы в Петербурге был бы «надежнейшим противоядием» в отношении полонистских устремлений, ибо учреждение нунциатуры положило бы конец интригам, «ведущимся поляками в Риме среди кардиналов и прелатов, враждебных политике умиротворения, которой следует папа».

Итак, были приведены в действие все аргументы, которые, по мнению дипломатов в Риме, свидетельствовали в пользу создания нунциатуры в Петербурге. Казалось бы, эти аргументы были чрезвычайно убедительны и должны были бы подействовать на министра иностранных дел Муравьева, для которого они в первую очередь предназначались, ибо сам царь уже давно был распропагандирован в этом отношении. В 1897 году Муравьев еще не вполне разделял эту точку зрения. Во всяком случае, австро-венгерский посол в России Лихтенштейн сообщал о разговоре, в котором Муравьев высказал свои сомнения по поводу целесообразности создания нунциатуры в Петербурге. «Он опасался, — так заявил он австро-венгерскому послу, — что при нынешнем положении вещей нунциатура станет покровительницей поляков в России и, опираясь на свой дипломатический иммунитет, превратится в центр всех польских интриг»¹.

Отчет об этой беседе был направлен в Рим к Ревертере, который, совершенно в духе одной из групп римской курии, заметил по этому поводу, что «поляки с недоверием наблюдают улучшение отношений папского престола к России и опасаются ущемления своих на-

---

¹ См. донесение от 14.8.1897, HHStA, Rußland, 1897

циональных притязаний. Если бы католики в России были не польской, а русской национальности, разве тогда правительство православного царя и государственных деятелей, разделяющих взгляды Победоносцева, без возражений терпело бы влияние папской курии и разрешило бы епископам без всяких оговорок свободные связи с Римом? Нунций в Санкт-Петербурге, который прежде всего хотел бы быть при русском дворе *persona grata*, оказался бы подходящим орудием для нейтрализации национальных претензий польских католиков»¹. Тщательно обдумав этот вопрос, Ревертера в конце концов тоже должен был констатировать, что предубеждение, с которым относились к этим взглядам, было настолько глубоким, что против него трудно было бороться. Правда, это звучит скорее как вздох облегчения, чем как искреннее сожаление. Сторонник католической церкви превратился вновь в представителя интересов Австро-Венгрии, которая была настроена против урегулирования русско-польских отношений.

Министр иностранных дел России Муравьев еще в 1898 году был против нунциатуры, во всяком случае, он высказывался в этом духе, когда его об этом спросил Победоносцев². Но круги, влиятельные при царском дворе и во что бы то ни стало стремящиеся к тесному сотрудничеству с Ватиканом, не ослабляли своей деятельности. Борьба продолжалась.

Конечно, и в Риме не сидели сложа руки, напротив, папа не упускал ни малейшей возможности вести пропаганду за учреждение нунциатуры и горячо агитировать за конкордат с Россией. Весной 1898 года папа дал аудиенцию К. А. Бутеневу, сыну прежнего посла при папском престоле, подписавшего конкордат 1847 года, а также первому секретарю русского посольства в Париже А. Н. Свечину. Свечин принадлежал к семье уже упомянутой г-жи Свечиной, активной сторонницы присоединения России к католицизму, которая дер-

---

¹ См. донесение австро-венгерского посла в Ватикане от 14.8.1897, HHStA, Vatikan, 1897.

² К. П. Победоносцев, Письма Победоносцева к Александру III, с предисловием М. Н. Покровского, т. I—II, М., 1925—1926; см. письмо Николаю II от 21.9.1899. О Победоносцеве см. также: Ф. Штейнман и Е. Гурвич, К. П. Победоносцев, Кёнигсберг, 1933, стр. 237 и сл.

жала в Париже блестящий салон. Как сообщал в Петербург русский резидент при папском престоле Н. Чарыков, Лев XIII вновь настойчиво подчеркивал значение сотрудничества папы и царя. Если будут сотрудничать самая сильная светская держава — царская Россия — и самая сильная духовная держава — папство, — то они будут непобедимы. Ватикан мог предложить многое — например, урегулирование польского вопроса и поддержку в международной политике, что является немаловажным фактором. Закрепить связь царской России и Ватикана, подписав конкордат и учредив нунциатуру в Петербурге, — вот чего горячо желает папа. Папа плечом к плечу с царем — какой рост престижа папства! Такое сотрудничество было бы существенно и для разрешения римского вопроса; а это — сокровенное желание папы, и потому он готов идти навстречу России¹.

В конце 1898 года русский резидент в Ватикане сообщил о своей беседе с Рамполлой. Рамполла вновь напоминал о выгодах, которые принесло бы царской России учреждение нунциатуры. Если, как это часто бывало, возникнут затруднения между каким-либо католическим епископом и царской администрацией, то он, Рамполла, просит, чтобы через миссию при Ватикане об этом было сообщено папскому престолу, и здесь царское правительство всегда найдет поддержку. Авторитет папства был беззастенчиво предложен в качестве опоры для царского самодержавия².

Такие предложения не могли не быть услышаны в Петербурге. Царизму льстили так явно, что это не могло не вызвать у хлипкого представителя этой династии потребности заручиться таким сильным союзником, который возлагал столь большие надежды на этот союз. Под нажимом этих кругов, во главе которых стоял сам царь, Муравьев не мог долго отстаивать свою точку зрения. 21 сентября 1899 года Победоносцев писал Александру III: «Слух этот (об учреждении нунциатуры) возник еще в прошлом году, но тогда граф Муравьев уверял меня, что нет ничего подобного. Теперь графа Муравьева нет здесь, и нельзя спросить его; но я знаю,

---

¹ См. донесение Чарыкова от 12(24).5.1898, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 5.

² См. там же, донесение Чарыкова от 24.11 (6.12).1898.

что при проезде своем через Вильну он отзывался об этой мере как о мере желательной»¹.

Действительно, вопрос об учреждении нунциатуры продвинулся далеко вперед. Началом, правда скорее символическим, стала международная мирная конференция, состоявшаяся в 1899 году в Гааге. Она была созвана по инициативе царя Николая II, который, как уже говорилось, хотел отвлечь внимание мирового общественного мнения от империалистических планов царской России в Восточной Азии. Николай II хотел, чтобы в этой конференции принял участие папский престол, хотя русский резидент в Ватикане Чарыков сообщал о том, что у него создалось впечатление, что папская курия значительно более заинтересована в осуществлении своих прав на суверенитет в Риме, чем в сохранении мира².

Требование об участии Ватикана не было удовлетворено из-за решительного вето со стороны Итальянского королевства. Папа через кардинала Коппа просил кайзера Вильгельма II урегулировать этот вопрос: его усилия остались, правда, безуспешными, так как кайзер не хотел вызывать недовольства Италии, а неучастие Италии в мирном конгрессе в Гааге означало бы ослабление Тройственного союза³. Но царь правильно понял высказывания папы, о которых ему сообщали из Рима: царь и папа вместе борются за сохранение мира! Это было совершенно в духе Льва XIII.

Тарнасси, которого прочили на должность нунция в Петербурге, был назначен Рамполлой, опасавшимся его как ученика Галимберти, интернунцием в Гаагу, после того как Тарнасси выполнил возложенную на него задачу, то есть участвовал в папской делегации на коронации царя. В Гааге Тарнасси и получил возможность во время подготовки мирной конференции вступить в официальные отношения с царской Россией. 11 сентября 1899 года австро-венгерский поверенный в делах при папском престоле Амбро⁴ сообщал, что пап-

---

¹ См. К. П. Победоносцев, Письма Победоносцева к Александру III, М., 1926, т. II, стр. 323.

² См. Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 6.

³ См. «Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871—1914», Bd. 15, Berlin, 1924, S. 173.

⁴ См. HHStA, Vatikan, 1899.

ский интернунций монсеньер Тарнасси готовится к поездке в Россию, видимо, для того, чтобы учредить в Петербурге нунциатуру. Повод для этой поездки — передача папского письма царю с благодарностью за его усилия по сохранению мира. Проницательный Амбро сопроводил это сообщение своим комментарием, в котором пишет, что курия давно стремится учредить нунциатуру в Петербурге, но до сих пор стремление это наталкивалось на решительное сопротивление России. Через посредство «этого велеречивого, даже слишком велеречивого монсеньера» должны быть рассеяны последние сомнения русских властителей в целесообразности создания нунциатуры. Либеральные газеты в России совершенно открыто писали об этом и выступали против учреждения нунциатуры. Ватикан не выступил с опровержением, следовательно, информация соответствует действительности. Это сообщение объясняет нам опасения Победоносцева, которые тот изложил царю 21 сентября 1899 года.

Письмо Победоносцева царю — великолепный пример красноречия представителя русской православной церкви, которому будущий обер-прокурор святейшего синода с детства обучался в родительском доме и которым превосходно умел пользоваться¹. Для него это был, пожалуй, такой же решающий момент, как и день 20 марта 1881 года, когда он сумел склонить Александра III сохранить самодержавную форму правления без всяких конституционных ограничений. На этот раз ему, видимо, не удалось изложить свою мысль царю с глазу на глаз, попытаться оказать на него влияние; но он наверняка приложил максимум усилий, чтобы привлечь царя на свою сторону этим письмом.

В начале обер-прокурор святейшего синода пишет о смятении, которое охватило многих русских, когда они слышали, что в Петербурге собираются учредить папскую нунциатуру. В этом случае он нашел нужным сослаться на русский народ, к которому относился с пренебрежением. «Думаю, что это был бы шаг очень важный и он означал бы перемену вековой русской поли-

---

¹ См. К. П. Победоносцев, Письма Победоносцева к царю Александру III, т. II, стр. 323.

тики в отношении к Риму. Думаю, что не следовало бы так смело принимать решение в таком деле, которое требует очень внимательного и обстоятельного обсуждения. Думаю, что принятие этой меры было бы важною политическою ошибкой и что так относятся к ней все русские люди, знающие свою историю и народ свой — не только с церковной, но и с политической точки зрения».

Обер-прокурор синода указывает прежде всего на опасность, которой чревато всякое соглашение с Римом, как только оно будет закреплено письменно, ибо «всякое слово выраженное становится орудием римской политики и правом, которое потом Рим толкует по-своему».

Даже Победоносцев не отважился усомниться в намерениях Льва XIII — слишком часто папа доказывал свою добрую волю по отношению к России, — но этот веский аргумент «Памятной записки» 1898 года он следующим образом парирует в своем письме: «Папа меняется, но каков бы он ни был — вековая политика римской курии остается та же, и каков бы ни был папа, он не властен изменить ее». Преимущества, на которые надеется Извольский и находящееся под его влиянием русское министерство иностранных дел, в частности в польском и в литовском вопросах, Победоносцев ставит под сомнение, указывая, что курия стоит на стороне иностранных держав и помогает им, «доколе и Россия не обратится в западную державу, подчинив свою церковь папству». Победоносцев раскрыл сущность проблемы, и сделал это в такой форме, что каждый русский политик, придерживающийся старых принципов, должен был бы согласиться с его доказательствами.

Обер-прокурор святейшего синода настойчиво доказывает свою мысль, подробно развивает ее, указывает на тщетность надежды в течение длительного времени влиять на папу в том смысле, чтобы он отделил интересы своей церкви от интересов польской национальности, «да если и захотел бы, его не послушали бы и по-прежнему каждый польский священник, каждый епископ, каждая женщина в руках своего ксендза продолжали бы свое дело подпольной вражды к России и с ее церковью...» Эти слова подтверждают коренные противоречия, существовавшие между царизмом и польским народом. Победоносцев заблуждался лишь в одном: он счи-

тал, что если папский нунций прибудет в Петербург, то неизбежно станет, хочет он того или нет, орудием польских епископов, которые составят «целую хитросплетенную сеть интриг, руководствующую всей подпольной кампанией польского духовенства и общества против России». Разумеется, обер-прокурор сильно переоценивал заинтересованность Ватикана в польском народе. В то же время он очень убедительно пишет об опасном для России статусе нунция: он — представитель папы в делах церкви и одновременно посол, деятельность которого охраняется международным правом. «Все отношения усложнятся и еще более оболживятся». Победоносцев заканчивает письмо словами: «Боже, избави Россию от папского нунция!»

Несмотря на все успокаивающие доводы, которые приводили в влиятельных кругах в пользу учреждения нунциатуры в Петербурге, позиция Победоносцева одержала верх. Николай II не решился нарушить основы традиционной русской политики, за которые столь красноречиво ратовал обер-прокурор. Австро-венгерский посол в Петербурге граф Волькенштейн, хорошо знающий русские условия, определил в 1893 году тесные связи православной церкви и царя следующим образом: «В влиятельных кругах вполне согласны с мыслью, что православная церковь главную поддержку находит именно в лице царя. Власть его величества в значительной степени зиждется на его положении князя церкви. На этом издавна в какой-то мере держится авторитет России. Вершители ее судеб должны были бдительно следить за тем, чтобы вовремя подавлять губительные для православия тенденции к свободе и независимости от трона¹. Ведь русская православная церковь, писал Волькенштейн, — лучшая идеология для укрепления царского самодержавия в России. Эксперименты с другой, возможно более действенной, идеологией, направленные на сохранение царизма, могут оказаться опасными. Система царского самодержавия слишком прогнила, чтобы она могла себе позволить радикальную перестройку. Такие люди, как Победоносцев, очень хорошо это понимали.

---

¹ См. секретное донесение от 23 марта 1893 г., HHStA, Rußland, 1893.

Но не требования таких деятелей, как Победоносцев, заставили царя в конце концов отказаться от создания нунциатуры. В докладе австро-венгерского посла в Петербурге, относящемся к 1896 году, была названа действительная причина отклонения предложения о создании нунциатуры: несмотря на то, что Алиарди как полномочный посол Ватикана шел навстречу чаяниям России, надежда на полное примирение между царем и католицизмом оказалась неосуществимой. Сам царь, так же как и князь Лобанов и Извольский, не смогли пойти, несмотря на узаконенную автократию, против общественного мнения России¹.

В качестве обер-прокурора святейшего синода Победоносцев управлял и русской православной церковью. Дневник князя Львова, в ведении которого с 1889 по 1901 год находились архив и библиотеки святейшего синода, дает очень точное представление о соотношении сил. Совершенно ясно видно, как в политических целях пользовались или, вернее, злоупотребляли русской православной церковью². Даже царь не рискнул выступить против властителей святейшего синода — Победоносцева, а затем Саблера.

Русская православная церковь была вотчиной святейшего синода, вернее, обер-прокурора и его заместителя. Они бдительно следили за тем, чтобы власть их оставалась монопольной. Святейший синод в XIX и XX веках очень напоминал Ватикан; его папой был обер-прокурор. Поэтому обсуждение вопроса об учреждении нунциатуры в Петербурге очень точно характеризует политическую и религиозную ситуацию, в которой в действительности находилась Россия в конце XIX и начале XX века. Старая Россия, немощная и неспособная ничего довести до конца, умирала. Новая Россия уже громко стучалась в дверь.

Но события еще далеко не развернулись. Пока что, на рубеже веков, изменилось соотношение сил на мировой арене. «Entente cordiale», которую Шодорди и Солсбери при активном участии русского посланника Моренгейма уже ясно различали в сентябре 1887 года в Дьеп-

---

¹ См. донесение от 1.7.1896, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан.

² См. «Красный архив», 1930, т. 2(39), стр. 108—148.

пе, к концу века почти совсем превратилась в мираж. Разногласия по поводу передела мира, прежде всего борьба за колонии в Африке, углубляли типичные для империализма противоречия между Францией и Англией, в борьбе же за Среднюю и Восточную Азию вновь обострились противоречия между Россией и Англией. Общие противоречия с Англией подтолкнули к сближению Францию и Россию. Сотрудничество русского и французского посольств в Константинополе позволило противоречия Франции и царской России на Ближнем Востоке удерживать в границах, не угрожающих дружбе обеих стран. К этому надо прибавить общие противоречия с Австро-Венгрией и прежде всего с Германией, которая очень давно рвалась через Балканы к Багдаду и встала на пути России. Давнишний, завуалированный христианско-романтической дымкой интерес Вильгельма II к Иерусалиму объяснялся в конце концов политическими планами Германии. Поэтому совершенно ясно, что русский резидент в Ватикане Чарыков самым внимательным образом следил по заданию своего министра иностранных дел за результатами поездки Вильгельма II в «Святую землю», состоявшуюся весной 1898 года¹. С большим беспокойством наблюдал Чарыков растущее влияние Германии в Ватикане и старался как мог защищать права Франции на протекторат над католиками против немецких атак².

Поскольку интересы Франции и России сталкивались с интересами Англии, кризис, в котором оказался английский империализм в 1898—1902 годах из-за столкновений с бурами³, был на руку как Парижу, так и Петербургу. В Берлине пытались при помощи неловкого обманного маневра и двойной игры извлечь из англо-бурского конфликта как можно больше пользы для позиций германского империализма, натравливая британцев на буров⁴.

¹ См. донесение от 10.5.1898 и 7.6.1898. Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 5.

² Там же, см. донесения Чарыкова от 25.10 и 8.11.1898.

³ См. «Ватикан и Англия в период англо-бурской войны», Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 56.

⁴ См. А. С. Ерусалимский, Германский империализм и возникновение англо-бурской войны 1899 г., «История общественных движений и международных отношений», Сб., посвященный Е. В. Тарле, М., 1957, стр. 561 и сл.

Так, к концу века пришли к мысли создать континентальный блок, в котором участвовали бы Франция, Россия и Германия, защищая свои общие интересы против Англии. Произошло временное сближение России и Франции с Центральными державами, и прежде всего с Австро-Венгрией. Балканское соглашение 1897 года между Россией и Австро-Венгрией — результат этого сближения.

Одновременно произошло сближение Италии с Францией. Уже в 1896 году Италия признала французскую аннексию Туниса и в 1898 году заключила торговый договор с Францией. Договор 1902 года между Францией и Италией принес с собой дальнейшее сближение этих стран. Вначале он служил как бы мостом между Центральными державами и Францией, затем отделил Италию от Тройственного союза. Бурно развивающийся империализм вначале хорошенько смешал все карты.

Поэтому не удивительно, что и в Ватикане возникли сомнения, правильна ли прежняя ориентация на Тройственный союз. Англиканская церковь стала конкурентом римско-католической не только в борьбе за русскую православную церковь, но и на международной арене. Деятельность христианских церквей на международной арене была самым тесным образом связана с империалистической политикой великих держав. Решение Ватикана не признавать действительным посвящение англиканской церкви в священники и епископы и отказ в признании преемственности власти англиканских епископов от апостолов, как уже указывалось выше, было направлено в конечном счете против английского империализма, в пользу французского.

Итак, Ватикан поддерживал политические устремления Франции и в крупных колониальных противоречиях между нею и Англией в конце XIX — начале XX века, безусловно, стоял на стороне Франции. Независимо от того, кто представлял правительство, Франция являлась страной почти целиком католической. Из Франции вышли почти все миссионеры-католики, деятельность которых всегда соотносилась с политикой этой страны: они стремились поддерживать французский империализм даже тогда, когда правительство было настроено отнюдь не дружественно по отношению к католикам. Само собой разумеется, эти миссионеры

пропагандировали французский язык и французскую культуру. Со своей стороны даже явно антицерковное правительство во Франции благосклонно относилось к католическим миссиям. Не случайно, что кардинал Лавижери в Алжире был первым, кто благословил примирение католиков с Французской республикой. Поэтому совершенно понятно, что русские резиденты в Ватикане сообщали о явно профранцузской и антибританской позиции Ватикана¹.

Ректор католического университета в Вашингтоне отмечает в своем докладе кардиналу Гиббону, что в Ватикане после 1894 года еще существовала неуверенность относительно того, каково соотношение сил мировых держав; он пишет, что встретил в Ватикане симпатию к республикам — к Франции и Соединенным Штатам Америки². Льву XIII нравилось выступать в позе христианского демократа, которому республика ближе, чем монархия, так как республике принадлежит будущее, а монархия явно обречена на гибель. Ватикану вовсе не хотелось утратить влияние на развивающиеся события, как ни тесно и впредь было связано папство с феодализмом и монархизмом. Европейское дворянство и особенно европейские князья все еще сохранили преимущественное право являться к папе и пользовались в Ватикане влиянием, в котором было отказано другим общественным группам. Заигрывание с демократией и республикой вовсе не означало полного отказа от стремления к реставрации; оно все еще существовало в влиятельных кругах Ватикана и сохраняется в известном смысле и сегодня. Во время испано-американской войны 1898 года Ватикан поэтому, несмотря на все заверения американцам, стоял решительным образом на стороне католической испанской монархии против Соединенных Штатов Америки, где тогда было еще очень мало католиков. Во всяком случае, католики в то время играли далеко не столь заметную роль в общественной жизни США, как сегодня. Кроме того, Рамполле и Льву XIII приятно было считать себя выразителями интересов стран латинского сообщества. Рамполла ведь происходил из старинного испанского рода, который

¹ См. Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 57.

² См. P. Aher n, *The Catholic University of America, 1887—1892*, Washington, 1948, p. 150.

стал итальянским в Сицилии. До того как папа назначил его статс-секретарем в Риме, он представлял папский престол в Испании. Но самой мощной латинской державой была Франция, а французская церковь все еще считалась «старшей дочерью» римско-католической церкви. Католическое миссионерство оказывало поддержку французскому империализму, как и Франция во всех отношениях поддерживала французские миссии в колониях.

Понятно, что как Франция, так и Россия были очень заинтересованы в том, чтобы Ватикан не менял своего курса и после смерти Льва XIII, ведь Лев XIII был глубоким стариком и тяжело больным человеком; смерть его могла наступить очень быстро. Русский резидент получил указание связаться с французским послом при папском престоле и выяснить перспективы дальнейшей политики Ватикана. Самым подходящим кандидатом на пост папы был, конечно, Рамполла; однако уже тогда Чарыков опасался вето Австрии — доказательство того, насколько хорошо он был информирован¹.

В этой связи интересен один разговор Чарыкова с Рамполлой. Рамполла сказал ему, что Ватикан хочет еще больше, чем прежде, способствовать развитию и укреплению отношений с Россией и Францией; на это Чарыков ответил, что Россия относится с доверием к нему и желает, так же как и Франция, чтобы при новом правительстве (новом папе) нынешняя политика папского престола осталась неизменной. Рамполла ответил заверением, что она будет продолжена. Так как каждое слово в этом разговоре было очень важно, то Чарыков передал его по-французски — на том языке, на котором велся этот разговор². Царское правительство спекулировало «непоколебимыми правами папства на Рим», дабы усилить противоречия Ватикана и Тройственного союза³.

Хотя Лев XIII в действительности поддерживал Рамполлу, он теперь еще более пытался создать впечатление, будто он стоит над партиями. Поэтому ему хотелось дать очень важный пост Тарнасси, убежденному

¹ См. донесения Чарыкова от 12.4 и 10.5.1898, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 5.

² Там же, см. донесение Чарыкова от 10.5.1898.

³ Там же, см. донесение Чарыкова от 10.5.1898.

стороннику Германии и Австро-Венгрии, в качестве противовеса Рамполле. Тарнасси считался в Ватикане лучшим знатоком России и претендовал, правда безуспешно, на пост нунция в Петербурге. В Ватикане всегда существовали различные направления. Лев XIII умел ловко использовать эти противоречия. Поэтому не должно вызывать удивления, что Тарнасси, хоть он и защищал интересы Центральных держав, намеревались послать в Россию. В конечном счете церковники в Ватикане мыслили международными масштабами, несмотря на их более или менее явную приверженность к Италии. Поэтому их интересы были неустойчивы, в зависимости от интересов Ватикана или же их собственных. По своим подлинным или кажущимся знаниям церковных дел славянских народов, особенно в России, Тарнасси был близок папе. В 1899 году стало ясно, что создание нунциатуры в Петербурге в данный момент нереально; после того как были предприняты в Гааге усилия достигнуть мира в духе царя Николая II, для Тарнасси в 1901 году пришел час, когда он должен был вернуться в Рим в звании кардинала. Поэтому Рамполла считал Тарнасси одним из своих самых опасных противников, который теперь, когда он надеялся в ближайшем будущем завладеть тиарой, был ему совершенно не нужен.

Соперник Рамполлы умер в Риме совершенно неожиданно, скорострительно и загадочным образом. В Ватикане поговаривали об отравлении: Тарнасси умер уж очень вовремя, и вряд ли, как полагали в римской курии, это произошло естественным образом. Называли убийцу: монсеньера делла Кьеза, о котором Зиккель пишет как о любимчике Рамполлы¹. Первый директор австро-венгерского института истории Теодор Зиккель, хотя и был протестантом, тем не менее восхищался папством. В «Воспоминаниях» Зиккеля на месте имени стоят точки, но из всего контекста совершенно ясно следует, что Зиккель имел в виду именно делла Кьеза, которого он характеризует как убежденного противника Австро-Венгрии и от которого, по его мнению, можно ждать самого худшего. Он считал этого прелата человеком

---

¹ См. Th. v. Sickel, *Römische Erinnerungen*, Wien, 1947, S. 115 ff.

бесчестным, ни перед чем не останавливающимся. Но в 1914 году делла Къеза взошел на папский трон под именем Бенедикта XV.

Дружественная Италии позиция Англии решительным образом способствовала антианглийской политике Ватикана. Какова была борьба за суверенитет, которую вел с Италией папа Лев XIII, нам известно. Имея в виду антианглийскую позицию Ватикана в этот период, Чарыков в своем донесении в Петербург по этому вопросу сообщает: «Смею думать, что нам можно только отнестись симпатично к упомянутым заботам курии»¹. Русскому дипломату была известна позиция царской России по отношению к Англии, но он знал также позицию России и по отношению к Германии. Через несколько дней по случаю новогоднего приема папа сам беседовал с резидентом России, подчеркнув, сколь высоко он ценит царя как выразителя принципа авторитета в светских делах, ибо царь никогда не шел на компромиссы с революцией.

Николай II также старался проявлять внимание к папе. Так, в 1899 году он разрешил постройку новой католической церкви в Петербурге и одновременно паломничество из России в Рим в связи с «anno santo» (святым годом). По поводу освобождения католических миссионеров из рук поднявшихся против чужеземной интервенции китайцев царь направил папе почтительнейшую телеграмму в знак своего расположения к нему². Лев XIII мог подчеркнуть поэтому в разговоре с русским резидентом, что сближение царской России с папой, олицетворяющим авторитет в области власти духовной, является чрезвычайно желательным³. Политика тесного сотрудничества может лишь принести пользу обеим державам. Папа и статс-секретарь кардинал никогда не забывали напомнить, сколь много они сделали, чтобы удержать поляков в повиновении. Эти мысли неоднократно высказывались папой, в частности, в связи с торжественным приемом Георга и Анастасии

---

¹ См. донесение Чарыкова от 23.11 (5.12).1899, Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 59.

² См. J. Schmidlin, Papstgeschichte, Bd. II, S. 514.

³ См. донесение Чарыкова от 30.1.1900, Е. А. Адамов, цит. соч., стр. 60.

из дома Романовых поздней осенью 1899 года¹, а также по случаю вступления в должность нового резидента К. Губастова. Последний опять выразил папе от имени царя и царского правительства «чувства глубокого уважения и искренней дружбы»².

То, что это действительно была линия Льва XIII и Рамполлы, подтверждается докладами австро-венгерского посла. «Оссерваторе Романо» напечатала в начале 1902 года³ статью, в которой говорилось о «восторженном отношении Ватикана к франко-русскому союзу и к французскому парламенту, который, хотя и вотировал закон против конгрегаций, однако утвердил расходы, связанные с визитом царя». Последнюю фразу австро-венгерский посол при царском престоле злобно добавил к статье в «Оссерваторе Романо». Эта ссылка на заметку в официозной газете Ватикана была для посла очень благоприятным поводом, чтобы подробно описать политику Ватикана, за которую, хотя бы для внешнего мира, отвечал кардинал Рамполла.

Граф Ревертера, как верующий католик, не мог и не хотел верить, что эта политика диктовалась папой, и свалил всю вину на Рамполлу. Его преемник на этом посту венгерский барон Чессен — Ревертера оказался в немилости у Рамполлы и был отозван — не имел права высказать такие мысли. Поэтому он тем более открыто высказывался о Рамполле. «О чем мечтают эти политиканы?» — с недовольством спрашивал он в начале доклада и отвечал: «Они мечтают об автономной национальной (славянской) и перекроенной в клерикальном духе Австро-Венгрии, присоединившейся к франко-русскому союзу, в котором она, естественно, не могла бы играть решающей политической роли, однако в качестве военного фактора представляла бы определенную силу; эта комбинация очень устраивала кардинала Рамполлу»⁴.

Посол Чессен добавил к этому совершенно секретному докладу следующий исторический комментарий:

---

¹ См. донесение Чарыкова от 7.11.1892, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 6.

² См. донесение Губастова от 27.11.1901, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 8.

³ См. номер газеты от 5.2.1902.

⁴ См. донесение австро-венгерского посла при папском престоле от 12.2.1902, HHStA, Vatikan, 1902.

«Во время моих встреч с кардиналом Рамполлой я, естественно, всегда избегал безответственных политических разговоров, но мне кажется вероятным, особенно если учесть источники, из которых курия любит черпать информацию о наших внутренних делах, что кардинала действительно занимает такая идея. Может быть, это только поползновения кардинала — пока они не могут быть названы иначе, поскольку это привело бы к разрыву союза императорской и королевской монархии (Австро-Венгрии) с Германией. Это дошло до сведения графа Бюлова, и он счел необходимым напомнить курии о том, что католическая церковь имеет в Германии большие и важные интересы».

Мы уже говорили, что в коллегии кардиналов эти идеи поддерживали многие очень влиятельные ее члены. Характерно, что новый посол при папском престоле Чессен говорил с Ватиканом в более резком тоне. Таким образом, в Ватикане постоянно противостояли друг другу две группы держав, и интересы их во многих вопросах скрещивались.

Лишь к концу понтификата Льва XIII эти «фронты» выкристаллизовались в той форме, в какой они предстали во время первой мировой войны. Одаренный богатой фантазией папа не дожил до пожара мировой войны, о которой он мечтал и в ходе которой желал оказаться на стороне победителей, дабы получить господство над Римом. Однако отношения Ватикана с царской Россией и в последний период понтификата Льва XIII играли значительную роль в его дипломатии.

Эпоха империализма, характеризующаяся господством монополистического капитала, начавшаяся в Европе в конце XIX века, не миновала, конечно, и России. Одновременно с концентрацией промышленности царская Россия все больше попадала в зависимость от французского банковского и финансового капитала. За 10 лет, с 1895 по 1904 год, главным образом через контролируемый французами Северный банк, было переведено только иностранным фирмам не менее 38 миллионов золотых рублей. И это без учета колоссальных процентов на все новые займы, прежде всего у французских финансистов, которые также должны были быть оплачены в золотых рублях. Понятно поэтому, что влиятельный французский банк Ротшильдов в Париже

и банк Ротшильда в Лондоне были заинтересованы в том, чтобы поток русского золота поступал к ним беспрепятственно, а потому старались содействовать сглаживанию русско-английских и англо-французских противоречий, во всяком случае, сохранять всякую возможность для примирения.

Это соответствовало активному стремлению Англии выйти из изоляции, в которую она попала с 1903 года в результате англо-бурской войны. Так как противоречия с агрессивным германским империализмом оказались непреодолимыми, Англия вновь искала сближения с Францией и Россией. Царская Россия была особенно заинтересована в таком сближении, так как готовила крупные военные акции в Восточной Азии, которые могли оказаться опасными для колеблющегося здания царской империи.

Поэтому Россия очень дорожила хорошими отношениями с Ватиканом, куда стягивались многие дипломатические нити, как бы они ни сплелись там в конце XIX и в начале XX века. Россия приветствовала попытки Англии продемонстрировать в 1903 году свое влияние в Ватикане и противопоставить его явно возросшему влиянию Германии. Англия заполнила брешь, образовавшуюся в результате того, что Франция осуществляла светскую внутреннюю политику, что все более беспокоило русского резидента. Будущий министр иностранных дел Сазонов, неоднократно посещавший Ватикан, с беспокойством сообщал о растущем влиянии Германии. Особую тревогу вызывали у него усилия фон Гертлинга открыть теологический факультет в Страсбурге; он видел в этом шаг к германизации Эльзаса. Польше и Эльзасу предстояло стать полями сражения мировой войны¹.

В 1903 году в Ватикане началось чуть ли не соревнование между Англией и Германией за благосклонность папы Льва XIII. Принц Уэльский, ставший в это время королем Эдуардом, отправился в Италию и лично добивался в Ватикане соглашения, которое в первую очередь должно было отразить заинтересованность Ватикана в организации миссий во многих стра-

---

¹ См. отчет Сазонова от 31.7.1900, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 7; его же сообщение от 21.10.1902, там же; см. также донесение Губастова от 7.5.1900, там же, д. 8.

нах¹. Британская империя гарантировала римско-католической миссии беспрепятственное поле деятельности в своих огромных колониальных владениях. За это католические миссионеры должны были поддерживать английскую колониальную администрацию в ее политике угнетения колониальных народов. Наибольшую помощь Англии Ватикан мог оказать в подавлении национального движения в Ирландии. Генерал иезуитского ордена Мартин говорил об этом весьма деловым языком с германским фельдмаршалом Вальдерзее². Английская администрация и католическая миссия в качестве ее союзника по эксплуатации колоний были залогом колоссальных прибылей для империи, а для римско-католической церкви — роста ее могущества. В этом смысле Германия, слишком поздно включившаяся в борьбу за передел мира, могла предложить Ватикану меньше. Тем большим было ее стремление к расширению сфер влияния. Именно поэтому германский империализм был столь опасным для своих соседей и для дела мира.

В этой борьбе за расширение могущества Германии кайзер Вильгельм II стремился потеснить английского короля и во время своего посещения папы весной 1903 года превозносил в свойственном ему фамильярном тоне властителя мира — папу³. Представитель немецкого католического духовенства и известный историк искусств Вильперт в своих записках⁴ воспроизводит этот разговор. Лев XIII заявил во время беседы: он хотел бы, чтобы кайзер Вильгельм II взял на себя роль Карла Великого, то есть стал господином Европы и тем самым и всего мира. На это Вильгельм II ответил:

---

¹ См. М. М. Шейнман, Ватикан и католицизм в конце XIX — начале XX в., стр. 302 и сл.

² См. «Denkwürdigkeiten des Generalfeldmarschalls Alfred Graf von Waldersee», Hg. v. H. O. Meisner, Bd. 1—3, 1922—1927, Bd. 3, S. 213.

³ Русский резидент Губастов сообщил об обоих этих визитах и не делал секрета из своей позиции, которая была и позицией министерства иностранных дел в Петербурге. Он приветствовал английский визит как противовес растущему влиянию Германии. См. донесение от 5.5.1903, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 11.

⁴ Они находятся, видимо, в архиве «Anima», австро-венгерского коллегнума в Риме. См. A. Hudal, Österreichische Vatikanbotschaft, S. 167.

«Ваше святейшество! Вы — наследник империи». Так он безошибочно нащупал самую слабую струнку папы. Средневековые с его теорией о двух сестрах ожило вновь. Лев XIII почувствовал себя в роли папы Иннокентия III. Таким образом, Ватикан обнаружил те же стремления, что и империализм, который в данный момент представлял германский кайзер. Но со стороны папы это было лишь дипломатией. В действительности он ставил не на немецкую карту, поддерживая планы Рамполлы относительно сотрудничества романских и славянских народов. Если к этому присоединится Англия, тем лучше. Во всяком случае, царская Россия, так же как и Франция, оставалась в центре интересов Льва XIII до самой его смерти, которая наступила вскоре.

В международной ситуации конца XIX — начала XX века для России было очень выгодно иметь в лице папы и прежде всего его статс-секретаря Рамполлы надежного союзника. В изменившейся международной обстановке, как она стала складываться в 1903 году и к которой Ватикан пытался приспособиться, для последней фазы политики Льва XIII характерно тесное сотрудничество с царской Россией. Новый резидент царской России в Ватикане Губастов получил поэтому в январе 1901 года указание приложить максимум усилий к осуществлению сотрудничества Ватикана и России, что соответствовало и воле Льва XIII¹. Лев XIII подчеркнул во время первой аудиенции, которую он дал Губастову, что чрезвычайно высоко ценит царское самодержавие, которое призвано сыграть особую роль².

Зимой 1901 года великий князь Сергей посетил Рим и был принят в Ватикане весьма сердечно. Ему оказали особые почести, и, как об этом с неудовольствием сообщал австро-венгерский посол в России, великий князь Сергей был очарован любезностью святого отца³. Австро-венгерский посол утешал себя тем, что этот визит не окажет непосредственного влияния на учреждение нунциатуры в Петербурге, которого австро-венгерская

---

¹ См. Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 8.

² Там же.

³ См. донесение от 26.2.(10.3) 1901, HHStA, Rußland, 1901.

сторона опасалась. Лев XIII не упустил возможности обратиться к царю с письмом, в котором изложил свои давно известные нам желания: допустить возможность дальнейшего развития католической церкви в России и учредить нунциатуру. Ознакомившись с этим письмом и, видимо, посоветовавшись с Победоносцевым, царь якобы сказал: «То, как святой отец формулирует свои пожелания, доказывает, что он совершенно не знает Россию»¹.

Общая борьба против социализма объединяла обе державы — Россию и папство. Десятилетие появления энциклики «*Regim novatum*» было поводом для того, чтобы вновь подчеркнуть это. Папа, впрочем, не упускал случая для проповеди борьбы против социализма. В апреле 1899 года в своем обращении к бельгийским паломникам, редакторам католических газет, прибывшим в Рим, он счел своим долгом прямо заявить, что католицизм и социализм — понятия несовместимые. Русский резидент, передавший содержание этого обращения в Петербург, подробно остановился на важной роли папства в идеологической борьбе против социализма и заключил свой доклад словами, что эта деятельность «заслуживает пристального внимания»². С тем же удовлетворением сотрудник Губастова сообщал о высказываниях папы в связи с десятилетием энциклики «*Regim novatum*»³.

К началу 1901 года папа выступил с новой большой энцикликой «*Graves de Communi*», в которой говорилось о христианской демократии; наряду с борьбой против социализма это была одна из любимых тем престарелого папы. И в этой энциклике он настойчиво подчеркивал, что нет ничего общего между социализмом и католицизмом; нельзя даже говорить о христианском или тем более католическом социализме. Христианская демократия, христианско-социальное движение, возникшее в конце XIX века при поддержке папы во всей Европе, не имеет ничего общего с социализмом, напротив, оно — ярко выраженный противник социализма. Это христианско-социальное движение с

---

¹ См. донесение от 26.2.(10.3)1901, HHStA, Rußland, 1901.

² См. Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 6.

³ См. донесение от 10.2.1901, там же, д. 8.

сильным антисемитским душком, вызванное к жизни, чтобы служить защитой от социализма, настойчиво насаждали главным образом в кругах мелкой буржуазии и даже среди рабочих, хотя консервативные круги, тесно связанные с дворянством, в особенности в Австро-Венгрии, долго не могли этого понять. Христианская демократия или христианско-социальное движение, которое проповедовал папа, было главным орудием борьбы против марксистской теории социализма. В частности, Лев XIII объявил идею классовой борьбы в корне противоречащей христианству. Такие взгляды, конечно, не имели ничего общего с демократией, о которой охотно говорил Лев XIII. Царю и его правительству такие речи, естественно, нравились — для подавления революционного социализма, самой большой опасности для самодержавия в России, всякий союзник был хорош, даже папа¹.

Поэтому понятно, что отношения между Ватиканом и царской Россией и в последние годы правления Льва XIII оставались наилучшими. Ватикан был готов поддержать царскую Россию повсюду, где он пользовался влиянием, оказать помощь в преодолении трудностей, с которыми сталкивался царь. Папа помог Англии в Ирландии, он мог помочь царской России и в Польше. Так, архиепископ Варшавы Попель боролся — совершенно в духе указаний из Рима — против всякого распространения социализма, рассылая циркулярные письма своим священникам². Русский резидент в Риме указывал на связи архиепископа с Ватиканом. Когда в Виленской губернии началось революционное движение рабочих, Рамполла заявил русскому резиденту: он не верит, что в нем принимают участие представители польского духовенства, ведь их постоянно предостерегали от участия в противоправительственных акциях³. Во всяком случае, Ватикан приложил очень много усилий, чтобы установить отношения дове-

---

¹ См. донесение русского резидента в Ватикане от 30.1 (12.2).1901, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 8.

² См. М. М. Шейлман, Ватикан и католицизм в конце XIX — начале XX в., стр. 225; донесение русского резидента при Ватикане от ноября 1901, ф. Ватикан, д. 9.

³ См. донесение от 20.5.1902, ф. Ватикан, д. 9.

рия между римско-католическими епископами и царским правительством¹.

В этой связи понятно, почему царское правительство приветствовало среди поляков в Галиции таких христианских демократов, как Стояловский: христианско-социальное движение, поддерживаемое папой и Рамполлой, встретило сильнейшее сопротивление со стороны консервативных польских епископов в Галиции². Деятельность этих агитаторов христианско-социального движения типа Стояловского была направлена против революции и вносила путаницу прежде всего в умы крестьян, а также мелкой буржуазии и рабочих. Здесь Ватикан оказался дальновиднее польских помещиков в Галиции, которые не могли разобраться в истинном смысле демагогических социальных требований. Царское правительство относилось к Стояловскому с симпатией, конечно, не как к человеку, вызывающему социальные беспорядки, а как к противнику консервативных, дружественных Австрии поляков в Галиции. У царского правительства было тем больше оснований относиться к нему хорошо: он служил контрреволюции тем, что направлял в нужную ему сторону революционное движение рабочих и крестьян.

Предложение, которое было сделано в Ватикане еще Извольскому,—основать в Риме папскую коллегию с целью обучения католических священников для России — было повторено Губастову во время аудиенции 27 февраля 1901 года в связи с его вступлением в должность³. Рамполла указывал на успехи параллельного института — Collegium Bohemicum, — целью которого была борьба с буржуазным национализмом чешского духовенства. Создав такую организацию, убеждал папа, не связанную с национальной принадлежно-

---

¹ См. например, донесение Чарыкова от 6.12.1898, ф. Ватикан, д. 5, и Губастова от 20.5.1902, там же, д. 9.

² См. подробный доклад в книге: E. Winter, Rußland und die slawischen Völker, S. 111—115, 159—165. Изложение неточно из-за неверной предпосылки, будто это движение было действительно демократическим, но характер борьбы двух противостоящих друг другу в Ватикане групп показан на этом конкретном примере с привлечением интереснейших источников очень наглядно.

³ См. донесение Губастова от 12.3.1901, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 8.

стью духовенства и подчиненную лишь царю и римско-католической церкви, можно наиболее успешно бороться с опасным для царского правительства польским национализмом. Молодые ксендзы после семилетнего обучения в Риме возвращаются на родину чужими своему народу людьми, им легко — во всяком случае, так считал Ватикан — прививать иммунитет против национальных и социалистических идей. Но в Петербурге опасались, что эти священники, получившие в Риме иммунитет против социализма, вовсе не будут опорой русской империи, что в конце концов они окажутся лишь послушным орудием в руках Ватикана. Так что пока дело не пошло дальше соблазнительных предложений, к которым, правда, проявляли интерес, чтобы не вызвать недовольства Ватикана. За любовью Ватикана к царской России всегда скрывалась надежда уговорить царя подчинить русскую православную церковь непогрешимому руководству папы.

Сколь часто скрещивались интересы держав в так называемом вопросе объединения славянских церквей! Ватикан со своими двумя борющимися за власть группами, отражавшими противоречия интересов на международной арене, и пробуждающийся буржуазный национализм славянских народов в Австро-Венгрии, который, между прочим, хотел воспользоваться как оружием славянской литургией, противоречиями внутри славянских националистов — сербов и хорватов, украинцев и поляков. К этому надо присоединить также чешские проблемы. В Ватикане было и австро-славянское направление, которое видело в Австрии спасение славян-католиков; имелось там и русофильское направление, представители которого хотя и подчеркивали свою симпатию к братскому русскому народу, однако целиком поддерживали царизм, угнетавший белорусов и украинцев. Все эти направления с ожесточением боролись друг с другом. Борьба шла не между народами, а между правящими классами господствующих наций и наций, оттесненных на задний план, как об этом ясно сказал Ленин уже в 1903 году в «Искре»¹. Существовало еще одно направление, которое представлял И. Франко. Его приверженцы отвергали как цар-

---

¹ См. В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 6, М., стр. 412—420

скую Россию, так и австро-славизм и выступали за единство восточнославянских народов на демократической основе; они хотели жить в мире и дружбе и с польским народом. Во всем этом отражались, скрещивались и ломались церковные, экономические, политические, национальные и классовые интересы. Было бы чрезвычайно важно для истории Австро-Венгрии того времени подробно проанализировать эти разнообразные интересы¹.

Такое обилие противоречивых интересов в вопросе об объединении церквей не должно, однако, скрывать от нас неуклонное стремление ватиканской группы, руководимой Рамполлой, добиться унии русской православной церкви с Римом. Эта группа опиралась на окружение самого Николая II. Последний считал, что тесное сотрудничество с Ватиканом имеет немаловажное значение для царской России как в области внутренней, так и внешней политики. В 1903 году Академия наук в Петербурге открыла должность постоянного научного корреспондента в Риме, который в первую очередь должен был изучать ватиканские архивы, посвященные России, — о такой должности хлопотал Извольский еще в 1895 году. Ее получил хорошо известный уже нам Е. Шмурло. Его деятельность, если рассматривать ее в свете всех этих событий, совершенно понятна².

---

¹ См. И. П. Трайнин, Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад, М., 1947.

² См. «Россия и Италия», т. I, ч. I, Введение.

Глава XVII

ПИЙ X И НИКОЛАЙ II. ПЕРВАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Летом 1903 года скончался Лев XIII. Заинтересованные державы делали лихорадочные усилия, чтобы на папский престол был возведен один из их сторонников, а если это невозможно, то хотя бы приемлемый для них кандидат. Как сообщает австро-венгерский посол из Петербурга¹, царская Россия желала, естественно, видеть на этом посту кардинала Рамполлу, которого считала своим сторонником, так же как и французы и испанцы. Прорусская политика, которую якобы проводил Рамполла, во всяком случае его усилия уладить польский вопрос, связывали Рамполлу с царской Россией. Остальные державы, судя по сообщению австро-венгерского посла, по мнению русской дипломатии, должны будут считаться с поддержкой папы, то есть не могут рассчитывать на Польшу как партнера против России, если Ватикан будет последовательно проводить политику русско-польского сближения².

В клерикально-националистических кругах, возглавляемых Победоносцевым и Катковым, хотели, чтобы папа по возможности не был значительной политической фигурой, иными словами, Рамполла был для них нежелателен. Только таким образом, полагали они, можно будет защитить русскую православную церковь от международной католической пропаганды, которая их пугала. Эти круги считали, что иллюзия Льва XIII — завоевать на свою сторону православный славянский мир — была поддержана прежде всего иезуитами, которым удалось привлечь на сторону католицизма некоторых православ-

---

¹ HHStA, Rußland, 1903.

² См. донесение от 17(30).7.1903, HHStA, Rußland, 1903.

ных священников. Святейший синод следующим образом сформулировал свою позицию по вопросу о выборе папы: «Обращение России и русского народа — давнее желание и скрытая цель современного папства, поэтому даже самые миролюбивые речи, которые нарочито обращают к нам, заверения в любви и уважении не могут ввести нас в заблуждение относительно истинных побуждений Рима. Мы должны еще более усилить бдительность, прочно стоять на почве православия и не дать увлечь себя перспективой мнимого мира»¹.

Итак, отношение в России к вопросу об избрании нового папы было также различным. В министерстве иностранных дел в Петербурге господствовало мнение, что царская Россия в лице Льва XIII имела настоящего друга, а потому надо стремиться, чтобы папой был избран Рамполла, который будет еще более укреплять дружбу с царской Россией.

Как сообщал в Вену строго секретно австро-венгерский посол, умирающий папа Лев XIII знаками дал понять своему ближайшему окружению, где спрятан его укрытый от всех взоров «неприкосновенный фонд». Он составлял не меньше 5 миллионов французских франков в банкнотах. Ничто не может лучше характеризовать профранцузскую ориентацию папы, чем этот жест умирающего. Французские миллионы были его наследством преемнику. Лев XIII твердо рассчитывал на победу на международной арене Франции, опирающейся на Россию. Французские займы, предоставленные царю под высокие проценты, были надежной гарантией устойчивости французского франка. Отсюда ясно, что Лев XIII повторял все зигзаги французской политики и, как ни резко высказывалось французское правительство по адресу церкви, в конце концов поддерживал его. Это относится прежде всего к такому важному политическому вопросу, как сохранение протектората над католической церковью в Передней Азии. Царское правительство было связано с Францией самым тесным образом как в военной, так и в экономической областях. Поэтому от выгод, которые могла получить Французская республика, кое-что должно было перепасть и русскому

---

¹ См. донесение австро-венгерского посла от 17(30).7.1903, HHStA, Rußland, 1903.

царизму. Вместе с «неприкосновенным фондом» папа оставил состояние в 60—70 миллионов¹.

Ожесточенная борьба разгорелась за избрание его преемника. Каждая из двух группировок, на которые разбились империалистические страны в Европе, хотела заполучить Ватикан в качестве идеологического союзника.

Когда в 1903 году положение стало по-настоящему серьезным, русское министерство иностранных дел в самом начале папских выборов получило из Вены секретную достоверную информацию о том, что австро-венгерское правительство через кардинала епископа Пузину, возможно, наложит вето на выборы Рамполлы². Эта информация — свидетельство того, сколь заинтересовано было царское правительство в избрании преемника Льва XIII. Министр иностранных дел Австро-Венгрии через полчаса после сообщения о смерти папы передал по телеграфу строго секретное указание австро-венгерскому послу в Ватикане наложить вето правительства на избрание Рамполлы; эту телеграмму посол должен был расшифровать лично³.

Дипломатическим связям Ватикана с Россией, которые начались благодаря поддержке Льва XIII, царское правительство по-прежнему придавало чрезвычайно большое значение. В России явственно ощущалось приближение революции, и царизм видел в Ватикане важную идеологическую опору, особенно в подавлении польского освободительного движения. Поэтому царизм был заинтересован в том, чтобы во главе римско-католической церкви оказался папа, который, подобно Льву XIII, проявлял бы большую симпатию к царской России.

После длительной борьбы между блоками империалистических держав, нашедшей свое отражение и в коллегии кардиналов, был достигнут компромисс. Бывший итальянский сельский священник Сарто взошел на папский престол под именем Пия X. По существу это из-

---

¹ См. зашифрованное донесение от 18.11.1903 австро-венгерского посла при папском престоле, HHStA, Vatikan, 1903.

² См. донесение Капниста из Вены от 16(29).7.1903, Архив Внешней политики России, Канцелярия, д. 110.

³ См. HHStA, Vatikan, 1903.

бране было лишь кажущимся компромиссом. В действительности, как это стало ясно очень скоро, оно означало победу Центральных держав. В начале выборов Рамполла и Готти выступали как кандидаты двух блоков. Итальянские кардиналы определили исход выборов. В первом голосовании Рамполла получил больше голосов, чем Готти, — 24 против 17. Но, когда в третьем туре голосования Рамполла получил 30 голосов и тем самым стала реальной опасностью его избрания, поднялся кардинал Пузина, епископ Кракова, и от имени «его апостольского величества» австрийского императора и короля венгерского наложил вето на избрание Рамполлы. Кандидатура Рамполлы была, таким образом, снята. Рамполла выступил с протестом от имени церкви, но поблагодарил от себя лично. Он сохранил достоинство, но потерял тиару¹.

И тут на первый план выступил кандидат, которого рекомендовал не без оглядки на Германию и Австро-Венгрию кардинал Гиббон из США. После того как в первом туре голосования Сартто получил 5 голосов, он был затем избран 50 голосами против 10. Французские и испанские кардиналы до конца поддерживали Рамполлу. В память папы Пия IX и дабы продемонстрировать отличие своих взглядов от взглядов Льва XIII, Сартто принял имя Пия.

Русский резидент в Ватикане Губастов подчеркивал в своем отчете о выборах, что новый папа — личность незначительная, что это простодушный, мало известный итальянский сельский священник, никогда не выезжавший за пределы Италии и не владеющий ни одним иностранным языком. Он находится всецело под влиянием иезуитов, и его новый государственный секретарь Мерри дель Валь также иезуит². В этом отчете чувствуется недоумение русского резидента по поводу результатов выборов. Как бы извинением звучат его слова: «Если уж не удалось добиться выборов собственного кандидата — Рамполлы, то, во всяком случае, незначительный человек лучше на этом посту, чем такая

---

¹ См. Kardinal Mathieu, Les derniers jours de Léon XIII et le Conclave, par un Témoin, «Revue de deux Mondes», vol. XX, Paris, 1904, p. 240 et suiv.

² См. его донесение в Архиве Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 11.

личность, как префект конгрегации «Пропаганда веры» Готти».

Описание выборов, которое дает Худаль, ближе к исторической правде¹. Худаль — католический епископ и благодаря своему долголетнему пребыванию в папской курии очень хорошо информирован о всех событиях и процессах в Ватикане. Кроме того, он был знаком с «Ricordi confidenziali del Conclave» 1903 года, секретными записками Монтеля фон Троенфеста. Монтель фон Троенфест был одним из самых информированных прелатов в Ватикане и, как намекает Худаль, немало сделал для того, чтобы вето против Рамполлы сыграло свою роль.

Монтель был духовным советником австро-венгерского посла при Ватикане и последовательным защитником интересов Габсбургов в том же Ватикане. Он знал Рамполлу по долголетнему сотрудничеству и опасался, что тот будет проводить еще более активную политику в пользу славян во главе с Россией. Как правильно понял Худаль, Рамполла и тем более Лев XIII вовсе не были заинтересованы в благоденствии и силе славянских народов, они рассчитывали на них в первую очередь как на средство для достижения своей цели — господства папы над миром. Однако какие бы мотивы ни скрепляли такой союз, он казался Монтелю, так же как и австро-венгерскому министру иностранных дел, опасным для интересов монархии на Дунае, а поэтому им нужно было во что бы то ни стало воспрепятствовать понтификату Рамполлы.

Австро-венгерским министром иностранных дел с 1895 по 1906 год был поляк Голуховский, который тесно сотрудничал с краковским епископом Пузиной и в политической области. Дворянство и высшее духовенство, так же как и польские консервативные элементы в Галиции, видели в России своего непримиримого противника. Польское дворянство в России потеряло в 1863 году право иметь свои организации и было лишено права покупать и арендовать землю в так называемых Западных провинциях царской России. Их классовые интересы были таким образом ущемлены. Следует присоединить к тому же претензии польского дворянства на

---

¹ A. Hudal, Österreichische Vatikanbotschaft, S. 258.

земли, которые вовсе не были польскими и которые Россия изъяла у польского дворянства, чтобы передать их русскому дворянству. Тесные дружественные отношения Рамполлы и первого русского резидента при папском престоле Извольского были в глазах этих людей опасными для их интересов. Поэтому и им надо было во что бы то ни стало воспрепятствовать избранию Рамполлы.

Хотя первым актом Пия X была отмена вето, благодаря которому он стал папой, он все же питал дружеские чувства к Центральным державам, в особенности к Австро-Венгрии, при этом не в последнюю очередь и потому, что благодаря вето Австро-Венгрии он получил папскую тиару. Папа происходил из Северо-Восточной Италии и как венецианец вначале был гражданином Австро-Венгрии. Он пережил национальное освобождение, но с большим почтением относился к дому Габсбургов. В противоположность Рамполле и Льву XIII, выходцам из Южной Италии, он вырос на границе с южными славянами и был их противником. Славянство было ему чуждо, даже враждебно. Это чувство сближало его с австро-венгерским правительством, также опасавшимся эмансипации славянских народов, что могло бы повлечь за собой гибель австро-венгерской монархии. Монтель, который сам происходил из Южного Тироля, видимо, очень хорошо знал Сарто. Он знал также о его антиславянской ориентации и полностью разделял ее.

Не удивительно, что Пий X при первом же удобном случае заверил австро-венгерского посла при папском престоле в том, что «всегда будет обращать особое внимание на сохранение лучших отношений с Австро-Венгрией и будет готов по возможности выполнять наши обоюдные желания»¹. Новый статс-секретарь Мерридель Валь также подчеркнул в разговоре с австро-венгерским послом свою особую готовность служить интересам Австро-Венгрии². В ответ на письмо, написанное рукой императора Франца-Иосифа I, папа ответил, что будет «делать все возможное, чтобы выполнить жела-

---

¹ См. шифрованное донесение от 18.11.1903, HHStA, Vatikan, 1903.

² См. донесение австро-венгерского посла при папском престоле от 1.12.1903, HHStA, Vatikan, 1903.

ние его величества»¹. Венгерским паломникам он заявил, что ему всегда будет приятно, если он сможет учитывать пожелания его величества². Эти слова характеризуют истинное отношение папы к императору Францу-Иосифу I, а также к австро-венгерскому правительству.

Насколько критически относился новый папа к славянам, свидетельствует доверительный разговор с австро-венгерским послом при папском престоле, содержание которого посол передает в Вену. «Папа, — пишет посол, — перевел затем разговор на великохорватское движение, которое, по-видимому, живо его занимало и цель которого он прямо назвал революционной. К сожалению, этим движением охвачено также духовенство. «Я спрашиваю себя, — заметил его святейшество в свойственной ему манере, — нет ли там руки Цию Николы (правитель Черногории)?»³

Это был совершенно иной язык, чем тот, к которому прибегал Лев XIII. Историограф католического центра в Германии Бахем говорит поэтому совершенно справедливо о новой политике Ватикана⁴. Вначале эта перемена коснулась, правда, не столько Германии, сколько Австро-Венгрии. Немцы не принимали участия в вето против Рамполлы. Кардинал Копп с негодованием отверг предложение присоединиться к вето, как заверяет в хорошо информированной статье в «Germania» его секретарь в конклаве Штейнман⁵. Представитель немецких католиков барон фон Крамер-Клетт нападает на Австро-Венгрию, вспоминая, как провалили на выборах Рамполлу; он заявляет, что только Австро-Венгрия виновна в том, что на папский трон не взошла столь подходящая для этого личность, как Рамполла⁶. При этом он имел в виду интегралистское движение при

---

¹ См. донесение от 27.2.1904, HHStA, Vatican, 1903.

² Там же.

³ См. совершенно секретное донесение от 10.7.1906, HHStA, Vatikan, 1906.

⁴ См. K. Bachem, Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumsparthei, Bd. 9, Köln, 1932, S. 25—35; см. также: М. М. Шейнман, Ватикан и католицизм в конце XIX — начале XX в., стр. 208.

⁵ См. «Germania», от 20.2.1930.

⁶ См. «Hochland», Jg. 11, Bd. 2, 1914, S. 1 ff.

Пие X, которое раскололо католиков Германии на два направления. Но эта позиция ясно показывает, что Центральные державы отнюдь не были едины в этом вопросе. Во всяком случае, Австро-Венгрия встретила избрание Пия X с облегчением. Новый папа знал, кому он должен быть благодарен за тиару.

С Сарто на папский престол взошел человек, не придававший, как его предшественник, большого значения высокой политике. Его интересовали прежде всего внутренние реформы церкви. В этой области перед ним, как он полагал, стояли колоссальные задачи, которые необходимо было разрешить. В критику библии, которую начали протестантские теологи, все больше и больше включались и католические теологи. Даже католическим профессорам богословия, таким, как Шелль в Вюрцбурге, казался необходимым естественный подход к религии. Эти люди стремились прежде всего к тому, чтобы вывести католицизм из его изоляции по отношению к науке и искусству, найти точки соприкосновения с общемировой культурой¹. Как думали озабоченные ревнители «истинной веры», к которым относился сам Сарто, идеи Льва XIII о христианской демократии поставили под удар церковный авторитет. Новый папа был намерен вернуть церковь к прежнему, то есть поставить ее в более строгие рамки. Во всяком случае, эти ревнители истинной веры считали настоятельно необходимым придерживаться консервативных взглядов, но не идей Льва XIII, так сильно окрашенных буржуазной демократией.

Да и в области церковного права давно уже необходимо было осуществить реформы, дабы не довести все церковное право *ad absurdum*. Прежде всего надо было дать в руки юридически неподготовленному католическому священнику, а также мирянину единое, по возможности цельное, церковное законодательство, которое они могли бы соблюдать и в соответствии с которым действовать, не нуждаясь в советах специальных адвокатов. Речь шла не только о вопросах церковной дисциплины, но в первую очередь о брачном праве — здесь необходимо было внести ясность; против проникающих

---

¹ См. подробно: J. Schmidlin, *Papstgeschichte*, Bd. III, S. 98.

в душу верующих современных идей католическая церковь должна была воздвигнуть неприступную стену: внутри этой обнесенной стенами крепости навести порядок и соблюдать строгое благочестие, чтобы затем, у врат этой крепости, дать решающий бой современным идеям. Примерно таковы были мысли, занимавшие Сарто еще в бытность его епископом в Верхней Италии и затем кардиналом-патриархом Венеции. Став папой, он счел, что пришло время действовать решительно.

Вопрос о положении папского престола перед лицом грядущих политических противоречий между империалистическими державами на мировой арене отступил на задний план, хотя лично для папы этот вопрос вовсе не переставал существовать. Тем не менее положение менялось. Статс-секретарь кардинал, который при прежних папах был самым важным советником папы во всех вопросах, не имел теперь такого влияния при Пие Х. Его задача ограничивалась в основном беседами с дипломатами, аккредитованными при папском престоле. К этим дипломатам, которые при прежних папах, в особенности при Льве XIII, играли такую большую роль, новый папа относился без всякой симпатии. Он считал этих людей лишь более или менее ловкими мастерами дипломатических интриг, имевшими по понятиям Сарто мало общего с церковью. Поэтому общение с ними он возложил в основном на статс-секретаря кардинала. Эту должность, столь значительную при Рамполле, он целиком передоверил преданному ему, но незначительному, хотя и очень изворотливому прелату Мерри дель Валью. Отец его был испанским дипломатом и отдал его в обучение к иезуитам. Сам он поэтому и не был иезуитом, как утверждает фельдмаршал граф фон Вальдерзее в своих записках¹. Новый статс-секретарь, хотя и стал кардиналом, не мог, однако, играть сколько-нибудь значительной роли.

О Рамполле никто теперь и не вспоминал. Будто в насмешку ему поручили руководство библейской комиссией, созданной Пием Х в 1902 году для того, чтобы в зародыше задуть научную критику библии. Рамполлу прикрепили к так называемому Библейскому институту,

---

¹ См. Waldersee, Denkwürdigkeiten, Bd. 3, записи от 8.12.1903 и от 4.2.1904.

в котором фактически заправляли иезуиты. Сколь катастрофическим почитал развитие Ватикана бывший статс-секретарь кардинал — и наверняка не только он, — явствует из доверительных бесед, которые вел с ним граф Гуттен-Чапский¹. Опасения Рамполлы вызывали прежде всего неприкрытое пренебрежение дипломатическими связями, которым при Льве XIII уделялось наибольшее внимание.

Пий X вовсе не считал себя обязанным особенно считаться с интересами Франции. Поэтому он резко осудил принятый во Франции 18 марта 1904 года закон против религиозных конгрегаций. Развернувшаяся в результате этого острая борьба в прессе перекинулась затем во французский парламент, который воспринял такую позицию Ватикана как вмешательство во внутренние дела Франции и заявил решительный протест. Что положено было другим странам, должно было быть положено и Франции. Когда президент Французской республики прибыл в конце апреля 1904 года в Италию, после того как итальянский король побывал в Париже, визит католического главы государства итальянскому королю был воспринят папой Пием X, претендующим на суверенитет в Риме, как оскорбление. Газета «Оссерваторе Романо» в номере от 20 мая 1904 года так резко критиковала французского президента, что это, а также нота протеста Ватикана Франции привело к отзыву французского посла из Ватикана. Возбуждение обеих сторон привело уже 30 июля 1904 года к разрыву дипломатических отношений между Францией и Ватиканом. 5 декабря 1905 года во Франции произошло отделение церкви от государства. В энциклике от 14 августа 1905 года, адресованной французским епископам, папа призывал их не подчиняться светскому законодательству. Итак, здание францужско-ватиканских отношений, искусно возведенное Львом XIII с помощью своего статс-секретаря, развалилось в течение короткого времени.

Такой поворот отразился, разумеется, и на русско-ватиканских отношениях. Русский представитель в Ватикане лишился теперь поддержки французского коллег и должен был действовать в одиночку. Как видно,

---

¹ См. H u t t e n - C z a p s k i, 60 Jahre, Bd. II, Berlin, 1936, S. 74,

указание всеми средствами вместе с французским послом содействовать избранию Рамполлы имело свой смысл. В докладах русского резидента в Ватикане и специального дипломатического наблюдателя Сазонова с большой тревогой отмечается быстрое ухудшение отношений между двумя странами. Эти доклады совпадали во многом с точкой зрения Ватикана; в них также выражалось большое сожаление по поводу того направления, по которому пошло развитие во Франции, приведшее к разрыву дипломатических отношений с Ватиканом¹.

Конечно, сближение Италии и Франции немало способствовало охлаждению французо-ватиканских отношений. Во время понтификата Льва XIII поддерживалась иллюзия, будто Франция вместе с Россией, выступающие против Тройственного союза, смогут содействовать восстановлению светской власти папы в Риме. Эти надежды, однако, утратили всякие основания в связи с сближением Италии и Франции. Как ни приветствовал русский посол в Италии сближение Италии и Франции, усматривая в этом укрепление франко-русского союза², его коллеге в Ватикане это лишь осложняло положение.

В качестве дипломатического наблюдателя царской России в Ватикан был направлен один из лучших специалистов, какими располагало русское министерство иностранных дел, — Сазонов. Сазонов пытался еще в 1906 году посредничать между Ватиканом и Францией. Сперва, в октябре 1906 года, Сазонов беседовал по этому вопросу со статс-секретарем кардиналом, который пытался разъяснить Сазонову, что при таких действиях Франции Ватикан не мог поступить иначе. Под угрозой-де оказалось бы все каноническое право³, которым так дорожил папа. Сам папа, подчеркнул в своей беседе с русским резидентом во время новогоднего приема, состоявшегося в конце декабря, что Франция подала пло-

---

¹ См., например, донесения Шиллинга от 26.7.1904, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 13, а также Сазонова от 19.4.1904, там же, д. 13 и от 12.6.1906, там же, д. 17.

² См. отчет Нелидова от 7(20).10.1903, Архив Внешней политики России, ф. Канцелярия, 1903, д. 921.

³ См. там же, ф. Ватикан, д. 17.

хой пример другим странам, и прежде всего Испании¹. Затем папа указал на Германию, которая после резких разногласий должна была идти в Каноссу. То же самое случится и с Францией. Германия старалась занять место Франции в Ватикане, что очень беспокоило Россию.

В это же время началось сближение Ватикана с Италией. Строгий папский запрет для католиков не вмешиваться в политику королевства Италии «Non ex-pedit» неуклонно соблюдался при Льве XIII. Всякий отход от этого запрета рассматривался как уступка Итальянскому королевству. Пий X не придерживался столь строгих принципов. Он сам был итальянцем и понимал все трудности осуществления папского запрета итальянцам принимать участие в выборах. Развитие социализма в Италии делало совершенно необходимым, по его мнению, ослабление этого запрета. Так и вышло: во время каждых выборов политические группы, связанные с католической церковью, принимали все более активное участие в избирательной борьбе. Русский резидент, конечно, с удовольствием сообщил об этом в Петербург.

Усиление борьбы против социализма, которое стало возможным благодаря ослаблению этого папского запрета нашло, конечно, полную поддержку царского резидента².

В какой степени борьба против социализма стала основой деятельности католической церкви, показывает беседа, которую имел немецкий генерал-фельдмаршал граф фон Вальдерзее с генералом ордена иезуитов Л. Мартином в 1903 году, то есть незадолго до революции 1905 года. Дипломаты, придерживавшиеся разных точек зрения, быстро сговорились, когда речь зашла о борьбе против социализма; генерал ордена иезуитов беззастенчиво готов был направить против социализма свою армию. «Что нас занимает главным образом — это социальный вопрос», — заявил Мартин во время этой беседы и прямо объявил, что он под этим понимает борьбу против социализма. Он с гордостью говорил об успехах в Реймсе, где его патерам удалось в течение пяти лет оторвать от социалистического дви-

---

¹ Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, 1903, д. 17.

² См. доклад К. М. Нарышкина от 14(27).6.1905, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 15.

жения пять тысяч рабочих. Генерал обратил внимание фельдмаршала на дружественную позицию Англии по отношению к католической церкви вообще и по отношению к ордену иезуитов в частности, так как Англия понимает, что «она извлекает большую пользу из деятельности ордена» в своих колониях; далее Мартин подчеркнул: «Каждое государство, если оно относится к нам дружелюбно, может извлечь из этого большую пользу». Генерал-фельдмаршал понял это и заявил: «Я знаю только одну опасность — социалистическую, и я надеюсь, что христианские церкви в борьбе с этой опасностью обретут свою общую цель».

Эту мысль генерал ордена иезуитов развивал и в переписке, которая последовала за этой беседой; он прославлял католическую церковь как антисоциалистическую силу и сформулировал ее задачи в следующих словах: «Очень важно, чтобы в борьбе против социализма католики делали общее дело со всеми консервативными элементами»¹.

Беседа, которая состоялась в 1903 году между руководителями ордена иезуитов, и последующая за ней переписка очень хорошо характеризуют господствовавшее в 1905 году настроение — несмотря на различные взгляды по вопросу о реформе церкви в Ватикане — по отношению к царской России². Хотя Пий X не разделял дипломатической линии Льва XIII и Рамполлы по отношению к России, он был, однако, весьма заинтересован в ней как надежном оплоте европейской реакции. Его отношение к ней полностью совпадало с внутривластительской программой царизма. Никто поэтому не был так огорчен революцией 1905 года в России, как папа.

Русский резидент в Ватикане К. М. Нарышкин сообщал в Петербург о «напряженном внимании», с которым следили в Ватикане уже с самого начала русской революции, то есть с «кровавого воскресенья» 22 января, за развитием революции. Характерно, что итальянские студенты проводили митинги протеста перед зданием дипломатического представительства царской Рос-

---

¹ См. письмо Мартина Вальдерзее от 1.8.1903, *Walderssee, Denkwürdigkeiten*, Bd. III, S. 235.

² См. записи Вальдерзее в его дневнике от 5.5.1903, *ibid.*, S. 212.

сии в Ватикане, тем самым подчеркивая тесные связи Ватикана с царской Россией¹.

Папская курия во главе с папой целиком была на стороне царизма, само существование которого оказалось под угрозой. Пий X больше всего опасался воздействия революции на другие страны. Настроение населения в польских областях вызывало большие опасения царского правительства — национальные лозунги все больше уступали место социалистическим. Объединение этих лозунгов было бы особенно угрожающим. Поэтому помощь, которую оказывал Ватикан царскому правительству в момент начала революции, имела огромное значение. Многие польские епископы и ксендзы, действуя в соответствии с духом Ватикана, с большим рвением организовывали католические рабочие союзы; именно эти союзы должны были стать надежной преградой, сдерживающей революционное движение, возникающее в польских областях России. Одновременно расширялись уже существовавшие католические рабочие союзы в Галиции, в польских областях Пруссии и в Силезии. Они должны были помешать тому, чтобы революционное движение из России перебросилось в Пруссию и Австрию².

Совместные действия русского и польского пролетариата были чреваты особой опасностью для царизма. Требование национального самоопределения было самым тесным образом связано в польских областях с социалистическими требованиями. Предупреждение папы было воспринято поэтому с большой готовностью в польских буржуазных кругах. Как и русские либералы, они боялись революции. Союз с католической церковью был необходим для них, чтобы воспрепятствовать дальнейшему развитию революции.

Что касается русского и польского пролетариата, то он в свою очередь возлагал надежды на рабочий класс Западной Европы, который мог оказать существенную поддержку героической борьбе русских и польских ра-

---

¹ См. «Революция 1905—1907 гг. в России». Документы и материалы. Начало первой революции, М., 1955, стр. 788.

² См. Ю. Сташевский, Католические рабочие организации в Польше в 1891—1914 гг., «Вопросы истории религии и атеизма», т. VII, 1959, стр. 158—169.

бочих против абсолютизма. Эхо русской и польской революции нашло среди рабочих всей Европы большой отклик. Но до действий дело не дошло. Ревизионистские взгляды весьма серьезно парализовали ударную силу пролетариата. Буржуазия же всей Европы поднялась на защиту царского правительства и поддержала его. Французские банки предоставили царской России в 1906 году заем в один миллиард франков, вильгельмовская Германия грозила ввести свои войска, чтобы силой восстановить буржуазный порядок. Ватикан также делал все, чтобы поддержать власть царизма.

В мае 1905 года русский представитель в Ватикане Нарышкин имел аудиенцию у статс-секретаря кардинала. Нарышкин заявил, что он рассчитывает на то, что курия обратится с посланием к римско-католическому духовенству в России и потребует безусловного подчинения правительству. Статс-секретарь кардинал обещал выполнить это желание¹. Поэтому аугсбургская газета «Постцейтунг» была близка к истине, когда, высказывая свое мнение о доверенном Пия X, монсеньере Бенини, заявляла, что во время его официальной деятельности в папском статс-секретариате он передавал царскому правительству в 1905—1906 годах информацию, которая может рассматриваться как предательство католической церкви в Польше. Бенини передавал, видимо, важную информацию, наносившую тяжелый удар польскому революционному движению, в котором принимали участие и католики².

Уже во время новогоднего приема в конце 1905 года папа в своей беседе с Нарышкиным в резких выражениях осудил революцию в России. С гордостью упомянул он о своем послании польским епископам в России, подписанном недавно, 3 декабря 1905 года, в котором он самым решительным образом напоминал всем католикам об их неукоснительном долге в дни потрясений, переживаемых сейчас Россией, сохранять спокойствие и порядок. Папа решительно предостерегал в

---

¹ См. донесение от 15.5.1905, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 15; далее см.: М. М. Шейнман, Ватикан и католицизм в конце XIX — начале XX в., стр. 248.

² См. донесение саксонского посланника из Мюнхена от 14.3.1912, SLHA, Politische Verhandlungen, Vatikan, 1955.

этом послании от какого бы то ни было сотрудничества с революционным движением; католики должны непоколебимо стоять на стороне буржуазного порядка, больше того, они должны бороться за его упрочение. Особое внимание следует обратить на рабочих, которых можно отвлечь от революционного движения, организуя их в католические рабочие союзы. «Подданные обязаны чтить своих князей и быть им преданными, как богу... Они должны сохранять священный порядок, установленный в их обществе, воздерживаться от всяких средств, на которые толкает их зловредная секта, избегать всяческого бунта, всеми силами стараться сохранить мир и справедливость»¹. Папское послание заканчивается похвалой Николаю II, который, провозгласив религиозную терпимость, тем самым приобрел большие заслуги перед католической церковью. Поэтому Мерри дель Валь не без основания мог с гордостью заявить австро-венгерскому послу: «Католический епископат в России держится совершенно корректно и выступает против революционных устремлений»². То же самое, видимо, произошло и с низшим духовенством; это было особенно приятно статс-секретарю кардиналу, так как он опасался, что низшее духовенство, в особенности в польских областях, может поддаться влиянию националистических и социалистических агитаторов и принять участие в демонстрациях.

Итак, папа и папская курия не ограничились выражением участия царю и его правительству, но, чтобы подавить революцию, бросили на чашу весов весь свой духовный авторитет. Это полностью признавал Нарышкин³.

Варшавский архиепископ Попель, а также другие епископы Польши и России поспешили поблагодарить

---

¹ См. Т. Данишевский, Боевой союз польского и русского пролетариата в период революции 1905—1907 гг., «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение», т. I, М., 1955, стр. 279; см. также: J. Schmidlin, Papstgeschichte, Bd. III, S. 127.

² См. донесение австро-венгерского посла от 22.12.1905, HHStA, Vatikan, 1905, и донесения Нарышкина от 27.12.1905 и от 19.1.1906 (ст. ст.), Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 15.

³ См. донесение Нарышкина от 6.12.1906, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 17.

папу за его энциклику. На арену выступил даже львовский архиепископ Теодорович, дабы помочь подавить революцию в соседних с Польшей русских областях. Папская энциклика и брошюры против революции, написанные на польском языке, активно распространялись среди населения России¹.

Царская Россия — «оплот всей европейской реакции», как писал Ленин еще в 1895 году, теперь стала иной². «Революционное движение в России, — писал Ленин уже в 1909 году, — начиная с последней трети XIX века, понемногу изменило это положение дела»³. Россия все больше становилась авангардом революции. «Чем сильнее колебался царизм под ударами растущей революции в его собственной стране, тем слабее становился он в качестве врага свободы в Европе»⁴. Это становилось понятным и папе и его политикам в Ватикане.

Поэтому папа и Ватикан постоянно поддерживали царскую Россию в ее борьбе против революционного движения. Отсюда понятно, почему Пий X, проявивший в отличие от Льва XIII мало интереса к внешнеполитическим устремлениям России, деятельно поддерживал внутривластную консолидацию царизма.

Папа ожидал, конечно, что царская Россия в свою очередь сделает уступки в вопросе о положении католической церкви в России. Так образовались отношения «do, ut des»⁵. Влиятельные придворные круги, выступавшие за более тесное сотрудничество с Ватиканом, приобрели, само собой разумеется, в связи с решительными действиями папы против революции в России еще больший вес.

3 января 1906 года (ст. ст.) царь одобрил доклад своего министра иностранных дел, обратившего внимание Николая II на заслуги папы Пия X, императора Вильгельма II и партии Центра в борьбе против социализма. В этой связи Николай II указал на необходи-

---

¹ См. Ф. Э. Дзержинский, Избранные произведения, т. I, М., 1957, стр. 82; см. далее донесение Нарышкина от 6.2. и 20.2.1906, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 17.

² В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 2, М., стр. 13.

³ Там же, т. 15, стр. 425.

⁴ Там же.

⁵ Do, ut des (лат.) — даю, чтоб дал и ты. — *Прим. ред.*

мость переговоров с Ватиканом в целях совместной борьбы с социализмом.

Министр иностранных дел циркулярной депешей от 24 февраля 1906 года (ст. ст.) дал распоряжение представителям царского правительства за границей в целях усиления борьбы против социализма способствовать приезду в Россию католических священников из других стран. Русская православная церковь должна прежде всего научиться уделять больше внимания так называемому «социальному вопросу» и быть столь же активной, как римско-католическая церковь, если она и дальше хочет сохранить свои привилегии в качестве идеолога царской России. Заслуги папы в подавлении русской революции 1905 года были отмечены с большой благодарностью. Была вновь провозглашена необходимость союза между царизмом и папством¹.

Еще в феврале 1903 года царь обнародовал манифест о религиозной терпимости и свободной деятельности католической церкви, но так как за этим не последовало никаких разъяснений, то манифест остался красивым жестом. Теперь же были отменены наказания, все еще предусматривавшиеся русским уголовным кодексом за переход из государственной церкви в другую христианскую церковь. Те представители православной церкви, которые раньше перешли в католичество, и священники, которые их крестили, были амнистированы². Когда в 1905 году был издан закон о веротерпимости, который следует рассматривать как уступку, в особенности римско-католической церкви, обер-прокурор святейшего синода Победоносцев расценил это как акт недоверия и покинул свой пост вместе со своим заместителем Саблером. По мнению руководителей синода, этот закон подрывал монопольное положение русской православной церкви, а это положение казалось им основой всей ее системы. Слова закона о том, что православная церковь и дальше остается господствующей церковью и одна имеет право на пропаганду и повышенную государственную субсидию, свя-

---

¹ См. Архив Внешней политики России, ф. Посольство в Риме, 1906, д. 1960.

² См. J. Schmidlin, Papstgeschichte, Bd. III, S. 124.

тейший синод считал недостаточными для сохранения монопольного положения православной церкви.

Когда Саблер попытался за спиной Победоносцева вернуться в синод и получить пост обер-прокурора, Победоносцев благодаря своему влиянию на царя еще раз добился того, что занял этот пост сам, в то время как Саблер был уволен. Однако манифест 17 октября 1905 года, обнародованный царем под давлением революции, в котором были провозглашены конституционные свободы, вынудил Победоносцева окончательно покинуть свой пост. Он умер в 1907 году. Его сменил Саблер.

Уже в 1906 году министерство иностранных дел отправило Саблера за границу, чтобы он подробно ознакомился с деятельностью католической церкви в социальной области, и прежде всего разобрался в том, какие методы являются практически самыми эффективными тормозами социализма. Во время понтификата Пия X были основаны чисто католические рабочие союзы, развернувшие энергичную деятельность; цель их — заставить рабочих сойти с позиций классовой борьбы. Теперь и в России надо было создавать такое же христианское рабочее движение, как в Германии, где оно получило распространение. Начало этому было положено царской тайной полицией еще до революции в 1905 году. Деятельность попа Галона и «кровавое воскресенье» 1905 года — результат попыток организовать такое движение. Но события января 1905 года лишь ускорили начало революции в России. Теперь же новая, по мнению царских властей, лучшая организация должна была гарантировать Россию от таких грубых ошибок.

С целью изучения религиозных и социальных институтов Саблер посетил в 1906 году Германию, Италию, Францию и Бельгию. Нужно было создать и в России так называемое христианско-социальное движение под эгидой русской православной церкви¹. В качестве образцов приводили епископа Кеттелера, папу Льва XIII, а также протестантского придворного проповедника в Берлине Штёкера. Под руководством русской православной церкви должно было возникнуть христианское

---

¹ См. «Церковный вестник», 1906, № 40, стр. 1285—1290. Против таких попыток выступил с большевистских позиций М. Ольминский в газете «Вперед», 1905, № 11 от 23 октября.

движение борьбы против социализма¹. Но эти планы так и не были осуществлены.

Понятно, почему влиятельные чиновники-дворяне, поддерживавшие царизм, и даже представители православного духовенства все больше обращали свои взоры на римско-католическую церковь. После апрельского закона 1905 года в России почувствовался поворот к римско-католической церкви; он стал принимать официальные формы. В Холме было завершено возвращение в католицизм многочисленных верующих, которые в 1875 году перешли из униатской церкви в православную. Это движение началось еще в конце XIX века с согласия Николая II, но было прервано из-за возражений синода. Почти 40% верующих, которые раньше перешли в православную церковь, вернулись в римско-католическую, и большинство из них объявили о своей принадлежности к полякам. Активная работа польских иезуитов из соседней Галиции принесла свои плоды.

Новым было, однако, то, что после апрельского закона 1905 года в Москве и Петербурге в кругах дворянства, высшего чиновничества и православного духовенства началось движение за переход в римско-католическую церковь.

Австро-венгерскому послу, который — что очень показательно — наблюдал за стремлением к католизации с большим удовлетворением, мы обязаны подробными докладами об этом процессе². В Петербурге в 1906 году вступило в доминиканский орден якобы 1000 человек. Чтобы усилить это движение, Рим впервые перестал протестовать против употребления русского языка при чтении молитв и во время проповедей. В 1906 году статс-секретарь кардинал в специальном циркуляре разрешил католическим епископам в России пользоваться во время богослужения русским языком. Преподавание русского языка и истории в духовных семинариях и в католической академии в Петербурге, которое было начато на основании соглашений между папским престолом и Россией 22 июля 1907 года, также служило цели распространения католицизма. Конгрегация, в ведении

¹ Эти мысли, сформулированные Саблером, см. в его книге «О мирной борьбе с социализмом», Сергиев Посад, 1911.

² См., например, сообщения Эренталя от 25.5(2.6).1905 и от 9(22).9.1906, HHStA, Rußland, 1906.

которой находились вопросы обрядности, в том же 1906 году дала даже разрешение служить в католических церквях России литургию на церковнославянском языке¹. Результаты не заставили себя ждать. В Москве образовалась группа вокруг Соловьева, поставившая себе задачей осуществить поворот русской православной церкви к папству. Кандидаты в священники русской православной церкви уезжали во Львов к митрополиту Шептицкому, и он обращал их в католическую веру.

Эти новости звучали музыкой в ушах австро-венгерского посла в Петербурге.

Еще более чем австро-венгерский посол, событиями в России заинтересовались в Риме. Ватикан поддерживал царскую Россию и в 1906 году, когда ситуация в России была революционной. В апреле 1906 года Сазонов сообщал из Рима об аудиенции, которую он имел у папы и во время которой папа вновь подчеркнул, что он оказал поддержку России прежде всего в подавлении сопротивления поляков. Пий X резко говорил о тех трудностях, которые, несмотря на все усилия Ватикана, он встретил со стороны поляков. Больше всего папа боялся совместных выступлений русских и польских рабочих. Польские круги, однако, ни в коем случае не должны были помешать сотрудничеству Ватикана с царской Россией. Также и в беседах Сазонова с статс-секретарем кардиналом речь шла о борьбе с национальными стремлениями поляков².

Отношение Пия X к Польше имело для царизма очень важное значение. Решительное осуждение папой национально-революционных устремлений вообще и славянских в особенности должно было быть использовано для консолидации царской России. Когда возникли трудности из-за языка, на котором должно было вестись преподавание католической религии в высших школах на польских территориях Пруссии, папа в беседе с одним прелатом с досадой воскликнул: «Ох, эти поляки! Они прежде всего — поляки, затем — снова поляки и в третьих — поляки, и только потом немного

---

¹ См. J. Schmidlin, *Papstgeschichte*, Bd. III, S. 127.

² См. Архив Внешней политики России, секретный архив, д. 249/250.

католики»¹. Это восклицание очень характерно для отношения папы к полякам. Успехи религиозной польской секты мариавитов тоже не в малой степени тревожили Ватикан. Пий X считал себя союзником царя против революционно-национального движения поляков.

В октябре 1906 года статс-секретарь кардинал в разговоре с Сазоновым поднял вопрос об учреждении нунциатуры в Петербурге. Сазонов в донесении об этом излагал свое мнение по этому вопросу: у царской России и Ватикана имеется общность интересов, обе власти консервативны, папский престол стал на сторону царизма против польских и литовских национальных движений. В этом духе Сазонов доказывал выгоду для царизма от союза с папством².

Однако теперь против учреждения нунциатуры выступило — и более энергично — русское общественное мнение. Царизм и папство показали себя уж слишком тесными союзниками в подавлении революционных устремлений.

Как заинтересован был в России в то время Пий X, показывает его дружеское расположение к Е. Шмурло. В частной аудиенции 21 июня 1904 года папа дал ему разрешение работать в архиве конгрегации «Пропаганда веры». Кардинал Готти, префект этой конгрегации и одновременно глава группы кардиналов, настроенных дружелюбно к Центральным державам, разрешил ему, правда, пользоваться архивом только через год — в июне 1905 года. Использование ватиканских архивов для истории русско-ватиканских отношений было начато Извольским, рассчитывавшим на сближение царской России и папства. Извольский всячески поддерживал организацию работы в архивах. Работа эта продолжалась его преемниками в Ватикане³.

Царское правительство и в других отношениях старалось укрепить связи с Ватиканом. Так, например, на

---

¹ См. донесение Шиллинга Извольскому от 1.10.1907, ф. Ватикан, д. 21. Уже статс-секретарь кардинал жаловался Сазонову весной 1907 года на поляков, как он сообщал 19.3.1907 из Рима, там же, д. 19. См. также: М. М. Шейнман, Ватикан и католицизм в конце XIX — начале XX в., стр. 254.

² См. Архив Внешней политики России, ф. Посольство в Риме, 1906, д. 1950.

³ См. «Россия и Италия», т. III, 1, стр. 3 и сл.

пасху 1906 года начальник департамента духовных иностранных исповеданий министерства внутренних дел, которому было подчинено управление римско-католической церковью, посетил Рим и был принят папой и статс-секретарем. Правда, выяснилось, что он не имел полномочий вести далеко идущие переговоры. Как сообщает в Вену австро-венгерский посол при папском престоле, тот приехал в Рим лишь как турист¹, и это успокоило посла; тем не менее это свидетельствовало о большом интересе царского правительства к папству.

Ватикан интересовало прежде всего осуществление апрельского закона 1905 года о веротерпимости. Как сообщал в Вену австро-венгерский посол в Петербурге Эренталь, этот указ уже не мог быть отменен². Положение римско-католической церкви совершенно явно стало гораздо лучше, давление на поляков уменьшилось. Польское дворянство вновь получило право покупать землю и брать ее в аренду, что было запрещено с 1863 года. Польское дворянство получило также право создавать свои организации, как и русское дворянство. От этого выиграло польское дворянство, влияние которого хотела использовать царская Россия. Было дано разрешение открыть польские и литовские средние школы³.

Правда, польский национализм тотчас же натолкнулся на помехи со стороны расцветшего за это время литовского буржуазного национализма. Начались острейшие противоречия именно на почве требований римско-католической церкви, что ясно видно из меморандума литовских римско-католических священников 1906 года⁴. Прежде всего речь шла о епархии Вильно, где литовцы составляли подавляющее большинство верующих католиков. Епископ барон Ропп и члены соборного капитула, однако, были поляками и поддерживали полонистские устремления. Царское правительство широко использовало национальные противоречия по принципу «разделяй и властвуй», чтобы подавить оба народа; для этого оно натравливало литовцев на поляков.

---

¹ См. донесение от 19.4.1906, HHStA, Vatikan, 1906.

² См. донесение от 6.5.1905, HHStA, Rußland, X, 122, № 118.

³ Ibid., см. донесение австро-венгерского посла от 20.5.1905, № 126.

⁴ «De lingua polonica in ecclesia Lituaniae», Kaunas, 1906.

В Риме, конечно, к этому вопросу относились чрезвычайно сдержанно. Ватикану трудно было принять решение. Когда у епископа Роппа возникли осложнения с царским правительством, не в последней степени из-за своего отношения к литовским требованиям о влиянии в соборном капитуле, Ватикан держал себя очень осторожно. И когда царское правительство сместило епископа Роппа из-за его противодействия литовским требованиям к римско-католической церкви, то Рим на это никак не реагировал. Наоборот! Еще в 1898 году в Ватикане дружески приняли литовского епископа. Он сделал доклад совершенно в духе русского правительства и потому нашел самую большую поддержку. Епископ Ропп был депутатом 1-й Государственной думы и лидером основанной им католической конституционной партии, имевшей сторонников в Польше. Видимо, от этой партии ожидали вначале столь же действенной помощи в борьбе против социализма и революции, как от партии католического Центра в Германии¹. Но в России, по мнению царского правительства, основание партии оказало лишь еще большую поддержку польскому буржуазно-националистическому движению. Полонистски настроенный епископ Ропп вызвал большое недовольство своих верующих — литовцев.

Понятно, что Ватикан благосклонно отнесся к предложению русского правительства уладить конфликт с виленским епископом, назначив его епископом в Саратов; Ватикан отнесся терпимо к тому, что царское правительство ликвидировало епископский капитул в Вильне и назначило туда апостольского управляющего².

Доверие и благожелательство царского правительства к Ватикану, а также уступки ему, вызванные революцией, не заставили, однако, Ватикан отказаться от прежних планов духовного завоевания России и попыток осуществления их с еще большей энергией. Рим как раз собирался использовать слабость царизма, чтобы реализовать наконец свой план соединения русской православной церкви с Римом. Для осуществления этой цели в понтификат Пия X был создан большой аппарат.

---

¹ См. донесение австро-венгерского посла от 19.10 (1.11).1907, HHStA, Rußland.

² См. об этом донесение австро-венгерского посла от 6(19).6.1908, HHStA, Rußland.

Влиятельный кружок образовался вокруг молодого митрополита униатской церкви графа Шептицкого, который рассматривал единство церквей с точки зрения украинского национализма. Украинская униатская церковь, ее митрополия в Восточной Галиции, должна была стать исходным пунктом для унии с русской православной церковью, и прежде всего в украинских областях России, которые должны были по замыслу Шептицкого стать владением Габсбургов.

Различные направления, многие из которых выступали друг против друга, направления, за которыми скрывались буржуазно-националистические и государственно-политические интересы, делавшие эти противоречия непримиримыми, нужно было согласовать, с тем чтобы во что бы то ни стало достичь общей цели — объединения с русской православной церковью.

Для этого летом 1907 года был созван первый объединительный конгресс в Велеграде. Все группы, которые занимались вопросом объединения славянских православных церквей, были представлены на этом конгрессе, пытаясь вызвать интерес к своим планам, а также внести вклад в общий план. Заключительную речь на конгрессе произнес Шептицкий.

Это было не случайно, так как митрополит пользовался особым доверием императора Франца-Иосифа I. Украинской униатской церкви в Галиции предназначалась важная роль оплота австрийского государства во время будущих военных столкновений на восточном фронте. По военно-политическим соображениям такое развитие событий было для России, разумеется, в высшей степени нежелательным, и потому русские представители в Ватикане следили с особым вниманием за активной деятельностью Шептицкого. Это прежде всего относилось к его посещениям Ватикана. Им хотелось во что бы то ни стало узнать, о чем так оживленно беседует митрополит с папой. Так, Сазонов подробно сообщает о переговорах, которые вел Шептицкий с папой весной 1907 года. В своем донесении он подчеркивает, что митрополит располагает особой личной рекомендацией австро-венгерского императора Франца-Иосифа I¹.

---

¹ См. донесение об этом от мая 1907. Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 19.

Шептицкому вполне удалось завоевать доверие папы. Учитывая отношение папы к австрийскому императорскому дому, рекомендация австрийского императора означала для папы Пия X очень много. Поэтому он готов был широко открыть двери для деятельности Шептицкого на поприще объединения церквей. Митрополит, поддержанный австрийским императором и римским папой, развил лихорадочную деятельность¹. В феврале 1908 года Шептицкий доставил в Рим украинских паломников, совершивших паломничество по случаю праздника в честь отца церкви Хризостома (Иоанна Златоуста). Хризостом был столпом богословия восточной церкви и автором ее литургии, сохранившейся вплоть до настоящего времени. Эту литургию впервые и служили в соборе св. Петра в присутствии папы. Австро-венгерский посол в Ватикане подробно сообщал об этом событии и указывал на переговоры, которые Шептицкий активно вел с папой по вопросу унии с русской православной церковью².

Уже в феврале 1908 года Пий X предоставил Шептицкому полномочия, каких до того не знали в католической церкви. Правда, это было сделано только устно, папа считал, что еще не пришло время зафиксировать их письменно³. Пий X думал о создании русско-католического патриархата, который когда-нибудь получит высокая церковная особа из русской православной церкви, как только вся русская православная церковь признает примат папы. До этого времени экзарх должен готовить объединение русской православной церкви с римско-католической. Уже в феврале 1907 года из Галиции Шептицкий назначил О. А. Зерчанинова генеральным викарием каменец-подольской епархии в России. Оттуда он должен был отправиться в Петербург с полномочиями для деятельности по всей России.

Поскольку австро-венгерский посол в Ватикане приветствовал эти переговоры, о которых, конечно, почти ничего не проникло в печать, ими был обеспокоен рус-

---

¹ Об этой деятельности Шептицкий говорит сам в своей статье (A. Szepťycky, Das russische katholische Exarchat, «Ex oriente», 1927, S. 78—89).

² См. донесение от 18.2.1908, HHStA, Vatikan, 1908.

³ См. A. Szepťycky, op. cit.

ский резидент в Ватикане. Царская Россия не могла ожидать ничего хорошего от Шептицкого, ставленника австрийского императора и представителя украинского буржуазного национализма¹. Уже слишком он оказался в центре скрещивающихся интересов австро-венгерского и русского империализма.

По поручению папы Шептицкий должен был прежде всего попытаться проникнуть в Россию, чтобы там на месте начать организацию экзархата русско-католической церкви. Так как он не мог получить русского паспорта на свое имя, то отправился в Россию под чужим именем, чем обоснованно вызвал недовольство русского правительства. Этот эпизод, естественно, занимал также и русского резидента в Ватикане². При этом царское правительство не столько волновала идея создания русско-католической церкви, которая, учитывая огромную территорию страны, имела лишь самый небольшой успех, и то в главных городах, сколько тот факт, что ее должен будет осуществлять Шептицкий, украинский националист, тесно связанный с домом Габсбургов. Это послужило поводом к тому, чтобы с самого начала подвергнуть гонениям так называемую русско-католическую церковь и воспрепятствовать ее распространению. Шептицкий был заинтересован главным образом не в русско-католической, а в украинско-католической (униатской) церкви, которая должна была стать церковным центром Украины, управляемой Габсбургами. Поэтому папа Пий X и император Франц-Иосиф I были деятельными покровителями Шептицкого.

В определенных кругах русского дворянства, составлявших окружение царского двора, усилия Рима в пользу развития католической пропаганды в России имели успех. Эти круги организовали издание ежемесячного журнала на русском языке под названием «Вера и жизнь» с целью пропаганды католицизма. Журнал этот выходил в Петербурге вплоть до начала войны 1914 года. Он представлял собой нечто совершенно но-

---

¹ См. донесение русского резидента о стремлении к церковной унии, за которым стоял Шептицкий, от апреля 1908, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 23.

² См. Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 26; см. о русско-католической церкви: М. М. Шейнман, Ватикан и католицизм в конце XIX — начале XX в., стр. 58—59.

вое. В то время как прежде папы соглашались лишь на польский язык в католической церкви в России, теперь, после революции 1905 года, с благословения Пия X, был разрешен русский язык. Апрельский закон о веротерпимости от 1905 года открывал новые возможности для пропаганды. В этой связи и надо рассматривать журнал «Вера и жизнь». Он должен был оказывать влияние на русских, вербовать их в католическую веру. Поэтому в нем публиковались не только статьи о победном шествии католической церкви во всем мире, но и с большим интересом отмечалось движение в пользу объединения церквей, которым руководил Рим. Хотя издателями журнала были русифицированные польские духовные лица, соблюдающие латинскую обрядность, в нем пропагандировалась также русско-католическая церковь, на которую Рим возлагал такие большие надежды и которой было разрешено постановлением конгрегации ритуалов в 1906 году служить восточную литургию на церковнославянском языке. Эта литургия отличалась от русской православной только молитвой о здравии папы.

Журнал «Вера и жизнь» интересовался прежде всего римско-католической церковью с латинской обрядностью, но в нем старательно публиковались также сообщения, говорившие в пользу объединения русской православной церкви с Римом. Этому должны были служить статьи по истории церкви и догматике. В Петербурге нашлось даже здание для русско-католической церкви, которое, впрочем, было закрыто в 1913 году из-за опасности обвала. Недоверие к этому привнесенному в Россию извне движению почти невозможно было преодолеть. Нашлись люди, например Л. Федоров, Евреинов, А. Сипягин, которые под впечатлением русской революции 1905 года стали католическими священниками и решительно выступили за это движение. Еще в 1910 году перешли в католичество князь Белосельский, а также православные священники С. Веригин и Сторожев¹. В лице Соловьева, писания которого активно распространялись, они, как им каза-

---

¹ J. Schmidlin, Papstgeschichte, Bd. III, S. 126.

лось, нашли своего идеолога. Его памяти был посвящен Союз за объединение церквей в Москве¹.

Свидетельством расположения Ватикана к царской России был папский декрет от 22 июня 1907 года, которым русский язык был признан в римско-католической церкви в России вторым церковным языком². В католических духовных семинариях в России были введены в качестве обязательных предметов русская история и русская литература. Ватикан согласился с введением этих предметов. Это были уступки, на которые раньше Ватикан не шел. Прежде всего надо было теперь не создавать никаких трудностей царскому правительству. После того как самодержавие было так поколеблено революцией, нужно было его поддерживать всюду где только можно и любыми средствами³.

Борьба против революции объединяла Пия X и царское правительство, ведь сам папа решительно выступал против всяких религиозных и политических движений в самой католической церкви, которые хотя бы отдаленно имели в виду какие-либо новшества. Его борьба против так называемого «модернизма» известна. Подобно глубоко чтимому им Пию IX, папа составил индекс «заблуждений нашего века», новый «Силлабус», датированный 3 июля 1907 года; этот «Силлабус» строго осуждал всякое свободомыслие среди теологов. В энциклике от 3 сентября 1907 года папа еще более резко осудил «модернизм», как называли попытку согласовать католицизм с наукой и искусством того времени. С этого времени от католических профессоров теологии требовалась специальная присяга против «модернизма»,

---

¹ Тяга к католицизму затронула лишь верхушку русской аристократии, напуганной событиями 1905 года и видевшей в католицизме более действенное и рафинированное средство борьбы с революционными настроениями в народе. Католический историк папства Шмидлин сильно преувеличивает, когда пишет о растущем влиянии католицизма в России перед первой мировой войной. Следует отметить, что часть русских сторонников католицизма находилась за пределами России. Из донесения Сазонова от 1(14) апреля 1908 года явствует, что кружок Федорова был создан в Риме (см. Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 23, л. 78.— *Прим. ред.*

² См. по этому вопросу донесение Сазонова Извольскому от 25.6.1907, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 21.

³ См. A. Hudal, Österreichische Vatikanbotschaft, S. 269.

и эту присягу вначале надо было давать ежегодно. В присяге этой осуждались любые попытки вывести церковь из духовной изоляции, в которую она попала в XIX веке.

Подобно царскому правительству, которое пыталось задушить революционное движение по возможности еще в зародыше, папа хотел пресечь в корне всякую попытку вводить в церкви новшества, которые он считал революционными. Пожалуй, никто не боялся так русской революции как прообраза для всей Европы, как Пий X. Он стал главой движения в католической церкви, которое вошло в историю под названием «интегрализма»¹. Католики-интегралисты — это безоговорочные, стопроцентные католики, не желающие делать ни малейших уступок прогрессивному развитию на том основании, что трудно определить границы, когда эти уступки становятся несовместимыми с чистотой веры.

Все политические явления реставраторского порядка получали его благословение. Чрезвычайным пиететом у папы пользовались монархия и дворянство. Объектом его особого уважения был император Франц-Иосиф I. О «христианской демократии» его предшественника Льва XIII можно было говорить лишь с большой осторожностью. «Как может народ быть владыкой!» — воскликнул Пий X, обращаясь к Сазонову². Конечно, это было совершенно в духе царя и его правительства. При такой позиции Пия X понятна его дружба с царизмом, несмотря на его недоверие ко всем славянским народам, и в частности к русскому.

Это противоречие надо учитывать также и при рассмотрении той пропаганды объединения церквей, которая велась во время понтификата Пия X; оно объясняет и полный провал идеи объединения, несмотря на самые большие усилия осуществить ее. В период понтификата Пия X, однако, были заложены уже корни того развития, которое достигло наиболее полного выражения в борьбе против Советского Союза уже после победы

---

¹ См. Н. Hermelink, *Die katholische Kirche unter den Pius-Päpsten des 20. Jahrhunderts*, Zürich, 1949, S. 10; Engel-Janosi, *Österreich und der Vatikan*, Bd. II, S. 144.

² См. Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 19, л. 89.

Великой Октябрьской социалистической революции в России. Поэтому так важно внимательно исследовать самое начало пропагандируемого папой движения за объединение церквей перед первой мировой войной.

Русская революция 1905 года оказала свое влияние и на круги господствующего класса России, настроив их более примирительно к идее объединения церквей. Сколь велик был интерес русского дворянства к католической церкви, свидетельствует тот факт, что русский дворянин Коростовец пригласил в 1906 году в Россию из Соединенных Штатов римско-католического епископа Чепина, чтобы поведать ему о реальных перспективах римско-католической церкви в России¹. По желанию папы Пия X Чепин принял это приглашение. Н. Н. Неплюев, основатель Братства по прославлению креста, которое возникло под влиянием страха перед революцией 1905 года, занялся в 1907 году, побуждаемый французскими пропагандистами этой идеи Ф. Порталем и И. Вильбуа, проблемой объединения церквей. Этот помещик-дворянин пригласил Вильбуа в свое имение. Он завязал связи также с Дмитрием Хомяковым и неославянофилами. Порталь пытался поддерживать переговоры о единстве церквей, в первую очередь через А. Гратье, с движением, руководимым обоими дворянами-помещиками и близким к папству. Гратье летом 1907 года был гостем Неплюева и познакомился с Дмитрием Хомяковым².

Следует отметить, что заседания на втором конгрессе 1909 года в Велеграде велись на латинском и русском языках. Православные богословы, прежде всего настоятель русской посольской церкви в Берлине Мальцев, принимали активное участие в дискуссии. Поездка Шептицкого в Россию, а на этом конгрессе руководящая роль Шептицкого выявилась еще более, чем на первом конгрессе, не была бесплодной. Царское правительство, частично еще под впечатлением союза с Ватиканом во время подавления революции, было в известной степени заинтересовано в этом вопросе.

---

¹ См. Korostovec, *Neue Väter, neue Söhne*, Berlin, 1926, 19 Kap., S. 236.

² См. A. Gratieux, *Le mouvement slavophile à la veille de la révolution*, Paris, 1953.

Но политические интересы, которые сталкивались здесь, были слишком различны, чтобы объединение церквей могло хоть на один шаг продвинуться вперед. Заинтересованные в объединении церквей круги царской России преследовали при этом совершенно другие цели, чем, например, Австро-Венгрия, на территории которой проходили велеградские конгрессы. Так, разговоры об объединении церквей между русской православной церковью, представляющей русский империализм, и римско-католическими сторонниками австрийского империализма должны были остаться безуспешными.

Они были прерваны, когда противоречия на мировой арене обострились. Непреодолимые противоречия между партнерами характеризует беседа, которая состоялась между сторонником такого объединения французом А. Гратье, возвращавшимся из своей вторичной поездки в Россию, летом 1909 года, и Шептицким. Шептицкий заявил, что он твердо верит в будущее украинской церкви, которая отделится от Москвы и объединится с Римом. Итак, с Гратье он говорил совершенно откровенно. Однако во время своего пребывания в Галиции Гратье совершенно определенно убедился, что украинцам не нравятся попытки латинизировать церковь, идущие со стороны Рима, и что базилиане и базилианки вовсе не пользуются симпатией народа¹.

На третьем велеградском конгрессе 1911 года православные русские богословы вообще отсутствовали.

Уже эти примеры свидетельствуют, какая неразбериха царила во время дебатов и сколь они были бесперспективны. Противоположные политические направления, представителями которых оказывались отдельные группы сторонников объединения, запутывали их и делали невозможным установление единства даже в таком узком кругу этих, казалось бы, единомышленников.

Кроме того, следует учитывать и непреодолимые внутренние противоречия между восточной и римской

---

¹ См. A. Gratieux, *Le mouvement slavophile a la veille de la révolution*, Paris, 1953, p. 74.

церквами, противоречия, которые с самого начала обрекали на провал все сколько-нибудь серьезные стремления к подлинному объединению¹. Нельзя обойти эти существенные противоречия между восточной и западной церквами, постоянно углублявшиеся с течением времени, в особенности после Тридентского собора в XVI веке и Ватиканского собора в XIX веке, их совершенно различное представление о смысле церкви. Всего этого нельзя упускать из виду наряду с политическими причинами, если мы хотим разобраться в борьбе мнений вокруг проблемы объединения церквей.

Между тем возникла русско-католическая церковь, которая развивалась очень слабо, так как сразу встретила противодействие русского народа. Хотя она и переняла от православной церкви обрядность и язык и, таким образом, внешне отличалась от нее только молитвой о здравии папы, она тем не менее нашла мало приверженцев, да и те принадлежали главным образом к среде русского дворянства. Русско-католическая церковь организовала, правда, свой собственный журнал — «Вера и жизнь», но именно этот журнал и показал ясно всю ее противоречивость.

Росло также недоверие к этому делу и царского правительства, которое уже оправилось от испуга после революции, и прежде всего недоверие полиции. Русско-католическая церковь была слишком тесно связана с римско-католической церковью в России, к которой принадлежали главным образом поляки, и уже одно это не могло не вызвать недоверия царской охранки. Несмотря на постоянные призывы папы полякам держаться лояльно по отношению к царскому правительству, их сопротивления царизму не удалось сломить. Сознание национальных и социальных интересов зачастую среди самих польских католиков было не менее сильным, чем религиозные запреты. К этому надо добавить тесные связи, устанавливаемые по прямому поручению папы, между руководящими деятелями русско-католической церкви и Шептицким, представителем украинского национализма, который отвергал не толь-

---

¹ См. J. Klein, Skandalon. Um das Wesen des Katholizismus, Tübingen, 1958, S. 288 ff.

ко царскую Россию, но и вообще связи с русским народом.

Стремление представителей православной церкви вербовать сторонников в Галиции настраивало папу против России. Он поддерживал как только мог своего любимца, митрополита Шептицкого, и униатскую церковь. Папство твердо придерживалось старой точки зрения, согласно которой униатская церковь должна проложить себе дорогу из Галиции в Россию. Шептицкий получил от папы поручение создать русско-католический патриархат, основав предварительно экзархат. Этот план держался в тайне, о нем условились папа и митрополит еще в феврале 1908 года, и Пий X придерживался его вплоть до своей смерти. Правда, в 1914 году, во время своего последнего разговора с митрополитом, папа еще раз со всей решительностью подчеркнул, что сейчас еще не пришло время для осуществления этого плана. Однако в 1914 году папа подтвердил все данные ранее митрополиту полномочия, во всяком случае, по словам митрополита, ставить под сомнение которые мы не можем: «Я подтверждаю все ваши полномочия, но сейчас еще не время ими пользоваться. Сейчас я прошу вас не делать этого. Придет время, когда эти полномочия будут необходимы и когда вы ими воспользуетесь»¹.

Война против России стучалась в дверь, и в Риме горячо надеялись на успех римской миссии в России после победоносного марша Центральных держав; эта миссия получила уже конкретные формы в планах митрополита и папы.

Трудность состояла прежде всего в том, что папство хотело примирить две разные вещи: с одной стороны, завоевать на свою сторону кое-кого из русских, приверженцев православной церкви, или украинцев, а с другой — найти пути к самой православной церкви и действовать в пользу унии всей церкви с Римом. Махинации вновь обращенных вызвали самый резкий отпор, сближение церквей не продвигалось вперед. Поэтому надо было опять начинать переговоры с обращенны-

---

¹ См. А. Szeptycky, op. cit., S. 86.

ми¹, невзирая на опасность вызвать еще большее недоверие русской православной церкви к римско-католической. К этому надо добавить, что в столыпинские времена (1907—1911) царское правительство было особенно заинтересовано в хороших отношениях с Ватиканом. На политической платформе реставрации могли объединиться обе силы — царская Россия под главенством Столыпина и папский престол. Поэтому 17 апреля 1911 года Столыпин дал свое согласие на организацию русско-католической церкви и на создание экзархата этой церкви. После революции 1905—1907 годов в Петербурге и Москве были созданы общины этой церкви. Священник Зерчанинов стал генералом-викарием русских униатов и подчинялся, правда только тайно, Шептицкому. Митрополит Галиции был, таким образом, главой этой организации. Когда же осенью 1911 года Столыпина убили, правительство аннулировало свое согласие на создание такой церкви².

Столыпин хотел вернуться к плану Льва XIII — создать в Риме самостоятельный «Colegium russicorum» для обучения русских кандидатов теологии. На этот раз инициатива исходила от царского правительства, и департамент духовных иностранных исповеданий в министерстве внутренних дел, где обсуждался этот вопрос, горячо поддержал этот план. Относительно подготовки священников папа и Столыпин были единомышленны. Создание русской духовной семинарии в Риме было задумано в первую очередь как противодействие влиянию поляков, которое было все еще очень сильным в русских католических духовных академиях. В Риме же Ватикан намеревался воспитывать священников в духе римской церкви, не делая никакого акцента на вопросе национальном. Еще Лев XIII указывал на выгоды такого воспитания для царской России: отдайте нам ваших будущих священников, мы будем их воспитывать у себя семь лет, и вы найдете в них самых надежных помощников в борьбе против социализма и революции, помощников, не поддающихся никаким влияниям, в том числе и влиянию польского национального движения. Столыпин прекрасно понимал значение такой подготов-

---

¹ См. A. Szeptycky, op. cit., S. 78

² См. A m m a n n, Abriß, S. 580

ки священников и решительно выступил за принятие этого плана¹.

Пока был жив Столыпин, русская православная церковь не решалась выступить против него. Она это сделала, как только тот был убит. Журнал духовной академии в Петербурге предостерегал против растущего влияния римско-католической церкви в России. Это влияние, писал журнал, основывается не столько на идеологической платформе, сколько на внешних формах². Правильнее было бы отметить, что в основе большого влияния католической церкви было ее активное участие в политике, например в Германии.

После смерти влиятельного защитника реставрации в царской России попытки создать русскую католическую церковь почти прекратились. Поэтому в 1912 году Шептицкий был принят в России очень нелюбезно, и полиция выдворила его. Церковь петербургской общины в 1913 году была закрыта вследствие ветхости здания. Попытки связать церковные общины в Петербурге и Москве с униатами в Холме и Подолии не удались, хотя в 1913 году наряду с журналом «Вера и жизнь» был основан еще один журнал — «Слово истины». Оба журнала, прекратившие свое существование с началом первой мировой войны в 1914 году*, отражали противоречивость, бесперспективность этих стремлений.

Чем больше обострялись отношения между империалистическими державами, тем более напряженным становилось положение в польских областях России и в Галиции, где в будущем разыгрались кровопролитные сражения миллионных армий. Поэтому австро-венгерское и русское дипломатические представительства в Петербурге, в Вене и прежде всего в Риме прилагали большие усилия, чтобы урегулировать эти на первый взгляд чисто церковные разногласия, за которыми, однако, как мы это ясно видели в случае с Шептицким, стояли далеко идущие политические интересы.

После этого важного для нашего исследования курса в проблему церковной унии в России обратимся

---

¹ См. Архив Внешней политики России, ф. II, департамент II—5, 1908, д. 60.

² См. «Церковный вестник», № 35, стр. 1079, сентябрь, 1911.

* Журнал «Слово истины» выходил до 1916 года.— *Прим. ред.*

вновь к дипломатическим отношениям между царской Россией и Ватиканом, которые мы рассматриваем на фоне международного положения.

Политический курс Льва XIII, в частности по отношению к Франции как союзнику России, оказался недейственным еще при жизни папы. Светское направление получало во Франции все большее влияние и все жертвы, на которые были готовы папа и его статс-секретарь Рамполла, были не нужны. После смерти Льва XIII в результате новой политики в Ватикане произошел разрыв с Францией. В 1906 году в помещении нунциатуры в Париже были найдены документы, свидетельствовавшие о том, что она, направляемая папским доверенным Монтанини, была центром политической борьбы клерикалов против республики. Россия, которая с большим огорчением наблюдала это растущее расхождение между Францией и Ватиканом, попыталась играть роль посредника, чтобы не допустить полного разрыва дипломатических отношений, однако безуспешно.

Пий X пытался вновь завоевать Францию духовным оружием. Так, благодаря личному вмешательству папы в начатый еще при Льве XIII процесс причисления к лику «блаженных» французской национальной героини Жанны д'Арк завершился уже в 1909 году пышными торжествами, в которых принимало участие более 30 000 французов. В своей речи по этому поводу папа подчеркнул долг католиков любить свое отечество, но тут же уточнил, имея в виду Францию, что надо любить отечество, которое находится в союзе с церковью. Причисление Жанны д'Арк к лику «блаженных» вылилось, таким образом, в клерикально-националистскую демонстрацию, которая, как и торжества по поводу пятисотлетия со дня рождения Жанны д'Арк в 1912 году, были направлены в конечном счете против французского правительства¹.

Особая цель, которую преследовал Лев XIII в установлении тесных связей с Францией, — добиться вопреки Италии суверенитета в Риме, — оказалась неосуше-

---

¹ См. Th. Schiemann, Deutschland und die große Politik im Jahre 1909, Berlin, 1910, S. 159.

ствленной в результате сближения Италии с Францией. Кроме того, Ватикан сам начал осторожно искать путей к сближению с Италией. Разумеется, это относилось в первую очередь к участию в борьбе против социализма. В выборах 1909 года в Италии католики уже активно участвовали, чтобы противодействовать растущему влиянию социализма, как не без удовольствия сообщал в Петербург русский резидент в Ватикане. Сазонов сообщал это на основании своего разговора со статс-секретарем кардиналом в феврале 1909 года¹.

С начала понтификата Пия X отношения его с Австро-Венгрией были самыми сердечными. Это в особенности относится к личным связям императора и папы — они были проникнуты самым высоким взаимным уважением и почтением. Эти отношения были перенесены и на монархию, во главе которой стоял Франц-Иосиф I. На Германию как на союзника Австро-Венгрии также распространялось папское благоволение. Пий X предлагал себя в качестве честного маклера между имперским правительством и католическим Центром. Обеспокоенный Сазонов писал о тесных немецко-ватиканских отношениях, как они сложились во времена визита рейхсканцлера Бюлова к папе и в последующее время³.

Уже во время мирового кризиса, вызванного аннексией Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией осенью 1908 года, симпатии Ватикана совершенно определенно были на стороне Центральных держав. Предубежденность по отношению к южным славянам, ко всякому национальному движению славян, которое то здесь, то там давало о себе знать, заставляло папу с самого начала резко осуждать великосербскую агитацию. Было очевидно, что Австро-Венгрия будет выступать с еще большими притязаниями на Балканах, в первую очередь на Албанию. Австро-Венгрия настаивала на своем праве установить протекторат над католиками,

---

¹ См. Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 26, л. 20. О позиции Ватикана в выборах 1904 года см. донесение 14(27) 6.1905, там же, д. 15, л. 24.

² См. донесение от 15(28).4.1908, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 23, и донесение от 20.1.(2.2).1909, там же, д. 26.

находящимися и даже ранее находившимися под властью Османской империи, и в этом ее поддерживал Ватикан.

Одним из первых действий австро-венгерского правительства в Боснии и Герцеговине после оккупации страны в 1878 году было, как мы знаем, создание римско-католической иерархии. Теперь же, после аннексии этих областей, должно было произойти объединение автокефальной сербской церкви в Боснии и Герцеговине с римской церковью. Сазонов имел по этому поводу подробный разговор в декабре 1908 года со статс-секретарем кардиналом Мерри дель Валем, поскольку этот план вызвал, конечно, большие опасения в России — она тоже претендовала на протекторат над приверженцами православной церкви на Балканах. Статс-секретарь кардинал признал, что римско-католическая иерархия в Боснии и Герцеговине поставила своей задачей добиваться унии сербской православной церкви с римской. Он успокоил русского резидента, заявив, что в настоящее время еще не сделано серьезной попытки в этом направлении. Как подчеркивал Сазонов, после этого разговора не было никакого сомнения в том, что Ватикан серьезно думает о такой церковной унии в Боснии и Герцеговине и постарается ее осуществить, как только подвернется благоприятный для этого случай; несомненно, что Ватикан найдет поддержку в вопросе об унии со стороны австро-венгерского правительства¹.

Перед лицом возникающих в результате этой аннексии противоречий между Австро-Венгрией и Россией Ватикан совершенно открыто поддерживал австро-венгерскую монархию². Уже в августе 1908 года Брокдорф-Ранцау, немецкий поверенный в делах в Вене, сообщал, что в аннексии Боснии и Герцеговины заинтересованы прежде всего католическая церковь в Австро-Венгрии и военщина³. Он имел в виду сторонников наследника престола эрцгерцога Франца-Фердинанда,

---

¹ См. Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 23.

² По вопросу о кризисе в связи с аннексией см.: W. M. Carl-gren, Iswolsky und Aehrenthal vor der bosnischen Annexionskrise, Uppsala, 1955.

³ «Die große Politik der europäischen Kabinette 1871—1914». Bd. 26, T. 1, Berlin, 1925, S. 21.

чья жена, как и он сам, поддерживала тесные связи с папой Пием X. Немецкий дипломат забыл, что фактически решающим фактором в этой политике был германский и австро-венгерский империализм. Здесь интересы Ватикана столкнулись с интересами России, и таким образом все более крепнущая связь Ватикана с Центральными державами после аннексии Боснии и Герцеговины становится понятней.

Царская Россия, несмотря на пристрастие папства к Австро-Венгрии, тем более была заинтересована в сохранении своих позиций в Ватикане. Это относилось прежде всего к Столыпину. Разумеется, русским резидентам в Ватикане было нелегко выполнять его указания. Все большее сближение Ватикана с Австро-Венгрией и Германией, начиная с кризиса 1908 года, было явным и неотвратимым. Пий X употребил все свое влияние, чтобы добиться от немецкой католической партии Центра поддержки имперскому правительству. Борьба между Бюловом и партией Центра была для папы «в высшей степени неприятной», он хотел бы, чтобы партия Центра принимала участие в правительстве вильгельмовской Германии¹. Растущее влияние немцев в Ватикане вызывало тревогу находившихся там русских дипломатов. Избрание в 1906 году Ф. Вернца генералом ордена иезуитов рассматривалось тоже как победа немцев в Ватикане². Русский резидент оценивал визит германского рейхсканцлера Бетман-Гольвега весной 1910 года как важное событие в истории германо-ватиканских отношений. А после того как партия Центра оказала полную поддержку имперскому правительству, гармония между вильгельмовской Германией и Ватиканом стала полной³.

Сближение между вильгельмовской Германией и Ватиканом вызывало большое недовольство русских дипломатов в Риме. Князь Волконский в сентябре 1911 года подчеркивал, что отношения Ватикана с Центральными державами становятся все более сердечны-

---

¹ См. донесение Сазонова от 2.2.1909, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 26

² См. донесение Шиллинга Извольскому от сентября 1906, там же, д. 17.

³ См. донесение Булацеля Извольскому от 29.3.1910, там же, д. 27.

ми, а отношения между Россией и Ватиканом ухудшаются¹. В конце 1911 года резидент Булацель сетовал по поводу ухудшения русско-ватиканских отношений в течение всего 1911 года². Он объяснял это обострением французско-ватиканских отношений и сближением Италии и Франции.

По мнению австро-венгерских дипломатов, главная причина ухудшения русско-ватиканских отношений — неразрешенный польский вопрос. Это ясно видно из докладов австро-венгерских послов в Ватикане, очень заинтересованных в ослаблении русского влияния в Ватикане. Ватикан не в состоянии был до такой степени подчинить своему влиянию поляков, чтобы они забыли о самоопределении своего народа. Национальные революционные настроения нельзя было заглушить прежде всего у низшего духовенства, да и все польское духовенство страдало от недоверия царской бюрократии. Царская бюрократия с трудом могла разобрать, кто из поляков в католической церкви был лоялен, а кто непримирим, и поэтому нападала на католическую церковь в целом. Такое нередко насильственное вмешательство было предметом донесений в Рим, в особенности со стороны соседних австрийских консервативно настроенных поляков, самым тесным образом связанных с австро-венгерской монархией. Австро-венгерские власти всегда деятельно помогали им в этом, как ясно видно из донесений австро-венгерских послов в Ватикане³.

Епископ Кракова князь Сапега с особой готовностью сообщал в Ватикан о трудном положении римско-католической церкви в России, в частности в польских ее областях. Сапега обращался непосредственно к папе, и его доклады настолько выдавали его намерения, что даже австро-венгерский посол в Ватикане не мог присоединиться к пессимистическим предсказаниям епископа об отношениях царского правительства и римско-католической церкви.

---

¹ См. донесение от 12.9.1911, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 30.

² Там же.

³ См. донесение от 26.12.1911, HHStA, Рим, 1911.

С другой стороны, русский резидент в Ватикане Булацель жаловался австро-венгерскому послу, который, как он знал, пользуется благосклонностью папы, на свое затруднительное положение. Он подчеркивал, что русское правительство вовсе не держится за вопросы догматики в своих отношениях с римско-католической церковью, но Россия всегда будет заботиться о том, чтобы суверенные права империи не были нарушены¹. Именно здесь и было уязвимое место. Стремление польского народа к самоопределению нельзя было подавить никаким нравственным влиянием Ватикана. Царская бюрократия видела уже в самой поддержке права на самоопределение грубое нарушение суверенных прав Российской империи. Польская буржуазия и шляхетство тут ничего не могли добиться, несмотря на то, что польские помещики и крупная буржуазия из страха перед революционным пролетариатом, а также ради своих экономических интересов все более искали сближения с царизмом.

В этой связи следует отметить тот факт, что Совещание Центрального Комитета большевиков с партийными работниками в Поронино, близ Кракова, проходившее под руководством Ленина, приняло резолюцию о признании права народов России на национальное самоопределение, вплоть до отделения². В этом постановлении, очень смелом и последовательном, дали о себе знать силы, которым принадлежало будущее.

Итак, русско-ватиканские отношения не по непосредственной вине Ватикана, а именно из-за польского вопроса зашли в тупик. Поговаривали даже снова о разрыве отношений. В одной петербургской газете в

---

¹ См. донесение австро-венгерского посла от 5.6.1912, HHStA, Рим, 1911.

² В резолюции по национальному вопросу, принятой Совещанием, говорится: «...что касается до права угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т. е. на отделение и образование самостоятельного государства, то с.-д. партия безусловно должна отстаивать это право...» И далее говорится, что вопрос о праве на самоопределение «непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм» (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов», ч. I, стр. 315—316, М., 1954).

1912 году даже появилось такое сообщение¹. Но страх испортить этим еще больше дела с поляками вынудил царское правительство не идти на разрыв дипломатических отношений с Ватиканом (на что рассчитывали такие деятели, как кардинал Сапега), направившему царскому правительству два меморандума — жалобы на положение римско-католической церкви в России.

Сазонов же доказывал Николаю II необходимость поддерживать хорошие отношения с Ватиканом: «Ввиду возможности столкновения между Россией и Австро-Венгрией,— писал Сазонов,— поляки при услужливой помощи со стороны последней стали готовиться к тому, чтобы пополнять ряды австрийских войск, создать нам одновременно новые затруднения поднятием мятежа в наших польских губерниях в случае, если бы возгорелась война»². Разрыв отношений пошел бы на пользу польским феодально-клерикальным кругам в Австрии и самой Австро-Венгерской монархии.

Утешительно для царской бюрократии звучали слова Волконского, который, объясняя Сазонову запрещение демократической католической организации «Сийон» во Франции, счел это выражением господствующего в Ватикане консерватизма. Это могло вызвать только самое большое сочувствие правителей царской России³.

Эти слова относятся прежде всего к Столыпину, который тогда еще был жив. Но они были рассчитаны также и на Николая II и на Сазонова. Сазонов во время своей деятельности в Риме не сумел вызвать симпатии Ватикана. Упорство, с которым он отстаивал позиции русского правительства, очень раздражало статс-секретаря кардинала, как сообщал последний⁴.

Однако Сазонов, так же как и Извольский, был убежден, что хорошие отношения с Ватиканом имеют большое значение для России как с точки зрения внешней, так и внутренней политики. Союз между двумя самыми

---

¹ См. доклад Пальфи от 10.9.1912, HHStA, Vatikan, 1912.

² См. Е. А. Адамов, Константинополь и Проливы, т. I, М., 1925, стр. 70.

³ См. Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 27, л. 117, доклад от 17(30).8.1910 министру иностранных дел Сазонову.

⁴ См. его отчет от 22.6.1909, HHStA, Vatikan.

консервативными державами Европы ни в коем случае не должен был распасться. Поэтому в министерстве иностранных дел в Петербурге с удовлетворением отметили, что папа Пий X направил Николаю II в день трехсотлетия дома Романовых сердечное поздравление¹. Папы, и в особенности Пий X, всегда ратовали за самое строгое соблюдение монархистско-легитимистских принципов. Россия надеялась, что Ватикан займет по крайней мере нейтральную позицию на Балканах. Через Балканы на Багдад протянулась стрелка империалистических устремлений Германии, но она угрожала главному направлению и русского империализма, обращенному к Проливам и Балканам. В 1910 году Сазонов все это очень ясно высказал Вильгельму II. Россию чрезвычайно беспокоил новый, «берлинский халифат», протекторат над Турцией и над миром ислама уже потому даже, что 20 миллионов населения России исповедовали ислам².

Еще в 1909 году заместитель русского резидента в Ватикане Шиллинг сообщал в Петербург об усилиях Австро-Венгрии получить протекторат над католической церковью в Албании. Учитывая, что церковные и политические интересы были сильно переплетены, это означало бы колоссальное усиление политического влияния Австро-Венгрии на Албанию³. Когда летом 1913 года албанский епископ был в Риме и шла речь о переговорах по поводу австро-венгерского протектората в Албании, который хотели распространить по меньшей мере до реки Шкумби, русский резидент Нелидов имел по этому поводу беседу со статс-секретарем кардиналом. Вначале статс-секретарь сказал, что сообщение газет о протекторате ложное. Нелидов сообщал далее, что из беседы со статс-секретарем кардиналом у него сложилось впечатление, что протекторат будет отдан той державе, на стороне которой окажется преимущественное политическое влияние⁴.

---

¹ См. депешу Нелидова Сазонову о позиции папы по отношению к царскому двору в связи с юбилеем дома Романовых в 1913 году, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 34.

² См. «Красный архив», т. 3 (1923), стр. 5—6.

³ См. Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 26.

⁴ См. донесение Нелидова Сазонову от 17.6.1913, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 34.

Как в действительности относился к этому вопросу Ватикан, ясно видно из разговора кардинала Алиарди с австро-венгерским посланником при папском престоле в августе 1913 года: «Во что бы то ни стало сохраните протекторат в Албании, это жемчужина в короне вашего императора и счастье для католической церкви, которой он принес бесконечно много пользы»¹. Кардинал Алиарди сам приложил много усилий, чтобы сохранить и расширить австро-венгерский протекторат в Албании. Правда, из-за этого протектората Австро-Венгрия оказалась в конфликте с Италией, которая также была очень заинтересована в стране, лежащей по другую сторону Адриатического моря. В итало-турецкой войне Ватикан активно поддерживал империалистические интересы Италии в Северной Африке, хотя внешне сохранял нейтралитет, в Албании же он вовсе не был склонен поддерживать Италию. В данном случае права Австро-Венгрии как защитницы римско-католической церкви на территории Османской империи не должны были быть ущемлены на Балканах.

В то время как для России в вопросе об унии церквей на первый план выдвигался вопрос о самостоятельности литургии, Ватикан при Пие X развернул на Балканах и на Ближнем Востоке агитацию за вступление в католическую церковь. Движение за унию церквей с сохранением национальной литургии должно было служить лишь приманкой. В действительности для Пия X католическая церковь была и оставалась церковью-метрополией, к которой следовало присоединиться и на которую следовало равняться. Осуществляя эту политику, папа решительно выступал за ограничение церковнославянской литургии и против употребления требника не на латинском языке, а на глаголице у южных славян в Австро-Венгерской монархии, что отвечало интересам господствующих там кругов². От русских представителей при папском престоле не укрылось лицемерие папы: с одной стороны, он признавал правомерность литургии

---

¹ Österreich-Ungarns Außenpolitik von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914, Bd. VII, Wien — Leipzig, 1930, S. 139 ff.

² См. донесение Нарышкина от 3.5.1905 и Сазонова от 22.1.1907, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 15 и 19.

восточной церкви, а с другой, там, где она уже существовала, — ее запрещали.

На Балканах большую роль играли прежде всего Сербия и югославское национальное движение. В Сербии Россия добилась больших успехов. Русский посол в Белграде Гартвиг принадлежал к кружку Аксакова и был членом президиума Славянского благотворительного общества, поставившего перед собой задачу всячески поддерживать среди славянских народов православную церковь как связующее звено с царской Россией. Приверженцы православной церкви в Австро-Венгрии, в частности в Боснии и Герцеговине, были в числе стипендиатов этого общества. Австро-венгерский поверенный в делах в Петербурге с неудовольствием сообщал 31 декабря 1913 года, что в России разрешено собирать деньги на постройку церквей в Боснии¹. С другой стороны, русский генеральный консул в Будапеште также с неудовольствием сообщал о деятельности сараевского архиепископа Штадлера в пользу так называемого триализма с великохорватским уклоном². Естественно, что оба правительства видели в этом лишь симптомы, а не страстное стремление народов к самостоятельному развитию³.

Россия с недоверием следила за переговорами в Ватикане о конкордате с Сербией, ибо уже осенью 1913 года Нелидов сообщал из Рима, что цель Ватикана — под предлогом отмены протектората Австро-Венгрии оказать идейное влияние на Сербию и связать ей руки в отношении Австро-Венгрии⁴. Русская дипломатия и далее чрезвычайно интересовалась сербским конкордатом. Нелидов после длительных бесед с Весничем, доверенным лицом сербского премьер-министра Пашича,

---

¹ См. HHStA, Rußland, 1913.

² См. сообщение Муравьева-Апостола от 8.2.1908, Архив Внешней политики России, Политархив, д. 582, ч. I, и там же, Канцелярия, 1908—1909, д. 210, со сноской на Хорватский дневник от 9.7.1908.

³ См. очень хорошую статью на эту тему Ю. А. Писарева «Реакционная роль католицизма в освободительном движении южнославянских народов Австро-Венгрии в 1905—1914 годах», «Вопросы истории религии и атеизма», т. 7, 1959, стр. 128—149.

⁴ См. донесение Нелидова Сазонову от 23.9.1913, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 34.

и с Пачелли, честолюбивым дипломатом курии, убедился, что за переговорами о сербском конкордате скрывается заговор Ватикана против России*.

23 июня 1914 года, то есть накануне первой мировой войны, секретарь конгрегации по чрезвычайным церковным делам Пачелли от имени Ватикана подписал конкордат с Сербией¹. Ватиканские круги справедливо считали конкордат лишь шахматным ходом Сербии, принятым ею с целью освободиться от влияния Австро-Венгрии. Однако Ватикан все же заключил конкордат, надеясь таким путем создать благоприятную правовую основу для укрепления римско-католической церкви в Сербии. Стремление Сербии парализовать влияние римско-католической церкви среди сербов и хорватов, проживающих в Австро-Венгерской монархии, римская курия благодаря этому конкордату пыталась ослабить: Сербия стала теперь партнером Ватикана и должна была с ним считаться. Об истинных намерениях Ватикана статс-секретарь кардинал сообщал 15 января 1914 года прусскому послу при папском престоле, который интересовался заключением конкордата с Сербией в связи с сообщением о начале официальных переговоров: «Сербы знать ничего не хотели о протекторате Австро-Венгрии в Сербии. Собирается ли Австро-Венгрия бороться за свои мнимые притязания штыками? Это тем более приведет сербов в объятия России, в то время как именно римская курия, как только она получит прочные основания для руководства сербами-католиками, была бы в состоянии великодушно протянуть руку помощи Австро-Венгрии, защитив ее от грозящей ей изнутри и снаружи опасности сербского национализма». Таким образом, статс-секретарь открыто назвал тактический мотив, ради которого был заключен конкордат с Сербией. В конечном счете он должен был послужить на пользу Австро-Венгрии, так как помогал парализовать активность Сербии. Использование церковных установлений

---

* Царская дипломатия накануне первой мировой войны не возражала против заключения конкордата Сербией, так как конкордат освободил бы ее от австрийского протектората. Австро-венгерская дипломатия, напротив, всячески препятствовала заключению конкордата.— *Прим. ред.*

¹ См. F. v. L a m a, *Papst und Kurie in ihrer Politik nach dem Weltkrieg*, Illertissen, 1925, S. 336.

для политических целей становится совершенно очевидным. Вопрос о пользовании сербским языком во время богослужений в римско-католической церкви в Сербии остался нерешенным. В этом вопросе Ватикан в соответствии с мнением папы Пия X и интересами Австро-Венгрии ни за что не хотел идти на уступки.

Еще яснее, таким образом, вырисовывается позиция Ватикана в отношении противостоящих друг другу блоков империалистических держав, противоречия между которыми все больше обострялись. В доверительном разговоре между принцем Шёнбургом и статс-секретарем кардиналом яснее всего определились интересы Австро-Венгрии и Ватикана на Балканах — речь шла об их совместной поддержке движения за объединение церквей в Болгарии¹. Ничто столь ясно не свидетельствует о политической односторонности статс-секретаря кардинала, за которым в конечном счете стоял папа, чем доклад об этой беседе. В нем открыто говорится о значении Болгарии как союзника Австро-Венгрии и Германии в предстоящем военном столкновении и об общих интересах Ватикана и Австро-Венгрии.

В беседе с католическим историком церкви Л. Пастором, который близко стоял к Пию X, так как был сторонником строго католических интегралистских взглядов, папа сказал, согласно записи Пастора от 12 декабря 1913 года, что Россия — самый большой враг церкви; другим славянским народам тоже-де нельзя доверять². Пастор пытался возразить, сказав, что Австро-Венгрия удерживает славян от союза с Россией своей политикой благоприятствования, почти всегда лишь кажущегося, славянским народам, чтобы избежать славянской *Irredenta*. Здесь Пий X показал себя большим австрийцем, чем сама Австрия. В своем дневнике Пастор подводит итог этого разговора: «Сомневаюсь, убедил ли я папу; он еще раз подчеркнул, что очень опасается, как бы все славяне не перешли к России». Папа беспокоился о монархии Габсбургов больше, чем сам император, на податливость которого Пий X сетовал Пастору³.

¹ См. строго доверительный доклад Шёнбурга о беседе в Ватикане от 20.11.1913, HHStA, Vatikan, 1913.

² См. L. Pastor, Tagebücher — Briefe — Erinnerungen, hg. von W. Wühr, Heidelberg, 1950, S. 584.

³ См. *ibid*, запись от 12.2.1914, S. 593

29 июня 1914 года эрцгерцог наследник престола Франц-Фердинанд и его супруга пали жертвой сербских заговорщиков. В конце июля был предъявлен неприемлемый для сербов австро-венгерский ультиматум. Смерть эрцгерцога Франца-Фердинанда была большой потерей для Ватикана, и в особенности для Пия X, так как эрцгерцог и его жена, герцогиня фон Гогенберг, были наиболее последовательными сторонниками католического интегрализма в Австро-Венгрии. Естественно, что в Ватикане были очень взволнованы убийством эрцгерцога и его жены.

Австро-венгерский поверенный в делах при папском престоле граф Пальфи сообщал об этом 29 июля 1914 года, и это сообщение и поныне привлекает самое пристальное внимание¹. В ватиканских кругах, и прежде всего сам папа, рассматривали демарш против Сербии с точки зрения конфессиональной, как сведение счетов с церковным расколом. Сербский народ, писал далес Пальфи, культурному и экономическому развитию которого способствовала русская церковь, занимает столь прочное положение среди балканских народов, что католицизм, несмотря на все его усилия, не может противостоять ему. Возвращение приверженцев православной церкви сербской и румынской национальности в лоно римской церкви количественно на Балканах так незначительно, что едва ли заслуживает упоминания. Пальфи считает лишены всякого основания утверждения газеты «Италия», будто австро-венгерский ультиматум Сербии — реванш за конкордат, заключенный незадолго до того курией с Сербией.

Пальфи пишет далее: «Ознакомившись с этими комбинациями прессы, небезынтересно узнать, что действительно думает курия. Когда я два дня назад посетил статс-секретаря кардинала, он, разумеется, тотчас же перевел разговор на великие проблемы... я не уловил в тоне и замечаниях его преосвященства особой мягкости и готовности к примирению. Ноту, направленную Сербии, которую он характеризовал как чрезвычайно рез-

---

¹ См. ННStA, Vatikan, 1914; опубликовано в «Österreich-Ungarns Außenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914», Bd. VIII, Wien — Leipzig, 1930, № 10993.

кую, он тем не менее безоговорочно одобрил и при этом косвенно выразил надежду на то, что монархия выдержит до конца. Конечно, полагает кардинал, жаль, что Сербия не была «урезана» значительно раньше, так как тогда это, вероятно, прошло бы без таких непредвиденных случайностей, какие возможны сегодня». Это высказывание совпадает с образом мыслей папы; в течение последних лет его святейшество неоднократно высказывал сожаление по поводу того, что Австро-Венгрия упустила возможность наказать своего опасного соседа на Дунае.

Какое колоссальное впечатление на императора Франца-Иосифа I должен был произвести этот доклад об истинных настроениях в Ватикане на пороге первой мировой войны! Австрийский поверенный в делах при папском престоле, верующий католик Пальфи, понимает, сам тут же усомнился в том, что папе могли принадлежать столь ужасные слова, и попытался объяснить их: «Спрашиваешь себя, возможно ли, чтобы католическая церковь, руководимая папой, пропагандирующим истинно апостольские идеи, оказалась столь воинственной? Ответ очень прост. Папа и курия видят в Сербии разъедающий недуг, который постепенно добирается до жизненного центра монархии и со временем разрушит ее. Австро-Венгрия была и должна остаться, несмотря на эксперименты в других направлениях, которые предпринимала за последние десятилетия курия [русско-французский союз]... самым мощным бастионом веры, еще сохранившимся у христовой церкви в наше время». Пальфи делает в заключение следующий вывод: «Рассматривая события в этом свете, очень легко перебросить мост между апостолическим образом мыслей и воинственным духом».

В Ватикане, конечно, сразу поняли, что этот интересный доклад, проливающий свет на ситуацию непосредственно накануне войны, сильно повредит Ватикану в глазах мирового общественного мнения, в особенности накануне смерти папы. Поэтому 20 августа 1914 года, то есть уже в день смерти Пия X, Ватикан опроверг его как тенденциозный: слишком ясно была показана в нем пристрастность курии и вина Ватикана в развязывании войны. Мерри дель Валь, опубликовав в 1936 году свои личные записи об этом разговоре с Пальфи, а также

свои мемуары о Пии X в 1939 году¹, попытался распространить и в кругах Ватикана изобретенную им лично легенду о папе Пии X — миротворце; начало войны разбило-де ему сердце.

Однако телеграмма баварского посланника в Ватикане фон Риттера от 24 июля 1914 года говорит о том же, что и доклад австрийского поверенного Пальфи. Баварский посланник тоже подчеркивает, что папа одобрил резкий демарш Австро-Венгрии против Сербии. Французская и русская армии немногого стоят, Ватикан опасался лишь, выдержит ли на этот раз Австро-Венгрия. Австро-Венгрии угрожают славяне. «Это свидетельствует, — заключает Риттер, — также и о большом страхе курии перед панславизмом»². Исправление, которое он внес 5 мая 1919 года, лишь подтверждает его доклад. Он пишет другими словами то же самое, что сказал Пальфи.

Русский поверенный в делах Бок также сообщал Сазонову, что господствующее настроение в Ватикане — ненависть к Сербии из-за убийства эрцгерцога, наследника престола, и его жены, герцогини Гогенберг, которая была особенно близка сердцу папы и на которую он возлагал большие надежды. В Австро-Венгрии папа видит оплот католицизма и потому стоит на ее стороне³.

Во Франции папа видел «дьявольское триединство» франкмасонства, демократии и модернизма, немецкую же военную машину он рассматривал как орудие господне, призванное покарать эту падшую и одряхлевшую дочь церкви. Благодаря отходу Италии от союза с Центральными державами, что обнаружилось уже в августе 1914 года, стало возможным в случае их победы разрешить римский вопрос в желательном для папства духе. Это в немалой степени определяло настроение в Ватикане в августе 1914 года⁴.

¹ London, 1939, p. 71; см. также: Seppelt, Papstgeschichte, S. 373.

² См. «Bayrische Dokumente zum Kriegsausbruch und zum Versailler Schuldspruch», 3 Aufl. München — Berlin, 1925, S. 206.

³ См. донесение от 1(14).7.1914, Архив Внешней политики России, Канцелярия, 1914, д. 178.

⁴ См. C. Sforza, Contemporary Italy, New York, 1944, p. 105; M. Moos, Don Luigi Sturzo — christian demokrat, «The American Political Science Review», April, 1945, p. 285.

В этой связи интересно отметить, что до этих событий итальянское правительство с большим недоверием относилось к предстоявшему вступлению на престол эрцгерцога, наследника трона Франца-Фердинанда, «так как опасалось, что влияние герцогини фон Гогенберг, поддерживающей тесные связи с клерикальными кругами, со временем будет на руку Ватикану»¹.

При всей односторонности папы в Ватикане было достаточно осторожных людей, выступавших против односторонней ориентации без гарантии победы, — в Ватикане скрещивались слишком разнообразные интересы; это проявилось и тогда, когда вспыхнула мировая война. Австро-венгерский посол в Ватикане, принц Шёнбург, доверительно сообщал в Вену уже 30 января 1913 года², что избрание Пуанкаре президентом Французской республики расценивается положительно влиятельными кругами Ватикана. Пуанкаре пользовался симпатией консервативных националистических кругов Франции. Люди, посвященные в политические отношения Франции, считали выборы Пуанкаре победой франко-славянского содружества, которое будет иметь большое значение, принимая во внимание приближающуюся опасность для дела мира в Европе, писал Шёнбург.

Видимо, Шёнбург получил из Вены поручение следить за этими опасными для Австро-Венгрии настроениями. На Балльхаузплац в Вене интересовались прежде всего тем, следует ли опасаться поворота ватиканской дипломатии и возвращения к курсу Льва XIII и Рамполлы. В подробном ответе, датированном 8 мая, Шёнбург совершенно определенно заявил, что «не может быть и речи о тенденции к возвращению к политике Льва XIII». Политическая программа Льва XIII основывалась на стремлении завоевать Францию на свою сторону, во-первых, чтобы совсем не потерять ее, и, во-вторых, потому, что Франция нужна была как союзник России, чтобы помочь осуществить излюбленную идею Льва XIII о церковной унии. Шёнбург должен был к этому добавить: все это предпринималось ради того, чтобы добиться суверенитета в Италии и захватить духовное господство над миром. Пий X, видимо, не очень-

¹ См. доклад графа Гуттен-Чапского рейхсканцлеру от 1.5.1913, в: *Hutten-Czapski, 60 Jahre, Bd. II, S. 110.*

² См. *HNStA, Vatikan, 1913.*

то высоко оценивал эту любимую идею Льва XIII, так же как и церковную унию в России; во всяком случае, отношения с Россией, как полагал Шёнбург, в то время были так плохи, что хуже уже быть не может. Правда, это будет длиться, очевидно, лишь до тех пор, пока будет жив Пий X. Французские католики под главенством кардинала Аметт из Реймса, «политически мыслящего человека», как именовал его Шёнбург, искали возможности сближения между Ватиканом и Францией, однако Пий X в этом не участвовал. «Не хочу отрицать,— продолжал Шёнбург,— что здесь, в центре Рима, имеются люди духовного звания, которым хочется играть роль в большой политике».

В этой связи Шёнбург называл монсеньера Бенини, который, правда, к концу понтификата Пия X перестал пользоваться большим влиянием, хотя вначале и был доверенным папы в делах, касающихся интегрализма. В новом свете выступает связь Бенини со Свечиным. О собственно французофильской партии в Ватикане, возглавляемой кардиналом Рамполлой и его учениками, такими, как делла Кьеца, можно лишь сказать, что она и после смерти Рамполлы была сильна, хотя австро-венгерский посол в Ватикане и не считал эту группу влиятельной поскольку папа оттеснил ее своим авторитетом. Посол говорил: «До тех пор пока правит Пий X, Рамполла не придет. Враждебная Италии позиция, какой она была в Ватикане при Рамполле, теперь совсем не ощущается».

Эта картина расстановки сил, действующих в Ватикане, представленная хорошо информированным человеком, заслуживает большого внимания, хоть он и недооценивает силы, противостоящие Центральным державам. Это отчетливо показал конклав.

Во всяком случае, ясно, что отношения между Ватиканом и Россией, о которых мы знаем из донесений русских резидентов в Ватикане, начиная с 1911 года постоянно ухудшались и в 1913 году казалось, что они будут прерваны совсем. Беседа Нелидова с папой Пием X в 1914 году закончилась открытой размолвкой; папа заявил тогда, что русское правительство всегда обманывало католическую церковь и постоянно нарушало свои обещания. Нелидов более не показывался в Ватикане, после того как папа не захотел выслушать

его возражения¹. В лице Бока Нелидов обрел помощника, который поддерживал его и после смерти Пия X².

Сколь недружелюбным было отношение папской курии к России накануне первой мировой войны, показывает отказ нунция в Мюнхене защищать русские интересы в момент начала войны. Австро-венгерский посол при папском престоле характеризует эту попытку русского посла в Мюнхене Булацеля, бывшего прежде резидентом в Ватикане, просить папский престол защитить интересы русских граждан как курьез. Видимо, за этим стояла демонстрация, рассчитанная на польских католиков в России. Для них надо было создать впечатление, будто между Ватиканом и царской Россией существует тесная связь³.

Ясно, что в папской курии к моменту смерти Пия X господствовало отнюдь не дружественное России настроение. Разумеется, политика Ватикана не была направлена против самодержавия. В Риме боялись не царя, а революционной России. В Ватикане считали, что России, вступившей в войну, грозит революция, а поэтому она представляет собой опасность для буржуазного порядка во всем мире. Нам известна точка зрения Ватикана на русскую революцию 1905 года. Ватикан полагал, что русская православная церковь не станет препятствием для начала революции в России. Наоборот, по мнению Ватикана, православная схизма и революционное сознание были взаимосвязаны. Конечно, это не соответствовало действительности, мы уже хорошо знаем реставраторское рвение, с каким церковь защищалась от революции. По мнению Пия X, и протестантизм был выражением революционного духа, как он писал уже в 1910 году в своей «борромеевой энциклике».

Центральные державы, напротив, рассматривались этими кругами Ватикана в качестве держав порядка,

---

¹ См. F. v. L a m a, *Papst und Kurie in ihrer Politik nach dem Weltkrieg*, Illertissen, 1925, S. 362.

² См. Из записной книжки архивиста. Самодержавие и Ватикан накануне империалистической войны, «Красный архив», т. IV—V (47—48), М., 1931.

³ См. донесение австро-венгерского посла от 14.8.1914, HHStA, Vatikan, 1914.

поддерживающих католицизм. Это в особенности относилось к Австро-Венгрии, на которую Ватикан возлагал далеко идущие надежды в столкновениях с славянскими народами, принадлежавшими к православной церкви. Австро-Венгрия, и в первую очередь император Франц-Иосиф I, очень ценила это отношение папы. Франц-Иосиф I воспринял смерть Пия X как тяжелую утрату, это видно из телеграммы императора папской курии с выражением соболезнования и из выступления австро-венгерского посла, князя Шёнбурга-Гартенштейн на коллегии кардиналов с выражением соболезнования¹.

---

¹ См. J. Schmidlin, Papstgeschichte, Bd. 3, S. 107.

Глава XVIII

ПАПА БЕНЕДИКТ XV И ПОСЛЕДНИЙ РОМАНОВ

Центральные державы были поэтому особенно заинтересованы в том, чтобы новый папа следовал старой политике. Русский посланник в Квиринале Крупенский сообщал ко времени созыва конклава для избрания нового папы о воззвании на латинском языке, которое немцы направили всем кардиналам. В этом воззвании подчеркивалось, что победа России будет означать поражение католицизма и насильственное обращение в православие галичан и познанцев. Это было направлено также и против союзников России, Франции и Англии, то есть против Антанты¹. Историк Х. Джонсон² пишет, как боялись в ватиканских кругах в 1914 году возможной победы России.

Обращение немцев предназначалось в первую очередь итальянским кардиналам, которые на выборах папы составляли значительное большинство. Этим и объясняется в большей степени то, что конклав лишь после 16-го тура высказался за избрание делла Къезы, который принял имя Бенедикта XV. Кандидатами на папский трон в конклаве со стороны Антанты были кардиналы Маффи и Феррата. Феррата в бытность свою нунцием в Париже приложил много сил для осуществления русско-французского союза, во всяком случае, он делал для этого все что мог. Кандидатами Центральных держав были кардиналы де Лаи и Мерри дель Валь, награжденные высшими австрийскими орденами. Одна-

---

¹ См. донесение от 1(14).9.1914, Архив Внешней политики России, Канцелярия, 1914, д. 33, л. 21.

² См. H. Johnson, *Vatikan diplomacy in the World War*, Oxford, 1933, p. 9.

ко ни один из этих кандидатов не получил нужных двух третей голосов. Делла Кьеза был избран, видимо, в результате компромисса. Однако неверно было бы считать его кандидатом тех, кто выступал за посредничество, поскольку он, так же как и Феррата, принадлежал к школе Рамполлы и только в мае 1914 года, после смерти Рамполлы, был возведен Пием X в кардиналы; папа боялся клики Рамполлы и не хотел укреплять ее при жизни бывшего статс-секретаря кардинала. Своим избранием делла Кьеза был обязан в конечном счете широко известным дипломатическим способностям, которые так нужны были руководителю церкви в опасные времена мировой войны. То обстоятельство, что он считался сторонником Антанты, помогло ему в глазах итальянцев, от которых зависело решение конклава; под впечатлением битвы на Марне итальянцы тоже стали склоняться к тому, что победит Антанта.

Школа Рамполлы, *rampolli di Rampolla*, «отпрыски Рамполлы», как острили в Риме, доказала таким образом в конклаве, что она вовсе не сгнула, как полагал австро-венгерский посол, говоря об этом в своих донесениях. Делла Кьеза был даже, как в один голос заявляют в своих книгах (вообще мало согласные между собой в оценках) австрийские историки Зиккель и Пастор, одним из самых решительных проводников курса Льва XIII в том, что касается тесных связей с Францией. Оба историка изображают делла Кьезу как прирожденного дипломата и непримиримого противника Централных держав¹. В 1901 году он стал помощником статс-секретаря Рамполлы вместо предназначенного Львом XIII на эту должность, но внезапно скончавшегося Тарнасси; этот пост делла Кьеза занимал до 1907 года; в 1907 году он стал архиепископом Болоньи. Его отъезд из Рима свидетельствует, что он отошел от активного участия в политике Ватикана. Немецкий прелат П. М. Баумгартен, камергер папы, знавший обстановку в Ватикане во всех подробностях, рассказывал, каким фанатическим последователем Рамполлы был делла Кьеза. Став папой, он отказался, например, принять Баумгартена, так как слышал, что тот писал против

---

¹ См., например, Th. v. Sickel, *Römische Erinnerungen*, Wien, 1947, S. 115.

Рамполлы. Лишь после того, как немецкий доверенный Бенедикта XV Герлах установил, что Баумгартен писал только о том, что Рамполла ему не содействовал, папа принял Баумгартена¹. Этот маленький эпизод ярко характеризует истинные взгляды делла Къезы.

Вначале Центральные державы пытались затушевать поражение, понесенное ими на конклаве. 7 сентября 1914 года Шёнбург сообщал в Вену: «Папа Бенедикт XV — друг немецкого порядка и поэтому настроен дружественно к немцам»². Посланник Шверина в Берлине сообщал из столицы: «Избрание папы воспринято здесь с удовлетворением. Избранник был кандидатом германских и австрийских кардиналов»³. Назначение кардинала Ферраты, официального кандидата Антанты в конклаве, статс-секретарем кардиналом позволило предположить, каким будет курс нового папы. Уже 23 сентября 1914 года австро-венгерский посол отправил доклад под названием «Новый режим в Ватикане и Франция», в котором он писал о перспективах примирения между двумя державами. Австро-венгерский посол трактовал слова симпатии по адресу кардинала Аметт как выражение симпатии папы к Франции. Это подтверждалось также и тем, что слова эти, опубликованные в печати, не вызвали опровержений в Риме.

Австро-венгерский посол при папском престоле все никак не хотел признать изменения курса Ватикана. Он сообщал о том, что один из высших прелатов папской курии, взгляды которого он считал типичными для Ватикана, будто бы заявил: «В Ватикане нет на сегодняшний день никого, кто бы не симпатизировал Австро-Венгрии». Одновременно он сам, однако, предостерегал от того, чтобы Ватикану было высказано требование заявить это публично, в первую очередь сделать заявление о преследованиях униатской церкви в Галиции со стороны царской военной администрации. «В Ватикане очень хорошо знают и, конечно, не забудут, какой вред нанесен там русской стороной католицизму»⁴.

---

¹ См. P. M. Baumgarten, *Römische und andere Erinnerungen*, Düsseldorf, 1927, S. 385.

² См. HHStA, Vatikan, 1914.

³ Донесение от 4.9.1914, LHA, Schwerin, *Gesandtschaft in Berlin*, *Politische Berichte*, 1914.

⁴ См. HHStA, Vatikan, 1914.

Исходя из этой точки зрения, австро-венгерский посол в Ватикане мог расценивать смерть статс-секретаря кардинала Ферраты как потерю и назначение Гаспарри его преемником как приобретение для Австрии и Германии¹. Не надо давать вводить себя в заблуждение тем, что французские кардиналы громогласно провозгласили обоих своими сторонниками. Феррата был нунцием во Франции, Гаспарри в течение семнадцати лет был профессором католического института в Париже. Вскоре австро-венгерский посол должен был сообщить об учреждении английского представительства при папском престоле и о подготовке к открытию французского представительства². В начале 1915 года посланник Шверина в Берлине сообщал строго доверительно из Берлина, что прусский посланник при папском престоле нашел статс-секретаря кардинала Гаспарри в очень тяжелом состоянии духа, очень взволнованным, так как генерал-губернатор Бельгии запретил пастырское послание примаса Бельгии кардинала Мерсье. «Волнение Гаспарри в значительной степени объясняется тем, что он дружен с Мерсье»³.

Бенедикт XV, как и его прообраз Лев XIII, чрезвычайно интересовался высокой политикой. Он смотрел на все глазами Рамполлы. Однако симпатии Ватикана к Центральным державам стали начиная с 1911 года столь явными, что Бенедикт XV и его статс-секретарь кардинал не могли ничего изменить, да и не хотели этого, так как успехи Центральных держав в начале войны произвели впечатление в Ватикане. Бенедикт XV происходил из высшего итальянского дворянства и очень гордился своим дворянским происхождением, поэтому придерживался более консервативных взглядов, чем его наставники в высокой политике, Лев XIII и Рамполла. Эти взгляды Бенедикта XV позволили ему легко пойти на временное сохранение прежнего курса Ватикана, ориентации на Центральные державы, как державы, олицетворяющие «порядок». Во всяком случае, таково было идеологическое обоснование. Но прежде всего,

---

¹ См. донесение от 21.10.1914, HHStA, Vatikan, 1914.

² См. донесение от 18.11.1914. Там же.

³ См. отчет от 8.1.1915, LHA, Schwerin, Gesandtschaftsakten betreffend polit. Berichte, 1915.

и это в конечном счете было для папы важнее всего, не исключена была победа стран Тройственного союза. А с победителем Ватикан всегда хотел идти рядышком.

В лице прелата фон Герлаха Бенедикт XV нашел очень умелого посредника между Ватиканом, с одной стороны, и Берлином и Веной — с другой¹; с Герлахом папа не мог расстаться и после вступления в войну Италии. Герлах сообщил о желании кельнского кардинала Гартмана, представлявшего интересы немецких католиков: папа должен покинуть Рим, если Италия вступит в войну на стороне противников Тройственного союза. Даже сам император Вильгельм II постарался, чтобы это желание было передано папе².

Тот факт, что среди шести вновь назначенных кардиналов оказался немец Фрювирт, который до того представлял в качестве нунция папский престол в Мюнхене, показывает, как сильно склонялась чаша весов ватиканской дипломатии на сторону Центральных держав даже еще в 1915 году. Следует упомянуть еще и бывшего нунция в Вене Скапинелли. Оба были известны как безоговорочные сторонники Центральных держав. Кроме того, красные шапки кардиналов получили четыре итальянца. Итак, деятельность прусского, баварского и австро-венгерского послов при папском престоле принесла свои плоды. Тогда положение на театре военных действий было еще очень благоприятным для Центральных держав.

Однако не следует переоценивать проявляемую даже в 1915 году симпатию к Центральным державам. Разрыв Францией дипломатических отношений с Ватиканом оказался ошибкой, это выяснилось давно. Великобритания уже в декабре 1914 года создала дипломатическую миссию в Ватикане на время войны, так как Ватикан оказался очень важным разведывательным постом, откуда можно было плести нити дипломатических интриг³. Эта миссия систематически противодействовала влиянию Центральных держав, пока это влияние в Ватикане было значительным. Ватикан стал центром

---

¹ См. Hutten-Czap ski, 60 Jahre, Bd. 2, S. 203.

² Ibid., S. 212 f.

³ См. воспоминания секретаря этого посольства: J. D. Gregory, «On the edge of diplomacy», London, 1928, p. 91, 101, 105.

шпионажа не только британской миссии, но и австрийского и немецкого посольств. Немецкий прелат фон Герлах оставался в Ватикане до 1917 года и бежал в Швейцарию лишь тогда, когда итальянское правительство возбудило против него дело по обвинению в шпионаже. Итальянское правительство приговорило его заочно к пожизненному заключению. В Швейцарии Герлах продолжал работать в тесном контакте с Ватиканом. Он находился в доверительных отношениях с депутатом от партии Центра Эрцбергером, который занимался политикой, правда по-дилетантски, но зато с большим рвением¹.

Царская Россия не порывала дипломатических отношений с Ватиканом, несмотря на все провокации, несмотря на инцидент с Нелидовым, отклонение просьбы взять на себя защиту русских подданных в Мюнхене и другие недружелюбные акции. При этом причиной, почему царское правительство не прерывало дипломатических отношений с Ватиканом, была не только совместная борьба против социализма и попыток свергнуть господствующий буржуазный общественный строй; международная обстановка была такова, что представительство казалось необходимым, особенно после того, как отпала Франция. Уже в цитированной докладной записке 1898 года подчеркивалось значение русского представительства в Ватикане и отмечалось влияние курии на события международной политики. Поэтому стало особенно важным более тесное сотрудничество с Ватиканом после смерти Пия X и создания британской дипломатической миссии. Для Ватикана это был большой успех — Ватикан, в чьей благосклонности были заинтересованы оба блока империалистических держав, мог думать, что является руководителем мировой политики. Потребность в поддержке Ватикана должна быть как можно большей, тогда можно будет повышать на нее цену.

Насколько важным пунктом передачи информации был Ватикан и сколь твердо придерживался он еще в 1915 году ориентации на Центральные державы, свиде-

---

¹ О деятельности Герлаха см. донесение русского поверенного в делах в Ватикане, Архив Внешней политики России, ф Ватикан, д. 122.

тельствует тот факт, что папа Бенедикт XV, стремясь не допустить вступления в войну Италии на стороне Антанты, через посредство прелата фон Герлаха уже 6 мая 1915 года передал представителю немецкой стороны сведения, которые он, воспользовавшись проявленным к нему доверием, получил из надежных источников; информация эта имела первостепенное значение для генерального штаба Центральных держав, в особенности для Австро-Венгрии. Она подтверждала сведения, полученные фон Бюловом. Так, например, речь шла ни больше, ни меньше, как о том, что Италия подписала в Лондоне договор, что выступит против Центральных держав еще до конца мая. Таким образом, Австро-Венгрия могла подготовиться к нападению со стороны Италии и продвижение итальянцев было задержано, едва начавшись.

Даже польский дворянин Гуттен-Чапский, который в качестве представителя Вильгельма II жил в Риме, был весьма удивлен этой двуличной политикой Ватикана в таком принципиально важном вопросе¹. Не аккредитованный посол при папском престоле фон Мюльберг, а «ловкий болтливый депутат партии Центра» Эрцбергер был избран для того, чтобы передать эти огромной важности сведения. Но папа избрал этот путь вовсе не необдуманно; напротив, его действия свидетельствуют о его «дипломатических способностях». Таким путем должны были быть значительно укреплены позиции про-римски настроенной партии Центра в Германии; именно это и произошло.

Однако главной заботой Ватикана в первой мировой войне была Австро-Венгрия. Мы знаем, как волновала Пия X судьба Габсбургской монархии. Во время понтификата Бенедикта XV, в особенности в первые годы войны, этот курс не изменился. Австрия была единственной римско-католической великой державой, тесно связанной с папством через императорский дом. Габсбурги в течение ряда столетий были самым тесным образом связаны с Ватиканом, и целенаправленность методов их правления объясняется не в последнюю очередь этой связью с Ватиканом. Как католическая держава Австро-Венгрия в особенности проявила себя в

---

¹ См. Hutten-Czap ski, 60 Jahre, Bd. 2, S. 204.

Галиции. Здесь она решительно противостояла любому продвижению православия и всячески поддерживала униатскую церковь. Именно австро-венгерское правительство в значительной степени способствовало тому, что униатская церковь продолжала существовать в Западной Украине, в Галиции, а в начале XX века, с ростом украинского националистического движения, получила еще большее развитие.

Митрополит этой церкви, граф Шептицкий, показал себя весьма верным подданным императора; император его чрезвычайно ценил и поддерживал. Зато, когда русские войска вступили в Галицию, униатская церковь подверглась гонениям. Митрополит Шептицкий был отправлен в Курск без права выезда, а впоследствии заточен в монастырь, предназначенный для попавших в опалу лиц духовного звания. Шептицкий, как и Амелт из Реймса, был «политической головой».

Об этом лучше всего свидетельствуют его записи от 15 августа 1914 года, попавшие в руки русских во время вступления войск во Львов; Шептицкий выступает в этих записях не только как князь церкви, но и как государственный деятель и политик антирусской ориентации¹. Между тем был найден также оригинал его письма Францу-Иосифу I, «Памятная записка архиепископа Андрея графа Шептицкого»². Самое ее начало очень характерно: «Как только победоносная австрийская армия вступит на территорию русской Украины, нам предстоит решить троякую задачу: военной, правовой и церковной организации края. Решение этих задач должно отчасти предшествовать какой бы то ни было мирной конференции — не только для того, чтобы благоприятствовать действиям нашей армии, но и для того, чтобы возможно полнее отторгнуть эти области от России». Воинственный митрополит мечтал о великоукраинском гетманстве во главе с «наиболее выдающимся полководцем», быть может даже эрцгерцогом, об Украине, которая самым тесным образом была бы связана с Дунайской монархией. Австрийское гражданское законодательство, переведенное на украинский язык, должно было стать основой публичного и частного права.

---

¹ См. Архив Внешней политики России, ф. ОПО, д. 161.

² HHStA, Wien, Politisches Archiv rot 523, Liasse XLVII, 11,

Украинский патриархат должен будет дать церковное благословение политическому образованию (то есть присоединению Украины к Австро-Венгрии). Митрополит Галича, то есть он сам, к званию которого добавлялось «и всей Украины», имел бы право издавать декреты об учреждении всего, что необходимо для утверждения патриархата. Согласие патриарха Восточной церкви митрополит надеялся получить с помощью соответствующих денежных средств. Он надеялся в подходящий момент воспользоваться своими широкими церковными привилегиями, которые Пий X дал ему еще в 1908 году и которые папа неоднократно подтверждал устно. Правда, вначале он думал не о русском, а о великоукраинском объединенном патриархате. Все епископы должны были придерживаться великоукраинской или австрийской ориентации; русские епископы лишались своих епархий. «Признание всего этого я мог бы провести в Риме, или, вернее, я уже в значительной части все это подготовил», — писал Шептицкий. Себя он видел уже во главе патриархата, в пурпурной мантии кардинала. С этой клерикально-политической позиции митрополит обратился 21 августа 1914 года ко всем верующим униатской церкви с призывом самым энергичным образом бороться против России. «Мы божьей милостью связаны с австрийским государством и династией Габсбургов»¹. Таков был этот борец за объединение церквей. Так выглядела его церковная уния! «Памятная записка» Шептицкого действительно чрезвычайно интересна для нашей темы.

Эти его церковно-политические излияния попали в руки русских войск, вступивших в Галицию. Его записи — то были, по-видимому, наброски попавшего теперь в руки русских оригинала «Памятной записки» — послужили причиной того, что Шептицкого убрали из Галиции, а униатская церковь как оплот австрофильских чаяний стала подвергаться суровым преследованиям. Чтобы оправдаться перед царем, Шептицкий, высланный из Галиции, на пути из Киева писал царю: «Трехмиллионное русское население Галичины приветствует с радостью русских воинов как братьев»². Но за это

---

¹ См. Архив Внешней политики России, ф. ОПО, д. 161.

² Там же.

время в Петербург было отправлено сообщение о конфискации бумаг митрополита, в котором говорилось на основании проверенных документов, что Шептицкий связан с Берлином и находится на службе австрийского генерального штаба¹.

Отправка в ссылку митрополита униатской церкви и деятельность волынского архиепископа Евлогия, пользовавшегося поддержкой начальника русской военной администрации в Галиции Бобринского, в пользу русской православной церкви и против униатской церкви были восприняты Римом как тяжелый удар. Уже в ноябре 1914 года Нелидов сообщал из Ватикана, что самые различные должностные лица проявляют явный интерес к ссылке митрополита в глубь России и к положению униатской церкви в Галиции. С разных сторон постоянно задают ему неприятные вопросы². В результате протестов со стороны Ватикана царь ассигновал значительные суммы на восстановление разрушенных католических церквей³. С другой стороны, австрийским жалобам на поведение русских надо было противопоставить сообщения о жестокостях войск Центральных держав по отношению к русской православной церкви в Польше и в русских западных областях⁴.

Ватикан был заинтересован прежде всего в том, чтобы освободили Шептицкого. Статс-секретарь кардинал Гаспарри передал через русского резидента в Ватикане предложение в Петербург дать возможность Шептицкому уехать в Канаду⁵. Было предложено также обменять его на русских журналистов, взятых в плен австро-венгерской армией, но Петербург отклонил все эти предложения. Князь церкви, делающий политику,— это казалось слишком опасным. В ноябре 1914 года с русским резидентом о Шептицком говорил сам папа⁶. Он подчеркнул, что хотел бы договориться со своим дру-

---

¹ См. Архив Внешней политики России, ф. ОПО, д. 161.

² Там же, ф. Канцелярия, 1914, д. 257.

³ См. Schmidlin, Papstgeschichte, Bd. III, S. 307.

⁴ См. доклады, отправленные святейшим синодом в министерство иностранных дел по его требованию, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 47.

⁵ См. Архив Внешней политики России, ф. Канцелярия, 1914, д. 257.

⁶ Там же, ф. Ватикан, д. 87.

гом Сазоновым о том, чтобы митрополиту дали свободу передвижения; это-де чисто церковное дело¹. Так как Ватикан все время пытался вмешиваться в этот вопрос, Сазонов переслал статс-секретарю кардиналу фотокопии программно-политических документов Шептицкого от 15 августа 1914 года относительно отделения всей Украины от России². Это возымело действие, и волнение в Ватикане несколько улеглось — слишком уж ясно выступил политический облик митрополита униатской церкви. Правда, сообщение о том, что Шептицкий с 1916 года содержится под надзором архимандрита православной церкви в Спасо-Евфимьевском монастыре в Суздале, вызвало новое обострение³.

Русский посол в Ватикане писал в декабре 1914 года о враждебном отношении католической прессы к событиям в Галиции и к попыткам оказать влияние на сторонников униатской церкви, заставить их перейти в православную церковь⁴. В начале 1915 года Нелидов указывал в своем письме в Петербург, что в Риме ведется систематическая кампания в связи с событиями в Галиции, где через посредство русской военной администрации делаются попытки склонить сторонников униатской церкви к переходу в православие, а священников униатской церкви, придерживающихся австрофильской ориентации, высылают. С другой стороны, русские власти обвиняли немецкую и австро-венгерскую военную администрацию в том, что прежде всего в Сербии и на занятых их войсками русских территориях она преследует православных священников и оскверняет церкви⁵.

Конфессиональные противоречия между римско-католической и православной церковью использовались воюющими державами для своих целей, как и вообще лозунг, что война ведется во имя бога и религии. Это были средства ведения войны. Ленин своим не затуманенным никаким националистическим шовинизмом взором видел вину царского правительства в Галиции: «Кричать о Бельгии [по поводу жестокого ведения войны

---

¹ См. Архив Внешней политики России, ф. Канцелярия, 1914, д. 257.

² Там же, ф. Ватикан, д. 88.

³ См. Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 88.

⁴ Там же, ф. Канцелярия, 1914, д. 34.

⁵ См. Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 87.

немцами. — Э. В.] и молчать о Галиции есть цинизм»¹. Шовинизм, под каким был флагом он ни выступал, ведет к позорному варварству. Шовинизм не имеет ничего общего с подлинными интересами народов, с подлинным патриотизмом. Ничего общего с интересами народа не имели и планы Шептицкого, одобренные Ватиканом, оторвать Украину от России и присоединить ее к Австро-Венгрии. Это была борьба блоков империалистических держав, борьба, которая велась и средствами, весьма охотно подбрасываемыми различного толка церквами. Многие священники беззастенчиво пошли на службу этим империалистическим целям².

Интересы России и Ватикана сталкивались не только в Восточной Галиции. Предметом разногласий было и вступление в войну Болгарии на стороне Центральных держав. Папский престол поддерживал вступление Болгарии в войну. В марте 1915 года им было отменено отлучение от церкви короля Болгарии Фердинанда *. На вопрос обеспокоенного русского резидента в Ватикане, что означает этот шаг, статс-секретарь кардинал ответил, что ему не следует придавать особого значения³. В действительности это была большая поддержка со стороны Ватикана, имевшая целью поощрить Болгарию к вступлению в войну. Русский посланник в Софии подробно сообщал в секретной телеграмме своему правительству о том, что австро-венгерское правительство содействует этому шагу⁴.

В этой связи любопытно секретное сообщение саксонского посланника в Мюнхене своему правительству, в котором говорится о прибытии шести болгарских священников православной церкви в Эйхштадт на римско-католический духовный семинар для ознакомления с его работой. Посланник сообщал об «имеющем место стремлении нарушить традиционные связи болгарской православной государственной религии с Россией и дать

---

¹ В. И. Ленин, Соч., 4 изд., т. 21, стр. 102.

² См. М. М. Шейнман, Ватикан и католицизм в конце XIX — начале XX в., стр. 416.

* Отлучение в качестве наказания было наложено папой Львом XIII в 1896 году за переход наследного принца Бориса в православие. — *Прим. ред.*

³ См. донесение Нелидова от 22.4.1915, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 50.

⁴ См. телеграмму от 28.3(10.4).1915; там же, ф. Ватикан, д. 63.

ей новую ориентацию — на Рим. Говорят, что царь Фердинанд и кронпринц Борис относятся к этому стремлению с особенной симпатией. Кроме того, собираются создать нунциатуру в Софии»¹. Это сообщение говорит само за себя.

Сообщения, появившиеся в печати о переговорах России с Францией и Англией относительно контроля над Проливами, беспокоили Ватикан. Из разговора с монсеньером Пачелли, тогдашним секретарем конгрегации по чрезвычайно важным делам, о выпадах католических газет в связи с этим вопросом Нелидов вынес впечатление, что перспектива водружения православного креста на св. Софии в Константинополе является предметом беспокойства и «очередной тревоги католичества»².

Ватикан, поддерживавший вступление в войну Болгарии на стороне Центральных держав, был, однако, против вступления в войну Италии. Вопрос, что произойдет с дипломатическими представительствами при папском престоле тех стран, которые находятся в состоянии войны с Италией, чрезвычайно тревожил статс-секретариат Ватикана. Так называемый «Римский вопрос» приобрел вдруг снова необыкновенную актуальность. Для Италии вступление в войну было сделкой. Итальянский посланник в Бухаресте цинично заявил в начале 1915 года русскому посланнику, что Италия присоединится к тому, кто предложит ей больше³. В конце 1914 — начале 1915 года началась из-за этого серьезная борьба⁴, в которой Ватикан пытался побудить Австро-Венгрию уступить Италии как можно большую территорию, чтобы привлечь ее на свою сторону⁵. Кардинал архиепископ Вены князь Пиффль, как сообщает Бюлов, получил от папы поручение поговорить об этом

---

¹ См. донесение от 5.12.1960, SLHA, Politische Verhandlungen, Vatikan, 9155.

² См. сообщение от 20.10(2.11).1915, «Международные отношения», № 9, стр. 136, см. М. М. Шейнман, цит. соч., стр. 401.

³ «Международные отношения», № 7, ч. I, стр. 21; М. М. Шейнман, цит. соч., стр. 394.

⁴ См. В. Bülow, Denkwürdigkeiten, Bd. 3, Berlin, 1931, S. 209, 228 f.

⁵ См. Frh. v. Macchio, Wahrheit! Fürst Bülow und ich in Rom, 1914—1915, Wien, 1931; М. М. Шейнман, цит. соч., стр. 394.

с императором Францем-Иосифом I. Франц-Иосиф, однако, не стал его слушать и выставил за дверь, дрожа от гнева. (Впоследствии Пиффль опроверг это утверждение.) Попытка посредничества со стороны Эрцбергера при бестактности этого депутата Центра была столь же безуспешна, как и попытка посредничества со стороны Бюлова, человека очень влиятельного в римских кругах.

Русский посланник в Ватикане сообщал в начале февраля в Петербург об усилиях Бюлова склонить Австро-Венгрию через посредство Ватикана к территориальным уступкам¹. Так как кардинал Пиффль, посланник папы, потерпел поражение, к императору с этим деликатным поручением папы был отправлен папский нунций в Вене Скапинелли. Но и он не добился успеха. Император Франц-Иосиф заявил, что не уступит того, что обязан защищать.

Ряд католических газет в Италии, стоявших близко к Центральным державам, решительно высказывались за нейтралитет Италии, указывая, что притязания Италии могут быть осуществлены и без вступления Италии в войну². Англичане создали в декабре 1914 года свою дипломатическую миссию в Ватикане главным образом для того, чтобы воспрепятствовать усилиям Ватикана сохранить нейтралитет Италии. Характерно, что член британской миссии при Ватикане Грегори имел веские основания ссылаться на то, что группа влиятельных прелатов оказывает существенную поддержку Антанте. Здесь, как и в других случаях, проявилась двойственность политики курии³. Английский посланник в Ватикане правильно оценил позицию папы: папа настроен не антибритански, но проавстрийски⁴.

Статс-секретарь кардинал Гаспарри пытался объяснить историку Пастору, что речь идет уже не о Триенте, а о самом существовании Австро-Венгерской монархии. Именно это заставило папу обратиться непосредственно

---

¹ См. донесение Крупенского от 22.1(4.2).1915, Архив Внешней политики России, ф. Канцелярия.

² См. донесение Крупенского от 2(15).2.1915; там же.

³ См. J. D. Gregory, *On the edge of diplomacy*, 1928, p. 94.

⁴ The Diary of Lord Bertie of Thramse 1914—1918; vol. I, London, 1924, p. 227.

к императору с настойчивым советом пойти на уступки Италии в территориальных вопросах¹. Лондонским договором от 26 апреля 1915 года Италия обязалась вступить в конце мая в войну на стороне Антанты. Как видно из публикаций документов революционной Россией, Антанта со своей стороны обязалась в соответствии с пунктом 15 при мирных переговорах исключить участие папы и тем помешать тому, чтобы вновь был поставлен на обсуждение римский вопрос.

23 мая 1915 года Италия объявила войну Австро-Венгрии. Через два дня статс-секретарь кардинал Гаспарри заявил, что Ватикан будет придерживаться строгого нейтралитета. Король Испании предложил папе убежище. Император Вильгельм II через кардинала Гартмана просил папу уехать в Швейцарию. Бенедикт XV отклонил, однако, все предложения и смирился с тем, что послы Центральных держав при папском престоле должны были покинуть Рим. В 1916 году итальянское правительство конфисковало даже Палаццо Венеция, резиденцию австро-венгерского посольства при Ватикане. Папа и здесь ограничился лишь протестом.

Положение папства было нелегким. В своем стремлении решить римский вопрос Ватикан мог ждать поддержки только от Центральных держав. Австро-Венгрия была для папы бастионом католической церкви; с другой стороны, Ватикан не хотел своей дружественной Центральным державам политикой провоцировать Антанту, пока было еще неизвестно, кто выйдет победителем в войне.

Бенедикт XV и Гаспарри, оба ученики Рамполлы, отнюдь не забыли хорошо известную нам политическую концепцию Льва XIII. Ее снова вытащили на свет божий. Понятно, что в 1916 году Ватикан стал менять дипломатический курс и все больше склоняться на сторону Антанты. Во всяком случае, Ватикану хотелось во что бы то ни стало оказаться на стороне победителя. Это был испытанный принцип ватиканской политики.

Русский поверенный в делах в Ватикане, Бок, как это видно из его донесений, внимательно наблюдал за всеми этими изменениями в ватиканской поли-

---

¹ См. L. v. Pastor, Tagebücher — Briefe — Erinnerungen, Heidelberg, 1950, S. 615.

тике¹. Впрочем, Австро-Венгрия и в дальнейшем оставалась предметом особых забот Ватикана². Эта позиция определяла и отношение Ватикана к России, на котором сказывались русско-австрийские противоречия. Россия, однако, была одной из держав Антанты, она представляла и интересы Франции в Ватикане, поскольку Франция пока еще не восстановила своего представительства при папском престоле. Для Ватикана, в особенности для учеников Рамполлы, Франция оставалась старшей дочерью церкви, несмотря на «порочность», как заклеил ее Пий X.

Двойственная позиция Ватикана по отношению к России проявилась в связи с так называемой «молитвой о ниспослании мира», которую папа распорядился читать в 1915 году. Эту молитву державы Антанты восприняли как направленную против них. И прежде всего царское правительство так реагировало на нее. Статс-секретарь кардинал успокоил русского дипломата Нелидова, указав, что каждая страна, желая мира, вправе молиться о его ниспослании так, как ей хочется³. В конце концов ведь это молитва за победу отдельных наций: немцы молятся за мир, венчающий победу Германии, французы — за победу Антанты. Следствием столь лицемерной политики явилось то, что после окончания войны и Антанта и Германия выражали недовольство пристрастной позицией Ватикана в ходе войны⁴. Таков был итог политики Ватикана, клонившейся то в одну, то в другую сторону. Следствием ее было то, что обе группировки жаждали воспользоваться духовной властью, которую имел в своем распоряжении Ватикан и которую он охотно предоставлял в обмен на влияние. Позиция Ватикана в первой мировой войне не имела ничего общего со «срединной» позицией между державами, как ее все время пытаются представить апологеты Ватика-

---

¹ См., например, донесения от 1916 года, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 88.

² М. М. Шейнман, Ватикан и католицизм в конце XIX — начале XX в., стр. 410.

³ См. донесения Нелидова от 7.2 и 21.3.1915, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 58, «Международные отношения», т. 7, ч. I, стр. 173, т. 8, ч. I, стр. 72.

⁴ См., например, брошюры: Papst, Kurie und Weltkrieg. Historisch-kritische Studien von einem Deutschen, Berlin, 1913; М. М. Шейнман, цит. соч., стр. 391—403.

на¹. Забота Ватикана о военнопленных должна была повысить его авторитет и доказать его лояльность.

Дипломатический престиж Ватикана, пострадавший при Пии X, значительно возрос. Его благосклонности очень добивались. Бенедикт XV недаром принадлежал к дипломатической школе Рамполлы. Он, как и Лев XIII, интересовался международной политикой. То, что представлялось Льву XIII лишь в мечтах, — Тройственный союз — стало реальностью. Следовало найти пути для продолжения политики Льва XIII. Однако Пий X так решительно повернул ватиканскую политику в сторону от этого курса, что лишь медленно и с большим напряжением внутренних сил можно было вернуться на этот путь. В особенности это относилось к России. В отношениях с Россией возникли и углубились такие противоречия, преодолеть которые можно было лишь с большим трудом.

Наряду с проблемой Балкан и Восточной Галиции в начале первой мировой войны в Ватикане не было полной ясности прежде всего в польском вопросе. Идеальным решением для Ватикана была бы Польша, самым тесным образом связанная с Австро-Венгрией и враждебная России. Украинско-польские противоречия в Галиции должны были отойти на задний план перед лицом противоречий с Россией.

Естественно, что польский вопрос занимал также и вильгельмовскую Германию. Вмешался в это дело сам кайзер Вильгельм II. 31 августа 1914 года, то есть сразу же после начала первой мировой войны, поляк-католик граф Гуттен-Чапский имел беседу с германским кайзером, во время которой этот дилетант высказывался о Польше и России со свойственной ему бесцеремонностью, — Гуттен-Чапский был ведь советчиком кайзера в вопросах, связанных с Восточной Европой. В 1905 году Гуттен-Чапский посоветовал германскому кайзеру воспользоваться русско-японской войной для создания Польши, тесно связанной с Германией. К сожалению Гуттен-Чапского, Вильгельм II не воспользовался тогда его советом. Теперь же время настало².

---

¹ См. Seppelt, *Papstgeschichte*, S. 376.

² См. Hutten-Czapski, *60 Jahre*, Bd. 2, S. 145—150.

Среди руководящей феодально-клерикальной польской клики у него нашлись активные союзники. Гуттен-Чапский связался с Шиманом и Бернгардом, экспертами немецко-национальной партии по Востоку, и свел их с крупным помещиком Яцковским и прелатом Адамским, в руках которых находился экономический потенциал польских сельскохозяйственных товариществ, а также польских банков и экономических союзов¹.

Прежний начальник администрации познаньского архиепископства, епископ Ликовский, был по настоянию Вильгельма II в августе 1914 года преконизирован в Риме архиепископом познаньским, после того как в 1905 году немецкая сторона воспрепятствовала по национальным мотивам занятию этой митрополии. Вильгельм II и рейхсканцлер Бетман-Гольвег отводили вполне лояльному новому архиепископу Ликовскому большую роль в германской империалистической политике². После его смерти в 1915 году нашелся хотя и менее ловкий, но не менее услужливый преемник — архиепископ Дальбор.

Польше, находящейся в большой зависимости от Германии, предназначалась (правда, в рамках русских польских областей) роль «оплота христианства» против России. Это была идея, близкая сердцу Ватикана: ведь она соответствовала давним, хотя и не оправдавшимся в отношении Польши папским планам. Папе очень хотелось бы видеть во главе такого буферного западного государства австрийского эрцгерцога.

Но и Россия прилагала усилия к тому, чтобы Ватикан поддержал идею создания Польши, тесно связанной с Россией. Вначале Ватикан отнесся к этому плану с недоверием, которое нельзя было преодолеть. Там слишком хорошо были известны русско-польские противоречия. С Россией-победительницей даже объединенная Польша имела мало шансов установить иные отношения, чем они сложились на протяжении XIX и XX веков. Только идея церковной унии, как она представлялась Льву XIII, могла бы сделать это решение приемлемым для Ватикана. Но события в Восточной

---

¹ Hutten-Czapski, op. cit., S. 154.

² Ibid., S. 182.

Галиции во время русской оккупации были предостерегающим опытом. По следам русского солдата шел русский поп, который пытался вернуть в лоно православной церкви украинцев-униатов. Ватикан же хотел как раз обратного: возвращения русской православной церкви в лоно «единственно спасающей» церкви — римско-католической.

Польские национал-демократы и партия «реалистов» выступали за широкое сотрудничество поляков с царской Россией, так как польская крупная буржуазия, которую они главным образом представляли, видела гигантские перспективы для экономического развития Польши в присоединении к русскому экономическому бассейну после победоносной для царской России войны.

В. И. Ленин писал, что свободу польскому народу принесет победа социализма в воюющих странах. Он разоблачал лживость буржуазных политиков и социал-реформистов в обеих воюющих странах, которые выдвигали лозунг «независимости Польши», но лишь той ее части, которая находилась под владычеством противника¹.

Антанта была очень заинтересована в том, чтобы пропагандисты автономной Польши, связанной с Россией,— Р. Дмовский и граф Платер,— прибывшие в Рим в январе 1916 года, были благосклонно приняты Ватиканом. Но прием в Ватикане оказался не совсем таким, на какой явно рассчитывали эти польские деятели про-русской ориентации. Дмовский² писал, что он встретил самое прохладное отношение к своим стремлениям именно там, где меньше всего мог этого ожидать,— в Ватикане. «Мне кажется,— писал он,— что ватиканская политика во время войны допустила крупные ошибки, в особенности в отношении к Польше». В качестве доказательств он привел высказывание одного высокопоставленного ватиканского должностного лица в 1916 году: независимость Польши — «несбыточная мечта». Горецки³ пишет с горечью: «Рим равнодушен к польской

---

¹ См. В. И. Ленин, Соч., 4 изд., т. 22, стр. 126—129, 145.

² См. «Polityka polska i odbudowanie państwa», Częstochow, 1937, str. 259 f.

³ См. «Rzym a Polska walcząca», Warszawa, 1949, str. 262.

самостоятельности, потому что знает — Польша, будет она независима или нет, всегда будет ему верна и он всегда будет ее господином».

Ватикан прежде всего был заинтересован в том, чтобы Польша, обладающая определенной самостоятельностью, примыкала к Австро-Венгрии. Избрание уроженца Галиции графа Ледоховского, целиком поддерживавшего австрийскую ориентацию, генералом ордена иезуитов незадолго до вступления в первую мировую войну Италии, свидетельствовало, что Ватикан придерживается именно этой линии. Поэтому миссия Дмовского — Платьера могла лишь пытаться противостоять в Ватикане немецкому и в особенности австро-венгерскому влиянию в польском вопросе. Об этом сообщал Нелидов в Петербург¹.

То обстоятельство, что папа Бенедикт XV весной 1916 года провозгласил так называемый «День Польши», не должно вводить нас в заблуждение по поводу истинной позиции Ватикана в польском вопросе. Во всех католических церквях мира должны были в этот день молиться о ниспослании помощи польскому населению в областях, разоренных войной. Эти молитвы, так же как и молитвы о ниспослании мира, каждый мог толковать так, как сочтет необходимым. Пожертвования, собранные во время этих молитв, попали в конечном счете в распоряжение Центральных держав, которые с 1915 года оккупировали всю Польшу и должны были заботиться о пропитании населения, хотя комитет по распределению этих средств помещался в Швейцарии. Варшавский архиепископ Каковский поблагодарил папу за проявленные им усилия². К действительному решению польского вопроса этот «День Польши», разумеется, не имел никакого отношения³. Лишь опасность назревающей в России революции привела к тому, что Ватикан стал относиться к проблеме Польши и России серьезнее, стал видеть в ней едва ли не одну из самых важных для

---

¹ См. донесение от 4.2.1916, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 88.

² См. донесение Нелидова от 16.3.1916, там же.

³ См. E. Matzel, Benedikt XV. wobec wojny, «Przegląd Powszechny», 1916, t. I, str. 61; J. Staszewski, Rola kleru katolickiego w ruchu robotniczym w Wielkopolsce 1912—1920, Toruń, 1957, str. 41—47.

себя проблем. Как сообщал русский поверенный в делах при папском престоле, уже граф Велепольский, член Государственного совета, который вместе с депутатом думы Рачковским был принят папой летом 1916 года в Риме, подчеркивал, что опасения, будто папа настроен германофильски, совершенно необоснованны¹. Поворот в политике Ватикана, которого ждали в связи с избранием Бенедикта XV, начал явственно обозначаться.

В сравнении с августом 1914 года, когда папой был Пий X, такой поворот был разительным! Ведь когда к Пию X обратились с просьбой выступить в интересах мира, папа заявил своему тайному секретарю: «Единственный монарх, которому я мог бы оказать услугу, — это император Франц-Иосиф I, ибо он всю жизнь был лоялен, верен и предан папскому престолу. Но именно в его дела я не могу вмешиваться, так как война, которую ведет Австро-Венгрия, совершенно справедлива...» В другой раз его святейшество заметил, что вину за войну в Европе несет Россия². Бенедикта XV действительно нельзя было обвинить в таком очевидном простодушии. Напротив, Бенедикт XV подходил к международному положению с совсем другими мерками.

Царская Россия, чреватая революцией, особенно настойчиво пыталась достичь своих империалистических целей. Велись постоянные переговоры с Англией и Францией, которые в 1916 году привели к заключению соглашения о разделе азиатской Турции³. Оно признавало за Россией право свободного распоряжения Константинополем и Дарданеллами⁴. Правда, Франция дала свое согласие на это лишь в феврале 1917 года.

Учитывая, что у Ватикана имелся хороший осведомительный аппарат, чему всегда придавали большое значение, для папы и его статс-секретаря кардинала не могли остаться тайной эти переговоры и это соглашение. Но политики в Ватикане знали также, что Франция и Анг-

---

¹ См. донесение Бока от 13.6.1916, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 88.

² Это дословное высказывание Пия X публикует Engel-Janosi, «Österreich und der Vatikan», Bd. II, S. 150; взято из частного архива принца Шёнбурга.

³ См. «Сборник договоров России с другими государствами» (1856—1917), М., 1952, № 73, стр. 443 и сл.

⁴ Там же, № 74/III, стр. 456 и сл.

лия вели эти переговоры неохотно, а Франция с большими колебаниями подписала соглашение. Эти державы больше думали о том, как саботировать соглашение, а не о том, как его осуществлять. В этом их точка зрения полностью совпадала с точкой зрения Ватикана.

Могущественная царская Россия, где православная церковь была бы государственной религией, и в Константинополе накрепко преградила бы путь планам объединения церквей не только в Восточной Европе, но и на Ближнем Востоке. Малые церкви на Ближнем Востоке, связанные с Римом, оказались бы вследствие этого под ударом. Россия, завладев ключом от Константинополя, могла угрожать Франции в Сирии, а Англии в Багдаде и Египте. Понятно поэтому, что удельный вес влиятельных кругов в Ватикане, выступавших за более тесное сотрудничество с Францией и Англией, именно в этой ситуации, когда царская Россия претендовала на Пропливы, значительно возрос. Конечно, в Ватикане своевременно узнали и о позиции правящих кругов США. Решающая победа Центральных держав становилась все менее вероятной. Следуя проверенному принципу — идти в ногу с победителем, — Ватикан подготавливал свой переход на сторону Антанты. Английская дипломатическая миссия в Ватикане провела основательную предварительную работу. Руководитель этой миссии [до осени 1916 года. — *Ред.*] Г. Говард считался одним из самых способных и опытных дипломатов Англии. Уже во время бурской войны он проявил свои качества, будучи английским посланником в Гааге. И в Ватикане ему удалось умело поддержать перемену в настроении в пользу Антанты¹.

Демонстрацией этого поворота в настроении Ватикана было уже открытое заседание консистории 21 ноября 1916 года, на котором папа возвел в звание кардинала десять человек. Среди них было три француза и ни одного представителя Центральных держав. Русский поверенный в делах в Ватикане передал эту новость по телеграфу в Петербург уже 8 ноября 1916 года². И в донесении, которое он отправил вслед за телеграммой,

---

¹ См. донесение Бока от 9.9.1916, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 88.

² См. секретную телеграмму от 9.11.1916, там же.

он не скупился на похвалы такому великодушию по отношению к Франции. Вместе с новыми тремя кардиналами число кардиналов-французов дошло до восьми, впервые за многие годы. Это значительный шаг на пути сближения Ватикана с Францией, заявил посланник¹. Он сообщает далее о предстоящих перемещениях в курии, то есть о назначении нунциев в Вену и Мюнхен. Оба эти поста имели, конечно, первостепенное значение. В Вену собирались направить пьемонтца Больфре де Бонцо, в Мюнхен — Пачелли. Оба были итальянскими патриотами и стояли к Антанте ближе, чем к Центральным державам². Пачелли, несмотря на свою молодость, был одним из наиболее ценимых папой дипломатов. Он показал свои незаурядные способности еще во время заключения сербского конкордата и, как явствует из донесений русских дипломатов, был очень заинтересован в Польше и России. Путь из Рима на Восток лежал через Германию. Не случайно вопрос о назначении Пачелли нунцием в Мюнхен был поднят уже в ноябре 1916 года. 5 ноября 1916 года совместным заявлением германского кайзера и австрийского императора было провозглашено образование Польского государства. В Варшаве был создан польский государственный совет, хотя исполнительная власть оставалась главным образом в руках немецкого генерал-губернатора Беселера. Нунциатура в Мюнхене была поэтому очень важна для Ватикана, который был чрезвычайно заинтересован в решении польского вопроса в желательном для него духе, в особенности же из-за России, которой, по мнению Ватикана, грозила революция; этой нунциатуре придавали такое важное значение, что туда направили лучшего дипломата Ватикана, хотя неотложная работа задерживала Пачелли еще на какое-то время в Ватикане.

Сколь заинтересован был папа в Востоке, свидетельствует возведение в кардинальское достоинство Марини. Это хорошо понимал Бок и сообщал об этом в Петербург³. Марини был одним из ближайших сотрудников Льва XIII в изучении восточных церквей, в особенности русской православной церкви. Он был фак-

¹ См. донесение от 11.11.1916, там же, д. 88.

² Там же, д. 88.

³ См. донесение от 19.11.1916, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 88.

тическим автором энциклики «*Orientalium dignitas*» Льва XIII. Бенедикт XV и в данном случае продолжал осуществление планов Льва XIII и для этого привлек Марини, в уединении занявшегося подготовкой ученых трудов, к активной деятельности. Уже в «*Acta apostolicis sedis*», № 5 за 1916 год, Бенедикт XV указывал на свой особый интерес к восточной церкви. Папа подчеркнул этот интерес, возведя Марини в кардинальское звание. В конце 1916 года Бок сообщал, что папа красноречиво выразил новым французским кардиналам свое уважение нации, подарившей миру такую героиню, как Жанна д'Арк¹.

На церемонии, посвященной причислению к лику святых одного итальянца и одного француза, состоявшейся в конце 1916 года, папа вновь говорил о Франции в выражениях, ясно свидетельствовавших о его уважении и любви к ней: да возвратится заблудшая старшая дочь в лоно материнской церкви! Это не принесет ущерба Франции. Русский поверенный в делах не мог не констатировать, что французские интересы в Ватикане вновь полностью соблюдаются, хотя дипломатического представителя Франции там еще нет². Пожалуй, лучшим представителем Франции был не кто иной, как сам папа.

По поводу поспешных попыток Ватикана сблизиться с Францией статс-секретарь кардинал Гаспарри еще в августе 1916 года сделал заявление, привлекавшее к себе большое внимание; правда, оно в то же время и обеспокоило царскую Россию. Гаспарри в беседе с французским журналистом, говоря о стремлении Ватикана сблизиться с Францией, заявил, что это предохранит Европу от «русской опасности». Это сообщение распространил не корреспондент «*Ле Журналь*», удостоившийся чести получить интервью у Гаспарри, а его приятельница, корреспондентка выходящей в Голландии газеты «*Ля Бельжик*». Получив такую информацию от французского корреспондента, эта корреспондентка распространила ее. «Оссерваторе Романо» тотчас же выступила с опровержением, но честолюбивая журналистка не желала

---

¹ Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 88.

² См. донесение от 20.12.1916.

прослыть лгуньей и познакомила мировую общественность через итальянскую газету «Трибуна» с обстоятельствами дела.

Русский поверенный в делах сообщал далее, что при первой же встрече со статс-секретарем кардиналом тот по собственному почину заверил его, что не делал заявления, приписываемого ему газетой «Ля Бельжик». Однако Н. Бок был убежден в том, что это заявление, безусловно, отражает мнение папской курии. Сообщение о переговорах России с Англией и Францией по поводу Проливов должно было особенно встревожить Ватикан, и Н. Бок считал, что статья журналистки в газете «Ля Бельжик» вполне соответствует действительности. Страх перед Россией толкает Ватикан в объятия Франции. Ватикан ждет от Франции поддержки в его противодействии России, продвигающейся на Балканах и на Ближнем Востоке. Н. Бок считал поэтому, что Гаспарри не удалось опровергнуть это сообщение. Возможно, журналистка выразилась несколько прямолинейно, но в истинности этого сообщения, по существу, можно не сомневаться¹.

Итак, в 1916 году в Ватикане считали, что Россия опасна, если она сильна (возможность агрессии), но опасна в то же время и ее слабость (возможность революции). На этот раз проникновению России намеревались поставить преграды не с помощью Австро-Венгрии и Германии, а вкупе с Францией и Англией. В этом — ключ ко многому. Прежде всего становится понятной позиция Ватикана по отношению к Польше и к Февральской революции. Россия же была заинтересована в том, чтобы Ватикан выступал за создание Польши, связанной с Россией. Царское правительство слишком хорошо знало, какое влияние имела в Польше римско-католическая церковь, чтобы не считаться с этим. В этом направлении с Ватиканом уже не раз заключались сделки: почему бы сейчас вновь не предпринять такую попытку?

Русский поверенный в делах в Ватикане сообщал уже в июне 1916 года о своих усилиях в этом направлении. В донесении от 26 октября 1916 года Бок прямо-

---

¹ См. донесение от 20.12.1916, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 88.

выдвигает идею сотрудничества царской России с Ватиканом в польском вопросе. В этом донесении вновь особенно подчеркивалось, сколь прочно связывают царскую Россию с Ватиканом консервативные, контрреволюционные силы¹.

Н. Бок лично был чрезвычайно заинтересован в таком сотрудничестве. Впоследствии он перешел в римско-католическую церковь и вступил в орден иезуитов. Только учитывая его личную позицию, становится понятным его оценка позиции Ватикана в международной политике и отношение к Антанте, в частности, в связи с мирной декларацией Германии 12 декабря 1916 года. Бок считает с внешнеполитической точки зрения чрезвычайно важными усилия Сазонова и Николая II установить хорошие отношения с Ватиканом, идя ему на большие уступки².

Поэтому Бок охотно воспользовался возможностью представить в Ватикане приехавшего в Рим в начале 1917 года Эразмуса Пильца, который был сторонником сотрудничества Польши с царской Россией. Пилец был приверженец «партии реалистов», представитель того направления среди поляков, которое, как мы знаем, ожидало от сотрудничества с царской Россией больших выгод, в первую очередь для польской промышленности, и защищало поэтому лживый лозунг царизма «Свободу Польше». Получив соответствующие инструкции от Бока, Пилец развивал статс-секретарю кардиналу идею сотрудничества Ватикана с царской Россией в целях контрреволюционных. Такое сотрудничество является-де лучшей гарантией против революции, говорил он. Поэтому в польском вопросе Ватикан должен выступить в пользу русской ориентации; царизм — это-де лучшая гарантия консервативного легитимизма³.

Кроме того, царская Россия стремилась привлечь на свою сторону Ватикан и в литовском вопросе. В мае 1916 года в Риме появился депутат думы Ичас с заданием действовать в этом направлении. Н. Боку из Петербурга было дано указание добиться для Ичаса

---

¹ Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 104.

² См. донесение от 22.12.1916, там же, д. 88.

³ См. донесение Бока в Петербург от 20.2.1917, там же, ф. Ватикан, 1917, д. 122.

аудиенции у папы. Это было не так просто сделать, определенные ватиканские круги намеренно оттягивали это, в результате Ичас был принят в Ватикане лишь в июне¹. Влиятельные польские круги в Ватикане, ориентировавшиеся на Центральные державы, решительно противились самому обсуждению литовского вопроса, который еще в 1908—1912 годах очень беспокоил привилегированную польскую феодально-клерикальную клику. Для этих националистических польских кругов не существовало литовского вопроса: они полагали, что литовцы-католики, как нечто само собой разумеющееся, принадлежат к Польше, и вместе с поляками представляют непреодолимую для России силу — «бастион христианства». Такова была политическая программа, которую олицетворяли эти круги в Риме. Позже, в январе 1917 года, одновременно с поляком Пильцем в Ватикане был принят литовец Ольшавский, который на стойчиво и на этот раз с успехом просил провести «День Литвы».

Так получилось, что в Ватикане дали разрешение на проведение «Дня Литвы» только в начале 1917 года, когда уже имелся опыт успешного проведения «Дня Польши»².

Точно так же, как собранные в церквях средства были направлены пострадавшим от войны полякам через Польский комитет в Вевей, деньги, собранные для Литвы, должны были быть переданы ей через Литовский комитет в Лозанне.

Таким путем хотели гарантировать распределение собранных денег независимо от партийных интересов. Характерно, что русский поверенный в делах в Ватикане особо отмечал большой интерес Пачелли к этим переговорам.

Те же поляки, которые ориентировались на Центральные державы и круги, представленные крупными помещиками и высшим духовенством, — к ним принадлежал, разумеется, и Пилсудский с польскими легионами — не сидели в это время сложа руки. Они делились на две группы. Большая часть была за присоединение

---

¹ См. донесение от 13.6.1916, д. 88.

² См. донесение от 20.2.1917, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, 1917, д. 122.

будущей Польши к Австро-Венгрии, меньшая стремилась присоединиться к Германии. Ко второй принадлежал известный уже нам граф Гуттен-Чапский. Он был дворцовым капитаном в Познани и с осени 1915 года куратором Польского университета и высшей технической школы в Варшаве.

После бесконечных промедлений и споров между Германией и Австро-Венгрией Центральные державы согласились, как известно, провозгласить 5 ноября 1916 года создание Королевства Польского, после того уже, как 3 мая 1916 года было торжественно отмечено 125-летие польской конституции 1791 года. Гуттен-Чапский видел в этом торжественно отмеченном юбилее поворотный пункт в истории Европы. Казалось, на горизонте появилась самостоятельная Польша, противостоящая «варварской России». По его мнению, это означало коренной переворот в соотношении политических сил в Европе¹. Несмотря на это, Ватикан все еще считал сотрудничество Польши с Австро-Венгрией куда более благоприятным решением польского вопроса: тогда образовался бы блок католических стран, который, по мнению Ватикана, скорее был бы в состоянии осуществить мечту Гуттен-Чапского. Но Ватикан должен был считаться с превосходством немецкого потенциала по сравнению с австро-венгерским.

Однако в это время произошло событие, которое оказало решающее воздействие не только на судьбы Европы, но и всего мира: произошла Февральская революция в царской России, а затем победа Великой Октябрьской социалистической революции. Отношение к Февральской революции в Ватикане было двойственное. С одной стороны, контрреволюционный царизм ценили там как идейного союзника, с другой стороны, тесная связь царской России с православной церковью, ее государственной религией, была препятствием для планов унии церквей, которые всегда сохраняли для папства свою привлекательность. Непреодолимое нежелание широких масс восточнославянских народов, в особенности русского народа, подчиняться духовно Риму, высокомерно игнорировали обе стороны — и царская Россия и Ватикан. Ватикан считал, что с падением царизма исчезло важное пре-

---

¹ Hutten-Czapski, 60 Jahre, Bd. 2, S. 271.

пятствие на пути его стремления к объединению церквей, он полагал, что только православие как государственная религия является препятствием к церковной унии.

Ватикан хотел лучше воспользоваться этой возможностью: он неверно оценил слабость царизма, приняв его за ослабление России и восточнославянских народов. Влиятельные лица в Ватикане, прежде всего сам папа и его статс-секретарь кардинал, заблуждались, надеясь на наступление новой эры, открывающей новые небывалые перспективы для «миссии» Ватикана в России и среди восточнославянских народов. Об этих чаяниях сообщал русский поверенный в делах в Ватикане Н. Бок русскому министру Временного правительства Милюкову¹.

При всем сожалении, испытываемом по поводу падения царизма, при том даже, что в Ватикане предчувствовали приближение настоящей революционной опасности, вначале надежда на гибель православной церкви в качестве государственной религии, а отсюда и на открывающиеся возможности для римской миссии, была большей. Ватикан полностью разделял с Англией, Францией и вступившими за это время в войну Соединенными Штатами Америки удовлетворение Февральской революцией, которая, как они полагали, при помощи Временного правительства будет находиться в определенных рамках, надеясь, что затем будет установлено буржуазное правление в духе «западной демократии».

Царская Россия как союзник разочаровала эти державы. Негодное руководство экономикой и коррупция делали ее неспособной к решающим военным операциям. В лице таких политических дельцов, как князь Львов, Милюков и Гучков, они надеялись найти более надежных и активных союзников, ожидали, что те бросят на театр военных действий против Центральных держав огромные людские резервы и пустят в дело природные богатства страны. В Ватикане считали, что настал вожделемый папством в течение столетий. Правда, где-то на втором плане был страх, что Февральская революция может перерасти в революцию, которая коренным обра-

---

¹ См. донесение от 31.3.1917, Архив Внешней политики России ф. Ватикан, д. 122.

зём изменит соотношение сил, — такие опасения имели место и в ватиканских кругах. Этим объясняется активная поддержка Временного правительства как со стороны западных союзников, так и со стороны Ватикана. Третье чувство, которое было отмечено дипломатическим представителем России в Ватикане наряду с удовлетворением Февральской революцией и обеспокоенностью по поводу ее возможного развития, было недовольство отношением буржуазного Временного правительства России к вопросу о мире. По мнению влиятельных ватиканских кругов, Временное правительство может устоять под натиском революционных рабочих и солдатских депутатов только в том случае, если оно будет самым решительным образом выступать за мир. Тут точка зрения Ватикана принципиально расходилась с позицией стран Антанты, которые требовали, чтобы Россия наращивала свои усилия для достижения конечной победы. Милюков подчеркнул этот абзац в сообщении Н. Бока о чувствах Ватикана к новой России¹, но Милюков, связанный своей политической позицией и классовой принадлежностью, не мог извлечь из этого соответствующих выводов. Конечно, Ватикан в этом своем третьем чувстве руководствовался желанием предотвратить победу революции.

---

¹ См. донесение от 31.3.1917, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 122.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ватикан проявлял особый интерес к России, на которую у него были свои виды, связанные, разумеется, со все возраставшей угрозой революции.

В июле статс-секретарь кардинал передал Временному правительству России меморандум, в котором были сформулированы требования папского престола по отношению к России¹. Они выражали чаяния Пия X, о которых он сообщил царскому правительству еще в 1912—1913 годах. Речь шла прежде всего о введении заново пересмотренного папой брачного права в России. Постоянным предметом споров между Ватиканом и царским правительством было прежде всего воспитание детей, родившихся от смешанных браков между католиками и православными. В этом вопросе ни одна сторона не хотела уступать. Для царского правительства казалось немыслимым под давлением папского престола дать согласие на строго католическое воспитание детей из таких семей, а именно этого вновь категорически требовал папа. Было выдвинуто требование допустить пользование русским языком в литургии во вновь созданной русско-униатской церкви, а также требование вообще признать эту церковь в России, в то время когда русская православная церковь всегда ожесточенно выступала против униатской церкви из опасения утратить свое монопольное влияние хотя бы среди русских.

Папская курия полагала, что наконец-то настал час, когда она сможет добиться осуществления долголетнего требования о религиозном равноправии. Поэтому был создан и папский Институт Востока, чтобы подготовить

---

¹ См. Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 122.

достаточное количество людей, которые могли бы отправиться в Россию. Министерство по делам культов Временного правительства выразило желание начать переговоры с Ватиканом по вопросам организации католической церкви в России, причем не только латинской, но и вновь созданной русской разновидности во главе с экзархом Федоровым. Выбор экзарха надлежало еще утвердить. Незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции министерство по делам культов обратилось в министерство иностранных дел с просьбой о разрешении приступить к официальным переговорам с Ватиканом¹.

У Временного правительства, таким образом, не было недостатка в желании пойти навстречу Ватикану. Однако в этот момент основная масса русского народа, а также и другие народы, населяющие Россию, руководимые большевиками во главе с гениальным Лениным, выступили за создание Республики Советов революционным путем. Временное правительство не сумело противостоять этому натиску. Утром 7 ноября 1917 года, почти без кровопролития было провозглашено создание социалистического Советского государства.

Ватикан оказался теперь лицом к лицу с новой Россией, которая к вопросу об отношениях римско-католической церкви подходила с новой позиции, основываясь на принципах социалистического государства, в соответствии с чем уже 3(16) ноября 1917 года была опубликована Декларация прав народов России, а 23 января 1918 года был опубликован декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Миссия при Ватикане была ликвидирована. Началась принципиально новая эпоха в отношениях восточнославянских народов и папства.

Подводя итог, следует отметить, что тема «Папство и царизм» с исторической точки зрения оказалась достаточно серьезной. Обе власти были очень родственны, ибо по существу своему являются автократиями, хотя их экспансионистские устремления нередко сталкивались. Начиная с пап эпохи Возрождения и вплоть до Бенедикта XV, папы настойчиво, действуя через царей, от

---

¹ См. ноту от 12.10.1917, Архив Внешней политики России, ф. Ватикан, д. 155.

Ивана III до Николая II, стремились подчинить народы России вопреки их воле своему влиянию. Чем слабее были позиции царей, тем энергичнее искали они союза с папой, и наоборот.

Они полагали, что вместе сумеют править миром. Следует признать, что папы, несмотря на неудачи, неуклонно стремились к своей цели, ибо они очень рано поняли, что духовное господство над миром, к которому они стремились с давних пор, невозможно без подчинения России. Папы всегда были решительными сторонниками реакции как в области политической, так и в области духовной. В царях они видели своих союзников. Папы надеялись, что столь желательная для них церковная уния может быть достигнута по высочайшей воле царя. Порой казалось, что игра пап с царями завершится успехом. Однако все их попытки разбились в результате сопротивления народов Восточной Европы, которые усматривали в папах такую же угрозу для своей самобытности, какую в свое время они видели в монгольских ханах.

Ныне, когда Советская Россия возглавляет силы прогресса, устремления пап приняли совершенно иллюзорный характер. Папы, правда, не хотят этого понимать и продолжают отчаянно бороться, активно участвуя с Октября 1917 года в антисоветском фронте. Однако показ этой борьбы является задачей отдельной книги.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

А. ИСТОЧНИКИ И АРХИВЫ

AA, ZB	Auswärtiges Amt, Zentralbüro (in Archivsignaturen)
ASS	Archivio segretariato di stato im VA
Bibl. Slave	Bibliothèque Slave, Paris, Manuskriptsammlung, Autographen.
DZA, Merseburg; Potsdam	Deutsches Zentralarchiv, Abteilung Merseburg; Abteilung Potsdam
«Fondo gesuitico»	«Fondo gesuitico» в рукописном отделе Национальной библиотеки в Риме
HHStA	Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Wien
Historia SJ	Historia SJ Rossicae conservatae in Alba Russia. 3 Bde. Mss. Bibl. Slave
LA Innsbruck	Landesarchiv Innsbruck
LHA Schwerin	Landeshauptarchiv Schwerin — Meckl.
Migne, PL.	J. P. Migne, Patrologia Latina, 221 Bde, 1844—1890
Min. d'estero	Ministero d'estero
MPV	Monumenta Poloniae Vaticana (Analecta Vaticana), Kraków, 1913
Mss	Manuskripte, Handschriften
NB Wien	Nationalbibliothek Wien
NG	Nuntiatura di Germania im VA
NP	Nuntiatura di Polonia im VA

NV	Nuntiatura di Vienna im VA
Pierling, Báthory et Possevino	P. Pierling, Bathory et Possevino. Documents inédits sur les rapports du St. Siège avec des Slaves, Paris, 1887
SLHA	Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden
StA Napoli	Staatsarchiv Neapel (Archivio di Stato Napoli)
SS Rer. Polon.	Scriptores rerum Polonicarum, Kraków, 1872
Theiner, MH	A. Theiner, Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Micháelowitch, Féodor III et Pierre le Grand, Czars de Russia, Rome, 1859
Theiner, VMPeL	A. Theiner, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, t. 1—4, Roma, 1860—64
VA	Vatikanisches Archiv Rom
Welykyj, Documenta	A. Welykyj, Documenta pontificum romanorum historiam Ucrainae illustrantia (1075—1953), vol. I (до 1700), Roma, 1953, vol. II (1701—1953), Roma, 1954
Welykyj, Propaganda	A. Welykyj, Acta S. C. de Propaganda fide ecclesiam catholicam Ucrainae et Bielarusjae spectantia, vol. I (1622 bis 1667), Roma, 1953, vol. II (1667—1710), Roma, 1954, vol. III (1720—1740), vol. IV (1740—1769), vol. V (1769—1862), Roma, 1954—1955.
ЛОИИ	Ленинградское отделение Института истории АН СССР, Архив
«Памятники»	«Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией», т. I, I (материалы, собранные Е. Шмурло и изданные АН СССР, 1925)

ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи, изд. 1-е — 45 томов, СПб., 1830, изд. 2-е — 55 томов, 1825—1881 и изд. 3-е, 1881—1913
ПСРЛ	Полное Собрание Русских Летописей, СПб., 1841 и сл.
«Россия и Италия»	«Россия и Италия». Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией, т. I, 1, СПб., 1907; т. I, 2, СПб., 1911; т. II, 1, СПб., 1908; т. III, 1, СПб., 1911; т. II, 3, СПб., 1913; т. III, 2, П., 1915; т. IV, 1925 (материалы, собранные Е. Шмурло и изданные Императорской Академией наук и АН СССР)
СГГД	Собрание государственных грамот и договоров, т. II, М., 1819
ЦГАДА	Центральный Государственный архив древних актов в Москве
ЦГИА УССР	Центральный Государственный исторический архив Украинской ССР, Львов

В. ВАЖНЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА

	Е. А. Адамов, Дипломатия Ватикана в начальную эпоху империализма 1887—1900, М., 1931. Немецкое издание: E. A. Adamov, Die Diplomatie des Vatikans zur Zeit des Imperialismus 1887—1900, Berlin, 1932.
A m m a n n, Abriß	A. M. A m m a n n, Abriß der ostslawischen Kirchengeschichte, Wien, 1950
B e r n h a r d i, Geschichte	Th. v. B e r n h a r d i, Geschichte Rußlands und der europäischen Politik in den Jahren 1814—1831, Teil I, Leipzig, 1863, II, 1, Leipzig, 1874, II, 2, Leipzig, 1875, III, Leipzig, 1877
B e r t i, Russia e stati italiani	G. B e r t i, Russia e stati italiani nel Risorgimento, Turin, 1957
B o u d o u	A. B o u d o u, Le Saint-Siège et la Russie. Leurs relations diplomatiques au 19 siècle, t. I, II, Paris, 1922—1925

Chodynicky, Kósciol	K. Chodynicky, Kósciol prawosławny a Rzeczpospolita Polska, Warszawa, 1934
Engel-Janosi, Österreich und der Vatikan	F. Engel-Janosi, Österreich und der Vatikan 1846—1918, t. I, II, Graz, Wien, Köln, 1958, 1960
Florovskij, Jesuité	A. Florovskij, Čeští jesuité na Rusi, Praha, 1941
«История СССР»	«История СССР», ч. I и II, М., 1957—1958
Hergenröther, Kirchengeschichte	Hergenröther, Handbuch der allgemeinen Kirchengeschichte, Bd. IV, Freiburg, 1926
«Historia Polski»	«Historia Polski», t. I, II, Warszawa, 1957—1959
Hudal, Österreichische Vatikanbotschaft	A. Hudal, Die österreichische Vatikanbotschaft 1806—1918, München, 1952
Hutten-Czapski, 60 Jahre	B. Graf von Hutten-Czapski, 60 Jahre Politik und Gesellschaft, Bd. I, 2, Berlin, 1936
	«История дипломатии», т. I—II, М., 1959.
Leitsch, Moskau	W. Leitsch, Moskau und die Politik des Kaiserhofes im 17. Jh., I Teil, 1604—1654, Graz — Köln, 1960
	В. И. Ленин, Соч., изд. 4, М.
	А. Лилов, О зловердных действиях иезуитов в России в конце XVI и в начале XVII в., Казань, 1856
Lutteroth, Rußland und die Jesuiten	H. Lutteroth, Rußland und die Jesuiten von 1772—1820, Stuttgart, 1846
de Maistre, Correspondance	J. de Maistre, Correspondance diplomatique (1811—1817), éd. A. Blanc, v. 1, 2, Paris, 1860
de Maistre, Lettres	J. de Maistre, Lettres et opuscules inédits. С жизнеописанием, под редакцией его сына Рудольфа де Местра, v. 1, 2, Paris, 1851

- «де Местр в России» «Жозеф де Местр в России». Под редакцией М. Степанова и Ф. Фермаль. «Литературное наследство», т. 29, 30, М., 1937, стр. 577—726.
- Masaryk, Rußland und Europa Th. G. Masaryk, Rußland und Europa. Zur russischen Geschichts- und Religionsphilosophie, Bd. 1, 2, Jena, 1913
- Pastor, Papstgeschichte L. Pastor, Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters, Bd. 16, Abt. 1, 2, 3, Freiburg i Br. 1931—1933.
- Petrani, Kolegium A. Petrani, Kolegium duchowne w Petersburgu, Lublin, 1950 (Towarzystwo naukowe katolickiego uniwersytetu Lubelskiego, t. 12).
- Pfeffermann, Zusammenarbeit H. Pfeffermann, Die Zusammenarbeit der Renaissancepäpste mit den Türken, Winterthur, 1946
- Pierling, Russie P. Pierling, La Russie et le Saint Siège, Paris, vol. I, изд. 2, 1906; vol. II, 1897; vol. IV, 1907; vol. V, 1912.
- Piawarski, Kuria K. Piawarski, Kuria rzymska a polski ruch narodowo-wyzwoleńczy 1794—1863, Warszawa, 1955
- Polčín, Possevino St. Polčín, Une tentative d'Union au XVI siècle. La mission religieuse du Père Antoine Possevino en Moscovie 1581—1582. Orientalia Christiana Analecta, vol. CL, Roma, 1957.
- А. Н. Попов, Сношения России с Римом, ЖМНП, 1870
- «Relacyje» «Relacyje nuncyuszów apostoloskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690», hg. v. E. Rykaczewski, 2 t., Berlin, Poznań, 1864
- Rostowski, Lit. SJ St. Rostowski, Lituanicarum Societatis Jesu historiarum libri decem, Paris, Brüssel, 1877
- Rouët de Journal, Archetti M. J. Rouët de Journal, Nonciatures de Russie d'après les docu-

- ments authentiques. Nonciature d'Archetti (1783 bis 1784), Citta del Vaticano, 1952 (-Studi e testi, vol. 116).
- Rouët de Journal, Arezzo M. J. Rouët de Journal, Nonciatures de Russie d'après les documents authentiques. Nonciature d'Arezzo (1802—1806), vol. I, II, Roma, 1922, 1927.
- Rouët de Journal, La Compagnie de Jésus en Russie M. J. Rouët de Journal, La Compagnie de Jésus en Russie. Un Collège de Jésuites à Saint-Pétersbourg 1800—1806, Paris, 1922.
- Rouët de Journal, Litta M. J. Rouët de Journal, Nonciatures de Russie d'après les documents authentiques, Nonciature de Litta 1797—1799, Città del Vaticano, 1943
- Schelting, Rußland A. v. Schelting, Rußland und Europa im russischen Geschichtsdenken, Bern, 1948
- Schmidlin, Papstgeschichte J. Schmidlin, Papstgeschichte der neuesten Zeit, Bd. I—IV, München, 1933—1939
- М. М. Шейнман, Ватикан и католицизм в конце XIX — начале XX в., М., 1958
- Seppelt, Papstgeschichte F. X. Seppelt, Papstgeschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart, München, 1949
- Šišić, Korespondencija F. Šišić, Korespondencija Rački-Stroßmayer, t. 1—4, Zagreb, 1928—1931
- Шмурло, Кандидатура Е. Шмурло, Русская кандидатура на польский престол в 1667—1669 годах, «Сборник, посвященный П. Н. Милюкову», 1859—1929, Прага, 1929, стр. 263—308
- Шмурло, Рим и Москва Е. Шмурло, Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с папским престолом 1462—1528, Записки Русского исторического общества в Праге, кн. III, Прага Чешская — Нарва, 1937, стр. 31—136

Smurlo, Saint Siège	E. Smurlo, Le Saint Siège et l'orient orthodoxe Russe 1609—1654, Praha, 1928
	Е. Шмурло, Сборник документов императора Петра Великого, т. I, 1693—1700, Дербт, 1903
Szeptycky, Exarchat	A. Szeptycky, Das russische katholische Exarchat, «Ex oriente», 1927, S. 78—89
Tolstoj, Catholicisme	D. Tolstoj, Le Catholicisme Romain en Russie, vol. I, II, Paris, 1863, 1864
Uebersberger, Österreich und Rußland	H. Uebersberger, Österreich und Rußland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts, Bd. 1 (1488—1605), Wien — Leipzig, 1906
Waldersee, Denkwürdigkeiten	Waldersee, Denkwürdigkeiten des Generalfeldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee, hg. v. H. O. Meisner, Bd. 1—3, 1922—1927
Winter, Panslawismus	E. Winter, Der Panslawismus in den Berichten der österreichisch-ungarischen Botschafter in St. Petersburg, Prag, 1944
Winter, Rußland und die slawischen Völker	E. Winter, Rußland und die slawischen Völker in der Diplomatie des Vatikans, Berlin, 1950
Winter, Rußlandkunde	E. Winter, Halle als Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im 18. Jh., Berlin, 1953
Zywczyński, Geneza	M. Zywczyński, Geneza i następstwa encykliki «Cum primum» z 9.6.1832 r. Watykan i sprawa polska w latach 1830—37, Rozprawy historyczne towarzystwa naukowego Warszawskiego, t. XV, I, Warszawa, 1935

C. ПЕРИОДИКА

AOSBM	«Analecta Ordinis S. Basilli M.», Roma, 1950 etc.
BZ	«Byzantinische Zeitschrift», Leipzig, München, 1892 ff.

BSI	Byzantinoslavica. Sbornik pro studium byzantsko-slovanských vztahu, Praha, 1929.
ERPHL	Études religieuses, philosophiques, historiques et littéraires, Paris
HZ	Historische Zeitschrift
JbGO	Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Breslau, München, 1936 ff.
LThK	Lexikon für Theologie und Kirche
MIÖG	Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung, Innsbruck, Graz — Köln, 1880 ff.
OCh(A)	Orientalia Christiana, hg. v. Pontific, Instituto Orientale, Roma, 1923; с 1935 года под названием: Orientalia Christiana Analecta
OChP	Orientalia Christiana Periodica. Commentarii de re orientali aetatis christianae sacra et profana ed. cura et opere Pontificii Instituti Orientalium Studiorum, Roma, 1935 etc.
PH	Przegląd historyczny, Warszawa, 1905.
SOF	Südostforschungen
ZISI	Zeitschrift für Slawistik, Berlin
ZOG	Zeitschrift für osteuropäische Geschichte, Berlin, 1911—1914, 1931 ff.
ZZ	Zeichen der Zeit, Stuttgart, 1930 ff.
BB	«Византийский временник», М., 1947 и сл. «Вопросы истории», М., 1945 и сл.
ЖМІП	«Журнал Министерства народного просвещения», СПб., 1834 и сл. «Исторические Записки», М., 1937.
Сборник РИО	Сборник Императорского русского исторического общества, СПб., 1847 и сл.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август II 125, 128, 130 132—134, 141, 148
 Адамов, Е. А. 32, 348, 350, 353, 360, 362—373, 378—380, 382—385, 398, 402, 412, 414, 470
 Адамский 500
 Адриан VI 56, 58, 59
 Аквавива, Клаудио 75
 Аквинский, Фома 346
 Аксаков, И. С. 473
 Александр (вел. князь литовский) 47, 48, 54
 Александр (грузинский царь) 87
 Александр I 184, 200, 218—221, 224, 226, 229, 231—236, 239, 241, 243—245, 247, 250—254, 256—258, 296, 311
 Александр II 296—298, 304, 311, 319, 322, 323, 335, 337—339, 341, 344, 348, 405
 Александр III 339, 341, 344, 346—349, 351, 354, 357, 360, 362, 369, 388, 390, 406, 408
 Александр VI Борджа 45—48, 54
 Алиарди, Антонио 393, 395, 411, 472
 Альдобрандини, Ипполит, см. Клемент VIII
 Аметт, Лев-Адольф 480, 485, 490
 Амманн, А. М. 25
 Амманти 40
 Анджолини, Г. 241
 Антонелли, Джакомо 298, 308, 310, 313, 317, 319, 327
 Антонелли, Леонардо 175
 Аракчеев, А. А. 250, 252, 255
 Аредзо, Томмазо 214, 224—231, 242, 246, 258
 Аркетти, Дж. А. 167, 170, 172—178, 196, 228
 Арманд, Инесса 388
 Арним 319, 320
 Артемьев, Петр 116
 Артуа, см. Карл X
 Баадер, Франц Ксавье 20, 22, 234, 249, 252, 386
 Балабин, Е. 301
 Бантыш-Каменский, Н. 324
 Бароний, Цезарь 137
 Баторий, Стефан 65—77, 81—86, 95—96
 Баумгартен, П. М. 484, 485
 Бахем, Карл 434
 Бенвенути 206—208, 211, 222, 224, 226, 227
 Бенедикт XV 23, 417, 483, 485—487, 489, 497, 499, 502, 503, 506, 514
 Бенини, Умберто 442, 480
 Бениславский 172—174, 176, 177, 209, 213, 221
 Бенц, Е. 27
 Берарди, Дж. 308
 Берешеньи 135
 Бернгард, Людвиг 500
 Бернетти, Томмазо 257, 258
 Бетман-Гольвег, Теобальд 467, 500
 Бёме, Яков 106
 Бжозовский, Тадеуш 205, 247
 Бисмарк, Герберт 308, 320, 347, 350, 362, 363, 375, 391, 403

- Благой, Д. 294
 Блудов, Д. Н. 280, 284, 286, 288, 289, 293
 Блумберг, Себастьян 113
 Боборыкин, П. Д. 401
 Бобринский, В. А. 492
 Бок, Н. И. 478, 481, 497, 503, 505—508, 511, 512
 Болоньетти, Альберто 75, 78, 80, 82
 Болотников, Иван 99
 Больфре, де Бонцо 505
 Бомбель 186
 Бонумбре, Антонио 41, 42
 Боргезе 96, 98, 99, 101, 104
 Боррмео, Карло 68, 72
 Брокдорф-Ранцау, Ульрих 466
 Бүду, А. 23, 253
 Бук, Виктор 253, 254, 327
 Булацель, Н. И. 467—469, 481
 Бунзен, Кристиан Карл 261, 262
 Буоль-Шауенштейн, Карл Фердинанд 297
 Бүтенов, А. П. 274, 284, 286, 288, 290, 293, 298, 341, 342
 Бүтенов, К. А. 405
 Буткевич, Бонавентура 294
 Бутурлин, Д. П. 229, 230
 Бюлов, Бернгард 465, 467, 495
 Бюлов, Николай 48
 Бюлов, Отто 393, 419

 Вальдерзее, Альфред 421, 436, 439, 440
 Ваннутелли, Винченцо 344, 345, 347
 Василий III 52, 53, 55—57, 59, 60
 Вацлав, князь Чешский 36
 Венустус 147
 Веригин, С. 455
 Вернег, Жозеф Готье 230, 231
 Вернц, Франц Ксавье 467
 Веснич 473
 Вилинский, В. 392
 Вильбуа, И. 458
 Вильгельм II 350, 351, 376, 390, 403, 407, 412, 421, 444, 471, 487, 489, 497, 499, 500
 Вильперт, Жозеф 350
 Вильчек 134—136
 Виниус, Андрей 106, 108

 Виссарион 37—39, 41
 Вишневецкий, Адам 90
 Владислав II 46
 Волькенштейн-Тростбург, Антон Карл Симон 386, 387, 392, 410
 Вольпе, Джан Баттиста 39—42
 Вольтер, Франсуа Мари 181, 185
 Вольф, П. 123, 125
 Воронцов, С. Р. 218, 226, 229
 Вота, Карло Маурицио 113, 126

 Габсбург, Эрнст 64
 Гагарин, Григорий Иванович 208, 236, 249, 261, 262, 264, 266, 267
 Гагарин, Иван Сергеевич 21, 23, 254, 267, 268, 275, 276, 300, 301, 307, 327
 Гакстаузен, Август 276, 277
 Галимберти, Луиджи 342, 352, 383, 393, 407
 Гапон, Г. А. 446
 Гарампи, Джузеппе 153—155, 160, 165—167, 172, 173, 177
 Гарибальди, Джузеппе 306, 314
 Гартвиг, Н. Г. 473
 Гартман, Феликс 487, 497
 Гаспарри, Пьетро 486, 492, 496, 497, 506
 Геесен, А. 327
 Генрих, герцог Анжуйский 64, 65
 Герасимов, Дмитрий 56, 60
 Герберштейн, Сигизмунд 61
 Герлах 485, 487—489
 Гермоген 99, 103
 Гертлинг, Георг 420
 Герцен, А. И. 21, 301, 302, 304, 313
 Гиббон, Джеймс 414, 431
 Гизо 286
 Гирс, Н. К. 354, 356, 369, 388, 389
 Глюк, Эрнст 127
 Годунов, Борис 81, 89, 90
 Голицын, А. Н. 231—233, 236, 246, 249
 Голицын, В. В. 112, 115—118
 Голицын, П. А. 128

- Головинский, Б. 276
 Голуховский, Агенор Мария
 Адам 432
 Гольштейн, Фридрих Август
 352, 376
 Гомпеш, Фердинанд 200, 225
 Гордон, Патрик 108, 113, 119,
 120, 146
 Горецки 501
 Горчаков, А. М. 297, 308, 309,
 313, 319, 322, 323, 336
 Госснер, Иоганн 249
 Готти, Джироламо 431, 449
 Гофбауер, Клемент Мария 193
 Гоффман 22
 Гратье, А. 458, 459
 Грегори, Иоганн 496
 Грегоровиус 319
 Григорий VII 20, 251, 260
 Григорий XIII 63—67, 69, 71,
 73, 80, 82, 83, 260
 Григорий XVI 260—263, 265,
 269, 270, 282, 284—286, 290,
 306, 312
 Грубер, Габриель 181, 205,
 207—209, 211, 212, 214, 219,
 222
 Гуариент, Кристоф Игнац 126,
 127, 145
 Губастов, К. 418, 420—423,
 425
 Гумбольдт, В. 230, 231
 Гумелауер 256
 Гурвич, Е. 405
 Гус, Ян 328
 Гутковский, Я. М. 270, 274,
 294
 Гуттен-Чапский, Б. 306, 437,
 479, 489, 499, 500, 510
 Гучков, А. И. 511
 Гфрёрер, А. Ф. 20, 22
 Гюбнер, Иозеф Александр 319
 Гюиссен, П. 130, 131

 Давид, Георг 117, 119
 Дальбор 500
 Данишевский, Т. 443
 Джаст, Мэри 26, 158
 Джем 45
 Джовио, Паоло 51, 55, 58
 Дзержинский, Ф. Э. 444
 Дибиш-Забалканский, Г. К.
 Ф. А. 261, 264

 Дидро, Дени 185
 Дмовский, Р. 501, 502
 Достоевский, Ф. М. 295
 Дреноцкий, Л. 77
 Дудецкой, Н. 107
 Дурины, Анджело Мария
 151—153

 Евгений, принц Савойский 122
 Евреинов 455
 Екатерина II 153, 158—161,
 165, 166, 168, 169, 171—174,
 176, 177, 181, 184—186, 194,
 195, 201, 205, 212, 213, 217,
 220, 230, 231
 Елена 47, 48, 277
 Ерусалимский, А. С. 412

 Жанна д'Арк 464, 506
 Жовнианский, Феликс 161
 Жолкевский 103

 Замоиский, Андрей 271
 Замоиский, Ян 77, 81, 84
 Зерцанинов, О. А. 453, 462
 Зиккель, Теодор 377, 416, 484
 Змаевич, Матвей 146
 Зоя (Софья) 37—39, 41—43

 Иван III 37—40, 43, 46—48,
 346, 515
 Иван IV 64, 69—72, 78, 80,
 81, 88, 89, 91, 92, 139, 394
 Иван V 112
 Иванов, А. 28
 Игнатий 99, 103
 Игнатъев, Н. П. 340, 342, 386
 Извольский, А. П. 24, 350,
 356—373, 377, 379—385, 389,
 391, 393, 396—399, 401—403,
 409, 411, 425, 427, 433, 449,
 456, 467, 470
 Ишнес 137
 Иннокентий III 334, 346, 350,
 379, 422
 Иннокентий VIII 45
 Иннокентий XI 111
 Иннокентий XII 124
 Иоанн XXIII 28
 Иосиф II 176, 186, 193
 Исидор 38, 40

Италинский, А. Я. 225, 241,
243, 244, 246, 247, 250—253,
258, 259
Ичас, Мартин 508

Казимир IV 43
Калигари 75
Калинский, Иоанн 320
Камбон, Пьер Поль 387
Канитц 307
Кантемир, А. Д. 138
Капнист, П. А. 326, 327, 430
Карё, П. 150, 207, 214
Карл VI 138
Карл IX 96, 100, 101
Карл X 186, 200, 211, 267
Кассини, В. И. 225, 226, 230,
231
Катков, М. Н. 313, 326, 340,
428
Каховский 502
Кеттелер 446
Киджи 299, 322, 323
Киреев, А. А. 386
Кирилл 317
Киселев, Н. Д. 298, 307—310
Клемент VII 56, 60, 61
Клемент VIII 88, 90, 91
Клемент X 109
Клемент XI 128—130, 149
Клемент XIII 210
Клемент XIV 151, 157, 161,
163, 164
Клесль, Мельхиор 101
Кнаб, Себастьян 112
Кобенцль 172, 175, 176, 204
Ковалик, В. Е. 140
Коменский, Ян Амос 117
Комо 67, 76, 82
Компеньи 60
Конде, Луи Жозеф 201
Консальви 211, 222, 224, 226,
232, 243, 258
Копп, Георг 407, 434
Коростовец, В. К. 458
Костюшко, Тадеуш 305, 306
Кох, Ганс 27
Коцебу, Август 235
Коялович, М. О. 76, 118, 127
Крамер-Клетт 434
Крижанич, Ю. 58, 107
Крупенский 483, 496
Крюденер, В. Ю. 234, 252
Куземский, М. 328

Кульман, К. 106, 117
Кунцевич, Иосафат 324
Куракин, В. И. 131, 141, 225,
232
Курбатов, А. А. 124
Курбский, А. М. 65
Курц, Иоганн Игнац 121, 122
Кьеза, Джакомо Паоло, см.
Бенедикт XV

Лави 142, 145
Лавижери, Ш. 414
Лавицкий 90, 92, 94, 96
Лагарп, Ф. Ц. 185, 219, 252
Ладыженский, А. 136
Лай, Гаитано 483
Ламбрускини, Луиджи 262,
273, 287, 288
Ламсдорф, В. Н. 402
Ланской, С. С. 298
Ласки, Иоганн 54
Лебцельтерн, Людвиг 256
Лев X 49, 51, 53—56
Лев XII 257, 258, 265
Лев XIII 23, 24, 331—334,
336—338, 341—347, 349—355,
358, 359, 361, 362, 364, 366,
367, 369, 370, 372, 373, 376—
383, 385, 387, 390, 391, 399,
402, 406, 407, 409, 414—424,
428—440, 444, 446, 457, 462,
464, 479, 480, 484, 486, 494,
497, 499, 500, 505, 506
Левицкий, М. 297
Ледерер 305
Ледоховский, М. 342—344, 383,
384, 393, 502
Лелевель, Иоахим 262
Ленин, В. И. 374, 388, 426,
444, 469, 493, 494, 501, 514
Ленкевич, Гавриил 180
Леопольд I 120, 121, 127
Лессли 110
Лефевр де Бегэн, Альфонс 368,
384, 393
Лефорт, Франц 120
Лешинский, Станислав 128
Лжедимитрий I 89—98, 101,
105
Лжедимитрий II 99—102, 105
Ликовский 500
Лилов, А. 92
Линдль 249
Лисовский, Гераклий 178

Литта, Джулио 192, 193, 197,
199, 201—204
Литта, Лоренцо 191—199,
202—208, 210, 212, 213, 228
Лихтенштейн, Франц 404
Лобанов-Ростовский, А. Б. 391,
396, 397, 402, 411
Лодий, П. 249
Лойола, Игнатий 63, 214
Любек, Николай 58
Людовик XIV 111
Людовик XVI 183, 185
Лютер, Мартин 57
Лютцов, Рудольф 261, 291
Львов, Г. Е. 411, 511

Мадзини, Джузеппе 306
Максими 64
Максимилиан II 51
Маласпина, Г. 86, 87
Марини, Н. 29, 505, 506
Маркс, К. 286, 290, 303, 332,
334
Маротти 211, 213
Мартин, Л. 421, 439
Мартынов, И. 301, 327
Мархлевский, Ю. 402
Маскле 223
Масса, Исаак 92
Массальский, Игнатий 154, 156
Матвеев, А. С. 107, 108, 112
Маффей, Джакомо 39, 40
Маффи 483
Мацейовский, Бернард 90, 93,
94
Медведев, Сильвестр 118
Мейендорф 313, 317, 319,
320
Мейзенбург, Отто 275
Менезий, Павел 108—111
Менини 387
Меньшиков, А. Д. 134—136
Мерри дель Валь, Рафаэль
431, 433, 436, 443, 466, 477,
483
Мерсье, Дезире 486
Местр, Жозеф, де 19, 20, 159,
234—241, 247, 252, 300, 311,
392
Меттерних, К. Л. В. 234, 238,
249, 251, 252, 255, 256, 259—
262, 268, 270—273, 277,
282—286, 292, 293

Мефодий, Бронислав 301, 317,
337
Мечиславская, Макрина 313
Микош 135
Микошевский, К. 304
Милан 126, 127
Миллер, К. 186
Миллюков, П. Н. 511, 512
Милютин, Д. А. 319, 321
Михневич, Д. Е. 28
Мишо, А. 253, 254
Мнишек, Марина 93, 94, 96,
97, 99
Мнишек, Юрий 90, 93, 99
Монталамбер, Ш. 281
Монтель фон Троенфест, И.
432, 433
Моренгейм, Артур 383, 411
Мороне, Джованни 65
Морошкин, М. 150
Мосолов 339, 341, 342
Муравьев, М. Н. 396, 397,
404—406
Мусницкий, П. 150
Мюльберг, Отто 489

Наполеон I 220, 225, 229,
231, 255
Наполеон III 297, 313, 316,
318
Нарышкин, К. М. 439, 440,
442—444, 472
Нелидов, Д. А. 438, 471, 473,
480, 488, 492—495, 498, 502
Неплюев, Н. Н. 212, 458
Нессельроде, К. Р. 235, 250,
251, 259, 279, 283, 284, 286,
298, 321
Нибур, Бартольд Георг 192,
244, 252
Николай I 139, 253, 254, 257,
258, 263, 264, 268—270, 276—
279, 281—284, 289, 294, 295,
299
Николай II 18, 390, 391, 395,
398—400, 402, 404, 407, 410,
416, 417, 427, 443, 444, 447,
470, 471, 508, 515
Нифонтов, А. С. 295
Ноайль, Луи Антуан 142
Новиков, Н. И. 181, 187
Нугарола 61

- Олеарий, Адам 105
 Ольминский, М. 446
 Ольшавский, К. 509
 Ордин-Нащокин, А. Л. 107, 112
 Остерман, И. А. 176, 177
- Павел I 29, 184, 195, 196, 198—204, 206, 209—214, 216—222, 225, 226, 231, 232, 254, 267, 311
 Павел V 90, 92, 93, 95—97
 Павловский, И. 270
 Паллавичини 115, 173, 174
 Пальфи, М. 476—478
 Панин, Н. И. 165
 Паризии 29
 Паскевич, И. Ф. 270, 280
 Пастор, Л. 163, 475, 484, 496
 Пачелли, Э. 474, 495, 505, 509
 Пашич, Н. 473
 Пашуто, В. Т. 28
 Пенклер 205
 Петр I 30, 31, 106, 112, 117, 120—122, 124—126, 129—142, 144—148, 165, 216, 243
 Печерин, В. С. 21, 301, 302
 Печчи, Джоакино Винченцо, см. Лев XIII
 Пиггхе, Альберт 58—60
 Пизон 49, 50
 Пий II 35
 Пий VI 153, 163, 164, 166, 171, 173, 174, 179, 182—184, 189, 192, 202, 205, 210
 Пий VII 211—213, 214, 221, 231, 235, 245, 250, 252, 265
 Пий VIII 259, 260
 Пий IX 274, 286—288, 290—293, 296, 298, 299, 304, 306, 309, 310, 312, 314, 317, 318, 323, 327, 329, 331, 342, 343, 431, 456
 Пий X (Сарто) 428, 430, 431, 433, 435—437, 439—442, 444, 446, 448, 449, 451, 453—458, 461, 464, 465, 467, 471, 472, 475, 476, 478, 480—482, 484, 488, 489, 491, 498, 499, 503, 513
 Пилсудский, И. 509
 Пильц, Эразмус 508
 Пирлинг, Павел 22—25, 30, 38, 63, 165, 254
- Писарев, Ю. А. 473
 Питт, Вильям (младший) 186
 Пиффль, Фридрих Густав 495
 Пихлер, А. 22
 Платор 501, 502
 Платонов, И. В. 337
 Платонов, С. Ф. 78
 Плейер, Отто Антон 144
 Победоносцев, К. П. 339, 340, 343, 346, 347, 355—357, 362, 367, 386, 390, 392, 405, 406—411, 423, 428, 445, 446
 Покровский, М. Н. 405
 Полонский, Л. 77
 Полоцкий, Симеон 107
 Помасский 90
 Попель, В. 424, 443
 Попель, М. 329
 Попов, В. 274, 275, 280, 286, 289, 290, 293, 294
 Попович, Никита 42
 Поппель, Н. Ф. 44
 Порталь, Фридрих 458
 Поссевино, Антонио 67—69, 71, 74—85, 96, 111, 113
 Потемкин, Г. А. 162, 181
 Потоцкий, Станислав 223
 Поцей 88
 Прокопович, Ф. 138—140, 143
 Пугачев, Е. И. 158
 Пузина 430—432
 Пушкин, А. С. 267
 Пфейффер, П. 178
 Пыпин, А. Н. 300
- Рагоза, М. 88
 Разумовский, А. К. 237
 Ракоци, Франц II 134, 135, 137
 Рамполла дель Тиндаро, Мариано 350, 352, 353, 358, 360, 361, 363, 365, 367—369, 371, 372, 378, 380, 382, 393, 400, 401, 406, 414—416, 418, 422, 424, 425, 427—434, 436—438, 440, 479, 480, 484—486, 497—499
 Рангони, Клаудио 90, 91, 96, 98, 100
 Рацки, Ф. 342
 Рачковский 503
 Ревертера-Саландра, Ф. 306, 321, 355, 363, 369, 393, 397, 400, 404, 418
 Редзонио 163, 210

- Рейнолд, Ж. 26
 Ржевудский 318
 Рибо, А. 383
 Рилло, Максимилиан 282
 Риччи, Лоренцо 160
 Роговский, Палладий 116
 Розавен, П. 150, 187, 236, 249
 Розенберг 64
 Ронге, Иоганн 290
 Роотгаан 275, 282
 Ропп 450, 451
 Ростопчин, Ф. В. 203, 211
 Рутский, Иосиф 98
 Руэ де Журнель, М. Ж. 30
 Рязановский, Н. В. 299
- Саблер, В. 411, 445—447
 Саграмозо, М. 164—166
 Садковский, Виктор 189, 191
 Сазонов, С. Д. 356, 420, 438, 448, 449, 452, 456, 457, 465, 466, 470—473, 478, 493, 508
 Сакран, Ян 54
 Сакропанте 149
 Сапега, Адам Стефан 371, 372, 468
 Сапега, Лев 92
 Саханев, В. 24
 Сведен 106
 Свечин, А. Н. 405, 480
 Североли, Антонио Габриель 224, 226, 232, 235, 237, 240
 Секки, Анджело 271
 Семашко, Иосиф 294, 324
 Серракаприола, Антонно 181, 185, 186, 192, 193, 197, 199—201, 203, 204, 211, 215—218, 239—241, 244, 245
 Сестренцевич-Богуш, Станислав 154—156, 161, 162, 165—178, 180, 191, 194, 196, 198, 205, 206, 208, 209, 222—225, 227—231, 240, 246, 270
 Сигизмунд I Старый 50—52, 53, 55, 56, 61
 Сигизмунд II Август 64
 Сигизмунд III Ваза 86—88, 90, 95, 96, 98, 103, 104
 Сикст IV 42, 43, 59
 Сикст V 83—85
 Симолин, И. М. 185
 Симонетта, Франческо 98, 100
 Сипягин, А. 455
- Скапинелли, Рафаэль 487, 496
 Скарга, Петр 75, 87, 88
 Смолова, М. 254
 Собеский, Ян 111, 114, 115, 126
 Солари, Пьетро Антонио 44
 Соловьев, В. С. 392, 397
 Солсбери 353, 411
 Сомалья 250
 Софья 112, 114, 115, 117, 118
 Станевский, Максимилиан 323
 Станиславская, А. 186
 Сташевский, Ю. 382, 441
 Степанова, М. 236
 Стефан I (Иштван) 36
 Столыпин, П. А. 462, 463, 467, 470
 Сторожев 455
 Стояловский, Станислав 425
 Строганов, П. А. 294
 Стурдза, А. С. 20, 235—237, 252, 292
 Сюньер 66
- Тарнасси 395, 407, 408, 416, 484
 Тейнер, А. 20—22, 29, 118, 171, 271, 272, 287, 291, 320
 Теодорович 444
 Терлецкий, Мефодий 88
 Тишавский, Тобнаш 118, 119
 Толбузин, Семен 43
 Толстая-Бахматьева, Софья 392
 Толстой, Д. А. 21, 22, 144, 150, 158, 248, 251, 316, 340, 355, 356, 362—363
 Томара, В. С. 213
 Трайнин, И. П. 427
 Траханиот, Георгий 38
 Тредиаковский, В. К. 138
 Трубецкой, С. П. 256
 Тургенев, А. И. 29, 46, 77, 78, 87, 89, 90, 92—102, 141, 148, 248
 Тюиль 234, 235, 239, 241, 250
 Тютчев, Ф. И. 294, 295, 300
- Уваров, С. С. 29, 278
 Урусов 335

Фаллмерайер, Ж. Ф. 20
 Федор Алексеевич 112
 Федор Иоаннович 81
 Федоров, В. А. 299
 Федоров, Л. 455, 456
 Фелинский, Сигизмунд Феликс
 307, 308, 311, 318, 320
 Фердинанд I 361, 494, 495
 Феррата, Доменико 483—486
 Феррери, Захария 54, 55
 Ферретти, Габриель 289
 Феслер, Аврелий Игнатий 249
 Фесль, М. И. 291
 Фиалковский, Антоний 328
 Фикельмон, Карл Людвиг 259
 Филарет 299
 Филипп (митроп. московский)
 42
 Филипп II 66
 Фиоравенти де Альберто 43
 Фонвизин, Д. И. 187
 Форст де Баталья, О. 113
 Фотий-Петр Никитич Спас-
 ский 252
 Франко, И. 426
 Франц I 268
 Францелин, Иозеф 343
 Франц-Иосиф I 296, 297, 343,
 434, 452, 454, 457, 465, 477,
 482, 490, 496, 503
 Франц Фердинанд 466, 476, 479
 Фроловский, А. В. 136
 Фрювирт, Андреас 487

 Хвостов, В. М. 348, 349
 Хергенротер, И. 22
 Хжан, Франц 176
 Хомяков, Д. С. 386, 458
 Хороманский, Станислав 268
 Худаль, А. 432

 Цветаев, Д. 142

 Чаадаев, П. Я. 21, 267, 268,
 300, 301, 392
 Чарторийский, Адам 219, 271,
 281, 282, 286
 Чарыков, Н. В. 109, 401, 402,
 406, 407, 412, 415, 417, 418,
 425
 Чентурионе, Паоло 55, 56, 58
 Чепин 458
 Черневич, П. 160, 163, 166,
 171, 172, 180

Чернышевский, Н. Г. 302
 Чессен 418, 419
 Читус, Франческо 60
 Чолек, Эразм 54, 55

 Шапиро, А. 200
 Шафиров, П. П. 146
 Шевалье д'Огар 186
 Шевригин, И. 71
 Шейнман, М. М. 28, 32, 382,
 401, 402, 421, 424, 434, 442,
 449, 454, 494, 495, 498
 Шеллинг, Фридрих Вильгельм
 267
 Шелль, Герман 435
 Шенберг, Дитрих 51, 52
 Шенберг, Николай 51, 52, 58
 Шенк, Бернгард Теодор 132,
 133
 Шептицкий, Андрей 448, 452—
 454, 458—468, 490—494
 Шереметев, Б. П. 69, 123, 124,
 128
 Шёнбург-Гартенштейн, Иоганн
 475, 479, 480, 482, 485, 503
 Шиллинг 438, 449, 467, 471
 Шильдер, Н. К. 281
 Шиман, Теодор 500
 Шиманский 304
 Шлегель, Фридрих 20, 234,
 237, 238, 243, 255
 Шлёцер, Карл 350, 362, 363
 Шлоссер, И. Ф. Г. 20
 Шмидлин 456
 Шмидт, Герман 116
 Шмүрло, Е. Ф. 22, 24, 30, 31,
 39, 41, 46, 49, 50, 52, 53, 57,
 59, 68, 74, 89, 109, 116, 123—
 125, 129, 427, 449
 Шодорди 353, 360, 373—375,
 411
 Шпот, Игнатиус 123
 Шпүлер, Б. 27
 Штадлер, Иозеф 473
 Штакельберг, Густав 232, 317,
 324
 Штейнман, Ф. 405, 434
 Штёкер 446
 Штросмайер, Иосиф Юрий 342
 Штүперих, Роберт 27
 Шувалов, Иван 152
 Шуйский, Василий 97—99,
 101, 102

Эдуард VII 375, 420
Эймарт, Георг Кристоф 181
Энгельс, Ф. 286, 290, 303, 332,
388
Эренталь 385, 447, 450
Эрцбергер, Матиас 488, 489,
496

Юбер, П. 22
Юберсбергер, Х. 83

Юлий II 48, 59
Юсупов, Н. Б. 177

Яворский, Стефан, 137, 138,
143
Якобини, Луиджи 335—338,
352
Янкович Ф. И. 181
Яцковский 500

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Предисловие автора	17
Введение	19
Глава I. Папство в эпоху Возрождения	33
Глава II. Папы периода контрреформации	63
Глава III. Папская дипломатия в годы интервенции XVII века в России	89
Глава IV. Возобновление отношений между папством и Россией	106
Глава V. Петр I и папство	119
Глава VI. Екатерина II и папство	150
Глава VII. Папа Пий VI и Павел I	195
Глава VIII. Новые попытки добиться сотрудничества папы с самодержавием	219
Глава IX. Священный союз. Царь и папа	233
Глава X. Николай I. Польша и папы	255
Глава XI. Конкордат России с папством	273
Глава XII. Папа Пий IX. Польша и Александр II	296
Глава XIII. Расторжение конкордата и Ватикан	316
Глава XIV. Борьба папы Льва XIII за расположение царей	331
Глава XV. Переговоры папы Льва XIII с царем	364
Глава XVI. Вокруг учреждения нунциатуры в Петербурге	397
Глава XVII. Пий X и Николай II. Первая буржуазная революция в России и первая мировая война	428
Глава XVIII. Папа Бенедикт XV и последний Романов	483
Заключение	513
Условные сокращения	516
А. Источники и архивы	516
В. Важнейшая литература	518
С. Периодика	522
Указатель имен	525

Э. В н т е р
ПАПСТВО И ЦАРИЗМ

Редактор *Л. З. Полякова*
Художник *М. В. Борисова-Мусатова*
Художественный редактор *И. И. Каледин*
Технические редакторы *А. Д. Хомяков, А. В. Грушин*
Сдано в производство 25/I 1964 г.
Подписано к печати 29/IV 1964 г.
Бумага $84 \times 108 \frac{1}{32} = 8,4$ бум. л. 27,5 печ. л.
Уч.-изд. л. 28,8. Изд. № 6/1656
Цена 1 р. 95 к. Зак. 65
(Тематический план 1964 г. изд-ва ИЛ, пор. № 192)

* * *

ИЗДАТЕЛЬСТВО «П Р О Г Р Е С С»
Москва, Зубовский бульвар, 21

* *

Московская типография № 20
Главполиграфпрома
Государственного комитета
Совета Министров СССР по печати
Москва, 1-й Рижский пер., 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

ВЫЙДУТ В СВЕТ КНИГИ ПО ЭКОНОМИКЕ

ГЕДВИДЗЬ Я. АФРИКА (заметки экономиста). Варшава, 1962, перевод с польского, 11 изд. л., цена в переплете 18 коп.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖАТ АВСТРИЙСКИЕ ФИРМЫ. Вена, 1962, перевод с немецкого, 4 изд. л., цена 24 коп.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В ИТАЛИИ (материалы конференции, организованной Институтом им. Грамши). Рим, 1962, перевод с итальянского, 14 изд. л., цена в переплете 99 коп.

ОГРАБЛЕНИЕ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ФИНАНСОВЫМ КАПИТАЛОМ. Берлин, 1963, 3 изд. л.

ФАКТЫ О ПОЛОЖЕНИИ ТРУДЯЩИХСЯ В США. Нью-Йорк, 1963, перевод с английского, 13 изд. л., цена в переплете 98 коп.

ГЮНДЕЛЬ Р., ХЕЙНИНГЕР Х., ЦИШАНГ К., ХЕСС Х. НЕУСТОЙЧИВОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ. Берлин, 1963, перевод с немецкого, 16 изд. л., цена в переплете 1 р. 15 к.

РОШЕ В. ТРУЖЕНИКИ ПОЛЕЙ. Париж, 1963, перевод с французского, 20 изд. л., цена в переплете 1 р. 40 к.

ЧЬЮНГ-ЧУНГ-ТХЫ и НГУЕН-МАНЬ-ДЕ. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА АМЕРИКАНСКИХ НЕОКОЛОНИЗАТОРОВ В ЮЖНОМ ВЬЕТНАМЕ. Ханой, 1962, перевод с вьетнамского, 11 изд. л., цена 66 коп.

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ

ХЭДИ Э., ДИЛЛОН Д. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ. Айова (США), 1961, перевод с английского, 40 изд. л., цена в переплете 2 р. 60 к.

МИНЦ Б. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ СОЦИАЛИЗМА. Варшава, 1963, перевод с польского, 31 изд. л., цена в переплете 2 р. 06 к.

БОМОЛЬ У. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ ОПЕРАЦИЙ. Нью-Йорк, 1961, перевод с английского, 30 изд. л., цена в переплете 2 руб.

ФОРРЕСТЕР ДЖ. ДИНАМИКА ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ (кибернетика в управлении предприятиями и отраслями промышленности). Лондон — Нью-Йорк, 1961, перевод с английского, 35 изд. л., цена в переплете 2 р. 25 к.

КУНЬЯЛ А. ОЧЕРКИ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ. Перевод с португальского, 21 изд. л.

МОТ Ж. СТАТИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДВИДЕНИЯ И РЕШЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИИ. Париж, 1962, перевод с французского, 34 изд. л.

ДАНЦИГ Дж. ЛИНЕЙНОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ, ЕГО ОБОБЩЕНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ. Нью-Йорк, 1963, перевод с английского, 38 изд. л.

ХЭДЖЕС Т. ЭКОНОМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА НА ФЕРМАХ. США, Прентис-Холл, 1963, перевод с английского, 30 изд. л.

ХАНСЕН Б. КОНТРОЛЬ КАЧЕСТВА (теория и применение). США, Прентис-Холл, 1963, перевод с английского, 30 изд. л.

ВЫШЛИ В СВЕТ

КРЕМКЕ К., РУЖИК Л. КОНЦЕНТРАЦИЯ, СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ, КООПЕРИРОВАНИЕ И КОМБИНИРОВАНИЕ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ ГДР. Берлин, 1961, перевод с немецкого, 25 изд. л., цена в переплете 1 р. 70 к.

ЛАНГЕ О. ВВЕДЕНИЕ В ЭКОНОМЕТРИКУ. Варшава, 1962, перевод с польского, 17 изд. л., цена в переплете 1 р. 17 к.

РАЗРАБОТКА ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. Бангкок, 1961, перевод с английского, 11 изд. л., цена в переплете 81 коп.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
30	19 снизу	период окна XVIII — начала XIX в. ³	период конца XVIII — начала XIX в. ³
97	4—5 сверху	Коронование Марины царицей (14 мая), возложено на духовную коллегия ³ .	Коронование Марины царицей (4 мая), правительством и папской курией ⁴ .
321	21 сверху	также такой, парадоксальным,	даже такой, парадоксальным,
368	4 сверху		
398	2—3 сверху		
465	24 сверху	и в последующее время ³ .	и в последующее время ² .